

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ • КРИСТОФЕР ФАУЛЕР
ДЖИН ВУЛФ • КИМ НЬЮМАН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ СТИВЕНА ДЖОНСА

ЗАПАХ СТРАХА

КОЛЛЕКЦИЯ
УЖАСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"СЕНТЕНАРИУМ"
МОСКВА

КОЛЛЕКЦИЯ УЖАСА

Под редакцией Стивена Джонса

**РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ
КРИСТОФЕР ФАУЛЕР
ДЖИН ВУЛФ
КИМ НЬЮМАН
и др.**

**ЗАПАХ
СТРАХА**

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
2013

**КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ
3-30

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Первая публикация в Великобритании —
Robinson, an imprint of Constable & Robinson Ltd.

Публикуется по соглашению с издательством
Constable & Robinson Ltd. (Великобритания)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Переведено по изданию:
The Mammoth Book of Best New Horror 18 /
edited by Stephen Jones. — London : Robinson, 2007. — 592 p.

Перевод с английского *Виталия Михалюка*

Дизайнер обложки *Виталия Котляра*
Художники *Андрей Печенежский, Галина Печенежская*

ISBN 978-966-14-5639-5 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2542-3 (Россия)
ISBN 978-1-84529-481-6 (англ.)

© Stephen Jones, 2007
© Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2013
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформле-
ние, 2013
© ООО «Книжный клуб «Клуб
семейного досуга», г. Бел-
город, 2013

Слова благодарности

Хочу поблагодарить Дэвида Барракло, Кима Ньюмена, Майкла Маршалла Смита, Сару и Рэнди Броэкер, Вэла и Лес Эдвардс, Макса Бернелла, Роджера Тернера, а также Уэйна Маклорина (www.sfsite.com), Гордона Ван Гелдера, Питера Кроутера, Мэнди Слейтер, Памелу Брукс, Хью Лэмба, Клаудию Дайер, Тима Лукаса, Брайана Муни, Виолетту Джонс, Аманду Фубистер, Кристофора Уикинга и особенно Пита Данкана и Дороти Ламли за помощь и поддержку.

Лето (Summer) © Al Sarrantonio, 2006. Впервые опубликовано в *Retro Pulp Tales*. Воспроизводится с согласия автора.

Глубоко под землей (Digging Deep) © Ramsey Cambell, 2006. Впервые опубликовано в *Phobic: Modern Horror Stories*. Воспроизводится с согласия автора.

Ночная смена (The Night Watch) © John Gordon, 2006. Впервые опубликовано в *Left in the Dark: The Supernatural Tales of John Gordon*. Воспроизводится с согласия автора.

Роскошь злодеяния (The Luxury of Harm) © Christopher Fowler, 2006. Впервые опубликовано в *The British Fantasy Society: A Celebration*. Воспроизводится с согласия автора.

Стражи (Sentinels) © Mark Samuels, 2006. Впервые опубликовано в *Alone on the Darkside: Echoes from the Shadows of Horror*. Воспроизводится с согласия автора.

Сборщицы шафрана (The Saffron Gatherers)
© Elizabeth Hand, 2006. Впервые опубликовано в *Saffron & Brimstone: Strange Stories*. Воспроизводится с согласия автора.

Что противно природе (What Nature Abhors) © Mark Morris, 2006. Впервые опубликовано в *Night Visions 12*. Воспроизводится с согласия автора.

Последний рил (The Last Reel) © Lynda E. Rucker, 2006. Впервые опубликовано в *Supernatural Tales 10*, 2006. Воспроизводится с согласия автора.

Мертвые американцы (The American Dead) © Joseph E. Lake, Jr. 2006. Впервые опубликовано в *Interzone*, Issue #203, April 2006. Воспроизводится с согласия автора.

Между холодной луной и землей (Between the Cold Moon and the Earth) © Peter Atkins, 2006. Впервые опубликовано в *At the Sign of the Snowman's Skull*. Воспроизводится с согласия автора.

Плач в темноте (Sob in the Silence) © Gene Wolfe, 2006.

Впервые опубликовано в *Strange Birds*.

Воспроизводится с согласия автора и агента автора,
Virginia Kidd Agency, Inc.

Ошибка последовательности (Continuity Error)

© Nicholas Royle, 2006. Впервые опубликовано
в *London: City of Disappearances*. Воспроизводится
с согласия автора.

**Измученный сном пациент доктора Прида (Dr Prida's
Dream-plagued Patient)** © Michael Bishop, 2006. Впервые

опубликовано в *Aberrant Dreams #7*, Spring 2006.

Воспроизводится с согласия автора.

Те, кого мы покидаем (The Ones We Leave Behind) © Mark

Chadbourne, 2006. Впервые опубликовано в *Dark Horizons*,

Issue No.48, Spring 2006. Воспроизводится с согласия
автора.

Встреча (Mine) © Joel Lane, 2006. Впервые опубликовано

в *The Lost District and Other Stories*. Воспроизводится
с согласия автора

Похороны (Obsequy) © David J. Schow, 2006. Впервые

опубликовано в *Subterranean*, Issue #3. Воспроизводится
с согласия автора.

Заброшенный (Thrown) © Don Tumasonis, 2006. Впервые

опубликовано в *New Genre*, Issue Four, Winter 2006.

Воспроизводится с согласия автора.

Дома поглощены волнами моря (Houses Under the Sea)

© Caitlin R. Kiernan, 2006. Впервые опубликовано в *Thrillers 2*.

Воспроизводится с согласия автора.

Они (They) © David Morrell, 2006. Впервые опубликовано

в *Amazon Shorts*, September 2006. Воспроизводится
с согласия автора.

Механический ужас (The Clockwork Horror) © F. Gwynplaine MacIntyre. Впервые опубликовано в *Evermore*.
Воспроизводится с согласия автора.

Делаю полки (Making Cabinets) © Richard Christian Matheson.
Впервые опубликовано в *Masques V*. Воспроизводится
с согласия автора.

Прекрасная дочь Пол Пота (Pol Pot's Beautiful Daughter)
© Geoff Ryman, 2006. Впервые опубликовано в *The Magazine of Fantasy & Science Fiction* No.655, October/November 2006.
Воспроизводится с согласия автора и агента автора.

Улыбка дьявола (Devil's Smile) © Glen Hirshberg, 2006.
Впервые опубликовано в *American Morons*. Воспроизводится
с согласия автора и агента автора, Anderson Grinberg Literary
Management, Inc.

Человек, который сошел с призрачного поезда (The Man who Got off the Ghost Train) © Kim Newman, 2006. Впервые
опубликовано в *The Man from the Diogenes Club*.
Воспроизводится с согласия автора.

*Поздравления
Полу и Мэри
по случаю свадьбы*

Эл Саррантонио

ЛЕТО

Эл Саррантонио — автор более чем сорока книг. Он получил премию Брэма Стокера и неоднократно становился финалистом Всемирной премии фэнтези, Британской премии фэнтези, премии Международной гильдии ужасов, премии «Локус», премии «Шамес» Американской организации авторов детективов о частных сыщиках.

Писатель работает в таких жанрах, как хоррор, научная фантастика, фэнтези, детектив и вестерн. Среди его романов — «Лунное проклятие», «Скелеты», «Дом с привидениями», трилогия «Пять миров», «Повелители Марса», «Оринджфилд, западный Техас», «Канун Дня всех святых» (последние два входят в его цикл о Хэллоуине). Названный изданием «Буклист» «мастером составления антологий», он редактировал такие заметные сборники, как «999: новые рассказы ужаса и саспенса», «Красное смещение: самое необычное из спекулятивной фантастики» и «Полет: самое необычное из фэнтези».

Рассказы писателя публиковались в журналах «Тяжелый металл», «Сумеречная зона», «Журнал научной фантастики Айзека Азимова», «Миры фэнтези», «Аналог» и «Удивительное», а также в антологиях «Ежегодник лучших рассказов в стиле хоррор», «Фэнтези: рассказы мастеров», «Великие истории о привидениях» и «Лучшее из мира теней».

В скором времени в издательстве «Cemetery Dance Publications» выйдут новый сборник рассказов ужасов «Хэллоуин и другие времена года», лимитированное издание романа «Лунное проклятие» и «Хэллоуинленд», новый роман из серии «Оринджфилд», который будет также выпущен в мягкой обложке издательством «Leisure Books». Сейчас Эл Саррантонио живет с семьей в историческом районе Нью-Йорка Гудзон-Вэлли.

«Насколько я могу судить, — признается Саррантонио, — “Лето”, этот скромный знак уважения Рэю Брэдбери, затрагивает одну из очень многих идей, так и не раскрытых Брэдбери в те дни, когда он сотрудничал с журналами “Странные рассказы” и “Захватывающие чудесные истории”, а именно: что, если лето придет и останется навсегда? Конечно, нельзя сказать, что он вовсе не касался этого времени года. Его “Ракетное лето” и “Все лето в один день” (вы можете заметить неуклюжий и не прямой парафраз этого названия в первом предложении моего рассказа) — прекрасные воспоминания о теплых месяцах года. Как бы то ни было, мне хочется думать, что в моем рассказе сохранилось хоть немного остроты и горчинки стиля старого мастера. Быть может, если бы эта идея пришла в голову самому Рэю, его история вышла бы чем-то похожей на мою».

Этот день был прекрасен, как будто в него уместилось все лето. Сухой жар поднимался из трещин на тротуарах и, слегка мерцая, колыхал растущую в них коричневую траву. В застывшем воздухе висела тишина, солнце светило раскаленной монетой с бледного безоблачного неба, неподвижные зеленые листья, иссушенные и обожженные, томились от безветрия.

Вращающиеся оконные вентиляторы гнали раскаленный воздух с улицы в комнаты. Газеты шуршали страницами на кухонных столах, пока над ними пролетал искусственный ветерок, да так и замирали, горячие, никем не прочитанные. Тарелки, оставшиеся после завтрака, были позабыты на столе, тарелки с несъеденным обедом (скукожившийся черный хлеб, пожухлые листья салата, сухая, как бумага, клякса горчицы) стояли рядом. Утренний кофе, заваренный в двух кружках, от дневной жары все еще был тепловат.

— Фух, Мейбл, ну и жарища. — Джордж Мэдоус сидел в кресле, развалившись, как наевшийся до отвала человек. Рубашка и брюки его были расстегнуты, но не из-за переедания, а из-за жары.

Мейбл, его жена, лежавшая без сил на соседнем диване в халате с узором из пожухлых подсолнухов, которые в вялом диссонансе сливались с потертыми маргаритками на обивке дивана, попыталась что-то сказать и не смогла. Продолжая слабо обмахивать себя журналом в правой руке, она сделала еще одну попытку.

— Обычная... жара, — удалось вымолвить ей хриплым голосом, после чего она закрыла глаза, чтобы предотвратить дальнейшие замечания.

— Да, — слабо произнес Джордж, тоже закрывая глаза. Он всегда вставлял последнее слово и сейчас не смог промолчать. Собравшись с силами, он добавил то, что Мейбл и так было прекрасно известно: — По радио сказали, что может стать еще жарче.

Трое двенадцатилетних парней ненавидели лето.

Так было не всегда. Когда-то лето принадлежало им. С первого дня каникул до той минуты, когда снова раздавался жуткий школьный звонок, они распоряжались летом, как его хозяева. Были бейсбол, и теннис, и мини-гольф, и игра в шарики в горячей пыли. Была охота на бабочек, и были монархи с оранжево-черными крыльями, огромные, как птеродактили, и почти столь же неуловимые. Были походы к секретному озеру с кувшином, были капли озерной воды и микроскоп Лема для рассматривания живущих в них амёб. Они плескались с утра до самого вечера, и на закате из озера выползли раскисшие от воды существа, сморщенные, как изюм, чтобы обсохнуть и отдохнуть в последних лучах солнца. По ночам был телескоп Монка, огромная сухая холодная луна, проплывающая через окуляр, как рябой воздушный шарик, и Сатурн, висящий молчаливо и величественно внутри золотого кольца. Были ночевки во дворе, и была палатка Шепа, освещенная изнутри, но не светлячками, а фонариками мальчиков, читающих комиксы. Был запах «Стерно» и теста для оладий на следующее утро. Был металлический привкус теплой воды в скаутских флягах.

Лето было их временем, временем вдали от учебников и грозящих пальцев родителей, временем мальчишек. И в этом году оно началось так же, как всегда: тетради в черно-белых обложках засунуты подальше, карандаши заброшены под кровати в комки пыли, школьные формы спрятаны в самую глубину гардеробов.

А потом хватаешь промасленную, пахнущую кожей бейсбольную перчатку и айда на двор! В начале лета было все: грязные кеды, короткие штаны, росистое утро, уступающее место свежей дневной жаре, вечерние грозы, распугивающие игроков теплыми и большими, размером с игральный кубик, каплями, неожиданная прохлада, заставляющая зябко поеживаться. Озеро, еще озеро и еще больше озера; ночная прохлада; резкий холодный вкус мороженого и колы из бутылки в ведерке со льдом, горячая сосиска, источающая пар из-под кучки тушеной капусты. Кино в автокинотеатре из грузовичка дяди Джеда, в котором двое прятались под брезентом.

Утром, днем и вечером это было лето.

Настоящее лето.

Пока

что-то...

не начало меняться...

Первым это заметил Шеп, когда они сидели в домике на дереве днем где-то в середине августа. Они как раз закончили меняться карточками с бейсболистами и взялись спорить, сколько карточек (только парных!) нужно прицепить к спицам велосипеда, чтобы они начали трещать, при этом продолжая другой спор о том, кто из девочек красивее, Маргарет О'Херн

или Энджи Бернстайн, когда Шеп вдруг поднял голову и принялся, точь-в-точь как собака. Нога, просунутая в одну из многочисленных дыр в полу, прекратила качаться, как маятник, и замерла.

— Ты чего? — спросил Лем, а Монк, нахмурившись, оторвался от нового выпуска «Склепа ужасов».

— Выключай мозг, Шеп, — недовольно буркнул Монк. — Сейчас лето.

— Только из-за того, что ты не хочешь говорить о девчонках, или о волосатых ногах, или о... — начал было Лем, но осекся, когда посмотрел на лицо Шепа.

— Что-то не так, — промолвил Шеп, оставаясь в позе пойнера, почуявшего дичь.

Лем хохотнул, но тут же замолчал, увидев серьезные глаза Шепа. Шепотом он произнес:

— Что значит «не так»?

Шеп, не шевелясь, сказал:

— Разве ты не *чувствуешь*?

Монк, решительно тряхнув головой, вернулся к комиксу, но на лице Лема появилось озабоченное выражение.

Шеп никогда не ошибался в таких вещах.

— Я... ничего не чувствую... — еле слышно промолвил Лем.

Лениво, не отрывая взгляда от «Склепа ужасов», Монк пихнул ногой кед, и тот упал на голень Лема. Комок рыжей грязи отвалился от рифленой подошвы и стек по его голой ноге.

— Ну что, чувствуешь что-нибудь, Лемник?

— Тихо! — резко произнес Шеп, и это была не просьба.

Двое других мальчиков замолчали, и Монк наконец сел, без труда найдя задом самую большую дырку в полу, которую они называли — разумеется! — «сортир».

Нечто вроде легкого шипения, что-то похожее на жуткий стрекочущий звук, который издают цикады, прошелестело мимо его уха и скользнуло по щеке, хотя ни единое дуновение ветра не шелохнуло горячий утренний воздух.

— Что это?..

— Становится жарче, — просто сказал Шеп.

— Может, открылась Адская пещера? — засмеялся Монк, но никто его не поддержал.

Днем было слишком жарко, чтобы купаться. Так продолжалось и следующие три дня. Они покинули кривобокий домик на дереве, изготовленный из досок разного размера и кое-как сколоченных разрисованных оранжевых ящиков, и переместились в подвал Монка, где было сыро, но прохладно.

Еще никогда не бывало настолько жарко, чтобы нельзя было сходить на озеро.

Никогда.

Они перечитали всю коллекцию комиксов Монка, покрывшихся плесенью от долгого хранения в подвале. Из досок, слишком плохих даже для домика на дереве, Монк соорудил в углу лабораторный столик, и они принялись возиться с химическим набором, чтобы сделать такие штуки, которые сначала желтые, а потом становятся красными, и другие, из которых дым идет. Они поиграли с рогатой антенной старинного телевизора, огромного деревянного ящика с крошечным,

размером с книгу, черно-белым экраном, и настроили канал фильмов про чудовищ. Какое-то время сквозь полосы и снежок на экране они наблюдали за тем, как человек с планеты Икс буйствует в шотландских болотах. Потом Монк принес миску винограда. Часть ягод они съели, а остальными принялись стрелять друг в друга, кладя их в рот и хлопая по щекам, чтобы виноградинки вылетали, как снаряды из пушки.

Но все это время они невольно косились на окна подвала, за которыми был свет и была жара.

— Может, нам все равно пойти искупаться? — наконец предложил Монк на второй день.

Пройдя полдороги до секретного озера, истекая потом и задыхаясь, они повернули обратно.

Солнце на небе сделалось еще горячее и даже как будто больше.

Вернувшись в подвал, поиграли в дартс, потом выстроили рядами пластмассовых солдатиков и посбивали их стеклянными шариками и резинками.

Пока Лем и Шеп разговаривали о запахе пота из-под мышек и о бритье, Монк сидел насупившись.

И каждую минуту в течение этих трех дней их взгляды устремлялись на окна подвала высоко под потолком, наполненные светом и закрытые, чтобы не пропускать летнюю жару.

В ту ночь они взяли на секретное озеро телескоп Монка, палатку Шепа и радио отца Лема.

Радио транслировало музыку и рассуждения о жаре. Воздух был сухим и горячим, как в духовке. С безоблачного неба усмехалась Луна, наклонившаяся под каким-то странным углом, а через некоторое время

в темноте появились и звезды, но в раскаленном воздухе они казались далекими и тусклыми. Телескопом они так и не воспользовались. Мальчики немного поплавали, но за эти три дня вода в озере так нагрелась, что сделалась похожей на теплый чай. Внутри палатки было так же жарко, как снаружи, и, пытаясь заснуть, они долго беспокойно ворочались. Когда решили почитать комиксы, фонарики быстро потускнели, а потом и вовсе погасли.

В темноте Лем попытался снова заговорить о Маргарет О'Херн с Энджи Бернстайн и о том, как Шеп тоже запишется в их легкоатлетическую команду, когда осенью они перейдут в среднюю школу, но Монк велел ему заткнуться.

Потом совершенно неожиданно Шеп произнес:

— Что думаете об Адской пещере?

— А что пещера? — фыркнул Монк. — Думаешь, она правда ведет в ад?

— Так говорят.

Лем, помолчав, сказал:

— Думаешь, из-за нее жара не заканчивается?..

— Хотел бы я знать, — ответил Шеп.

— Ты что, и впрямь думаешь... — начал Лем.

— Спи! — прервал его Монк.

Утром стало еще жарче.

Над деревьями поднялось солнце цвета топленого масла. Монк поставил маленькую сковородку на две банки «Стерно», но никто не хотел есть, поэтому он даже не стал готовить завтрак. Воду из фляг вылили, потому что на вкус она была, как жидкий алюминий.

Жара усиливалась.

«Сегодня на градусниках девяносто девять градусов¹, — щебетало радио, — и кто знает, что будет завтра? Напомню, что ночью температура опустилась всего до восьмидесяти девяти. Надеюсь, ваши вентиляторы работают на всю мощность или у вас под рукой есть холодильник, куда можно засунуть голову!»

Далее диктор поведал, что бюро погоды не известно, почему установилась такая жара.

— Как это им не известно? — удивился Шеп. — Разве они не должны этого знать?

И словно в ответ жизнерадостный голос из радио произнес: «Судя по всему, друзья, эта жара не связана с погодой! Если верить метеорологическим показателям, сейчас должно быть около восьмидесяти с половиной градусов тепла с умеренной влажностью! Как вам такое?»

— Как вам *такое*! — презрительно скривился Монк.

Радиоголос, снова как будто в ответ, прошептал перед самым началом рекламы: «Друзья, только представьте, а что если прохладно уже *никогда* не станет?»

Шеп посмотрел на друзей, и лицо его вдруг сделалось мрачным.

— Может быть, он и прав, — промолвил он.

Дождя не было следующие несколько дней. Темные грозовые облака собирались на западе, обещая прохладу и влагу, но, надвигаясь, разваливались на части и растворялись, как дым из трубки в высоком голубом небе. Трава из ярко-зеленой стала грязно-коричневой, ровные прямоугольные газоны за одну ночь изменили

¹ 37,55° С. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

цвет и умерли. В городе немногие оснащенные системами кондиционирования воздуха заведения (универмаг «Фербер» и магазин «Полезные мелочи» с новеньким кондиционером, угнездившимся над входной дверью и поливающим входящих посетителей теплой водой из плохо установленного конденсатора) были забиты людьми, которые ничего не покупали, а лишь бродили, как зомби, между стеллажами, ища прохлады. Температура перевалила за сотню днем и по ночам опускалась градусов на десять. На дорогах брошенные машины с открытыми капотами и недовольно шипящими радиаторами приткнулись к тротуарам, напоминая доисторических рептилий. Похожие на бронтозавров пустые автобусы замерли без движения на остановках, зевая распахнутыми дверями на пустые белые скамейки.

Птицы перестали петь, утром было жарко, как в полдень. Собаки тяжело дышали в будках. Комары исчезли, а мухи неподвижно висели на оконных сетках. Пауки не выползали из темных уголков.

Вода из холодных кранов исходила паром.

Температура поднялась еще выше.

Трое двенадцатилетних парней совершили еще одно паломничество к секретному озеру. Им до смерти надоел подвал Монка, они поставили все опыты, перечисленные в руководстве химического набора, и даже по глупости начали наобум смешивать реактивы, пока из очередной кучки не повалил рыжий удушливый дым, от которого им пришлось убежать вверх. Все равно в подвале было уже слишком жарко, хоть с закрытыми окнами, хоть с открытыми. Холодильник на кухне Монка

гудел, как недовольный робот, его дверь распахнули, чтобы хоть немного остудить воздух. Молоко прокисло, и его неприятный запах смешался с кислой вонью гниющих овощей. В раковине громоздилась гора немытой посуды. Радио жужжало надоедливym насекомым. Родители Монка уехали в «Полезные мелочи» остудиться кондиционером.

«...и даже жарче. Температурные рекорды побиты не только в Соединенных Штатах, но также в Европе и Азии... — вещало радио, хотя голос ведущего звучал уже не так жизнерадостно, почти устало. — Местные власти убедительно просят всех склонных к тепловым ударам...»

Монк с Шепом собрали все продукты, которые нашли, взяли палатку Шепа, которая валялась, кое-как свернутая, в углу, и отправились на озеро.

«Уже зафиксировано сорок смертельных случаев...» — трагическим голосом сообщило радио, прежде чем за ними захлопнулась дверь.

Это было все равно что идти по печи в хлебопекарне. Жару источали не только земля и воздух, но и все, что было вокруг. Они чувствовали ее ступнями через подошвы кедров, коленями, веками. Волосы на их головах стали горячими. В воздухе не было ни капли влаги.

Шеп посмотрел на солнце, и глаза сразу же заболели.

— Мне все равно, насколько теплая вода, — сказал Монк. — Хуже не будет.

Было. Добравшись до озера и начав раздеваться, они увидели, что от воды поднимается пар, в ней плавают мертвые рыбы, похожие на плоские пластиковые игрушки.

— Ну и ладно, — сказал Монк, ступил в воду и взвыл.

С ужасом на лице он повернулся к друзьям и показал им покрасневшую ногу.

— Тут правда горячо! — воскликнул он.

Лем сел на землю и взялся руками за голову.

Монк дрожащими руками начал снова натягивать на себя одежду.

Шеп убежденно сказал:

— Кто-то украл наше лето. Мы пойдем в Адскую пещеру и вернем его.

— А? — произнес слабый голос у кухонного стола. Джордж Мэдоус смотрел на пар, поднимающийся над наполовину пустой чашкой кофе. Кофе он налил себе полтора часа назад, но тот все еще не остыл.

Он поднял руку, чтобы взять чашку, посмотрел на оставшееся на столе пятно пота и снова опустил руку.

— Мейбл? — позвал он сухим скрипучим голосом.

Вентилятора слышно не было, и, когда Джордж Мэдоус с трудом повернул голову, он увидел, что халат жены выглядит так, будто он тает вместе с ней, впитываясь в диван. Ее правая рука все еще сжимала журнал, но теперь замерла неподвижно, глаза будто остекленели. Дыхание почти прекратилось.

— Боже... — выдохнул он, закрывая глаза и вставляя последнее слово, хотя она ничего не сказала. — Стало еще жарче...

Трое двенадцатилетних парней стояли перед укрепленным гниющими бревнами входом в пещеру. С ними была ржавая красная тележка Монка, наполненная, как фургон пионеров Запада, всякими нужными и полезными вещами: радио; два фонарика с новыми батарейками

(работал один из них); три пачки овсяных хлопьев; шесть комиксов (без повторов); большой термос чая со льдом; четыре жестяные банки теплой крем-соды; моток веревки для сушки белья, украденный со двора матери Лема; крысоловка, из-за которой они по дороге долго смеялись («А что, если там крысы будут?» — настаивал Лем. «Может, сразу гориллы?» — возражал Шеп. В конце концов Шеп устал спорить и просто бросил крысоловку на общую кучу); игрушечный пистолет; кухонный нож с поломанной ручкой; распятие; Библия. Последние два предмета добавил Шеп, сказав: «Мы же будем спускаться *туда*» и не пожелав слушать возражений.

Вошли.

В пещере было темно и, по сравнению с открытым пространством, почти прохладно, но, чем дальше они шли, тем становилось темнее и жарче. Тела мальчиков покрылись потом, но они не замечали этого. Им встретился поворот налево, за ним крутой подъем, на котором не оказалось ничего интересного, а потом они вышли к обрыву, окружившему их настоящей темнотой и заставившему остановиться.

Лем, тащивший тележку, порылся в куче вещей, достал неработающий фонарь, потом раскопал исправный и вручил его Шепу.

Включив фонарь, Шеп обвел лучом лица друзей.

— Что, трусили? — спросил он.

— Может, останемся здесь на ночь? — предложил Лем.

Шеп взглянул на часы, посветив фонариком на руку.

— Сейчас только два часа дня!

Посмотрев назад, они увидели круто уходящий вниз склон, на дне которого лежал круг света, казавшийся горячим и далеким.

— Я есть хочу, — сказал Монк.

— Позже, — отрубил Шеп и направил луч вперед.

Перед ними были темнота и почти отвесный спуск. Монк и Лем пошли вперед вслед за лучом.

После двадцати минут спуска, которые показались им бесконечными, черная ручка тележки выскользнула из потной руки Лема. Тележка с грохотом понеслась вниз.

— Берегись! — крикнул он. Монк с Шепом едва успели отпрыгнуть в стороны, пропуская тележку.

Какое-то время раздавался удаляющийся в земные недра грохот, потом он стих, и снова наступила тишина.

— Зачем ты сказал, чтобы мы отошли? — накинулся на Лема Шеп. — Мы же могли остановить ее!

— Ничего, мы ее найдем, — вставил Монк.

— Извините... — промямлил Лем.

— Ладно. Монк прав. — Луч фонаря снова устремился вперед, и они продолжили спуск.

Прошло два часа. Лему хотелось пить, а Монку — сделать привал, но Шеп упрямо шагал вперед. Теперь здесь было, пожалуй, даже жарче, чем снаружи, и Лем, тяжело дыша, наконец робко спросил:

— Думаешь, мы почти... там?

— Ты хочешь сказать, в *аду*? — ответил Шеп и добавил: — Если мы там, то у нас больше нет распятия, и защищаться нам нечем. Оно уехало в тележке.

Монк фыркнул. Шеп раздраженно направил луч фонарика на него, и в ту же секунду свет потух.

— О-о-о, — захныкал Лем.

— Тихо, — приказал Шеп. — Наверно, батарейка отошла.

Они услышали, как он в темноте потряс фонариком, но тот не загорелся.

— Может, крышка ослабла...

Они услышали металлический щелчок и звук рассыпавшихся по полу частей фонарика.

— Ну вот! — протянул Монк.

— Помогите собрать! — приказал Шеп, но теперь в его голосе звучали нотки отчаяния.

— Я слышу крыс! — вдруг воскликнул Лем, и все замерли.

Что-то быстро проскользнуло и зашуршало в темноте перед ними.

— Опускайтесь, давайте фонарик собирать, — сказал Шеп, и несколько минут слышалось только испуганное дыхание, хлопанье и шуршание ладоней по земле.

— Нашел стекло! — неожиданно воскликнул Шеп.

— А вот отражатель, — прибавил Монк.

— А что, если тут крысы ползают? — испуганно произнес Лем, но Шеп не обратил внимания на его слова.

— Осталось найти крышку и одну батарейку. Вторая осталась внутри.

— Нашел батарейку! — раздался через пару секунд ликующий голос Монка.

— А я не могу найти крышку, — упавшим голосом отозвался Шеп.

— Говорю вам, тут крысы! — едва сдерживая слезы, пролепетал Лем.

— Тоже не нахожу крышку! — сказал Монк.

Темнота снова наполнилась шуршанием рук и тяжелым дыханием.

Неожиданная вспышка света ослепила их, погасла и ослепила снова.

— Крышка не нужна... Могу пальцем придержать, — сообщил Шеп.

Держа фонарь двумя руками, он навел луч света на друзей. Монк все еще шарил руками по земле, а Лем стоял с закрытыми глазами, прислонившись спиной к стене.

Луч упал вниз, побегал по камням и замер на красном пластиковом кружочке.

— Крышка! — завопил Монк, бросаясь к ней.

— Дай мне! — сказал ему Шеп.

Опять сделалось темно, послышалось сопение, и через миг снова вспыхнул свет.

Друзья стояли, переводя дух.

Через минуту их дыхание успокоилось.

Но шуршащий звук не прекратился.

— Крысы! — закричал Лем и взвизгнул.

Луч фонарика опустился вниз и выхватил из темноты лежащую на боку искореженную красную тележку, коробку хлопьев с прогрызенным углом и длинную жирную серо-бурую крысу, которая, приняхиваясь, засовывала усатую морду в крысоловку.

Раздалось громкое «кляц!», от которого луч фонаря дрогнул, и Шеп в темноте позади услышал нервный смешок Лема.

— Видали?

На ночлег остановились через два часа. Если верить часам Шепа, было десять. Фонарик снова погас, на этот

раз из-за батареек, но Шеп переставил в него батарейки из второго, неработающего фонаря. Они устали, хотели есть, пить и изнывали от жары. Тележка была на ходу, но теперь при каждом повороте передних колес издавала громкий скрип. Ручка у нее погнулась, но Лему удалось ее выправить. Они нашли все, что в ней было, кроме одной банки шипучки, которую Монк благополучно раздавил ногой, как только они двинулись в путь. Теперь Монк источал сильный запах крем-сода, и друзья то и дело над ним подтрунивали.

— Нам на завтра батарейки понадобятся, — с серьезным видом произнес Шеп. Он нашел большое ровное место, где они смогли остановиться, что-то вроде уступа на склоне, за которым не было ничего, кроме пустоты.

Стояла плотная липкая жара, и они чувствовали, что жар поднимается снизу.

— А что будет, когда батарейки сядут? — поинтересовался Лем.

— Нужно экономить, — ответил ему Шеп.

— Но что будет..?

— Не бойся, — сказал Шеп, и в ту же секунду Монк прикрикнул:

— Да заткнись ты, Лем!

В темноте они ели, пили теплую шипучку и чай, в котором не осталось льда, и прислушивались. Но слушать было нечего. Ни крыс, ни гудения огня, ни капающей воды — ничего. Только неошутимый ухом звук нарастающей жары.

— Надеюсь, мы уже близко, — сказал Лем. — Я домой хочу.

— А что ты будешь дома делать? — отозвался Шеп. — Если мы не найдем чего-то здесь...

Остальное осталось недосказанным.

Они сели в тесный кружок вокруг фонарика, как вокруг костра.

Шеп со смешком сказал:

— Эй, а мы ведь так и не договорили об Энджи Бернстайн!

Лем тоже рассмеялся.

— И о том, как у тебя подмышки воняют.

— И о твоих усах! — не растерялся Шеп.

Монк молчал.

— Эй, Монк, — повернулся к нему Шеп. — Ты уже брился?

— А бе-одорантом брызгался? Ты пахнешь, как крем-сода, но еще ты воняешь, как лошадь.

Монк изобразил сонный храп.

— Эй, Монк...

Храп прекратился.

— Отстаньте.

Лем засмеялся:

— Мальчик — крем-сода!

— Мальчик — лошадиная задница! — подхватил Шеп.

Монк ничего не ответил и вскоре захрапел по-настоящему.

Шеп разбудил их в семь по своим часам.

Сначала он не мог двигаться. Было трудно дышать и так жарко, что ему показалось, будто над ним повис паровой утюг. Он понимал, что так жарко быть не должно. Он почувствовал это, почувствовал запах

и вкус жары точно так же, как почувствовал их в домике на дереве.

— Сегодня мы должны найти конец, — мрачно произнес он.

Поели и попили в темноте, как вчера вечером. Теперь они не разговаривали. Лем задыхался, он судорожными короткими вдохами глотал воздух.

— Мы... как будто... в... барбекю... — прохрипел он. — Невозможно... дышать...

Включили радио. По всем волнам раздавалось только шипение, пока вдруг не возникла местная радиостанция. Они услышали голос того же самого диктора, только теперь в нем от веселья не осталось и следа.

— ...сто десять градусов сегодня, дорогие слушатели, — сказал он. — И это первое сентября! Местные пруды высохли, вчера три часа не было электричества. Это происходит повсюду. Ледники тают, а в Австралии, где сейчас конец зимы, вчера температура поднялась до отметки девяносто девять градусов...

Они выключили радио.

— Идем, — сказал Шеп.

Через полчаса заплакал Лем.

— Я больше не могу! — прохныкал он. — Пошли домой. Я хочу поплавать в озере, хочу готовиться к школе. Хочу осенние каталоги посмотреть, и чтобы ночью холодно было!

— Уже мало осталось, — невозмутимо произнес Шеп, хотя ему тоже было трудно дышать. — Мы должны это сделать, Лем. Если у нас получится, может, мы вернем все, как было.

Шеп навел луч фонаря на Монка, который молча тащился впереди.

Свет фонаря начал слабеть, когда они добрались до огромного завала из камней. Не обращая внимания на помеху, Шеп в тускнеющем луче фонаря снял крышку батарейного отсека радио и вытащил батарейки.

Они не подошли по размеру, поэтому он вставил их обратно и включил радио, оставив его шипеть фоном.

Свет фонарика, дрогнув, погас, потом снова загорелся.

— Скорее! — закричал Шеп. — Проверьте с боков, можно ли здесь пройти!

Лем послушно бросился влево, но Монк не двинулся с места.

Шеп нетерпеливо протиснулся мимо него, щелкая кнопкой фонарика и извлекая из него драгоценные желтые лучи.

— Здесь прохода нет, — коротко сообщил с левой стороны Лем.

Шеп, мигая фонарем, отчаянно водил рукой по краю завала, надеясь найти дыру, провал, лаз.

— Ничего... — задыхаясь, слабо произнес он и направил последний луч на Монка. — Может, тут есть трещина? Может, получится обрушить эту стену?

— Здесь нет трещины, — ровным голосом промолвил Монк. — И мы не сможем ее обрушить. — Неожиданно его ноги подкосились, и он плюхнулся на каменный пол пещеры.

Шеп выключил фонарь, включил и стал водить слабым, оранжевым, как тыква, лучом по всему завалу.

— Должна быть...

— Нет никакой Адской пещеры, — таким же лишенным интонации голосом произнес Монк. — Это сказка. Мой отец рассказывал ее мне, когда мне было семь лет. Это обычная шахта, которая выработалась, а потом обвалилась.

— Но...

— Это все из-за *меня*, — безвольным голосом прохрипел Монк. — Жара, бесконечное лето. Это из-за меня.

— Что? — удивился Шеп и подошел к нему. Лем с другой стороны сел на пол.

— Это все я... — повторил Монк.

Лем заплакал, замяукал, как раненый котенок, и снова погас свет. В темноте Шеп принялся щелкать фонариком.

— Я! — яростно воскликнул Монк.

Шеп еще раз нажал на кнопку, фонарик на миг загорелся, как гаснущая свеча, озарив призрачным светом лицо Монка, после чего опять погас.

— Я не хотел, чтобы оно закончилось, — раздался из темноты монотонный шепот Монка. — Я хотел, чтобы оно *никогда* не заканчивалось.

— Чтобы не заканчивалось что? — растерянно спросил Шеп.

— Это лето, — со вздохом просопел Монк. — Которое мы проводили вместе. Я не хотел, чтобы мы... менялись. Ведь мы менялись. Мы разговаривали о девчонках, а не о бейсбольных карточках, о волосатых ногах, а не о комиксах про монстров, о том, как воняют подмышки, а не об озере и телескопе. Раньше мы все делали вместе, а теперь и это начало меняться. Вот поступи-

ли бы мы в среднюю школу, ты захотел бы встречаться с Энджи Бернстайн, а ты занялся бы легкой атлетикой. Потом стал бы встречаться с Маргарет О'Херн, а карточки и комиксы засунул бы в чулан вместе с шариками, палаткой, фляжкой и сачком. Химический набор пылился бы в углу подвала. Я видел, что так будет. Все начало меняться, а я этого не хотел.

— Но как?.. — спросил Шеп.

В крошечной темноте он почти услышал, как Монк пожал плечами, а потом шмыгнул носом.

— *Не знаю*, как я это сделал. Я просто очень хотел. Каждую ночь, когда ложился спать, думал об этом. Каждый день молился. Каждый раз, когда вы с Лемом начинали говорить о девчонках, о волосатых ногах и о бритье, я молился все громче. А потом это как-то случилось. И я не смог все вернуть, как было...

Лем вскрикнул и начал тихо подвывать скрипучим голосом.

Стало еще жарче, а потом еще жарче. Радио, до сих пор работавшее, исторгло приглушенный звук статического разряда и замолчало.

В душной, тесной, невыносимо жаркой пещере фонарь последний раз брызнул тусклым светом, озарив заплаканное лицо Монка.

— Простите меня... — прошептал он.

— Мейбл? — прокаркал Мэдоус.

Он уже почти не мог говорить. Слова с трудом пробивались сквозь раскаленный воздух, который стал еще жарче. Его жена лежала без движения на диване, ее высохшая рука свесилась с края и касалась пальцами упавшего на пол журнала. Халат ее уже окончательно

слился с обивкой дивана, как будто растворился в ней. Вентилятор в окне остановился. Небо сияло. Клубы пара поднимались с пола, из подвала, с земли. Сознание Джорджа вяло отметило запах дыма и огня.

— Мейбл? — позвал он, хотя уже не чувствовал под собой кресла. Он ощущал себя легким, как хлопья пепла, поднимающиеся над костром.

Глаза его нагрелись так, что перестали видеть.

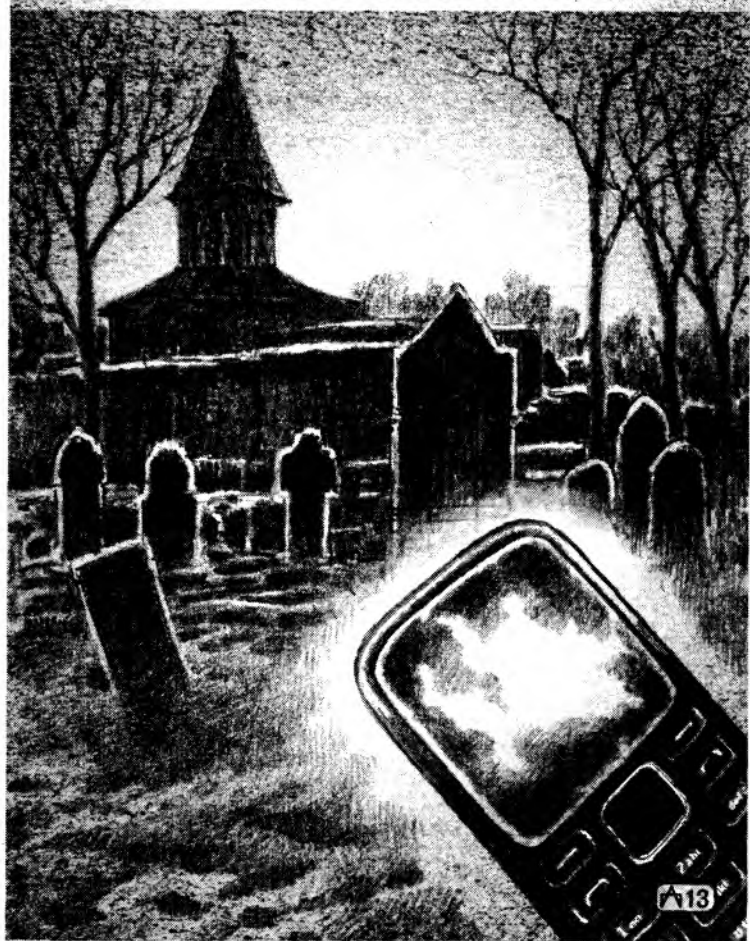
Он сделал последний хриплый глоток обжигающего воздуха, когда мир вокруг него превратился в огонь и бушующее пламя.

И даже сейчас он не смог удержаться и вставил последнее слово. Выпуская из легких остатки воздуха, он надтреснутым шепотом произнес, хотя его уже некому было услышать:

— Да. Совсем жарко.

Рэмси Кэмпбелл

ГЛУБОКО ПОД ЗЕМЛЕЙ

Рэмси Кэмпбелл написал более тридцати романов. Недавно, помимо своих постоянных разделов в журналах «Видеонадзор» и «Все святые», он начал вести рубрику в журнале «Мертвые расчеты».

«Этот рассказ появился из воздуха, а вернее, из эфира, — поясняет автор. — Однажды по Би-би-си Радио 4 в одной из передач упомянули, что многие люди действительно берут с собой в могилу мобильные телефоны, как это сделал мой главный герой. Похоже, это доказывает, что современные технологии в скором времени лишат жанр хоррора одного из самых ярких приемов. Впрочем, порой лучше использовать старую, проверенную временем идею, чем изобретать велосипед. Я только надеюсь, что сумел приблизить ее к современности».

Наверное, это был жуткий сон. По-видимому, настолько жуткий, что Коу во сне сдернул стеганое одеяло и запихнул под себя, — под ним явно был не только матрас. К тому же этот кошмар наполнил его ощущением удушающей беспомощности, заставил почувствовать себя хуже, чем тогда, когда он оставался один в полной темноте. Но он не беспомощен. Даже если приступ ярости помутил его разум, наверное, это убедило семью. Наверное, они привезли его домой — в больнице на койке стеганого одеяла не было.

Кто еще находится в доме кроме него? Возможно, все. Чтобы показать ему, как о нем заботятся. Но он знал, что совсем недавно все было совсем не так. В частной палате у его кровати едва ли хватило бы места для всех. Как только им казалось, что он заснул, они тут же начинали шептаться. А однажды они при нем даже начали обсуждать его похороны. Но теперь они, похоже, оставили его одного, однако ему почему-то казалось, что он окружен толпой. Может быть, это давит темнота?

Это не похоже на его спальню. Он всегда мог определить в темноте знакомое окружение, когда просыпался в ужасе. Ему подумалось, что кто-то (скорее всего, его дочь Симона или сын Дэниел) лишил его света в отместку за то, что он потратил слишком большую часть ожидавшего их наследства на свою частную палату. Он открывал глаза как можно шире, но не видел ничего, кроме темноты. Он открывал рот, чтобы позвать кого-нибудь, велеть отдернуть шторы, но язык тут же снова

прятался обратно за зубы. Сначала нужно разобраться с постелью. Нельзя, чтобы кто-нибудь увидел, как он лежит здесь так, будто приготовился к осмотру. В агонии сна он все одеяло зачихнул под себя.

Одной рукой он взялся за одеяло, другой уперся в мягкую спинку кровати, чтобы приподняться и вытащить из-под себя одеяло. Вернее, таков был его план, а в действительности у него не получилось ухватиться за ткань. Она оказалась более скользкой, чем он рассчитывал, и не поддавалась. Неужели это последняя вспышка ярости отняла у него все силы, или его вес прижимает одеяло к матрасу? Он протянул руки, чтобы найти края, но лишь нащупал пальцами подушки с обеих сторон. Но это не подушки. Это стенки.

Он находился в какой-то большой колыбели. Очевидно, стенки загораживали свет. Наверное, его положили сюда, чтобы он не скатился с кровати. Подобное обращение привело его в ярость. Особенно из-за того, что с ним никто не посоветовался. Он выбросил руки вверх, чтобы взяться за края стенок, подтянуться и позвать кого-нибудь, но кончики пальцев наткнулись на мягкую, но неподатливую поверхность.

Скорее всего, стенки кровати просто немного сходились наверху. Ногти оцарапали впалые щеки, но он все же поднял дрожащие руки. Локти все еще упирались в дно узкого вместилища, когда он обнаружил преграду над лицом. Твердую и скользкую. Он лишь сломал об нее ногти. Колени его дернулись, сошлись вместе и рывком поднялись, но тут же ударились о преграду, после чего трясущиеся ноги несколько раз слабо пнули ее. Ярость его как-то чересчур быстро истощилась, и он какое-то время лежал без движения, как будто темнота была зем-

лей, навалившейся на него. И она находилась очень близко. Оказывается, его семье было наплевать на него даже больше, чем он предполагал. Они уготовили ему встречу с его последним и самым большим страхом.

Может быть, это очередной сон? Как такое могло случиться? Впрочем, как бы ни хотелось мужу Симоны поскорее подписать свидетельство о смерти, Дэниелу тоже пришлось бы в этом участвовать. Мог ли он решить сэкономить на бальзамировании и провести похороны сразу? Спасибо, хоть одел отца в костюм. Правда, карманы, похоже, пусты, как сама смерть.

Впрочем, утверждать этого, не проверив, нельзя. Дрожащие кулаки Коу сжимались у лица, но он усилием воли разжал их и начал хлопать себя по груди. Внутренний карман был пуст, как и другие карманы пиджака. Ощупывая карманы брюк, он с ужасом заметил, до чего истощал. Тело его настолько высохло, что, наткнувшись на выпуклость на правом бедре, он в страхе подумал, что это торчит сломанная кость. Но нет, это что-то в его кармане. Торопясь поднести этот предмет к лицу, он чуть не выронил его. Все-таки кто-то подумал о нем. Он нажал на кнопки, и, прежде чем сердце успело екнуть, загорелся экран мобильного телефона.

Какой-то миг ему даже хотелось, чтобы свет, который он испускал, был не таким ярким, потому что теперь ему стало понятно, как тесно он окружен обитыми тканью стенками. Его плечи от них отделяло расстояние меньше ширины руки, а когда он попытался поднять голову, чтобы оценить длину своего узилища, его лоб ударился о твердую крышку. Вокруг телефона шелковая обивка мерцала зеленью, дальше, ближе к середине ящика, она становилась белесой, как будто это была совсем

другая материя, а в самой глубине, за ногами, она казалась черной, как земля. Он опустил голову на подушку, которой являлось все дно, и изо всех сил постарался не замечать ничего, кроме телефона. Это — единственная ниточка, связывающая его с жизнью, и не стоит паниковать из-за того, что он не помнит ни одного номера. Телефон их вспомнит вместо него.

Костяшки пальцев уперлись в крышку, когда он отодвинул телефон от лица. Экран был слишком близко — все буквы сливались в водянистое размытое пятно. Нужно только найти клавишу, чтобы вызвать сохраненные в памяти телефона номера, и он нажал на нее с такой силой, что чуть не вывихнул палец. Символ, появившийся на светящемся окошке, выглядел бесформенным, как пятно жидкой грязи, но он знал, что это обозначение списка контактов. Он нажал на верхнюю левую клавишу, начиная жалеть, что сохранил номер Дэниела первым, и придвинул трубку к уху.

В трубке — тишина, слышалось только шипение, как будто из нее струйкой высыпалась земля. Хотя в его тюрьме было невыносимо душно, Коу обдало холодом от мысли о том, что он может находиться на такой глубине, где телефон не работает. Он повернулся на бок, чтобы хотя бы на несколько дюймов приблизить телефон к поверхности, но его плечо, не успев принять вертикальное положение, ударилось в крышку. Пока он ворочался, чтобы как-то устроиться в такой позе, в трубке раздались гудки.

Гудки продолжались, когда он рискнул лечь на спину, но ответа не было. Он уже собирался молиться, хотя и сам не знал, кому именно, когда настойчивые гудки вызова оборвались. Ответил не Дэниел. Совершенно безликий голос сообщил Коу, что абонент, с которым он пы-

тается связаться, сейчас недоступен. Он подтвердил номер Дэниела, но уже другим голосом, менее похожим на человеческий. Компьютер перечислил цифры и предложил ему оставить голосовое сообщение.

— Это отец. Да-да, это я. Я жив. Вы похоронили меня живьем. Ты слышишь? Ты слышишь меня? Черт, возьми трубку, ты... Просто возьми трубку. Скажи, что ты вытащишь меня. Перезвони, когда получишь это сообщение. Вытащи меня отсюда. побыстрее.

Это его дыхание заставило свет дрогнуть? Ему отчаянно хотелось продолжать говорить, пока это не заставит кого-нибудь ответить, но нельзя разряжать аккумулятор. Он закончил звонок и нажал следующую за номером Дэниела клавишу. Она должна была вызвать Симону, но в трубке снова слышался тот же записанный голос.

Ему почти казалось, что все это жестокая шутка, да же когда составленный из кусочков голос произносил телефонный номер. Поначалу, когда сообщение закончилось звуковым сигналом, он молчал, но потом, испугавшись, что связь может прерваться, начал лепетать:

— Это я. Да, твой отец. Кому-то не терпелось избавиться от меня. Тебя тоже нет у телефона, или ты боишься ответить? Может, вы все там празднуете? Не хочу портить вам праздник, просто пришли кого-нибудь, кто меня откопает.

Он был близок к истерике. Не такие сообщения нужно оставлять. В его положении он не может позволить себе ссориться с семьей. Неуклюжие пальцы уже отменили звонок — наверняка ведь связь не сама разорвалась. Стоит ли еще раз набрать сына и дочь? Впрочем, есть ведь и друзья, которым можно позвонить. Если бы только припомнить их номера! И тут он понял, что нужно сделать

только один звонок. И зачем он так долго своей семье названивал? Он провел пальцем по светящимся кнопкам, нашел нижний ряд и трижды нажал на девятку.

Едва он успел опустить трубку к уху, как гудок прервался голосом женщины-оператора.

— Экстренная служба, — сообщила она.

Когда она спросила, какая помощь ему требуется, не теряя ни секунды, Коу сказал: «Полиция», но она продолжала задавать протокольные вопросы. «Полиция», — повторил он громче и грубее.

После этого наступила ватная тишина. Не думала же она, что человек в опасности будет задумываться о вежливости, в самом деле? Но он был готов десять раз извиниться, лишь бы она его выслушала. Прежде чем он успел что-то добавить, раздался мужской голос:

— Полиция Глостершира.

— Мне нужна помощь. Вы не поверите, но меня похоронили живым.

Голос его звучал слишком сокрушенно. Его чуть не бросило в истерический смех, когда он пытался понять, какой тон подходит для этой ситуации, но полицейский не молчал:

— Как вас зовут, сэр?

— Алан Коу, — ответил Коу и замолк, пораженный мыслью о том, что это имя должно быть выбито на мраморном камне в шести футах над ним.

— И откуда вы звоните?

Вопрос этот как будто подчеркнул тошнотворное зеленоватое свечение обитых стенок и крышки. Полицейский хочет узнать номер его телефона? Коу ответил.

— А где вы находитесь, сэр? — протрещал голос в самое ухо.

В голову Коу внезапно пришла страшная мысль о том, что дети не просто поспешили с погребением, а по какой-то причине, о которой он даже боялся думать, похоронили его не рядом с женой, а в другом месте. Нет, кто-то из родственников должен был этому воспротивиться.

— Мерси-хилл, — не очень уверенно произнес он.

— Я не расслышал, сэр.

У мобильного садится аккумулятор?

— Мерси-хилл, — прокричал он так громко, что тусклый свет даже как будто мигнул.

— Где именно на Мерси-хилл?

От каждого вопроса осознание того, в каком месте он находится, становилось все отчетливее, и ответы ему приходилось давать все более неприятные.

— Перед церковью. — Он с трудом заставил себя произнести эти слова. — Восьмой ряд. Нет, девятый, кажется. Налево от дороги.

Ответа не было. Наверное, полицейский вносил данные в компьютер или записывал от руки.

— Как долго вас ждать? — Чувство более сильное, чем любопытство, заставило его голос дрогнуть. — Я не знаю, сколько здесь воздуха осталось. Наверняка немного.

— Вы утверждаете, что похоронены заживо на кладбище?

Полицейский говорит так громко, потому что связь слабая?

— Да, это я и утверждаю, — так же громко ответил Коу.

— Предлагаю вам положить трубку, сэр.

— Но вы не сказали, как быстро приедете.

— Лучше надейтесь, что у нас не будет на это времени. Нам и без вас хватает розыгрышей на Хэллоуин.

В один миг силы покинули Коу, дыхание перехватило, что было устрашающе похоже на удушье, но ему с трудом удалось произнести:

— Вы думаете, я вас разыгрываю?

— Я это по-другому назвал бы. Советую вам прекратить. И хватит изображать такой голос.

— Я ничего не изображаю! Вы что, не слышите: я говорю совершенно серьезно! Из-за вас я расходую воздух, вы... Хорошо, дайте поговорить со старшим.

— Предупреждаю вас, сэр, мы можем отследить звонок.

— Отследите! Приезжайте, забирайте меня. — Голос Коу сорвался на крик, но прозвучал как-то плоско, безжизненно. Он разглагольствовал сам с собой.

Связь оборвалась, или это полицейский повесил трубку? Достаточно ли информации он успел дать, чтобы они нашли его? Может, стоит выключить телефон, чтобы не разряжать аккумулятор? Но вдруг при выключенном телефоне полицейские не смогут определить, где он находится? Мысль о том, что придется лежать в полной темноте без света, не зная, придет ли помощь, как будто придвинула стенки и крышку ближе к нему, заставляя задыхаться. Когда он чуть отвел согнутую руку, чтобы надавить на кнопку повтора вызова, загоревшийся зеленый словно опустил раздувшийся потолок еще ниже. А когда он быстро поднес телефон к уху, от этого потолок как будто еще больше приблизился.

Женщина-оператор ответила сразу.

— Полицию, — попросил он, едва она произнесла первое слово. — Переключите на полицию.

Узнала ли она его? По молчанию в трубке невозможно определить. Из нее донеслось такое обрывочное ши-

ление, что он испугался, не прервалась ли связь, но потом другой женский голос произнес:

— Полиция Глостершира.

Какую-то долю секунды ему казалось, что это снова оператор. Однако наверняка женщина-полицейский окажется более отзывчивой, чем ее коллега.

— Это Алан Коу снова, — произнес Коу со всем спокойствием, на которое был способен. — Даю слово, это не шутка. Они похоронили меня, потому что подумали, будто я умер. Я уже звонил вам, но мне не сказали, чего ждать. Я могу надеяться на то, что ко мне кто-то выехал?

Сколько воздуха ушло на то, чтобы это произнести? Он задержал дыхание, как будто этим можно было компенсировать его растрату, хотя ему показалось, будто стенки и потолок вздулись, и услышал приглушенный голос женщины-полицейского:

— Это опять он. Теперь ясно, что ты имел в виду насчет его голоса.

— Что с ним не так? — процедил Коу сквозь стиснутые зубы. А потом попытался закричать, но крик его прозвучал как будто из-под одеяла: — Что не так с моим голосом?

— Он спрашивает, что не так с его голосом.

— Значит, вы меня и в первый раз услышали. — Возможно, не стоит с ней разговаривать как с ребенком, но он не мог уследить за тоном. — Что вы там говорите о моем голосе?

— Я не знаю, какой возраст вы хотите изобразить, но до такого возраста люди не доживают.

— Послушайте, вы мне годитесь в дочери, так что делайте то, о чем вас просят. — Она либо не услышала,

либо не обратила внимания, и он добавил погромче: — Я настолько стар, что они решили, будто я умер.

— И похоронили.

— Это я и пытался сказать вашему коллеге.

— В могиле.

— На Мерси-хилл, ниже церкви. Посередине девятого ряда, налево от дороги.

Ему представились яма и его собственная рука, бросающая горсть земли в глубины, скрывающие гроб его жены. Неожиданно в голову пришла отчетливая мысль: ее гроб находится прямо под ним. Он, возможно, и хотел бы воссоединиться с ней (по крайней мере, с той, какой она была до того, как перестала его узнавать, превратившись чуть ли не в скелет с интеллектом ребенка), но не в подобных обстоятельствах. Он вспомнил, как землю бросали лопатами на ее гроб, и понял, что теперь вся эта земля находится над ним.

— И вы хотите, чтобы вас откопали? — спросила женщина-полицейский.

— А вы сами не можете этого сделать? — Поскольку сейчас было не самое подходящее время для критики их методов, он добавил: — Может, пришлете кого-нибудь?

— Долго вы еще будете нам голову морочить? Вы что, думаете, мы купимся на ваши шуточки?

— Да я не собирался шутить! Ради всего святого, поверьте, это правда! — Свободной рукой Коу схватился за стенку, как будто это могло каким-то образом передать его отчаянное положение, и ногти его скрипели так, будто он царапал школьную доску. — Почему вы не верите мне? — в отчаянии произнес он.

— Разве мы можем поверить в то, что телефон работает под землей?

— Да, потому что он работает.

— Не слышу.

Связь начала пропадать, и Коу уже был близок к тому, чтобы обвинить в этом свою собеседницу.

— Говорю же, он работает! — прокричал он.

— Очень смешно. — Куда-то в сторону она произнесла: — Теперь делает вид, что связь прерывается.

Что это? Свет мигнул, или ему показалось? На какое-то мгновение на него как будто обрушилась тьма... Всего лишь тьма, не земля, провалившаяся в его темницу. Или это сознание начинает давать сбои от нехватки воздуха?

— Она прерывается, — выдохнул в трубку он. — Скажите, что ко мне кто-то выехал!

— Ох, не понравится вам, если они выедут.

По крайней мере этот голос снова звучал ровно, и наверняка его самого тоже было хорошо слышно.

— Вы все еще думаете, что я шучу. Да чего ради в моем возрасте я стал бы такие шутки шутить, черт возьми? Я даже не знал, что сейчас Хэллоуин.

— Почему же вы говорите, что сейчас Хэллоуин, если только что сказали, будто не знаете этого?

— Потому что ваш коллега сообщил мне об этом. Я не знаю, сколько я здесь пролежал, — объяснил он, и свет начал слабеть, как будто показывая, как много кислорода было израсходовано.

— Достаточно долго. Придется нам наградить вас за настойчивость. Кстати, вы в какой-то картонке лежите? По звуку очень похоже. Ваш трюк почти сработал.

— Это не картонка, это гроб, Боже помоги! Вот послушайте! — закричал он и стал царапать ногтями крышку.

Возможно, скрип был более осязаем, чем слышен. Он поднес телефон к скребущим ткань пальцам, но,

когда снова приложил его к уху, женщина-полицейский сказала:

— Думаю, я услышала достаточно.

— Вы все еще думаете, что я обманываю вас? — Ему бы следовало потребовать к телефону их начальника, и он уже собрался это сделать, но вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. — Если вы и правда так думаете, — выпалил он, — почему же вы со мной разговариваете?

И тут же понял. Как ни унижительно, когда тебя принимают за преступника, — пусть, главное, чтобы они определили, где он находится. Он будет говорить столько, сколько ей нужно. Он уже открыл рот, чтобы разразиться пространной тирадой, но в ту же секунду услышал в трубке отдаленный голос:

— Без толку. Не могу его вычислить.

Но если Коу находился слишком глубоко под землей, как же он мог звонить? Женщина-полицейский довела его до грани срыва.

— Считайте, вам повезло, — сказала она ему. — И оставьте ваши шутки. Вы что, не понимаете, что пока вы занимаете линию, кто-то, кому действительно нужна наша помощь, не может нам дозвониться?

Ее нельзя отпускать. Его привела в ужас мысль о том, что, если они сейчас прервут разговор, то больше не ответят на его звонки. И все равно, что говорить, лишь бы полиция приехала за ним. Перебивая ее наставления, он закричал:

— Ты, тупая корова, не надо так со мной разговаривать!

— Я предупреждаю вас...

— Да просто выполни свою работу, за которую мы тебе платим. И это касается всех вас, ленивых идиотов.

Вы только и делаете, что ищете повода не помогать людям. — Теперь уже он кричал не только для того, чтобы его слышали. — Жене моей вы не особенно помогли, а? Где вы были, когда она бродила по улицам, не понимая, где находится? А когда она гонялась за мной по всему дому, потому что забыла, кто я, и приняла меня за вора, вы мне помогли? Смешно! Да, черт бы вас побрал, это вы шутники, а не я! Она чуть не убила меня кухонным ножом. А теперь займитесь в кои-то веки своей работой, жалкие, ничтожные...

Даже не мигнув, телефон потух, и теперь прижатое к нему ухо не слышало ничего, кроме смерти. Он сжал телефон в пальцах, потряс его и стал не глядя тыкать в клавиши, ни одна из которых не издала ни звука, кроме тихого безжизненного клацанья пластика, и не облегчила наступившую невыразимую темноту. Наконец изнеможение, или отчаяние, или и то и другое вместе одолели Коу. Руки его упали, телефон выскользнул.

Возможно, сказывалась нехватка воздуха, но ему подумалось, что скоро он смирится со своим положением. Закрывая глаза, он приближал сон. В конце концов, лежать здесь довольно удобно. Ему представлялось, что он в кровати. Но только ли представлялось? А вдруг ему только приснилось пробуждение в гробу и все, что за этим последовало? Ему удалось каким-то образом затащить под себя одеяло, с чего и начался весь кошмар. Пока он убеждал себя, на руку ему заползло тяжелое жужжащее насекомое.

Он в испуге дернулся и ударился макушкой о твердую стенку за головой. Насекомое не только жужжало, оно еще испускало тусклый зеленоватый свет. Это же мобильник, который набрал достаточно энергии для вибровзвонка.

Когда он, схватив, поднял телефон, его призрачный свет как будто сдвинул стенки гроба. Вдавлив кнопку ответа, Коу поднес трубку к уху.

— Алло, — с замиранием сердца произнес он.

— Я иду.

На голос это не было похоже. Звучал он так же естественно, как звучали цифры, которые называл робот, по крайней мере, звуки были произнесены почти так же отрывисто. Наверняка это проблема со связью. Прежде чем он успел что-либо сказать в ответ, мгла опустилась на него, и он уже прижимал к уху не телефон, а мертвый кусок пластика.

Но слышался звук. Приглушенный, но все более и более различимый. Он молился про себя, чтобы это оказалось то, чего он ждал больше всего, и через какую-то секунду уже не сомневался, что так оно и есть. Кто-то прокапывался к нему.

— Я здесь! — крикнул он и тут же закрыл костлявой рукой иссохшие губы.

Нельзя расходовать воздух, особенно сейчас, когда он начал замечать, что его здесь осталось не больше, чем света. Да и потом, все равно его вряд ли услышат. Но почему он жалеет, что открыл рот? Не дыша, он прислушивался к копошению в земле. Как это копателям удалось подобраться к нему так близко, если он их не слышал раньше? Звук движения в рыхлой земле с каждой секундой приближался. И вдруг в кромешной мгле он начал неистово колотить по клавишам телефона. Любой звук, любой голос сверху сейчас был бы приятнее того голоса, который ему позвонил. Землю копали под ним.

Джон Гордон

НОЧНАЯ СМЕНА

Джон Гордон родился в Джарроу-он-Тайн, но сейчас с женой Сильвией живет в Норидже. В детстве он переехал с семьей в городок Уисбек, расположенный в болотистом районе графства Кембриджшир, где и пошел в школу. Вторую мировую войну он провел в саперных частях ВМС Великобритании, после чего стал работать журналистом в местных газетах.

Его первая книга, рассчитанная на молодежную аудиторию, «Исполн под снегом», была выпущена в 1968 году издательством «Hutchinson» и получила похвальные оценки, в том числе была отмечена писателем Аланом Гарнером. Роман был переиздан в 2006 году издательством «Orion» одновременно с его переводами на итальянский и литовский языки, а также в формате аудиокниги. С тех пор Гордон выпустил множество книг в жанре фэнтези и хоррор, в том числе «Дом на обрыве», «Призрак на холме», «Мудрый глаз», «Кузнечик», «Оседлать ветер», «Братья по крови», «Призрак Гилрэя», «Пожиратель плоти», «Живодеры» и «Призраки Блэк-луда».

Рассказы Гордона изданы в нескольких сборниках: «“Огнедышащая могила” и другие рассказы», «“Лови смерть” и другие рассказы», «“Горящий младенец” и другие рассказы» и «В темноте». Также он был одним из пяти авторов, принявших участие в написании коллективного романа «Ужас на Хэллоуин» из серии «Окспрэн-стейшн» под редакцией

Джо Флетчера, а в 1992 году издательство «Walker Books» выпустило его автобиографию «Простой моряк».

«Для рассказчика любой музей — место, обладающее особенной силой, — делится автор. — И ни один из них не сравнится с Нориджским замком, в котором происходит действие “Ночной смены”. Вот уже восемь веков взирает он с вершины горы Каслаунд на древний город, но расположенные внутри него яркие, захватывающие экспозиции скрывают темный период его истории. Когда-то замок был тюрьмой. Однажды, когда я стоял в углу картинной галереи, один из зрителей сказал мне, что мои ноги находятся на том самом месте, где раньше вешали преступников. Там, где некогда в полу под ногами мелких злодеев распахивался люк, теперь блестя полировкой половицы. Еще посреди самого большого зала есть колодец, в который дети бросают монетки и считают секунды до того, как по воде пойдут круги. Все это так невинно...»

Весь день в замке прошел в трудах. Сейчас, когда летнее солнце начало проваливаться за горизонт, Мартин Гловер стоял на зубчатой стене и смотрел на город. Золотой петушок на остром шпиле собора в лучах заходящего солнца сверкал так, что он, глядя на него, высунился в бойницу, как будто собирался полететь к нему над городскими крышами. Представляя, как летит, он даже приоткрыл рот, чтобы почувствовать порыв ветра.

— Не нужно, сэр. — Грубый хрипловатый голос заставил его вздрогнуть и повернуть голову. — Мы же не хотим вас с улицы соскребать, верно, сынок?

Доктора Мартина Гловера, ученого, удивило подобное обращение. Он был молод, но не настолько. Впрочем, он понимал, что со стороны выглядел как школьник, перевесившийся через парапет, чтобы покрасоваться перед девочкой.

— Просто любовался видом, — сказал он.

— Все они так говорят, сынок... А потом все равно прыгают.

— В самом деле? — Мартин не слышал, чтобы кто-нибудь из самоубийц прыгал со стен замка.

Человек только усмехнулся.

— Да. Такое бывало, и не раз.

— Но, наверное, это случалось давно? — Мартин раньше не видел этого мужчину, но он явно принадлежал к обслуживающему персоналу замка. Вид у него был властный, и все посетители к этому времени уже разошлись.

— Может, и давно, но мы записываем всех, кто приходит сюда, чтобы свести счета с жизнью.

— Как странно... Я и не знал о таком.

— Мы ведем специальную книгу. — Мужчина был худ, лысую голову и впалые щеки покрывала седая щетина. — Записываем в нее имена, и кто-то ставит подпись, дабы засвидетельствовать, что это действительно случилось. Это наша обязанность, *мистер* Гловер. — Слово было намеренно выделено интонацией, и его улыбка как будто приглашала доктора Гловера, ученого, поправить его, но Мартин просто улыбнулся в ответ. Было уже слишком поздно, чтобы беспокоиться об ущемленном самолюбии, да и он знал, что выглядит слишком молодо для человека, который может иметь докторскую степень.

Как историку ему позволили свободно распоряжаться всеми записями, которые хранились в замковом музее, и рабочее место ему выделили в помещении, которое когда-то, похоже, служило темницей. На стену он забрался, чтобы подышать свежим воздухом перед уходом. Взглянув на часы, он увидел, что уже позже, чем ему казалось.

— Замок уже, наверное, давно закрыт! — воскликнул он.

— Закрыт и заперт, — подтвердил человек. — Может, вы просто не хотели услышать нас, когда мы делали последний обход... Или закрыли уши руками. — Улыбка его сделалась настороженной.

— Почему это я не захотел бы вас услышать?

— Кто его знает, сынок. Некоторые не хотят слышать, как я подхожу.

Мартин рассмеялся.

— Такие люди, как я, вы имеете в виду. Слишком занятые делом, чтобы отрываться от него.

— Если вам хочется об этом так думать, то пусть, сынок.

На мужчине была темная, немного потрепанная одежда, не такая, какую Мартин ожидал увидеть на музейном смотрителе; особенно странным казался просторный кожаный камзол без рукавов и местами затертый до блеска. На то, как одевается ночной персонал, тут явно смотрели сквозь пальцы.

Мартин, вдруг устыдившись того, что так долго рассматривает наряд своего собеседника, сказал:

— Прошу прощения. Вам, наверное, пришлось задержаться, чтобы меня выпустить.

Смотритель удивился.

— Вовсе нет, сынок. У нас тут ночная смена.

— И все равно... — начал было Мартин, но сменил курс. — Что ж, мне пора уходить. Не буду мешать вам заниматься ночной сменой... Патрулировать, или что еще вы тут делаете. — Он кивнул на увесистую связку ключей в руке мужчины. — Запираете двери и всякое такое.

— Запираете двери... — Тонкая улыбка сложила кожу на лице мужчины складками, превратившими его глаза в водянистые щелочки, которые вспыхнули в последних лучах солнца. — Да, этого хватает.

Мартин слегка улыбнулся в ответ, чувствуя себя несколько неловко под прицелом поблескивающих золотом глаз.

— Я надеюсь, вы двери не только запираете, но и отпираете, а то я сегодня не попаду домой.

— Наслаждайтесь воздухом, пока есть возможность, *мистер Гловер*. — Человек снова произнес его фамилию

с насмешкой, как будто нарочно не называя его ученую степень.

Мартин попытался осторожно поправить его.

— Вы не прогнали меня с крыши, — сказал он, — поэтому я думаю, что мое имя числится в списке тех, кому позволено заходить за кулисы.

Не помогло.

— Всегда есть список, мистер Гловер. Всегда.

— Хм, я рад, что оказался в правильном. — Мартин все никак не мог перестать думать о самоубийствах. — Но, простите, я не знаю вашего имени, мистер...

— Меня зовут Джек, но это не важно... Когда я появлюсь в следующий раз, вас здесь уже не будет.

Что ж, вполне возможно. Историк Мартин уже почти закончил работу с хранившимися в старой темнице документами. Но грубость ночного сторожа была довольно неприятной.

Человек в камзоле отвернулся так, что солнце перестало освещать его лицо.

— Свою порцию света мы уже получили, — сказал он. — Теперь пора уходить.

Очередной приказ, но у Мартина не было причин не подчиниться. День сегодня прошел плодотворно, и в его ноутбуке собралось множество файлов, которые он использует для исследования.

Он прошел по крыше и начал спускаться по лестнице в замок. Над головой звякнула связка ключей и закрылась дверь. Эта предосторожность показалась ему излишней — ни одному вору не под силу взобраться по стенам, чтобы проникнуть в музей, но, возможно, это делалось для того, чтобы никто не поднялся на крышу изнутри...

— Самоубийства... — Голос ночного сторожа во-
рвался в его мысли. — Вы удивитесь, как часто они об
этом думают, когда я привожу их сюда.

Мартин повернулся. В прямоугольнике светового
люка ночной сторож, спускавшийся по крутой лестни-
це, казался приземистым, как лягушка.

— Раз вы работаете в ночную смену, — заметил
Мартин, — туристов вы сюда не водите, так что, я по-
лагаю, на крышу разрешается заходить не многим, та-
ким, как я.

— Это верно. Точно таким, как вы... Но следить на-
до за теми, кто отвык от света, если вы понимаете,
о чем я говорю. — Нет, Мартин не понял его, но спу-
скавшаяся фигура надвигалась, так что ему пришлось
развернуться и продолжить путь. — Я делаю доброе
дело, вожу их наверх, чтобы они увидели мир, прости-
рающийся вокруг, но тут-то мне и приходится смотреть
в оба... Да напоминать им, что судьбу все равно не об-
манешь!

Ночной сторож, смеясь, сошел с лестницы в помеще-
ние, которое некогда было большим залом замка. Мар-
тин выбросил из головы мысли о самоубийстве, но на
какой-то миг на краю огромной пустоты он почувство-
вал себя маленькой букашкой, и по телу его прошла
дрожь. Без толпившихся здесь днем туристов замок ка-
зался слишком таинственным, и хотя все еще освещен-
ные музейные витрины с экспонатами источали знако-
мое успокаивающее сияние, потолок высоко над головой
был окутан мраком.

Он повернулся к сторожу.

— Было бы неплохо, если бы вы оставляли здесь свет
на ночь.

— Это не по моей части, сынок. Лампы сами выключаются.

— Вам, наверное, здесь очень одиноко, Джек. — Он впервые назвал сторожа по имени, но это прозвучало как-то заискивающе, словно он искал его расположения, по-детски испугавшись темноты.

— Я бы не сказал, что мне одиноко. Моя работа мне всегда нравилась.

— Я хотел сказать, здесь так много разных необычных вещей. Есть где воображению разгуляться. — Мартин развернулся и быстро вышел на середину зала, где в пол была встроена железная решетка. — Возьмите это, например.

Они встали у решетки и посмотрели на прорубленную в скале дыру. Длинный колодец был оснащен лампами, но глубоко внизу таилась темнота.

— Я знаю, это просто колодец, но, когда вижу тьму там, внизу, у меня мурашки по коже бегают. — Мартин содрогнулся. Колодец всегда внушал ему страх, даже в детстве, когда он в толпе других детей стоял на коленках у решетки и бросал монетки в темноту. Отступив на шаг, он сказал: — Слишком глубоко для меня.

Сторож как будто не услышал его. Он стоял, опустив голову и созерцая темные глубины. Свет, идущий из колодца, подчеркивал его тяжелый лоб, широкие ноздри и строгую линию рта.

— Да, — промолвил он и мрачно усмехнулся. — Я видел, как люди разрывались в колодцах вдвое меньше этого.

— Разрывались? Что это значит?

— Не спрашивайте... А то расскажу. — Сторож поднял голову, и свет из скважины причудливо исказил его

усмешку. Он явно злорадствовал оттого, что внушил Мартину недобрые мысли. — Молодому человеку лучше не знать о таких вещах... В вашем положении так уж точно.

— А какое у меня положение? — Мартин рассердился и ждал ответа, но его не последовало.

Вместо этого сторож жестом предложил ему продолжить путь. Мартин, уже готовый возмутиться, заколебался секунду, время было упущено, и он смолчал. В спокойном взгляде сторожа было что-то недоброе, чувствовалась в нем какая-то непонятная злоба, вынудившая его проглотить гордость и подчиниться. Мартин двинулся через комнату, но понял, что это ошибка. Он чувствовал себя как школьник... или еще хуже. Позвякивание ключей на поясе заставило его думать о стороже как о своем тюремщике, кем он, в сущности, и был. Без него из замка не выйдешь.

Неожиданно в витринах погас свет, и он споткнулся. Это выдало его нервозность, и он почувствовал себя глупо, потому что сквозь длинные узкие прорезы в стенах замка внутрь попадало достаточно света, чтобы найти дорогу в другой зал. Он извинился за то, что споткнулся.

— И они еще называют меня неуклюжим! — В голосе сторожа послышалась горечь. — Кое-кто кличет меня растяпой, но ни один из них с моей работой не справится. Духу у них маловато.

— Наверное, им просто не нравится работать по ночам, — с сочувствием заметил Мартин, но в ответ раздался такой грубый хохот, что у него волосы зашевелились на голове.

— Нет, это не ночь им не нравится... Им не нравится утро! То, что нужно сделать с первым лучом солнца. Вот от чего они бледнеют, как полотно.

Мартин отступил чуть в сторону, чтобы сторож находился не совсем у него за спиной.

— А что им нужно делать... утром?

— Открывать замок, что ж еще? Но здесь есть одна дверь, которую они открывать не хотят. — Голова, покрытая седой щетиной, повернулась к нему. — И я думаю, вы знаете, о какой двери речь.

Мартин знал. Вдруг ему стало совершенно ясно, что здесь происходит. Ночной сторож почувствовал его волнение и решил вовлечь его в то, что случалось тут когда-то несколько раз в день. Старый замок прежде был тюрьмой, и в недавние времена по немногочисленным сохранившимся с тех жестоких времен в первозданном виде помещениям водили экскурсии. Это было своего рода развлечение. Проводники старались нагнать страху на экскурсантов, и в замке было одно место, где упоминание об отпирании двери особенно пугало туристов.

— Это дверь в комнату, где проводились казни.

— А вы храбрый человек. Многие люди на вашем месте не хотят ничего знать об этом.

— На моем месте?

— Вы так спокойно разговариваете об этом, зная, что нас ждет.

Мартину не было известно, что его ждет. Это его проводник знал, что случится в ближайшие минуты.

— Я, открывая эту дверь, ничего не чувствую, — сказал сторож. — Но другие упираются.

Этот человек явно любил свою работу. Ему доставляло мрачное удовольствие заставлять людей бояться себя. Страх остаться с таким человеком наедине в пустом замке, очевидно, отразился на лице Мартина, и Джек заметил это.

— Не нужно волноваться, сынок, — сказал он. — Я свое дело знаю. — И он рассмеялся резким каркающим смехом, как будто прочищал горло. — Никто из моих клиентов не жаловался... пока.

Слишком много разговоров о смерти. Мартин угодил в мир ночного сторожа. Его охватили тревога и ощущение беспомощности, как будто он стал маленьким мальчиком. Ему захотелось оказаться в безопасности, дома... с мамой и папой, если бы они были живы.

Они с ночным сторожем вошли в ту часть замка, которая беспорядочным расположением ведущих друг в друга комнат напоминала соты.

— Уже очень поздно. — Во рту у Мартина пересохло, и ему, как испуганному ребенку, каким он и стал, пришлось облизнуть губы, чтобы продолжить: — Пожалуй, я не стану забирать свои бумаги, которые остались внизу. Буду уходить.

Он пошел через комнату, но вдруг понял, что не знает, в какую сторону идти. Соты представляли собой настоящий лабиринт, и он не знал, какая арка ведет в коридор к выходу из замка. Если он свернет не в ту сторону, положение станет еще хуже.

Он остановился и оглянулся. Сторож стоял неподвижно и смотрел на него.

— Потерялись?

— Если бы вы подсказали, куда идти...

— Вы бы все равно далеко не ушли без этого. — Улыбаясь, он поднял связку ключей и покачал ими в воздухе.

Находились они в картинной галерее, где темноту рассеивало только голубоватое свечение ламп аварийного освещения. Мартину показалось, что мрак сгустился

вокруг него. Он оказался в ловушке. Тут заговорил ночной сторож:

— Беспокоиться нечего. Вы покинете это место через несколько минут, это я гарантирую.

Мартин с облегчением опустил голову. Джек просто играл с ним в игру. Он все еще вел себя так, будто проводит экскурсию с посетителем, чтобы дать ему понять, что это место означало для тех, кто попадал сюда не ради научных исследований.

— Я устал. — Он зевнул и закрыл глаза.

Сторож играл свою роль. И голос у него был как нельзя более подходящий — грубый, беспощадный.

— Некоторые говорят мне, что будут рады, когда все закончится. Побывав в темницах, они выходят смиренные, как овечки. Им уже даже не хочется погулять по крыше, как мы с вами только что гуляли. Все знают, что я всегда предлагаю, но некоторым просто не хочется, чтобы я их забирал.

Последовало молчание. Глаза Мартина все еще были закрыты. Ночной сторож должен увидеть, что ему не страшно. Игра закончена.

— Вы знаете, где находитесь.

Он знал. Больше ста лет назад этой картинной галереи не существовало. Это помещение было частью тюрьмы.

Он почувствовал, что ему на плечо легла рука. Джек заговорил другим тоном. Теперь он отдавал приказы.

— Идите. Пора.

Пальцы на плече сомкнулись сильнее, и Мартин открыл глаза. Свет в комнате изменился, но, вероятно, это объяснялось тем, что его глаза были какое-то время закрыты. Теперь свет походил на бледно-желтое си-

яние свечей. Стены как будто посерели и сдвинулись. Потолок тоже опустился, а в самом центре комнаты находилось нечто такое, чего он до этого не замечал. Сначала ему показалось, что это открытая дверь, но, присмотревшись, он понял, что это не более чем дверная рама, стоящая посреди пола.

Он открыл рот, чтобы задать вопрос, но тут откуда-то сбоку тесной группой вошли несколько человек. Бесшумно скользнув по комнате, они остановились за рамой. И тогда он понял, что это была не дверь. Это была виселица. С верхней перекладины свисала петля.

Все это был ловкий трюк. Фигуры — не более чем представление, игра теней, специально спроецированных на стену для развлечения зрителей, и включить проектор мог только ночной сторож. Мартин двинулся, чтобы сказать ему об этом, но не успел он даже повернуться, как его руки завели за спину и связали.

Он открыл рот, чтобы вскрикнуть, но шнурок, перетягивавший его запястья, впился в его кожу с такой силой, что он выгнул спину, запрокинув голову.

— Не дергайся, приятель, — произнес ему в самое ухо хриплый голос ночного сторожа. — Ты же знаешь, тебе придется через это пройти.

Мартин заскрипел зубами.

— Пройти через что?

— Не нужно было тебе делать то, что ты сделал, — сказал Джек. — Ты знал, что тебя ждет.

И в этот миг Мартин понял, что будет дальше. Каждая мышца в его теле натянулась, и он извернулся. Почувствовав, как рвется рукав рубашки, он попятился назад, но прошел не больше шага. Его спина уперлась в каменную стену. Холодные камни. Пол тоже был

каменным, весь, кроме деревянного люка посередине, прямо под петлей.

— Бесполезно. — Это был голос Джека.

Выхода не было. Он провалился из одного века в другой. Даже одежда на нем уже была другая. Тюремная роба порвалась в борьбе. Ступни липли к холодной коже башмаков. Виселица стояла прямо перед ним, и бежать было некуда.

— Ты же знаешь, что должен пройти через это. Ты был плохим мальчиком, верно?

Мартин сжался от этих слов, потому что это была правда. Он был мальчиком. Он был плохим. Он сунул тощие пальцы в чужой кошелек и украл монету.

— Ты это сделал и знал, чем это закончится. Я позволил тебе погулять на крыше, верно? Я всем, с кем имею дело, разрешаю. Я дал тебе подышать воздухом, разрешил посмотреть на город, но потом ты должен был прийти сюда.

В глазах его появились слезы, но заплакать он не смог, потому что тяжелая рука зажала ему рот.

— Ты же не хочешь, чтобы я тебе заткнул кляпом рот, верно, сынок?

Пальцы на лице разжались, и Мартин прекратил сопротивляться.

— Так-то лучше, сынок. Теперь пройди вперед.

Мартин услышал свой всхлип, а потом голос палача:

— Три шага... Этого хватит.

Его схватили за плечи и толкнули. Он увидел контур встроеного в пол люка. Его пинками загнали на деревянную дверцу.

Ноги его были связаны. На голову, на которую не надели колпак, опустилась веревка. Под ухом затянулся

узел. Веревка грубо сжала шею. Не произнося ни звука, он начал выворачиваться, по-кошачьи извиваться всем телом, дергаться, как повешенный, хотя ноги его еще стояли на твердом люке. Тут на его голову набросили колпак, и наступила темнота. Грубая ткань закрыла рот, заглушив последнее дыхание, люк под ним распахнулся, и он полетел вниз.

А потом ничего...

Пустота...

Темнота...

Боль сверкнула в мозгу белой вспышкой. Заговорил какой-то голос.

Палач не справился со своей работой. Шейные позвонки не сломались. Он попытался высвободить руки. Шнура на запястьях не оказалось.

Снова раздался голос:

— Доктор Гловер... Вы слышите? Мы вас искали. Вас не оказалось в вашем кабинете, и мы нашли вас здесь...

Он лежал на твердом полу. Пошевелил рукой, не связан. Свет фонарика ослепил его, и он прикрыл глаза рукой.

— Мы думали, вы поднялись подышать на крышу, но вас там не было.

Он быстро оттолкнулся от пола и сел. Над ним склонились двое.

— Кто вы?

— Ночная смена. Мы только что нашли вас здесь.

Он принялся дико озираться по сторонам. Картинная галерея. Вокруг темно, только луч фонаря светит прямо в глаза. Никакой виселицы. Он провел рукой по полированным половицам. От люка не осталось и следа.

— Где он?

Мужчины присели на корточки и спросили, о ком он говорит.

— Джек, — сказал он и с трудом поднялся на ноги. — Где тот, кого зовут Джек?

Минуту мужчины молчали. Потом один сказал:

— Здесь нас только двое, доктор Гловер: Морис и Фред. Мы вместе дежури́м ночью.

Тишина. Он перевел взгляд с одного мужчины на другого. Морис и Фред. Он открыл рот, но не смог ничего сказать.

— Вам, наверное, стало плохо, доктор. Вы не ударились?

— Нет... Нет. Со мной все в порядке. — Окинув взглядом галерею, он осторожно повернулся к ним. — Когда-то давно, — сказал он, понимая, что выглядит довольно нелепо, — этот зал, кажется, использовался для других целей. Это так?

Мужчины улыбнулись.

— Вы имеете в виду, когда здесь была тюрьма? — спросил Морис, главный. — Кто-то вам рассказал эту старую историю. — Он кивнул в сторону угла. — Да, это так. Здесь, в комнате для казней, когда-то стояла виселица.

Во рту Мартина сделалось так сухо, что он не смог пошевелить языком. Он покачнулся, что не укрылось от Мориса.

— Давайте спустимся в вашу комнату, доктор Гловер. Мы найдем вам что-нибудь выпить.

Сидя за своим столом в компании двух музейных работников, он начал приходить в себя.

— О виселице я не знал, но почувствовал себя очень странно в этой комнате, — сказал он.

Оба работника кивнули.

— Да, уж нам-то с Фредом известно, что в таких местах сохраняется что-то, какой-то особенный дух. А если вдобавок вы себя не очень хорошо чувствовали, то... — Морис пожал плечами.

Мартин пока что только намекнул на свой кошмар, но ему нужно было разобраться в том, что с ним произошло.

— Мне сказали... — начал он и, подумав, поправил себя: — Говорят, здесь часто самоубийства совершают... Люди прыгают со стен замка.

— Никогда о таком не слышал, — возразил Морис. Фред подтвердил.

— Но есть список, — не сдавался Мартин.

Мужчины непонимающе покачали головами, и тогда Мартин, не выдержав, выкрикнул:

— Джек сказал, что в замке велись записи! — Снова этот Джек. Но ведь никакого Джека не было. Он отвернулся. — Простите.

Фред, более немногословный из двух, поерзав на стуле, встал и подошел к шкафу для хранения документов в углу крохотной комнаты, которая когда-то служила камерой. Порывшись на полках, он достал нечто похожее на старую бухгалтерскую книгу и положил ее на стол перед Марином.

— Не знаю насчет самоубийств, — сказал он, — но вот это, по-моему, что-то вроде журнала.

Мартин раскрыл книгу. Это действительно оказалась бухгалтерская книга с начертанными красными черни-

лами колонками на страницах. В первой колонке стояла дата, напротив нее — имя, под ним еще одно имя, и потом денежная сумма. Везде суммы были одинаковые — одна гинейя.

Мартин оторвался от книги.

— Это не могут быть самоубийства.

— Нет, доктор. Это не самоубийства, но все эти люди умерли здесь, в замке. Они были казнены. В основном это были убийцы.

Он снова посмотрел на колонки. Имена повешенных, возраст, и напротив каждого — род занятий. На строчке под каждым именем значилось: «Одна гинейя. Выплачено Дж. Кетчу».

— Это ему платили за хорошо выполненную работу, доктор Гловер. — Оба сторожа улыбались. — Джек Кетч — так в этом городе называли палача, который вешал преступников, чтобы никто не узнал, кто это на самом деле.

— Говорят, что Джек всех своих клиентов заставлял мучиться, — сказал Морис. — Любил поиграть с ними перед тем, как вздернуть. И он никогда не вешал правильно, из-за чего они страдали гораздо дольше и умирали от удушья.

Мартин кивнул. Его глаза снова опустились на страницу, на колонку с именами и на одно имя в самом низу: «Мартин Джоунс, двенадцать лет, вор»; ниже значилось его ремесло — «перчаточник».

Кристофер Фаулер

РОСКОШЬ ВЛОДЕЖИИ

Многие романы и сборники рассказов Кристофера Фаулера были отмечены различными литературными премиями. Вышедшая в 2003 году книга «Темный анилаг» получила Британскую премию фэнтези Августа Дерлета Британского общества фэнтези в номинации «Лучший роман» и была номинирована на премию «Кинжал» Ассоциации писателей-криминалистов. В 2004 году его «Комната воды» попала в список номинантов на премию «Выбор народа» Ассоциации писателей-криминалистов. В том же году он завоевал премию Британского общества фэнтези за рассказ «Американская официантка», а в 2005 году — за новеллу «Дыши».

В свободное от сочинения хоррора и черных комедий время он продолжает цикл о Брайанте и Мэе, детективах, расследующих аномальные явления. Кристофер Фаулер живет в лондонском районе Кингс-Кросс в доме с прекрасным видом на собор Святого Павла. Последний его роман называется «Белый коридор», и в скором времени планируется выпуск его двадцать первого сборника рассказов «Старая чертовка Луна».

Как признается Фаулер, «“Роскошь зла” — это дьявольская смесь событий самой обычной жизни, например, когда тебе приходится быть шафером на свадьбе старого друга или отправиться на фестиваль ужасов в английский приморский городок. Не думаю, что меня снова пригласят туда, когда это прочитают».

Когда мне было одиннадцать, родители велели мне держаться подальше от моего нового одноклассника с веснушками и ярким галстуком, так что, само собой, мы стали лучшими друзьями и неизменными партнерами в проказах и доведении учителей до слез отчаяния.

Следующие восемь лет наша дружба оставалась загадкой для всех. Саймон приводил учителей в ужас тем, что катался по футбольному полю на своем байкерском мотоцикле. Однажды мы разобрали на части машину замдиректора и аккуратненько разложили ее в школьном дворе, как детали сборной пластиковой модели. Мы издавали пасквильный школьный журнал, набитый шутками, подслушанными в телепередачах, и создавали радиопостановки, в которых высмеивали всех, кого знали. Когда к тебе задираются, самый лучший выход — подружиться с тем, кого все боятся. Саймон отвратил меня от учебы, а я выставлял его заблудшей овцой всякий раз, когда он приклеивал школьного кота к столу или устраивал телефонные розыгрыши. Я волновался о том, что у нас будут неприятности, а он придумывал, как сжечь школу и не попасться.

Мальчики не устают от баловства. Пока наш класс изучал принципы экономики и теорию гравитации, войну Алой и Белой розы и шекспировский символизм, мы

потрошили мячики для гольфа и связывали учеников резинками, вырезали на партах космические корабли и подделывали записки родителей о том, что заболели и не придем в школу.

В период полового созревания Саймон купил кожаный пиджак. Я остановил свой выбор на оранжевой нейлоновой рубашке поло на липучках. Он был похож на Джеймса Дина, я — на Саймона Ди¹. Чтобы знакомиться с девушками, мы записались в школьную оперу. Саймон познакомился с голубоглазой блондинкой за кулисами, пока я исполнял на сцене роль танцующего крестьянина в жуткой бездарной постановке «Проданной невесты». Мы устраивали свидания вчетвером. Мне досталась подруга блондинки, у которой ноги напоминали ножки кресла из гнутого дерева, а лицо было цвета древесностружечных обоев, но ее отцу принадлежал кондитерский магазин, так что шоколад нам доставался бесплатно. Я вместо Саймона звонил его подружкам, потому что у меня язык был лучше подвешен, и торчал у него дома так долго, что его родители начали думать, что я сирота. Наша дружба сохранилась, потому что, как пассивный курильщик вдыхает табачный дым, так мне от него передавались уверенность в себе, заносчивость и харизма. Благодаря ему я перестал считать, что никто в мире меня не понимает. И он обосновался в моей памяти и в моем сердце, как тень Питера Пена, готовая вернуться, как только возникнет необходи-

¹ Джеймс Дин (1931—1955), Саймон Ди (1934—2009) — популярные в молодежной среде актеры середины XX в. (*Примеч. ред.*)

мость, на долгие годы после его бессмысленной трагической гибели.

Наша последняя встреча перед его смертью получилась особенной. К тому времени наши дороги разошлись, он стал жить обычной жизнью, обзавелся семьей и домом в деревне, а я превратился в человека не от мира сего и жил один в городе. Связавшись после долгого перерыва с Саймоном, я пригласил его съездить со мной в графство Сомерсет на фестиваль ужасов в городок Силбертон, где узкие улочки утопали в тумане, стелящемся над дельтой реки, и рыбацьи лодки лежали на боку в грязи, как выброшенные игрушки. Это место было пропитано запахом рыбы, смолы и гниющих раковин, а местные жители здесь были до того неразговорчивы, что казалось, их с детства приучали молчать.

В гостинице, кирпичном здании недавней постройки, похожем на общественный туалет, не оказалось записей о том, что мы забронировали номера, и, естественно, из-за фестиваля все места были заняты. В поисках жилья мы нашли гостевой дом ниже по реке. Там нам пришлось тащить сумки по трем лестничным пролетам и узким коридорам под наблюдением хозяйки, которая боялась, что мы порвем ее яркие, как в индийском ресторане, обои. Кровати в номерах оказались влажными и пахли водорослями.

К тому времени, когда мы вернулись в гостиницу, где проходил фестиваль, вечеринка по случаю его начала уже была в разгаре. В фойе неуверенно разгуливал желтый пушистый пришелец, пытаясь удержать кружку с пивом в резиновых когтях, две юные готес-

сы¹ жались к стойке, то и дело оборачиваясь, как будто в любую минуту их родители могли войти сюда, увидеть их, поднять руки, указывая на своих чад, и начать вопить, как персонажи из фильма «Вторжение похитителей тел».

Каждый год фестиваль имел тему, и в этом году она называлась «Убийцы на страницах и на экране», поэтому в разных концах фойе стояло несколько Ганнибалов Лектеров и еще один улыбавшийся во весь рот парень с отпиленной верхушкой головы. Работники зала по очереди выглядывали из-за двери на кухню, чтобы поглазеть на него.

— Ты что, всегда вот так развлекаешься? — спросил меня Саймон, удивленный тем, что я могу получать удовольствие от общения с чудаками, переодевающимися в Джейсона и Фредди Крюгера², и от фильмов, которые уже никто не смотрит. — Кто вообще приезжает на такие собрания?

— Книжные люди, одинокие люди, — просто ответил я, указав на переполненный зал. — Здесь не нужно помнить о приличиях, и самое веселье начнется в полночь, когда все напьются. Слушай, ты же говорил, что у тебя жизнь слишком пресная. Вот тебе что-то новенькое для разнообразия.

¹ Готесса — представительница молодежной субкультуры, основными составляющими которой являются особая мода и особая музыка с мрачным «готическим» колоритом. (*Примеч. ред.*)

² Джейсон и Фредди Крюгер — герои культовых фильмов ужасов 80—90-х гг. XX в. «Пятница, 13» и «Кошмар на улице Вязов». (*Примеч. ред.*)

Саймон выглядел неуверенно. Читал он мало, если вообще когда-нибудь читал, поэтому книжные стенды и литературные разговоры ему были неинтересны. Он принялся рассказывать о своих детях, и слушать его было скучно. Я хотел, чтобы он стал тем парнем, которым я восхищался в школе. Впрочем, он не отказался выпить и в конце концов расслабился после пары бокалов крепкого местного пива, которое кружилось внутри стеклянных стенок, как темная песчаная буря.

— Так что, все эти писатели ищут здесь вдохновения? — спросил он.

— В некотором роде. Вот возьми тему этого года. Нас интригуют мотивация, метод, развитие характера персонажа. Как правдоподобно изобразить убийцу? Из кого выйдет хорошая жертва? — Говоря это, я думал о том, как приобщить Саймона к своему миру. — Вот, к примеру, мы с тобой. Я здесь как у себя дома. Люди меня знают. Если бы я пропал, кто-то бы это заметил и стал бы задавать вопросы. А вот ты — человек посторонний. Когда-то ты был крутым парнем, одиноким байкером, которого никто не знал. Здесь тебя и подавно никто не знает, что делает тебя идеальной жертвой.

— Почему это? — Саймон не привык легко сдаваться. Его любопытство было задето, и он хотел разобраться.

— Потому что потребуется определенная храбрость, чтобы тебя убить. Это станет демонстрацией силы. Убийцы ищут славы, чтобы скрыть за ней свою неадекватность. Но при этом им доставляет удовольствие ощущение потери.

Саймон фыркнул.

— И как это происходит?

— Дело в том, что грусть имеет свое странное очарование, ты не замечал? Это что-то вроде горькой сладости. Вот возьми хотя бы готов и их увлеченность смертью и разложением.

— Хорошо. Значит, жертву выбрали. А кто будет убийцей?

— Посмотри вокруг. Кого бы ты выбрал?

Саймон окинул оценивающим взглядом стоящих у стойки.

— Двойники Джейсона и Крюгера — вряд ли. Это психи, которые от вида порезанного бумагой пальца в обморок падают. Они с удовольствием посмотрят, но сами постоят в сторонке.

— Хорошо. Дальше.

— Готы не станут никого убивать, хоть и ходят постоянно как в воду опущенные. Выглядят круто, но кишка тонка.

— Превосходно.

— А вот этот... — Он ткнул большим пальцем себе за спину. — Этот выглядит так, будто пришел сюда, чтобы закупить книжек про парней, которые убивают своих матерей. Ему до настоящего убийства один шаг.

— Да, на фестивали такие тоже заходят. На интервью с авторами они садятся в передних рядах и всегда первые тянут руку с вопросами. Тут есть один тип, бывший врач, от которого даже мне не по себе. — Я указал на бледного, как сама смерть, мистера Генри с сальной прядью поверх лысины и кожей цвета выго-

ревших на солнце книжных страниц. Он не пропустил ни одного фестиваля, хоть не был ни писателем, ни критиком, ни даже читателем. — Он как-то рассказал мне, что собрал самую большую в стране коллекцию фотографий автокатастроф и кожных болезней.

— Какая мерзость! Я знал, что тут будут такие извращенцы.

— Расслабься. Он слишком очевидный претендент. Основное правило историй про серийных убийц — главным злодеем должен быть тот, на кого никогда не подумаешь. Ты заметил, что у бара выются несколько симпатичных кучерявых девчонок?

— Тут ты прав, — нехотя признал Саймон, наблюдая за двумя девушками поверх кружки.

— Иди познакомься, — предложил я. — А я тут поговорю со старыми друзьями о странных книгах, или наоборот.

После этого я ввязался в долгую дискуссию, переходящую в спор, о достоинствах второй и третьей частей «Психо»¹, о Томасе Дише² и Уильяме Хоупе Ходжсоне³ и о том, что нужно, чтобы написать хорошую книгу. При этом я совершенно потерял счет времени. На часы я посмотрел, только когда над баром начали опускаться

¹ «Психо» (1960) — фильм ужасов режиссера Альфреда Хичкока, считающийся вершиной его творчества; в 1983 и 1986 году режиссерами Ричардом Франклином и Энтони Перкинсом были сняты сиквелы к нему, получившие неоднозначные отзывы. (*Примеч. ред.*)

² Томас Диш (1940—2008) — американский прозаик и поэт, один из основоположников фантастики «новой волны». (*Примеч. ред.*)

³ Уильям Хоуп Ходжсон (1877—1918) — английский писатель и поэт, стоявший у истоков жанра фантастики и хоррора. (*Примеч. ред.*)

жалюзи. Попрощавшись с собеседниками, я побрел сквозь сырой речной воздух к гостевому дому.

Каким-то образом я пропустил тропинку и оказался на вязком от водорослей берегу гавани. Единственными звуками здесь были шелест волн и поскрипывание мачт. Вода прибывала, отчего лодки поднимались из своих могил, как ожившие трупы. Я, пьяный и веселый, вдруг почувствовал усталость, сел на коричневый песок и позволил морскому туману медленно раскрыть мне свои секреты. Вокруг меня образовалось заметное кольцо, похожее на облачко тумана в компьютерных играх, которое не отстает от тебя, как бы быстро ты ни бежал. У стены гавани стояла забытая лопата, которой, должно быть, копал червей какой-то рыбак. Рядом растянулись, как платки сирен, нейлоновые оранжевые сети в вонючих водорослях.

И через какое-то время сквозь туман я рассмотрел тонкую фигуру. Голова ее была немного наклонена набок, одна рука висела ниже другой, как у знаменитой сборной фигурки «Забытый узник» или как на обложке моей «Седьмой книги страшных рассказов издательства “Пэн”». Человек стоял так неподвижно, что был больше похож на поднявшуюся из-под песка резную фигуру на носу корабля, чем на живое существо.

Стоял сильный запах озона и гниющей рыбы. Фигура подняла мокрый изодранный рукав к черепу и потерла лоб, словно хотела сорвать кожу и обнажить кость. Выглядела она так, будто вышла из темных морских пучин.

— Я упал с этого гребаного дока и еще и рукав разорвал. Блин, я сейчас умру, — произнес голос Саймона.

Фигура покачнулась и рухнула спиной на песок с глухим звуком.

На следующее утро оружие чайки летали так близко к моей спальне, что я мог заглянуть им в клювы. Утреннее солнце било в окно, и его лучи просверливали дыры в моем мозгу. Во рту стоял вкус старого одеяла. Мне нужен был воздух.

Я постучал в дверь Саймона, но никто не ответил. Завтрак к этому времени уже закончился, и хозяйка куда-то ушла. Байкерский мотоцикл по-прежнему стоял на парковке за домом.

Прилив закончился, и туман ушел, оставив на береговой полосе серебристые морские черенки и причудливые узоры зеленых водорослей. По каменной дорожке над гаванью шла какая-то пожилая дама в круглой вязаной шапочке и с сумкой в руке. Кроме нее никого не было видно. Лишь чайки продолжали верещать и носиться кругами в воздухе. Я осторожно прошел по берегу к той точке, где упал Саймон, и опустился на колени. Найти это место удалось не сразу. Осторожно проведя рукой по мягкому бугорку, я открыл полный песка рот, забитые ноздри и налитый кровью, исцарапанный ракушками глаз, который безжизненно смотрел в небо. Я поднялся, наступил на лицо и покачался вперед-назад, чтобы его голова глубже погрузилась в песок. Потом я осторожно сгреб на него еще песка, разгладил, сверху забросал бесформенными пучками водорослей и добавил для пущей правдоподобности пару ракушек. Наконец я забросил как можно дальше в стоячую воду гавани лопату, которой перерубил его шею.

Когда я шел в гостиницу, чтобы прочитать лекцию «Случайная смерть. Роскошь злодеяния», меня охватило щемящее ощущение счастья. Я знал, что у меня достаточно времени, чтобы в полной мере насладиться восхитительной утратой моего старого друга. Впереди дни, месяцы, годы.

Марк Сэмюэлс

СТРАНИ

Марк Сэмюэлс родился в лондонском районе Клапам. Он — автор двух сборников рассказов, «“Белые руки” и другие страшные рассказы» и «Черные алтари», а также новеллы «Лик сумерек». Его третий сборник, предварительно названный «“Глипотех” и другие мрачные процессы», должен в скором времени выйти в издательстве «Midnight House».

Рассказы Марка Сэмюэлса входили как в «Антологию лучшего современного хоррора», так и в книги серии «Лучшие фэнтези и хоррор-рассказы этого года», а также в такие сборники, как «Летние холода», «Инферно» и «Один на темной стороне». Дважды он был номинирован на Британскую премию фэнтези.

«Когда мой друг Адам Клейтон в 2000 году написал книгу “Подземный город”, — вспоминает Сэмюэлс, — ее публикация вновь пробудила во мне интерес к заброшенным “призрачным” станциям лондонского метро, и я начал изучать этот вопрос подробно. Эти исследования каким-то образом смешались в моем воображении с фильмом 1970 года “Линия смерти”, с моим любимым актером Дональдом Плезенсом. Его образ потрепанного жизнью полицейского в свою очередь смешался с мотивами произведения “Смерть и буссоль” Хорхе Луиса Борхеса. Мой рассказ — то, что из этого получилось».

Инспектору Грейю пришлось принять участие в этом деле частично из-за неудачного стечения обстоятельств, частично из-за фотографии на обложке книги о лондонских городских легендах под названием «Тайное подземелье». Он вообще-то не должен был находиться в то время в той части Лондона, но ему пришлось задержаться допоздна у себя в кабинете, чтобы дописать несколько отчетов, которые его начальник требовал представить завтра утром. Если бы он проехал мимо того места на несколько секунд раньше, то ничего бы не заметил. В конце концов, он был не при исполнении, и интересовало его только одно: поскорее вернуться в свою грязную квартиру в Тафнелл-парке, пропустить пару стаканов виски и забыть об этом дне.

Для развлечения он запланировал почитать какой-нибудь дешевый романчик ужасов из своей небольшой коллекции. Телевизор сломался несколько месяцев назад, и, вместо того чтобы починить его, он пристрастился к чтению старых выцветших книг, сохранившихся еще с шестидесятых-семидесятых годов, с желтыми ветхими страницами и броскими обложками. Грей даже считал себя знатоком и ценителем обложек. Более того, он придерживался взглядов, напрямую противоречивших известной старой истине, что не стоит судить о книге по обложке. В душе он был убежден, что книги с жуткими фотокомпозициями на обложках несравненно лучше тех книг, на обложках которых изображены избитые символы жанра ужасов: черепа, змеи или, к примеру, готические замки.

В Скотланд-Ярде из-за его пристрастия к чтению над ним даже посмеивались. Большинство его коллег разговаривали только о том, что вчера вечером показывали по телевизору, или о порнофильмах, которые они брали напрокат в местном магазине «Обсин пабликэйшн». За спиной они даже стали называть его Таинственным Детективом, и однажды он, быстро развернувшись, увидел, что несколько констеблей, приложив указательные пальцы к зубам, изображают вампиров. С тех пор Грей озаботился тем, чтобы во время короткого обеда никто не видел его читающим любимые книги. Вместо них он стал разворачивать большую газету, когда за своим столом поедал принесенные из дома сэндвичи. Подобное отстранение от коллег было ему не в радость, и он начал подумывать о том, что без него работа в отделении шла бы более слаженно.

А увидел Грей вот что: проезжая на своей машине мимо станции метро «Кентиш Таун», он заметил низкорослое худенькое существо, которое смотрело сквозь решетчатые ворота. Одетое в черные бесформенные лохмотья, ростом оно было каких-то пять-шесть футов. Лицо его скрывала копна пыльных волос до плеч.

Грей проехал мимо станции ровно в час ночи, и закрылась она совсем недавно. Он остановил машину и обернулся проверить, не исчезло ли видение, но от него не осталось и следа. Наверняка, подумалось ему, коллеги из отделения посмеялись бы над ним сейчас, сказали бы, что он слишком много читает этих чертовых книг. Но сердце в груди Грея забилося учащенно. Он не мог так просто выбросить загадочное существо из головы. То, что он увидел, не было плодом его воображения. Там действительно кто-то стоял.

Станция уже закрылась, но это не значит, что в ней никого не осталось. Когда перестают ходить поезда, на платформах и в туннелях люди еще работают. Целая армия уборщиков, называемых «чистильщиками», ходит по путям, собирая мусор. Собирать необходимо все: пивные банки, недоеденную пищу, газеты, даже сбившиеся в комки человеческие волосы. Также в туннелях работают «проходчики» — инженеры, проверяющие исправность путей. Возможно, Грей просто заметил какого-нибудь ночного работника, подошедшего к воротам отдохнуть, сходство которого с жутким существом на обложке «Тайного подземелья» было не более чем игрой света и тени.

Как бы то ни было, увиденное засело у него в голове и, когда он наконец заснул, наполнило его сон тревожными образами. Ему снились бесконечные темные подземные туннели и зловещая тишина, изредка нарушаемая отдаленными шорохами и шепотом. Если бы он не увидел того, что стояло у ворот (или того, что, *как ему казалось*, стояло у ворот), дело, которое попало в его поле зрения на следующий день, могло бы не показаться важным и заслуживающим расследования.

На следующее утро, сидя за своим рабочим столом с чашкой мерзкого растворимого кофе, Грей просматривал недавно поступившие дела. В последние месяцы его все сильнее и сильнее охватывало ощущение собственной ненужности. Суть в том, что расследования, которые ему поручали, оказывались пустой тратой сил и времени. Ранение, которое он получил несколько месяцев назад, когда ловил Монтроуза, серийного насильника, уложило его в больницу на несколько недель и стало причиной таких внутренних повреждений, с которыми, по совету врачей,

ему следовало вести гораздо более спокойный образ жизни. Начальство, конечно, сделало все, что было в его силах, и нашло ему применение, правда, связанное с бумажной работой. Однако, хотя его прежние назначения у него не забрали, Грей заметил, что со временем ему стали поручать дела, практически не имевшие шансов быть раскрытыми. Чаще всего связанные с исчезновением людей.

Грей, и раньше не очень-то общительный, после этого замкнулся в себе еще больше. Избиение повлияло на его разум не меньше, чем на тело. Мало-помалу он отдалился от старых друзей. Нашлись тысячи причин не поддерживать с ними связь. Он чувствовал себя пустой раковиной, и любое соприкосновение с окружающими лишь усиливало это впечатление. Скотланд-Ярд предложил Грею помощь психолога, чтобы справиться с последствиями травмы, вызванной случившимся, но это показалось ему еще более отвратительным, чем предложение врачей пройти курс лечения антидепрессантами. Когда судьба бралась направлять его жизнь, он предпочитал не противиться, а приноравливаться. И все равно он чувствовал себя пропавшим человеком, которого назначили разыскивать других пропавших.

Грей провел языком по обожженным губам, в очередной раз проклиная слишком горячий и отвратительный на вкус кофе, и тут его внимание привлекло сообщение, поступившее всего несколько часов назад. Несмотря на то что заявление о пропаже человека обычно принимается через несколько дней после самого исчезновения (кроме случаев исчезновения детей), этому заявлению дали ход сразу, поскольку в данном случае не было сомнений в том, что пропавший не решил скрыться сам. Он был машинистом метрополитена (или оператором, как

их теперь называли). Звали его Адам Дрейтон. Самое любопытное заключалось в следующем: он покинул поезд между станциями «Камден Таун» и «Кентиш Таун» на Северной линии. Это был последний рейс в тот день, и закончиться он должен был в 1:30 ночи. Более того, если в вагонах находились пассажиры, они тоже исчезли.

Рано утром заменяющий машинист отогнал состав на боковой путь. На обложке папки с делом какой-то шутник из отделения написал маркером: «Метро “Мария Целеста”»?¹ Дело для Таинственного Детектива?»

Но инспектор Грей, по какому-то совершенно невероятному стечению обстоятельств, оказался одним из немногих людей, которым имя Адама Дрейтона было знакомо в другой связи. Ибо так звали автора-редактора довольно странного сборника городских легенд, опубликованного под названием «Тайное подземелье», обложка которого не шла у него из головы.

Весь день Грей провел в комнате отдыха в депо у станции «Финчли централ», допрашивая коллег Дрейтона. Здесь машинисты коротали время между сменами, пили кофе, курили и читали газеты. Они оказались довольно разговорчивыми, хотя инспектор не мог не заметить, что к представителю закона они относились настороженно и с опаской. Кое-кто из них даже, похоже, считал исчезновение Дрейтона делом внутренним и полагал, что его расследованием должен заниматься профсоюз. Вмешательство извне, полиции или кого-то другого, здесь явно не приветствовалось, но нашлись два-три человека, со-

¹ «Мария Целеста» — судно, покинутое экипажем по невыясненной причине и найденное 4 декабря 1872 года в 400 милях от Гибралтара. Классический пример корабля призрака (*Примеч ред*)

хранивших чувство индивидуальности, которые были способны понять, что Грей явился не для того, чтобы обвинить их в чем-то, а чтобы узнать, что могло заставить Дрейтона так поступить.

Один из машинистов, Карлос Мигель, уроженец Кастилии, был особенно общительным. Покинув Мадрид в начале девяностых, он давно обосновался в этой стране. Мигель, высокий, сохранивший к сорока годам прекрасную фигуру, с копной иссиня-черных волос и аккуратно подстриженными усами, был чуть ли не единственным другом Дрейтона, которого остальные считали чудачком, чьи политические взгляды были недостаточно радикальны. Он разделял интерес Дрейтона ко всему загадочному, и, когда остальные обсуждали деятельность профсоюза и футбол, они часто уходили в уголок и разговаривали о своем.

Если бы Грей не знал о том, что Дрейтон участвовал в составлении «Тайного подземелья», он бы не сумел расположить к себе Карлоса Мигеля.

— Что же, — сказал испанец, — значит, вы знакомы с *el libro de Drayton*?¹

— Да, — ответил Грэй. — Мне кажется, там все порядком приукрасили, но обложка...

Мигель перебил его:

— Синьор, вы знаете, что Дрейтон устроился машинистом в метро только для того, чтобы иметь возможность ходить по туннелям Северной линии и изучать их загадки?

Грей покачал головой.

— Что ж, — продолжил Мигель, — вы должны понять, что он был одержим ими. Дрейтон рассказал мне, что в Северную линию входит самый длинный во всей се-

¹ Книгой Дрейтона (*исп.*).

ти туннель, больше семнадцать миль, детище Чарльза Йеркса. Это отрезок между станциями «Ист Финчли» и «Морден». К тому же здесь находится самый глубокий туннель. У станции «Хэмпстед» он проходит в девятистах футах под поверхностью земли. У него было множество разных теорий о том, что там находится; *fantástico ¿no?*¹

— Слухи, догадки, домыслы, — прокомментировал Грей. — Все это не более чем выдумки. Ведь он был редактором серии книг о городских легендах. Да, я согласен, что его исчезновение при таком увлечении — это невероятное совпадение, но все же...

— *Perdón, señor*,² но не все так просто. Дрейтон был моим другом. Он мне доверял. *La estaciones fantasmas*, вы знаете о них? О станциях-призраках? «Норт Энд», «Сити Роуд», «Саут Кентиш Таун» и «Кинг Уильям Стрит». Вот что занимало Дрейтона.

— Эти брошенные станции?

— *Sí*³, брошенные. *Pero* в глазах Дрейтона — *no*⁴. «Захваченные», сказал бы он. Небезопасные. Когда ведешь последний поезд на линии, проще сбавить скорость, верно? Это можно сделать, проезжая эти станции. Можно даже совсем остановиться. Пассажиров в такое время не так уж много, а кто есть — или пьян, или спит, и не станет жаловаться, *¿tú comprendes?*⁵

— Вы хотите сказать, что Адам Дрейтон остановил поезд и сошел на одной из таких станций?

— *Como una palomilla atraída por la llama...*

¹ Удивительно, правда? (исп.)

² Простите, синьор (исп.).

³ Да (исп.).

⁴ Но... нет (исп.).

⁵ Понимаешь? (исп.)

— Я не понимаю.

— Как мотылек летит на свет...

В тот вечер, вернувшись в свою тесную квартиру в Таффелл-парке, Грей сел в свое любимое кресло с «Тайным подземельем» в руках. Несколько раз он перелистывал ломкие желтые страницы то вперед, то назад. Книга была разделена на несколько глав, каждая из которых была посвящена отдельной «подземной» городской легенде.

«1. Случаи посмертных мутаций на кладбищах Лондона. 2. Зброшенные перевернутые небоскребы. 3. Масовое исчезновение людей из подземных бомбоубежищ во время немецких бомбардировок Лондона. 4. Граффити или оккультный символизм? 5. Скрываемые свидетельства строителей подземных линий метро 1860—1976 гг. 6. Закрытие ответвления линии Флит до Фенчерч-стрит. 7. Секретные бункеры или центры уничтожения? 8. Низкоуровневые платформы предполагаемого экспресс-метро: почему они приводили к безумию? 9. Скрытые шахты, ведущие в подземный Лондон».

В последней главе был один параграф, который, очевидно, стал причиной тревожных снов, преследовавших Грея в ту ночь. Говорилось в нем следующее:

Большая часть города теперь расположена не на поверхности, а под землей, и нет нужды перечислять все бесчисленные туннели, подземные парковки, подвалы, усыпальницы, бункеры, цокольные этажи, склепы, ходы и коллекторы. Каждое здание в Лондоне имеет нижнюю часть, скрытую глубоко под землей. Под нашими ногами — руины англосаксонского Люнденвика и римского Лондиниума. Современный

город со временем будет поглощен. Этот неоновобетонный лабиринт станет Атлантидой катакомб. Чем выше мы строим, тем глубже в землю нам приходится вгрызаться, чтобы поддержать постройки на поверхности. Все жуткие нечистоты, которые мы закачиваем под землю, вся грязь и гниль, зародыши, фекалии и сперма, кровь и слизь, но больше всего волосы — какое это пиршество для подземных обитателей, которые существуют в темноте и избегают солнечного света! Эти создания ненавидят нас и имеют на то все причины.

Его внимание перескакивало с текста на причудливые черно-белые фотографии, разбросанные по книге. Где их нашел Дрейтон, было непонятно, потому что авторство нигде не указывалось. Может быть, они принадлежали ему самому. Вот что было на них изображено.

Передняя обложка: размытая человекоподобная фигура, сфотографированная из движущегося поезда, с лицом, почти полностью закрытым волосами. Между прядями просматривается некое подобие рта с острыми, как у акулы, зубами. Изможденное существо пятится в боковую ветку, прячась от света.

Стр. 18. Серия фотографий пустых гробов с разбитыми днищами.

Стр. 33. Чертеж подземной перевернутой башни в сорок четыре этажа с расходящимися от нее во все стороны ходами. Некоторые ведут на кладбища, другие — к канализационным трубам и так далее. Легенда: «Норт-Энд (Хэмпстед)».

Стр. 49. Нечто похожее на размытые кровавые отпечатки рук на выложенной белой плиткой стене станции

«Британский музей»; сфотографировано во время ее использования в качестве бомбоубежища в 1941 году.

Стр. 87. Человеческие кости с черепом, лежащие рядом с рельсами в подземном туннеле.

Стр. 102. Надписи (углем?) на боку вагона марки «1972 Mk. 1»: «Голодные не спят», «Мы ползем через могилы», «Темнота за твоими глазами» и «Внизу только боль».

Стр. 126. Выходное отверстие сточной трубы, забитое огромным количеством волос, свисающих с дугообразного потолка викторианской кладки.

Грею оказалось относительно несложно получить ордер, чтобы попасть на закрытую станцию «Саут Кентиш Таун». Несмотря на то что наземное здание входа на станцию, где когда-то продавали билеты, теперь занимал массажный салон, все подземные шахты, коридоры и прочие проходы по-прежнему находились в ведомстве Лондонского метрополитена. После закрытия необходимость поддерживать их в рабочем состоянии отпала, и теперь некоторые части станции были небезопасны. Ради того чтобы попасть сюда, Грею пришлось согласиться на то, что его будет сопровождать инженер, работавший на этом отрезке Северной линии и знакомый с этим местом.

Этот инженер, Джон Хит, договорился встретиться с Греем у массажного салона на углу Кентиш-таун-роуд и Касл-плейс. Инспектор припарковал машину прямо у входа в здание. Он удивился, увидев, насколько его внешний вид все еще напоминает станцию метро. Не хватало только указателя на стене. У стоявшего тут же газетного киоска прохаживался невысокого роста человек в желтой каске и рабочем комбинезоне. Он держал тя-

желую сумку с логотипом компании-подрядчика, и обе руки его были полностью покрыты толстым слоем сажи. Наверняка это был тот, кого определили Грею в помощь.

Седые, как пепел, длинные и ломкие волосы делали Хита похожим на пришельца из шестидесятых. Нос и рот его закрывала свободная защитная маска. Еще на нем были очки а-ля Джон Леннон, за толстыми линзами которых глаза казались жидкими. Он и правда был ужасно смешон.

После того как Грей показал свое полицейское удостоверение, они оба вошли в здание и инспектор объяснил владельцам массажного салона (которые, похоже, обрадовались, что их поиски были связаны не с этим заведением), что им нужно. Потом Хит, сверяясь со схемой строения, провел Грея на склад в самой глубине здания, откуда можно было попасть на пожарную лестницу.

От старых лифтовых шахт проку никакого не было, потому что кабины и всю механическую начинку из них убрали еще в 1924 году, когда станция закрылась, но по лестнице, ведущей на верхнюю лифтовую площадку, и по лестнице пожарного выхода, ведущей к нижней лифтовой площадке, все еще можно было пройти. Входные двери оказались закрыты на висячий замок, и Хит перепробовал несколько ключей из своей сумки, прежде чем нашел подходящий.

— Мне рассказали, зачем вам нужно сюда спуститься. — Голос Хита был приглушен мешковатой маской, закрывавшей рот и нос. — Но все равно это ничего не даст. Мы уже искали Дрейтона. Вы сейчас только лишний раз рискуете головой.

— Я сам решу, чем мне заниматься, — ответил Грей. — Просто отведите меня туда. Вы будете делать свою работу, я свою, идет?

— Смотрите под ноги, когда будем идти. Эти старые ходы очень опасны. Тут легко можно свалиться в вентиляционную шахту или оступиться перед поездом. Слышите?

Когда он открыл дверь, откуда-то снизу донесся отдаленный грохот вагонов, за которым через секунду последовал мощный порыв несвежего воздуха.

Хит усмехнулся, включил мощный фонарь и провел лучом по лестнице и по темно-зеленой плитке на стене перед поворотом. Ступени были завалены мусором.

Грэя поразило, как знакомо и одновременно странно выглядело место, в котором они оказались. Как любому лондонцу, к метро ему было не привыкать, и он много раз спускался в подземные лабиринты на разных станциях, правда, они всегда были ярко освещены и полны спешащих пассажиров. Но здесь царила темнота, и каждый шаг эхом усиливал ощущение полной изоляции. И все же это ощущение было вызвано только лишь отсутствием освещения и людей, потому что во всем остальном это была обычная станция метро после закрытия. С той только разницей, что с наступлением утра станция не оживала. Это была самая настоящая *una estación fantasma*, как выразился бы Карлос Мигель.

— Вы знали Адама Дрейтона? — спросил Грей, чтобы нарушить гнетущую тишину между звуками проезжающих поездов.

Видеть он мог только спину Хита. Инженер шел впереди, немного ссутулившись, и, судя по всему, думал только о работе. Все же после довольно продолжительного молчания он наконец ответил.

— Да, — сказал Хит. — Я много чего знал о нем. На Северной линии о нем легенды ходили. Он останавливал свой поезд в каких-то странных местах и сбивал рас-

писание. Правда, работал он только по ночам, когда это было не так важно. Когда его собрались увольнять, профсоюз вступился за него горой. Они говорили, что он беспокоился о безопасности.

— О безопасности?

— Да, мол, что останавливался он из-за ложных сигналов и странных звуков на путях. Перестраховывался. Ехать медленнее предпочтительнее, чем рисковать. Так сказали профсоюзовцы.

Они спустились до конца лестницы и вышли на верхнюю лифтовую площадку. Плитка здесь уже была не зеленой, а грязно-бежевой и красной. В круге света от фонаря Хита инспектор заметил рекламные плакаты двадцатых годов: мыло «Лайфбой», паста-экстракт из говядины «Боврил», бульонные кубики «Оксо», жевательная резинка «Риглиз», пиво «Гиннесс». Очередной поезд пронесся в одном из туннелей под ними, и вызванный им порыв ветра захлопал потрепанными краями плакатов.

— Что вы знаете о пустующих станциях здесь, на Северной линии? Вы сами на них бывали? — спросил Грей.

— Кое-что знаю. Я на них всех бывал в разное время. О них дурная молва ходит. Самая важная — это «Норт Энд» или «Булл энд буш», как операторы ее называют, — отозвался Хит.

— И чем она важна?

— Там находится шлюз, — сказал Хит. — Вместо станции метро, которая там планировалась, в 1936 году ее превратили в центральный командный пункт. У некоторых станций на линии тоже есть шлюзы, но все они контролируются из «Норт Энда». Представьте, здание

уходит под землю больше чем на тысячу футов, хотя изначально использовались только верхние уровни. Центр открыли в 1940 году, чтобы не допустить затопления всей системы метрополитена. До этого почти каждый шлюз контролировался по отдельности.

— Разве можно затопить всю систему?

— Если бы нацисты бросили бомбу в Темзу, туннели под рекой могли не выдержать. Через десять минут все подземелье наполнилось бы водой. По крайней мере, так говорили. Позже, в начале семидесятых, построили вторую зону шлюзов возле нескольких станций: «Шефердс Буш», «Олдгейт-Ист», «Баундс-грин». Прямо перед тем местом, где пути уходят под землю.

— Какое это имеет отношение к затоплению?

— Никакого. Они просто решили, что, когда прозвучит трехминутная готовность, люди перестанут соображать и ринутся в туннели метро, спасаясь от советских атомных бомб. Ну, вы поняли идею...

К этому времени они уже дошли до винтовой пожарной лестницы, которая уходила намного глубже, к нижней лифтовой площадке. Она была намного круче первой лестницы, и, спускаясь, Грей держал руку на стене. Эхо их шагов звучало так, будто за ними по пятам шли призраки.

— Кстати о странностях. Вы слышали о сторожевых поездах, о Стражах? — спросил Хит и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Первая остановка «Кинг Уильям Стрит» на заброшенной ветке, дальше он едет до «Боро», потом возвращается по ветке «Бэнк» Северной линии, останавливаясь по дороге только на станциях-призраках. Он едет до «Сити-роуд», до «Саут Кентиш Таун», на которой мы сейчас с вами находимся, а потом

возвращается через «Камден» до конечной — «Норт Энд», под Хэмпстед-Хитом. О ней я вам, кажется, уже рассказывал. На этом поезде ездит команда техников, которые проверяют те места, где не бывают пассажиры. По ночам компания не подает тяговый ток на пути, поэтому старые вагоны возит дизель. Это бывает раз в неделю или около того. У каждой линии свой Страж.

— Вы что, меня за дурака держите? — раздраженно отозвался Грей. — Это же из книги Дрейтона. Похоже, вы читали ее. Это так?

Они вышли на нижнюю лифтовую площадку.

— Этот туннель ведет к северной и южной платформам, — сказал Хит. — Но он довольно длинный.

Если бы не совершенная нелепость такого предположения, Грей посчитал бы своего спутника каким-то загадочным существом, вырядившимся в комбинезон, чтобы сойти за человека. Коллеги в Скотланд-Ярде подняли бы его на смех за подобные подозрения, но он не мог отделаться от впечатления, что в темноте Хит необычайно походит на ту фигуру, которую Грей заметил у ворот станции «Кентиш Таун». Это было всего несколько ночей назад и в одной остановке от этой станции-призрака. Он видел это своими собственными глазами, а не прочитал в какой-нибудь сумасшедшей книге наподобие «Тайного подземелья». Грей легко поверил бы, что этот Хит не просто прочитал ее, а сошел с ее страниц.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал Грей, доставая из кармана пачку сигарет «Бенсон энд Хэджис».

— Какой вопрос? — просопел Хит.

— Читали ли вы «Тайное подземелье», — ответил Грей, сунул сигарету в рот и поднес к ней огонек старой

потертой «Зиппо». От зажигалки пахло бензином. Он затаился и выдохнул облако сизого дыма в луч фонаря Хита.

— Ах, это... Послушайте, здесь нельзя курить. Это опасно.

— Вы видите здесь где-нибудь указатель «Курение запрещено»? Я — нет. Да и ваша маска наверняка защитит вас.

Хит остановился и, посмотрев на горящий кончик сигареты, ответил:

— Да, я читал ее. Я помню ее наизусть. Это моя любимая книга.

Грею показалось, что откуда-то из прохода донесся шуршащий звук, похожий на шелест разлетающихся на ветру сухих листьев. Но, прежде чем он сумел определить направление, откуда шел звук, его поглотил грохот проходящего мимо поезда. Хит пробормотал что-то невнятное, похожее на: «болтун... Мигель... ему конец...» — но большую часть этих слов заглушил шум поезда.

Было очевидно, что Хит что-то знал об исчезновении Дрейтона и, может быть, даже приложил руку к этому. Что, если он тоже помешался на всех этих станциях-призраках и начал считать Дрейтона соперником? Как бы там ни было, допрашивать его нужно было в отделении, а не здесь и не сейчас. У Грея уже ныли спина и живот — это напомнили о себе старые раны. Пора было возвращаться на поверхность. Здесь, под землей, не было ничего, что могло бы помочь в расследовании. К тому же, хоть Хит не отличался крепким телосложением, Грей подозревал, что имеет дело с безумцем.

Снова послышалось шуршание, похожее на шорох листьев. На этот раз оно как будто было ближе. Хит, по-

хоже, его не слышал и продолжал бесстрастно смотреть на курящего Грея прищуренными глазами, плававшими за толстыми линзами очков.

— Что ж, — сказал Грей, — я увидел все, что хотел. Давайте возвращаться наверх.

— Хорошо, — ответил Хит. — Но вы еще не все посмотрели. Зачем нужно было тратить ваше и мое время, если вы не посмотрите на это?

— На что я еще не посмотрел?

— Это вон там, в углу. В тридцати футах, прямо у стены. — Хит направил луч на нечто, похожее на большую кучу тряпок. — Сходите, посмотрите. Я уже знаю, что это, поэтому останусь. Я не уйду, не беспокойтесь.

Сделав несколько шагов, Грей обернулся, чтобы удостовериться, что Хит не собирается подобраться к нему сзади. То, что он принял за кучу тряпок, оказалось человеческим телом, лежащим в углу лицом в плитку. Затылок его был разможен. Кровь запекалась на спутанных волосах. Поворачивая тело, Грей думал, что увидит незнакомое лицо, потому что Дрейтона он не знал. Но это был испанец, Карлос Мигель. Пока Грей осматривал труп, Хит не сдвинулся ни на дюйм, но нечто живое упало на полицейского из темноты потолка, заставив рухнуть на пол.

Его голова ударилась о бетон, и сознание отключилось.

Очнулся он в вагоне метро. Вернувшееся сознание принесло с собой боль и тошноту. Он провел рукой по голове и нащупал с полдюжины царапин на лице и на затылке. Живот разрывало от острой боли, и он почувствовал, что сиденье под ним мокрое. Падение открыло некоторые его

старые внутренние раны, и теперь из прямой кишки шла кровь.

Боль была нестерпимой, но Грей сумел заставить себя внимательно осмотреться. Находился он в поезде, который несся по темным туннелям с головокружительной скоростью.

На полу вповалку лежали тела. Некоторые висели на перетягивающих шею кожаных петлях, прикрепленных к потолку. Все они были убиты недавно и жестоко. В вагоне находились десятки тел. Руки и ноги торчали под разными углами из куч плоти и одежды. На лицах застыло выражение невыразимого ужаса и боли. Среди мертвецов лежал и Карлос Мигель. Грея бросили сюда с кастильцем, посчитав мертвым.

Каким-то образом он стал пассажиром вагона, который, судя по его виду, был изготовлен еще в двадцатых годах. Освещался вагон обычными электрическими лампочками, заключенными в плафоны в стиле ар-деко, два продольных ряда сидений разделял широкий проход. На то, что это очень старый вагон, указывали и древние рекламные листовки над окнами, и схема метро с такими уже не существующими линиями, как Хэмпстед-энд-Хайгит, Сити-энд-Сайт-Лондон и Сентрал-Лондон. В те времена линии Виктория и Джубили были еще не построены и даже не задуманы. Кроме того, схема линий выглядела непривычно: это было хаотичное переплетение кривых, а не четкая, похожая на принципиальную электрическую схему карта, спроектированная Гарри Бекком.

Взявшись за шест у края сиденья, Грей с трудом поднялся на ноги и в каком-то оцепенении стоял пару минут,

покачиваясь вместе с вагоном. Его наручные часы показывали 1:20. Он провел без сознания больше восьми часов. Левая брючина прилипла к внутренней поверхности бедра, там, где частично засох ручей крови, льющейся из прямой кишки. Пройдя между телами, он увидел, что находится в последнем вагоне состава и дверь в предпоследний вагон приварена намертво.

Грей пробрался обратно на сиденье и посмотрел в окно. Неожиданно поезд, не сбавляя скорости, въехал на станцию, и он прижался лицом к стеклу, чтобы различить написанное на стене название. Света из вагонов хватило, чтобы разобрать надпись на выцветшей табличке: «Норт Энд». Также свет выхватил из темноты несколько низкорослых безликих созданий, которые прятались в тени на платформе. Они сторонились света, но возликовали, увидев прибытие Стража.

Грей не сомневался, что внутренние и внешние ворота теперь, когда Страж закончил свое путешествие, закрыты по всей сети подземных туннелей. У него появилось подозрение, что ворота эти служат совсем не для тех целей, которые называются официально, и нужны для того, чтобы никто не смог выйти на поверхность по путям. Дрейтон описал немало кусочков этой головоломки в своей книге «Тайное подземелье», но Грей не складывал их до тех пор, пока не стало слишком поздно и он не столкнулся лицом к лицу с тайной безбрежного лабиринта индустриальной преисподней.

В мыслях Грея все разрозненные главы книги Дрейтона собрались в единое связное объяснение того, что происходило. В объяснении этом участвовали несколько заброшенных перевернутых небоскребов, один из которых

находился под «Норт Эндом» и уходил в землю, вероятно, более чем на тысячу футов. Сооружения, населенные странными существами, которым порой надоедало питаться тем, что они получали, используя меньшие туннели, ведущие к кладбищам по всему Лондону. Возможно ли, чтобы эти пожиратели плоти переняли какие-то черты трупов, на которых они охотились, как говорится в преданиях о людоедах?

Он подумал о призрачном поезде и о его машинисте... *Soto una palomilla*... О человеке по имени Хит, в толстых очках и с закрытым лицом, который знал все, что знал сам Дрейтон...

Когда он подумал о станциях-призраках на линиях Пикадилли, Метрополитэн и всех остальных, ему вдруг стало понятно, что на каждой из них в ту ночь был свой Страж.

Неожиданно во всех вагонах погас свет.

Повинуясь сигналу, как они действовали много раз в прошлом, они жадной волной хлынули из черной бездны коридоров и захламленных комнат.

Пока низкорослые существа целеустремленно преодолевали расстояние между их убежищами и поездом, он наконец понял: для того чтобы удержать их здесь, под землей, в темноте, чтобы не дать им захватить весь Лондон, их необходимо насытить.

Лишь раз успел Грей вскрикнуть в темноте.

Элизабет Хэнд

СБОРЩИЦЫ ШАФРАНА

Элизабет Хэнд — лауреат нескольких премий и автор восьми романов, в том числе «Потерянное поколение» и «Смертельная любовь», а также трех сборников рассказов, последний из которых называется «Шафран и сера: странные истории». В настоящее время она живет на побережье штата Мэн.

«Сборищицы шафрана» — последний из четырех рассказов, объединенных в серию “Утраченные владения”, — рассказывает автор, — в которой затрагивается тема творческой и эротической одержимости. Действие во всех четырех историях разворачивается после событий 11 сентября 2001 года в мире, напоминающем наш. В “Сборищицах шафрана” — в темном мире, который рождается сейчас».

Для нее он был местом почти в той же степени, что и человеком, утраченным владением, краем, в котором пробуждались желания сердца. Одинокими ночами она представляла его, как другие представляют себе пустой пляж, лазурную воду. Годами она думала об этом и засыпала.

В Сиэтл она прилетела на симпозиум, посвященный будущему. Поездка была для нее радостным событием, потому что на восточном побережье, где она жила, уже тридцать четыре дня не переставая шел дождь, — метеорологический рекорд, ставший избитой шуткой: «Осталось только шесть дней». В Сиэтле и то было суше.

Она принимала участие в круглом столе по стихийным бедствиям и глобальному потеплению. Первые три ее романа являли собой апокалиптические видения ближайшего будущего. Она прекратила писать, когда ее произведения перестали быть художественной литературой и стали больше походить на репортажи. После того она выпустила серию книг о путешествиях во времени, можно сказать, воплотила свою давнюю мечту попасть в древний мир. Многие ее друзья и коллеги по перу тоже обратились к подобным темам: ретро, ностальгия, история. В свое время она закончила факультет классической археологии, и исследования приносили ей настоящее удовольствие, хоть и отнимали все силы. Она ненавидела летать самолетами: постоянный страх, постоянные задержки. Природные катаклизмы, нищета, недоедание, жажда, наводнения, массовые беспорядки стали настолько частым явлением, что посещение мест,

которые когда-то представлялись красочными и безмятежными, как картинки с открыток двадцатых годов, превратилось в своего рода экстремальный вид спорта. И все же она ехала, вооружившись глазной повязкой, затычками для ушей, плеером и снотворным. Закрывая глаза, она видела руку Рэндалла, заброшенную за голову на подушке, его склоненное в сторону лицо. Через пятнадцать минут после окончания круглого стола она уже ехала на такси в Такому, а через несколько часов — летела в Сан-Франциско.

Он встретил ее в аэропорту. После нескольких недель дождя на востоке и пасмурной погоды в Сиэтле солнечный свет казался ей живым, он словно впился когтями ей в глаза. Они приехали в гостиницу, в которой она всегда останавливалась. Здесь все выглядело как в каком-нибудь старом второсортном кино: лестница с витиеватыми коваными решетками в фойе, администратор за узкой конторкой из полированного ореха, портье, каждого из которых запросто мог бы сыграть молодой Петер Лорре¹. Лифт с подсвеченным табло, похожим на часы, которые никак не могут остановиться на правильном времени, крошечное кафе размером с чулан для швабр, прилепившееся к заднему входу.

Рэндаллу всегда приходилось сутулиться, когда он входил в лифт. Он был очень высоким, хоть и не таким поджарым, как двадцать лет назад, когда они познакомились. Волосы его, все такие же прямые и мягкие, уже не блестели, как когда-то. Если раньше они были темно-русыми, то теперь посерели, приобрели какой-то

¹ Петер Лорре (1904—1964) — американский актер австрийского происхождения; в Голливуде чаще всего играл роли злобных и коварных иностранцев. (*Примеч. ред.*)

странный темноватый оттенок, который при определенном свете иногда даже казался голубым, как бледный мокрый шифер. Он имел привычку посматривать сероголубыми глазами сквозь опущенные черные ресницы. Сначала ей это казалось кокетством, но со временем она поняла, что это было проявлением замкнутости, отстраненности от мира, которые порой граничили с патологией. Если бы он больше сидел дома, его можно было бы назвать агорафобом.

Но он им не был. Они выросли в соседних пригородах Нью-Йорка, хотя встретились намного позже в округе Колумбия. Когда пришло время решать, где осесть, она отправилась в Мэн вместе со всеми остальными писателями и художниками, искавшими убежища в прошлом, а он выбрал Северную Калифорнию. Он работал штатным журналистом в одном глянцево-м журнале, выходившем четыре раза в год, каждый номер которого стоил, как бутылка хорошего семильона. Он брал интервью у ученых, занятых революционными исследованиями, у писателей — нобелевских лауреатов, у поэтов, которые писали на своей собственной коже и имели пристрастие к дорогим наркотикам, незаметно изменявшим их сознание и манеру письма до такой степени, что казалось, будто каждая очередная книга или публикация в Интернете была написана другим человеком. «Множественное расстройство поэта» — так назвал Рэндалл это состояние, и термин прижился. Он был из тех писателей, которые штампуют меткие выражения. Его чуть искривленные губы как будто застыли в печальной полуулыбке, и каждый раз, когда он брал длинными красивыми пальцами ручку, она с удивлением вспоминала, что он левша. Он собирал старинные книги, инкунабулы («*Ars*

oratoria», изучение искусства запоминания Жакобуса Публия; «*Opera Philosophica*» Сенеки, содержащая первое письменное упоминание землетрясения; «*Hetaplus*» Пико дела Мирандолы) и манускрипты. Вся его квартира была заставлена массивными дубовыми книжными шкафами с яркими, как зеркала, стеклами, в которых хранились папки с рукописями, машинописные тексты, книги в кожаных переплетах. У окна, выходящего на бухту, — прекрасный старинный комод, забитый письмами Неруды, Беккета и Асапе. На стенах красовались плакаты и рисунки, большей частью с посвящениями Рэндаллу. Он был младше ее на два года и, как она, бездетен. За все время, прошедшее после его развода, она ни разу не слышала, чтобы он называл свою жену по имени.

В маленьком гостиничном номере было душно. Под деревянным потолком медленно вращался вентилятор, почти не шевеля белую занавеску на единственном окне. Окно выходило на вентиляционную шахту. Прямо напротив, в окне другого старого здания, можно было видеть семью, сидевшую за кухонным столом под флуоресцентной лампой.

— Сюзанна, иди сюда, — позвал Рэндалл. — У меня для тебя кое-что есть.

Она повернулась. Он сидел на кровати (хорошая кровать с мягким матрасом, дорогим белым бельем и пуховым одеялом) и доставал из кожаной сумки, которую всегда носил с собой, плоский пакет.

— Вот, — сказал он. — Это тебе.

Книга. Рэндалл всегда дарил ей книги. Или дорогой чай — яркие пакетики из фольги, которые шипели, когда она их раскрывала, и издавали неопишуемый аромат; сухие листочки, похожие на мышинный помет, лепестки

цветов или шерсть; листочки, чай из которых пах, как старая кожа, и заставлял ее мечтать об экзотическом сексе.

— Спасибо, — сказала она, разворачивая розовато-лиловую бумагу, которой была обернута книга. А потом увидела, что это, и уже с бóльшим выражением повторила: — *О, спасибо!*

— Я подумал, раз ты возвращаешься на Тиру¹, будет что почитать в самолете.

Это была большая книга в картонном футляре, классическое издание «Фресок Феры» Николаса Спиротиадиса². Когда этот роскошный том на плотной мелованной бумаге с раскладывающимися вклейками и фотографиями настенных изображений был опубликован лет двадцать назад, он считался дорогим изданием, а сейчас, пожалуй, и вовсе стоил целое состояние.

Коробку книги украшал фрагмент самого известного изображения острова — фрески под названием «Сборщицы шафрана»³. На нем была прекрасная молодая женщина в затейливо украшенной юбке ярусами и обтя-

¹ Тира (Тера, Фера) — остров вулканического происхождения, входящий в группу островов Санторини, архипелаг Киклады, бывший одним из центров крито-минойской цивилизации (2700—1400 гг. до н. э.). После извержения вулкана Санторини в 1627 г. до н. э. был полностью засыпан вулканическим пеплом, который сохранил до наших дней многие памятники минойской культуры. (*Примеч. ред.*)

² Упомяная эту не существующую в реальности книгу, автор дает аллюзию на труд выдающегося греческого археолога Спиридона Маринатоса (1901—1974) «Жизнь и искусство древней Феры», вышедший в 1972 г. (*Примеч. ред.*)

³ «Сборщицы шафрана», как и упомянутые ниже фрески, названные археологами «Богиня зверей», «Молящиеся» и «Очистительный бассейн», — образцы минойских настенных росписей, датируемых II тыс. до н. э. (*Примеч. ред.*)

гивающей рубашке; голова ее была обрита, оставлен лишь тонкий завитой хвостик на затылке, на лбу — татуировка. Она была в серьгах-кольцах и браслетах, два на правой руке, один — на левой. С рукавов свисали кисточки. Пальцами с красными ногтями она срывала рыльце с цветка крокуса.

Сюзанна видела оригинал фрески лет десять назад, когда американским исследователям было гораздо проще получить доступ на территорию раскопок и в Национальный археологический музей в Афинах. И вот теперь, после двух лет бюрократических проволочек, она наконец получила разрешение вернуться.

— Какая красота, — сказала она. Ее все так же восхищало то, как современно выглядела эта девушка. И дело было не только в ее одежде и украшениях. Ее лицо. Губы приоткрыты, взгляд одновременно призывный и отсутствующий — пятнадцатилетняя дочь богатых родителей.

— Смотри, не урони в ванну. — Рэндалл наклонился и поцеловал ее в голову. — Это единственная копия, которую я нашел через Интернет. Она стала очень редкой книгой.

— Постараюсь, — сказала с улыбкой Сюзанна.

— Клод ждет нас на обед. Но не раньше семи. Иди ко мне...

Они лежали в темной комнате. Его кожа на вкус была соленой и горьковатой, его волосы грели кожу на ее бедрах. Она закрыла глаза и представила его рядом с собой: длинные ноги, печальный рот. Открыла глаза и увидела его. Он спал. Она поднесла руку к его груди и почувствовала исходящий от него жар, уловила медовый запах и начала беззвучно плакать.

Его руки. Большая смятая кровать. Через два дня она уедет, и в комнате наведут порядок. Ничто не будет указывать на то, что она здесь побывала.

Они поехали на Норт-бич в афганский ресторан. У Рэндалла машина была старше, гибрид второго поколения, гораздо более дорогой автомобиль, чем могла позволить себе она (даже если собрать все гранты и не платить налоги) или кто-либо из ее знакомых на востоке. Она никак не могла привыкнуть к тому, как в ней было тихо.

Снаружи тротуары были запружены людьми, все утопало в предвечернем свете, серебристо-голубом и золотом, как подсолнечник. Держащиеся за руки пары, дети, группы студентов, говорящих по мобильным телефонам и размахивающих руками, скейтбордист, старющийся не отстать от паркурщиков.

— Тут все чем-то заняты, — заметила она. Даже попрошайки, похоже, были увлечены своим делом.

— Это из-за света. У всех настроение поднялось. А еще наркотики, которые они в воду подмешивают.

Она рассмеялась, и он обнял ее за плечи.

Когда они приехали, Клод уже сидел в ресторане. Этот поэт в конце восьмидесятых завоевал известность, а потом и славу своими «Элегиями Гиацинта», циклом стихотворений, которым он откликнулся на эпидемию СПИДа. Рэндалл первый раз взял у него интервью, когда Клод получил премию Мак-Артура. Со временем они стали друзьями. У Рэндалла дома на стене висела рукопись второй элегии с нарисованным самим автором гиацинтом.

— Сюзанна! — Вскочив с места, поэт обнял ее, потом пожал руку Рэндаллу и пригласил обоих садиться. —

Я заказал вина. Хорошее каберне. Услышал о нем в спортзале на тренировке.

Сюзанна восхищалась Клодом. За день до ее отъезда в Сиэтл он прислал ей букет — полдюжину изящных *narcissus serotinus*¹ с длинными белыми лепестками и желтыми сердечками. Их сладкий запах наполнил весь ее небольшой дом. Она отправила ему по электронной почте благодарность, многословную и искреннюю, но с оттенком грусти — это было так непривычно и так мило, но ей пришлось уехать, не успев насладиться подарком вдоволь. Клод был несколькими годами младше ее, худ и мускулист. На всей голове из растительности имелась только пушистая черная бородка. Брови он потерял во время цикла химиотерапии, и теперь на их месте были вытатуированы тонкие линии, пронизанные золотыми бусинками. Грудь и руки покрывали татуировки в виде стилизованных цветов, дельфинов и осьминогов (всю эту иконографию она видела в Акротири² и на Крите), а также имена любовниц, друзей и коллег, которые умерли. Внутренняя сторона его руки была испещрена следами от укусов, похожими на маленькие черные бусинки, вплетенными в изображения волн и ласточек, и зарубцевавшимися белыми следами юношеской попытки покончить с собой. Лицо его хранило тоскливое мягкое выражение. Это было лицо усталого аскета или милостивого Антонена Арто³.

¹ *Narcissus serotinus* (нарцисс поздний) — редкий вид нарцисса. На языке цветов нарцисс является символом обманутых надежд и несбывшихся желаний. (Примеч. ред.)

² Акротири — название раскопок на месте поселения минойской цивилизации на о. Санторини. (Примеч. ред.)

³ Антонен Арто (1896—1948) — французский писатель, поэт, драматург, актер, автор собственной театральной концепции, т. н. «театра жестокости». (Примеч. ред.)

— Нужно было книгу принести! — Сюзанна села рядом с ним, досадливо качая головой. — Мне Рэндалл такую книгу подарил... «Фрески Феры» Спиротиадиса. Слышал?

— Не может быть! Я слышал о ней, но так и не смог найти. Хорошая?

— Восхитительная. Тебе бы понравилась, Клод.

Они поели и поговорили о его новом сборнике, который должен был выйти следующей зимой, и о поездке Сюзанны в Акротери. О следующем интервью Рэндалла с женщиной из Комитета по биоэтике, которая, по слухам, симпатизировала лобби защитников клонирования.

— Жуть, — сказал Клод. Покачивая головой, он потянулся за второй бутылкой вина. — Это и представить страшно. Даже с домашними животными...

Он передернул плечами и положил руку на плечо Сюзанны.

— Так что, возвращаешься на Санторини, значит? Рада?

— Конечно. Я, с тех пор как увидела ту книгу, вся как на иголках. Это невероятное место... Когда попадаешь туда, начинаешь думать: а что было бы, если бы эта цивилизация не погибла в один момент...

— Ну, тогда она действительно исчезла бы, — сказал Рэндалл. — То есть была бы потеряна. Если бы это место не засыпал вулканический пепел, там ничего не сохранилось бы. Про эти фрески мы бы никогда не узнали. Точно так же, как мы не знаем ни о чем другом из той поры.

— Кое-что мы знаем, — возразила Сюзанна. Она старалась сдерживать раздражение — вина уже было выпито немало, и в голове начинало туманиться. — Платон. Гомер...

— Ах, эти, — протянул Клод, и они рассмеялись. — Но он прав. К нашему времени все это уже превратилось бы в пыль. Сгнило. Хоть при Зевсе, хоть при Иисусе. Все, что ты любишь, было бы погребено под каким-нибудь отелем. Или превратилось бы в подобие Афин, что еще хуже.

— Думаешь? — Она отпила вина. — Мы этого не знаем. Мы не знаем, что с ними случилось бы. Это...

Она обвела рукой зал, молодую пару, сидевшую под мерцающей розовой лампой и забавлявшуюся с электронной игрушкой, которая проецировала на воздух маленькие дрожащие лица, когда девушка включала и выключала ее. За окнами в вечерней мгле горели неоновые лампы.

— Они могли превратиться в это.

— В это? — Рэндалл, не сводя с нее глаз, откинулся на спинку кресла. — Ты думаешь, это так уж хорошо?

— Да, — сказала она, глядя прямо на него. Оба не улыбались. — Это чудо.

Рэндалл, у которого зазвонил телефон, извинился и отошел. Клод снова наполнил свой бокал и повернулся к Сюзанне.

— Как у вас дела?

— С Рэндаллом? — Она вздохнула. — Хорошо. Не знаю. Может, замечательно. Завтра собираемся смотреть дом.

Клод поднял татуированную бровь.

— Серьезно?

Она кивнула. Рэндалл подбирал дом уже три года, с самого развода.

— Кто его знает, может, этот понравится, — сказала она. — Трудно купить дом?

— В Сан-Франциско? Солнце мое, это труднее, чем добыть стволовые клетки. Но Рэндалл — хороший

покупатель. Он последний из настоящих идеалистов. В каждом доме он ищет эйдос¹. Эйдос Платона, не Сократа, — прибавил он. — Ты в первый раз с ним поедешь смотреть?

— Ага.

— Ну, тогда, наверное, это действительно замечательно, — сказал он. — Или нет. Ты переедешь туда?

— Не знаю. Мне кажется, я ищу эйдос чего-то другого. Здесь просто слишком...

Она расставила ладони, как будто ловя капли дождя. Клод посмотрел на нее с недоумением.

— Слишком солнечно? — спросил он. — Слишком тепло? Слишком красиво?

— Наверное. Земля лотофагов. Мне это нравится, но... — Она отпила вина. — Если бы я была постоянно обеспечена работой...

— Ты писатель. Для писателя противостоит природе быть обеспеченным работой.

— Да, это точно. А у тебя как? Тебя это не беспокоит?

На лице его появилась милая и грустная улыбка, и он покачал головой

— Нет. Человечеству всегда будут нужны поэты. Мы как полевые лилии.

— А как насчет журналистов? — Рэндалл, пряча в карман мобильный телефон, появился у него за спиной. — Мы кто?

— Пырей, — ответил Клод.

¹ Эйдос — термин античной философии и литературы, первоначально обозначавший «видимое», «то, что видно», но уже у Платона он приобретает более глубокий смысл и подразумевает не столько внешнюю, сколько внутреннюю форму, способ бытия объекта (*Примеч. ред.*)

— Кактус, — ответила Сюзанна.

— Ого! Но я понял, — сказал Рэндалл. — Это потому, что мы твердые, колючие и нас никто не любит?

— Это потому что вы цветете раз в году.

— Когда идет дождь, — вставил Клод.

— Это звонил риэлтор. — Рэндалл сел за стол и допил свой бокал. — В воскресенье дом будет открыт. С двух до четырех. Сюзанна, нам далеко ехать.

Он жестом попросил счет у официанта. Сюзанна поцеловала Клода в щеку.

— Когда уезжаешь на Идру? — спросила она.

— Завтра.

— Завтра! — упавшим голосом проговорила она. — Так скоро.

— Прекрасная жизнь была коротка, — продекламировал Клод и рассмеялся. — Ты сама здесь только до понедельника. У меня заказано место на пароме от Пирея. Я не мог ничего изменить.

— И сколько ты там пробудешь? Я буду в Афинах во вторник через неделю, а потом еду в Акротири.

Клод улыбнулся.

— Может получиться. На вот...

Он записал телефонный номер осторожным каллиграфическим почерком.

— Это телефон Зали на Идре. Сотовый. Не знаю даже, будет ли он работать. Но скоро увидимся. Как ты сказала... — Он поднял худые руки, показывая на зал. Темные глаза его расширились. — Это чудо.

Рэндалл заплатил по счету, и они собрались уходить. В дверях Клод обнял Сюзанну.

— Смотри не опоздай на самолет, — сказал он.

— Не накручивай ее, — вмешался Рэндалл.

— А ты не опоздай на свой, — ответила Сюзанна. Глаза ее наполнились слезами, когда она прижалась щекой к его щеке. — Так приятно было повидаться. Если не встретимся, не скучай на Идре.

— Не буду, — пообещал Клод. — Я никогда не скучаю.

Рэндалл высадил ее у отеля. Приглашать его к себе она не захотела, да и усталость давала о себе знать. К тому же от вина уже начала побаливать голова.

— Завтра в девять, — сказал он. — Легкий завтрак, а после...

Он наклонился, открыл дверцу машины, потом поцеловал Сюзанну в щеку.

— Нас ждет захватывающий новый мир калифорнийской недвижимости.

На улице под вечер сделалось прохладно, но номер по-прежнему казался тесноватым. Здесь пахло сексом и стоял сладковатый пыльный запах старых книг. Она открыла окно вентиляционной шахты и пошла в ванну. Приняв душ, она легла в кровать, но заснуть не смогла.

«Не нужно было пить столько вина», — подумала Сюзанна. Она решила принять успокоительную таблетку из тех, что приготовила для полета, но потом передумала и взяла подаренную Рэндаллом книгу.

Все иллюстрации ей были знакомы по другим книгам и по Интернету, как и сам остров. Почти четыре тысячи лет прошло с тех пор, но многое выглядело так, будто было построено вчера. Пятнадцать футов вулканического пепла и пемзы сохранили дома с видом на море, с водопроводом и трубами, которые могли выводить пар из подземных источников, нагреваемых вулканом, на котором был построен город. Осколки стекол, которые

могли быть либо окнами, либо линзами. Огромные пифосы, в которых еще хранилась еда, когда их открыли спустя тысячелетия. Большие сосуды для меда, который покупали египтяне, чтобы бальзамировать своих мертвых. Желтые пятна пылицы. Вино.

Но никаких человеческих останков. Ни костей, ни скрюченных от боли фигур, как те, что были найдены под слоем песка в Геркулануме, где погибли рыбаки. Там даже не было останков животных, если не считать одного обугленного ослиного ребра. Город был покинут. Причем жители уходили не в спешке, и они не были охвачены страхом. После их ухода в городе царил порядок, пифосы были запечатаны, на полу не валялись металлические инструменты или оружие; ни стрел, ни тканей, ни украшений.

Только фрески, и они были повсюду. Столь прекрасные, столь искусные, что первые археологи, увидев их, решили, что откопали храмовый комплекс.

Но это был не храм. Это были жилые дома. Кто-то нанял художника или группу художников, чтобы расписать стены в каждой комнате. Морские панкрации и ласточки; дельфины и прогулочные лодки. Сами лодки украшены изображениями дельфинов и летящих морских птиц, на носках — золотые наutilusы. Венки из цветов. Кораблекрушение. И везде краски одинаковых цветов: охряно-желтая; оксидно-красная; краска из перетертого глаукофана — стекловидного минерала с серо-голубым блеском; яркая и чистая парижская лазурь. Но, разумеется, это была не французская, а египетская лазурь и помпейская лазурь, одна из первых открытых человеком красок, которой он пользовался тысячелетиями. Она изготавливается путем смешивания каль-

ция с измельченными в порошок малахитом и кварцем и нагревания смеси до очень высокой температуры.

Но зеленого здесь не было. Это был сине-красно-золотой мир. Даже растения не были зелеными.

С другой стороны, рисунки были до того правдоподобными и свежими, что, впервые прикасаясь к ним, она подумала, что пальцы станут влажными. Глаза у боксирующих мальчиков были детскими. Взгляд антилоп сверкал безумным топазовым огнем диких зверей. Обезьяны с голубой шерстью походили на играющих кошек. Были там и улицы с прохожими. Можно было рассмотреть, как выглядели их дома из красного кирпича с желтыми ставнями.

Она перелистала книгу до конца, до описания сектора 3. Здесь было расположено самое известное здание города. И в нем находились самые известные фрески — женщина, названная «Богиней зверей», «Молящиеся», которые шли, словно по подиуму на модном показе, и «Очистительный бассейн».

Сборщицы шафрана.

Она посмотрела на изображение с восточной стены Третьей комнаты: две женщины собирают рыльца цветков крокуса. Цветы были похожи на стилизованные желтые огни, растущие из камней. Этот мотив повторялся и над фигурами, чем-то напоминая рисунок на обоях. Фрагменты раскрашенной штукатурки были тщательно собраны, недостающие места дорисовывать не стали, как было сделано в Кноссе по указанию первооткрывателя сэра Артура Эванса, что привело к довольно карикатурному эффекту.

Утверждать, что та или иная фреска находилась на какой-то определенной стене, было нельзя. Но сами

рисунки сохранились практически в первозданном виде. Можно было увидеть, как престарелая женщина приподняла бровь, то ли в раздражении, то ли от нетерпения, или подсчитать цветочные рыльца на протянутой ладони молодого помощника.

Как долго им нужно было трудиться, чтобы наполнить эти корзины? Крокус цветет только осенью, и каждый цветок содержит лишь три темно-красные ниточки рылец, женских репродуктивных органов. На изготовление полфунта пряности может пойти до ста тысяч цветков.

И для чего они использовали эту пряность? Употребляли в пищу, делали краситель и продавали его египтянам, которые покрывали им повязки для мумий?

Сюзанна закрыла книгу. До нее доносились отдаленные звуки сирен, мягкое гудение вентилятора под потолком. Завтра они будут выбирать дом.

За завтраком они поехали в Эмбаркадеро, на огромный крытый рынок, расположенный в «Ферри-билдинг», бывшем здании паромного управления, которое пострадало больше века назад, в 1906 году, во время землетрясения. Там была лавка, где торговали исключительно оливками и настоящим уксусом. В другой продавали только грибы из больших плетеных коробов и корзин, полных древесных ушек, шампиньонов, каких-то грибов, похожих на оранжевые кораллы, сморчков, мацутаке и золотистых лисичек.

Они купили кофе, пирожных и поели на скамейке, любуясь заливом. Какой-то мужчина бросал в воду палки для двух черных лабрадоров. Еще один плыл вдоль набережной. Яркий солнечный свет был прозрачным, как джин, и почти таким же крепким — от него слегка

кружилась голова и клонило ко сну, хотя Сюзанна только недавно проснулась.

— К делу, — сказал Рэндалл, достал из кармана газету и открыл ее на разделе продажи жилья. Восемь объявлений он обвел овалом. — Первые два в Окленде, потом рванем в Беркли и Кенсингтон. Ты готова?

Вместе с потоком других машин они переехали мост Окленд-бей-бридж. Бронзовая вода по обеим сторонам выглядела так, будто она была слишком горячей для купания. Впереди лежал район Окленд-хиллс, где белые дома выстроились волнистыми линиями. Добравшись до города, они начали ездить из района в район, попадая то в тропики, то в пустыню: бунгало, почти скрытые листвой разлапистых деревьев, неожиданно сменялись белыми оштукатуренными домами, окруженными алоэ и агавой. Выглядело это одновременно причудливо и уютно, словно планировку города поручили доктору Сьюзу¹.

— Здесь все делают, как они это называют, «постановку», — сказал Рэндалл, когда они остановились у ряда припаркованных на холме машин. Рядом с ними из травы поднимались ряды табличек с объявлениями о продаже домов. — Владельцы платят тысячи долларов декораторам за то, чтобы те обставили их жилье мебелью, повесили подходящие картины и все остальное. После этого дома выглядят на три миллиона.

Они прошли в первый дом — бунгало, спрятавшееся за деревьями, похожими на доисторические папоротники. Перед домом находился фонтан с карпами кои, которые смотрели на них из воды жадными серебристыми

¹ Доктор Сюз (Теодор Сюз Гейзель, 1904—1991) — американский детский писатель и мультипликатор. (Примеч. ред.)

глазами. Внутри их взору открылись балки под потолком и деревянные полы, которые блестели так, будто были политы кленовым сиропом. Здесь был рояль, большие, заключенные в рамочки афиши из парижских кафе (в этот день Сюзанна увидела еще немало таких), много тяжелой темной средиземноморской мебели и несколько предметов в раннем миссионерском стиле, возможно, настоящих. На кухне пол был выложен плиткой. Главную ванную украшали мозаики.

Но Рэндалл на все это почти не смотрел. Он направился напрямик на террасу. Погуляв пару минут по дому, Сюзанна последовала за ним.

— Красиво, — сказала она. Уходящие вниз каскады садов уступали место ступенчатому холму, далее шла полоса городской застройки, за которой сверкал залив Сан-Франциско с белоснежными яхтами, которые, как лебеди, медленно проплывали под мостом.

— Еще бы, за четыре миллиона долларов, — ответил Рэндалл.

Она посмотрела на него. Губы его были жадно поджаты, но лицо казалось грустным, бледные глаза в ярком солнечном свете выглядели тоскливо. Он притянул ее к себе и посмотрел вдаль, над верхушками деревьев, а потом указал куда-то в голубую воду залива.

— Там мы были. Твой отель где-то там. — Голос его потеплел. — Ночью все это похоже на сказочный город. Огни, мосты... Невозможно поверить, что это построили люди.

Он прищурился, прикрыл глаза ладонью, потом отвернулся. Когда повернулся, его щеки были влажными.

— Идем, — сказал он, наклонился и поцеловал ее в лоб. — Нужно ехать дальше.

Они съездили в другой дом. Потом еще в один, и еще. От солнца и жары у нее закружилась голова. А еще от запахов незнакомых цветов, от игры воды в фонтанах и бассейнах, похожих на большие бирюзовые ромбы. Она ходила по дорогим спальням с незнакомыми людьми, заглядывала в гардеробные, ванные, сауны. Каждая комната дышала роскошью, даже воздух в них был наэлектризован, как перед большой вечеринкой. На столах стояли свечи из пчелиного воска, бутылки вина и хрустальные бокалы. Столешницы, покрытые итальянским кафелем, и сферические кобальтовые вазы с подсолнухами — еще один повторяющийся мотив.

Но они не встретили никого, кто мог бы действительно жить в одном из этих домов, только череду хорошо одетых женщин в дорогах, но сдержанных украшениях, которые встречали их обычно в кухне и первым делом совали в руки листовку с перечислением достоинств дома. Там были тарелки с печеньем и теплый банановый хлеб, только что из духовки. Бутылки искристой воды и органический лимонад.

И всегда вид. На дома без хорошего вида они не смотрели. Сюзанне некоторые казались захватывающими, некоторые — просто великолепными. Все они были намного лучше того, что она когда-либо видела из своих окон или с террасы, откуда можно было полюбоваться разве что зеленью деревьев и серыми скалами, но большей частью года — снегом.

Все это до того походило на сказку, что ей с трудом верилось, что здесь могут жить обычные люди. Для нее дом всегда был убежищем от остального мира, местом, где можно было спрятаться от любой надвигающейся беды.

Но сейчас ей стало понятно, что дом может быть чем-то другим. Она начинала видеть, что дом, по крайней мере для Рэндалла, не был убежищем. Это был способ взаимодействовать с миром, инструмент, позволяющий открыть себя ему. Вид не был твоим. Ты сам принадлежал ему, был его крошечной частицей, как рыбацкие лодки, и чайки, и цветы в саду, как подсолнухи на полированных столах.

Ты являлся частью того, что делало этот мир реальным. Ей же всегда казалось, что наоборот.

— Ты готова? — Рэндалл подошел к ней сзади и положил ей руки на плечи. — Хватит на этом. Мы закончили. Поехали чего-нибудь выпьем.

У двери он задержался, чтобы поговорить с агентом.

— Завтра принимают ставки, — сказала она. — Мы свяжемся с вами во вторник.

— Во вторник? — удивленно повторила Сюзанна, когда они вышли из дома. — Ты что, можешь это устроить за два дня? Потратить миллион долларов на дом?

— Четыре миллиона, — поправил ее Рэндалл. — Здесь всегда такая гонка.

Она решила, что они поедут в ресторан выпить и поужинать, но вместо этого, к ее удивлению, он привез ее к своему дому. Рэндалл достал из холодильника бутылку «Луиз Поммери», и, пока он готовил ужин, Сюзанна ходила по комнате, рассматривая его рукописи. В Эмбаркадеро он тайком от нее купил лисичек и сморчков, импортных макарон, разноцветных, как весенние цветы, листьев рукколы и молодой тат-сои. На десерт — заварной крем. Поужинав, они какое-то время сидели на террасе и смотрели на залив, наслаждаясь взятым напрокат видом. В сумерках мерцали огни.

В саду в ветвях цветущей айвы десятки колибри жужжали и метались, как жуки, норовя кольнуть друг друга игольными клювиками.

— Так что? — Лицо Рэндалла немного покраснелось. Они уже допили шампанское, и он налил коньяку. — Если это случится, если я куплю этот дом, ты будешь там жить?

Она опустила глаза на колибри. Сердце ее заколотилось. Айва не имела запаха, по крайней мере такого, чтобы она его чувствовала, и все равно крошечные птички роились вокруг нее. Наверное, потому что она была такой большой, а ее тысячи цветков — такими красными. Не сразу Сюзанна ответила:

— Да.

Он кивнул и сделал глоток коньяка.

— Почему тогда просто не задержаться? До вторника, когда все узнаем? Завтра с утра мне нужно съездить в Сан-Хосе, взять интервью у одного парня. Ты могла бы поехать со мной, мы бы пообедали там.

— Не могу. — Она закусила губу и задумалась. — Нет... Я бы с радостью, но мне нужно закончить дела до отъезда в Грецию.

— Ты же не можешь уехать прямо отсюда.

— Не могу. — Это было невозможно. Это меняло все планы. — У меня и вещей с собой нет. Мне нужно собраться и свои записи забрать... Извини.

Он взял ее руку и поцеловал.

— Ничего. Подождем, когда ты вернешься.

В ту ночь, лежа в кровати рядом со спящим Рэндаллом, она смотрела на манускрипты на полках, на стихотворения в рамках на стенах. Дышал он очень тихо, и она приложила ладонь к его груди, почувствовала

ребра под кожей, биение сердца. Ей захотелось отметить полет или отложить все путешествие.

Но это было невозможно. Она подвинула подушку под головой, чтобы можно было смотреть в широкое венецианское окно. Даже сквозь задернутые занавески было видно огни города, далекие, как звезды.

Утром чуть свет он доставил ее в отель, чтобы она забрала вещи, а потом отвез в аэропорт.

— Сотовый я выключать не буду, — сказал он, доставая ее сумку из машины. — Позвони мне в Сан-Хосе, когда устроишься.

— Позвоню.

Он поцеловал ее, и они целую минуту простояли на краю тротуара, обнявшись.

— Закажи обратный билет здесь, — наконец сказал он, отстраняясь. — Сегодня вечером я тебе позвоню.

Она проводила взглядом его машину, почти бесшумно затерявшуюся среди такси, и поспешила на самолет. Заняв место, она достала маску для глаз, ушные затычки, книгу, бутылку с водой и выпила таблетку. Успокоительное начинало действовать только через двадцать минут, но она точно рассчитала время. Когда самолет поднялся в воздух, она выглянула в окно, чувствуя себя уже не столько спокойно, сколько отстраненно, как будто под легким кайфом. Погода этим утром стояла прекрасная, в небе не было ни облачка, и день обещал быть жарким. Пока самолет закладывал вираж над городом, она смотрела вниз на переплетение улиц, на машины, скользящие по ним, как бусинки и капли дождя по тонкой нити. Самое оживленное движение шло вдоль двести восьмидесятой дороги, по которой Рэндалл должен был ехать в Сан-Хосе. Она повернула голову, чтобы

держат ее в поле зрения, когда самолет выровнялся и полетел вглубь континента.

За ее спиной кто-то вскрикнул, потом еще кто-то. Раздался женский визг. Все повернулись к окнам.

Гул реактивного двигателя самолета заглушал все звуки. Город внизу проваливался. Там, где он встретился с морем, вода сделалась коричневой, потом белой, а потом позеленела. Появилась длинная полоса дыма. Нет, не дыма, подумала Сюзанна, поднимаясь с кресла, а пыли. Ничто не горело, это больше походило на тлеющий фитиль, хотя огня не было видно, лишь белая, коричневая и черная пыль, стена пыли, ровной линией перерезавшая город с севера на юг вдоль федеральной автострады. Самолет продолжал отдаляться, и ей пришлось наклониться, чтобы видеть длинную зеленую линию в воде, мосты, дрожащие и сверкающие, как провода. Один порвался и упал, другой каким-то чудом держался. Третьего моста не было видно. Потом остались только зеленые смятые холмы, виноградники и горы в отдалении.

В салоне поднялся крик. Раздался голос пилота, потом электрический щелчок и тишина. Снова его голос, дрожащий, но призывающий пассажиров сохранять спокойствие. Кто-то попытался встать и выйти в проход между рядами кресел, но стюардессы и другие пассажиры затолкали их обратно. Кого-то в начале салона тошнило. Плакал ребенок. Зазвонили, зажужжали, заблеяли сотовые телефоны, и тут же последовала команда их выключить.

Поразительно, но все послушались. Это была не атака террористов. Самолет не должен был рухнуть с неба на землю. Но все оказались слишком напуганы, чтобы

снова включать телефоны. Она проглотила еще одну таблетку. Дрожащие руки с трудом закрыли крышечку пузырька. Затем снова открыли. Она высыпала на ладонь еще две, нет, три таблетки и остановила пробежавшую мимо стюардессу.

— Вот, — сказала Сюзанна. Рот стюардессы был открыт, как будто она беззвучно кричала. — Дайте им это...

Сюзанна показала на заднюю часть салона, где какой-то мужчина как заведенный снова и снова повторял одно и то же имя под женские причитания.

— Одну можете сами принять. Дозировка не очень большая. Возьмите. Возьмите.

Стюардесса какое-то время смотрела на нее, потом, когда Сюзанна сунула ей в руку бутылочку с таблетками, кивнула.

— Спасибо, — негромко сказала она. — Большое спасибо, я приму.

Она тут же проглотила одну розовую таблетку и пошла в конец салона. Сюзанна наблюдала, как стюардесса идет между рядами, раздавая таблетки тем, кому они в этот момент были нужнее всего. Примерно через двадцать минут Сюзанна проглотила еще одну таблетку. Начиная терять сознание, она услышала голос пилота, который по громкой связи сообщал, что ему известно о катастрофе. Она заснула.

Самолет приземлился в Бостоне с большой задержкой из-за погодных условий — случившееся бедствие уже начало сказываться на воздушном движении. Дождь не прекращался тридцать семь дней. За окном самолета виднелось бутылочно-зеленое небо, затопленные взлетно-посадочные полосы и оранжевые конусы, раздуваемые ветром. В салоне воздух гудел от непрекра-

щающихся телефонных звонков. Она звонила Рэндаллу, снова и снова. Шли пригласительные гудки, но он не отвечал. Не включалась даже его голосовая почта.

Внутри терминала их встречала толпа журналистов. Как только они вошли в коридор, на них нацелились камеры, посыпались вопросы. Никто не бежал, каждый нашел место, где встать с мобильным телефоном. Сюзанна нетвердой походкой прошла мимо журналистов, оттолкнула какого-то человека, который пытался ее остановить. В здании аэропорта толпы людей стояли перед телеэкранами, потрясенно закрывая руками рты. Стоял сильный запах рвоты и дезинфицирующих средств. Она поспешила пройти мимо всего этого, немного пошатываясь и чувствуя себя так, словно пробирается по мокрому песку. Нашла на стоянке свою машину, слилась с бесконечным потоком автомобилей и начала долгое возвращение в холодное зеленое место, где почки на деревьях еще не раскрылись, несмотря на то что был конец мая, где цветы яблонь и лилий гнили на поникших ветках.

Домой приехала за полночь. На автоответчике мигал огонек. Дрожащими руками она прокрутила записанные сообщения, слушая всего по паре слов из каждого, пока не дошла до последнего.

Шипение, треск, а потом голос. Голос Рэндалла, ошибки быть не могло.

Она не могла разобрать, что он говорил. Шли страшные помехи, в одном месте связь прервалась, потом восстановилась. Когда он позвонил, невозможно было выяснить. Она прокрутила запись снова, один раз, два, семь раз, пытаясь разобрать хотя бы слово, понять что-то по его тону, по фоновым звукам, по другим голосам —

хоть что-нибудь, что подсказало бы, когда он звонил и откуда.

Бесполезно. Она снова набрала его сотовый. Ничего.

Постояв без сил минуту, она прошла через комнату, проводя рукой по столу, по креслам, по тумбочкам, как приемщик груза на судне.

На кухне открыла кран и плеснула в лицо холодной водой. Нужно зайти в Интернет и найти телефоны больниц, Красного Креста. Он может быть жив.

Она подошла к рабочему столу, чтобы включить компьютер. Рядом с ним в вазочке стояли цветы, которые прислал ей Клод. Полдюжина мертвых нарциссов, пахнущих стоялой водой и тиной. Белые лепестки увяли, желтые сердечки потускнели.

У всех, кроме одного. Когда она уезжала, один бутон, не больше ее мизинца, еще не распустился. Теперь лепестки развернулись, как перышки, открыв желтое горлышко и три длинных красных нити. Она протянула руку, погладила одно рыльце, потом следующее и последнее. Подняла руку, посмотрела на кончики пальцев, пожелтевшие от пыльцы, и перевела взгляд на окно. Пустое беззвездное небо. Под ним синяя вода. Утраченный мир.

Марк Моррис

ЧТО ПРОТИВНО ПРИРОДЕ

Марк Моррис стал профессиональным писателем в 1988 году благодаря программе британского правительства по поддержке начинающих предпринимателей и уже через год выпустил свой первый роман «Подхалим».

Недавно был опубликован его тринадцатый роман «Доктор Кто: вечная осень», а следующий, четырнадцатый, роман «Потоп» готовится к выпуску издательством «Leisure Books». Рассказы, новеллы, статьи и обзоры писателя появлялись в самых разных антологиях и журналах. Он выступил редактором номинированного Ассоциацией писателей хоррора на премию Брема Стокера «Синема макабр» — сборника пятидесяти посвященных фильмам ужасов эссе от светил жанра.

«Вдохновением для рассказа “Что противно природе” послужило в целом вполне приятное посещение дворца Хэмптон-Корт с моей женой Нэл, — поясняет автор. — Был погожий солнечный денек, и мы, прогуливаясь по саду, обнаружили статую, верхняя часть которой была плотно обмотана черной пленкой. Табличка указывала на то, что статуя пострадала от непогоды и ожидает реставрации, но эта стоящая вертикально фигура, похожая на жертву убийства, имела такой притягательный, совершенно неестественный и восхитительно жуткий вид, что надолго осталась в моей памяти».

Когда Мичер открыл глаза, в поезде не было никого, хотя он мог поклясться, что его разбудил толчок, с которым состав начал тормозить. Он встал. Желудок уже начал сжиматься от тревоги. Вагон был старый, замызганный, к тому же в нем стоял несвежий запах, как будто за долгие годы каждое потертое сиденье впитало в себя слишком много пота. Серые обивка и ковер были испещрены зеленоватыми пятнами, которые дрожали, как помехи в телевизоре, где-то на периферии его зрения.

Кирпичная стена станции за окном выглядела так, будто почернела от копоти, если не считать бледного вытянутого прямоугольника на том месте, где когда-то висела табличка с названием станции, вероятно, сорванная вандалами. Насколько мог видеть Мичер, обезлюдел не только поезд, но и платформы. Причем настолько, что он с трудом подавил желание высунуться в окно и крикнуть, почему-то испугавшись того, как неуместно или, хуже того, одиноко прозвучит его голос в окутывавшей станцию тишине.

Выйдя в проход, он автоматически потянулся к полке для багажа, но увидел, что она пуста. Брал ли он с собой сумку или хотя бы куртку, отправляясь в поездку? Для него необычно путешествовать налегке. Но от усталости в голове был такой туман, что он, как ни старался, не мог вспомнить. Мичер снова сел, утрашившись одиночества и вывихов собственной памяти. В голове забрезжила мысль, что, если сейчас увидеть,

пусть даже мельком, проводника или другого пассажира, или хотя бы услышать какое-нибудь объявление, произнесенное, как всегда, нечленораздельным голосом, этого вполне хватило бы, чтобы к нему вернулось расположение духа и все снова обрело смысл.

Однако через десять минут, вдруг осознав, что, затаив дыхание, ждет любого намека на существование жизни, кроме своей собственной, он решил, что не может больше бездействовать. Мичер встал с решительностью, необходимой для того, чтобы успокоить самого себя, и, пошатываясь, двинулся по проходу, выбрасывая руки вперед, как лыжник, и хватаясь за спинки сидений, чтобы сохранить равновесие.

Выйдя на платформу, он остановился лишь ненадолго, чтобы лишний раз не отметить отсутствие жизни. Указатель «ВЫХОД» заставил его воспрянуть духом, потому что это была, хоть и безликая, но все же форма общения, обещавшая продолжение. Он прошел через арку под указателем и оказался в пустой билетной кассе с рядами красных металлических сидений и окошком. Табличку над ним тоже сняли, да так аккуратно, что Мичеру подумалось: может быть, станция осталась без работников, потому что должна вот-вот закрыться?

И действительно, станция была достаточно маленькой, чтобы подобное предположение казалось правдоподобным. Во всяком случае, ему почудилось, что парковка здесь совершенно неуместна, поскольку следующий выход вел по каменным ступенькам на то, что выглядело как обычная улочка где-нибудь в центре города. Но даже здесь не было никаких признаков жизни, хотя Мичер не терял оптимизма и надеялся, что

рано или поздно кого-то встретит. Признаки присутствия человека все же наблюдались: застоявшийся запах мочи, ударивший в нос, когда он спускался по лестнице, обертки от конфет и картонные упаковки от еды, украшенные успокаивающе знакомыми логотипами: «Макдональдс», «Кит-Кэт», «КФС». На противоположной стороне пешеходного перехода начертанное мелом на окне паба объявление обещало «Передачи телеканала “Скай спортс” на больших телевизорах!» Мичер мог бы зайти, чтобы освежить пересохший рот чем-нибудь сладким и шипучим, если бы деревянные двери паба, массивные, как в какой-нибудь темнице, не оказались наглухо запертыми.

Соседние заведения также оказались недостижимыми. Более того, грязный ювелирный магазинчик и лавка, где торговали подержанными музыкальными инструментами, свое нежелание привлекать покупателей подчеркнули металлическими ставнями. «Интересно, который сейчас час?» — подумал Мичер. Если магазины уже закрыты, а паб еще не открыт, прикинул он, должно быть где-то от шести до семи. Взгляд на небо не помог, потому что серость между крышами домов больше напоминала натянутую густую сетку, чем кусок неба.

Он пошел по улице, хотя понятия не имел, в каком направлении находится центр города. Полная тишина так действовала на нервы, что даже шуршание камешков под ногами заставляло его вздрагивать. Узкие улицы с закрытыми магазинами все выглядели одинаково, и через какое-то время ему начало казаться, что он ходит кругами. Мозг его все еще пребывал в каком-то странном бездействии, как будто не мог породить

ни одной существенной мысли. Время от времени он даже не останавливался, чтобы прислушаться, а скорее замирал, как машина, которой периодически нужно сохранять энергию, чтобы перезарядиться. Если чувства не подводили его так же, как память, похоже, во всем городе он был совершенно один. Не было слышно отдаленного шума машин, даже ни одна птица не чирикнула.

Может, сейчас воскресенье, и поэтому все закрыто? Мысль эта была больше не утешением, а попыткой не позволить ощущению тревоги перерасти в страх. В действительности он знал, что ни один город не может быть *настолько* лишен жизни. Что-то случилось здесь, возможно, пока он спал в поезде. По какой-то причине город был покинут или эвакуирован, а его почему-то забыли. Остановившись в очередной раз, он нервно понюхал воздух. Единственной причиной такой широкомасштабной эвакуации, по его мнению, могла быть только какая-нибудь неотвратимая физическая угроза. Что, если жители города опасались атаки террористов? Или атака эта уже началась? Быть может, он, разгуливая по городу, вдыхал ядовитые газы, не понимая, что ему грозит. Быть может, в английской глубинке началась бактериологическая война и он уже наглотался спор сибирской язвы или чего похуже. Или, думал он, осматривая свою кожу и пытаясь убедить себя, что причиной легкой тошноты и одышки были исключительно взвинченные нервы, атака уже произошла. Возможно, где-то рядом с городом была сброшена атомная бомба и население эвакуировали, чтобы защитить от надвигающегося облака радиоактивной пыли.

В этой версии были свои изъяны, он знал это, но одно не вызывало сомнений: сейчас главное — найти телефон и попытаться выяснить, что произошло. Он побежал, уверяя себя, что легкие разрываются, а ноги будто налились свинцом только из-за испытанного им потрясения. Но если это так, что повлияло на память? Он даже не мог вспомнить, как садился на поезд, не говоря уже о том, куда ехал или с какой целью.

Как видно, отчаянное желание получить ответы на все вопросы направило его стопы, ибо после лабиринта невыносимо однообразных серых улиц с обшарпанными домами он неожиданно оказался на аллее, ведущей к тому, что производило впечатление центральной площади. Здесь были расположены магазины со знакомыми названиями: «Вулворт», «Гэп», «Эйч-Эм-Ви», правда, все они выглядели бледными копиями тех магазинов, которые он привык видеть дома.

Дом. Где это? Когда он вдруг понял, что почти ничего не знает о себе, его накрыло такой волной паники, что он споткнулся и чуть не упал оттого, что силы покинули его в одно мгновение. На заплетающихся ногах он насилу доковылял до «Мисс Селфридж» и уперся ладонью в витрину, чтобы успокоиться. Голова гудела, тело сделалось липким от пота, дышать было трудно.

Однако мозг его лихорадочно работал. Он думал о воздухе, зараженном бактериями и химикатами, думал о токсинах, которые гуляли по его телу, разрушая и убивая. Он ждал, что с минуты на минуту начнет кашлять кровью, что кожа покроется волдырями и язвами. Думал, что острая, нестерпимая боль сейчас пронзит голову или живот, и надеялся, что, когда это случится, боль будет достаточно сильной, чтобы он потерял

сознание сразу. Лучше умереть, не зная, что с тобой происходит, чем корчиться в агонии, пока твои внутренности превращаются в суп.

Впрочем, через несколько минут у него немного отлегло от сердца, когда он почувствовал, что, вместо того чтобы ухудшиться, его самочувствие на самом деле даже улучшилось. Во всяком случае, он почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы оттолкнуться от витрины магазина и стоять, ни за что не держась. Он даже выдал кривую усмешку. «Это паника, — подумал он, — а никакая не газовая атака. Возьми себя в руки, Мичер». И тут он вдруг заметил, что в витрине магазина одежды у всех манекенов на головах — пластиковые пакеты. Сначала он решил, что это какой-то авангардный прием, хотя в остальном магазин для привлечения внимания использовал самые стандартные приемы. Но если это так, подобный рекламный ход привел только к обратным результатам. Выглядело это неприятно, жутко и отталкивающе. Он почти даже обрадовался охватившему его негодованию. В первый раз после пробуждения в поезде он откликнулся эмоционально на что-то, не связанное напрямую с его положением. И передышка эта, хоть и краткая, была ему очень нужна.

Он осмотрелся по сторонам, словно надеясь увидеть какого-нибудь представителя власти, которому можно пожаловаться, как будто забыв на миг, что он здесь один. Взгляд прошелся по ряду магазинов, из которых еще несколько («Ривер Айленд», «Энви», «Бенеттон») использовали манекенов для показа продаваемой одежды, и, пока он рассматривал каждый из них по очереди, возмущение сменилось нарастающим беспокойством.

Лицо каждого манекена в поле зрения было закрыто тем или иным образом. У большинства на голову был натянут пакет, но в «Энви» они (кем бы эти «они» ни были, предположительно — самими продавцами) просто набросили на неподвижные фигуры предметы одежды. Мичер подумал о том, что так закрывают клетки попугаев, чтобы, создав видимость ночи, заставить их спать. Но в данном случае он, хоть убей, не мог вообразить, что могло толкнуть работников магазинов сделать нечто подобное с манекенами, если только это не было каким-то символическим действием или черным юмором.

Что бы за этим ни стояло, от вида всех этих закрытых голов страх снова овладел им. Содрогнувшись, Мичер перевел взгляд в сторону центральной площади. И как только он это сделал, как только увидел, что там стоит конная статуя, которая, наверное, сможет помочь определить, куда его занесло, в тот же миг он впервые услышал за спиной звук, произведенный не им самим.

Звук был странным и коротким. Как будто несколько человек решили прочистить горло или побулькать во рту собственной мокротой. Еще звук был тихим и приглушенным, как будто исходил из глубины какого-то помещения. Он тут же развернулся, но, когда его тело сделало поворот на девяносто градусов, опять стало тихо. И все же он поспешил к двери магазина «Ривер Айленд», из которого, решил он, и донесся звук. Найдя дверь запертой, он посмотрел через одну из забранных решеткой витрин внутрь помещения.

В торговом зале было темно и безлюдно. Он уже хотел отвернуться, но тут его внимание привлек один манекен. Стоял он в самой глубине магазина, и, как у всех остальных, на голове его красовался пластиковый пакет.

Только на этот раз пакет не просто туго обхватывал лицо, в нем еще было прорезано овальное отверстие, показавшееся Мичеру похожим на открытый рот задыхающегося человека.

Отпрянув от витрины с вскриком, Мичер отвернулся. Однако тут же ощутил желание повернуться обратно, хотя бы ради того, чтобы убедиться, что увиденное было не более чем игрой тени и порождением его воображения. Но потрясение было слишком сильным. Оно заставило его пойти, не оборачиваясь, к конной статуе, которая высилась прямо посреди площади. Приблизившись, он почти одновременно заметил сразу две вещи. Во-первых, наличие четырех телефонных будок (все серые, стальные, с плексигласовыми стеклами) на тротуаре перед кафе под названием «Буфет Петры». Во-вторых, нечто вроде дерюжного мешка, надетого на голову статуи.

«Хоть лошадь не тронули», — подумал Мичер и вдруг почувствовал сильное желание захихикать. Хлопнув ладонью себя по губам, он бросился к телефонным будкам, как пьяный, который бежит за угол, чувствуя, что его вот-вот вывернет наизнанку.

Добежав до будки, он с такой силой рванул дверь, что чуть не вывихнул руку. Ввалившись внутрь, сорвал трубку и приложил к уху. Знакомый гудок наполнил его таким ощущением счастья, что он рассмеялся во весь голос и в ту же секунду встревожился от мысли о том, как истерично прозвучал его хохот. Дисплей сообщил ему, что минимальная стоимость звонка — двадцать пенсов. Мичер сунул левую руку в карман, но не нащупал ничего, кроме ткани. Наклонив голову, он зажал трубку между ухом и плечом и принялся обеими руками

со все нарастающим отчаянием лихорадочно шарить по карманам. Как видно, пока он спал в поезде, его обчистили, потому что карманы оказались пусты. У него не оказалось не только денег, но и бумажника, билета на поезд, даже носового платка. Был ли у него мобильник? Если и был, то он тоже исчез.

Он уже был близок к тому, чтобы сорвать охватившее его разочарование на ни в чем не повинной трубке и расколотить ее о равнодушный дисплей, но тут вспомнил, что звонки в службу спасения бесплатные. Издав торжествующий крик (чего он от себя никак не ожидал), он три раза нажал на девятку и, стиснув кулаки, сумел подавить желание сделать это еще раз.

В трубке раздался один гудок, прерванный едва слышным щелчком, и Мичер уже открыл рот, чтобы поздороваться в ожидающую тишину, когда раздался крик.

Это был детский голос, истошный, захлебывающийся от ужаса. Слова мольбы звучали без паузы одним сплошным потоком, который, казалось, никогда не закончится. «Нетпапанетпапанетпожалуйстаненадопожалуйстаперестаньпапанетпожалуйстанет...» Мичер обрушил трубку на рычажок и безвольно сполз по стене на пол. Обхватив голову руками, он начал выть.

Детский голос произвел на него сокрушительное воздействие, не только потому, что от такого крика разрывалось сердце, но еще и потому, что он всколыхнул что-то в его душе, похожее на воспоминание, которое он не мог уловить. Он *знал* этого ребенка, в этом не было сомнений, но ни имени его, ни лица вспомнить не мог. Сжав кулаки, он начал бить себя по голове, словно в наказание мозгу за то, что тот отказывается открывать свои тайны. С каждым ударом он все больше злился на

себя и на свое положение, до тех пор пока раздражение не достигло такой степени, что он поднялся, распахнул дверь будки и, оскалив зубы, решительным шагом направился к памятнику.

Постамент статуи представлял собой прямоугольный каменный блок шести футов в высоту со встроенными панелями, каждая из которых была украшена выпуклым изображением переплетающихся виноградных лоз. На них Мичер и бросился; сдирая кожу на руках, он начал взбираться по всаднику. Статуя была несколько больше натуральной величины, и закрытая мешком голова всадника теперь находилась футах в восьми-десяти над ним. Когда Мичер поставил левую ступню на согнутую переднюю лошадиную ногу и ухватился за каменные поводья, чтобы подняться поближе к мешку и, повинаясь маниакальному желанию, сорвать его с головы всадника, он услышал дребезжащий звук открывающейся двери, донесшийся с противоположной стороны площади.

Взволновавшись, испугавшись и даже немного устыдившись того, что его застанут за таким двусмысленным занятием, Мичер вытянул шею, чтобы увидеть, какая из множества дверей открылась и кто ее открыл. Но он поднялся еще недостаточно высоко, чтобы заглянуть за застывшую гриву, из-за чего ему пришлось спуститься со своего насеста и посмотреть в просвет между неподвижными лошадиными ногами, при этом чувствуя себя играющим в прятки ребенком.

То, что он увидел, привело его в замешательство лишь на секунду, а потом холодный пронзительный страх сжал его горло, стек по внутренностям и осколками стекла впился в желудок. На противоположной стороне площади открылась дверь одного из пабов, «Флер-

де-лис», и из него вышли четверо. В джинсах, рубашках и ботинках они выглядели вполне обычно, за исключением одного. Подобно манекенам в магазинах одежды и каменному всаднику, голова каждого из них была накрыта похожим на мешок капюшоном.

Две мысли, пронесшиеся в мозгу Мичера, больше всего были похожи на мгновенные яркие вспышки отчаяния. Первая мысль была произвольной, Мичер нашел бы ее забавной, если бы у него было на это время. Он подумал, что если бы сейчас снял мешок с головы статуи и натянул на свою, то ему ничто бы не угрожало. Вторая мысль была, возможно, такой же занимательной, но более существенной: он совершенно точно знал, что ему нужно убратся отсюда, пока эти люди не заметили его.

Спрыгнув с постамента статуи, он попытался использовать каменную глыбу, чтобы скрыть отступление, но сразу понял, что это ему не удастся. Люди не издали ни звука, но даже сквозь их самодельные капюшоны было видно, что они заметили его присутствие. С беспощадной и устрашающей решимостью они пошли в его сторону, и, когда он побежал, чувствуя, что ноги от ужаса как будто наливаются свинцом, преследование стало еще более решительным.

Последовавшая погоня по пустынным улицам незнакомо-города была причудливее и ужаснее любого ночного кошмара. Страх Мичера заставлял его спотыкаться, шататься и поскользываться. В считанные секунды все его тело покрылось потом, пот стекал по лбу и слепил глаза. Сердце готово было выскочить из груди, легкие разрывались, а дыхание превратилось в колючую проволоку, которую он все никак не мог вытащить из

горла. Каждый раз, когда Мичер оборачивался, преследователи находились на одном и том же расстоянии от него, что могло бы ободрить его, если бы не тот факт, что они скорее не бежали, а шли, двигаясь без какого бы то ни было напряжения, как машины, решительно и безжалостно.

Они играли с ним, догадался Мичер. Они его загоняли, ждали, пока он выдохнется, чтобы окружить и убить. Мичеру хотелось увидеть их лица, но одновременно он страшился узреть то, что скрывалось за грубой тканью капюшонов. На самом деле это пугало его гораздо больше, чем что бы то ни было.

Улицы становились все уже и темнее. Рано или поздно он забежит в какой-нибудь тупик, и на этом погоня закончится. Если он не может бежать быстрее, ему придется найти какой-нибудь другой способ отделаться от преследователей. Единственным более-менее действенным вариантом казалось оторваться от них достаточно надолго, чтобы найти, куда спрятаться. Это станет временным решением проблемы или хотя бы даст шанс собраться с мыслями и обдумать следующий шаг.

Он завернул за угол, схватившись рукой за стенку, когда менял направление движения, и там, справа от себя, как будто материализовав свои мысли, увидел щель между двумя домами, настолько узкую, что ее и переулком нельзя было назвать. Он нырнул в нее и очутился в столь холодной темноте, что почувствовал себя так, будто погрузился под воду. Здания по обеим сторонам этого крысиного хода как будто наклонились друг к другу крышами. По крайней мере, создавалось впечатление, что разделяющее их пространство наверху, где бледнела полоска неба, было еще уже, чем внизу. От

этого в щели было так темно, что Мичер со своего места даже не мог рассмотреть ее противоположного конца.

Впрочем, менять план было уже поздно. Если сейчас выйти из щели, преследователи в два счета его схватят. Он побежал вперед, стараясь ступать как можно тише, в надежде, что люди в капюшонах пробегут мимо, не обратив внимания на щель. Что они вообще могут рассмотреть через эти капюшоны? Что слышат? Что могут определить по запаху?

Последняя мысль явилась непрошеной и встревожила его больше всего. Он подумал о служебных собаках-нюхачах, которых тренируют улавливать запах не пищи или наркотиков, а страха. Он ускорил шаги. Щель сужается, или ему показалось? Наверняка, если сейчас расставить руки, подобно ребенку, изображающему полет, можно будет прикоснуться к стенам домов с обеих сторон.

Пробегая, он почти не смотрел на заведения, находившиеся в серых каменных громадинах. На подсознательном уровне он отметил, что каждое из них было маленьким магазинчиком, состоящим из двери с узкой витриной и вывеской над ними. Однако все они были покрыты таким толстым слоем пыли и грязи, что невозможно было определить ни названия, ни чем магазин торговал. Это, а также темнота, которая сгущалась вокруг него так, будто сумерки сжимали его в своем кулаке, не позволило ему заметить, что одна из дверей была открыта, пока та, скрипнув, не отворилась еще шире.

Все чувства Мичера были настроены на восприятие опасности, поэтому он в ту же секунду балетным прыжком отскочил влево. Однако приземление его было не

таким грациозным. На изрытом ямами бетоне нога его подвернулась, и он врезался плечом в дверь напротив открывшейся. Пытаясь выровняться и прийти в себя, он заметил закутанную в серое фигуру, которая материализовалась из мрака в открывшемся дверном проеме и протянула к нему руку. Лицо фигуры было скрыто треугольником тени настолько темной, что она казалась непроницаемой, но слова прозвучали отчетливо:

— Сюда, скорее! Если не хотите, чтобы они нашли вас.

Хоть Мичер и заколебался, на принятие решения у него ушло меньше минуты. Гул, который он вызвал, ударив плечом в дверь, до сих пор стоял в проходе. При полной тишине, царившей в городе, его преследователи должны быть глухими, чтобы не услышать произведенного им шума. Выпрямившись, он метнулся к посторонившейся фигуре. Переступив порог, он почувствовал себя так, будто перемещается из одного мира в другой. Темнота, в которую нырнул Мичер, казалась такой полной, что на несколько секунд он был полностью дезориентирован. Широко распахнув глаза и не увидев ничего, за что можно было зацепиться взглядом, он стал махать руками и больно ударился обо что-то костяшками левой руки. Не испугавшись, он ощупал твердую поверхность, на которую наткнулся, и обнаружил тонкий край то ли полки, то ли стола. Он вцепился в нее, как утопающий цепляется за доску, и стал ждать, когда глаза привыкнут к неожиданному отсутствию света.

Примерно минута ушла на то, чтобы медленно проявляющаяся широкая тень перед ним обрела облик книг. И как только это случилось, он понял, что магазин заполнен ими. Конечно, он бы догадался об этом бы-

стрее, если бы сосредоточился не только на зрении, но и на других чувствах, потому что, едва увидев книги, он тотчас почувствовал их несвежий запах. При любых других обстоятельствах этот запах показался бы ему умиротворяющим, даже уютным, хотя с детства он вряд ли прочитал и пару книг. Услышав за спиной негромкий щелчок, он развернулся, но это была всего лишь щеколда, вставшая на свое место, когда дверь магазина закрылась. Здесь было до того темно и владелец магазина столь искусно слился с обстановкой, что перемещение фигуры в сером от двери в дальний конец комнаты оказалось бесшумным и легким, как полет клуба дыма.

— Спасибо, — сказал Мичер, чувствуя, как горло сжимается от напряжения и пыли, но человек в ответ только быстро поднял левую руку.

Хоть мгла не позволяла хорошо его рассмотреть, Мичер понял по позе, в которой замер незнакомец, что он прислушивается. Словно подчиняясь бессловесному приказу, Мичер тоже старался не шевелиться, несмотря на то что утомленное тело требовало отдыха. Он даже задержал дыхание, хотя обезумевшее сердце и разрывающиеся легкие пытались заставить его дышать громко и сипло. Они простояли там так долго, что Мичер подумал, не ждет ли хозяин магазина, чтобы он снова к нему обратился. Он уже собрался с духом, чтобы сделать это, как вдруг человек произнес:

— Увы.

Прежде чем Мичер успел спросить у него, что случилось, громкие удары в дверь сделали его вопрос излишним. Мичер непроизвольно рванулся в сторону, потом присел, вжал голову в плечи и обернулся. Возможно, самым жутким в ударах, заставивших книги на полках

вздрыгнуть, казалось то, что они были не настойчивыми, а тяжеловесными, размеренными и непреклонными. Они больше напоминали работу поршня, чем удары человеческих кулаков по дереву. Стук этот сделал для Мичера очевидным, что преследователи никогда не сдадутся, что они без сожаления его загонят и прикончат, что в их глазах (если под этими капюшонами *были* глаза) исход погони неизбежен. Все еще сидя на корточках, он посмотрел на хозяина магазина, как беспомощный ребенок смотрит на родителя.

— Поднимайтесь по лестнице, — шепнул человек, указывая на пятно тени на стене между двумя книжными шкафами, которое при ближайшем рассмотрении оказалось дверью. — Там найдете незапертую комнату. Зайдите в нее и запритесь.

Я спасусь? Мичер задал бы этот вопрос, если бы страх не лишил его голоса и если бы он не так боялся услышать ответ. Он ощупью прошел через комнату, чувствуя, как затхлый запах старых книг оседает на его легких, как ил, и положил руку на пятно темноты, которое было ручкой ведущей наверх двери. Открылась она легко и без скрипа, который он ожидал услышать. Он успел заметить лестницу (не более чем несколько полос тени другого оттенка), прежде чем дверь за ним со щелчком закрылась, забрав с собой последние остатки света.

Где-то в душе он обрадовался темноте. Ему захотелось сжаться, закрыть глаза и затеряться в ее складках. Преодолевая нежелание, он заставил себя поднять ногу, нащупать носком нижнюю ступеньку и начать подъем. Усталость уже была невыносимой, все суставы сверлила пронизывающая боль. Он пытался не думать о том,

чем это закончится, удастся ли ему каким-то чудом не попасть в руки своих преследователей, оживить память и вернуться домой. Не зная почему, он превратился в беглеца, а у беглеца одна задача — бежать. Бежать до тех пор, пока не убежишь или пока тебя не поймают.

Быть может, вновь обретенный союзник поможет ему. Быть может, когда преследователи Мичера уйдут, они сядут вместе за стол, и владелец магазина ответит на все его вопросы. Что происходило внизу, Мичер не слышал. Он даже не слышал удары в дверь. Что, если владелец магазина сейчас разговаривает с людьми в капюшонах? Или они прошли дальше? Кто знает, может, они стучали вовсе не потому, что знали, где укрылся Мичер, а потому что стучали во все двери подряд, надеясь либо разбудить и расспросить здешних обитателей, либо вспугнуть его самого и заставить выбежать из укрытия.

Он понял, что дошел до конца лестницы, только когда занесенная правая нога не нашла очередной ступеньки. Он осторожно поставил ее рядом с левой и стал водить руками перед собой, пытаясь понять, куда идти дальше. Не встретив преграды, он двинулся вперед, шаркая подошвами по поверхности, похожей на шершавую древесину. Через несколько шагов он двинулся вправо и через пару секунд наткнулся на стену.

Прижимаясь руками к холодной неровной штукатурке, еще через несколько секунд он нащупал дверь. Поводив по ней пальцами, нашел ручку, которую пришлось несколько раз покрутить в разные стороны, чтобы стало понятно: дверь заперта.

Что там говорил хозяин магазина? «Ступайте наверх в незапертую комнату»? Что-то похожее. Это, очевидно,

подразумевало, что здесь есть несколько комнат и лишь одна из них не заперта. Нужно просто найти ее, вот и все. Нужно действовать методично.

Вместо того чтобы перейти на другую сторону лестничной площадки, он решил на ощупь найти следующую дверь на своей стороне — так точно не пропустишь ни одной. Прищурившись в темноте и поняв, что различить что-либо все равно не удастся, он осторожно двинул вперед одну ногу, и почти сразу левая ладонь натолкнулась на выступающий край дверной рамы.

Рука сама дернулась вниз, нашла ручку, и на этот раз ее легкий поворот открыл дверь. Мичер вошел и тихонько притворил за собой дверь. Вспомнив наставление хозяина магазина, он нащупал нервно дрожащими пальцами ключ и с удовлетворением услышал щелчок, когда повернул его в замочной скважине по часовой стрелке.

Развернувшись лицом к комнате, он понял, что здесь было не так темно, как ему сначала показалось. Тусклое коричневатое свечение сочилось сквозь маленькое, заросшее грязью и пылью окно. Хотя это трудно было назвать светом, Мичер все же разглядел кровать со смятым одеялом и высокий прямоугольный шкаф. Но ребенка он не замечал, пока тот не зашептал.

Голова его повернулась так резко, что шею пронзила горячая и острая, как раскаленная спица, боль. Ребенок так вжался в противоположную от двери стену, что, пока Мичер не сфокусировал на нем зрение, он казался не более чем тенью, упавшей на неровную поверхность штукатурки. Решив, что его возня у двери могла испугать ребенка, заставить его убежать в дальний конец комнаты и в страхе прижаться к стене, Мичер дви-

нул к нему, намереваясь его успокоить, но скорее для того, чтобы он его не выдал, чем из-за желания действительно помочь. Однако, сделав всего четыре шага, он остановился.

Сперва он принял детский шепот за молитву или за попытку что-то сказать, но теперь, оказавшись ближе, понял, что ошибся. Ребенок шептал слова, которые он или какой-то другой ребенок в ужасе повторял в телефонную трубку, когда Мичер пытался позвонить с площади: «Нетпапанетпапанетпожалуйстаненадопожалуйстаперестаньпапанетпожалуйстанет».

Как будто ребенок думал, что, если их беспрерывно повторять, они приобретут силу заклинания. Как будто ими он высмеивал или проклинал его. Мичер почувствовал, что в нем закипает злость, даже нечто большее, чем злость, и сделал еще два шага по комнате. И только сейчас, когда он оказался в шести-восьми футах от ребенка, скудное освещение позволило ему рассмотреть детали, которые были скрыты от него до сих пор. И от того, что ему открылось, ноги его подкосились так резко, что он упал на колени.

Ребенок не прижимался спиной к стене. Он стоял лицом к стене, почти надменно повернувшись к нему спиной. Более того, как и у манекенов, как и у его преследователей, как у статуи на площади, на голову его был натянут мешок.

Вид этого мешка, черного полиэтиленового мешка, перевязанного липкой лентой, пробудил воспоминания Мичера. И теперь наконец он начал понимать, почему находился здесь. Он в мольбе протянул к ребенку руки.

— Прости, — прошептал он. — Прости меня. Пожалуйста. Пощади.

Медленно ребенок повернулся к нему. «Нетпапанет-папанетпожалуйстаненадо... пожалуйстаперестаньпапанетпожалуйста», — шептал он.

Словно получая удовольствие от происходящего, ребенок поднял руки и приложил ладони к черному полиэтилену, отчего тот скрипнул. Потом, продолжая шептать, он вдавил пальцы в полиэтилен и начал сдирать с лица мешок.

Линда Е. Ракер

ПОСЛЕДНИЙ РАЯ

Линда Е. Ракер родилась в Бирмингеме, штат Алабама, и сейчас живет в Портленде, штат Орегон, но в скором времени намеревается собрать вещи и стать скиталицей, начать странствовать по другим частям света столько, сколько другие части света смогут ее выдержать.

Несколько лет назад она на время оставила сочинительство, чтобы получить высшее образование, и это каким-то необъяснимым образом привело к тому, что в этом году будут опубликованы несколько ее новых рассказов.

Ее произведения выходили в таких журналах, как «Третья альтернатива», его реинкарнации «Черный шум», «Сверхъестественные истории». Данный рассказ — ее второе появление в ежегоднике «Антология лучших современных рассказов ужасов».

«У этого рассказа два источника, — объясняет она. — Воображаемый диалог — который буквально написал сам собой — между одним любителем кино и его девушкой, решившими сыграть в глупую игру (мои друзья, которые читали этот рассказ, уверяют меня, что главного героя я списала со своего партнера); и деревенский дом моей бабушки в Джорджии, который в детстве казался мне жутким. Когда-то я даже придумала, что рядом с ним живет ведьма, и даже сейчас, когда заброшенный дом разрушается и постепенно сливается с окружающим его лесом, мне он кажется страшным, таинственным местом».

— Подожди-ка, — задумавшись, сказала София. — Этот я знаю. Намекни, я вспомню.

— Зачем тебе намекать, если ты его знаешь? — Кевин закурил очередную сигарету и снова опустился на сиденье.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Следи за дорогой, — сделал замечание Кевин, и София пихнула его в плечо.

— Умник, — бросила она.

Мягким басом он фальшиво пропел:

— Семь, семь, семь...

— «Великолепная семерка», — подхватила она. — Я же просила намекнуть, а не подсказывать.

— Ну, если ты не поняла намека на «Семерых самураев», что я мог...

София ударила по тормозам. Машина вильнула вправо и остановилась.

— Поворот проехали! — воскликнула она. — Придется возвращаться, навигатор.

— «Навигатор»? Знаю. Новозеландский фильм про средневековых жертв эпидемии чумы, которые переносятся во времени и попадают в современную Новую Зеландию. Еще с таким названием есть фильм с Бастером Китом. В любом случае задницу я тебе надрал!

— Это не игра. Ты можешь перестать быть киноманьяком хотя бы на пять минут? — без особой надежды в голосе спросила София, включая заднюю передачу.

— Я кинокритик. По-другому не умею.

— Ну так в следующий раз мы сыграем в... кулинарную игру или что-нибудь такое, и тогда я надеру тебе задницу, как ты изысканно выражаешься.

— В кулинарную игру? Ты помешана на еде.

— По крайней мере, мы питаемся хорошо. Вы, мужики, жили бы на одном попкорне и шоколадном драже, если бы не было таких людей, как я.

У пропущенного поворота не было указателя, и заметить его можно было, только проехав мимо и увидев уходящую в лес прогалину и густой кустарник, подступающий к самому краю дороги. Кевин решил пока не спорить.

— Прекрасно, — пробормотала София через несколько секунд, когда они въехали на гравийную дорогу. По днищу машины зловеще застучали камни, по окнам ударили ветки. — Вот интересно, в договоре об аренде авто есть пункт, по которому мы не должны отвечать за повреждения, полученные у черта на куличках?..

Она замолчала, когда они миновали поворот и перед ними неожиданно оказался дом. Стоял он посреди голого участка земли, где вся трава либо высохла, либо была выкопана шестью собаками, которых держала Роза, тетя Софии. Люди из надзора за животными посчитали их дикими и усыпили.

Сам дом был низким и темным, с закрытыми изнутри окнами и деревянными стенами цвета старых помоев.

Кевин сказал:

— Тут наверняка привидения водятся. То есть, судя по виду, должны водиться. Господи, ну и дыра! — Он рассердился на себя за то, что на последних словах его

голос притих так, будто вид дома его и вправду насторожил. — Господи, — повторил он.

— Ну, мы не обязаны оставаться здесь на ночь. — София оживилась, это всегда с ней случалось, когда что-то ее беспокоило.

— «Дом на холме призраков», — сказал Кевин.

— Что?

— Фильм Уильяма Касла. Винсент Прайс обещает десять тысяч долларов тому, кто проведет всю ночь в доме с призраками.

— А, но сейчас десять тысяч долларов — это совсем не то, что в те дни. Хотя, если их будет предлагать сам мистер Винсент Прайс, это, конечно, интереснее. В римейке они увеличили сумму?

— Где?

— В римейке.

— Богохульница! — оскорбленным тоном произнес он.

— Давай, кто быстрее! — крикнула она и выскочила из машины, пока он соображал. Сандалии ее уже цокали по порогу дома, когда он был только на середине двора.

— Так нечестно, — пожаловался он. — Ты меня обманула. — Они оба смеялись, пока она не повернулась лицом к дому и пока им вдруг не стало понятно, что нехорошо слишком уж веселиться, собираясь осматривать жалкие владения бедной покойной тети Розы.

Ключ Софии застрял в замке, и на какой-то миг у него даже появилась надежда, что замок сломан, но со второго раза дверь открылась, пролив на них темноту.

Они перешагнули через порог и оказались в прихожей, где пахло плесенью, застоявшимся воздухом и жарким сентябрьским днем. Прямо перед собой, в нескольких футах, он увидел какие-то неясные, но жуткие тени, которые, когда София щелкнула выключателем, оказались вешалкой с многочисленными пальто и громадным платяным шкафом. Прихожая была небольшой, и, сделав всего несколько шагов по серому вытертому ковру, он очутился в другом ее конце.

Вчера вечером София показывала ему фотографии в квартире ее матери в Атланте, обезображенные снимки, на каждом из которых изображение сестры Розы было оторвано или соскоблено. Ему казалось жестоким и излишним то, как внутрисемейные неурядицы зачастую преподносятся посторонним. Стоящие за всем этим истории — а история всегда найдется — слишком запутанны и болезненны, чтобы обиженная сторона могла их припомнить и внятно изложить. *«Вы не представляете, что она со мной сделала. Вы не понимаете. Она всегда такой была».*

Впрочем, подобные отношения стали немного понятнее теперь, когда он увидел дом. Он попытался представить себе сестер более непохожих, чем яркая, властная мать Софии, вице-президент чего-то там в одном из крупных банков Атланты, и странная отшельница, жившая, как сказочная ведьма, в своем жутком доме посреди леса.

— А ты вообще встречалась с ней когда-нибудь? — поинтересовался он.

— Да, один раз, — ответила ему София. Когда точно, она не помнила, но была тогда совсем молодой.

И случилось это на каком-то семейном собрании, возможно, на похоронах. — Она напугала меня.

Нет, это неправда. Ее мать не сомневалась, что София и тетя Роза никогда не встречались. «Не могу представить, при каких обстоятельствах *такое* могло случиться», — сказала она Кевину с ядовитым смехом.

София пожала плечами.

— Она врет. Тетя Роза научила меня танцевать один необычный танец, что-то вроде джиги, но потом мать запретила мне его танцевать, когда узнала, у кого я ему научилась. Тогда я начала выплясывать его в своей комнате тайком. — Это все, что она помнила. А теперь, когда страшная тетя Роза умерла, Софии пришлось заняться ответственными взрослыми вещами, которые не могла сделать мать. *«Я съезжу. Я осмотрю дом»*. Жуткая сумасшедшая тетя Роза в завещании оставила эту рухлядь племяннице.

Мать Софии была против.

«Дорогая, тебе не обязательно этим заниматься. Сиди дома, а я найду людей, которые все сделают. Съездят, оценят, продадут, а деньги переведут прямо на твой счет».

Но чем сильнее давила мать, тем тверже становилось желание Софии самой со всем разобраться. Кевин предпочел молчать и не вмешиваться.

Двери по обеим сторонам от них, ведущие из прихожей, были закрыты.

— Давай сюда, — сказала София и потянула за ручку дверь справа от себя. Кевин испытал секундное

беспокойство, когда она шагнула в комнату и ее поглотила темнота. — О боже!

Зажегся тусклый свет, и он прошел следом за ней в кухню, где его встретил сильнейший тошнотворный запах протухшей еды.

— Ты только посмотри, — сказала София, и он посмотрел. Все три окна, одно над раковиной и два выходящих на фасад дома, были закрыты картоном, прилепленным черной клейкой лентой.

Остальная часть помещения была непримечательна: обычная старая посуда, грубая деревянная мебель. На полу перед открытой дверью неработавшего холодильника с перегоревшей лампочкой лежали какие-то непонятного вида пакеты (возможно, упаковки мяса). Из некоторых вытекали тонкие ручейки темной жидкости. На столешнице серели заросшие плесенью кучи, вероятно, сгнившие фрукты и овощи.

— Я видала кухни, в которых была *почти* такая же антисанитария, — сказала София, но никто не улыбнулся.

Ему захотелось сказать ей, чтобы она остановилась, не ходила в другие комнаты. Но она бы посмеялась над ним или рассердилась. *«Тут и так муторно, а ты еще меня пугаешь».*

— Хватит, — сказала она и, зажимая рот, вышла из кухни и закрыла дверь. — Хотя это и неприятно говорить, но мать, наверное, была права.

Дошла очередь до следующей двери. Снова темнота. Но на этот раз он был готов. За секунду до того, как София нашла выключатель, он услышал, как ее пальцы царапнули стену. Звук этот напомнил ему что-то высушенное и неживое.

— Так, — сказала София. — Что тут у нас?

— Вот это да! — ошеломленно выдохнул он.

Даже если бы до этого они не увидели грязную кухню, вид гостиной, которая была буквально забита разными вещами и мебелью, стал бы для них потрясением. Восточные ковры покрывали каждый дюйм стен, включая, возможно, и окна. Все знания Кевина о старинной мебели были почерпнуты во время случайных прогулок мимо антикварного магазина в Сиэтле, когда он лениво размышлял о том, что может заставить человека выбрасывать сотни долларов на какую-нибудь старую рекламную продукцию «Кока-колы». Но даже его неопытному глазу было видно, что в этом нагромождении предметов разных эпох и культур может находиться что-то ценное. К одной из стен прислонился лакированный китайский шкаф, рядом расположились два массивных резных кресла и аккуратный торшер в стиле ар-деко. Более-менее свободный проход вел сквозь этот хаос к противоположной двери, но, чтобы пройти по нему, все равно нужно было протискиваться и втягивать живот.

Софи уже пробралась мимо письменного стола с убирающейся крышкой и теперь оттаскивала непримечательного вида журнальный столик, который загораживал следующую дверь. У него внезапно возникло иррациональное желание попросить ее не делать этого, но было поздно. Сверхъестественное солнечное сияние озарило ее.

— Спальня тети, — сообщила она, пройдя через дверь, и он поспешил присоединиться к ней, борясь с растущим волнением, которым наполнили его две предыдущие комнаты, и со странным ощущением потерянности, как будто его похоронили заживо.

Распахнутое окно помогло ему вздохнуть спокойнее.

— Слушай, ты бы не ходила первой, — сказал он.

Спальня тети оказалась аккуратной и строгой, как келья монашки. Простая железная кровать, белые подушки, белое, туго натянутое одеяло. Деревянная тумбочка рядом, пустая, если не считать переполненной пепельницы и смятой сигаретной пачки. На краях сигарет краснели следы яркой губной помады. Их вид напомнил Кевину, как сильно ему хочется курить. Он полез в карман за зажигалкой, но вспомнил, что оставил ее и сигареты в машине. Подойдя к окну, он сказал:

— Не вижу нашей машины.

— Естественно. Ты же смотришь с другой стороны дома.

Он знал, что должен был видеть подъездную дорожку и передний двор, но перед ним была только полоса голой земли, дальше начинался лес. Ему вдруг показалось, что деревья пошевелились, как вздрагивают занавеси, когда что-то движется с другой стороны.

— Смотри, — сказала София. Она подняла из-за кровати коробку из-под обуви, поставила ее на тумбочку, а потом вдруг дернулась и отскочила назад, задев рукой пепельницу. Та полетела на пол и разбилась.

— Черт! — вскрикнула София.

— Ты чего?

— Мне показалось, из коробки вылез паук. Вот дура!

Он обошел кровать и увидел капельки крови у нее на ногах, проступившие там, где осколки пепельницы оцарапали кожу.

— У меня все нормально, — сказала она. — Просто испугалась. В ванной, наверно, есть бинт.

София протолкнулась мимо него и открыла последнюю дверь. Кевин заметил тяжелый фарфоровый умывальник и ванну на ножках, но тут София воскликнула: «фу!», и он вошел следом. Из крана, шипя и разбрасывая брызги, текла коричневая вода.

— Это из-за того, что вода долго не стекала, — сказал он. — Через пару минут пойдет чистая.

— Бинта здесь нет, — сообщила София. — Похоже, тетя Роза даже мылом не пользовалась. Ну и черт с ним. Порезы все равно неглубокие. — Работа на кухне сделала ее невосприимчивой к легким ранам и ожогам. — Давай посмотрим, что в коробке.

«Не надо», — захотелось сказать ему, но вместо этого он произнес:

— Назови три фильма, в которых была голова в коробке.

— Боже, обязательно нужно про такие страсти говорить? «Семь». — Она подняла крышку.

— Это первый, — сказал он, чтобы не закричать что-нибудь глупое и истерическое, наподобие: «Не заглядывай в коробку!»

— Тут полно фотографий, — сообщила она. — «Принесите мне голову Альфредо Гарсиа».

— Там голова была в мешке, а не в коробке, — в отчаянии процедил он.

— Какие мы разборчивые! — сказала она и изменившимся голосом добавила: — Хм, странно.

— Что?

— Не знаю, откуда это у нее. Это мои фотографии.

«Так что там случилось между твоей матерью и тетей Розой?» — спрашивал он.

«Мама считала ее ведьмой».

«Ведьмой... Как в викканстве? Религия нового века, "будьте благословенны", белая магия и все такое прочее? Как Тереса?» — Тереса была их соседкой в Сиэтле.

«Нет, просто старая злая ведьма. Да, не верится, правда? Это единственное, что может мою насквозь рациональную маму заставить стать суеверной».

Потом она сказала:

«И еще кое-что о моем отце».

«Об отце...» — София никогда не рассказывала о своем отце.

«В молодости они... Не знаю, не поделили его, что ли. Он бы парнем Розы, а мама увела его, кажется. Я его совсем не помню».

Произнесла она это так четко, так спокойно, как будто не пыталась скрыть боль.

«Он исчез, когда мне было три. Что ты из себя представляешь в таком возрасте? Ты даже еще не личность... Воспоминания не сохраняются, только редкие яркие вспышки, и то, что люди помнят вместо тебя, что тебе повторяют много раз, то ты и считаешь своими воспоминаниями. Он исчез до того, как я смогла сама сохранить какую-то его часть».

— «Бартон Финк», — сказала она, доставая пачки фотографий и бросая их на кровать. София в колпачке на своем первом дне рождения; София-первоклассница беззубо улыбается с официальной школьной фотогра-

фии; София в голубом платье без бретелек танцует с тощим темноволосым парнем на дискотеке.

— Принимается. Это второй.

Она улыбнулась и угрожающе помахала ему фотографиями.

— Я покажу тебе жизнь разума.

— Ты не похожа на Джона Гудмена.

Но она уже не слушала.

— Что это?

Его не отпускало ощущение неотвратимости, как бывает, когда ты во второй или третий раз смотришь кино, в котором должно произойти нечто страшное, и, даже если знаешь, что произойдет, тебя не покидает надежда, что каким-то чудесным образом фильм переменит сценарий. Но это было не кино, и ничего подобного он никогда раньше не видел, поэтому не было никаких причин для такого болезненного ощущения. София достала из коробки ключ.

— Не нравится мне это, — сказала она. — Где она взяла мои фотографии? И зачем хранила?

— Может, твоя мама послала их ей? — Между родственниками преданность и чувство обиды, бывает, существуют параллельно. Например, его двоюродная сестра Шелби не разговаривала с отцом, но заставляла сына раз в месяц писать ему письма.

— Послала ей полную коробку моих фотографий? — спросила она. Он пожал плечами. — Похоже, это ключ от двери, — продолжила София. — Интересно... Кевин, как думаешь, сколько может стоять все добро в той комнате? Представляешь, вдруг мне этого хватит, чтобы открыть свой ресторан? — Когда она посмотрела на него,

глаза ее сияли. Ему захотелось взять ее за руку и убедить уйти немедленно, сказать, что ее мать была права и этим должны заниматься другие люди.

Но вместо этого он сказал:

— Это окно выходит на передний двор. Почему машины не видно?

— Ничего *там* нет. — Она нетерпеливо подошла к двери в гостиную. — Здесь должна быть еще одна комната. Может, она завесила вход в нее ковром, как и окна.

Он заколебался — возвращаться в загроможденную часть дома не хотелось. Подчиняясь внезапному порыву, он подошел к одному из окон. Ему показалось важным, чтобы, кроме двери, были другие пути отступления, и еще он почувствовал стоявший в комнате тяжелый цветочный запах — тошнотворную сладость, которой маскируют смрад. Он сделал глубокий вдох, но не смог определить гнильцу. На испорченные продукты на кухне это похоже не было, запах был более резкий, более землистый.

Свежий воздух помог бы ему. Он подергал створку окна, но та даже не пошевелилась. Похоже, окно было заколочено намертво.

Когда он прошел в гостиную, София исчезла. Спинной к нему неподвижно стояла женщина с черными волосами и в свитере Софии. Она повернулась и улыбнулась ему. Улыбка Софии. Глаза Софии.

— Смотри, какой жуткий парик, — сказала она. — Для Хэллоуина как раз подойдет, правда? Как думаешь, что моя тронутая тетушка могла с ним делать?

— Сними, — взмолился он, но просьба его, вероятно, прозвучала не слишком серьезно, потому что она рассмеялась и прошла мимо него.

— Голова в коробке, — сказала она. — Ты уверен, что «Принесите мне голову Альфредо Гарсиа» не подходит?

— Конечно уверен, это же я загадывал, — ответил он и вдруг понял, что не помнит, какой третий фильм с головой в коробке имел в виду, и вообще, почему заговорил об этом в такой мрачной обстановке.

— А что, если тело в коробке? — сказала она. — Был фильм «Елена в ящике». Уф. Ладно, сдаюсь, мне нужна подсказка. — Она снова повернулась к нему спиной, и ее голос, звучавший из-под копны темных волос, почему-то испугал его. — Я рассказывала тебе, как выглядела тетя Роза? — спросила она. — Когда-то она была настоящей красавицей. Намного красивее моей мамы. Мама получила мозги, а Роза красоту.

— Откуда ты знаешь? Что она была красивая?

София рассмеялась.

— Я, когда была маленькая, спрятала несколько ее фотографий, прежде чем мама собрала остальные и порвала на кусочки. Они, наверное, до сих пор где-то хранятся. В детстве, когда мама меня однажды отругала и я на нее разозлилась, я придумала целую историю о том, что ее заколдовала злая ведьма, и что моей настоящей мамой была тетя Роза, и что они с папой скоро спасут меня. Глупо, правда?

— Пойдем отсюда, — сказал он. — Мы уже все увидели, а домой ехать долго.

— Тот танец, которому она меня научила, — сказала София. — Она называла его «какой-то рил». Может, ведьмин рил? Нет, не помню. Но мне хочется еще немного осмотреться. Вдруг найду, к чему этот ключ подойдет.

Ему захотелось сказать, что, если тетя Роза действительно хранила что-то ценное, она бы не стала это так прятать. Хотя, опять же, тетя Роза была немного не в себе. Такая старуха, как тетя Роза, могла сказать себе: «Я должна это спрятать, чтобы никто это не нашел и не украл, пока не придет она»

— Я знаю, — сказала София и пошла в прихожую. Кевин последовал за ней и, когда она начала оттаскивать от стены шкаф, сказал ей:

— Осторожнее, на себя не завали. — Он подошел, чтобы помочь. — Берись за дно. Его нельзя сильно наклонять.

Когда они вошли сюда, он не заметил, насколько хуже здесь был запах. Этот дом долго простоял плотно закрытым, мог ли воздух в нем испортиться, как бывает в шахтах, когда происходит завал и горняки постепенно задыхаются?

Они вдвоем отодвинули шкаф на пару футов от стены, и София сказала:

— Кевин, смотри. Иди на мою сторону. — Она оказалась права, за шкафом действительно скрывалась дверь. София смогла вставить ключ в замок и приоткрыть дверь ровно настолько, чтобы суметь проскользнуть внутрь.

— Не надо, — сказал он, когда она еще стояла с его стороны двери и держалась за ручку.

Она улыбнулась.

— Давай так договоримся: ты называешь третий фильм с головой в коробке, и я не открываю дверь.

— Я не могу вспомнить, — признался он. — Мне кажется, это был «Принесите мне голову», но я не уверен.

— Очень жаль, — сказала она и скользнула в темноту.

Через несколько бесконечно долгих мгновений раздался ее голос:

— Не могу найти выключатель. Может, тут за какую-нибудь веревочку потянуть нужно? У тебя зажигалка с собой? — Она кричала так, будто обращалась к нему со дна колодца.

— Она в машине, — ответил он. — София, выходи оттуда.

— Можешь сбегать принести? Кевин, еще пять минут, и поедem домой, обещаю.

Поколебавшись, он поднял руки.

— Ну хорошо.

Проще было разозлиться на нее, чем спорить. Наверное, ему показалось, что входная дверь не поддавалась, когда он повернул ручку. Видно, она разбухла от долгой неподвижности, вот и застряла немного. Потом он снова оказался на пороге, где по-прежнему было тепло и солнечно, а машина их стояла на том самом месте, где они ее оставили. На полдороге к ней он повернулся, чтобы найти окна спальни, из которых выглядывал.

Его внимание привлекло движение на крыше. Что-то мелькнуло на коньке и скрылось из виду с другой стороны. Что-то темное и небольшое. *Обычная белка.*

Он нашел зажигалку в углублении между сиденьями и бросился обратно в дом. Ворвавшись, он выкрикнул ее имя и услышал в ответ ее приглушенный голос.

— Елки-палки, София, зачем ты закрылась? — Он постучал, подергал ручку. — Тут заперто. Это ты заперла?

Голос ее звучал очень близко. Должно быть, София находилась за дверью, но слышно было так, будто она шептала ему прямо на ухо.

— Здесь ничего нет.

— Хорошо, оставайся на месте. Не ходи там, если ничего не видишь. — Но она именно этим и занималась, он слышал ее гулкие шаги. — Ты что, танцуешь там? — *Рил. Ведьмин рил.*

Где-то он читал, что лучший способ вышибить дверь — ударить прямо под замком.

— Что ты делаешь? — спросила София, когда его нога обрушилась на деревянную панель. Второй удар расщепил доску.

Дверь была старая и дешевая, не рассчитанная на то, чтобы кого-то удержать внутри. Меньше всего ему хотелось входить в эту чернильную темноту, поэтому он достал зажигалку и щелкнул один раз, второй. Бог любит троицу.

Переступив через порог, он был удивлен тем, насколько большую часть комнаты осветила зажигалка, которую он поднял над головой. Плечи его обвисли, напряжение исчезло, когда он спросил себя, что ожидал здесь увидеть. Голову отца Софии в коробке, что ли? Она была права. Комната представляла собой небольшое пустое помещение в форме ровного квадрата примерно десять на десять футов.

А потом он обратил внимание на стены. Шагнул вперед, сделал еще один шаг.

— Вставай, — сказал он. София сидела на полу, скрестив ноги. Огонек обжег палец, и Кевин потушил зажигалку.

Он надеялся, что она не увидела того, что увидел он: каждый квадратный дюйм стен был покрыт письменами или вырванными из книг страницами с приколотыми фотографиями Софии. Ему показалось, что некоторые из них висели вверх ногами или были порезаны. И снова зажигать свет, чтобы удостовериться, так ли это, ему не хотелось.

София молчала. А потом сказала:

— Здесь на полу что-то нарисовано. — В темноте ее голос звучал непривычно. Они были вместе уже несколько лет. Неужели еще остались какие-то незнакомые ему оттенки ее речи? Он сделал еще несколько шагов. Темнота как будто проглатывала его. — Посвети здесь.

Задубевшим пальцем он крутанул колесико зажигалки.

— София, — сказал он, когда вспыхнуло маленькое пламя и комната снова озарилась призрачным светом. Он присел и низко опустил зажигалку. — София, сними, пожалуйста, этот парик.

Она захихикала, и этот звук тоже был неправильным.

— Ты такое значение ему придаешь. — Она сняла парик и бросила в угол. Внутри у него все сжалось, ему захотелось, чтобы она подняла его. Ему было неприятно думать, что парик будет лежать там, как какое-то мохнатое мертвое существо, и он снова потушил огонь.

— Если мы еще здесь задержимся, твоя мать начнет волноваться, — сказал он.

— Интересно, что в том шкафу? — задумчиво произнесла она.

— Голова твоего отца?

Снова замолчали.

— Это не смешно, — сказала она. — Да и потом, от нее за это время мало что осталось бы, верно?

— Прости. Я пошутил. Глупо получилось. — Он чувствовал, что рубашка липнет к взмокшей спине, а пот стекает из-под мышек по бокам, и вдруг понял, что дышит тяжело и прерывисто, как после бега. — «Когда настанет ночь».

— Что?

— «Когда настанет ночь». Еще один фильм с головой. Только что вспомнил.

— А. Никогда о таком не слышала.

— Альберт Финни с топором, отрубленная голова.

— А, — снова сказала она. — Тогда ты сжульничал, если знал, что я наверняка не угадаю.

Половицы скрипнули под ее ногами. Он заставил себя не попятиться, но, когда она прикоснулась к нему, отпрыгнул от неожиданности. Ее пальцы были холодными как лед, а ногти твердыми и острыми, Кевин почувствовал это даже сквозь рубашку.

— Тут слишком темно. Как будто свет вообще никогда сюда не заглядывал. — Он почувствовал на своей шее ее дыхание, теплое, влажное и несвежее. — Знаешь? — промолвила она, а потом прижалась к нему, и ее уста легли на его рот. Ее язык раздвинул его губы.

Он отшатнулся.

— Пора уходить.

Она издала кашель, гортанный мокрый кашель старого курильщика.

— Ты прав, — сказала она. — Все равно здесь ничего нет.

У него отлегло от сердца, когда она протиснулась мимо него и пошла в коридор. Из-за парика у нее на макушке топорщились волосы. Когда она открыла входную дверь и он увидел свет, ему стало понятно, что уже намного позже, чем ему казалось. София заметила, что в это время как-то слишком рано темнеет и трудно поверить, что осень только началась.

— София, посмотри на свои ноги! Ужас! — сказал он, заметив ее порезы. Они высохли и сморщились, как маленькие раскрытые рты. Но она уже садилась на пассажирское сиденье и, похоже, не услышала его.

С первого раза машина не завелась. Со второго тоже. И с третьего. Пот начал заливать его глаза. София сидела рядом в расслабленной позе, и холостые обороты мотора ее, как видно, не пугали.

— Нужно вызывать эвакуатор, — сказал он. — Где твой телефон?

— Он разрядился. Забыла вчера на ночь на зарядку поставить. Это не такое уж плохое место, — продолжила она. — Наверняка что-нибудь придумаем.

— Зажигалку забыл, — негромко промолвил он.

— Что?

— Ничего, — сказал он, уже жалея, что на какую-то долю секунды его охватило желание послать ее под каким-то предлогом обратно в дом, а самому уехать... Нет, убежать куда глаза глядят... милою или больше до трассы, и там остановить первую попавшуюся машину. Но не София остановила его. Нет, скорее уверенность в том, что, как далеко ни беги, трассы все равно не найти, потому что ее там больше нет.

— Бедненький, — жалостливо произнесла она. — Устал, наверное. Может, не надо ехать? В доме есть кровать, можно отдохнуть.

Он вдавил педаль газа. Как бы ему стало легче, если бы сейчас он посмотрел на нее, а она бы засмеялась и предложила какой-нибудь спокойный и разумный способ выйти из этого затруднения! Кто-нибудь подберет на трассе, сказала бы она, здесь, за городом, люди все еще помогают друг другу. Но он не мог заставить себя повернуться к ней. Не печаль и не чувство утраты, а какое-то странное онемение овладело им. Он продолжал снова и снова крутить ключ зажигания, давить на газ еще долго после того, как мотор издал несколько сухих безжизненных щелчков и заглох, и все так же не мог заставить себя посмотреть ей в глаза.

Джей Лейк

МЕРТВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Джей Лейк живет в Портленде, штат Орегон, с книгами и двумя кошками, где и работает над многочисленными проектами как писатель и редактор.

На сегодняшний день последними его работами являются романы «Цветочный суд», вышедший в издательстве «Night Shade Books», и «Ходовая пружина», выпущенный издательством «Tor Books». В 2008 году должны выйти продолжения обеих книг. Его рассказы публиковались во многих сборниках по всему миру, например, из недавних — «Антология рассказов о чудовищах» и «Логорея».

В 2004 году Джей Лейк получил Премию Джона В. Кэмпбелла как лучший новый писатель-фантаст, также он многократно номинировался на премию «Хьюго» и на Всемирную премию фэнтези.

«Существуют небольшие маркеры, которые помогают нам понять сущность мира, — поясняет писатель. — Так называемые говорящие подробности. Самолет на дне реки в этом рассказе указывает на то, что привычный нам мир прекратил существование, потому что мы не оставляем самолетов на месте падения. Блокнот полицейского рассказывает свою историю. Но самая длинная история здесь — это история смерти. Это рассказ о том, что могло бы произойти и что почувствовали бы люди, оставшиеся стоять в замешательстве среди руин».

Американцы все богаты, даже мертвые американцы. Побрекито это точно знает, потому что самые жаркие часы дня проводит на старом *Cementerio Americano*¹ у реки. Вода в реке густая и ленивая, а из труб в *colonia*² течет ржавая муть коричневого, как глаза святой Маргариты, цвета. Памятники на их могилах возведены из лучшего мрамора. Каким-то неведомым ему способом на них вырезаны их портреты. Еще они бывают украшены прекрасными скульптурами ангелов, которых в церквях, что стоят выше на холме, и не видывали. У некоторых мертвых американцев есть даже свои маленькие дома, тесные коробки со сломанными дверями, где раньше, наверное, хранились великие сокровища.

Сидя в ветвях поникшего дерева, которое из последних сил цеплялось за жизнь, он смотрел на мух, которые собирались над водой в темные покачивающиеся плоты. В разломившемся надвое самолете, который лежит посреди реки, живут собаки, их глаза горят в маленьких разбитых овальных окнах. По ночам они переплывают реку по спокойной воде, шныряют по берегу, охотятся в *colonia* и у городских стен.

Это из-за них он никогда не ночует в *Cementerio*. Оттого, что некоторые собаки ходят на двух ногах, только они еще хуже. Когда-то давно, когда он был еще совсем

¹ Американское кладбище (исп.).

² Колония (исп.).

мал, Побрекито нашел пачку старых журналов с яркими обложками, на которых были изображены мужчины и женщины без одежды. Тот, кто выпускал такие журналы, очевидно, имел изумительное воображение, потому что, по наблюдениям Побрекито, в реальной жизни большинство людей занимались сексом либо после выпивки, либо после криков, борьбы и зажимания рта. Но на тех фотографиях люди в основном улыбались, устраивали друг друга на ложах аккуратнее, чем священники укладывают мертвецов. И жили они в удивительных, невероятных местах.

Побрекито иногда вырезал или вырывал из них картинки и продавал в *colonia* на улицах. Он знал, что сами журналы у него просто отобрали бы, избив или сначала, или после, но парень с несколькими клочками бумаги в руках никому не интересен. До тех пор пока кто-нибудь не присмотрится повнимательнее. Но даже если бы у него был пропуск, он бы ни за что не зашел за стены, потому что тогда священники повесили бы его на площади.

Больше всего в этих журналах ему нравились не обнаженность, не совокупления и не странные позы, которые эти люди принимали. Нет, ему нравилось то, что они — американцы. Прекрасные люди в прекрасных местах занимаются прекрасными вещами.

— Когда-нибудь я стану американцем, — сказал он своей подруге Люсии. Они прятались от дневной жары в ветках умирающего дерева с бутылкой пульке и грязной миской жареных бананов.

Журналы хранились в другом месте, которого он Люсии даже не показывал.

— Ты дурак, — сообщила она, глядя на самолет в реке. На его высоком хвосте все еще был виден маленький облупившийся американский флаг. Никто его не подкрашивал, все боялись собак. — Все американцы умерли, — добавила она с большой уверенностью.

Люсия меньше Побрекито, хотя старше. Она из *menoritas*, рожденных быть маленькими. Хотя она уже достаточно взрослая (у нее выросла грудь и пошла кровь), тело у нее гладкое и тонкое, как у ребенка. Побрекито знает это, потому что они часто спят, прижимаясь друг к другу, и она любит, чтобы он гладил ее, как ребенка, водил руками по бокам и спине, укладывал себе на грудь. Он пробовал делать пальцами кое-какие вещи из увиденного на картинках, но она внизу слишком маленькая, и спереди, и сзади, и жалуется, что ей больно.

Сама она никогда не предлагала прикоснуться к нему.

Побрекито прогнал эту мысль.

— А что, если мертвые могут рождаться заново? Священники все время об этом говорят. — Он улыбнулся, и его покрытые пятнами зубы блеснули даже в тени. — Я отбелю себе кожу и волосы, как они делали, и заведу красивый дом с бассейнами и роскошной мебелью. У меня будут разноцветные сверкающие машины и настоящий бензин.

Она засмеялась, легла спиной ему на грудь, положила голову ему на шею и глотнула пульке из бутылки так, что Побрекито стало не по себе и он почувствовал, как по телу разлился жар. Он принялся гладить ее волосы

и мечтать о далеких исчезнувших городах, таких как Лос-Анджелес и Омаха.

Вечером в *colonia* было беспокойно. Люди, даже рабочие дневных смен, которым уже пора было спать, вышли из домов, и на улицах не смолкали озлобленные голоса. Этот гомон был похож на шипение пузырьков в бутылке. Он даже заметил оружие: ножи в руках, пистолеты за поясами. Хранение и ношение при себе оружия считалось самым серьезным преступлением.

Побрекито, уворачиваясь от тяжелых ботинок, пробрался в гущу толпы и прислушался. Он уже знал, что сегодня не продаст ни одной картинки. Это значило, что завтра ему не на что будет купить еду. Но сейчас он об этом не думал, потому что ему очень хотелось понять, из-за чего шум.

Толпа гомонила о священниках:

— Бедные девушки!

— ...скандал. И они еще поминают Божье имя!

— Они носят эти черные одежды, так пусть и лгут друг другу.

— Прямо по списку вызывали. Я не отпустил свою...

— Тихо! Хочешь, чтобы тебя повесили?

— Налог. Как *такое* может быть налогом?

— Ничего, их время придет. Скоро!

Побрекито начал понимать. Священники уводят девушек. Как он предполагал, чтобы делать с ними то, что делают американцы на картинках. Будут ли девушки из *colonia* тоже улыбаться, видя похоть священников? Их, конечно, помогут, накормят, станут о них заботиться. Ведь это священникам, живущим в обнесенном стеной городе, принадлежали все деньги, вся власть.

Однако постепенно злость превратилась в бессильную усталость, по толпе прошел слух, что в *colonia* идет *guardia*¹, ножи и пистолеты исчезли, и люди начали расходиться. Кое-кто плакал больше обычного.

За последующие несколько недель призывали еще нескольких девушек, самых здоровых и с красивой формой груди. Теперь *guardia* приходила за ними, потому что люди больше не хотели отправлять своих сестер и дочерей на холм только потому, что им велят. Случались драки, произошло несколько тихих убийств, за которые не взялся бы ни один из адвокатов священников.

Ни одна из девушек не вернулась.

Через несколько месяцев начали призывать женщин постарше и совсем девочек. Они тоже не вернулись. В *colonia* было все так же беспокойно, но тот запал, который возник в первую ночь, уже отсутствовал. Нужно ведь думать о еде и о собаках с реки, да еще о тучах мух и ос, которые могут за несколько минут оставить человека без кожи, и о болезни, которая так же смертельно опасна, хоть и не столь заметна.

А еще жара.

С каждым днем становилось чуть-чуть теплее. Так было всегда, сколько себя помнил Побрекито.

Исчезновение девушек и женщин хорошо сказывалось на небольшом дельце Побрекито. Печальные мужчины и юноши с дикими глазами покупали его картины, расплачиваясь мятыми консервами собачьего корма, связками батата или лука. К нему пришли даже несколько взрослых женщин, ахающих и кудахчущих, как

¹ Гвардия (исп.).

старые курицы, замотанных в похоронные черные одежды; они просили фотографии «девочки, одной, без этой твоей мерзкой грязи, чтобы было с чем о ней вспоминать».

Но он становился слишком известным, слишком богатым. Теперь он получал больше еды, чем они с Люсией могли съесть за день, и у него даже появилось несколько металлических инструментов и немного старого золота, которое он прятал на дереве у реки.

«Хватит ли этих богатств, чтобы стать американцем?» — думал Побрекито.

Он шел на *Cementerio Americano* с двумя книжками и старой бутылкой вина, которыми с ним расплатились за пригоршню фотографий трех целующихся тощих желтоволосых девиц. По привычке Побрекито старался держаться в тени, двигался под заборами, прижимался к разрушенным колодцам. Он обошел старый гниющий сарай, в котором стоял трактор на спущенных шинах и несколько больших металлических конструкций, и наткнулся на трех солдат *guardia*.

— О! — произнес Побрекито и машинально протянул им вино. Возможно, это убережет его от чего-то худшего. Хотя в этом он сомневался.

Их командир (у него на рукавах было больше разных значков) какое-то время поглаживал яркий кожаный ремень с кобурой, потом улыбнулся. Такая улыбка внушала ужас, так улыбаться мог человек, пытающийся повторить улыбку, увиденную на старой фотографии. Остальные двое остались безучастными. Поигрывая мачете, они смотрели на Побрекито мертвыми

глазами. Все трое жирные, животы шире бедер. В *colonia* таких ни у кого не было, разве только у тех, кто умирал от опухоли в животе.

Вино никто не взял.

— Ты покровитель Люсии Сандос, верно? — спросил командир.

Такого Побрекито не ожидал.

— Э-э-э... Нет. Она просто приходит сюда иногда.

Командир заглянул в тонкий блокнотик. Замусоленные станицы были почти сплошь исписаны.

— Ты ведь Побрекито, уличный торговец, адреса нет, из *colonia*?

— Да.

— Значит, ты покровитель Люсии Сандос. Так указано в моем блокноте, и, следовательно, так оно и есть. — Улыбка снова появилась на его лице. — Ее вызывают. — Все трое озирались по сторонам, как будто она могла свалиться с неба. Побрекито понимал, что для них это обычная процедура.

— Она не моя, — сказал он, глядя на свои ноги. Только не Люсия. — И потом, — добавил он, — она *menorita*. С ней нельзя как с женщиной. — Поможет ли это?

Его мучители расхохотались, а потом один из тех, что с мачете, сказал:

— Откуда ты знаешь, если не имел ее?

Командир подался к нему.

— Она чистая, парень. В наши дни этого достаточно.

А потом они начали бить его. Плоскими сторонами мачете и носками грубых ботинок. Побрекито лишился большей части левого уха, когда лезвие мачете соскользнуло, а одну из ладоней порезали до кости, но они

остановились, не сломав ему ребер или других больших костей.

— Найдешь ее, — сказал командир. Побрекито едва слышал его от боли и крови, попавшей в ухо. Командир вырвал несколько страниц из его книг, расстегнул брюки и помочился на бумагу. Забрав бутылку, он добавил на прощание: — Сегодня же.

Побрекито не стал тратить время на слезы. Он с трудом поднялся на ноги, понимая, что нужно перевязать ухо и руку. Слишком много болезней могут проникнуть в тело через открытые раны и язвы: черная гниль, зеленая гниль, красная короста, — и он боялся их всех.

Побрекито едва держался на ногах, в глазах у него было темно, в голове гудело, и из-за страшной боли в руках и ногах ему с трудом удалось вскарабкаться на дерево. Добравшись до своей ветки, он увидел, что кто-то покопался в его запасах сокровищ и еды. *Guardia*, собаки — все равно. Дупло в стволе разворочено то ли топором, то ли мачете, и все, что не забрали, разбили, порвали или раздавили. Теперь все его богатства — мусор.

— Я никогда не стану американцем, — прошептал Побрекито.

Он положил на искалеченное ухо разрезанную ладонь и прижал, чтобы замедлить кровотечение и уберечь раны от насекомых. Несмотря на боль, он прислонился этой стороной тела к стволу и растянулся на ветке, чтобы отдаться звенящей темноте.

— Проснись, дурак! — Это голос Люсии. Она била его по щекам.

Странно, вся кожа Побрекито чесалась, горела и царапалась.

Еще несколько пощечин.

Он открыл рот, чтобы ответить, и в него залетела муха.

Он был весь покрыт мухами.

— А! — закричал Побрекито.

— Их нужно согнать, пока не покусали, — сказала она немного более спокойным голосом.

Побрекито поднялся и побежал по ветке, нависающей над водой.

— Не в реку... — закричала она ему вдогонку, но было поздно. Старая ветка сужалась, она прогнила изнутри, ноги у него были слабые, в глазах стоял туман. Раздался треск, и в облаке щепок, мух и крови Побрекито, пролетев пять или шесть метров, упал в медленную коричневую воду. Удар выбил из легких воздух.

Оказавшись в теплой, как кровь, реке, он проснулся окончательно. Он был под водой, открытые глаза видели мутную воду зеленовато-коричневого цвета, не пропускающую свет. Вода липкая, странная, цепляется за него, пытается затянуть еще глубже. Побрекито бил ногами, пытаясь всплыть, но оставался на месте.

По крайней мере, мух больше нет.

У него возникло желание открыть рот, чтобы почувствовать что-то, кроме жжения в пустых легких.

Что-то оцарапало ноги. Что-то длинное, медленное и сильное. Побрекито выбросил руку и нащупал палку. Потянул за нее, но она не поддавалась, поэтому он сам придвинулся к ней.

В следующий миг он, задыхаясь, весь в грязи, выбрался по корню дерева на берег реки. Воздух наполнил легкие, благословенный воздух. Вода за ним бурлила — это длинное, медленное и сильное нечто оплетало его. На середине реки захлебывались лаем собаки.

Люсия, всхлипывая, спустилась по стволу дерева.

— Дурак! Идиот!

Она помогла ему выбраться из воды, пока его ноги еще были свободны. Он лежал на берегу, задыхаясь и плача, но чувствуя блаженство оттого, что избавился от мух. Думать о том, что речная вода могла сделать с его ранами, ему не хотелось.

— Они... они приходили... они приходили за тобой... — выдохнул он.

— Да кому я нужна! — сердито ответила она.

— Они сказали, что ты *чистая*. Что этого им сейчас достаточно.

Помолчав, она сказала:

— Старые женщины говорят, огненная моча убивает богатых в городе. Священники узнали от Бога, что, если лечь в постель с чистой женщиной, огненная моча передается женщине, а мужчина излечивается.

— Откуда ты знаешь? Ведь никто оттуда не возвращается?

— Есть люди, которые ходят в город и из города. Слуги, фермеры. Они разное рассказывают. И кладбище растет, уже почти на весь холм разлезлось. Богатые умирают. — Она какое-то время смотрела на него молча. — Девушек из *colonia* они просто бросают в старые колодцы, засыпают там известью и гравием и читают молитву, если есть настроение.

— Ааах... — Он заплакал. Из глаз потекли горячие слезы, чего не было, когда его били. Такого вообще не случилось на его памяти. — А теперь они хотят тебя.

— Такой способ еще никому не помог, но они все равно продолжают этим заниматься. Священники говорят: это из-за того, что им не хватает веры. Там, в городе,

они думают, что могут сделать мир таким, каким им хочется. — Она посмотрела на него пару секунд, прежде чем продолжить: — И, наверное, им все время хочется новых девушек.

Побрекито подумал о своих американских картинках. Видимо, многие мужчины хотят постоянно менять девушек. Что, если он, продавая эти картинки, сеял зло? Но ведь он не продавал их в городе и даже не продавал их людям из города. По крайней мере напрямую. Хотя он часто думал о том, что некоторые из его покупателей могли этим заниматься.

Если бы он мог переиначить мир так, как хотелось ему, он убрал бы из него жару, насекомых и болезни. Он всех сделал бы американцами, такими, как на картинках: голыми счастливыми бледнокожими блондинами с большими домами и столами, ломящимися от еды и питья. Он не захотел бы, чтобы продолжали убивать девушек. Даже если бы так велел Бог.

— Я хочу показать тебе что-то, — сказал он.

— Потом покажешь. По-моему, сейчас к нам собаки побегут.

— Днем?

— Ты привлек их внимание, дружок.

На самолете собаки и правда собрались на полузатопленном крыле. Некоторые спихивали в реку палки и камни, чтобы увидеть большого хищника, который на миг прикоснулся к Побрекито под водой. Другие рычали сквозь острые зубы, сверкая глазами. Из некоторых разбитых овальных окон поднимались клубы дыма. Большие красные и синие буквы, выцветшие и потертые, как флаг на хвосте, темнели на закругленной верхней части самолета.

— Ладно, — сказал он, — идем.

Он повел ее вглубь *Cementerio Americano*. Здесь Побрекито всегда осторожничал: перепрыгивал с камня на камень, семенил по краям бордюров, чтобы не оставлять следов.

Здесь, среди домов мертвых американцев, было спрятано его величайшее сокровище.

Он показал Люсии склеп с прочно закрытыми дверями. Ухватившись за карниз, он забрался на крышу, хотя все его тело болело после побоев и падения в реку. Потом он протянул руку, чтобы помочь ей. На крыше были расположены два люка, и Побрекито знал секрет, как открыть один из них.

Через миг они оказались в прохладной темноте склепа. Здесь стояли два мраморных гроба с вырезанными венками и цветами, а в углу лежала стопка драгоценных журналов Побрекито. Также здесь имелись кое-какие запасы: банка с питьевой водой, немного сушеных фруктов и домотканая рубаша, не настолько дырявая, чтобы расползтись на лоскутья. И еще спички, тоже ценнейшая вещь.

— Эти американцы не похожи на богачей, — прошептала Люсия. — Это, конечно, милый домик, но единственные богатства, которые есть здесь, принадлежат тебе.

Побрекито пожал плечами.

— Может, их обворовали до того, как я их нашел. Или их сокровища спрятаны в гробах. Эта комната красивее любой комнаты, в которой мы с тобой когда-нибудь будем жить или умрем.

— И что теперь станем делать?

Он достал журналы из коробки и принялся листать. Гладкая американская плоть в сотнях разных поз мелькала перед его глазами: члены, груди, языки, кожаные и пластиковые игрушки, сверкающие автомобили... Весь мир, который существовал когда-то. Американский мир пал перед жарой и болезнями. Побрекито бросил журналы на пол, намеренно неаккуратно. Через несколько секунд Люсия начала помогать: разрывать журналы, доставать из них страницы. На картинки она не обращала внимания, хоть и не была так привычна к ним, как Побрекито.

Вскоре перед ними лежала стопка глянцевых образов прекрасного прошлого. Не говоря ни слова, Побрекито чиркнул спичкой и поджег оборванные яркие края. На спокойных лицах не было ни пота, ни ран, они чернели и скукоживались. Он зажег еще спички и поднес их к другим краям, пока пламя не охватило всю пачку.

Вонючий дым наполнил небольшой склеп и клубился вокруг люка в крыше. Побрекито было все равно, хотя Люсия начала кашлять. Он стащил с себя мокрую, в пятнах крови одежду и бросил ее в огонь, потом забрался на один из мраморных гробов. Через несколько секунд Люсия присоединилась к нему.

Она тоже была обнажена.

Они лежали на мраморной кровати, такие же прекрасные в своей наготе, как любой американец, целовались и трогали друг друга, пока огонь пожирал красивых людей в красивых домах, а дым уходил сквозь крышу. Снаружи выли собаки и хлопали пистолеты *guardia*.

Когда Люсия взяла его член в рот, Побрекито понял, что он так же богат, как любой американец. Через какое-то время он почувствовал, как горячая струя изверглась из его тела в нее, хотя от удушливого дыма у него кружилась голова, а мысли улетали в небо, как бесчисленные самолеты, взмывающие из своих речных могил.

Скоро он станет настоящим американцем, богатым и мертвым.

Питер Эткинс
**МЕЖДУ ХОЛОДИМ ЛУНОЙ
И ЗЕМЛЕЙ**

Питер Эткинс — урожденный ливерпулец, но вот уже пятнадцать лет живет с женой Дэйной в Лос-Анджелесе. Он автор романов «Утренняя звезда» и «Большой гром», а также сборника «“Исполнитель желаний” и другие рассказы».

Его работы выходили и в таких журналах, как «Странные рассказы», «Журнал фэнтези и научной фантастики», «Танцы на кладбище», и были включены в отмеченные различными наградами антологии. Питер Эткинс пишет для телевидения и театра, но, возможно, больше всего известен своими работами для кино. Он является автором сценария трех частей фильма «Восставший из ада» и создателем франшизы «Исполнитель желаний».

Рассказ «Между холодной луной и землей» был написан для октябрьского турне 2006 года «Роллинг Даркнесс Ревью» — мультимедийного коллектива, организованного Эткинсом вместе с друзьями и коллегами Гленом Хиршбергом и Деннисом Этчисоном. Впервые он был опубликован в книге «Под знаком черепа снежного человека», выпущенной специально для этого тура издательством Пола Миллера «Earthling Publications».

«Моя история хорошо принималась во время турне, — вспоминает Эткинс. — Вот только американскую аудиторию смутило то, что некоторые из шестнадцатилетних персонажей провели вечер

в пабе. В действительности подобное пренебрежение законами об употреблении алкоголя было обычным делом в Ливерпуле семидесятых, где я рос. Остальные элементы повествования так же почерпнуты из личного опыта, в том числе и очаровательная сквернословящая героиня».

Ее губы прикоснулись к его щеке всего секунду или две, но они были ледяными.

— Блин, Кэрол, возьми мою куртку, — предложил он.

Она рассмеялась.

— Зачем это?

— Затем, что сейчас час ночи, — сказал он, — и ты замерзла.

— Сейчас лето, — заметила она, с чем трудно было поспорить, но дело было не в этом. — Так ты будешь меня провожать?

Майкл распрощался с остальными минут сорок назад. Кирк начал в открытую и, кажется, со всеми шансами на успех клеиться к девчонке из Вулворта, с которой они познакомились в пабе, поэтому Майкл с Терри тактично отвалили на автобусной остановке и пошли домой пешком через Сефтон-парк. Он мог бы поехать на такси с Терри, но, из-за того что тогда их спор о том, кто лучше, «Ти Рекс» или «Пинк Флойд» (и до того дня, когда они согласились, что лучше всех «Рокси Мьюзик», оставалось еще добрых полгода), был в самом разгаре, они по безмолвному согласию расстались, и Майкл решил идти через огромный парк в одиночестве.

Кэрол стояла на дорожке на берегу большого озера. Он чуть не обделался, когда увидел там темную фигуру и предположил худшее: что это какой-нибудь скинхед поджидает, пока он подойдет, готовый свистнуть своим

спрятавшимся в засаде друзьям, чтобы навалить как следует удачно подвернувшемуся глэм-роковому педикю. Но Кэрол не делала ничего угрожающего, просто смотрела на середину озера и на неподвижную полную луну, которая отражалась там.

— Привет, Майкл, — сказала она, прежде чем он успел узнать ее в лунном свете, и поцеловала в щеку, когда он подошел, прежде чем он успел назвать ее по имени. После этого они вместе двинулись по длинной дорожке, опоясывающей озеро.

— Черт, Кэрол, где ты пропадала? — спросил он. — Тебя уже несколько месяцев никто не видел.

Это была правда. Ее мама снова вышла замуж перед самым Рождеством, и они всей семьей переехали. Недалеко, в другой район города, но для шестнадцатилетних этого достаточно, чтобы потерять связь.

— Я ездила в Америку, — сказала Кэрол.

Майкл повернулся к ней, проверить, не шутка ли это.

— Ты ездила в *Америку*? — недоверчиво произнес он. — Как это понимать? Когда? С кем?

Она на мгновение прищурилась, как будто напрягая память, и сказала:

— Я думаю, что это была Америка.

— Ты *думаешь*, что это была Америка?

— Это могла быть воображаемая Америка. — Голос ее сделался немного раздраженным. — Слушай, ты хочешь, чтобы я рассказала, или нет?

Майкл не улыбнулся и не полез целоваться, хотя ему хотелось сделать и то, и другое. То, что она рассказывала ему разные истории — настоящие, вымышленные или их смешение, — всегда как-то по-особенному связывало их. Этим она ему и нравилась. Ну, не только

этим, конечно. Нельзя сказать, что он меньше Кирка и Терри восторгался ее умопомрачительной грудью или ее дразнящей манерой держаться, намекающей как бы на то, что, сложишь обстоятельства удачным образом, она могла бы, ну, заняться с тобой *этим*, и одновременно дающей понять, что ты никогда в жизни не сможешь таких обстоятельств создать. Но ее рассказы и то, какое они приносили ей самой удовольствие, ему особенно нравились, и именно их, как он теперь понял, ему не хватало все это время больше всего. Поэтому он ответил, что хочет услышать рассказ.

Первым делом произошла некоторая путаница с тем, каким видом транспорта она туда добралась, самолетом или кораблем (Кэрол никогда не любила вступлений), но главное заключалось в том, что через несколько дней она оказалась в какой-то придорожной забегаловке в компании почти незнакомых людей.

Они путешествовали на машине и остановились перекусить в затрапезной придорожной закусочной, которая, несмотря на идеальную чистоту, выглядела так, будто ее не красили и не обновляли года этак с 1952-го. Они сидели в кабинке, пили кофе и ели пирог. Спутники ее были примерно одного с ней возраста, но могли водить машину и прочее. Оказалось, что в Америке парни могут быть такими же грубыми придурками, как в Ливерпуле. Один из них, Томми, кажется, его звали, парил мозги официантке. Он поднял пустую чашку и высунулся из кабинки.

— Але! Кто мне обновит? — крикнул он.

Кэрол встала и, сказав, что ей нужно в туалет, вышла из кабинки. Посреди зала она встретилась с официанткой, которая спешила к их столу с кофейником. На ее

бейдже было написано имя «Синда». Такого имени она никогда раньше не встречала и подумала, что это, наверное, сокращение от Синдерелла, потому что так было бы красиво. Кэрол тихонько заговорила с ней, кивнув на Томми, который махал чашкой.

— Не обращай на него внимания, зая, — сказала Кэрол. — Он скотина, но оставит хорошие чаевые, вот увидишь.

Синда, которой было на вид лет тридцать, с благодарностью улыбнулась ей.

— Для девочек у нас во дворе, милая, — сказала она.

Кэрол вышла из закуской и увидела, что туалеты находятся в отдельном здании, больше похожем на сарай. Она пошла по окруженной разросшейся травой гравийной стоянке для машин, глядя на пустынную дорогу. Как ей рассказали новые друзья, такой тип дороги называется «двухполосное шоссе». Закусочная и ее сортир были единственными зданиями в обозримом пространстве, если не считать здоровенной силосной башни, которая торчала серой громадиной ярдах в ста дальше по дороге. Как раз когда Кэрол посмотрела на нее, на солнце напозла туча. Яркий летний день тут же испортился, и в воздухе повисло ощущение приближающегося ливня. Кэрол поежилась и подумала, не без некоторого удовольствия, вызванного загадочностью ситуации, о том, где она, черт возьми, находится.

Пописав в туалете, Кэрол вымыла руки и сполоснула лицо над небольшой симпатичной раковиной, единственной на весь туалет. Сзади шумно и натужно наполнялся водой старый бачок. Кэрол открыла кран и взглянула на свое отражение в грязном, захватан-

ном зеркале над раковиной. Как только бачок наполнился и заглох, в ту же секунду зеркало с громким щелчком треснуло прямо посередине, как будто устало держать себя в форме.

— Твою мать! — воскликнула Кэрол, потому что испугалась и вздрогнула от неожиданности и еще потому что ей не понравилось, как выглядят две возникшие разобщенные половинки ее отраженного лица. Она повернулась, собираясь выйти, и увидела, что уже не одна.

Маленькая девочка лет шести или семи молча стояла совершенно неподвижно у двери одной из кабинок и смотрела на нее. Девочка была какая-то странная, одной рукой она закрывала правый глаз.

— Вот черт, — сказала Кэрол, вспомнив, что сказала «твою мать» при ребенке. — Я не знала, что ты была... — Она замолчала, улыбнулась и начала снова: — Привет, солнышко. Ты тут рядом живешь?

Девочка продолжала молча смотреть на нее.

— Как тебя зовут? — спросила Кэрол, продолжая улыбаться, и снова не удостоилась ответа. Отметив про себя закрывающую глаз руку, она попробовала зайти с другой стороны. — Мы играем в игру, но никто не рассказал мне правила. Ну хорошо, давай.

Подняв руку, Кэрол закрыла себе правый глаз и сказала:

— Ку-ку.

Наконец девочка робко улыбнулась и опустила руку. Правого глаза у нее не было. Просто гладкая кожа на его месте.

Кэрол повела себя молодцом. Она почти не отпрыгнула и вскрикнула совсем не так громко, как можно было ожидать в такой ситуации.

— Мама потеряла мою повязку на глаз, — спокойным, деловитым голосом произнесла девочка.

— Ой, как жалко, — сказала Кэрол, изо всех сил стараясь скрыть потрясение.

— Она новую купит. Когда в город поедет.

— Да? Здорово. А какого цвета? Какой цвет ты любишь?

Девочка пожала плечами.

— Ты что, тормоз? — сказала она. — Какая разница, какого она будет цвета? Это же повязка на глаз.

Кэрол не знала, то ли рассмеяться, то ли ударить мелкую хамку.

— Если хочешь, можешь идти теперь, — сказала девочка. — Мне нужно пописать.

— А, ну давай. Пока. — Кэрол подняла руку, немного неуверенно помахала на прощание и направилась к выходу. Девочка бросила ей вслед:

— Будь осторожна в лесу, Кэрол.

— Я не называла ей своего имени, — убежденно сказала Кэрол.

— Да уж, странно, — согласился Майкл.

Кэрол довольно улыбнулась.

— Это еще не странно, — сказала она. — Странно было потом. Когда я заблудилась в лесу.

— Ты заблудилась в лесу?

Кэрол кивнула.

— Они что, разрешили тебе гулять одной по лесу?

— Кто?

— Твои новые американские друзья. Те люди, с которыми ты сидела в кафе.

— Ха! Кафе. *Закусочная*, тупица. Мы были в Америке.

— Да какая разница? Как они позволили тебе заблудиться?

— Ах, да. — Она на секунду задумалась и направила взгляд на озеро и призрачную луну в нем. — Может, их просто там не было. Но неважно. Слушай.

Выяснилось, что Кэрол все же действительно заблудилась в лесу. Причем в самой что ни на есть глухомани, прямо как в сказке про Гензеля и Гретель, где солнце с трудом пробивается сквозь деревья и где небо можно увидеть только изредка сквозь мрачный полог из листьев и переплетенных веток.

Кэрол пробиралась через кусты между деревьями, ступая по мху и опавшим листьям, когда первый раз услышала звук. Тихий, заунывный и слишком далекий, чтобы можно было понять, что это, хотя он что-то напоминал. То, на что Кэрол не могла ткнуть пальцем. И только когда он через пару секунд раздался снова, она поняла. Это был гудок одинокого судна в ночном океане. Печальный и жуткий. Впрочем, не настолько жуткий, как тот факт, что после него разом смолкли все другие лесные звуки, которых Кэрол даже не замечала до того, как они прекратились: птичье пение, шаги крадущихся по лесу невидимых животных, вздохи ветра в кронах деревьев.

Теперь единственными звуками остались те, которые издавала сама Кэрол: шелест и покачивание живых веток, которые она раздвигала, хруст и треск мертвых веток под ногами. Тут Кэрол задумалась о том, стоит ли

продолжать идти в этом направлении. Развернулась и пошла обратно. Через пару секунд, пройдя между двумя растущими очень близко друг к другу деревьями, она очутилась на небольшой полянке, на которой раньше не была.

На заваленной листьями земле лежало поваленное гнилое дерево, которое моментально и непонятно почему напомнило Кэрол садовую скамейку. Но у нее не было настроения садиться на него и отдыхать, да и рядом, знаете ли, не было озера с лодками, чтобы расслабиться. Поэтому она прошла через полянку мимо поваленного дерева и остановилась, только когда у нее за спиной раздался голос:

— Куда так спешишь, милая?

Кэрол повернулась. На поваленном дереве сидел моряк. Он был в матросской блузе с квадратным вырезом и в брюках клеш. Кэрол задумалась бы о том, носят ли еще моряки такую форму, если бы не была слишком удивлена его неожиданным появлением. Он сидел к ней боком, одна нога на земле, другая, согнутая, стоит на дереве, и к ней не поворачивался. Наверное, потому что был слишком занят скручиванием папиросы.

— С готовыми проще, — сказал моряк, — но мне больше нравится сам процесс. Раскладываешь бумажечку, сыплешь табачок, сворачиваешь. Знаешь, о чем я?

— Я не курю, — ответила Кэрол, что, строго говоря, не соответствовало действительности, но кем был этот хрен, чтобы рассказывать ему правду?

— Жуешь?

— Что жую?

— Табак.

— Фу Нет

Моряк произнес в ответ что-то нараспев, как будто решил спеть ей песню, но понимал, что мелодию ему не осилить:

В далеком Нагасаки,
Где парни жуют табак
И женщины сходят с ума

Кэрол уставилась на него. В замешательстве. Не в страхе. Пока еще. Она махнула рукой на лес.

— А откуда вы?

— Из Далонег, Джорджия. Это маленький городок к северо-востоку от Атланты У подножия Аппалачей.

Интересовало ее не это, и она хотела об этом сказать, но он прервал ее:

— Была когда-нибудь в Нагасаки, рыбка?

— Нет.

— А в Шанхае?

Моряк все еще сидел боком к ней. Обращался он к Кэрол, но смотрел прямо перед собой, в лес. Ответа он ждать не стал.

— Стоял там в доке один раз, — сказал он. — Но отпуска на берег мне не дали. Ребята, которые ходили, рассказывали потом, что я пропустил. Говорят, тамошние шлюхи такое выделывают! Могут хоть в узел для тебя скрутиться. Ммм! Мужчинам такое нравится. Нравится, когда они выгибаются.

Кэрол заставила себя ничего не говорить. Не двигаться. Даже не дышать.

— И чистые к тому же, — добавил моряк. — Для меня это важно. Кто его знает, может, я когда-нибудь туда еще вернусь. Конечно, когда они меня хорошенько рассмотрят, мне придется сверху платить. — Тут он наконец повернул к ней лицо. — Как думаешь?

Одна половина его лица была бледной, как кость, и раздутой, как будто много-много лет назад опустилась в воду и с тех пор там оставалась. Волосы свисали, как мокрые водоросли, и что-то перламутрово поблескивало во влажной сочащейся темной впадине, которая когда-то была глазами.

— О боже! — выдохнула Кэрол, обомлев. Моряк вставил самокрутку в наполовину разрушенный рот, зажег ее и вдохнул дым.

— Просишь Бога о спасении? — сказал он. — Это хорошо. Может помочь. — Дым сочился сквозь раскисшую белую плоть, которая едва держалась на костях его наполовину мертвого лица. — А может и не помочь.

Моряк встал с дерева и осклабился.

— Когда-то я гонял свиней в лесах Джорджии, — сказал он, отбросив папиросу. — Ну-ка проверим, быстрее ли ты бегаешь, чем эти мелкие визгуны.

И пошел на нее.

— Оказалось, что я бегаю намного быстрее, — сказала Кэрол. — Но все равно у меня ушло минут десять на то, чтобы оторваться от него.

— Блин, Кэрол, это не смешно, — возмутился Майкл.

— Я и не говорила, что это было смешно.

Майкл повернулся к ней, и она немного склонила голову, глядя на него, так и сверкая красивыми темными глазами от гордости. К этому времени они уже почти обошли озеро вокруг, и ни у него, ни у нее даже не появилось мысли свернуть в сторону северных ворот парка и пойти домой.

— Да уж, жуть, — сказал Майкл. — Призрачный моряк. Неплохо.

— Ага, — согласилась она. — Оказывается, во время второй мировой затонул один корабль, и весь экипаж погиб.

— Затонул в лесу? Ничего себе корабль.

— Это было не в лесу. Я разве не сказала? Все это случилось на берегу.

— Редондо?

— Что это еще за фигня? — искренне удивилась она.

— Это пляж. В Америке. Я слышал о нем. У Патти Смит такая песня есть.

— А, ну да. Нет. Это было не в Америке. Это было в Корнуолле. — Немного подумав, прибавила: — Да, точно в Корнуолле. Из-за каменного бассейна.

— Ты мне ничего не говорила о бассейнах.

— Ничего *ему* не говорила, — сердито повторила она. — Господи, какой ты зануда!

Майкл рассмеялся, хотя в этот миг ему в голову неожиданно пришла совсем другая мысль. Лунной ночью он гулял по парку с обалденной девушкой, и у него даже не возникло мысли попытаться что-нибудь сделать. Черт, он даже руку ей на талию не положил! Терри с Кирком его на смех поднимут, когда он им расскажет. И впервые он подумал о том, знала ли она об этом. Может быть, это и стояло за ее историями? Для этого она их и рассказывала, как Шахерезада, словом удерживающая любовников на расстоянии? Он чувствовал, что с ним что-то происходит, что в сердце растет непонятная грусть.

— Все в порядке, Кэрол? — спросил он, сам не зная почему.

— Теперь-то да, — ответила она, не слыша в его вопросе еще не до конца осознанного подтекста. — Короче,

я убежала. Спаслась. Но ты же портишь всю историю, придурак. Сначала я должна рассказать, что происходило.

Луна наполнила парк серовато-серебристым светом. «Интересно, сколько времени?» — подумал он, а вслух сказал:

— Каменный бассейн.

— Вот-вот, — кивнула она, довольная тем, что он обратил на это внимание.

Поначалу она его не замечала. Просто шла вдоль пустынного берега, пока линия песка не уперлась в каменный завал, отходящий от нависшего над берегом ущелья. И только забравшись на огромный, покрытый склизкими водорослями камень, она его увидела. Отделенный от моря и заключенный в собственное каменное ложе естественный бассейн был неподвижен и безмятежен. Вокруг него лежало несколько больших валунов. Размером он был примерно двадцать футов от края до края и казался довольно глубоким.

На одном из валунов, разложенные так, будто ждали хозяина, лежали предметы одежды. Платье, чулки, какое-то белье. Кэрол перевела взгляд с них на холодный манящий бассейн, и через мгновение из него, взорвав водную гладь, вынырнула женщина. Она поплыла к камню с одеждой, но, заметив Кэрол, остановилась и подозрительно посмотрела на нее.

— Ты что здесь делаешь? — спросила она. — Шпионишь? — Женщина была старше Кэрол, примерно одного возраста с ее мамой. Тридцатипятилетняя красавица.

— Нет, — ответила Кэрол. — Зачем мне за вами шпионить?

— Может, ты одна из них, — сказала женщина.

— Одна из кого?

Женщина прищурилась и смерила ее оценивающим взглядом.

— Ты знаешь.

— Нет, не знаю, — возразила Кэрол. — И я ни из кого. Я тут с друзьями. Мы ездили во Францию и только что вернулись. Лодка там дальше, на берегу.

— Все они что-то рассказывают, — сказала женщина. — Этим и ловят.

— Кто они? Может, хватит мне мозги парить, а? Я... — Кэрол прикусила язык и замолчала.

Тут женщина впервые улыбнулась.

— Ты выбираешь для меня слова? — сказала она. — Как мило.

Кэрол ощутила странный укол беспокойства. Эта женщина что, флиртует с ней?

— Я понимаю, — продолжила женщина, все так же улыбаясь и глядя прямо в глаза Кэрол. — Я взрослая, и ты хочешь быть вежливой. Но, знаешь, я не *настолько* старше тебя. — Она вышла из каменного бассейна и развернулась лицом к Кэрол, мокрая и голая. — Видишь, что я имею в виду? — сказала она.

Кэрол стало как-то не по себе. Она сглотнула. Не сводя глаз с Кэрол, женщина подошла к ней.

— Я расскажу тебе одну тайну, — сказала она и чуть подалась вперед, чтобы прошептать тайну Кэрол на ухо. — Для своего возраста я очень гибкая.

Кэрол отпрыгнула от нее, когда голос женщины затянул знакомую песенку:

В далеком Нагасаки,
Где парни жуют табак
И женщины сходят с ума...

Кэрол хотела убежать, но женщина схватила ее за горло.

— Куда так спешишь, милая? — сказала она, и голос у нее стал совсем другой: гортанный, насмешливый. — Веселье только началось.

Кэрол, задыхаясь в ее хватке, стала вырываться, попыталась ударить женщину кулаком в голову, но та легко отбила ее удар свободной рукой.

— У тебя такие красивые глаза, — сказала женщина. — Я сделаю из них серьги.

Рот ее раскрылся неестественно широко. Из него позмеиному быстро выскользнул язык. Он был длинным, черным и раздвоенным.

— Но, как я уже говорила, я спаслась, — сказала Кэрол.

— Как? — спросил Майкл, ожидая услышать в ответ рассказ о каком-нибудь очередном не упомянутом раньше элементе. Например о ноже, или пистолете, или очень острой палке, или о неожиданно пришедших на помощь друзьям-франкофилах из недавно изобретенной лодки. Но у Кэрол было другое объяснение.

— Я вышла на луну, — ответила она.

Майкл посмотрел на ночное небо.

— Нет, — сказала Кэрол. — Не на ту луну. На эту.

Она указывала на середину совершенно неподвижного озера и отражение полной луны в нем. Они оставались. Посмотрев вместе с ней на то, на что она ука-

зывала, Майкл неожиданно почувствовал холод ночи. Он молчал и ждал, боясь говорить, боясь произнести вслух вопросы, боясь, что на них ответят.

Тогда она рассказала другую историю, последнюю, догадался Майкл, которую он услышит от своей милой подруги в этой жизни. То была история о луне, о том, как она проникает в этот мир и как уходит из него. О том, что эти многочисленные ходы появляются на безмятежных озерах летними вечерами, на ночных, залитых дождем городских улицах, восставая из морских глубин перед глазами одиноких ночных вахтеров.

И когда она закончила, когда Майкл больше не мог притворяться, что не понимает, в чьей компании на самом деле находится, она повернулась и улыбнулась ему печальной прощальной улыбкой.

В черно-белых мягких тонах луны, своей хозяйки, она была прекрасна. Она не обесцветилась, а была переосмыслена, перерисована густыми оттенками серебряного, серого, черного и изысканного лунно-голубого. Она казалась почти жидкой, словно, если бы Майкл протянул к ней руку или даже прикоснулся, ее тело подернулось бы волнами и растеклось в воздухе.

— Спасибо, Майкл, — проговорила она. — Спасибо, что проводил, дальше я пойду сама.

Майкл ничего не сказал. Он не знал, что можно сказать такого, чего еще не сказали слезы в его глазах.

Прекрасная мертвая девушка ткнула серебряным пальцем ему за спину, указывая направление жизни.

— Иди, — мягко промолвила она. — Не оборачивайся.

И он не оборачивался, даже когда слышал то, чего не могло быть: шаги по воде, даже когда слышал

приветливый вздох луны и тихий плеск, как будто что-то легко и быстро скользнуло под воду.

Потом он, конечно, слышал другие версии: рассказы о том, как однажды лунной ночью Кэрол шагнула из окна третьего этажа дома своего отчима, и мерзкие слухи о том, почему она так поступила, но всю свою жизнь он будет предпочитать верить в ту историю, которую рассказала ему сама погибшая девушка.

Он шел через парк, не оборачиваясь и даже не сбившись с шага, когда его пальцы нащупали на щеке онемевшую точку в том замерзшем месте, где его благословили ее холодные губы. Думал он о том, как этот ледяной поцелуй расцветет в завтрашнем зеркальном отражении.

Джин Вулф

ПЛАЧ В ТЕМНОТЕ

Джин Вулф известен плотной, наполненной аллюзиями прозой. Он плодовитый сочинитель рассказов и романов и за свою писательскую карьеру был удостоен двух премий «Небьюла» и трех Всемирных премий фэнтези.

Последними вышли его книги «Пиратская свобода» (издательство «Thor») и «Северянин из Гильдии палачей» (издательство «Gollanz»). Сейчас писатель, которого однажды назвали «Диккенсом и Набоковым спекулятивных жанров», живет в Баррингтоне, штат Иллинойс

«Я думаю, что “Плач в темноте” можно назвать рассказом ужасов, — говорит Вулф. — Впервые он появился в “Станных птицах”, эту недорогую книжицу выпустило издательство Грега Кеттера “DreamHaven Books” Иллюстрации в ней принадлежат Лизе Снеллинг-Кларк, а рассказы мои В книжке репродукция картины Лизы “Детский час” слишком маленькая и нечеткая, чтобы рассмотреть испуганные лица детей, которые выглядывают из кармана высокой фигуры с марионеткой Иллюстрации в их мрачном великолепии могут ужаснуть и сами по себе»

— Это, — сказал сочинитель ужасов приехавшей семье, — вне всяких сомнений, самый нелюбимый призраками дом на всем Среднем Западе. Ни одно привидение и на милю не приближается к этому месту. Я в этом уверен.

Робби поправил маленькие очки и промямлил:

— А он похож на дом с привидениями.

— Похож, молодой человек. — Немного поколебавшись, сочинитель ужасов решил, что Робби было около семи. — Все дело в грязной желтой штукатурке. Можно не сомневаться, когда-то это был яркий и веселый желтый цвет, но одному Богу известно, сколько воды утекло с тех пор. Я собираюсь ее содрать, всю до кусочка, и заново оштукатурить стены. Я покрашу их белым.

— А нельзя просто покрасить сверху? — спросила Киара (девушка с обезоруживающе надутыми губками, золотыми локонами и крохотными серебряными сережками).

С очень серьезным видом сочинитель ужасов кивнул. И облизал губы, только в уме.

— Поверь, я пробовал. Этот жуткий цвет появился из-за грязного воздуха. Представь: дым, сажа, грязь — все это въелось в штукатурку. Покрась ее заново, и вся эта гадость проступит через свежую краску.

— Тут поможет водораспылитель с высоким давлением. — Дэн был отцом Робби и Киары. — Можно взять напрокат или купить примерно за тысячу.

— У меня есть распылитель, — сказал ему сочинитель ужасов. — Если добавить сильное чистящее средство, он, конечно, справится. — Он с улыбкой выдержал небольшую паузу. — Но, к сожалению, штукатурка здесь старая и хрупкая. Струя под сильным напором может ее разрушить.

— Призраки, — вставила Черити. Черити, маленькая пышка с мягким, не лишенным привлекательности лицом и необъяснимой страстью к безвкусным шляпкам, была женой Дэна. — Пожалуйста, вернитесь к призракам. Я думаю, призраки гораздо интереснее.

— Я думаю так же. — Сочинитель ужасов одарил ее своей самой ослепительной улыбкой. — Я долго пытался привлечь исследователей паранормальных явлений к этому старому месту, которое считаю... если позволите, очаровательным. История. Я был настойчив и убедителен, и в итоге дом проверили ни много ни мало три команды. Все три сообщили, что не нашли здесь ровным счетом ничего. Никаких доказательств, даже косвенных. Ни самих привидений, ни следов их пребывания. Ни единого общительного призрака, которого напористый писатель мог бы использовать в работе.

— И общественное мнение, — подхватила Киа-ра. — Не забывайте об общественном мнении. Я, когда выучусь, собираюсь заниматься связями с общественностью.

— И общественное мнение, ты права. Надеюсь, когда ты будешь заниматься связями с общественностью, я достаточно разбогатею, чтобы нанять тебя. Если это случится, я так и сделаю. Даю слово.

Черити подняла пухлый палец.

— Однако, с другой стороны, вы утверждаете, что ясно видели, или слышали, или почувствовали нечто. Вы, наверное, пускали экстрасенсов не только в эту большую темную гостиную, так ведь? Расскажите.

Сочинитель ужасов достал остроугольную бриаровую трубку с очевидными признаками длительного использования.

— Никто не против? Обычно я не курю здесь, но, если у нас назревает долгая душевная беседа... За трубкой проще вести разговор. Кто-нибудь хочет выпить?

Не прошло и минуты, как Черити уже держала в руке бокал белого вина, Дэн — стакан «Джонни Уокера» с водой, а Робби — стакан с колой.

— В Айвитехе¹ многие ребята пьют пиво, — сообщила Киара тоном, указывающим на то, что она из таких. — Но я не пью.

— Никакого пива до двадцати одного года, — строго промолвил Дэн.

— Вот видите? — надула она губки.

Сочинитель ужасов кивнул.

— Вижу. Между прочим, я вижу, что у тебя прекрасные родители, которые заботятся о тебе и хотят, чтобы у тебя в жизни все было хорошо. — Он едва заметно подмигнул Киаре. — Как насчет содовой? Лично меня содовая со льдом всегда освежает.

Черити сказала:

— Содовую ей можно, если она хочет.

Киара сказала, что хочет, и он пошел к бару.

¹ Технический общинный колледж Индианы

Робби все это время смотрел на высокий потолок большой старой комнаты.

— Кажется, я увидел.

— Привидение? — Сочинитель поднял на него блестящие голубые глаза.

— Летучую мышь. Наверное, ее можно поймать.

— Может, тут еще башня есть? — поинтересовался Дэн.

— Боюсь, что нет. Возможно, оштукатурив стены, я построю башню.

— Тебе обязательно нужно это сделать. Как я говорил жене, у каждого, кто верит в привидения, в башне водятся летучие мыши.

— Может, оно и хорошо, — пробормотала Черити, — что там обитают живые существа. Все лучше, чем одни колокола, гнилые веревки и пыль. Пожалуйста, расскажите об этом месте подробнее.

— Изначально это был деревенский дом. — С видом человека, совершающего таинство, сочинитель ужасов налил газировки в высокий матовый стакан, в котором уже находилось пять кубиков льда и (полностью скрытые его пальцами) два с лишним дюйма водки. — Тихое, спокойное место, в котором одна богатая семья могла отдохнуть от жары и зловония городского лета. Семья эта потом как-то погибла, подробностей я не помню. Я знаю, что, когда человек сначала убивает свою семью, а затем себя, обычно это делают мужчины, но в этом доме подобное совершила женщина. Она застрелила мужа и своих падчериц, а потом убила себя.

Черити заметила:

— Я бы такого никогда не совершила. Я бы не смогла убить Дэна. Или его детей. Себя, может быть, но не других.

Сочинитель ужасов с непроницаемым лицом вручил матовый стакан Киаре.

— А я бы не смог убить себя, — сказал он. — Я слишком себя люблю. А других?.. Кто знает.

Робби несколькими глотками выпил колу.

— Вы хотите напугать нас!

— Конечно! Это же моя работа.

Дэн поинтересовался:

— И что, все они умерли? Она была неплохим стрелком.

Сочинитель сел в кресло и поднял трубку.

— Нет. На самом деле не все умерли. Одна из трех падчериц выжила. Ей выстрелили в голову почти в упор, но она осталась жива.

Дэн философски заметил:

— Да, и такое бывает.

— Бывает. В этом случае так и произошло. Ее звали Мод Паркхерст. Имя Мод было популярным в начале двадцатого века, когда умерли ее родители и сестры. Слышали про нее?

Дэн покачал головой.

— Она была испугана на всю жизнь и осталась без гроша. То, что с ней случилось, повредило ее разум. Или это сделала пуля. Как бы там ни было, она основала собственную церковь и была в ней и папой, и пророком. Называлась она (или называется, не знаю, может, она до сих пор существует) «Унионисты Неба и Земли».

Черити сказала:

— Я слышала о них. Как будто вполне невинные люди.

Сочинитель ужасов пожал плечами.

— В наше время? Возможно. Но тогда я бы так не сказал. Определенно нет. Церковь эта была на свой причудливый манер отталкивающей, как любой культ. Ничего, если я буду называть ее культом?

Киара одарила его приятной улыбкой.

— Пожалуйста. Лично я не возражаю.

— Один мой друг, его тоже зовут Дэн, как-то дал мне определение культа. Он сказал, что, если вождь получает всех женщин, это культ.

Дэн кивнул.

— Мудро. В этом что-то есть.

— Да, но к УНЗ, как его называли, это не применимо. Мод Паркхерст были не нужны женщины, впрочем, как и мужчины. Единственный способ попасть на небо, как говорила она своим приверженцам, — это жить подобно ангелам здесь, на земле.

Дэн фыркнул.

— Да уж. Любой здравомыслящий человек сказал бы им, что они не ангелы. Что для ангелов совершенно естественно и правильно жить как ангелы, но мужчины и женщины должны жить как люди.

— На самом деле мы почти ничего не знаем про ангелов, — с задумчивым видом вставила Черити. — Кроме того, что они служат вестниками Бога. Кажется, апостол Павел говорил, что у каждого из нас есть небесный покровитель из ангелов. Так что еще это нам известно. Но все равно очень мало.

— Чувствую, все сводится к сексу, — вставила Киара.

Сочинитель ужасов кивнул.

— Ты совершенно права, и я начинаю думать, что ты самый проницательный человек из собравшихся здесь. Действительно, все связано с сексом. Члены УНЗ воздерживались от любых форм сексуальной активности. Холостые не женились, женатые должны были расходиться и жить отдельно.

— УНЗ — Университет Небес и Земли. Так и вижу такую надпись на футболках.

Покашливание Черити потерялось в большой темной комнате.

— Знаешь, Киара, я не вижу в этом ничего плохого, если все это было добровольно.

— Я тоже не вижу, — согласился сочинитель ужасов. — Но это еще не все. Желающие присоединиться проходили годичный период инициации, по окончании которого в полночь проводилась церемония. Если у них были дети, эти дети, причем все, должны были присутствовать обязательно. Они наблюдали за тем, как их родители совершают самоубийство... Или то, что выглядело как самоубийство. Подробности я не знаю. Знаю только, что после церемонии их безжизненные окровавленные тела выносили из церкви

Черити прошептала.

— О боже...

— Когда паства расходилась по домам, — продолжал сочинитель ужасов, — детей приводили сюда. Им говорили, что это сиротский приют, и воспитывали их здесь как сирот. В скором времени здесь действительно появился приют. По-видимому, это давало какие-то налоговые льготы, так что учреждение зарегистрировали как

церковный сиротский приют, и время от времени власти направляли сюда сирот. Вы, наверное, знаете, что то была эпоха сирот. Очень мало детей, если такие вообще были, попадали на воспитание в семьи. Чаще всего ребенок без родителей и близких родственников оказывался в приюте.

Дэн прибавил:

— Помню, когда-то выходил комикс про это. «Сиротка Энни» назывался.

Сочинитель ужасов кивнул

— Да, основанный на популярном в девятнадцатом веке стихотворении Джеймса Уиткомба Райли.

Сиротка Энни к нам пришла
В шалай-валяйный дом,
Посуда, мебель и кровать —
Все было в нем вверх дном
Она в гостиной убрала,
На кухне подмела
И расшалившихся цыплят
С веранды прогнала
Пока мы ездили с сестрой
Верхом на кочерге,
Сиротка Энни испекла
Лепешки в очаге
Но только вечер наступил
И кончили мы есть,
Велела Энни нам с сестрой
К огню поближе сесть
И сделав страшные глаза
И посмотрев на нас,
Сиротка Энни начала
Про гоблинов рассказ
Мол, гоблины вас сцапают,
Уволокут и схряпают,

А потому вы слушайтесь
И будьте начеку¹

— Вот видите, — закончил, улыбаясь, сочинитель ужасов, — в те дни было возможно взять из приюта сиротку и сделать из нее горничную и няню. Платить было не нужно, вы ее просто кормили, одевали и давали крышу над головой. Несмотря на то что их таким образом благодетельствовали, эти девочки повидали достаточно ужасов, одиночества и пустоты этого мира, чтобы стать родоначальниками того вида искусства, к которому имеет самое непосредственное отношение ваш покорный слуга. Это искусство устного рассказа страшных историй, превосходящее любое письменное сочинительство ужастиков.

— Им правда так плохо жилось? — спросила Киара.

— Здесь? Еще хуже. Я еще не рассказал вам самого страшного. Я даже еще не коснулся главного. — Сочинитель ужасов повернулся к Дэну. — Советую вывести из комнаты Робби. Так будет лучше.

Дэн пожал плечами.

— Он у нас смотрит телевизор. Сомневаюсь, что твои рассказы могут его напугать.

Черити поджала губы, но ничего не сказала.

Сочинитель ужасов воспользовался наступившей тишиной, чтобы раскурить трубку.

— Тебе не нужно оставаться, Робби. — Он выпустил облако душистого дыма и проводил его взглядом, когда оно начало медленный подъем к потолку. — Ты знаешь,

¹ Перевод О Егорова

где твоя комната, и можешь гулять по всему дому, кроме запертых комнат.

Киара улыбнулась.

— Ага, тайны! Мы в замке Синей Бороды! Я так и знала!

— Никаких тайн, — возразил сочинитель ужасов. — Просто очень опасная лестница в подвал. Крутая, шагающаяся, да еще без перил.

Робби прошептал:

— Я не пойду.

— Понимаю. Время от времени, Робби, кто-то из детей узнавал или догадывался, что его родители на самом деле живы, и, когда такое случалось, он или она пробовали сбежать и вернуться домой. Я в свое время пытался узнать, как часто такое случалось, но данные по этому вопросу противоречивы. Где-то сказано, что таких случаев было три, где-то — что пять, где-то говорят, что двадцать. Должен заметить, что такие люди, как я, проводящие исследования подобного рода, очень скоро устают от повторяющейся цифры три. Это любимая цифра тех, кто не знает настоящих цифр. Здесь поблизости есть несколько мест, где когда-то находились могилы Неотмеченные, безликие могилы, давно опустошенные исследователями. Но...

Черити в волнении подалась к нему.

— Вы хотите сказать, что этих детей убили?

Сочинитель ужасов кивнул.

— Хочу. Дети, которых родители вернули сюда, были убиты. Это самый жуткий факт, имеющий отношение к этому действительно страшному старому дому. Или, по крайней мере, самый жуткий из известных нам фактов... Возможно, это худшее, что здесь происходило.

Он затаился трубкой и выпустил две струйки дыма из ноздрей.

— Специальная полуночная служба проводилась здесь, в этой комнате, где мы с вами находимся. Говорят, что на этой службе прихожане церкви летали. Порхали по этой комнате, как стая причудливых птиц. Но наверняка они просто-напросто бегали, расставив руки, как иногда делают дети. Вполне возможно, что сами они были уверены, будто летают. Приверженцы средневекового культа ведьм верили, что слетаются на шабаши, хотя ни один здравомыслящий человек не допустит мысли, что они действительно летали.

Черити сказала:

— Но вы говорите, что они убивали детей.

Сочинитель ужасов кивнул.

— Да. Это происходило в конце церемонии. Так называемый «детский час». Некоторые специалисты считают, что этот термин действительно был у них в ходу. Они убивали их так, как были убиты отец и сестры Мод Паркхерст. Палач выбирался жребием. Говорят, Мод вслух прилюдно выражала надежду, что выбор падет на нее, и, похоже, надежды ее оправдывались. По меньшей мере две казни были совершены ею.

Дэн заметил:

— Трудно поверить, что кто-то способен на такое.

— Трудно, хотя в новостях я каждый день слышу истории не менее, а то и более страшные.

Сочинитель ужасов снова затаился. В комнате уже потемнело, и красный огонек в чашечке трубки осветил его снизу.

— К тому времени дети спали, как спали Мод, ее отец и сестры. Счастливый избранник жребия бесшумно

входил в комнату, сопровождаемый еще как минимум одним напарником, несшим свечу. В тот самый миг, когда звучал первый выстрел, свеча задувалась. Шум, разумеется, будил остальных детей в комнате, но, проснувшись, они видели только полную темноту и слышали запах пороха.

Дэн промолвил:

— Ангелы! — В его голосе слышалось презрение.

— И в аду есть ангелы, — сказал ему на это сочинитель ужасов. — Не только в раю. Можно даже сказать, что в аду ангелов больше.

Неохотно кивнув в знак согласия, Черити сделала вид, что зевает.

— Я думаю, нам уже пора спать. Что скажете?

Дэн ответил:

— Согласен. Сегодня полдня провел за рулем.

Когда остальные ушли, Киара задержалась.

— Очень приятно было с вами познакомиться. — Она покачнулась, но не сильно. — Не забудьте, я буду вашим агентом. Вы обещали.

— Даю слово. — Сочинитель ужасов улыбнулся, зная, чего стоит его слово.

Они пожали друг другу руки, и ее пальцы задержались в его ладони чуть дольше, чем было необходимо.

— Трудно поверить, — сказала она, — что вы с папой вместе учились и жили в одной комнате. Вы выглядите... настолько... Насколько моложе.

Он поблагодарил ее и проводил взглядом, пока она поднималась по широкой изогнутой лестнице, которая некогда была гордостью Паркхерстов, думая, догадывается ли она, что он на нее смотрит. Но догадывалась она

или нет, наблюдать за тем, как Киара поднимается по лестнице, было слишком большим искушением, чтобы ему противиться.

На верхнем этаже Черити готовила Робби ко сну.

— Ты храбрый мальчик, я знаю. Разве ты не храбрый мальчик, дорогой? Скажи сам. Когда говоришь это сам, всегда помогает.

— Я храбрый мальчик, — послушно повторил Робби.

— Ну конечно, ты храбрый мальчик. Я знаю. И этот глупый дядя внизу тебя не обманет. Ты будешь спать в своей комнате, в своей кроватке, и хорошенько выспишься. А завтра мы поедem осматривать окрестности: леса, озера, горы с заброшенными шахтами.

Черити заколебалась на секунду, прикусив маленькими белыми зубами пухлую нижнюю губу.

— Боюсь, здесь нет ночника, но у меня в сумочке фонарик. Могу тебе оставить на ночь. Хочешь?

Робби кивнул и крепко сжал маленький пластиковый фонарик Черити, когда она подошла к двери. Ее рука (та, которая без колец на пальцах) поднялась к выключателю. Пальцы нашли кнопку.

И наступила темнота.

Он снова нашел выключатель водянистым лучиком одноразового фонарика, зная, что его будут ругать (может, даже отшлепают), если он включит единственный в этой комнате верхний свет. Но ему хотелось знать, где находится выключатель. Так, на всякий случай.

Наконец он выключил фонарик и лег на подушку. В слишком большой и слишком пустой комнате было жарко. Жарко и тихо.

Он снова сел и навел лучик на окно. Оно оказалось открытым. Но не очень широко, на ширину его руки. Он выбрался из кровати, положил фонарик в нагрудный кармашек на пижаме и попытался поднять раму повыше. Но все его усилия не заставили ее сдвинуться с места.

Наконец он снова лег в кровать, и в комнате как будто стало еще жарче.

Когда он выглянул в окно, ему показалось, что до земли внизу очень далеко. Сколько лестничных пролетов прошли они, поднимаясь сюда? Он помнил только один. Накрытые белой ковровой дорожкой ступеньки, которые вели не прямо вверх, а делали поворот. Но эта лестница была очень, очень длинной. Из окна виднелись верхушки деревьев.

Верхушки деревьев и звезды. На небе сияла луна, освещая каждый листик и газон внизу, хотя самой луны из окна видно не было.

— Она идет по небу, — сказал он себе. Так когда-то говорил Дэн, его папа.

— Ты можешь идти... — Голос прозвучал совсем близко, но как-то очень тихо.

Робби включил фонарик. Никого.

«Под кроватью, — подумал он. — Они прячутся под кроватью».

Но он не осмелился встать с кровати, чтобы проверить, и снова лег на подушку.

Человек постарше постарался бы убедить себя, что голос этот ему слышался, или встал бы с кровати, чтобы разобраться. Робби не сделал ни первого, ни второго. Для него граница между осязаемыми и вообража-

емыми вещами была довольно размыта, и у него не было ни малейшего желания увидеть говорившего, хоть настоящего, хоть вымышленного. Других окон, которые можно было бы открыть, в комнате не имелось. Он подумал о том, чтобы выйти. В коридоре темно, но комната Дэна и Черити находилась совсем недалеко. Хотя их дверь может оказаться запертой. Они иногда запирались по ночам.

В любом случае его будут ругать. И может, даже отшлепают. Он боялся не боли, а унижения.

— Все равно мне придется вернуться сюда, — прошептал он себе под нос. — Даже если меня не отругают, все равно придется вернуться.

— Ты можешь уйти... — Девчоночий голос. Очень тихий. С потолка? Нет, решил Робби, сбоку, с той стороны, где дверь.

— Нет, — сказал он. — Они будут сердиться.

— Ты умрешь...

— Так же, как мы...

Робби, дрожа, сел в кровати.

За стенами дома сочинитель ужасов не спеша шел к взятому напрокат старому фургону, который оставил в миле от дома. После вчерашней грозы земля размокла, а ему было необходимо, совершенно необходимо, чтобы на ней остались следы неизвестного автомобиля.

Поворот на боковую дорогу, еще сотня ярдов, и луч электрического фонаря выхватил из мрака фургон, стоявший за деревьями. Увидев фару на капоте, он натянул резиновые перчатки. Скоро, очень скоро часы пробьют детский час, и златокудрая Эдит будет его.

Прекрасная Киара будет его. А что до смешливой Аллегры¹, ему было неинтересно, кто ею станет.

— Кто это? — густым от водки и сна голосом промялила Киара.

— Это всего лишь я, — сказал Робби, забираясь к ней под одеяло. — Мне страшно.

Она обняла его.

— Здесь есть другие дети. Честно! Они уходят, когда включаешь свет, но возвращаются.

— Ага. — Обняв его покрепче, она снова провалилась в сон.

На Скейлс-Маунд сочинитель ужасов остановил фургон и прошел три квартала до своей машины пешком. За фургон заплачено за две недели, напомнил он себе. Плата была внесена всего три дня назад, так что пройдет никак не меньше одиннадцати дней, прежде чем в прокатном агентстве начнут волноваться. Но к тому времени он, может быть, его уже и вернет. Или вышлет им новый чек.

Его пистолет, единственный принадлежавший ему пистолет, был спрятан посреди разного барахла в запертой машине. Он достал его, проверил предохранитель и завел мотор. Это был всего лишь длинноствольный пистолет двадцать второго калибра, но выглядел он достаточно зловеще, чтобы заставить Киару слушаться, если придется ее запугивать или прибегнуть к силе.

¹ Златокудрая Эдит и смешливая Аллегра — персонажи стихотворения Генри Уодсворта Лонгфелло «Детский час»

А когда она окажется внизу... Когда она окажется внизу, она может кричать, сколько ее душе угодно. Это уже ничего не изменит. Подъезжая к дому, он попытался решить, как лучше — держать его в руке или положить в большой карман куртки.

Робби, выбравшись из теплых объятий Киары, решил, что у нее в комнате прохладнее, чем у него. Во-первых, у нее два окна. Во-вторых, оба они были открыты шире, чем окно в его комнате. Да и просто здесь было приятнее. Он подтянул одеяло, надеясь, что она не против.

— Беги... — прошептал тихий тоненький голосок.

— Беги... Беги...

— Убегай, пока можешь...

— Уходи...

Робби потряс головой и закрыл глаза.

За дверью комнаты Киары сочинитель ужасов похлопал по рукоятке засунутого за пояс пистолета. В карманах куртки лежали тряпки, два куса четвертьдюймовой веревки, небольшая катушка клейкой ленты и большой складной нож. Он надеялся, что все это ему не пригодится.

Дверь Киары была не заперта, он об этом позаботился заранее: ни ключа в старом замке, ни внутренней задвижки. Хотя она могла бы подпереть ее стулом. Он медленно приоткрыл дверь, не встретив препятствия.

Старая дубовая дверь была толстой и прочной, но старые стены были еще толще и еще прочнее. Если Дэн и его жена спят, нужно было очень сильно нашуметь, чтобы их разбудить.

Дверь бесшумно закрылась позади него на хорошо смазанных петлях, лишь защелка клацнула.

В комнату через окна проникал лунный свет, поэтому миниатюрный фонарик, который лежал в кармане, не пригодился. Она спала. Лежала на боку, повернув к нему красивое лицо.

Когда он двинулся к ней, на кровати приподнялся Робби, рот — черный круг, на бледном лице — маска страха. Сочинитель ужасов уложил его обратно.

Дуло пистолета прижалось к голове Робби, хотя сочинитель ужасов и сам не понял, как это получилось. Указательный палец надавил на спусковой крючок, когда сочинитель ужасов еще не успел осознать, что он там находится.

Раздался приглушенный хлопок, как будто большая книга упала на пол. Что-то дернулось под его рукой, и он прошептал:

— Умри, как мой отец. Как Элис и Джун. Умри, как я. — Он шептал эти слова, но не понимал, для чего.

Глаза Киары раскрылись. Он ударил ее стволом. Потом повернул пистолет и стал бить рукояткой. Остановился он только тогда, когда понял, что не знает, сколько нанес ударов и куда они попали.

Поставив пистолет на предохранитель, он сунул его за пояс и прислушался. За стеной находилась комната Робби. Там, вероятно, не было никого. За ней, ближе к большой лестнице, находилась комната Дэна и Черити. Если они войдут, он встанет за дверью. Застрелит обоих. Потом бежать. Мексика. Южная Америка.

Они не вошли.

В доме было тихо. Слышалось только его учащенное дыхание и медленные, затрудненные вдохи Киары. За

открытыми окнами ночной ветер всхлипывал в деревьях. Любой другой звук был бы даже желанен в этой полной тишине.

Но ничто не нарушило безмолвия.

Он разбил окно подвального этажа, оставил следы старых поношенных ботинок, которые купил в магазине подержанных вещей, оставил отпечатки шин старого фургона. Усмехнулся, вспомнив, что у фургона разные шины. Пусть поломают голову.

Он поднял Киару с кровати и забросил на плечо, отметив про себя, что она мягкая, теплая и тяжелее, чем он думал.

Старые ступеньки узкой черной лестницы скрипели под ногами, но они были далеко, очень далеко от комнаты, в которой спали Дэн и Черити. Он спускался медленно, правой рукой придерживая Киару, а левой держась за перила.

Она пошевелилась и застонала. Он подумал, не ударить ли ее снова, и решил, что не будет, если она не попытается кричать. Если она закричит, он бросит ее и сделает то, что должно быть сделано.

Она не закричала.

Дому принадлежала обширная территория, включая лес, в котором когда-то, очень давно, рубили дрова на растопку. Сейчас он снова превратился в густые заросли лиственницы и ольхи, ели и можжевельника. Ближе к его концу, недалеко от границы владений, он совершенно случайно обнаружил старый колодец. Когда-то там стояла хижина. Несомненно, она сгорела. Должно быть, в колодец провалился ребенок или корова, потому что какая-то добрая душа накрыла его большим куском известняка. Листья и ветки на камне со временем

превратились в землю. Он аккуратно сдвинул камень, почти не потревожив слой земли на нем.

Дойдя наконец до заброшенного колодца, тяжело дыша и обливаясь потом, он положил Киару на землю. Фонарик показал, что глаза ее раскрыты. Залитое кровью лицо было маской страха. Увидев его, он словно вырос и стал сильнее.

— Можешь слушать меня, можешь не слушать, — сказал он ей. — То, что ты делаешь, не имеет никакого значения, но я решил пойти тебе навстречу и объяснить, что сейчас произошло и что произойдет. Что я запланировал и каково твое место в моих планах.

Она издала невнятный звук, который мог быть или словом, или стоном.

— Ты слушаешь. Хорошо. Здесь старый колодец. Только мне известно о его существовании. На его дне... скажем, футах в двенадцати от поверхности... на его дне грязь и немного воды. Другими словами, ты вымажешься, но не умрешь от жажды. Там ты будешь меня ждать столько, сколько продлится полицейское расследование. Время от времени я, возможно, буду наведываться и бросать тебе какой-нибудь бутерброд.

Он улыбнулся.

— Тебе не повредит, моя дорогая, немного похудеть. Когда все успокоится, я вытащу тебя оттуда. Ты будешь мне благодарна, очень благодарна за спасение. Ты будешь грязной и истощенной, но благодарной. Мы вместе пройдем в мой дом. Возможно, тебе для этого потребуется помощь, в таком случае я тебе помогу.

Он нагнулся и поднял ее.

— Я тебя вымою, накормлю и буду ухаживать.

Три шага привели его к темному провалу колодца.

— После этого ты будешь слушаться меня во всем. Лучше тебе меня слушаться. И со временем, возможно, тебе это даже понравится.

Он бросил ее в колодец, улыбнулся и повернулся.

Оставалась только одна проблема — пистолет. Пули можно сопоставить со стволом, и где-то осталась стреляная гильза. От пистолета придется избавиться. Речная вода уничтожит вороненую сталь, и сделает это быстро.

Продолжая улыбаться, он пошел к реке.

На следующий день было начало пятого, когда капитан Барлоу из полиции округа, мужчина средних лет с мощными руками и густыми усами, начал вникать в дело.

— То, что случилось в этом доме прошлой ночью, понятно, — значительно произнес он. — Но почему это случилось... — Он покачал головой.

Сочинитель ужасов сказал:

— Я знаю, что в мой дом проникли. Один из ваших людей показал мне разбитое окно. Я знаю, что бедный малыш Робби погиб и что Киара исчезла. Но это и все, что мне известно.

— Вот именно. — Капитан Барлоу соединил перед собой кисти рук и снова разъединил. — Это почти все, что и мне известно. Теперь мне остается только собирать детали. Мальчик был убит выстрелом из полуавтоматического оружия двадцать второго калибра. Это мог быть либо пистолет, либо винтовка. Это мог быть даже обрез. В мире нет более распространенного калибра.

Сочинитель ужасов кивнул.

— Убит одним выстрелом в голову. Стреляли в упор. Вероятно, убили его за то, что он оказался там, где не должен был находиться. Он вышел из своей комнаты и лег со старшей сестрой. Секс здесь ни при чем. Я знаю, что вы думаете, но он был слишком мал для этого. Он был просто ребенком в чужом доме. Он почувствовал себя одиноко, за что и поплатился.

Капитан Барлоу прочистил горло.

— Вы сказали моим людям, что после дождя, кроме вашей машины и машины ваших гостей, к вашему дому другие автомобили не подъезжали. Это так?

Сочинитель ужасов кивнул.

— Я голову поломал, пытаюсь вспомнить кого-нибудь, но так и не вспомнил. Кстати, вам стоит знать, что мы с Дэном старые друзья.

Капитан Барлоу кивнул.

— Я знаю. Он рассказал мне.

— Мы встречаемся, когда есть возможность. Обычно раз или два в год. В этом году они с Черити решили отдохнуть в наших краях. Он любит гольф и рыбалку.

Капитан Барлоу снова кивнул.

— Наша часть штата ему бы понравилась.

— Я тоже так подумал, капитан. Сам я не играю в гольф, но нашел здесь несколько неплохих площадок. Я немного увлекаюсь рыбной ловлей и как-то рассказывал ему об этом. Он сказал, что хочет приехать, и я ему ответил, что у меня полно свободного места. Они собирались провести у меня всего две ночи.

— Вы запираете дверь в подвал?

— Обычно? Нет. Я ее запер, когда они сказали, что приедут. В подвале грязно, и лестница там опасная. Вы же знаете, что такое мальчишка в доме.

— Да. Я сам когда-то был мальчишкой. Убийца отжал ее фомкой.

— Я видел, — кивнул сочинитель ужасов.

— Вы спите на первом этаже. Вы ничего не слышали?

— Нет. Я крепко сплю.

— Понимаю. Вот моя проблема, и я надеюсь, что вы можете помочь мне ее решить. Для любого преступления нужны три вещи: мотив, способ совершения и стечение обстоятельств. Узнать их — уже большое дело. Здесь у нас произошло убийство. Убийство ребенка. Я ненавижу мразей, которые убивают детей, и еще ни одно преступление мне не хотелось раскрыть так, как это.

— Понимаю, — сказал сочинитель ужасов.

— Способ совершения очевиден. У него имелось оружие, машина и инструменты. Возможно, перчатки, потому что мы не нашли никаких свежих отпечатков, которых не могли бы идентифицировать. Мотивом могло быть ограбление, но, вероятнее, он имеет сексуальный характер. Исчезла девушка, молодая блондинка, очень хорошенькая, если судить по единственной фотографии, которую мы до сих пор видели.

— Да, — согласно кивнул сочинитель ужасов.

— Наверное, он увидел ее где-нибудь. Но это еще не все. Он должен был знать, что на ночь она останется в вашем доме. Где он мог ее увидеть? Как выяснил, куда она едет? Если я узнаю ответы на эти вопросы, я найду его.

— Хотел бы я вам помочь. — Сочинитель ужасов мысленно улыбнулся.

— Кроме ваших гостей, к вам вчера никто не наведывался?

Он покачал головой.

— Никто.

— Может быть, доставляли товары, приходили чинить камин или что-нибудь в этом роде?

— Нет, никого не было. Они вчера поздно приехали, капитан. И я никому не рассказывал. Когда я ходил осматривать поля для гольфа, я говорил людям, что жду гостей и что они захотят поиграть, но не уточнял, кто ко мне придет. Незачем было.

— Значит, с этим понятно. — Капитан Барлоу с мрачной миной встал. — Они сами рассказали. Отец уже назвал три имени, и они продолжают вспоминать. Может быть, они еще кого-то посвящали в свои планы. Он признается. Его жена...

— Никому не рассказывала?

— В том-то и дело. Рассказывала. И многим. Она говорит, что не может всех вспомнить. Она лжет, не хочет, чтобы ее друзей беспокоили. Но, черт возьми, их придется побеспокоить. Сложность, вернее, одна из сложностей в том, что все они живут в другом штате. Я не могу сам с ними поговорить, но как бы мне этого хотелось! Я бы хотел хорошенько присмотреться к каждому из них. Увидеть, как будут меняться их лица, когда они услышат кое-какие вопросы.

Он сделал глубокий вдох, выпятив мощную грудь, и выдохнул.

— Но то, что мы имеем дело с чужаком, это хорошо. Кто-то из местных мог увидеть его и обратить внимание. Он мог — повторяю, *мог* — быть на машине с номерами другого штата.

— Он мог взять машину напрокат в аэропорту, — предположил сочинитель ужасов.

— Да, мог. И я молю Бога, чтобы он это сделал. Тогда он, считай, в наших руках. Но у его машины изношенные покрышки, а в прокате машин такое редко встречается.

— Понятно.

— Если он брал машину напрокат, в агентстве заметят следы крови. У девочки шла кровь, когда он выносил ее из спальни.

— Не знал этого.

— Немного, но следы есть. В коридоре и на черной лестнице. Плохо то, что, если он сюда прилетел и планирует лететь обратно, он не сможет забрать ее с собой. Он убьет ее. Может быть, уже убил.

Капитан Барлоу ушел, Дэн с Черити переехали в мотель, и день закончился тихим триумфом. Снова появились эксперты-криминалисты, сделали еще несколько фотографий и взяли дополнительные образцы крови. Сочинитель ужасов им вопросов не задавал, а они ничего не говорили.

На следующее утро он съездил в город и зашел в несколько магазинов. Насколько он мог судить, слежки за ним не было. Ближе к вечеру он достал бинокль, который купил несколько лет назад для наблюдения за птицами, и осмотрел окрестные леса и поля. Не увидел никого.

На рассвете снова их осмотрел, уделяя особое внимание тем местам, которые, как ему казалось, мог пропустить в прошлый раз. Выбрав яблоко из вчерашних покупок, он прошел по еще мокрой от росы траве к колодцу и бросил его в черный провал.

Он надеялся, что она станет благодарить его и молить выпустить, но, если она что-то и сказала, голос ее был слишком тих, чтобы разобрать слова, хотя ему показалось, что из колодца донесся какой-то тихий звук, похожий на гудение. Шагая обратно к дому, он решил, что это, вероятно, было эхо ветра.

Остаток дня он провел за обустройством ее подвала.

В ту ночь он прекрасно спал и проснулся посвежевший за двадцать минут до того, как его разбудило бы радио. Купленная два дня назад веревка толщиной в три восьмых дюйма ждала его на кухне. Сразу после завтрака он завязал на ней узлы, на каждый фут по узлу.

Обмотав себя ею вокруг талии и крепко завязав, он обнаружил пятна крови на спине своей куртки. Сначала он решил ее сжечь, но костер в это время года мог показаться подозрительным. Если надолго замочить куртку в насыщенном отбеливателе, это решит проблему. Если не окончательно, то по крайней мере на первое время. Выправленная из брюк рубашка скрыла веревку, правда, не полностью.

Подойдя к колодцу, он привязал веревку к ветке дерева и негромко позвал.

Ответа не последовало.

Чуть более громкое «Киара» также осталось без ответа. Еще спит, решил сочинитель ужасов. Спит или без сознания. Бросив в колодец свободный конец веревки, он начал спуск.

Он рассчитывал, что веревка будет длиннее глубины колодца как минимум на три фута, но через какое-то время почувствовал, что ноги не находят веревки под ним... Как и дна.

Свет фонарика обнаружил его в восьми дюймах под подошвами. Он спустился на руках еще на один узел, почти последний, и его ноги прикоснулись к грязи.

Он отпустил веревку.

Он предвидел, что провалится в грязь, однако рассчитывал, что подошвы погрузятся в полужидкую слякоть дюйма на три-четыре, не больше, но ноги оказались почти по колено в грязи. Удержаться на ногах оказалось не так-то просто. Ему пришлось схватиться рукой за каменную стенку колодца.

Когда он попытался сделать первый шаг, жижа стащила с ноги ботинок. Пытаясь его нащупать в грязи, он лишь перепачкал руки, но ботинка так и не нашел. Попытка сделать второй шаг стоила ему другого ботинка.

Однако на этот раз ищущие пальцы наткнулись на какой-то большой мягкий предмет под слоем грязи. Фонарик мигнул и через двадцать секунд, или даже меньше, его слабый лучик погас. Пальцы нащупали пропитанные грязью волосы, ухо, а потом небольшую сережку. Отняв руку, он увидел, что стоит среди трупов, среди маленьких детских тел. Содрогнувшись, он посмотрел вверх.

Высоко над ним виднелся небольшой голубой круг света, разделенный пополам веткой, к которой он привязал веревку. Сама веревка легонько покачивалась в воздухе, тоже высоко, но в пределах досягаемости.

Он поймал ее конец и попытался вытащить себя. Но скользкие от грязи руки не удержались на ней.

В отчаянии, на грани безумия, он стал ловить веревку снова и снова, но его борьба привела только к тому, что жижа засосала его еще глубже. Он попытался

вскарабкаться по стене, но здесь, в глубине, грубые камни были покрыты густым слоем скользкой слизи.

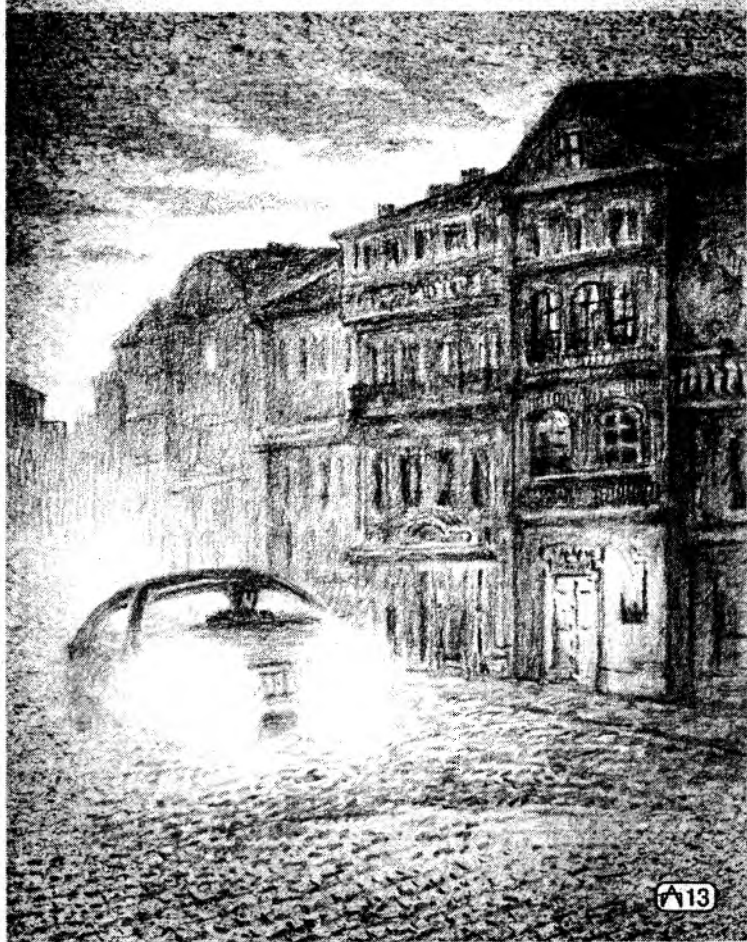
Наконец он подтащил к себе тело Киары и после, как ему показалось, долгой возни сумел встать на него обеими ногами. Кончики пальцев снова прикоснулись к веревке. Опершись правой ногой на что-то, похожее на голову, он сделал последнюю попытку, в которую вложил все оставшиеся силы.

И поймал веревку, ухватившись за нее в каком-то дюйме от потрепанного края. Небольшое напряжение выпрямило веревку и как будто чуть-чуть растянуло. Ветка наверху немного согнулась. Правая рука его почти вышла из сустава, ноги упирались в труп Киары, но пальцы левой руки едва-едва дотянулись до последнего узла.

Что-то схватило его правую ногу: челюсти сжали его пальцы и поперечный свод стопы с силой капкана.

Сочинитель ужасов вырывался и кричал, когда его начало затягивать в грязь; кричал, вопил и умолял до тех пор, пока вонючая жидкая грязь не заполнила его рот.

Николас Ройл
**ОШИБКА
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ**

Николас Ройл родился в Манчестере в 1963 году. Он написал пять романов: «Двойники», «Мечты саксофона», «Вопрос о сердце», «Режиссерская версия» и «Антверпен», опубликовал сборник рассказов «Род человеческий» (издательство «Serpent's Tale»). В скором времени в издательстве «PS Publishing» выйдет его новелла «Загадка отправления».

Ройл много печатается как журналист, регулярно сотрудничает с газетами «Тайм аут» и «Индепендент» и является редактором двенадцати антологий. Сейчас он преподает творческое письмо в Городском университете Манчестера.

«Многое из того, что произошло в этой истории, случилось в так называемой реальной жизни, — утверждает автор. — Я хочу выразить признательность Ребекке Хили за великодушную помощь с чтением по губам и Майклу Кемпу за разрешение процитировать его стихотворение».

Кристина позвонила Мэддоксу на мобильный. Небольшая авария, сказала она, даже не авария, небольшое столкновение.

— Никто не ранен?

— Нет, нет, никто не ранен.

Он поехал на маленькую улицу в Шефердс Буш, где это произошло, улицу с односторонним движением, временно перекрытую из-за дорожных работ, у пересечения с Голдхок-роуд, где на углу агентство недвижимости. Кристина сдавала задним ходом от дорожных работ и врезалась в серебристую «тойоту», выезжавшую из подземной парковки за зданием агентства недвижимости.

К тому времени, когда прибыл Мэддокс, водитель серебристой «тойоты» пребывал в великодушном настроении, уверенный в том, что страховая компания решит вопрос в его пользу. Мэддоксу он не понравился с первого взгляда. Слишком рациональный, слишком вежливый. Как будто, сообщая свой адрес и условия страховки, он делал одолжение.

Сын Мэддокса Джек вышел из машины и уставился на осколки стекла на дороге, которые словно заворожили его. Кристина была заметно расстроена, несмотря на елейную любезность водителя «тойоты» и попытки Мэддокса сгладить ситуацию.

— Это всего лишь пара фар и новое крыло. Никто не пострадал, и это главное.

Через два дня Мэддокс и Джек проходили мимо начала этой улицы. Ремонт на ней уже закончился, и машины могли выезжать на Голдхок-роуд беспрепятственно.

— Здесь случилась авария, папа? — спросил мальчик.

— Да.

Джек остановился и принялся внимательно осматривать место происшествия. Свежий асфальт у перекрестка, неприметный выезд из подземной парковки за агентством недвижимости.

— Она еще здесь? — спросил мальчик.

— Кто? Что еще здесь?

— Авария. Авария все еще здесь?

Мэддокс не знал, что ответить.

Они собирались выходить. Кристина была готова, а Мэддокс почти готов — обычный сценарий. Она ждала его у двери, красивая, безупречно накрашенная, высокая, в новых сапогах и длинном плаще, окутанная дымкой дорогих духов.

— Ты еще не готов, Брайан?

То, что она вставила его имя в безобидный вопрос, было плохим знаком. Это означало, что ее терпение на исходе. Но он потерял ключ от машины. Уже везде посмотрел. Дважды. Но ключа так и не нашел.

— Где ты его оставлял в последний раз? — крикнула она.

Бесполезность вопроса его только разозлила.

— Не знаю, — отозвался Мэддокс сверху лестницы. — В том-то и дело.

Он начал заново. Спальня (тумбочка у кровати, халат). Карманы куртки. Кухня.

— В коробке смотрел?

— Да, я смотрел в своей коробке.

У каждого из них была своя коробка на кухне, нечто вроде лотка, куда они складывали вещи, необходимые под рукой. Кристина своей никогда не пользовалась, потому что и так всегда знала, где что лежит. Мэддокс же своей пользовался активно, но все равно терял какие-то важные вещи как минимум раз в день. Бумажник, телефон, ключи. Чековая книжка, банковская карточка. Все рано или поздно находилось, но сегодня недостаточно рано.

— Не знаю, куда он запропастился. Уже везде посмотрел.

Тяжелый вздох.

Если бы атмосфера не накалилась, он бы в шутку обвинил ее в том, что она спрятала ключ или пытается заставить его думать, будто он сходит с ума. Но теперь этот номер не пройдет. Стадию шуток они уже миновали.

— Наверное, он где-то в *квартире*, — сказала она, выделив последнее слово своим обычным осуждающим тоном.

— Как он может быть в квартире, если машина на улице? — выпалил он до того, как понял, что она, вероятно, пошутила.

— Жаль, что у тебя нет запасного ключа.

— Жаль, что твоя машина в гараже, — огрызнулся он, — и нам со дня на день скажут, что лучше купить новую, чем ее ремонтировать. Слушай, Кристина, уже поздно. Я не могу найти ключ и тем более не найду его, пока ты будешь стоять над душой и капать на мозги. Поэтому предлагаю тебе взять такси, а я приеду позже.

— А если ты его не найдешь?

— Найду. Просто опоздаю немного, вот и все. Иди. На Грин остановишь такси, их там много. Тебе ехать всего до Лэдброук-гроув.

Обливаясь потом, он прислушался к тому, как входная дверь открылась и закрылась... Захлопнулась. Лязгнула калитка. Стихли удаляющиеся шаги. Он почувствовал, что напряжение медленно покидает его, плюхнулся на ближайшее кресло, ослабил галстук и потянулся за стаканом.

В их спальне он включил ноутбук. В ожидании уставился отрешенным взглядом на афишу в рамочке, висевшую на стене. Этой постановкой он занимался более двадцати лет назад. «Колосс» по пьесе Клайва Баркера о Гойе. Он позволил памяти воскресить лица актеров, особенно тех, кто сотрудничал с ним после. Ленни Джеймс. Сейчас его по телевизору можно увидеть чуть ли не каждый день. Роль в «Холодных ногах», единственной пьесе, которую он сам написал, и в сериале про тюрьму «Похороненный». Да. Похороненный в работе.

Асли Питтер, самый одаренный актер труппы. Он пару раз появлялся на экране, в сериале Четвертого канала и в эпизодической роли в фильме «Счет», но потом исчез. Когда Мэддокс видел его последний раз, он работал в какой-то фирме. То ли охранником, то ли представителем — он не мог вспомнить точно.

Элинор Викери играла в чем-то у Вотермана. Мэддоксу она нравилась, и он старался поддерживать с ней связь, но между ними всегда существовал невидимый барьер, как будто она знала его лучше, чем он сам знал себя.

Упустив несколько хороших ролей из-за своих размеров (рост пять с половиной футов, вес восемь стоунов¹), Мэддокс ушел из театра и сосредоточился на сочинительстве. Баркер помог ему заключить два-три контракта, и Мэддокс продал пару рассказов в стиле хоррор. Через несколько лет он постепенно перешел от беллетристики к журналистике и крупной документальной прозе. Последний проект, над которым он сейчас работал, «Новые карты ада», пока не нашел пристанища. Издатели, которым он его предлагал, бежали от него, как от огня. Они не хотели даже оставлять рукопись. Само ее присутствие на рабочем столе заставляло их чувствовать себя некомфортно. Но Мэддокс этого ждал. Более того, если бы было по-другому, он даже начал бы волноваться. Когда они захотят его заполучить, будет слишком поздно. Сначала он закончит работу, потом выберет одно издательство, и пусть остальные кусают себе локти.

Перечитав написанное за сегодняшний день, он закрыл ноутбук. Потом выдвинул ящик прикроватной тумбочки и увидел в нем ключ от машины. Он посмотрел на него. Был ли он здесь раньше? Конечно же был. Разве могло его здесь не быть? Но он его не видел, поэтому вполне возможно, что его здесь не было. Фактически он исчез. Истерическая слепота? Негативная галлюцинация?

Он положил ключ в карман и пошел вниз. Дверь за ним закрылась, и машина завелась сразу. Он проехал мимо Уайт-сити (выставочного центра здесь теперь не было, его снесли для того, чтобы построить на этом

¹ Рост 165,1 см, вес 50,8 кг

месте торговый центр) и свернул на Вествей. Подъезжая к Лэдброук-гроув, о Кристине он не думал. Думал он о Кристи, о Джоне Реджинальде Халлидее Кристи, бывшем помощнике киномеханика, убившем по меньшей мере шесть женщин. Жил он в доме № 10 на Риллингтон-плейс, которая позднее была переименована в Растон-клоуз и впоследствии снесена при строительстве эстакады, по которой сейчас ехал Мэддокс. Фильм, в котором Ричард Аттенборо сыграл убийцу, а Джон Херт — Тимоти Эванса, его несчастного соседа-простофилю, повешенного за одно из преступлений Кристи, снимался на самой Риллингтон-плейс. Из сообщений, которые Мэддокс прочитал на одном из отвратительных интернет-форумов, он узнал, что интерьерные сцены снимались в доме № 8, а натурные — перед домом № 10. Но в сцене, когда полицейские по наводке Тимоти Эванса открывали канализационный люк перед десятым домом, можно было заметить, что Аттенборо выглядывает из окна первого этажа дома № 10, где когда-то в замурованном стенном шкафу покоились тела трех жертв Кристи, а под полом гостиной лежали останки его жены Этель. Для Мэддокса это был самый значительный кадр во всем фильме, единственное доказательство того, что киношники действительно имели доступ к зловещему дому. Другое объяснение, что они выстроили целую улицу в павильоне киностудии, он считал смехотворным.

В книге Мэддокса этому фильму отводилось пять страниц. В основном он сосредоточился на переплетении фактов и вымысла. Аттенборо в роли Кристи. Съемки в доме № 8 вместо дома № 10, если это действительно имело место. В Интернете также удалось

разыскать старый новостной сюжет о сносе Растон-клоуз. Два работника орудуют киркомотыгами. Третий говорит на камеру. Горящий дом. Кадры здания в конце улицы с белой (замененной) дверью. Явно тот же дом, который виден в фильме. Но ролик был без звука. Репортер открывал рот беззвучно. Мэддокс пригласил к себе женщину, умевшую читать по губам, она была младшим редактором одного из издательств, которые отвергли его книгу. Зелеными глазами и вьющимися волосами до плеч она напомнила ему Линзи. Даже на каблуках она была ниже Мэддокса, но улыбалась уверенной безмятежной улыбкой. Когда он разговаривал с ней, она спокойно выдерживала его взгляд и как будто смотрела ему в глаза, но на самом деле, должно быть, обращала внимание только на рот, потому что в основном полагалась на чтение по губам.

Мэддокс тщательно следил за тем, чтобы она смотрела в его сторону, когда собирался к ней обратиться. Возможно, даже слишком тщательно. Она, наверное, за всю свою жизнь привыкла выходить из ситуаций, в которых люди не принимают этого в расчет. По первым словам, прочитанным с губ, она догадывалась, о чем шла речь до этого, на основании чего могла поддерживать разговор. Огромное количество информации она не знала наверняка, а предполагала, но Мэддоксу это было знакомо. В некоторых областях жизни он тоже ничего не знал наверняка. Звали глухую женщину Карен. Он посчитал, что решение отвергнуть его книгу было принято кем-то из ее начальников (который попросту поручил Карен неприятную обязанность сообщить об этом автору), но не был в этом уверен на сто процентов.

Когда она вошла в квартиру, Мэддокс чувствовал себя непринужденно. Уверенно. Он извинился за соседей снизу, у которых играла громкая ухающая музыка, но она ответила, что не слышит ее.

— Я подумал, вы ее ощущаете, — сказал он.

— Это новое здание, — ответила она. — Бетонные полы. Если бы не они...

Когда Мэддокс показал ей ролик из Интернета, она сказала, что разобрать, что там говорят, практически невозможно. Качество записи было плохое, и картинка разбивалась на пиксели, плюс ко всему репортер, как назло, несколько раз поворачивал голову.

Мэддокс спросил, придет ли она еще раз, если он сможет улучшить картинку.

— Не думаю, что смогу вам помочь, — заметила она

— Может, вы сейчас устали? Если бы вы могли попробовать еще раз, когда отдохнете, я был бы вам очень благодарен, — сказал он. — Для меня это очень важно. Для моей книги.

Мэддокс заехал на одно из свободных парковочных мест у многоквартирного дома в унылой трапеции жилого района, ограниченного дорогами Вест-грин, Севен-систерс и Сент-Эннс. Несколько секунд, слушая, как затихает остывающий мотор, он смотрел на темное окно квартиры на третьем этаже. Самой верхней.

Входная дверь была оставлена открытой кем-то из соседей. Он вошел.

В квартире, не включая свет, он налил себе выпить и сел в единственное кресло. Достал свой сотовый и отправил текстовое сообщение. Оранжевое уличное освещение озаряло призрачным отсветом дешевые

книжные полки, набитые низкопробными романами, исследованиями настоящих преступлений, антологиями ужасов и мрачной научной фантастикой. Пискнул со-
товый. Он открыл телефон, прочитал сообщение и на-
брал ответ. Когда он жил здесь, основным предметом
в этой комнате была большая двуспальная кровать. Пе-
реезд в дом Кристи позволил ему превратить квартиру
в рабочий кабинет, о котором он давно мечтал, и кро-
вать была сожжена на пустыре позади дома. Мэддокс
подумывал о том, чтобы отдать кровать кому-нибудь
(продажу ее он посчитал делом утомительным — нуж-
но давать объявление, отвечать на звонки, открывать
дверь незнакомым людям), но в конце концов решил,
что проще будет сжечь чертову громадину вместе со
всеми связанными с ней воспоминаниями. А потом он
передвинул рабочий стол из восточной стороны комна-
ты, из-под мансардного окна, к западным окнам, выхо-
дящим на улицу.

Пришло еще одно сообщение. Он прочитал его и за-
крыл телефон, не ответив.

Как обычно, на нижнем этаже гремела музыка.

Осушив стакан, он опустил голову на мягкую спинку
кресла.

Текстурное покрытие потолка собирало на себя пау-
тину и грязь, но он сомневался, что ему когда-либо за-
хочется его чистить или обновлять. Очень немногие
люди бывали здесь. Линзи, конечно, провела в этой
квартире немало времени. Он горько усмехнулся, по-
том закусил губу и устремил взгляд на потолок, чутко
прислушиваясь к каждому звуку, несмотря на уханье ба-
сов из квартиры этажом ниже. Кристина переступала
порог этой квартиры от силы пару раз, вскоре после их

знакомства, но потом — никогда. Не было повода. Она как-то возмутилась, что он содержит квартиру, мол, дорогое удовольствие, но он возразил, что в ее доме не хватает места для всех этих книг и пленок. Не говоря уже о том, что хранится на чердаке. Он снова закусил губу.

Мэддокс включил магнитофон, и размеренный хаос «Новых карт ада» Пола Шутца вступил в битву с идущим снизу ритмичным уханьем. Этот альбом 1992 года был постоянным саундтреком к его работе над книгой в этой квартире. В редких случаях он включал «Новые карты ада II: Вознесение металлов». Ему казалось, что это помогает. Иногда он представлял, как будет рассказывать какому-нибудь известному журналисту вроде Кирсти Варк или Верити Шарп: «Вначале это было необходимо, чтобы настроить мысли на нужную волну, и вскоре переросло в привычку. Я просто не мог работать над книгой, если фоном не играла музыка. Ведь речь идет о создании герметически запечатанного мира, каким и является ад, против чего, я думаю, вы не станете возражать. Хотя он и расширяется с пугающей скоростью, извергаясь в наш мир очагами. Норт-Кенсингтон, Массуэлл-хилл. Лондон превращается в ад, Кирсти».

Он открыл файл и подправил неудачный кусок текста. Сохранил его и открыл другой файл, «Доллис-хилл». Кое-какие заметки, несколько попыток описать дом, пропуски, большие пропуски. Он знал, что ему придется туда вернуться.

Он воспроизвел в памяти мысленные наброски и зарисовки. Осень 1986 года. Погожий день. Ветренный, но сухой и яркий. Прогулка по незнакомому району Лондона. Длинная дорога, обсаженная деревьями. Вид с вы-

соты. Особняки и примыкающие друг к другу дома. Викторианский, эдвардианский стиль.

Звонок домофона вырвал его в настоящее. Вздвогнув, он закрыл файл, встал, прошел в коридор и снял трубку.

— Открыто. Поднимайтесь, — сказал он и только потом понял, что она его не слышит.

Он остался стоять в коридоре, прислушиваясь к шагам на лестнице. Шаги остановились перед дверью, и стук раздался не сразу, а через пару секунд. Он представил, что она приводит себя в порядок, разглаживает одежду, убирает волос с воротника. Или смотрит на часы и подумывает удрать. Как только она постучала, он открыл дверь, заставив ее вздрогнуть.

— Входите, — сказал он. — Спасибо, что пришли.

Все, что Мэддокс сделал для улучшения изображения, — это уменьшил размер окна медиапроигрывателя, чтобы рот репортера не так дробился на пиксели.

Пока Карен изучала видеозапись, Мэддокс сходил в дальний конец комнаты и вернулся со стаканом красного вина, который поставил у ноутбука. Карен подняла руку, отказываясь, но он только подвинул стакан немного ближе к ней и отошел. Наконец, когда она смотрела запись в третий раз, ее рука потянулась, возможно, непроизвольно, к стакану. Сделав глоток, она подняла стакан, рассматривая бойкого репортера: очки в стиле Майкла Кейна, застегнутый на все пуговицы пиджак, расстегнутый воротник рубашки, рука, прижатая к бедру.

Мэддокс смотрел, как она снова включила воспроизведение. Каждый раз, когда репортер начинал говорить, она немного приближалась к экрану и чуть-чуть

наклоняла голову налево, выставяя правое ухо, которое сохранило остатки слуха, несмотря на то, что запись была без звука. Привычка, решил Мэддокс.

Карен откинулась на спинку кресла и посмотрела на Мэддокса, прежде чем начать.

— Он говорит что-то вроде: «По сообщению газет... о расследовании... обнаружены два сожженных женских тела...» То ли пятнадцать, то ли пятьдесят лет назад. Что-то про век. Простите, тут правда трудно разобрать.

Речь ее звучала как речь человека, которому пришлось учиться говорить, не слыша звука собственного голоса.

— Отлично! Это мне очень поможет, Карен. Наверняка там было «пятнадцать». Я даже не знал, что он говорил о доме Кристи. Но он сказал «сожженные» тела? Вы уверены? Странно.

— Нет, я не уверена, но мне так слышалось.

Карен этим выражением («слышалось») напомнила ему одного слепого, как-то попросившего Мэддокса перевести его через дорогу, который шел «повидать доктора».

Мэддокс хотел наполнить ее стакан, но она накрыла его рукой.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Я же говорила, что могу к вам зайти лишь на минутку.

Мэддокс постоял секунду с бутылкой, потом отступил.

— В другой раз, — сказал он.

— Хотите еще что-то мне показать?

— Возможно, еще появится, если вы не против.

— Когда появится, обращайтесь.

Он проводил ее до двери, потом снова выключил свет и стал смотреть в окно, как она выходит на улицу. Выйдя

из подъезда, она остановилась, посмотрела сначала в одну сторону, потом в другую, как будто решая, куда идти. Не очень-то похоже на женщину, которая спешит на встречу. Он проводил ее взглядом, когда она пошла на юг, в сторону Сент Эннс-роуд, и скрылась за углом, после чего уселся в кресло и выпил вино из ее стакана. Его блуждающий взгляд прошел по книжным полкам, поднялся по стене и остановился на потолке. После этого он просидел полчаса без движения, не сводя глаз с потолка и прислушиваясь к поскрипываниям и вздохам дома. Музыку внизу к этому времени уже выключили.

Обратно он поехал другим маршрутом. Поднялся по Харрингей-ладдер, свернул на запад и миновал Прайори-парк. Вдавил педаль газа на S-образной Кренли-гарденс, позволил склону замедлить ход машины и медленно вкатился на парковку у дома № 23. Там он заглушил мотор и посмотрел на окно квартиры на третьем этаже, в которой Деннис Нильсен прожил с октября 1981 до февраля 1983 года. Одной из ошибок этого серийного убийцы, из-за которой его и поймали, было то, что он надолго оставлял открытым мансардное окно, привлекая внимание соседей.

Мэддокс посмотрел на часы и завел машину. Он выехал на Норт-серкулар, свернул на Стейплс-корнер, проехал на юг по Эджвер-роуд и повернул направо на Доллис-хилл-лейн. Там он пустил машину самым медленным ходом, наклонился над рулем и изогнул шею, глядя на дома на южной стороне. Он не сомневался, что нужно смотреть именно на южную сторону. Мэддокс совершенно точно помнил широкую, обсаженную

деревьями улицу с видом на центральный Лондон. За домом земля шла под уклон. Если идти от метро, то далеко. От какой станции? Этого он не знал.

Мэддокс свернул направо и проскочил следующую улицу. Он даже не знал названия улицы, которую искал. Доллис-хилл-лейн как будто звучало похоже, но, когда он в Интернете наткнулся на название Криклвуд-лейн, оно тоже показалось ему похожим. Он съездил туда, к дому № 108/110, когда выяснил, что там снимали «Восставшего из ада». Узнав, что теперь там расположен один из оздоровительных клубов сети «Холмс Плейс», он сделал вывод, что раньше на этом месте находилась киностудия «Криклвуд Продакшн Вилледж», где проводились павильонные съемки.

В 1986 году Мэддокс уже приезжал сюда, в Доллис-хилл, когда Клайв Баркер снимал свой первый фильм «Восставший из ада». Съемки проходили в арендованном доме, и Мэддоксу, чтобы пройти на съемочную площадку, пришлось назваться помощником Баркера. Он собирался взять у него небольшое интервью и пойти с ним в какой-нибудь журнал. Это могло стать серьезным прорывом в его карьере. К счастью, Клайв согласился на это. Мэддоксу запомнились большие белые фургоны, припаркованные у дома, на удивление большое количество людей, слоняющихся без дела, столовая на колесах, длинный стол, пластиковые чашки, чайник. Он поспрашивал Стива Джонса, отвечавшего за связи киногоруппы с прессой, и тот рассказал ему, что происходит. Снималась сцена обеда с Эндрю Робинсоном, Клэр Хиггинс, парой молодых актеров, девочкой, мальчиком и несколькими статистами. Мэддоксу пришлось наблюдать из-за камеры. Он пытался поймать взгляд Барке-

ра, когда тот разговаривал с актерами, объясняя, что они должны делать в кадре. Контролировал все и вся. Мэддокс завидовал ему, но и восхищался. Одна гримерша напудрила лоб Робинсона, другая поправила прическу Эшли Лоуренс. Они начали снимать, и весь мир вокруг как будто замер. Все, кто находился не перед камерой, застыли, лица сделались неподвижными и сосредоточенными. Напряженность чувствовалась в воздухе. Но как только Баркер выкрикнул: «Снято!», все это исчезло. Появились улыбки, послышался смех, все вдруг задвигались. Мэддокс обратил внимание на гримершу, ту, которая поправляла волосы Эшли, но тут Стив Джонс взял его под локоть и подвел к Баркеру. Режиссер посмотрел на него и, помедлив какую-то долю мгновения, сказал:

— Брайан.

И произнес он это таким теплым, искренним тоном, что можно было подумать, будто Клайв все утро ждал встречи с ним.

Они провели короткое интервью за обедом, расположившись прямо на полу одной из комнат в глубине дома.

— Мы окружены образами, которые имеют только сиюминутную силу и не вызывают никакого резонанса, — рассказывал Баркер со своим ливерпульским акцентом. — Реклама, видеоклипы, другие вещи — они кажутся очень важными, но на самом деле все это полная ерунда.

Мэддокс увидел гримершу с бумажной тарелкой и стаканчиком в руках. Она села, скрестив ноги, рядом с кем-то еще из съемочной группы, и они стали есть и разговаривать.

— Что пугает вас? — спросил он Баркера.

— Я боюсь неосвещенных улиц, боюсь летать на самолетах, боюсь застрять в метро в час пик. Боюсь мест, где приходится терять контроль над собой.

После интервью Мэддокс задержался и принялся слоняться по комнате, поджидая случая заговорить с гримершей. Когда случай представился (ее собеседник встал и собрался уходить), он тут же ухватился за него. Она тоже начала вставать, и Мэддокс, якобы случайно проходя мимо, остановился прямо перед ней, преградив путь. Извинившись, он представился.

— Я только что брал интервью у Клайва. Мы уже пару лет знакомы. Я играл в одной из его пьес.

— Линзи, — сказала она и протянула руку. — Я здесь всего на день. Одна из гримерш заболела, и я подменяю.

— Значит, мне повезло, что я пришел сегодня, — заметил он с робкой улыбкой.

Мягкий хлопковый темно-зеленый топ Линзи по цвету точно совпадал с ее глазами, каштановые с природными светлыми прядями волосы были собраны сзади в узел и скреплены деревянной шпилькой.

— Вы пока не уходите?

— Интервью я уже взял, но если меня никто не выставит...

— Не выставит, у нас тут очень спокойно.

Он остался и почти все время наблюдал за Линзи, дав себе слово, что не уйдет, пока не узнает номер ее телефона. Это заняло у него остаток дня, но он добился своего. Она написала номер в своем ежедневнике, вырвала страничку и протянула ему со словами:

— Звоните.

В темноте найти нужный дом было еще труднее, чем при дневном свете. За последние несколько недель он

дважды бывал в Доллис-хилл, один раз на машине, второй раз на своих двоих. Не так давно он стал больше думать о Линзи, особенно о первых днях, до того как все пошло наперекосяк. Мэддокс достаточно вспоминал плохое, и теперь ему хотелось вернуться к хорошему. Он хотел снова увидеть дом и не мог его найти. Но для книги это было необходимо. Он пересмотрел запись, в которой здание попадало в кадр много раз. Теперь найти его, казалось бы, не составляло труда, но, сколько он ни ездил по этим улицам, здание как в воду кануло. Или оно там было, но он просто его не видел. Он начал думать, что его могли снести, возможно, даже сразу после съемки, и это объяснило бы, почему в доме разрешили снимать. В фильме на крыльце был указан номер 55. Но номер мог быть изменен специально для фильма, как, например, в картине «Представление» дом № 25 на Поуис-сквер выдали за № 81.

Взглянув на часы, он прикинул, что, если поспешить, он еще успеет съездить на Лэдброук-гроув, чтобы выпить кофе и отвезти Кристину домой, тем самым оградив себя хотя бы от какой-то части ее упреков. Все это полная ерунда, понимал он, и все же...

Утром, пока она одевалась, он делал вид, что спит. Движения ее были четкими, деловитыми. Вчера вечером, как и ожидалось, разразилась буря. Когда он с опозданием на два с половиной часа явился на обед, она лишь обожгла его взглядом, но, как только они вышли, она включилась. И как только она включилась, он выключился.

Буря не закончилась, даже когда они пришли домой, но он не слушал. Он думал о том, сможет ли воспроиз-

вести в себе особенность, с которой читавшая по губам Карен родилась. Мысли о Карен успокоили его внутренне, но Кристина продолжала бушевать, когда легли в постель. Избирательная глухота — лучшее оружие против истерической слепоты.

Удостоверившись, что Кристина ушла (грохот входной двери, лязг калитки), он встал и принял душ. Через полчаса, проведя десять минут перед телевизором с пультом от DVD, он уже сидел за рулем с сыном на заднем сиденье. Доехать до Тоттнема за двадцать минут днем оказалось гораздо сложнее, чем ночью, но он постарался. Час пик уже закончился (Кристина, как все, кто работает в еженедельных журналах, добралась на работу раньше, чем он выехал из дому), но все равно попадались заторы, которые приходилось объезжать.

Машину он остановил на том же месте, что и вчера. Убедившись, что Джек спит, вышел и закрыл машину. Ночью, лежа спиной к Кристине, он решил, что нужно будет сходить на чердак. Где-то на чердаке стояла коробка с его старыми дневниками, в том числе и за 1986 год. К ведению дневника он никогда не относился чересчур внимательно, но в какие-то годы делал больше записей, чем в другие. В любом случае, ради дневника стоило порыться среди дремучей паутины и старых осиных гнезд. Из-за маленького роста он мог ходить по чердаку, не боясь удариться головой о сосновые потолочные балки.

На чердаке все еще чувствовался запах формалина. Мэддокс подозревал, что этот запах будет здесь всегда, пока он не избавится от чемодана, стоящего в самой глубине. Он посветил фонариком в его направлении. Большой старомодный коричневый кожаный чемодан,

извлеченный из мусорного бака и вычищенный. Прочный, массивный, две застёжки, ремень с пряжкой. Такой чемодан может выдержать значительный вес.

Мэддокс перенаправил луч фонаря на несколько пыльных коробок ближе к люку. В первой коробке хранились футболки, выкинуть которые у него не поднималась рука, хотя он их давным-давно не носил. Вторая была забита старыми, отпечатанными на машинке текстами, густо измазанными «штрихом». Дневники лежали в третьей коробке. Он наклонился и принялся перебирать: 1974, блестящий черный «Карманный дневник» — в основном записи об истории крестовых походов; 1976, аномальная жара в Англии, «Дневник рыбака» — плотва и окуни, которых нужно было бросить обратно в воду, оставлены под камнем умирать; 1980 — смерть двух бабушек и дедушки, трое похорон в один год, гробы в гостиную, нескончаемые похороны; 1982 — первый семестр в университете, знакомство с Мартином, ставшим на время его лучшим другом. Мартин был старше на год, что для Мэддокса было важно. Первые глотки взрослой жизни. Разница в возрасте переставала иметь значение, все менялось. Окончание школы, жизнь без родителей в студенческом общежитии. Мартин учился на врача. Они, бывало, засиживались допоздна за кофе, Мартин курил и рассказывал ему о медицине, об анатомии и о телах, которые он вскрывал.

Мэддокс мог слушать Мартина часами. Чем позже проходили их беседы, тем глубокомысленнее они были. Мэддокс смотрел, как Мартин затягивался сигаретой, как, казалось, на целую вечность задерживал в легких дым, а потом выпускал его идеально круглыми колечками. Когда Мартин рассказывал о телах в анатомичке,

Мэддокс словно впадал в транс. Он представлял себе Мартина одного в лаборатории, в окружении десятка вскрытых трупов, как он склоняется над одним из них, осматривает, осторожно извлекает полоску мышц, отделяет сухожилие. Как он вплотную подбирается к тайнам, к загадкам, к смерти. Однажды Мартин рассказал, что, сколько бы он ни отмывал руки, они все равно пахнут формалином. Он подставил ладони под нос Мэддокса, потом нежно провел ими по его щекам.

— Ты не против? — спросил он, когда его рука опустилась на колено Мэддокса.

— А ты можешь меня туда отвести? В лабораторию? — спросил Мэддокс, качая головой и представляя себя среди тел, когда рука Мартина скользнула на его бедро.

— Нет. Но я могу тебе вынести оттуда кое-что. Что-то такое, что ты мог бы хранить.

Рука Мартина достигла паха Мэддокса, и Мэддокс без некоторого удивления заметил, что даже начинает возбуждаться. Если это плата за то, что Мартин может принести ему из анатомички, значит, будет так.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал Мартин через пару дней. — В моей комнате.

Мэддокс пошел вместе с ним в его комнату.

— Где? — нетерпеливо спросил Мэддокс.

— Не могу же я такие вещи оставлять у всех на виду. Но что за спешка?

Мартин лег на кровать и расстегнул ремень на брюках.

Мэддокс заколебался, подумывая, не уйти ли, но потом понял, что не простит себя, если останется ни с чем. Он опустился на колени рядом с кроватью и плюнул себе на ладони.

Потом Мартин выдвинул верхнюю полку стола.

— Бери, — сказал он.

Мэддокс взял сильно пахнущий пакетик, перехваченный шнурком и завернутый в полиэтилен, и начал развязывать, но узел был затянут крепко. Он спросил Мартина, что там.

— Кусок подкожного жира мужчины среднего возраста. Если будут спрашивать, я тебе ничего не давал.

Мэддокс вернулся в свою комнату на седьмом этаже. Помыв руки, разрезал шнурок и развернул пакет. Кусок жира размером четыре на два дюйма был похож на белый, бескровный коровий рубец. Исходящий от него запах формалина вызывал у него одновременно рвотные позывы и восторг. Мэддокс старательно избегал прикасаться к жиру, пока снова заворачивал его и обматывал пакет пленкой. Он открыл шкаф и достал старый чемодан, который нашел в мусорном баке на Джадд-стрит.

После этого с Мартином он стал видаться реже. Поначалу он под разными предлогами избегал его, а потом начал встречаться с Валери, девушкой с толстыми руками и широкими бедрами, которую встретил в баре во время коктейльной вечеринки. Он не был уверен, что они подходят друг другу, но в его ситуации это было удобно.

Кусочек человеческого жира, спрятанный в чемодане, пах так сильно, что ему достаточно было открыть чемодан и ощутить его запах, чтобы вспомнить чувства, охватившие его, когда Мартин вручил ему часть человеческого тела. Лежа в кровати и пытаясь заснуть (в одиночестве — роман с Валери продлился не больше пары недель), он иногда думал о том человеке,

который сознательно завещал свой труп науке. Как его звали? Каким он был при жизни? Вряд ли он мог предугадать, какая судьба ждет его небольшую часть, которая теперь покоилась в шкафу Мэддокса.

Когда Мэддокс сменил комнату в общежитии на квартиру в Холлоуэй, чемодан, в котором не было ничего, кроме человеческих останков, переехал вместе с ним. Он засунул его на шкаф, где тот и пролежал два года. Перебравшись в квартиру № 15, Мэддокс поднял чемодан на чердак, где он с тех пор и оставался. Куска жира в нем давно уже не было, но запах формалина по-прежнему сохранялся.

Дневник за 1986 год оказался на самом дне коробки. Пара минут, и он нашел то, что искал. «“Восставший из ада”. 11:00», — было написано его почерком на странице за пятницу, 10 октября. Чуть ниже значился адрес: Доллис-хилл-лейн, 187.

В район Доллис-хилл он приехал через Кренли-гарденс, но в этот раз не остановился.

— И почему я раньше не додумался найти дневник, не знаешь, Джек? — сказал он, глядя в зеркало заднего вида.

Сын молча смотрел в окно.

Свернув на Доллис-хилл-лейн с Эджвер-роуд, он сбавил скорость, не обращая внимания на громкие сигналы ехавшего за ним водителя, который вильнул в сторону и, взревев двигателем, умчался вперед, не забыв показать палец. Мэддокс остановил машину на небольшой горке перед домом № 187. Заглянув в него, он почувствовал тревожное сочетание противоположных чувств. Ему как будто все здесь было знакомо, и в то же время он ничего не узнавал.

Как и большинство вещей, вызванных из прошлого, дом оказался меньше, чем ему помнилось. Однако самым главным отличием был бросающийся в глаза возраст здания. Он помнил викторианскую виллу, возможно, эдвардианскую, но перед ним стоял новый дом. Краска на фронтоне за последние годы слезла. Конструкция деревянных эркеров на первом этаже была современной, и двухстворчатое окно квартиры на верхнем, третьем этаже явно было новым. Очертания мансардной крыши казались знакомыми, но черепица, совершенно очевидно, появилась здесь только недавно. Материалы были новыми, но стиль — нет. Общий внешний облик дома остался таким же, как ему запомнилось по фильму, который он пересмотрел еще раз перед выходом, и все же производил впечатление нового. Как будто скелет оброс мышцами и плотью.

— Прямо как Фред, — вслух произнес он.

— Что, папа?

— Как Фред в фильме.

— В каком фильме?

— В этом доме снимали один фильм, и я приехал посмотреть, как они это делали. Но ты еще маленький для него.

— А о чем он?

— О человеке, который умирает, а потом возвращается к жизни с помощью подруги. Это случилось вон в той комнате наверху. — Он указал на верхний этаж. — Хотя окна не такие, — добавил он, пытаясь вспомнить, как выглядели окна третьего этажа в фильме. — Мне нужно проверить.

Единственным элементом внешнего оформления, которому попытались придать сходство с оригиналом, была входная дверь.

Два десятилетия назад, возвращаясь на метро со съемок «Восставшего из ада», он читал и перечитывал записанный на странице ежедневника номер телефона Линзи. На следующий день он позвонил ей, и они договорились встретиться и сходить куда-нибудь.

— Пап, а зачем тебе этот дом? — спросил Джек с заднего сиденья.

— Мне он интересен из-за того, что здесь случилось. И еще потому, что в нем я кое с кем познакомился. До того, как встретил маму.

Линзи жила в Ист Финчли. Встречаясь, они ходили в «Феникс» смотреть кино или шли в Масуэлл-хилл в какой-нибудь паб. Бывало, заходили в ресторан майской кухни в Крауч-энде. Он показывал ей дом на Хиллфилд-авеню, где он встречался с Клайвом Баркером.

— Питер Страуб жил на этой же улице, но выше на холме.

— Какой еще Питер Страуб?

— Ты слышала о Стивене Кинге?

— Конечно.

— Страуб и Кинг вместе написали книгу. «Талисман». И написали они ее здесь. По крайней мере, какую-то часть ее. Еще Кинг написал рассказ «Крауч-энд». Интересный, но это не лучшее, что у него есть.

Днем Мэддокс и Линзи встречались в «Вистерия-ти-румс» на Мидл-лейн, и там, среди горшков с цветами и посуды, Мэддокс с необычайным удивлением начал медленно осознавать, что счастлив. Медленно, потому что это чувство ему было непривычно. Они подолгу гуляли по Хайгейтскому кладбищу и по Хампстед-Хиту.

Недели сменялись месяцами. В Сесил-парке зацвели длинные прямые линии вишен, белые лепестки осыпались на тротуары. Линзи часто оставалась в квартире Мэддокса в Саут-Тоттенеме, но гадливо морщилась, глядя на его книги о преступлениях. Однажды утром, когда она еще спала, Мэддокс начал одеваться и стал искать одну футболку. Не найдя ее, полез по лестнице на чердак. Роясь в ящике со старой одеждой, он не услышал, как Линзи поднималась по лестнице, и увидел ее, только когда в люке показались ее голова и плечи.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Черт! — Он подскочил и ударился головой. — Ай! Больно! Черт! Ничего. Ищу кое-что.

— Что это за запах?

— Ничего особенного.

Он спровадил ее обратно, закрыл крышку люка на шпингалет и натянул футболку с картинкой из фильма «Голова-ластик», которую искал.

С тех пор, когда бы Мэддокс ни поднимался на чердак, хоть была Линзи дома, хоть нет, он всегда затаскивал за собой лестницу и закрывал люк. Чердак стал его частным владением.

Вернувшись в тот вечер домой, он поднялся на чердак, тщательно заматавая следы, пусть и был один. Достал из чемодана маленький пакет. Крышка чемодана упала и захлопнулась, застежки старой конструкции защелкнулись без его участия. Да, раньше умели делать качественные вещи.

Когда стемнело, он закопал кусочек плоти на пустыре позади дома.

Под конец первых десяти лет бесцельная жизнь, к которой постепенно скатились Мэддокс с Линзи,

сделалась гораздо дороже. Оплачивать жилье стало не так просто. Мэддокс устроился помощником редактора в «Индепендент». Занятие это ему не нравилось, но там хорошо платили. Линзи пошла работать в дамский салон в Финсбери-парке. Они съездили на денек в Брайтон. Там сходили на выставку картин в унитарной церкви, где Мэддокс купил ей небольшую акварель, а она в качестве ответного подарка купила брошюру стихотворений мужа художницы. Они пообедали в вегетарианском кафе. Мэддокс все жаловался на то, как ему надоело сокращать и переделывать чужие статьи и придумывать им броские заголовки, когда ему гораздо проще было написать статью самому. У Линзи жалоб на работу не имелось. «Джерри, это мой начальник, отличный парень, — рассказывала она. — У меня такого начальника еще никогда не было».

День они провели в пабах и букинистических магазинах на Норт-Лейнс. Там Мэддокс нашел антологию Рэмси Кэмпбелла, сборник рассказов Джона Харрисона и справочник «Кто есть кто: современные убийцы». На вокзале Брайтона в лондонском поезде, за окнами которого солнце отбрасывало долгие темные тени через платформы, Линзи прочитала Мэддоксу несколько строк одного из стихотворений в брошюре:

Всю жизнь мечтал я об одном:
Тебя бы повстречать средь умирающих теней
Предместий городских,
Одну и одинокую.

Пока поезд грохотал через Сассекс, Мэддокс изучал фотографии в своем справочнике преступлений.

— Смотри, — сказал он, указывая на подпись под одним из снимков, — брайтонское «сундучное» преступление №2: содержимое сундука.

— Очень романтично, — обронила Линзи и отвернулась к окну, но Мэддокс не мог оторвать взгляд от мятых чулок на ногах жертвы, Виолетты Кэй. От ее сломанной шеи. От сведенных бровей на разложившемся лице. Для Мэддокса эта фотография была столь же прекрасна, сколь и ужасна.

Следующие несколько дней Мэддокс посвятил изучению брайтоновского «сундучного» убийства 1934 года. Узнал, что Тони Манчини, который признался, что положил тело Виолетты Кэй в сундук, но утверждал, что она погибла случайно (лишь через сорок лет он изменил показания и взял на себя ответственность за ее убийство), жил по адресу Кемп-стрит, 52. Он стал искать брошюрку со стихотворениями. Нашел он ее под пачкой журналов. Автора стихотворений звали Майкл Кемп. Ему захотелось поделиться открытием с Линзи, когда она пришла в его квартиру с парикмахерскими ножницами и пеньюаром.

— Почему бы не сэкономить немного денег? — сказала она, выкатывая его кресло из-за рабочего стола на середину комнаты. Колдуя над его волосами, она рассказывала про Джерри из своего салона: — Он такой смешной. Клиентки обожают его. Если б не он, мы с девочками, наверное, умерли бы со скуки.

— Все мужчины, работающие в дамских салонах, наверняка голубые.

Линзи перестала подрезать волосы.

— И что? — сказала она. — Ну и что, если они голубые? Но Джерри не гей. Это точно.

— Да? Почему ты так уверена?

— Женщины это знают.

— Ты с ним спала или что?

Она отступила на шаг.

— Да что с тобой такое?

— Откуда еще ты могла узнать? Ты только о своем Джерри и говоришь.

— Пошел ты.

Мэддокс вскочил на ноги и сорвал пеньюар.

— Знаешь что, — зашипел он, вырывая у нее ножницы. — Я сам себя подстригу. По крайней мере, не придется слушать про твоего Джерри.

Он начал кромсать свои волосы, отхватывая целые пучки. Линзи отпрянула, округлившимися от ужаса глазами глядя на него так, как смотрят на автокатастрофу.

— Может, стоит тебе рассказать обо всех женщинах в редакции? — предложил он. — Шейла Джонстон, Сабина Дюррант, Кристина Хили... Не знаю, с какой и начать.

И лишь после того, как он угрожающе махнул ножницами в ее направлении, она схватила сумочку и убежала.

На следующий день он послал ей цветы. Не позвонил, не стал выяснять отношения, просто послал цветы и записку: «Извини».

А потом позвонил. Сказал, не знает, что на него нашло. Что это никогда больше не повторится. Он знал, что ему очень повезет, если она его простит, но надеялся на удачу. Ни к кому другому до сих пор он не испытывал ничего подобного и не хотел ее терять. Самое смешное вот что, сказал ей Мэддокс: он как раз думал о том, что в его квартире им становится тесновато и, возмож-

но, им стоит вместе подыскать жилье попросторнее. Он понимал, что ей нужно время подумать, и не возражал, но надеялся, что она даст ему шанс все исправить.

Она сказала, что должна все обдумать.

Он обрил голову.

Потом поехал в Финсбери-парк и стал наблюдать с другой стороны улицы, как она работает с клиентами. Подходит то с одной стороны, то с другой, трогает их волосы, разговаривает, глядя в зеркало. Джерри тоже там был. То поможет, то шуточку вернет. Впрочем, как и говорила Линзи, на двух других парикмахерш он обращал не меньшее внимание.

По утрам и по вечерам он наблюдал за ее квартирой в Финчли. Уходила и возвращалась она всегда одна. Маршрут между ее квартирой и собственной он выбрал такой, чтобы проезжать по Кренли-гарденс в Масуэлл-хилл. Там он останавливался у дома № 23 и смотрел на темные окна квартиры на верхнем этаже, думая о том, мог ли кто-нибудь из живущих сейчас в этом доме помнить Нильсена. Мужчина, проходивший мимо него с тележкой для покупок, — мог ли он когда-то здороваться с серийным убийцей? Женщина, выходящая из дома на другой стороне улицы, — могла ли она когда-то улыбаться ему? Мэддокс вышел из машины и прикоснулся кончиками пальцев к невысокой стенке, окружавшей двор дома.

Линзи согласилась встретиться. Он предложил сходить в «Вистерия-ти-румс». Как будто они все начинали снова. Осторожные шаги. Стыдливые улыбки. Его волосы уже снова отросли.

— Что с тобой случилось?

— Не знаю. Мы ведь договорились это не обсуждать.

— Да, хорошо.

За соседним столиком какая-то женщина кормила ребенка.

— Ты когда-нибудь думал завести детей? — совершенно неожиданно спросила Линзи.

— Мальчика, — прямо ответил Мэддокс. — Я бы назвал его Джек.

О Джерри Мэддокс не вспоминал. Он стал работать свержурочно, и мало-помалу они сумели восстановить доверие. Однажды, высадив Линзи у ее дома и возвращаясь к себе, он заметил, что возле дома № 23 на Кренли-гарденс появилась табличка «Продается». Он позвонил в агентство. Да, квартира на втором этаже. Просили за нее 64 950 фунтов, но, когда Мэддокс заехал к ним узнать детали (превосходная квартира, второй этаж, одна спальня), они снизили цену до 59 950 фунтов. Он назначил свидание Линзи и сказал, что приготовил сюрприз. Заехав за ней пораньше, отвез ее на Кренли-гарденс. До этого он никогда не возил ее сюда, и она не знала, кому раньше принадлежала эта квартира.

У дома их встретил молодой человек. Чуть припущенный галстук, сверкающие туфли. Яркий, энергичный.

Линзи повернулась к Мэддоксу:

— Ты что, собрался переезжать?

— Эта квартира больше моей и недорогая.

Линзи сдержанно улыбнулась. Они поднялись за агентом на верхний этаж. Там молодой человек отпер дверь и завел обычный для таких случаев разговор. Мэддокс кивал, не слушая агента, пока его глаза жадно впитывали все, что находилось вокруг, пытался понять сущность

этой квартиры, сопоставить с тем, что видел на опубликованных фотографиях. Совпадений не наблюдалось.

— Ванны нет, — прервал он агента.

— В квартире есть душ, — сказал парень. — И раковина с другой стороны коридора. Необычное расположение, правда?

Нильсен расчленил в ванне два тела.

— Здесь чудесная комната, — продолжил агент, выходя в переднюю гостиную.

Мэддокс вошел в другую комнату в глубине дома и посмотрел в окно.

— Хотя здесь ничего не изменилось, — сказал он появившейся рядом Линзи.

— Что ты имеешь в виду?

Он посмотрел на нее и вдруг понял, что проговорился.

— Квартира вся изменилась. Я видел ее фотографии раньше.

Объяснения последовали позже, в квартире Мэддокса.

— Ты привел меня в квартиру Денниса Нильсена?

Он отвернулся.

— И даже не подумал упомянуть об этом. Ты решил, что мы сможем там жить вдвоем? В бывшем доме серийного убийцы? Да что с тобой происходит?

— Она недорогая, — сказал он закрывшейся двери.

Он посмотрел в окно, как она вышла из дома и побежала в сторону Вест-грин-роуд. Постояв какое-то время у окна, он опустил лестницу и поднялся на чердак. Оказавшись наверху, втянул лестницу и закрыл люк. Потом открыл большой коричневый чемодан. Для него это было все равно, что доза для наркомана. Оценил

взглядом размеры чемодана. Не намного меньше сундука Тони Манчини.

Кристина была на работе. Мэддокс прочитал ее записку: «Купи молока и хлеба». Он пошел в гостиную и снял с полки DVD «Восставший из ада». Когда Мэддокс сидел с Джеком в машине у дома на Доллис-хилл-лейн, его чем-то смутили окна на третьем этаже. Они были новыми и располагались двумя парами на некотором расстоянии друг от друга, но дело было не в этом. Что-то другое насторожило его, но он не понимал, что именно. Он включил сценку, в которой Джулия покидает дом и идет в бар, где находит свою первую жертву. На третьем этаже отражали небо шесть расположенных рядом окон. По какой-то причине, перестраивая дом, два окна заделали и оставили всего четыре, в двух парах. Но не это не давало ему покоя.

В ускоренном режиме он досмотрел до следующей сцены.

Фрэнк и Джулия в комнате на третьем этаже. Она только что убила парня из бара, и Фрэнк высосал его тело. Джулия, помывшись, снова входит в комнату, и, когда она подходит к окну, становится видно ряд из четырех окон. Четыре окна. Четыре окна в ряд. Не шесть. Четыре.

Мэддокс защелкал кнопками пульта.

Снова посмотрел, как Джулия выходит из дома, собираясь в бар. Третий этаж, шесть окон. В другом эпизоде внутри той же самой комнаты окон уже четыре, а не шесть.

О чем это говорит? Сцены трансформации, происходившей в этой комнате на третьем этаже, снимались

не на Доллис-хилл-лейн. Подумаешь, большое дело. Наверняка это делали в студии. Такие вещи не снимают в обычных домах. Но как они могли допустить такую очевидную ошибку — просчитаться с количеством окон? Шесть снаружи, четыре внутри. Нет, это не могло быть ошибкой. Это должно было что-то означать. Но что?

— Папа?

Мэддокс чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Чего тебе, Джек?

— Что ты смотришь?

Мэддокс, думая, как ответить, посмотрел на экран телевизора.

— Фильм, который когда-то снимали в том доме.

— В доме с окнами?

— Да.

— А зачем тебе это?

— Не знаю. Хотя нет, знаю. — Плечи его поникли. — Не знаю. Может, это и неважно.

Он поехал в супермаркет. Джек тихо сидел на заднем сиденье. Они взяли тележку. Мэддокс остановился перед стендом с газетами. Нашел «Индепендент». Хоть они с Кристи и познакомились в редакции «Индепендент», встречаться они начали потом, после того как через несколько лет снова столкнулись, когда оба стали внештатными сотрудниками в журналах, выпускающих телепрограмму. Они занимали равное положение, но в обязанности Кристины входила правка его заголовков в «Индепендент». Он делал вид, что его это не глохнет, но на самом деле это было не так. Возможно, это не самый лучший фундамент для отношений. Потом

подвернулось постоянное место в «Ти-ви таймс», и они оба захотели устроиться, но опытность Кристины перевешивала его заслуги. Они решили, что это повлияет на их отношения, и согласились, что Мэддоксу лучше уйти из газеты. Он сказал, что хочет написать книгу, и они обсудили обраставший все новыми и новыми терниями путь к совместной жизни. Если бы они остановились и задумались, им бы, наверное, стало понятно, что это не такая уж хорошая идея, но лучшей не было ни у него, ни у нее.

Мэддокс обернулся проверить, не отстал ли Джек, и пошел дальше. В мясном отделе остановился, слегка покачиваясь.

— Исчезло, — чуть слышно промолвил он. — Все исчезло. Пропало.

— Что пропало? Что пропало, папа?

— Жди здесь, Джек. Я скоро вернусь. Никуда не ходи.

Он дошел до конца ряда и завернул за угол. Прошел следующий ряд и еще один, глядя на расставленные на стеллажах товары со знакомыми названиями, торговые марки, виденные тысячу раз. Все казалось ему бессмысленным. Он ничего не узнавал. Что он искал? Хлеб и молоко? Где они? Он не мог вспомнить. Мэддокс вернулся к тележке. Тележка стояла на месте, но Джека рядом с ней не было.

Он посмотрел по сторонам, вдоль ряда стеллажей. Названия, которые какую-то минуту назад ничего не значили, набросились на него со всех сторон, закричали, завопили, привлекая к себе внимание. Точно ряды стеллажей с двух сторон вдруг сдвинулись. Джека нигде не было видно.

— Джек!

Мэддокс подбежал к краю прохода и посмотрел по сторонам. Проверил соседний ряд, потом следующий и еще один, выкрикивая имя Джека. Покупатели озирались и останавливались, но Мэддокс бежал все быстрее и кричал все громче. Он посмотрел на ряд касс, думая, не ушел ли Джек через них. Он мог уже выйти из магазина и теперь ходить по стоянке. Что, если он убежит? Что, если его похитят? Он сказал себе, что должен успокоиться, что Джек сейчас отыщется, но в то же время другой внутренний голос твердил, что могло произойти самое страшное. В конце концов, такое случалось и раньше. Неужели Джек станет очередным героем новостей? Ему отведут полстраницы в газете. Мужчина-лондонец теряет сына в супермаркете. Брайан Мэддокс, 42, на секунду оторвал взгляд от сына, и тот исчез. Он ушел к соседнему ряду или к следующему. Он отлучился ненадолго. Сколько его не было? Пять минут? Десять? Пятнадцать?

— Джек!

— Сэр? — К нему подошел молодой парень, укладчик товара.

Мэддокс рассказал, что исчез его сын. Укладчик попросил описать его. Мэддокс описал, и парень сказал, что начнет искать с дальнего конца магазина, и посоветовал Мэддоксу двигаться ему навстречу с противоположной стороны. Они сойдутся посередине, и кто-то из них, скорее всего, найдет мальчика. Мэддокс сделал все, как он сказал, но ни он, ни укладчик Джека не нашли. У Мэддокса перехватило дыхание, во рту пересохло, грудь вздымалась и опускалась, виски как будто сжало тисками. Он уже не мог звать Джека — голос его дрожал и прерывался. Подошли еще несколько

работников магазина. Взяв Мэддокса под руки, отвели в какой-то кабинет, где усадили и дали воды.

— Может, мальчика забрала мать? — предположил кто-то.

Мэддокс покачал головой.

— У вас есть ее телефон?

Мэддокс назвал номер Кристины. Как ей звонили, он почти не слышал. В кабинете было полно людей: менеджеры, охранники, продавцы. Все разговаривали, обменивались мнениями. Некоторые лица посуровели.

— Что она сказала? — спросил чей-то голос.

— Нет никакого сына, — ответил другой голос. — Похоже, вообще никаких детей не было.

Охранник прокрутил на мониторе запись камеры наблюдения. Зернистая четкая картинка. Мэддокс входит в магазин один, толкая тележку. Стоит один перед стеллажом с журналами. Оставляет тележку в мясном отделе. Никаких беспризорных детей в кадре нет.

Пока дожидались полиции, Мэддоксу дали еще один стакан воды. Магазин не хотел выдвигать ему какие-либо обвинения. «Какой смысл?» Мэддокс был свободен и мог уйти. «Раньше такое случалось?» Он покачал головой. «Если это повторится, магазин будет вынужден принять меры... Остальным покупателям было очень неприятно... Вам стоит обратиться к кому-нибудь».

Мэддокс сидел за рулем машины на стоянке. Он не получил того, за чем приходил. Ни молока, ни хлеба. Возможно, это уже и не важно. Он просидел в машине долго и, только когда повернул ключ в зажигании, заметил, что небо над центральным Лондоном начало темнеть.

Он не поехал домой. Мэддокс не думал, что застал бы Кристину там, но сейчас это не имело значения. Вместо

этого он поехал в Саут-Тоттенем. Заплатил за въезд в зону с интенсивным движением. Теперь и это не имело значения. Поскольку был час пик, на то, чтобы добраться до дома № 15, ушло полтора часа. Входная дверь оказалась открытой. Он вошел в дом, поднялся в квартиру. Снизу: бум-бум-бум. Он достал сотовый, послал текстовое сообщение и минуту постоял у окна, глядя на уличное движение. Оставив телефон на подоконнике, опустил лестницу и поднялся на чердак. Потом втянул лестницу и закрыл люк. Сутулясь, подошел к пахнущему формалином чемодану. Опустился рядом с ним на колени, положил руки на крышку и несколько минут просидел неподвижно. Потом взялся за застежки.

Расстегнул застежки и поднял крышку.

Внутри ничего.

Он нахмурился, потом сел и какое-то время смотрел на пустой чемодан, прислушиваясь к поскрипыванию балок и приглушенным басовым партиям, доносившимся из квартиры этажом ниже. Подумал: если придет Карен, как долго он здесь пробудет? Что нужно будет делать, когда она придет, он не знал.

Он медленно поднялся, потом опустил верхнюю часть туловища в чемодан и подогнул ноги. Внутри стоял сильнейший запах формалина. Он смотрел на сосновые балки, на паутину, на тени, цепляющиеся за изоляционный материал. Он все еще различал отголоски музыки, которую Карен услышать не могла, а потом раздалась чистая, безошибочно узнаваемая трель оставшегося внизу сотового телефона, известившая о получении текстового сообщения. Он начал разворачивать тело, и крышка чемодана упала на него.

Но он успел изогнуться настолько, что его плечо не дало крышке захлопнуться.

Он вылез и лег на пол рядом с чемоданом.

Через минуту телефон прозвонил напоминание.

Он подумал о Линзи. Линзи была доброй и прекрасно к нему относилась, пока все не испортилось. Он подумал, где она сейчас. Снова посмотрел на пустой чемодан и выдернул из шва на подкладке длинный светлый волос. Он подумал о Карен и о ее неосознанной потребности иметь рядом того, кто будет о ней заботиться. Вспомнил, какой ранимой показалась ему Линзи, когда он увидел ее в первый раз.

Скоро придет Карен. Наверное. До сих пор она его не подводила.

У него еще оставался выбор.

Майкл Бишоп

**ИЗМУЧЕННЫЙ СНОМ
ПАЦИЕНТ ДОКТОРА ФРЕДА**

За почти тридцать лет писательской деятельности Майкл Бишоп опубликовал семнадцать романов, в том числе завоевавший премию «Небьюла» роман «Нет врага, кроме времени». «Гора единорога» получила Мифопоэтическую премию. Книга «Непростые подачи», описывающая жизнь бейсбольной команды младшей лиги на юге Америки во времена второй мировой войны, завоевала премию «Локус» как лучший фантастический роман.

Среди его сборников рассказов можно отметить «На Арахне», «Одна зима в Эдеме», «Близкое знакомство с божеством», «Почти не научная фантастика», «На краю судьбы», «Синее небо Канзаса» и «До белого каления: семнадцать рассказов», для обложки которого была использована оригинальная картина его сына Джеми. Его недавние повести «Стрелок за дверью» и «Медведи открывают грязь» получили награду Юго-восточной ассоциации научной фантастики в номинации «Короткое произведение».

Также он опубликовал многочисленные эссе и обзоры, включая сборник издательства «PS Publishing» «Мечты о мистере Рзе», в оформлении которого также была использована картина его сына, и выступил редактором антологии «Световые годы и темнота», отмеченной премией «Локус», трех сборников — победителей премии «Небьюла» и недавней подборки «Пересечение веков: двадцать пять художественных рассказов о Христе».

Живет Майкл Бишоп в городке Пайн-Маунтин, штат Джорджия, с женой, работающей в начальной школе, и в данный момент сотрудничает с колледжем в Ла Грейндж, Джорджия.

«Я не большой любитель рассказов о вампирах, — признается Бишоп, — но считаю это направление своего рода фанатизмом, основанным на устоявшихся стереотипах, и знаю, что любая тема или вопрос может послужить основой для великолепного произведения, если писатель работает сосредоточенно, с выдумкой и не прибегая к избитым приемам. Удалось ли это мне в данном рассказе? Надеюсь, что да. На этот рассказ меня вдохновило не только приглашение о сотрудничестве от редакторов нового журнала “Причудливые сны”, но и тот факт, что я закончил очередной семестр, который отнимал у меня столько сил, что я не успевал писать ничего своего (кроме кроваво-красных маргиналий на полях студенческих работ) целых четыре месяца. Потом, когда пришел январь и у меня впервые за долгий период появилось несколько выходных, я и написал “Измученного сном пациента доктора Прида” за кухонным столом тонким фломастером; понадобилось четыре-пять часов полного погружения в работу. Внимательный читатель заметит, что я заставил своего повествователя испытывать дьявольский ужас перед обыденным и повседневным и что причудливые сны играют важную роль для создания мрачного фона в моем квази-лавкрафтовском повествовании, а все из-за того, что я писал для журнала с таким провокационным названием».

Конечно, я сплю днем, доктор Прида. В бункере или, если угодно, погребу под кладовой викторианского дома в стремительно осовременивающейся деревне в одном южном штате, обитатели которой выказывают мало веры и еще меньше терпимости к созданиям моего рода. Я почиваю в гниющей деревянной плоскодонке на толстом листе клееной фанеры, уложенном на пару приземистых козел, и в глинистой тьме под прозаическим дневным свечением со мной делят ложе пауки нескольких видов, пятнистые пещерные кузнечики и сонные ночные бабочки. Бабочки часто осыпают мои губы и лоб сухой пылью. Темнота привлекает и успокаивает, я думаю, не только этих неприятных насекомых, но и столь редко бывающие удовлетворенными желания отобранной у меня души. Селах¹.

Я нахожусь здесь этим вечером, доктор Прида, по велению своего учителя и против собственного желания, но должен признаться, что ваши манеры, ваша обходительность у кушетки и ваша изысканная кожа цвета костяного фарфора (вы не сочли последнее утверждение сексистским?) в значительной степени уменьшили мою изначальную предвзятость относительно этого визита. Быть может, это даже уменьшит мою тревогу, воспрепятствует душевному упадку и пробудит во мне желание заняться изучением опасностей ночи — рассвета

¹ Библийское выражение, означающее здесь «остановись и подумай». (Примеч. ред.)

и заката — с напускной бравадой, столь несвойственной мне. Кстати, мне нравится ваш шиньон. А краснота у основания вашей шеи проступила, я уверен, из-за близости лампы к вашему креслу и вовсе не является внешним проявлением участвовавшего пульса. В конце концов, ноктюрн Шопена, играющий чуть слышным фоном, создает в вашем кабинете поистине расслабляющую обстановку... Поверите ли, здесь точно как в моем погребе, только без присущей ему сырости.

Ах, как очаровательно вы посмеиваетесь! Ну хорошо, *смеетесь*. Этим описательным глаголом, доктор Прида, я не хотел принизить вашу женственность. У Вилли Шекспира был персонаж (кажется, Эдгар в «Короле Лире»), который говорил, что на все — свой срок, правда, в других обстоятельствах. Я придаю большее значение своеобразию, каковы бы ни были обстоятельства, и люблю делать свои замечания о внешности или поведении человека, не говоря уже о его речи, более меткими, чем привычно вашим обычным штампованным клиентам. Разумеется, я говорю это не в качестве обиды вам или этим достойным жалости, шагающим в ногу клонам. Позвольте также заметить, что, когда вы хмуритесь, у уголков ваших глаз появляются решительно неотразимые сеточки морщинок.

Сны? Вам интересно, какие причудливые сны снятся мне, когда я лежу в плоскодонке моего прадеда в погребе моей прабабки? А как должен думать любой здравомыслящий и подкованный профессионал? Они ужасают меня, мои сны. От них у меня наливается кровью плоть под ногтями и сжимается кожа на мошонке. Вялое сердце начинает биться быстрее, а дряблые легкие наполняются жизненной силой крика, спина изгибает-

ся, и возбужденное тело балансирует на чувствительных уголках лопаток, копчике и пятках. Слабые гальванические токи пересекают крест-накрест грудь и живот и пронзают тело из глубины мозга до кончиков пальцев на руках и ногах. Наблюдатель со стороны, несомненно, посчитал бы, что меня пытаются электричеством, решил бы, что видит эпилептика в разрушительном судорожном припадке. Если бы я мог проснуться!

Их содержание? Хотите знать, что в них особенного? Рассказать вам, что именно мне снится? Разумеется. Вы ждете от меня того, что я готов с радостью сообщить. А именно — факты. А именно — подробности. А именно — движение синаптических импульсов, облекающих зрительные образы в слова, которые повествуют и пробуждают. Что ж, хорошо. Могу ли я отказать вам? Могу ли я послушаться иерарха, который сделал меня таким и который послал меня к вам, утаив то, что, будучи высказанным и услышанным, возможно, прекратит мои мучения? Однако я не испытываю уверенности, доктор Прида. Совесть, как и стыд, не позволяют мне открыть вам, уважаемой женщине, специалисту, специфические особенности, ужасающие подробности этих подземных видений, порожденных сном. Они не позволяют мне встревожить, подавить, осквернить и в конечном итоге отворать вас. Мне противно выставление напоказ мерзких конструкций моего подсознания, извращенная порочность которого лишь Богу или невинному ребенку не причинит вреда на всю жизнь.

Вы смеетесь надо мной? Что ж, смейтесь. Вы столь молоды с виду, но, кажется, утверждали, что практикуете уже полтора десятка лет, верно? Вам приходилось (по работе) выслушивать признания анорексиков,

прелюбодеев, педерастов, дураков, фанатиков, ущербных, трусов, предателей, убийц и богохульников? Надо полагать, любые мои слова, любые постыдные деяния, о которых я мог бы рассказать, не в состоянии продать броню вашего профессионализма и уж тем более пробить ее и превратить вас, королеву непоколебимой самоуверенности, в бессвязно лепечущую пародию на ваше степенное естество? Хорошо. Я расскажу. Но помните, я вас предупреждал. Помните, что я отнесся к зерну невинности в вашей священной душе с бóльшим почтением, чем вы сами...

Три дня назад в моем лодочном гробу посреди консервированных кабачков и помидоров, больше похожих на зародышей в стеклянных банках с завинчивающимися крышками, мне приснились три душераздирающе причудливых сна подряд. То, что я пережил даже один из них, не говоря уже о том, что я выдержал все три, до сих пор поражает меня, доктор Прида. Первый из них лишил бы мужества девятерых из десяти спящих днем представителей моего несчастного племени, даже более того, поверг бы их в полнейшую прострацию, превратив в безвольную добычу коричневых пауков-отшельников, пещерных кузнечиков и мышей. Прошу меня простить за то, что кажется похожим на неприкрытое бахвальство, но я знаю ахиллесову пяту моих коллег и свою, знаю, что первый сон пустил смертельную стрелу в эту весьма уязвимую точку моей психической анатомии и поразил ее в самое естество.

Сон. Перейду к самому сну. Я перескажу его так же ясно и сухо, как он явился мне: я проснулся (не в действительности, а в опалово-бледном мире моего видения) и выбрался из своего ложа в совершенно белую

комнату: белый потолок, белый пол, белые стены, белый остов кровати, белая вешалка для одежды, и на вешалке — несколько предметов одежды десятилетнего мальчика, которым был я во сне. Мне пришлось одеться, потому что проснулся я голым, и, чтобы не ослепнуть, я должен был немедленно приспособиться к режущей глаз белизне комнаты. Вздрагивая от прикосновения к каждому из предметов, я надел трусы школьника, гофрированную белую майку из тех, что носят мужья, избивающие жен, утино-белые штаны, накрахмаленную белую рубашку и белую фуфайку с капюшоном, который немного защитил меня от чрезмерной яркости света. Склонив голову, я ощупью вернулся к кровати, нашел пару плотных белых хлопковых носков на белой пуховой подушке и стал натягивать один из них на мертвенно-бледные пальцы левой ноги, на бескровную подошву и выше на лепрозную лодыжку. Носок не заканчивался. Он покрыл икру, бедро, пах и — каким-то невообразимым геометрическим искривлением — талию, грудь и шею, так что я в конце концов оказался заключен в белоснежный чехол, который безжалостно сжимал, казалось, каждый квадратный дюйм моего тела. Когда я закричал, все еще оставаясь во власти сна, этот кошмар отступил, однако не выпустив меня в сырую, но уютную действительность погребя моей прабабушки.

Ах, мой рассказ поразил вас, доктор Прида. Понимаю. Что может заставить замолчать в изумлении психиатра надежнее, чем столь яркий образ, такой как невинный ребенок, затянутый в тесный прямой чулок? Вы улыбаетесь. Несомненно, для того чтобы успокоить меня, убедить своим сочувствующим видом, что даже этот

ужас не отдалит вас от меня, что я могу продолжать говорить свободно, не боясь возмущения или осуждения с вашей стороны. Что ж, хорошо. Второй сон. Последовавший за первым после промежутка беспорядочной пустоты и ворвавшийся в мое растревоженное сознание в преддверии полудня.

Неудивительно, что дневной кошмар был связан с едой.

Я, молодой человек лет двадцати пяти или двадцати шести, сидел в деревенской викторианской кухне перед огромной фарфоровой тарелкой картофельного супа. Рядом с тарелкой стояло большое белое блюдо, на котором расположились тост с моцареллой или, возможно, с сыром проволоне, сваренное вкрутую яйцо и миска макарон с резаным миндалем, бутонами водяного кресс-салата и кусочками сушеного сельдерея. Над пластиковым покрытием стола возвышался стакан молока с пенкой, подобный маленькой дорической колонне. Чувствуя тошноту, я стал черпать ложкой суп, вгрызаться в бутерброд, откусывать кусочки яйца, пробовать макароны и пить молоко в предсказуемо нескончаемой повторяющейся последовательности, остановить которую не мог даже мой сон. Перистальтические сокращения моего горла продолжались без помех и остановок, пока белые слезы не начали капать в суп и густой, пронизанный сиянием туман не вполз в кухню, наполнив липкой просвечивающейся пеленой и мой пищевод, и сам второй сон.

Вы снова улыбаетесь? Хотите еще больше успокоить разволновавшегося клиента? Проявить еще больше сочувствия необычному сновидцу? Конечно, конечно. За что же еще мы платим, доктор Прида? К кому еще мо-

жем обратиться? Но теперь-то вы понимаете, почему стыд как плащом окутывает меня, почему совесть глохнет меня. Однако, раз уж я зашел так далеко, могу ли я удержаться от того, чтобы сбросить с себя груз последнего сна, рассказать о третьей, последней и самой безжалостно-причудливой пьесе ужаса?

Слушайте же, доктор Прида. Слушайте, как слушаю других, и держите в себе возмущение, усмиряйте негодование и его неизбежное словесное выражение, пока я не очищу себя полностью от этого душевного яда. Однако знайте, что у него есть повествовательная арка, отсутствовавшая в предыдущих двух снах, и дополнительный персонаж. Эта история противоположна двум предшествующим наборам статичных образов неясных видений. Знайте и то, что не найди мой наставник меня в судороге пробуждения и не помоги мне, я бы мог умереть навсегда. Слово «навсегда», по крайней мере в его гипотетической проекции, несет больше окончательности, чем я или любой из моих безымянных двоюродных, троюродных или не кровных братьев и сестер может вынести.

Слушайте же.

Я, сорокалетний мужчина (мой возраст этим вечером, доктор Прида), стою у алтаря в белом смокинге и сочетаюсь браком с женщиной на двенадцать лет младше меня, облаченной в традиционное белое подвенечное платье. Она смотрит на меня с безусловной нежностью, редкой, как дождь со снегом посреди зимы. После бракосочетания и пышного торжества в деревенском викторианском доме, в котором все было выдержано в оттенках кремового цвета и цвета слоновой кости, от обстановки до фрамуг, от жалюзи до обшивки стен

и стоек перил, мы в белоснежном лимузине доехали до мраморной виллы, расположенной на вершине скалы из кварца и молочного халцедона. Там, в последних лучах дня, в комнате с высокими стенами, выходящими на долину, покрытую белыми хризантемами и бледными гардениями, мы, не оставляя следов укусов или удушения, исполнили клятвы, данные во время церемонии, и возлегли на брачное ложе в объятиях друг друга, и так, предаваясь неге, прошли всю самоотрицающую ночь до самого порога следующего утра... когда мое настоящее тело, лежавшее в яме, начало в ужасе биться, противясь обыденности столь гармоничного и полного единения. И, как я уже говорил, я мог бы в ту минуту умереть навсегда, если бы не своевременное вмешательство Грегора, нашего бессмертного отца.

Вы улыбаетесь. Улыбайтесь шире. И приблизьтесь ко мне в черных бархатных туфлях и с улыбкой на устах. Какие у вас большие красивые зубы, какие острые резцы, моя дорогая доктор Прида. И вы так выразительно безмолвствуете, что нам, возможно, никогда больше не придется разговаривать снова...

Марк Чалборн

ТЕ, КОГО МЫ ПОКИДАЕМ

Лауреат Британской премии фэнтези Марк Чадборн является автором одиннадцати романов и одной публицистической книги. В начале 2008 года вышла вторая часть его фэнтези-трилогии «Королевство Змея» под названием «Пылающий человек».

Сейчас Марк Чадборн, бывший журналист, работает на телевидении Би-би-си сценаристом. Помимо литературы он в разное время перепробовал целый ряд других профессий: владел независимой звукозаписывающей компанией, продюсировал рок-группы, работал на заводе, был помощником инженера. Живет он в английском районе Мидлендс в доме посреди леса.

«Несколько лет назад, — вспоминает Чадборн, — работая над одной журнальной статьей, я имел удовольствие провести какое-то время в обществе Тима Пейджа, известного военного фотографа, прошедшего вьетнамскую войну. Фотографии Тима помогли нашему обществу осмыслить эту войну, но его рассказы были не менее живой иллюстрацией ужасов этого конфликта. После тяжелого ранения осколками мины, потеряв часть мозга, несколько мучительных лет он провел в больнице, цепляясь за жизнь. Выздоровление его было столь чудесным, что сейчас даже трудно сказать, через что он прошел. Рассказ “Те, кого мы покидаем” был вдохновлен им».

Прошлому нельзя доверять. Память часто подшучивает над нами, нашептывает ложь или насаждает призрачные образы, которые роятся где-то в глубинах сознания. Раньше я думал, что с фотографиями дело обстоит иначе. Ведь они схватывают мгновение идеально, их мир реальнее реального мира, потому что они видят вещи, которых сам ты не замечаешь. Мимолетное изменение выражения лица, беглая улыбка или подступающая слеза, необычная игра света, причудливые соседства, тайные шутки природы. В фотографиях старые друзья живут вечно, такими, какими ты их помнишь.

Так мне казалось.

За окнами звук падающих на окраину города снарядов почти теряется среди воплей страха и отчаяния. Женщина с лицом, перекошенным от горя, бросается из окна дома напротив. Это одна из тех, кто двадцать лет назад бежал на юг. Лучше наложить на себя руки, чем ждать медленной смерти от неумолимого мстителя.

Никогда не думал, что увижу Сайгон таким. Город улыбок. Око оптимизма и спокойствия в сердце вьетнамского урагана. Все бегут. Ищут спасения, укрытия. Ищут еду и питье, любовь и деньги. Бесполезно. Город окружен шестнадцатью дивизиями, это сто сорок тысяч человек. В речи перед своей отставкой президент Тхьеу обвинил Америку в том, что она платит за войну деньгами, в то время как вьетнамцы расплачиваются за нее кровью. Он попытался выставить себя жертвой предательства, но опоздал на несколько лет.

Любой мало-мальски умный человек давно попытался бы заплатить и убраться отсюда на одном из военнотранспортных «Геркулесов». Как фотожурналист и неотъемлемая часть империалистической пропагандистской машины я должен был бы первым стоять в очереди к аэропорту Таншоннят. Как только коммунисты доберутся сюда, они нацепят мою голову на шпиль президентского дворца быстрее, чем успеешь и глазом моргнуть.

Но в некотором смысле я ничем не отличаюсь от той несчастной женщины, покончившей с собой. Бывает, что все завязано не только на жизни и смерти. Иногда в это уравнение включаются вещи похуже. Я должен найти старика с разбитым сердцем, прежде чем прошлое настигнет меня. Прежде чем я обрушусь с края существования и не сохраню в памяти даже своего имени.

Первый раз Ван Димена я увидел в дальнем конце шатра, где на него падал беспокойный свет шипящей лампы и тени тропических бабочек. Помню, какой душной была ночь, как рубашка липла к спине, помню тошнотворный вкус страха, который постоянно чувствовался во рту. Тогда с этим приходилось жить, и для меня эти вещи до сих пор не менее реальны, чем все, что я знаю.

Было 7 января 1967 года, вечер перед началом операции «Сидар-Фолс». Никто из рядовых солдат не знал, что будет участвовать в нокаутующем ударе по оплоту вьетконговцев, который был задуман для того, чтобы одним махом остановить коммунистов и стать трамплином к победе американцев. По крайней мере, такой был план.

О планах командования нашей группе почти ничего не было известно. Да никто о них и не задумывался. Мы видели себя такими искателями приключений прошло-

го, получали дозу адреналина в любом месте, где было опасно. Если ветер приносил с собой запах напалма или «агента оранж»¹, этого было достаточно, чтобы мы схватили камеры. Нас было четверо, всем еще нет и тридцати, достаточно молодые, чтобы не понимать разницы между храбростью и глупостью. Чет был родом из какого-то пыльного городка в Аризоне. Ленивая речь, любовь к травке и небольшой заказец от «Лайф». Ален бросил снимать беспорядки на улицах Парижа ради того, что он считал «жизнью на краю» во Вьетнаме.

Потом были мы с Джастином, друзья детства, из одного дортуара второразрядной частной школы, о которой никто слыхом не слыхивал. Оба — дети слишком богатых родителей, оба лишены необходимости зарабатывать на кусок хлеба. Британцы за границей, наделенные имперской заносчивостью, которую ни один из нас не осознавал. Джастин был дерзок и без стеснения пользовался своими аристократическими связями, которые, казалось, находились повсюду, как бы далеко от дома он ни уезжал. Я был потише и поспокойнее. Ослепленные своей молодостью, своим происхождением и работой, мы полагали, что ничто не может с нами случиться.

В ту ночь мы покурили травки, выпили немного бурбона, поговорили о том, куда подадимся, когда эта заваруха закончится. На Ближний Восток, возможно. Там всегда что-то происходит. Или в Африку. Этот паровой котел готов в любую минуту взорваться.

¹ «Агент оранж» — название смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения. Применялся как химическое оружие американской армией во Вьетнаме в 1961—1971 гг. в рамках программы по уничтожению растительности в джунглях (*Примеч. ред.*)

Гул приближающегося вертолета, летящего низко над самыми деревьями, отвлек нас от спора. Мы стеклянными глазами наблюдали за тем, как он приземлился в лагере и как вокруг него тут же поднялась волна активности: группа солдат, чистых, не потных, не измазанных грязью джунглей, собралась вокруг группы поменьше, прямо посреди которой в ослепительном свете фар вертолета сверкала копна седых волос. Потом все разом пригнулись и под вращающимися лопастями винта побежали в лагерь.

— Что-то происходит, — сказал Ален.

— Что скажешь, Уилл? — спросил меня Джастин. — Мы не слишком накурились, чтобы сползать туда, узнать, не сам ли президент решил нанести нам тайный визит?

— Ползи сам. Я тебе не лакей. — Я, конечно, не мог сдержаться, чтобы не вставить что-то поперек, но мы оба знали, что это буду я. Я был гораздо любопытнее остальных, и все этим постоянно пользовались.

— Президент, — задумчиво произнес Чет. — Да, это была бы неплохая фотография. Хотя, может... Может, это Энн-Маргарет... — Он мечтательно замолчал.

— Так что, будем это делать или нет? — сказал я, пока они не отвлеклись окончательно

Чертыхаясь, они заняли сидячее положение. Ален подпер плечом Чета. Я отобрал у Джастина косячок, который он начал скручивать, и проверил фотоаппарат. Через видоискатель они выглядели как кучка идиотов на вылазке. Я поставил фотоаппарат на таймер и подсел к ним. Мир исчез в последовавшей ослепительной вспышке.

Через несколько минут я вышел из-под тента, прошел мимо вонючих отхожих мест, обогнул палатку, в которой

«Лав» пели про «Семь и семь»¹, и наконец оказался у наблюдательного поста, где офицеры возились с картами, пили пиво, вспоминали о своей жизни до того, как попали во Вьетнам и из людей превратились в других существ.

Отряд охраны в безупречно чистых формах куда-то пропал, и сквозь полы шатра я увидел трех офицеров, двух человек в штатском (из военной разведки, догадался я) и копну седых волос. Красовалась она на голове мужчины с лицом статуи с острова Пасхи: непроницаемым, загадочным, отчужденным. Ему, вероятно, было за семьдесят, но он не выглядел хилым. В нем чувствовалась значимость, некий вес, из-за которого все вокруг казались всего лишь его спутниками. На носу его сидели маленькие проволочные очки, в которых отражался вспышками свет, пока он рассматривал разложенную на самодельном столе карту.

— Где конкретно? — Голос его звучал по-европейски четко, что было необычно слышать после привычной расслабленной и многословной речи.

Один из разведчиков наклонился и постучал по карте.

— По данным разведки — здесь. Что бы там ни произошло, они напуганы.

— И вы уверены, что мое присутствие оправдано? — Седовласый не отрывал взгляда от карты.

— Совершенно уверен, профессор Ван Димен. Если донесения, которые мы получаем, хотя бы отчасти верны, вы, наверное, единственный, кто может помочь, — ответил разведчик.

— После того как вы консультировали государственный департамент по тому сан-францисскому делу,

¹ «Seven And Seven Is» — песня группы «Лав»

Пентагон говорит, что лучше вас специалиста не найти, — сказал генерал, которого я никогда раньше не видел.

— Вы же знаете, насколько серьезная сложилась ситуация, — продолжил разведчик. — Если все развалится здесь, весь мир будет следующим. Мы обязаны проявить инициативу и сделать все, что в наших силах. Оправданы любые меры.

Ван Димен медленно кивнул. Наконец он поднял взгляд на обращенные к нему лица.

— Значит, завтра?

— Операция «Сидар-Фолс» начинается завтра в восемь ноль ноль утра, — сообщил генерал. — Вторая бригада Первого пехотного дивизиона войдет в Бен-Сук. Это отвлечет вьетконговцев, мы сможем переправить вас на вертолете вдоль реки Сайгон в центр треугольника вместе с Двести сорок вторым химическим отрядом. Это единственная возможность, прежде чем Сто семьдесят третий воздушно-десантный выдвинется из Бен-Кат.

Как и остальные, я не мог скрыть волнения.

— Кто это? — Джастин быстро стряхнул с себя наркотический туман, как человек, не привыкший упускать шанс.

— Профессор. Похоже, то ли из Голландии, то ли из Бельгии.

— Значит, это не Энн-Маргарет, — с тоской в голосе произнес Чет.

— Что там, Уилл? — Глаза Джастина наполнились тем голодным блеском, который появлялся в них всякий раз, когда он чувствовал возможность сделать хорошие фотографии, заняться хорошим сексом или принять наркотики любого вида.

— На завтра что-то серьезное намечается, — зашептал я, присев тихонько между ними. — Они хотят прорваться в Железный треугольник. Операция «Сидар-Фолс». Но это не самое интересное.

И я пересказал им то небольшое, что сумел услышать, но этого было достаточно, чтобы разбудить их интерес. Не зная, что нас ждет, мы дрожали от предвкушения.

В те дни мы не представляли, что Сайгон падет. Как и многое другое из того, что последовало за этим. Меня так и подмывает достать фотографию, сделанную в тот вечер, но я сдерживаю себя, знаю, что это просто нервная привычка, проникнутая отчаянным детским желанием принимать желаемое за действительное. У меня ушли недели на то, чтобы дойти до этой точки, идя по следу двухгодичной давности, который к тому же сам старик пытался скрыть.

Он не хотел, чтобы его нашли. Может быть, из-за чувства вины.

Снаружи комната кажется совершенно непримечательной. На стене табличка «Блэкуолл Импорт-экспорт». Фасад для секретной службы и ее агентов. Я никогда не интересовался грязными играми «взрослых». Моей жизни они никак не касались. Но теперь я всем сердцем ненавижу то, на что способны некоторые люди. И все же я до сих пор не могу понять, чего хочу на самом деле: спасти себя или просто отомстить. Первое впечатление от того, что я увидел внутри комнаты, — потрясение. Повсюду религиозные символы: звезды Давида, Будда, храм, Библия, Коран. Но Ван Димена не видно. Я не позволяю себе огорчаться. После всего, через что прошел.

Я никогда не считал Ван Димена одухотворенным человеком. Отнюдь нет. То, что я о нем знал, говорило мне о том, что он — человек, увязнувший в вонючей грязи реального мира. Он циничный политик, а никак не святой. Воплощение всего, чего не должно быть в наше время, испуганный белый человек, пытающийся переиначить этот мир, готовый на все, чтобы истребить молодость, надежду, невинность и вырвать с корнем любые попытки мыслить широко. Человек, который видит угрозу в любом изменении. Человек, который хочет закрыть планету в ледяном кубе.

Это комната одержимого. С религиозными предметами соседствуют и другие, более тревожные вещи: оккультные книги, знаки, намалеванные на стенах безумной рукой. Далекие отголоски того, что мы нашли в тот день в Железном треугольнике.

Я помню. Помню... В ту ночь я пару часов потратил на проявку пленки. Фотографии, сделанные в тот день чуть раньше, остановили мгновение: беспечные усмешки, ленивые взгляды, лица «властелинов мира». Тайные шутки природы.

Разбудили нас на рассвете, когда джунгли были залиты пылающим красным и полным ненависти пурпурным светом. Джастин уже не спал. Он укладывал фотоаппарат в сумку, проверял линзы, собирал катушки с пленкой. Ален помог мне вытащить Чета из его конуры. Он спросонья был вял и пребывал в скверном расположении духа, но пара глотков «Джека Дэниелса» привела его в чувство.

На пятиминутке капитан сказал, что мы можем сопровождать боевую группу в Бен-Сук. Это был великий день.

Переломный день для войны, и мы должны были запечатлеть ту минуту, когда Америка превратится в победителя.

Однако у нас были свои планы. Мы подкупили нужных людей небольшим пакетом отборной травы, что позволило нам проскользнуть в вертолет перед самым взлетом незамеченными. Бен-Сук уже остался далеко позади, когда нас обнаружили. Но что они могли сделать? Нам пригрозили лишением аккредитации, пообещали выгнать из Вьетнама в следующую минуту после возвращения в лагерь и приказали держаться рядом с вертолетом, чтобы быть готовыми к взлету в любой момент. Мы, как положено, повздыхали, изображая искреннее раскаяние, а потом, когда капитан вернулся на свое место, посмеялись.

Ван Димена посадили со старшими офицерами и разведчиками, как будто не хотели, чтобы он приближался к простым рядовым. Я осторожно наблюдал за ним, отмечая про себя печать волнения и печали на его лице, думая о том, что он мог сделать в Сан-Франциско, чтобы заслужить полнейшее доверие правительства.

Приземлились мы на свободном от деревьев небольшом участке земли недалеко от отсвечивающей серебром реки.

Пехотинцы рассыпались по периметру, проверяя территорию. Их было двадцать. И еще двадцать «туннельных крыс» из Двести сорок второго химического отряда, которых я крайне уважаю. В этой стране ужасов им было тяжелее всего. Этим людям приходилось заползать в прорытые вьетконговцами туннели и, имея при себе только пистолет, нож и фонарик, выбивать оттуда врага.

Наконец Ван Димен и его строгие спутники вышли из вертолета, и мы пристроились за ними. Никто не прика-

зывал нам вернуться, и мы поняли почему, как только оказались на твердой земле и пилоты заглушили моторы вертолета.

У тех, кто достаточно долгое время провел во Вьетнаме, развивалось особое чутье, то, что солдаты называли «чувство джунглей». Ты ощущал, когда опасность катилась на тебя, как тропический ураган на горизонте. Но это было хуже, чем обычное чувство. На всех лицах я видел одно и то же: выражение отвращения, перекрывающего страх.

Там был мертвый воздух. Ни пения птиц. Ни звуков животных. Ни признаков присутствия человека. Мы как будто очутились внутри пузыря.

— Так и должно быть? — спросил Ван Димена кто-то из разведчиков впереди нас.

— Вероятно, да. — Со стариком случилось что-то странное. Едва ступив в эту зловещую атмосферу, он как будто ожил, движения его приобрели силу и уверенность.

Направляющий по приказу капитана ушел далеко вперед. В джунглях уже становилось жарко и влажно. Никто не разговаривал. Глаза были устремлены на зеленый мир, плотно окружавший нас со всех сторон.

Через пятнадцать минут мы вышли на времянку. Над остатками небольшого костра висел котелок с водой. Из золы поднимался дымок. Под навесом на тряпке лежала винтовка, рядом валялся промасленный кусок ткани, как будто его бросили во время чистки оружия. На треснувшей корзине для фруктов стояла неработающая рация.

— Где они? — Капитан был похож на серфингиста: выгоревшие на солнце светлые волосы, голубые глаза, еще молодой, но стареющий слишком быстро для своего возраста.

— Может, сбежали, когда услышали, что мы приближаемся? — предположил Чет.

Разведчик резко развернулся, как будто только сейчас понял, что мы находимся рядом.

— Никаких фотографий. Фотографировать нельзя ничего. Это совершенно секретное задание! Попробуетесь что-то снять — будете расстреляны за измену.

Это звучало как-то уж слишком сурово, даже для Вьетнама. Капитан предложил отвести нас обратно к вертолету, но внимание разведчика уже снова обратилось к временке.

— Вход должен быть где-то неподалеку. — Он обвел рукой территорию вокруг тента.

Капитан приказал своим людям обыскать местность, и через минуту был найден люк.

— Насколько точны ваши сведения? — Ван Димен заглянул в дыру, несмотря на попытки солдат оттащить его.

— Настолько, насколько они могут быть точны в районе Железного треугольника, — ответил разведчик. — Мы собрали детали... Но есть пробелы.

— Значит, вы не уверены, что ситуация контролируется?

— Мы *считаем*, что это так.

— Вы *считаете*, что это можно контролировать? Губы разведчика сжались.

— Это в вашем ведении, не в моем.

Ван Димен повернулся к «серфингисту».

— Капитан, вы собираетесь послать своих людей зачищать эти туннели?

— Да, таков общий план.

— Но что, если цель нашей миссии находится там, внизу?

Капитан на какую-то секунду растерялся.

— Мне неизвестна цель нашей миссии, сэр.

Ван Димен посмотрел на разведчика.

— Нам нужно это знать, — сказал он.

— В таком случае я пойду с вами, — сказал Ван Димен капитану.

Следовало признать, что профессор не трус. Половина солдат во Вьетнаме по своей воле ни за что не полезла бы в ту дыру вместе с «туннельными крысами».

Они попытались его отговорить, принялись рассказывать душераздирающие истории о незаметных ловушках и снайперах в засадах, да только не подействовало.

— Если он туда полезет, нам тоже придется, — шепнул я Джастину.

— Ты что, рехнулся?

— Уилл прав, — вставил Ален. — То, что они ищут, наверняка находится внизу.

— Так почему бы нам не подождать здесь, пока они это не достанут? — как будто разговаривая с двумя идиотами, произнес Джастин.

— Под покрывалом или в коробке? — ответил я. — Хорошие фотографии получатся. На обложке «Лайф» особенно здорово будут смотреться.

Две «туннельные крысы» спустились в дыру, прежде чем Ван Димен протолкнулся к люку, чтобы идти третьим. Я, набравшись храбрости, прыгнул в люк сразу за ним. Меня охватило до нелепости отчетливое ощущение опасности, но я сказал себе, что за этим мы сюда и пришли.

Под землей, футах в шести от поверхности, шел горизонтальный туннель. Невысокий, и собака не пробежит. Я уже хотел лезть обратно, но, когда сзади прыгнул очередной солдат, у меня не осталось выбора, кроме как

ползти вперед. В туннеле было неимоверно душно, горячий воздух был наполнен тяжелым запахом земли и растений. Впереди в темноте копошились насекомые. С каждой минутой в этом тесном пространстве мне становилось все более не по себе. Клаустрофобию подогревало и то, что в любую секунду какая-нибудь хитрая ловушка могла похоронить меня здесь заживо. Потолок туннеля давил мне на спину, локти мои упирались в стены по обеим сторонам, из-за чего мне приходилось ползти, как животному. С каждым футом мне казалось, будто мое горло сжимается еще на полдюйма.

А потом Ван Димен неожиданно поднялся. Я последовал за ним так быстро, что чуть не сбил старика с ног. Мы находились в подземной комнате, достаточно большой, чтобы выпрямиться в полный рост. На сколоченном из досок столе догорала толстая невысокая свеча, у стен стояли винтовки.

— Не понимаю, — с тревогой в голосе сказал один из «туннельных крыс», — они бы не стали просто так бросать оружие.

— Если только это не ловушка, — подумал вслух другой из «туннельных крыс», после чего пожал плечами, выбрал наугад один из двух выходящих из комнаты туннелей и, зажав в зубах нож, пополз в выбранный.

— А что мы ищем, профессор? — рискнул спросить я.

Он улыбнулся, тепло, как мне показалось, понимающе.

— Тайны. — Он поводил у меня перед лицом длинным тонким пальцем. — И загадки.

Система туннелей представляла собой настоящий лабиринт. Ходы резко поворачивали и пересекались, то и дело выходя в комнаты, не отличимые от первой. Насколько

я мог судить, мы проползли там несколько миль. И ощущение угрозы не уменьшалось, так что от необходимости постоянно быть настороже в груди у меня горел огонь, а каждая мышца ныла. От мысли, что каждая секунда может стать последней, меня тошнило. Я думал о взрывах в этом ограниченном пространстве, о жаре, об осколках. Думал о земле, которая забьет мне рот, горло. Думал о пистолете, вынырывающем из темноты, чтобы выстрелить мне в висок. Об отравляющем газе. О химических веществах, сжигающих кожу. Я думал обо всем. Но чувствовал, что профессору такие мысли в голову не приходят. Он был спокоен и сосредоточен, как будто все это его совершенно не пугало.

Не знаю, как это произошло, но в каком-то месте мы с профессором отделились от «туннельных крыс» и остальных фотографов. Нас предупреждали, что такое может случиться, и я думал, что за этим нужно было следить особенно, но профессор, который находился впереди меня, возможно, был другого мнения. Или же нарочно это устроил.

Мы оказались в одной из комнат. В свете профессорского фонарика она выглядела пустой, но я рассмотрел дверной проем, ведущий в соседние комнаты.

— Нужно подождать. — От пульсации крови в голове меня тошнило. — Пусть сначала специалисты проверят путь. А потом уже пойдем дальше.

— Они ничего не найдут, — рассеянно произнес он.

— Почему вы так уверены?

— Это моя работа — быть уверенным.

— Правительство, наверное, платит вам за такой риск хорошие деньги.

— Я здесь не из-за денег.

— Значит, из-за любви, — хохотнул я, пытаюсь снять напряжение.

Он двинулся дальше, водя лучом фонаря по сторонам. В соседней комнате я заметил что-то белое.

— Вы интересуетесь политикой...? — Он замолчал, давая мне возможность назвать свое имя.

— Уилл Кеннет. Политика — это занятие для ребят постарше, которые уже не помнят, что такое веселье.

— Есть много людей вашего возраста или даже младше, которые не согласились бы с вами, мистер Кеннет. В Америке, в Австралии и Европе все громче слышны протесты против этой войны. Погода меняется. Противоположности перестают притягиваться и вступают в конфликт.

— Не знаю, что вы хотите этим сказать. — Мы подошли к дверному проему. Снова я заметил белый предмет, а потом еще один. Но профессор так быстро водил лучом фонаря, что я не мог определить, что это.

Молодые и старые. Запад и Восток. Власти и мятежные массы.

Он остановился в проходе. Свет упал прямо на белые предметы, и я наконец смог увидеть, что это были камни, глыбы, на которые, похоже, наткнулись под землей те, кто копал туннели. Двойные колонны с проходом между ними.

— Порядок и хаос. — Он направил луч фонарика мне в лицо, ослепив меня. — На какой стороне вы, мистер Кеннет?

Я оттолкнул его руку, раздраженный таким обращением.

— Я на своей собственной стороне. Меня все это совершенно не интересует, поверьте.

До этого он мне даже начал немного нравиться, но теперь я увидел в нем то, что не раз замечал в политиках, генералах и тех, кто всеми силами старался отстоять свое место в мире. Не то чтобы это было что-то плохое, скорее просто какая-то твердость натуры. Уверенность в том, что, если ты хочешь, чтобы мир вращался так, как удобно тебе, ты должен идти на шаг впереди того, кто рядом с тобой. Я решил, что причиной этому был страх. Некоторые люди просто не любят перемены.

— Есть только две стороны. — Он снова начал двигаться, и свет прочертил дорожку к проходу между колоннами. — Если вы еще не определились, очень скоро вам придется это сделать. Мистер Кеннет, я делюсь с вами знаниями, которые приобретаются с возрастом. Пройдите к мудрости по кратчайшей дороге и выберите свой путь.

Но меня больше интересовали камни. Было видно, что они уходят дальше в коридор.

— Что это за место?

Он внимательно осмотрел высеченные на камне изображения, выхваченные из тьмы игрой света и тени. Похоже, это были какие-то письмена с иллюстрациями. Но они не имели никакого сходства с теми видами вьетнамской письменности, которые мне доводилось встречать до сих пор.

— Очень старые, — пробормотал он задумчиво себе под нос.

— Вас прислали сюда, чтобы это найти?

— Я не знал, *что* найду. Донесения поступали туманные, но все указывало на то, что это имеет отношение к моей сфере деятельности.

Выйдя в коридор, мы почувствовали, что температура там ниже на несколько градусов. Может, это камни

давали такой эффект, но меня не покидало ощущение, что так быть не должно.

— Что это?

— Метафизика. Применение правил логики и разума к нелогичному и иррациональному.

— Видите, профессор, вот почему американцы считают европейцев инопланетянами. Слова те же, но язык другой. Я родом оттуда и не понимаю, что вы говорите.

Он поднял руку и дотронулся до моей груди, останавливая меня.

— Что?

Он быстро приложил палец к губам. Я всмотрелся в темноту впереди. По какой-то причине профессор прикрыл фонарь ладонью.

— Вы что-то услышали? — прошептал я.

— Идите осторожно, — сказал он. Можно подумать, у меня на уме было что-то другое.

Нужно возвращаться назад. Все мои чувства говорили об этом. Все, что я знал о Вьетнаме, указывало на то, что нужно бежать от неизвестности. Но тогда я не мог противиться любопытству и не хотел разрушить даже в собственных глазах свой изумительный, как мне представлялось, образ.

Мы пошли вперед вдвоем. По обеим сторонам коридора находились каменные ниши, которые я посчитал бы тюремными камерами, если бы у них были двери. Ван Димен поставил фонарь на каменную плиту, чтобы осветить всю территорию, и принялся осматривать одну из маленьких комнат. Я же прошел чуть дальше по коридору и был разочарован, увидев, что ход упирается в голую каменную стену. Стало ясно, что мы находимся в тупике с несколькими крошечными комнатками по бокам,

а вовсе не в древнем подземном вьетнамском городе, нет здесь никаких «тайн и загадок», и место это такое же скучное, как и весь комплекс туннелей. Экспедиция обернулась сплошным разочарованием.

— Здесь ничего нет, — сказал я. — Давайте возвращаться к остальным.

Ван Димен пробормотал что-то невразумительное из глубины одной из камер. И тут мой взгляд упал на кое-что необычное. На перемычке последней камеры по правую руку от меня висело нечто такое, что поначалу показалось мне музыкальной подвеской. Это был набор странной формы и разных по размеру камней и деревянных брусочков, нанизанных на проволоку без каких бы то ни было признаков коррозии. Я осторожно снял их с крючка и отнес Ван Димену.

— Что скажете? — Я с удивлением заметил, что конструкция была довольно увесистой, несмотря на внешнюю хрупкость.

Ван Димен вышел из каменной комнатки с рассеянным выражением лица, но, едва увидев мою находку, сразу заволновался.

— Ради бога, повесьте скорее обратно.

— А что тут такого?

Он выхватил у меня из рук подвеску, попытался протиснуться мимо меня, но вдруг замер. Лицо его сделалось неподвижным.

Сначала мне показалось, что это мои глаза начали привыкать к мраку после света фонаря, но потом я понял, что это маленькие светящиеся точки начали сходиться в темноте, как собирающиеся в рой светлячки. Они сложились в какой-то единый образ, однако его форма еще оставалась неопределенной.

С неожиданной силой Ван Димен схватил меня за рубашку и швырнул себе за спину. Я больно ударился о каменный пол, а когда поднялся, он уже выталкивал меня из коридора.

— Бегите, — проскрежетал он. — Возвращайтесь к вертолету. Расскажите остальным.

Крошечные мерцающие огоньки теперь двигались к нам. Я не понимал, что происходит, но волнение профессора было заразительным. Я промчался через внешнюю комнату и нырнул в первый туннель.

В душном, жарком воздухе паника легко овладела мною. Не думая ни о чем, я полз вперед. Ощущение замкнутого пространства лишь подпитывало тревогу. Вырвавшись наконец из подземелья, я, должно быть, выглядел как сумасшедший.

Джастин, Чет и Ален сидели кружком и пили воду из фляги, несколько солдат патрулировали территорию. Разведчик, генерал и другие офицеры стояли в стороне и о чем-то тихо переговаривались.

— Уходите! — завопил я. — Все на вертолет!

Мои друзья слишком хорошо меня знали, чтобы не принять всерьез мое предостережение. Джастин подхватил меня и потащил за собой к деревьям.

Солдаты сгруппировались вокруг отверстия в земле, целясь автоматами в темную дыру. Я видел их в последний раз.

Мы не останавливались, пока не добежали до вертолета, где рухнули на колени, задыхаясь, и нервно рассмеялись.

— Идиот! — заорал Джастин. — Там наверняка ничего не было!

— Было! — закричал я в ответ. — Какая-то... Кое-то...

Джастин, видя мою растерянность, рассмеялся пуще прежнего. Честно говоря, я и сам не знал, что заставило меня бежать: воображение или чутье.

Чет же явно был чем-то сильно встревожен.

— Что с тобой, брат? — спросил его Ален.

— Ничего не понимаю. — Чет указал дрожащим пальцем на вертолет. — Как он попал сюда без пилотов?

Посмотрев на пустой вертолет, я сразу понял, что имел в виду Чет, хотя осознание пришло позже.

Джастин запустил пальцы в свои длинные волосы и озадаченно произнес:

— Черт, а он прав. На борту не было пилотов. Кто на нем летел?

— Не могу вспомнить... — Ален постучал себя пальцем по виску. — Сколько человек с нами было? Двадцать пять?

— Двадцать четыре, — поправил я.

— Двадцать три, — возразил Джастин.

Чет тяжело сел на землю и обхватил руками голову.

— Нет, точно двадцать два, — сказал я.

У меня раскалывалась голова. Я что, надышался какого-то газа? Может, он подействовал на нас всех? Я на заплетающихся ногах отошел от вертолета, пытаюсь собраться. Из зарослей раздался беспорядочный топот. Кто-то со всех ног бежал в нашу сторону. Я бросился к ним навстречу, чтобы указать остальным путь к вертолету.

И в эту минуту взрыв остановил мой мир.

Я обыскал всю комнату Ван Димена, но не нашел ничего, что позволило бы судить, когда он был здесь в последний раз, вчера или неделю назад. Но, пока я сидел

посреди хаоса его сайгонской жизни, в двери появился напуганный вьетнамский паренек. Я вскочил и схватил его за плечо.

— Профессор Ван Димен? — выпалил я.

Он покачал головой, в глазах стоял вопрос: не будет ли лучше, если я убью его, прежде чем сюда доберутся коммунисты?

— Старик! Седые волосы!

— Мистер Харкер?

— Он так себя называет?

— Уехал. В аэропорт.

Как это типично для таких, как он! Заварить кашу с загадками и тайнами и потом, когда все начало разваливаться, сбежать, вместо того чтобы отвечать за последствия своих поступков. Я вышел из комнаты и выбежал в этот сумасшедший город.

Призрачные воспоминания. Иллюзия, которую выстраивает наше сознание, — такая хрупкая вещь, ее так легко разрушить, изменить, извратить. А вот тело, с другой стороны, — на удивление устойчивая конструкция. Один из солдат, возвращавшихся к вертолету, наступил на мину. В том районе их явно были сотни, и лишь каким-то чудом никто из нас не нарвался на одну из них по дороге к туннелю.

Кстати о чудесах... Осколком мне вспороло живот, от паха до самой груди. Другой осколок попал в голову и вышел сзади через затылок, забрав с собой треть мозга. Вы подумаете, что невозможно выжить, потеряв так много серого вещества, но, могу вас заверить, это не так. Я мог бы привести в пример множество случаев, когда люди вели насыщенную, полноценную жизнь, но

после смерти вскрытие показывало, что в черепе у них находился мозг размером с грецкий орех, однако достаточно и того, что я остался жив, хотя долгое время висел на волоске.

Последовавшие за этим недели сохранились у меня в памяти лишь обрывочными фрагментами. Я лежу на койке в полевом госпитале в окружении трупов, сам не свой от боли и морфия. Люди повторяют снова и снова: «Он не выкарабкается», не таясь, как будто я уже мертв.

Помню Джастина рядом с моей кроватью, как он плакал, говорил о том, что должен вернуться домой, но не забудет обо мне и станет навещать.

Еще помню склонившееся надо мной покрытое морщинами лицо. Ван Димен. Я почти уверен, что это мне не приснилось. Он извинялся. Тоже так, будто я уже умер. Кажется, он посидел какое-то время у моей кровати, разговаривая сам с собой. Вспоминаются какие-то обрывки. Что-то о борьбе с хаосом... о победе в войне... Да какая разница?

Выздоровление было долгим, медленным и мучительным. Наркотики стали моими лучшими друзьями. Мне пришлось заново учиться разговаривать, держать ручку, писать. Физическая терапия превратилась в настоящую пытку. Моему мозгу пришлось перезаписать себя, перенести функции утраченной части на то, что осталось, прикрытое железной пластиной. И в довершение всего ломаный шрам через весь живот нестерпимо чесался.

Из госпиталя меня выписали через два года, и прошел еще один год, прежде чем я смог начать жить обычной жизнью. Мир за это время ушел вперед, на Луну

полетели ракеты, мои любимые ансамбли давно распались, но вьетнамская война, несмотря ни на что, продолжалась. Американцы не победили. В этой войне не было победителя, насколько я мог судить. Однако у меня осталась одна вещь, дававшая мне успокоение: фотография, сделанная в тот счастливый вечер, до того как я вышел из игры, и напоминавшая мне о лучших друзьях, каких только может иметь человек. Настало время снова встретиться.

Англия была совсем не такая, как Вьетнам: влажная, холодная, безопасная. За все годы моего выздоровления на связь со мной выходил лишь Джастин, и то всего один раз. Это меня огорчило. Ведь мы по-настоящему дружили, но теперь, когда я действительно нуждался в его поддержке, его рядом не было. Единственное письмо, которое я от него получил, как будто написал не он, а совсем другой человек. Он сообщал, что оставил фотожурналистику и теперь живет с родителями в их старом разваливающемся поместье в Суррее. Но во всех его банальностях сквозила некая тревога, как будто он был напуган. Я не дурак и понимаю, что до него добрался кто-то из разведки. Операция, в которую мы вмешались, была секретной, а у этих ребят долгая память. Меня, возможно, списали со счетов из-за моего ранения. Никто не предполагал, что я снова смогу думать и уж тем более передвигаться. Но Джастина и остальных, видимо, припугнули.

Однажды субботним вечером я приехал к его родителям. Его мать не сразу меня узнала, после ранения я совершенно высох, но, узнав, тепло приветствовала и пригласила в дом.

Она знала, что со мной случилось во Вьетнаме, от моей семьи, и мне пришлось несколько минут рассказывать о своем выздоровлении. Потом я спросил, могу ли увидеть Джастина, после чего она сначала удивилась, а потом заволновалась.

— Кто такой Джастин? — сказала она, напряженно потирая ладони.

Я рассмеялся.

— Джастин! Ваш сын.

Наполненный тревогой взгляд впился мне в лицо.

— У меня нет сына, ты же знаешь, Уилл. У нас с Дерексом не было детей.

Я снова рассмеялся, но смех мой утих, когда я увидел, что она совершенно серьезна. Всегда можно определить, если человек прикидывается, особенно когда речь идет о чем-то столь большом и очевидном. Моей первой мыслью было: она его прячет. Должно быть, после угроз разведчиков он скрывается и хочет начать новую жизнь.

— Хорошо, — сказал я, — не буду с вами спорить. Но позвольте показать вот это. — Я сунул руку в старый потертый рюкзак, с которым объездил полмира. За месяцы путешествий фотография истрепалась и помялась. Я протянул ее ей. — Крайний справа.

Бросив взгляд на фотографию, она покачала головой и отдала ее мне обратно.

— Это ты.

Внутри у меня все сжалось, когда я посмотрел на снимок. Она оказалась права. Я был справа в группе из трех молодых людей: Чет, Ален и я. Никакого Джастина. У меня закружилась голова. После ранения я все еще был слаб, и от напряженной работы мысли меня затошнило.

— У меня нет сына, — странным голосом повторила она. И тут ее лицо озарилось новой мыслью. — Несколько месяцев назад ко мне приходил старик с тем же вопросом. Что происходит, Уилл?

Я посмотрел по сторонам, обвел взглядом набитый разными старинными вещами кабинет. Фотографии здесь были повсюду: на мебели, на стенах, на каминной полке. На всех были изображены мистер и миссис Гленденнинг, тети и дяди Джастина, семейные встречи, но Джастина не было ни на одной. Заметил я и фотографию, сделанную во время нашего выпускного в школе. Теперь на ней стоял я один. Зачем бы Гленденнинги вешали мою фотографию в своем кабинете на стене? Это не имело смысла. Когда я об этом сказал миссис Гленденнинг, она заволновалась еще больше.

Я вышел в дождь, терзаемый чувством ужаса и ощущением начавшегося сумасшествия

Я съездил к отцу, но он тоже не вспомнил Джастина. Ни на одной из моих фотографий его не оказалось. Все упоминания о нем в дневниках, которые я вел в детстве, исчезли. Они не были удалены. Свой почерк я узнал, как и содержание записей, но все происшествия, в которых участвовал Джастин, теперь происходили со мной одним. Джастин как будто и не существовал вовсе

Охваченный отчаянием, я купил билет на самолет и полетел в Париж, чтобы встретиться с Аленом. Всю дорогу я держал фотографию в потных руках и всматривался в нее до боли в голове. Если бы только Джастин материализовался на своем месте!

Перед тем как самолет пошел на посадку в Орли, я выглянул в окно на крыши Города Света, и, когда

снова посмотрел на фотографию, Алена на ней тоже не оказалось.

История повторилась. В квартире Алена и в заведениях, где он любил бывать, никто о нем не слышал.

У меня началась жесточайшая депрессия, продлившаяся месяц. Я все больше склонялся к мысли, что мое выздоровление было ложью и мозг мой поврежден непоправимо. Я старался не думать о том, что происходит, но действительность не отпускала меня ни на минуту. Наконец я понял, что больше не вынесу этого. Чет остался моей последней надеждой хоть в чем-то разобраться.

По крайней мере, он все еще присутствовал на фотографии: мы с ним стоим рядом, положив руки на плечи друг другу. Самый верный способ связаться с ним, решил я, через его работу. Поэтому я позвонил бильд-редактору «Лайфа». Трубку снял раздражительный мужчина, разговаривавший с типичной для ньюйоркцев прямолинейностью. Он сказал, что у него есть номер Чета, и исчез с линии, но, вернувшись со своей телефонной книгой, снова спросил, кто мне нужен.

Я еще раз назвал имя Чета, но на этот раз ответом мне была тишина. Редактор не принимал на работу Чета и даже никогда не слышал о нем. Я попросил секретаря проверить конкретные выпуски журналов, в которых, как мне было известно, публиковались работы Чета, но теперь эти журналы отличались от того, что я помнил, и все снимки в них были сделаны другими фотографами. Я достал свою фотографию

и увидел, что теперь с нее на меня смотрит только мое лицо.

Помимо всего, что происходило со мной, меня чрезвычайно беспокоила еще одна вещь: почему только я помнил этих людей? Но нет, это не так, сообразил я. По меньшей мере еще один человек знал их. Он приезжал к родителям Джастина. Наведя кое-какие справки, я узнал, что он также задавал вопросы в Париже и звонил в «Лайф». Ключом к разгадке этой тайны был Ван Димен, и у меня появилось подозрение, что он, возможно, был причиной происходящего. В военной разведке решили спрятать концы и поручили это работавшему на них профессору.

Через какое-то время до меня дошло. Каким-то образом все это было связано с тем, что мы обнаружили в каменном коридоре в самом сердце Железного треугольника. Ван Димен знал, что это. Я думаю, это было ему известно с самого начала. Когда мы бежали от туннелей к вертолету и не могли понять, почему там не было пилотов... Не могли понять, сколько с нами прилетело солдат... Всех их стерли точно так же, как Джастина, Алена и Чета. Мы не могли их вспомнить, потому что они не существовали.

Ощутимая часть моих американских долларов ушла на поездку в аэропорт на старой машине, забитой куриными клетками. Каким-то образом нам удалось проехать по улицам, запруженным людьми, выносящими кровати из богатых домов, сливающими бензин из машин, разбрасывающими конфетти из теперь не имеющих никакой ценности южновьетнамских денег.

Я пробился сквозь давку у ворот аэропорта. Вокруг галдеж, гневные крики, мольбы о помощи. Люди хотят знать, почему их бросают. Военные полицейские, увидев мое журналистское удостоверение, пропустили меня, и я бросился бежать по бетонированной площадке сквозь вонь горячего и оглушительный рев самолетных двигателей, думая о том, когда я исчезну из этого мира, как звезда на рассвете. Почувствую ли я что-то? Прикосновение холодных когтей к шее? Будет ли что-нибудь после этого мгновения? Или же наступит полное небытие и «никогданесуществование»?

Бегая вдоль рядов мужчин, одетых в белые рубашки с короткими рукавами и черными галстуками, и очень немногих женщин, не накрашенных и заплаканных, я начинаю думать, что Ван Димен уже давно позаботился о своей безопасности и покинул страну. Но вдруг я увидел сверкающую на солнце копну седых волос, он повернулся и посмотрел прямо на меня, как будто я его позвал. Но он не убежал. Наоборот, лицо его на миг озарилось, он улыбнулся, но тут же снова погрузился и протянул ко мне руки.

В стороне от толп мы смотрели друг на друга. Я пытался заставить себя не дрожать. Не знаю почему, но слова застряли в горле.

— Мальчик мой, — неожиданно тепло произнес он. — Мне говорили, вы находились на грани смерти. — Увидев выражение моего лица, поспешно добавил: — Разумеется, вы хотите услышать ответы.

— Я хочу спастись. — Мой голос задрожал, как у испуганного ребенка.

Он по-отцовски положил ладонь мне на плечо.

— Я пришел к вам, чтобы все объяснить. Сначала я разыскал ваших друзей. К одному опоздал, но с французом и американцем успел поговорить перед концом.

— Вы убили их!

— Нет. Я пытался все исправить. — Он отвернулся и посмотрел на самолет, медленно наполнявшийся людьми, «больше всего желая оказаться в нем», — подумал я. Когда он повернулся обратно, в глазах его стояли слезы. — У вьетнамцев есть легенда о тварях-вампирах, которые питаются самой жизнью. Название их переводится примерно как *Зубы звезд*, но мифы только намекают на их истинную природу. Это не такие вампиры, как представляете вы или я. Эти существа вплетены в саму ткань нашей действительности... молчаливые тени, движущиеся позади нарисованных декораций.

— Они забрали Джастина... — Я сделал глоток воздуха, чтобы унять дрожь.

— Они способны изъять жизнь из самого бытия.

— Как же я могу их помнить?

— Возможно, ваши раны... — Он пожал плечами. Мы оба понимали, что это не имело значения.

— А вы?

Он опустил руку в карман куртки и достал амулет, который я нашел в одной из каменных камер.

— Это меня оберегает и помогает видеть истину. Такие штуки висели во всех комнатах. Когда вьетконговцы нашли это место, они их сняли, освободив то, что было заточено внутри.

Я вспомнил репортажи о том, как провалилась операция «Сидар-Фолс» из-за того, что, когда американские войска вошли в Железный треугольник, готовые к решающей битве, врага там не оказалось. Они растворились

в джунглях, отступив задолго до начала атаки. Однако теперь я начал понимать, что это была неправда.

— Когда разведка донесла, что коммунисты в самом сердце Железного треугольника нашли что-то невероятное и опасное, было принято решение изъять потенциальное оружие для возможного использования Западом.

— Оружие? — ошеломленно переспросил я. — То, что обладает силой, о которой вы говорите?

— Любого человека можно переубедить, нужен лишь подходящий стимул, — продолжил он ровным голосом. — Я не дурак. Однако и я подвержен слабости, которая делает нас теми, кто мы есть. Мелкие страхи присущи как идиотам, так и умнейшим из людей. Я хотел, чтобы на земле воцарился мир. Видя открытый бунт молодежи, видя, как хаос охватывает Восточную Азию, я был готов на многое, чтобы остановить эту волну. — Он снял очки и потер глаза. — Но я не знал, что есть люди, готовые на большее.

Еще один взгляд на самолет на взлетно-посадочной полосе, уже почти переполненный. Мне захотелось наброситься на него с кулаками из-за его бессердечия и холодности.

— Да, я помог им сдерживать эту силу. Понимаете, я считал, что поступаю правильно. Но использование этой силы зависело только от них. В конце концов, я им нужен был только поначалу. — Он сделал глубокий судорожный вдох. — Вы знаете, что Киссинджер собирался использовать здесь ядерное оружие? Можете представить, какие были бы потери среди мирного населения. Такие вещи не волновали людей, с которыми я работал. Для них главным было навести порядок, любой ценой. Жестокие люди. — Он покачал головой, как

будто все еще до конца не верил в то, что случилось. — Я слышал, что произошло в Кентском университете в Америке. Что происходило во имя порядка. Жестокие, жестокие люди. Они не знали, как управлять этой силой, но им пришлось научиться. Им нужно было, пока еще оставалось время, провести испытание здесь, во Вьетнаме...

Тут меня осенило. На нас проводили эксперимент.

— Как только я узнал, что они задумали, я попытался остановить их. И, разумеется, превратился в помеху. Мне пришлось принять определенные меры.

— Вы перешли на другую сторону?

— Вы говорите о политике, а я — о моральном абсолюте. Я перешел не к *врагу*. Я пережил один из тех моментов, когда яркий свет озаряет твои темные глубины. То, что я увидел, мне не понравилось. Есть вещи страшнее отсутствия порядка. И есть вещи страшнее смерти.

Я немного успокоился. В конце концов, может, еще осталась какая-то надежда.

— Так вы собираетесь убить это существо? Проткнуть его сердце колом или что-нибудь в этом духе?

— Его нельзя убить. Это часть вселенной, вне вас, меня или вещей, которые мы видим вокруг. Его можно направлять. Немного. Но не контролировать, как хотелось моим бывшим партнерам.

Самолет медленно покатился по взлетно-посадочной полосе. Я понял, что профессор не собирался улетать. Он пришел сюда наблюдать.

Ван Димен снова поднял загадочный амулет.

— Ключ, — произнес он с улыбкой. — Когда-то они владели им... Теперь уже нет. Скоро те, кто был готов

совершать страшные вещи во имя политики, исчезнут. Даже больше: выйдет так, что они никогда не существовали. И мир станет лучше. Да, Вьетнам будет потерян, но, по правде говоря, так ли это плохо?

Он был прав. Есть вещи пострашнее, чем неудачная попытка установить порядок. Когда ты сталкиваешься с кошмарами действительности, с великими духовными вопросами, с ужасами бесконечной тьмы, политика кажется смешным занятием. Какая разница, кому принадлежит та или иная территория? Кому нужны деньги, налоги? Моральный абсолютизм, сказал он. Правила существования, которые нельзя нарушать.

— А что будет со мной? — В его глазах я увидел ответ. Я узнал его в ту самую секунду, когда заговорил с ним.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Правда. Процессы, которые пришли в движение, уже не остановить. Но знайте: я буду вас помнить. Я не забуду.

Он протянул ко мне руки, и я упал ему на грудь, беззвучно рыдая о том, что должно было произойти, о том, что я потерял. Слезы мои нематериальны, это призраки жидкости, которые скоро развеются. Как прошлое. Как настоящее.

Как будущее.

Джоэл Лейн

ВСТРЕЧА

Джозел Лейн — автор двух сборников рассказов ужасов «Провод Земли» (издательство «Egerton Press») и «Потерянный район» и другие рассказы (издательство «Night Shade Books»), а также романов «От голубого к черному» и «Голубая маска» (оба выпущены издательством «The Serpent's Tale») и двух поэтических сборников: «На краю экрана» и «Нарушение покоя» (оба выпущены издательством «Arc»). Сейчас он работает над новым романом «Полуночная печаль».

«Встреча» входит в серию рассказов, которые я написал для “Потерянного района”, — поясняет автор. — Все они так или иначе посвящены мифам, которые окружают смерть и загробную жизнь. Одно из стихотворений Рильке стало толчком к созданию этой истории, над которой я, надо признать, работал несколько лет».

Когда он нашел нужное место, уже начало смеркаться. Он бы и хотел дожждаться, когда совсем стемнеет, но на это не было времени. Вечером состоится его концерт. Это уже превратилось в своего рода ритуал и повторялось каждый раз в первый вечер очередного турне. Когда-то турне ограничивались мелкими городишками в «Черной стране»¹, но теперь он выступал в крупных городах по всей Европе. Однако для него все турне начинались с посещения такого места. Это было нужно его песням. Его голосу. Он подозревал, что почти все певцы говорили себе нечто подобное. И всегда это происходило в одно и то же время года: поздней осенью, когда деревья сгорают, как сигареты, а дороги покрываются первым инеем.

В каждом городе все происходило по одному сценарию. Окно со ставнями, над ним — вывеска, горящая так, чтобы ее было видно ночью с дороги. И всегда главная дорога, по соседству с другими заведениями — удобное место для парковки и открытый доступ имели куда большее значение, чем осторожность. Входная дверь, ведущая в короткий коридор, потом — герметически закрытая дверь со звонком. Выходя из машины, Марк заметил, что в тускнеющем свете дня здания казались старыми: современная улица сделалась серой и тесной, как те трущобы, в которых он вырос. Он передернул плечами и поднял воротник черной куртки.

¹ «Черная страна» — район каменноугольной и железообрабатывающей промышленности с центром в городе Бирмингем

Дверь открыла худая женщина с бледным лицом и в бледно-розовом платье.

— Входи, милый, — шепнула она. Свет натриевой лампы на мгновение осветил ее скулы, и она отвернулась. Волосы у нее были стянуты на затылке в длинный хвост. Ноги ступали по виниловому полу прихожей беззвучно.

В приемной он увидел два дивана, стол с кассовым аппаратом и светящийся шнур, который только-только начал мигать холодным голубым светом. Остальные трое уже ждали его, но не подавали виду, что знакомы. На лицах — маска напускного равнодушия.

— Уже бывал у нас? — спросила регистраторша. Что-то в ее голосе и залитом голубоватым светом лице указало ему на то, что она — мужчина. Он подумал, не ошибся ли с выбором места.

— Да. — Отвечать так всегда было проще. Он подался вперед. — Кэрл сегодня работает?

Рукава регистратора зашуршали, когда он начал листать обтянутую кожей книгу для записей.

— Да, милый, она здесь. И как раз сейчас она свободна. Десять фунтов за комнату. — Он сунул банкноту в кассу жестом человека, зажигающего спичку. — Я отведу вас к ней.

Начинавшаяся за бахромчатым занавесом лестница вела вниз, в коридор с несколькими дверьми. Худой мужчина шел впереди него. Из-за тапочек на ногах и длинного платья казалось, что он не идет, а парит над полом. Очевидно, дом был гораздо больше, чем можно было представить по фасаду. Они дошли до конца коридора и спустились еще ниже по другой лестнице. Здесь он почувствовал запах фимиама и дыма. Внизу было хо-

лоднее, и настенные светильники источали свет, белый и мертвый, как улыбка в глянцево́м журнале. Такие места редко отличались красотой оформления. Сквозняк колыхнул рукав регистратора, когда он остановился у последней двери.

Комната за дверью была явно не спальней: голые каменные стены, потолок, поблескивающий влагой. Откуда сюда поступал свет, Марк не мог определить. Его дыхание сгушалось в воздухе в бледное облачко. Он слышал отдаленные женские крики, и только их ритмичность говорила о том, что это крики удовольствия, а не боли. Были они такими тихими, что могли бы сойти за воспоминания.

Регистратор указал на альков в левом углу комнаты. Кэрол в серебристом платье сидела на узкой белой кровати и расчесывала длинные волосы. Свет закопченной масляной лампы выделял по отдельности каждую прядь, как струны рояля. Худой мужчина подошел к ней, нагнулся и шепнул что-то на ухо. Она улыбнулась Марку и протянула левую руку.

— Шестьдесят фунтов, пожалуйста.

Когда он открыл бумажник, регистратора рядом уже не было. Положив три двадцатки на ее совершенно белую ладонь, он заметил, что разрез на ее запястье еще был открыт и в нем образовывались кристаллики льда. Он сложил свои руки у рта и подышал, согревая. Кэрол встала с кровати и сняла платье. Марк чуть глазами ее не съел, пока она расстегивала лифчик и стягивала черные трусики. Кэрол улыбнулась.

— Ты будешь раздеваться?

Руки его дрожали, когда он начал расстегивать рубашку, не в силах оторвать от нее взгляд.

Они легли на кровать и начали ласкать друг друга. Марк вспомнил первые ночи, которые они провели вместе в ее подвальной квартире на краю парка. Она все так же выглядела девятнадцатилетней, только глаза постарели. Бесцветная кожа на ее лице отливала матовой бледностью, такой оттенок имеет ткань на зарубцевавшейся ране. Его губы путешествовали по ее телу, поцеловали выступающие косточки на плечах, потом передвинулись ниже и прикоснулись к ее ранам. Порезы, которые она нанесла сама себе, были покрыты солоноватым льдом. Синяки, давно оставленные им, все так же темнели чернильными пятнами на белой коже. Его язык заставил ее затрепетать. Она повернулась в его руках лицом к стене, и он нежно раздвинул ее ноги. Голоса за стеной взывали к нему, попавшее в ловушку эхо желаний и удовлетворений. Ритм-секция. Его настойчивые пальцы пробудили тепло в ее пассивном теле.

Настало время для бриджа. Кэрол снова повернулась, потянулась к тумбочке с лампой, разорвала паке-тик из фольги. Она обхватила его тонкими пальцами, а потом направила в себя. Так же, как это было всегда. Менять положение не было нужды. Он легко поцеловал ее в губы, потом прижался ртом к шее. Пальцы его впились в ее ребра, в те самые места, где находились синяки. Она вскрикнула от боли.

— Извини, — прошептал он.

В ее глазах стояли слезы. Он погладил ее по лбу, провел пальцами по темным волосам. Они были сухими, почти ломкими. Он наклонился и медленно поцеловал ее в ямку у основания шеи. Она прильнула к нему и впилась ногтями в его спину. Последний куплет.

Подчинения ему было недостаточно. Он хотел чувствовать взаимодействие. На то, чтобы ее разогреть, всегда требовалось какое-то время. Ее приглушенные вскрики звенели у него в голове, в которой гасли все огни. Спина его изогнулась, он посмотрел на ее лицо. Она выглядела умиротворенной. Можно было подумать, что она спит. Он знал, что ей так нравится.

Продолжая тяжело дышать, Марк начал одеваться. От пота рубашка приклеилась к телу, но его это не смущало, потому что все равно скоро придется переодеваться. Кэрол села на краю кровати, надевая белье, потом встала и натянула на себя платье. В мерцающем свете масляной лампы серебристая ткань казалась зернистой, как пепел. Он взял ее за руку.

— Пойдем со мной.

Кэрол неуверенно ступила к нему. Он посмотрел ей в глаза.

— Пойдешь?

Она кивнула. Марк ощутил прилив радости, нежность смешалась с ноябрьской болью утраты. Огонь в мертвых листьях. Он сжал ее руку, чувствуя кости под гладкой кожей. Потом отпустил и медленно пошел к двери. Ему показалось, что он слышит шаги у себя за спиной.

Когда он поднимался по лестнице, на него навалилась усталость. Проще было бы остаться внизу, выспаться, послать к черту концерт. Но он продолжал идти. Страстные крики в коридоре, доносившиеся из-за закрытых дверей, были кодой, аккомпанементом их выхода в звездную ночь. Он вздрогнул. Влага в глазах затуманила взор. По второй лестнице он поднялся в приемную. Там не было никого, кроме регистратора, который посмотрел на

Марка, потом на дверной проем за ним. Кажется, он хотел что-то сказать, но потом просто махнул рукой.

Марк сделал глубокий вдох, повернул ручку внутренней двери и вышел. Ночь висела в конце прохода сине-черным занавесом. Он пошел по коридору и остановился, когда почувствовал на лице холодный воздух. Повернулся. Его прощальный жест был похож на взмах. Он даже мог быть прикосновением, если бы она стояла достаточно близко, чтобы почувствовать его. Но она уже пятилась назад, лицо — маска смерти, которой даже гримеры из бюро похоронных услуг не смогли придать сходство с жизнью. Внутренняя дверь закрылась за ней, и Марк остался один на узкой улице.

Он постоял немного, прежде чем перейти на другую сторону, где оставил машину. В обе стороны перед ним ползли ряды автомобилей. Издалека сквозь дорожный шум донесся вой сирены. От выхлопных газов было трудно дышать. Вспомнив о времени, он пошел между медленно движущимися машинами. Опоздать на первый концерт нового турне было равносильно катастрофе. Если хочешь построить карьеру в музыке, приходится считаться с суевериями. Ведь они — часть этой жизни.

Дэвид Джей Шоу

ПОКОРОНЫ

Дэвид Джей Шоу — автор рассказов, романист, сценарист (работающий как для телевидения, так и для большого экрана), обозреватель, эссеист, редактор, фотограф и лауреат Всемирной премии фэнтези и премий Международной гильдии ужасов (за короткий рассказ и за публицистическое произведение соответственно).

Его сотрудничество с кинокомпанией «Нью Лайн Синема» началось с таких ставших культовыми персонажей фильмов ужасов, как Фредди Крюгер («Кошмар на улице Вязов: Кошмары Фредди»), Кожаное Лицо («Кожаное Лицо: Техасская резня бензопилой III») и зубастики («Зубастики 3» и «Зубастики 4»). В 1994 году он написал сценарий для фильма «Ворон» и с тех пор работал с такими режиссерами, как Алекс Пройас, Джеймс Кэмерон, Эдмунд Элиас Меридж, Руперт Вейнрайт, Мик Гаррис и Уильям Мэлоун.

Для первого сезона сериала «Мастера ужаса», снятого кабельным телеканалом «Шоутайм», он, сотрудничая с режиссером Ларри Коэном, адаптировал собственный рассказ «Подвези меня». Во втором сезоне он переработал рассказ Джона Фарриса «Мы все хотим мороженого» для эпизода, снятого Томом Холландом.

Также Шоу вел популярную колонку «Бред и слюни» в журнале «Фангория». Позже сорок одна его заметка была выпущена отдельным сборником

«Растрепанные волосы». Среди немалого количества книг Шоу стоит отметить его четвертый роман «Пули дождя» и седьмой сборник рассказов «Пресытившийся хаос».

Сейчас он, вероятно, занят написанием очередной книги, сценария или спонтанным ремонтом своего дома.

«Изначально рассказ “Похороны” был написан для того, чтобы показать разницу между “историей на полчаса чтения” и часом, принесенным в жертву нескольким телевизионным продюсерам, — рассказывает автор. — Я знаю, что вы скажете: это все равно что учить собаку есть вилкой. И будете правы. Хорошо то, что данная история появилась сама по себе и телевидение ей было не нужно. Непрямым результатом этого стало то, что мне предложили переписать сценарий французского фильма “Les Revenants” (показанного в Америке под названием “Они вернулись”) для американской телекомпании. Поскольку американские переделки иностранных фильмов не могут обойтись без многочисленных пояснений почти ко всему, что происходит на экране, мне пришлось их изобрести. Реакция на мой нелинейный пересказ была... жуткой. Жанр ужасов предполагает соблюдение гораздо большего числа всевозможных дурацких правил, чем любой другой жанр литературы. И одно из самых дурацких требований — необходимость неожиданной концовки, идущая еще от Гектора Хью Монро. Этот рассказ также является результатом долгих размышлений о том, как следование таким “правилам” порой снижает

качество рассказов. Еще одним подводным камнем является использование архетипа зомби, который давно загрязнен еще более тупыми предположениями, основанными на льющихся бесконечным потоком фильмах об оживших трупах, которые больше всего на свете хотят полакомиться вашим мозгом. Ничего не имею против, но мой рассказ не об этом».

Перед Дугом Уолкоттом вырисовывалась очень простая перспектива: «Валю на фиг из Трипл-Пайнс и начинаю новую главу жизни. Пока кто-нибудь другой не займется моей судьбой».

Он решительно посмотрел на лопату у себя в руках, облепленную жирной могильной землей. Дуг знал, что больше не сможет выкапывать мертвых людей, и это был только первый день работы. Когда-то он работал учителем и имел привычку выискивать кругом системы и символы. «Пропади оно все пропадом! — подумал он. — Пора делать ноги. Пора что-то менять. Сейчас же».

— Мне нужно уйти, — не сказал, а пробормотал он. Уверенности ему все же еще не хватало.

Джеки Тайнан спрыгнул с экскаватора и неторопливо подошел к нему, снимая каску и вытирая лоб. Джеки был простым и в основном честным малым. Оруженосцем в жизни других людей, наделенных более ярким характером. Довольствуясь гамбургерами и пивом, спутниковым телевидением и мечтами о своей будущей девушке, Джеки был счастлив в Трипл-Пайнс.

— Эй, ты Дуглас, верно? — сказал Джеки. На расвете их всех представили. — Что за дела? — Стянув рабочие перчатки, он стал тереть свои руки, пока маленькие катышки грязи не посыпались с ладоней, как зернышки перца.

— Мне нужно уйти, — повторил Дуг. — Наверное, буду увольняться. Пойду скажу Коггину, что ухожу. Я сваливаю отсюда.

— Что, могилы достали? — поинтересовался Джеки. — Ну, так тебе нужно еще хотя бы денек поработать, и привыкнешь. Не такая уж это страшная штука.

Дуг не смотрел Джеки в лицо. Он оценивал этого молодого человека невысоко в основном из-за присущей местным жителям неприязни к «белой швали», которая собирается в таких местах, как Трипл-Пайнс. Слыша слово «кладбище» они добавляют: «жутко тоскливое место» и начинают нудить о том, что эта работа — извращение, и потому заниматься ею могут только нездоровые люди. Для них выкапывание давно умерших — нечто мерзкое и отвратительное. Все они вели себя в точном соответствии с принятыми клише. Их мышление было до смешного предсказуемым и однообразным. Тон Джеки указывал на то, что он был одним из них, человеком с почти собачьим чутьем на любое нарушение порядка.

Дуг попытался придумать нечто вроде ответа. Дело было не в похоронной атмосфере. Каменные статуи, могилы, глинистая земля — все выглядело исключительно мирно. Дуг не ощущал никакой связи с покоящимися здесь усопшими... за одним исключением. А одного было достаточно.

— Дело не в работе, — сказал Дуг. — Дело во мне. Мне пора убираться из этого места. Из города, не с кладбища. И на деньги мне наплевать.

Джеки сделал такое лицо, будто кто-то перед ним испортил воздух.

— Тебе не нужны деньги? Чувак, да тут работать проще, чем на бумажной фабрике горбатиться или на заводе у конвейера стоять. — Алюминиевый завод Трипл-

Пайнс почил в Одиннадцатой главе¹ лет десять назад, но местные все еще говорили о нем так, словно он продолжал исправно работать.

Обитатели Трипл-Пайнс отличались своим умением не замечать очевидного. Еще они отказывались признавать существование чего-либо необычного. Именно по этой причине Дуг и хотел уехать отсюда. Нужно было рвать когти, пока он не стал одним из них.

Одним из них...

Неделю назад Дуг не был столь философски настроен. А меньше чем через неделю он будет сомневался в здравости своего ума.

Краньотти, их бригадир, увидел, что Джеки и Дуг не работают, то есть не копают, и стал спускать с холма свою тушу с явным намерением поднять крик. Дуг ощутил непреодолимое желание подхватить инструменты с каской и броситься наутек, но голос разума признал, что существуют определенные протоколы, которым, хочешь не хочешь, придется следовать, определенные каналы, которые придется использовать. Он дотянет до конца этого дня, потом выпьет с товарищами по работе, после чего решит, сможет ли вынести еще один день. В конце концов, он же должен быть здравомыслящим взрослым человеком, а здравомыслящие взрослые люди придерживаются протоколов и каналов.

«Эй, чувак, да наплюй ты на все это, — мог бы сказать Джеки. — Просто беги». Но Джеки нечасто пользовался такими сложными конструкциями. Дуг повернулся

¹ Глава Кодекса США о банкротстве.

к Краньотти с обреченным видом человека, которому предстоит писать длинный отчет в налоговую.

Неделю назад все было иначе. А менее чем через неделю это раскапывание могил таким образом скажется на жизни каждого из них, как они и предположить не могли.

Фрэнк Краньотти, как успел заметить Дуг, был из тех людей, которые больше всего на свете любят пиво. У него был роман со своим высоким, расширяющимся кверху пивным стаканом и особые ритуалы общения с ним. Поскольку Дуг стал часто бывать в заведении Каллахана, Краньотти он там видел каждый вечер. Тот всегда сидел на одном и том же табурете в конце барной стойки и примерно за полтора часа вливал в себя три стакана пива. Поговаривали, что раньше Краньотти работал дальнобойщиком в одной из крупнейших сетей дисконтных магазинов, пока компания не вышвырнула его, обвинив в профнепригодности. Он вышел из кабины своего шестнадцатиколесного грузовика на горном серпантине недалеко от Трипл-Пайнс (что побудило его к этому, так и не было выяснено; возможно, желание облегчиться на лоне природы) и был сбит машиной, водитель которой его не заметил из-за дождя. Теперь он не расставался с металлической тростью, потому что после операции одна нога у него стала короче другой. Одно время ходили какие-то невнятные разговоры о судебных исках и соглашениях. Все это происходило до того, как Дуг стал завсегдатаем у Каллахана, и для него имело привкус провинциальных сплетен. История не хуже и не лучше других.

Заведение Каллахана, можно сказать, являлось лицом главной улицы Трипл-Пайнс. Высоту здания можно было определить только благодаря неоновой вывеске «Бар», которая озаряла голубым светом большинство окон, стекла в которых не протирались с 1972 года. В пятнадцати милях на север, технически за чертой города, находилась придорожная гостиница, но те жалкие развлечения, которые она могла предложить своим клиентам, не стоили того, чтобы на них тратить время. Саттер, нынешний владелец и ночной бармен, купил заведение, когда его первые владельцы, как видно, неожиданно поумнев, убрались к чертовой бабушке из Трипл-Пайнс. Саттер был весьма колоритной личностью. Дугу он казался похожим на профессионального преступника, который нашел в Трипл-Пайнс идеальное место для того, чтобы отсидеться. Шрам, рассекавший его нижнюю губу, он, очевидно, получил во время поножовщины. Кожа его была похожа на грибы в холодильнике за день до того, как ты решаешь их выбросить. Глубоко посаженные глаза окружали густые тени цвета кровоподтека.

В Трипл-Пайнс никто ни о ком ничего толком не знал.

Первый визит в бар с целью пропустить стаканчик был его первым волевым поступком после ухода из младшей средней школы, которую Трипл-Пайнс делила с тремя другими общинами. Учеников в нее свозили на автобусах из окрестных деревень и ферм. В предыдущем году он без особого труда окончил ускоренные учительские курсы и, получив диплом, устроился замещающим учителем истории и географии, хоть и не питал интереса к политике, если только она не была надежно

укрыта в прошлом. Зубрежка была единственным способом заставить равнодушных детей запоминать материал, который они благополучно забывали после первой же контрольной. В школе он стал свидетелем того, как система образования в небольших городах работает на то, чтобы искоренить инициативу, подавить смекалку и подрубить талант. Средняя школа в Трипл-Пайнс как будто сошла со страниц какой-то пьесы начала сороковых годов и не имела права менять хоть что-либо. Дети здесь учились только белые, в основном небогатые, даже стоящие на грани нищеты, ничем не интересующиеся и вялые. Шлемы для футбольной команды всегда считались более насущным вложением школьных фондов, чем новые учебники. Обычная невеселая история. Дуг провел первый семестр, пиная этот труп, надеясь пробудить в нем хоть какие-то признаки жизни. После каникул он не бросил работу только ради зарплаты. А потом, когда на горизонте уже забрезжило лето, в учительской после одного из совещаний объявилась Шейла Морган.

Дуг оторвался от газеты. Местная четырехстраничная газетенка называлась «Пайн-гроув мэссенджер» (по названию соседней общины) и выходила три раза в неделю. Сегодня в Канаде отмечался День Виктории, в разделе «Пополняем словарный запас» было слово «мелиорация».

— Шейла, — приветствовал он ее, впрочем, без особой радости. Она была одной из многочисленных отстающих, с которыми ему приходилось бороться. Черт, многие старшеклассники в Трипл-Пайнс приезжали брать бастионы образования на собственных машинах.

— Не называйте меня так, — сказала Шейла. — Меня зовут Бриттани.

Дуг посмотрел на нее поверх газеты. В учительской они были одни.

— В самом деле?

— Абсолютно, — ответила она. — Я имею право изменить себе имя. Я узнавала. И собираюсь это сделать. Мне все равно, что будут говорить.

Он помолчал, осозная тот факт, что один из его подопечных что-то *узнал* по своей воле.

Потом еще помолчал. В смятении. Шейла появилась перед ним в блестящей виниловой мини-юбке, обтягивающей, как хирургическая перчатка, в сапогах на высоких каблуках со шнуровкой до колен и в леопардовом топике с похожей на боа бахромой, обрамляющей груди. Между ключицами краснело несколько прыщиков. Кричаще черные волосы дополняли густой макияж. Губы были накрашены с таким усердием, что помада попала даже на зубы. Больше всего она напоминала нью-йоркскую уличную проститутку, как их представляют в глубинке, при том что ей было всего четырнадцать.

«Мара Кордэй, — подумал он. — Она похожа на Мару Кордэй, если бы та была готессой и шлюхой. Чтоб я сдох!»

Хорошенькая хористка превратилась в *femme fatale*¹ из второсортного кино. Мара Кордэй блеснула в нескольких малобюджетных фильмах в конце пятидесятых: «Тарантул», «Гигантский коготь», «Черный скорпион». Также она была девушкой месяца журнала «Плейбой» и дружила с Клинтом Иствудом. Эта знойная сексуальная кошечка заключила свой первый контракт, когда была еще подростком. Она тоже сменила имя.

¹ Роковая женщина (фр.).

Шейла хотела, чтобы на нее смотрели, но Дуг отвел взгляд. По крайней мере, ее появление внесло какое-то разнообразие в скейт-панковский стиль от «Сирс энд Роубак», который преобладал среди молодежи в Трипл-Пайнс, одевавшейся в основном в секонд-хендах. В эту минуту Дуг вдруг осознал, что ему больше всего не нравится в рэпе и хип-хопе: все эти суперкрутые парни и девчонки выглядели так, будто нарядились в одежду какого-то гигантского карапуза. Задница Шейлы оказалась более округлой, чем в прошлый раз, когда он «не смотрел» на нее. Бедра были узкими, но это компенсировалось выпуклостью груди. «Почему я смотрю?»

— Шейла...

— Бриттани. — Она недовольно надула губки, но потом смягчилась, чтобы задобрить его. — Можно поговорить с вами о той контрольной, которую я пропустила? Я хотела бы написать ее. Нет, списывать я не буду, ничего такого, просто... Написать, понимаете? Как будто в *первый* раз.

— Это никому не разрешается, ты знаешь.

Она выпрямилась, скрипнув юбкой о сиденье пластикового школьного стула.

— Нет, я знаю это. Такого, конечно, раньше никогда не случалось, поэтому я и решила сначала вас спросить.

Большую часть проводимого в школе времени Шейла тратила на то, чтобы удержаться на уровне удовлетворительных оценок. В нескольких сражениях она одержала победу, но война уже была проиграна.

— Ну, вы могли бы сделать совсем новую контрольную, а я бы к ней подготовилась, а?

— Нужно было готовиться к первой.

— Я знаю, знаю, — сказала она, ломая руки. — Но... Вы понимаете, дома родители, отвлекает кто-то постоянно, другая фигня... Тогда у меня не было времени подготовиться, а теперь есть. Если мама узнает, что я прогуляла контрольную, она меня убьет.

— А не нужно ли тебе с директором поговорить?

— Нет уж, спасибо. Я решила, что лучше обращаться к вам напрямую. Ну, то есть, я же вам нравлюсь, и все такое. — Она посмотрела на дверь, очевидно, решаясь на роковой шаг, которого Дуг в душе уже страшился. — Ну, то есть, я готова... Ну, только в этот раз. Я готова на все. Правда. Чтобы исправиться. На все.

Она медленно сняла левую ногу с правой, которую затем положила на левую, давая Дугу время убедиться, что в ее ультракороткий и облегающий наряд такой фактор, как нижнее белье, не включен. Движение это было столь заученным, что Дуг догадался, из какого фильма она его скопировала.

В жизни каждого человека случаются минуты, когда он обретает дар заглядывать в будущее, и в эту минуту Дуг отчетливо увидел, как его карьера педагога широким круговым движением спускается во вселенский унитаз. Конец его жизни воплотился в небольшую часть женского тела, которую Шейла назвала «штучкой».

— Можете потрогать, если хотите. Я разрешаю, — произнесла она таким тоном; будто говорила о каком-то необычном ручном зверьке на поводке.

Дуг что-то скомканно пробормотал о том, что ему нужно идти, и бросился в туалет. Сложенная пополам четырехстраничная газета скрывала тот факт, что по священным коридорам школы он шагает с эрекцией. Он сунул лицо под кран и посмотрел на себя в грязное

зеркало. «Пора валить отсюда. Пора что-то делать. Сейчас же».

Шейлу к контрольной он не допустил и на летних каникулах отстранился от всех и вся, хотя так и не уехал из Трипл-Пайнс. Позже он узнал, что мама Шейлы пришла в неопишемую ярость и упекла дочь в неотложное отделение больницы при бумажной фабрике, где ее отец работал с тех времен, когда сам был такого же возраста. Местные сплетники поговаривали, что, выйдя из больницы, Шейла сошлась с первым встречным парнем, имеющим собственную машину, и они вместе сбежали из города. Правда, через несколько дней были арестованы. Впоследствии она, воспользовавшись беременностью, заставила этого парня продать машину, чтобы оплатить ей дорогу на поезде до, кажется, Южной Дакоты, где жили какие-то ее родственники. Конец истории.

Впрочем, разумеется, почти все это было не более чем слухами. Сплетнями за барной стойкой. Дуг начал ходить к Каллахану где-то в начале июля и уже в середине августа, глядя на себя в другое зеркало, подумал: «Ты бросил работу, и теперь у тебя проблемы с алкоголем, приятель. Тебе нужно выбираться из этого места».

Тут-то его и заприметил Краньотти. Соображая со скоростью рептилии, он обвел его взглядом. Допил одним глотком стакан и встал. Вставая, Краньотти всегда расправлял плечи, просто для того, чтобы находившиеся с ним в одном помещении видели, какая широкая у него грудь. Он подошел к Дугу без трости, чтобы доказать, что вполне может обходиться и без нее, и подал знак Саттеру, бледному, как сама смерть,

бармену, поставить следующую порцию пива к табулету рядом с Дугом.

Походив вокруг да около, поговорив о том о сем, Краньотти подобрался вплотную к интересующей его теме.

— Так ты был учителем в школе?

— Да, был раньше. Ничего такого не произошло, просто решил, что пора менять место.

— А я другое слышал. — Каждый раз, делая глоток, Краньотти выпивал половину стакана. Стакан наполняется, раз глоток, два глоток, ополаскивается и наполняется снова. — Я слышал, будто ты одну школьницу подцепил. Эту потаскушку Шейлу Морган.

— Это неправда.

Краньотти налил Дугу стакан пива, чтобы уравновесить «Блэк Джек», который тот потреблял по глоточку.

— Нет, это не то, что ты думаешь. Я не такой. Эти гребаные шлюхи трахаются в старших классах, как кролики, если на наркоте до этого не подсаживаются. За нашу школу. — Дуг поднял стакан. Если достаточно много выпить, можно увидеть, как несбывшиеся мечты и надежды кружатся у тебя перед носом, требуя подношений и жертв.

— Ну да ладно. Главное, что ты сейчас не работаешь. Это так?

— Истинная правда. — Дуг попробовал пиво. Прошло гладко.

— Ты знаешь Коггинса, местного гробовщика?

— Ага. — Дуг выудил из памяти образ: лысый мужчина, владеет в Трипл-Пайнс похоронным бюро и содержит кладбище Холлимаунт в предместьях. Вечно ходит, выставив вперед руки, как богомол.

— Так вот, я знаю то, что мало кто здесь у нас знает. Ты слышал о водохранилище Мальборо? — Это был давний местный проект, который все никак не умирал. Последний раз «Пайн-гроув мэссенджер» упоминала о нем год назад.

— Я не думал, что там вообще до дела дошло.

— Ну, что там и как — нас не касается, но они собираются его строить. И там будет полно работы. Может, даже этот зачуханный городишко на ноги поднимется.

— Но я уезжаю из этого зачуханного городишки, — сказал Дуг. — И скоро. Зачем ты мне об этом рассказываешь?

— Затем, что ты похож на парня, который умеет держать рот на замке. Расклад такой: этот Коггинс приходит ко мне и просит меня стать бригадиром. Для чего, спрашиваю. Он говорит (и ты послушай): чтобы построить водохранилище, они зачем-то, не знаю зачем, хотят перенести на другую сторону Пайн-гроув. На шесть миль, представь! Короче, ему нужны люди, чтобы выкопать всех, кто там похоронен, переписать их и снова похоронить на другой стороне долины. Начинаем в следующий понедельник. Платят, как для такой работы, совсем неплохо, но болтать об этом не нужно. Я не собираюсь нанимать этих гребаных лентяев, которые у нас работают, этих придурков со старыми машинами, разве только Джеки Тайнана, потому что он хороший работник и не задает вопросов. И вот я подумал: нужно найти пару ребят, которые более... ответственные, что ли. И раз уж ты все равно уезжать собрался...

Короче говоря, закончилось это тем, что Дуг оказался на кладбище с лопатой в руках. Платить обещали и правда хорошо, а ему сейчас деньги были ох как нужны.

— Но ответь мне на один вопрос, — сказал он Краньотти. — Откуда ты узнал все это дерьмо про Шейлу Морган? То есть, почему ты с этим ко мне подошел?

— А, ты про это, — ответил Краньотти. — Она сама мне рассказала. Эта кошечка предлагала мне свою тугую маленькую щелку за то, чтоб я вывез ее из города. — Краньотти произнес слово «кошечка» в точности как мультяшный кот Сильвестр. — Я рассмеялся ей в лицо. Сказал: «Ты что, думаешь, я детей насилую?» Да я бы, если что, пополам ее разорвал. Ну, она разозлилась и пошла трахаться с парнями не такими разборчивыми. Типичная мелкая давалка. Наверняка с мужиками спать лет в двенадцать начала. Я и подумал, что у нас с тобой есть что-то общее. Наверное, мы с тобой единственные в этом городе, кто не бывал в этой дырке. Вот дерьмо, что-то мы так разговорились, люди, чего доброго, подумают, что мы педики.

«Честь и нравственность, — подумал Дуг. — Все-таки прекрасные это понятия».

Холлимаунтское кладбище насчитывало более тысячи могил, самые первые из которых относились к началу девятнадцатого века. Камни настолько старые, что выбитые в граните слова почти стерлись. Безымянные захоронения. Следы вандализма. Разрушенные временем и непогодой надгробия. Гробовщик Коггинс составил таблицу для внесения имен, прилепил ее к карте кладбища и поставил перед бригадой рабочих, набранных Краньотти, задачу сродни разгадыванию огромного кроссворда из мертвецов. Дуг полистал список и нашел имя Мишель Фарриер. Он был на ее похоронах, и она, конечно же, никуда не делась.

После развода с Марианной (могло ли обойтись без бывшей?) Дуг отправился колесить по стране, но он достаточно внимательно читал Керуака, чтобы понимать: дорога не даст ему ничего. Какое-то время он поработал дилером блэкджека в Лас-Вегасе, получил диплом учителя в Лос-Анджелесе, но все это он в любую минуту мог бросить и податься куда глаза глядят. Спустя четыре месяца после приезда в Трипл-Пайнс он побывал на похоронах единственного друга, которым сумел здесь обзавестись, Мишель Фарриер, бродяги, такой же, как он.

После опрометчивого и неудачного брака Мишель осталась с шестилетней дочерью по имени Рашель. Дуг легко узнавал в детском личике черты матери, черты той молодой женщины, которая рисковала и любила приключения, черты, которые озарялись при мысли о ночи, проведенной в компании таких же скитальцев. Мишель оказалась в Трипл-Пайнс за два месяца до того, как узнала, что смертельно больна. Дуг познакомился с ними во время трагикомической схватки за право пользоваться ванной в меблированных комнатах миссис Ивс незадолго до того, как он снял квартиру с двумя спальнями, сдававшуюся за бесценок из-за того, что почти никто в городе не искал приличного жилья и еще меньше людей могли себе это позволить.

Мишель осталась для него желанной добычей, она не меньше его стремилась к сближению и так же, как он, осторожничала и не хотела гнать лошадей. Постепенно нежная страсть наполнила их вечера сладостным ожиданием исполнения надежд. В ее поцелуях чувствовалась страсть, сдерживаемая до поры до времени, и Дуг уже начал готовить себя к тому, чтобы пригласить ее

и Рашель разделить с ним его новую квартиру, когда первые разговоры о врачах отодвинули все остальное на задний план. Он наблюдал за тем, как она умирала. Он пытался, как мог, объяснить это Рашель. Потом Рашель отправили к бабушке куда-то в Сан-Франциско. Она плакала, когда прощалась с Дугом. Мишель тоже.

«Любую могилу, только не эту, — думал Дуг. — Не заставляйте меня раскапывать ее. Пусть это сделает кто-нибудь другой».

Он достаточно хорошо знал традиции похоронного дела, чтобы понимать: то, что владелец похоронного бюро, кем был Коггинс, является одновременно директором кладбища, — довольно необычно. Однако в таких небольших уединенных городках подобную монополизацию индустрии смерти не воспринимают как нечто неправильное. Коггинс для местных жителей был единственным чужаком, которому им приходилось доверять, а иначе бы им пришлось доверять нескольким. К началу девяностых поставщики химических препаратов, продавцы ритуальных принадлежностей и организаторы похорон объединились под общими знаменами и начали предоставлять так называемый «комплексный подход» к тому, что определяется как «индустрия смерти». Больные американцы превратились в товар с оборотом в несколько миллиардов долларов в год... Это если не считать цветов. Но Трипл-Пайнс по старинке все еще верил в семейственность, в решение вопросов в таверне на углу, в людей, которые могут все сделать от начала до конца.

Дуг был до того потрясен безразличием, с которым проводились похороны Мишель, что, желая разобраться, почему так произошло, стал читать соответствующую

литературу. Ему открылось, что почти весь антураж современного похоронного обряда имеет одну цель — выгода работников похоронных бюро и кладбищ. И дело тут не в невразумительных законах о здоровье, не в странной тяге к пышным ритуалам и даже не в старом добром церковном обряде, как считают многие. Оказалось, что это одна из трех-четырех самых больших трат, которые может сделать обычный гражданин в течение среднестатистической жизни. Также его удивило странное сходство свадеб и похорон. Просто поразительно, как легко можно их перепутать. По крайней мере, Мишель бы это позабавило. Она имела возможность оценить и первое, и второе. Ни то, ни другое не прошло у нее успешно.

Дуг до сих пор не забыл лицо Рашель. Ему пришлось примерно неделю с небольшим играть роль отца, и это напугало его невероятно. Со временем и ее потеря стала приносить на удивление желанную боль.

По закону эксгумация была довольно щекотливым делом, поскольку контейнер для тела с останками после извлечения из земли технически должен был оставаться «неповрежденным». На практике это означало, что Джеки и остальные экскаваторщики могли углубиться в землю лишь до определенного уровня, после чего Дугу или кому-то еще приходилось спрыгивать в яму с лопатой. Чтобы добраться до некоторых больших бетонных конструкций, укреплявших могилы, экскаватору нужно было как минимум три раза зачерпнуть землю. По крайней мере Краньотти говорил что-то насчет того, что три — это предел. Они были похожи на огромные безликие холодильники, уложенные на спину, и рассыпались, как штукатурка. Внутри находились контейнеры.

В рекламе ритуальных услуг уже лет сорок назад перестали называть их гробами. «Гробы» — это коробки, имеющие форму человеческого тела, более широкие в изголовье и узкие в ногах, с крышкой, имеющей в разрезе форму верхней половины шестиугольника. Слово «гроб» наводило на мрачные мысли и потому было заменено на нейтральное «контейнер» — плоские стенки, прямые углы и никаких ассоциаций с Дракулой и кладбищами. Примерно так же «кладбища» превратились в «мемориальные парки». Похоже, люди стремились отвергнуть само существование смерти.

Что объясняло бетонные плиты. Захоронение в гробах, контейнерах или в чем угодно, от воощенных картонных коробок до савана, как правило, оставляет провал в земле, когда со временем тело начинает разлагаться, а контейнер проваливаться. Бетонные плиты, эти массово производимые дешевые саркофаги, не давали кладбищам превратиться в... решето. Дуг подумал о том, что эти плиты, наверное, производят там же, где делают дорожные бордюры. По крайней мере, весили эти штуки примерно одинаково.

Орудия лопатой, Дуг узнал еще кое-что о могилах. Например, что одному землекопу понадобится около восьми часов, чтобы выкопать яму нужного размера. Вот почему Краньотти пришлось искать для этой работы сразу трех экскаваторщиков. Плюс семерых «копателей». За первую смену они обработали всего пятьдесят могил. После этого им назначили норму сто могил в день.

Нужно ли говорить, что сам характер работы располагал к черному юмору?

Надгробия складывались штабелями по мере сличения имен со списком бригадира. «Бичер, Ли, 1974—2002.

Он защищал и служил». «Гаджелл, Конрой, 1938—2003. Не гасни, уходя». Эти стояли на более-менее свежих могилах. Люди, лежащие под ними, думали о таких вещах, как национальные праздники, президентские выборы. Они были исконными американцами, каких можно найти в любом уголке этой страны. Но среди них Дуг тоже был изгоем — скитальцем, чужаком. И случись что, добрые жители Трипл-Пайнс (живые) начнут активно искать крайнего именно среди таких мутантов. «Это не может быть кто-то и нас».

Нужно выбираться отсюда. Доделать работу; еще пара дней, и можно будет уезжать. Это лучше, чем считаться мутантом и, кто знает, возможно, быть линчеванным местными жителями. Дуг перешел к следующей могиле. «Стоу, Дорманд Р., 1940—1998. Любящий муж, заботливый отец». Эта не из недавних. У него немного отлегло от сердца.

Рабочий день закончился с закатом. И именно тогда Дуг, снова перелистав список эксгумируемых, увидел напротив имени Мишель Фарриер большой красный крест.

— Черт, да эта работа не такая уж и тайна, — сказал немного позже Джо Хопкинс, когда они сидели у Каллахана.

За столом собрались пятеро: Джо, Джеки, Дуг и еще двое ребят из их смены, Мигель Айала и Бойд Купер. Краньотти сидел отдельно на своем любимом насесте у края барной стойки. Пили уже по третьему стакану. Дуг обнаружил, что никакое количество пива не может вытравить из горла привкус могильной земли. Завтра он закроет лицо платком. Наверное.

— Ты завтра приходишь на работу или как? — спросил его Краньотти. Дуг ответил, что возможно, и упомянул про платок. Краньотти пожал плечами. Тогда Дугу все это казалось весьма маловероятным, поэтому он сосредоточился на выпивке со своими коллегами... могильщиками.

Джо больше всего был похож на мускулистого байкера, он не снимал кожаный жилет, и еще никто не видел его без торчащей из уголка рта зубочистки. Он отрастил пышные усы, которые заботливо вошил. На висках у него пробивалась седина, и его черные глаза заставляли Дуга вспоминать о цыганах.

— Я хочу сказать, — продолжал он, — что никто не должен знать об этом перемещении. Но местные все равно об этом знают, хоть и молчат, как рыбы. Владельцы банка в Трипл-Пайнс знают, сто процентов. Да все об этом знают, только не говорит никто, вот и все.

— Могу поспорить, что мэр тоже в курсе, — подхватил Мигель. — Но какая разница? Мне когда-то приходилось грибы собирать за доллар в день, и ничего.

— А вас это не волнует? — спросил Бойд Купер, другой оператор экскаватора. Постарше, на голове проплешины, рослый, но не грузный. Бычья шея и расщепленный подбородок. Руки человека, всю жизнь занимавшегося физическим трудом. Это Бойд показал им, как снимать тяжелые каменные крышки с могил без помощи лебедок, как они делали сначала. То, что все эти люди были изгоями, объединило их, у них появился общий язык, и Бойд всегда говорил то, что думал. — Не волнует, что мы мертвецов выкапываем?

— Нет, — протянул Джеки, отпив пива. — Мы для них доброе дело делаем. Можно сказать, оказываем любезность. Перевозим их, чтобы их не забыли.

— Согласен, — сказал Джек, ковыряясь зубочисткой в зубах. Нужно сказать, что он отполировал ею свои зубы до сияния. Дуг заметил на одном ее кончике пятнышко крови из десен.

— Ты у нас учитель, — повернулся Бойд к Дугу. — Вот скажи, хорошо это или плохо?

Дугу совсем не хотелось выступать в роли арбитра.

— Да обычная работа. Все равно что сортировать старые документы. Вы заметили, что в Трипл-Пайнс почти никого не кремируют? Тут всех хоронят. Старый обычай, но нужно уважать мертвых. Законы, традиции.

— Ты это к чему? — Бойду нужны были объяснения.

— Ну, не все же после смерти получают собственное жилье. Для этого потребовалось бы слишком много места. В конце концов нам просто негде было бы хоронить своих умерших. Большинство участков на большинстве кладбищ арендованы и имеют конечный срок аренды. Если кто-то не платит в срок, могилу уничтожают. Конец истории.

— Ничего себе. Это что, правда? — поразился Джеки. — А я думал, если тебя хоронят, это типа навсегда.

— Все изменилось лет сто назад, — возразил Дуг. — Земля слишком дорого стоит. Нельзя позволять мертвым пользоваться своим недвижимым имуществом, не получая от этого никаких доходов.

Мигель заметил:

— Это было бы не по-американски. — Он хохотнул, но тут же скис.

— Если не веришь, проверь, — сказал Дуг. — Убедишься. За всеми этими патриотическими лозунгами о добрососедстве всегда стоит капиталистическая выгода. Большинство людей не любят думать о похоронах

и кладбищах, потому что такие мысли кажутся им нездоровыми. И это дает карты в руки спекулянтам, нживающимся на похоронах.

— Это ты про Коггинса? — поинтересовался Джо, подливая себе пива.

— Между прочим, Коггинс — прекрасный пример, — согласился Дуг. — Во внешнем мире большие компании подмяли под себя почти все аспекты похоронного процесса. Но здесь Коггинс заведует моргом, кладбищем и всем остальным. Он может запросить любую цену, какую захочет, и люди будут платить за возможность переложить на него свои горе и смятение. Вы не поверите, насколько завышены цены на некоторые его товары. Гробы продаются по тройной цене. Даже если тебя упакуют в картонную коробку (что называется «альтернативный контейнер», кстати), это будет стоить пару сотен баксов.

— Короче, все понятно, — сказал Мигель. Когда он широко улыбался, можно было заметить его золотой зуб. — Всем нам придется жить вечно, потому что умереть мы не можем себе позволить.

— Когда-то, — прибавил Дуг, — я слышал такую загадку: человеку, который сделал это, оно было не нужно; человек, который это купил, им не воспользовался; тот, кто этим воспользовался, не узнал об этом. Что это?

Джеки был явно поставлен в тупик.

Чувствуя легкое головокружение от выпитого пива, Дуг старался не шататься и не волочить ноги, когда вышел из бара и взял курс домой. Голос, донесшийся из туманной темноты, вполне мог быть слуховой галлюцинацией. Или воплощением желания.

— Эй, незнакомец, — произнес голос. — Не проводите девушку домой?

Ночь исторгла ее к нему. Она явилась не так, как он мечтал, и не так, как ему снилось. Черное кружевное платье с короткими рукавами и облегающим шею воротником. Собранные сзади волосы. Она выглядела непривычно, но линию ее скул и открытый взгляд серых глаз нельзя было не узнать.

— Это не ты, — промолвил он. — Я немного выпил, но не настолько, чтобы поверить, что это ты.

И все же. Рядом на улице не было никого, ни остальных выпивох, ни случайных прохожих, кто мог бы подтвердить или опровергнуть его предположения. Только Дуг, клубящаяся ночь и женщина — она не могла быть покойной Мишель Фарриер, которую он когда-то любил. Он признался себе, что любил ее, только после ее смерти. Так получилось еще трагичнее, еще бредовее и еще более романтично. Так его чувство стало настолько сильным, что в нем можно было погрязнуть; оно заставляло его затуманенный выпивкой мозг рождать душещипательные мысли.

Она приблизилась к нему, став отчетливей, отчего его печаль только усилилась.

— Конечно же, это я, — сказала она. — Посмотри на меня. Не спеши, привыкни к этой мысли.

Он стал рассматривать, жадно, как наркоман, принимающий дозу. Ее длинные волосы, каштановые с желтизной, умело подстриженные каскадом, чтобы обрамлять лицо. Теперь они были заколоты на затылке, открывая изящную шею и четкие линии скул. Форму ушей он узнал. Она улыбнулась, и он вспомнил форму ее зубов. С собой она принесла запах цветущего ночью жас-

мина. Если она восстала из мертвых, пребывание в могиле не разрушило ее тело. Если бы она была призраком, легкое прикосновение ее руки не показалось бы ему таким материальным.

И прикосновение это не было холодным.

— Нет, — сказал Дуг. — Ты умерла. Тебя больше нет.

— Конечно, дорогой... Я этого не отрицаю. Но я вернулась, и ты должен радоваться.

Он продолжал качать головой.

— Я *видел*, как ты умирала. Я помогал тебя *похоронить*.

— А сегодня ты помог меня *рас*-хоронить. Вернее, твои приятели помогли.

Теперь уже обе ее руки лежали на его теле.

Это был тот самый миг, когда, по законам фильма ужасов, ее человеческое обличье должно было смениться пускающей слюни мордой вурдалака, жаждущего сожрать его мозг и запить все это стаканом его крови. От одного ее вида у него подкашивались ноги.

— Как?

— Спроси что-нибудь попроще! — ответила она. — Мы возвращаемся по всему городу. Я пока не знаю точно, как это работает, но те тряпки, в которых меня похоронили, погребальные одежды, — очень уж унылыми они были. Знаешь, я, когда переодевалась, проверила себя. Все на месте. Все работает. Кроме той опухоли. В могиле она сжалась и превратилась в маленький нечувствительный узелок. Конечно, тебе это трудно понять, но я ведь здесь, и, черт побери, я скучала, думала, ты обрадуешься.

— Я думаю о тебе каждый день, — промолвил он. Ему еще было трудно смотреть ей в глаза и не сбиваться на привычное прошедшее время.

— Идем, — сказала она, беря его за руки.

— Куда? — У него моментально затряслись поджилки, когда он подумал, что она хочет отвести его обратно на кладбище.

— Куда-нибудь. Слушай, ты помнишь, как целовал меня? Посмотрим, не забыл ли ты, как это делается.

Она поцеловала его со всей силой давно потерянной и нежданно обретенной вновь страсти. Да, это была Мишель, живая, дышащая, вернувшаяся к нему.

Их никто не видел. Из бара никто не выходил. Ни один пешеход не появился на улице. В Трипл-Пайнс тротуары пустели в семь вечера.

— Это... Это безумие какое-то, — пролепетал он.

Она тихонько засмеялась.

— Раз ты не назвал это противным... — Она снова припала к его губам. — И ты, конечно, не забыл, что мы так и не успели сделать еще кое-что?

— Продать твой любимый старый письменный стол с откидной крышкой? — Юмор помог ему держать себя в руках, хотя мозг его все так же был близок к отключению или взрыву.

— Ха-ха, очень смешно. Я так рада, что ты наконец пришел в себя, что сама произнесу это вслух, Дуг. — Она на миг задумалась, вздохнула, набираясь мужества, и сказала: — Ладно. Я хочу взять твой член в руку и почувствовать, как он твердеет *для меня*. Об этом я мечтала. Знаешь, как это бывает. Когда ты первый раз испытываешь к кому-то влечение, ты всегда представляешь себе его голым, представляешь, как он трахает тебя, хотя делаешь вид, что тебе на него наплевать.

— У меня такого не было, — соврал Дуг. Неожиданно у него перехватило дыхание.

— Нет, было, — возразила Мишель. — И у меня было. Только я была такой трусихой, что ничего не сделала. Но все это в прошлом. — Она остановилась и легонько хлопнула его по плечу. — Хватит на меня косо смотреть, как будто это я сумасшедшая. Только не сейчас. Не после того, как я умерла, думая, что ты лучшее, что у меня было за последние годы.

— Ну, была еще Рашель, — вставил Дуг, вспомнив, как они осторожничали с ее шестилетней дочерью.

— Малышки сейчас нет рядом, — сказала она. — Я бы сказала, что настало время воплотить фантазии, Дуг. Если не твои, то хотя бы мои. Мы потратили впустую слишком большую часть жизни. И мало кому выпадает дополнительный раунд.

— Но... — Слова Дуга, его протест, застряли комом в легких. (И какого дьявола ему вообще понадобилось протестовать?)

— Я знаю, что ты пытаешься сказать. *Я умерла*. — Новый нетерпеливый вздох, живой вздох. — Я не могу этого объяснить. Я не знаю, навсегда это или на время, но я скажу тебе то, что знаю точно: все это дерьмо о покойном в могиле — чушь. Его не существует. Это не освобождение и не забытие. Это похоже на ночной кошмар, который не заканчивается с пробуждением, потому что ты не проснешься никогда! И знаешь еще что? Когда лежишь в могиле, ты слышишь каждый шаг живых наверху, будь они прокляты. Уж можешь мне поверить.

— Господи... — выдохнул он.

— Никакого Господа. Ни рая, ни ада. Ни Бога. Ни Будды, ни Аллаха, ни Иеговы. Ничего. Вот что тебя ждет по ту сторону могильного камня. И тебя вовсе не поджидает облачко в небе. Нет ни нирваны, ни Валгаллы,

ни Тетраграмматона, ни Зевса, ни Иова и никого из их приятелей. Ничего. Может быть, поэтому мы возвращаемся, потому что там, на той стороне, ничего нет. Пустота. Ноль. Нет даже эха. Так поцелуй же меня снова. Мне было так холодно, так одиноко. Я хочу заняться с тобой любовью. Заняться любовью — звучит так, будто мы будем что-то производить, да? Возьми меня за руку. В ней течет настоящая кровь. Послушай сердце. Оно снова бьется. Раньше внутри меня шевелились всякие нехорошие штуки, я чувствовала это. Знаешь, такое случается, когда ты умираешь по-настоящему. Но я вернулась. И я хочу чувствовать внутри себя *другие* вещи. Тебя.

Завтра Дуга уволят за прогул на второй рабочий день. Краньотти заменит его человеком по имени Дорманд Р. Стоу, о котором говорят, что он любящий муж и заботливый отец.

Одним из самых известных пистолетов иностранного производства, которыми пользовались во время Гражданской войны, был револьвер Ле Ма, капсюльное оружие, сконструированное приехавшим в Новый Орлеан французским доктором. Револьвер этот уникален тем, что имеет два ствола. Барабан, рассчитанный на девять патронов сорокового калибра, выпускает пули через верхний ствол и вращается через нижний ствол, который выстреливает зарядом картечи восемнадцатого или двадцатого калибра. Движением большого пальца стрелок мог передвинуть ударник так, чтобы он падал на нижний ствол, выстрел из которого на близком расстоянии был смертельно опасен. Дробь из него вылетала с отдачей, по силе равной удару разъяренного мула. Генералы Стюарт и Борегар имели револьвер Ле Ма. Кол-

лекционеры старинного оружия за такие револьверы в хорошем состоянии платили очень большие деньги. Конрой Гаджелл именно его считал жемчужиной своего скромного домашнего арсенала, который всегда называл «коллекцией». Его большой ошибкой было то, что он научил жену, как его чистить. Как заряжать. Ну и как стрелять, «на всякий случай». Никто не был так удивлен, как сам Конрой, когда его любящая жена, уважаемый учитель начальных классов школы Трипл-Пайнс, отправила его прямым ходом в ад его же собственным коллекционным оружием.

В шестьдесят один год Эллен Гаджелл стала вдовой. Еще она стала викканкой. Она была обнажена, или «облачена в небесные одежды», когда сожгла кнут из плетеного конского волоса в камине после убийства Конроя. Выстрел из револьвера сломал ее правое запястье. Придется придумать какое-то объяснение. Левой рукой она налила себе хорошую порцию бренди, потом довела себя до нужного состояния, чтобы, заливаясь слезами, позвонить в полицию, пока мозг мужа и осколки его черепа остывали в разных уголках его мастерской в подвале. *«О боже, ужасный несчастный случай, пожалуйста, приезжайте!»* Посвящать кого-либо в духовные откровения Матери Земли она не стала.

С шерифом Дики, главой правоохранительных органов Трипл-Пайнс, она держалась, как со своими учениками: твердо, но без фальши. Как и подобает почтенной женщине, но с четко отмеренной дозой напускной истерики. Конрой возился в мастерской со своей коллекцией оружия, как вдруг она услышала громкий хлопок, рассказала Эллен полицейскому. Она запаниковала и сломала запястье, когда пыталась перетащить то, что

осталось от мужа, и теперь она не знает, что делать, и очень нуждается в помощи.

И местные полицейские очень старательно позаботились обо все остальном. Эллен не пришлось объяснять, как на ее теле появились следы от того самого кнута, что сгорел в камине, или рассказывать о том, что последние пятнадцать лет их сексуальная жизнь состояла почти исключительно из насилия. Оставив преподавание в школе, свое свободное время (то есть время, свободное от мужниного гнета) она посвящала изучению нетрадиционных религий. И как только Эллен нашла такую, которая показалась ей здоровой, она решила начать новую жизнь.

С принятием этого решения перед ней раскрылись безграничные возможности. Она чувствовала себя так, словно сбросила кокон и превратилась в более совершенное существо.

Поэтому удивлению Эллен не было предела, когда ее муж Конрой с развороченной головой зашел к ней домой и поднялся по лестнице более чем через год после того, как она, как ей казалось, навсегда покончила с ублюдком. Лицо его выглядело точно так, как в тот день, когда Коггинс, гробовщик, собрал его и склеил воском, чтобы придать хоть какое-то подобие человеческого облика. Темные подкожные линии указывали границы грубых кусочков головоломки. Правда, когда Конрой заговорил, кусочки эти двигались не единым целым, а как будто каждый сам по себе. И только глаза оставались странно неподвижными на исковерканном, расчлененном лице.

— Время заняться любовью. — Это было первое, что сказал ей Конрой.

Эллен ринулась в подвал, где стоял шкаф с оружием.

— Я об этом уже подумал, — промолвил Конрой, поднимая револьвер Ле Ма.

Он выстрелил не в голову.

Несмотря на то что смерть Ли Бичера была результатом случайности и, так сказать, форс-мажорных обстоятельств, шериф Лон Дики в душе винил себя. Ли родился и вырос в этом городе, Дики он нравился, и он сделал его своим помощником, следовательно, Ли выступал представителем закона от имени Дики, когда ночью под дождем тащил мертвого оленя с дороги. Какой-то местный идиот сбил зверя и оставил на дороге, что стало первым в Трипл-Пайнс случаем бегства виновника ДТП с места происшествия. И если бы кто-то не знал, чем закончилась эта история, думал Дики, он бы решил, что его сбил другой безмозглый лихач. Ан нет. В него ударила молния! Электрический разряд из озона убил его на месте вернее, чем укус ядовитой змеи, выжег его изнутри, прожарил снаружи и бросил рядом с лесным складом, в котором работала четверть городских «синих воротничков».

Ли похоронили в полицейской форме. Он был веселым энергичным парнем. Прекрасным футболистом. Вместо того чтобы при первом же удобном случае умчаться в облаках пыли из Трипл-Пайнс, он предпочел остаться поближе к дому и получить полицейский значок. Он действительно заслуживал того, чтобы называться офицером, как сам Дики. В Трипл-Пайнс всегда умирали либо случайно, либо предсказуемо, без всяких загадок. Это был не тот город, где могут жить убийцы

или маньяки. В этих краях самое страшное, с чем мог столкнуться полицейский, — это обычный дебош подростков, или пьяных, или пьяных подростков, и необходимость вести себя как представитель власти в случае пожара, наводнения или другого стихийного бедствия.

На замену Бичеру прислали парня по имени Джеймс Трейнор, который только-только окончил академию в Сиэтле и был страшно недоволен распределением. Он был слишком воинственным для этого города, слишком готовым поднять руку и остановить движение на улице. Дики до сих пор не притерся к нему, чувствуя исходящий от него запах городской паранойи.

Чувствуя себя обходящим территорию ленивым львом, Дики неторопливо прогулялся по двум кварталам до полицейского участка от столовой «По-домашнему», переваривая обычный обеденный чизбургер. (У Каллахана, кварталом дальше, еда была отвратительной, гамбургеры жесткие, как поленья для печи.) Настало время потрепаться с Реанной, которая выполняла бумажную работу и отвечала за телефоны и рации в участке. Реанна была блондинкой, толстухой с лишней талией фигурой, многоэтажным подбородком и пристрастием к корректирующей туши, которая, впрочем, не в силах была скрыть ее нос, до которого было далеко и Джимми Дюранте¹. Реанну нельзя было назвать соблазнительной женщиной, скорее напротив, и Дики это вполне устраивало. Зато как работник она была незаменима. Реанна все делала быстро, с головой, и свои проблемы на работу не тащила. В эту минуту Реанна сидела на сво-

¹ Джимми Дюранте (1893—1980) — американский певец, пианист, актер-комик. (Примеч. ред.)

ем рабочем месте с широко раскрытым ртом, откинувшись на спинку стула, что показалось ему довольно странным. В таком положении она живо напоминала карикатурное изображение надувной женщины.

Спросить что-нибудь он не успел, потому что увидел дырку от пули у нее во лбу. Ох.

— Извините, шеф, я немного опоздал, — сказал Ли Бичер.

Его заплесневелая форма была вся облеплена грязью, а лицо по-прежнему являло собою жареный ужас, из-за которого Коггинс посоветовал хоронить его в закрытом гробу. Бичер всегда называл Дики «шеф». Помощник шерифа Трейнор распластался за столом Дики: фуражка сдвинута на глаза, язык торчит изо рта, на груди — кружок из пяти отверстий от пуль триста пятьдесят седьмого калибра. Пятно крови на бумагах указывало на то, как неграциозно он падал. Он ударился так сильно, что с одной ноги слетел ботинок. Когда Дики вошел, Ли Бичер перезаряжал револьвер.

— Реанна слишком шумела, пришлось пристрелить ее, — пояснил Бичер. Говорил он сухим хриплым голосом, шелестевшим, как тростник на ветру.

Дики попытался сдержать медленно накатывавший ужас, помянув нескольких божеств. Рука сама собой потянулась к рукоятке пистолета.

— Зачем вы заменили меня, шеф? — спросил покойный Ли Бичер. — Я же не увольнялся. Заменили меня каким-то городским пацаном. Мы так не договаривались. Я думал, вы любите меня.

— Я... — заикаясь, произнес Дики. — Ли, я... — Больше ничего произнести он не смог. Все это было слишком страшно.

— Вы просто взяли и закопали меня. — Покойный Ли Бичер покачал обуглившимся черепом, что было похоже на выражение грусти. С щелчком закрыл барабан револьвера, тем же мягким движением взведя курок. — Теперь я должен отблагодарить вас. Простите, шеф.

Шериф Дики все еще пытался составить какое-то осмысленное предложение, когда покойный Ли Бичер выпустил в него все шесть пуль. На столе Реанны трещала рация и разрывался от звонков телефон, но в полицейском участке не было никого, кто обратил бы на это внимание.

Нынешнее обиталище Дуга едва соответствовало понятию «дом». У него было не больше индивидуальности, чем у квартиры в британском многоквартирном доме или у американского послевоенного коттеджа типа «солонка с крышкой». Это было одно из простых уродливых, обшитых досками зданий, которые построил алюминиевый завод еще в те времена, когда обеспечивал своих работников жильем. Когда завод закрылся, они стали никому не нужны и постепенно разрушались. Но в доме имелись крыша и канализация, что вполне удовлетворяло требованиям Дуга, потому что он никогда не стремился обосноваться на одном месте. Окна были защищены ставнями, в доме имелись зачатки отопления, спасавшие от сырости и холода, но не от сквозняка. Внутренние стены были покрашены в зеленый цвет такого оттенка, который у Дуга всегда ассоциировался с университетскими коридорами. Спальня была оформлена в голубых тонах, навевавших те же мысли.

Чувствуя неловкость за дешевое постельное белье, за старую кровать, за ящик из-под молока, заменяющий прикроватную тумбочку, он расставил в спальне несколько свечей, чтобы смягчить свет, и включил переносной масляный обогреватель. Тепло и свет рассеяли скованность как раз в нужной степени, чтобы сгладить острые углы действительности.

Не было ни соблазнения, ни ритуальных возлияний, ни домогательств, ни флирта. Мишель взяла его, как союзные войска Нормандию, и это единственное, на что он был способен в ту минуту. По его тазу словно колотили молотком, ноги как будто отнялись и, казалось, находились где-то далеко. Она была жива, полна горячих плотских желаний живого человека. Она накинулась на него с жадностью, которая лишила обоих желания предъявлять какие бы то ни было обвинения.

Никаких признаков могильного разложения или мумификации он не заметил. Можно ли это считать некрофилией, если мертвый двигается и разговаривает, как живой человек?

— У меня есть еще одно одеяло, — сказал Дуг, когда пот начал остывать. Он наблюдал, как на потолке танцуют жуткие тени, порожденные пламенем свечей. Его левая нога лежала у нее на спине.

— Мне хорошо, — сказала она. — Правда.

Они помылись. Маленькая ванна, облепленный известковым налетом душ. Это дало Дугу возможность вспомнить геометрию ее тела в перспективе, отличной от спальни. Ему показалось, что он никогда не устанет смотреть на нее или прикасаться к ней. Его это завораживало.

Еды на кухне у него не водилось, а просто включать телевизор казалось неуместным. Они легли спать, обнявшись. Покой был все еще слишком хрупким, чтобы пускаться в пространные рассуждения о желаниях и потребностях, поэтому они просто уснули и во сне обрели невинность, которая находилась вне логики, — невинность *чувств*. Это казалось нужным и правильным.

Посреди ночи Дуг проснулся. Его ступни и кончики пальцев сковало холодом. Накинув второе одеяло, он снова уютно прижался к Мишель. Она спала с почти блаженным выражением на лице, дыхание ее — настоящее, живое — было ровным и неглубоким.

Утром Дуг совершил вылазку на рынок, чтобы купить самые необходимые вещи и запастись приличными продуктами, которые можно было приготовить в его маленькой кухне. На рынке он заметил Джо Хопкинса из бригады копателей. Дугу не хотелось чем-либо спугнуть волшебство этого утра, и он решил незаметно обойти его стороной, но не преуспел.

Джо явно хотел поговорить и припер Дуга к стенке. В руке у него была бутылка бурбона, и сжимал он ее с таким видом, будто собирался ближайшее время использовать ее по назначению.

— Ночью на кладбище что-то произошло, — сказал он, перегоняя зубочистку из одного угла рта в другой. Оба ее конца были мокрыми и пожеванными. — После того как мы ушли. Когда сегодня утром мы туда вернулись, там все было вверх дном. Некоторые могилы раскопали, некоторые снова засыпали. По кладбищу как будто ураган пронесся. Мы потратили два часа на то, чтобы только вернуть все, как было вчера вечером.

— Что, какие-то вандалы постарались? — спросил Дуг.

— Не совсем. — У Джо была еще одна привычка: он постоянно поглаживал верхнюю губу указательным и большим пальцами, как будто для того, чтобы усы лежали ровной линией. У Дуга это вызывало нервозность, возбуждение, но Джо был слишком мускулист, чтобы нервничать рядом с ним слишком долго. — Я пробовал разобраться, почему... Ну, знаешь, почему это место вдруг стало казаться не то чтобы страшным, но каким-то угрожающим, что ли, каким вчера не казалось. Как будто надеваешь свои шмотки и вдруг чувствуешь, что кто-то *другой* носил их.

Тут Дуг вспомнил, как Мишель рассказывала, что мертвые слышат шаги живых.

— Я что хочу сказать: я не виню тебя за то, что ты ушел. После сегодняшнего я и сам думаю свалить. Нутро говорит мне: садись на мотоцикл и уезжай куда угодно, только подальше отсюда. И еще знаешь что? Джеки говорит, что вчера вечером встретил парня, с которым заканчивал школу. Они были в одной футбольной команде. Так вот, Джеки говорит, что тот парень четыре года назад погиб, разбился на машине. Но вчера вечером он *видел* его прямо у бара, как только ты ушел. И он не призрака какого-нибудь видел. Джеки не настолько напился. Потом, уже сегодня утром, Краньотти тоже говорил, что видел что-то такое же странное. Он клянется, что видел одного парня, когда ужинал в столовой. Знаешь столовую «По-домашнему»? Так вот, тот парень был вылитая копия Алдуса Чемпиона. Помнишь, это тот мэр, который умер в 2003 году? После него еще пришел этот идиот, как его...

— Брэд Беллингер, — вставил Дуг.

— Точно. Я давно тут живу, поэтому тоже его помню. Но дело не в этом. Краньотти проверил, и оказалось, что Беллингера сегодня не могут найти. Его нет ни дома, ни на работе, нигде. А Беллингер как-то связан с Коггинсом, гробовщиком. Заметил, как заглохло дело с водохранилищем Мальборо, когда мэром был Чемпион? Я даже на какую-то минуту подумал, что Беллингер его, ну, вроде как убрал, что ли. Но теперь Чемпион вернулся в город. Краньотти клянется, что тот парень, которого он видел в столовой, не просто на него похож, а он самый и есть. Я думаю, что кто-то кому-то хорошо приплатил, и водохранилище теперь начнет строиться. Только об этом лучше помалкивать. И вот в результате мы и перелопачиваем всю историю Трипл-Пайнс.

— И что все это значит? — Дугу действительно хотелось вернуться к Мишель. Видимо, он боялся, что она испарится, если ее надолго оставить одну.

— Не знаю, в том-то и дело. — Джо попытался засунуть руки в кармашки своего жилета, но потом передумал. — Не хватает у меня мозгов понять, что все это означает... Поэтому тебе и рассказываю, вдруг у тебя прозрение наступит. Еще тебе кое-что скажу. Сегодня утром мне стало страшно, а такого со мной не было не помню с каких пор.

— Мы оба здесь чужаки, — сказал Дуг.

— Все в нашей бригаде чужаки.

— Кроме Джеки.

— Джеки не опасен, потому что сам ничего не знает. И даже у него самого галлюцинации случаются о школьных друзьях. Слушай, у меня дома нет телефона, но есть

сотовый. Будь другом, позвони, если что-нибудь поймаешь, ладно?

— Без вопросов. — Они обменялись номерами, и Джо убежал в бар отдавать долг за вчерашнюю порцию успокоительного. Уходя, он бросил: — Береги себя, ковбой.

— Ты тоже.

Еду Мишель и Дуг готовили вместе. Потом они занялись любовью. Посмотрели вместе кино, которое оба видели раньше по отдельности. Снова занялись любовью. Несколько часов они смотрели в вечернее небо, пока не хлынул ливень, после чего вернулись в дом и продолжили заниматься любовью. И им не было никакого дела до отнюдь не благонравных поступков остальных обитателей Трипл-Пайнс в сотне световых лет от их любовного гнездышка.

Вся хитрость, по разумению Билли Моррисона, заключалась в том, чтобы найти побольше людей и запихнуть их в свою яму, как только проснешься. Вернешься. Воскреснешь. Да какая разница?

Он закончил трахать Ванессу Биллингс. «Биллить» ее, как сказал бы его дружок Вэнс Томпсон. Билли прекратил «биллить» цыпочек из старших классов три года назад, когда умер. А теперь он «биллил» Биллингс. Зашибись!

Билли, Вэнс и Донна Кристиансен умерли внутри его модифицированного «Босса 302» под песню «Власть толпы» группы «Блэк Сэббет». Он совсем недавно покрасил машину в серый цвет, поставил новый радиатор и купил сборник хэви-метал. Никто так и не понял,

почему машина разбилась недалеко от пригорода, известного как Римрок, и никто из властей даже пальцем не пошевелил, чтобы это выяснить, потому что Билли и его друзья-неудачники приехали из другого района города, терлись на свалке, на кладбище старых машин и (о чем не было известно шерифу Дики) на тайной лаборатории по производству крэка. Последним, что почувствовал Билли при жизни, было то, как сильно машина просела, когда отлетело левое переднее колесо. Ехали они с превышением скорости, и дорога, как обычно, была скользкой, словно майонез. Машину занесло; вылетев на обочину, она перевернулась и покатила по откосу вниз. Билли смутно помнилось, как Донна сложилась пополам и вылетела через ветровое стекло, прежде чем стойка руля пробила его грудь. Полный бак разбился и выплюнул извивающуюся струю бензина до самой дороги. Должно быть, сигарета Вэнса попала в нее, потому что превратившаяся в груды прессованного железа машина горела целый час, пока новый дождь не прибил пламя и кто-то на лесном складе не заметил дым.

В тот вечер они планировали приговорить бутылку водки в лесу, после чего Билли и Вэнс отымели бы Донну с обоих концов. Донна любила это дело, если ее хорошенько подпоить. Проснувшись через несколько лет в извлеченных из земли гробах, они первым делом решили закончить то, что собирались, как только найдут, что пить. Они зашли в придорожную лавку, известную как «Пивной магазинчик “Первая остановка”», и там Вэнс начал разбивать бутылки о голову хозяина магазина, пока тот не перестал дышать. Потом Донна сходила на двор, квадрат из деревьев и скамеек,

какие были возле каждой церкви в городе. Дворы были излюбленным местом сбора местных любителей травки, и Донна не сомневалась, что найдет пару-тройку бывших кавалеров среди шатающихся там наркош. К тому же теперь ее тело могло сгибаться под новыми необычными углами.

Билли искал и нашел Ванессу Биллингс, одну из тех соблазнительных штучек, которые танцевали в группе поддержки и никогда не стали бы иметь дела с таким, как он. Она закончила школу в 2002 году и до сих пор (до сих пор!) жила с родителями. Приятно было видеть, как отвисла ее челюсть, когда он предстал перед нею. «О господи, ты же типа умер!» Еще приятнее было держать ее за горло и дрючить, пока она не захрипела. Когда он вытаскивал Ванессу из дома, ее родители подняли шум, поэтому Билли их тоже убил.

В конце концов троица собрала так много свежих трупов для заполнения своих опустевших могил, что им пришлось угнать пикап, чтобы отвезти их на Холлимаунт. Скоро все их жертвы вернутся, и снова могло начаться веселье.

Никто из них не имел четкого представления о том, чем они должны заниматься. Все их поступки были вызваны скорее глубокой внутренней потребностью или неосознанным стремлением ощущать жар жизни, чтобы не вернуться к холоду смерти. И еще идеей обновить их могилы свежими телами. Билли всегда был скорее хитрым, чем умным. Глупые собаки быстрее учатся выполнять команды.

Больше всего Билли обрадовало то, что, закончив «биллить» Биллингс, он почувствовал, что остается на взводе. Видно, смерть получше «виагры» будет. Член

у него стоял всю ночь. И поскольку до утра еще было далеко, он начал поиск других девок, которых можно «отбиллить».

Солнце встало. Солнце село. Билли, думая об этом ритме, придумал рифму: «Черви делают свое дело». Гребанные черви. Как насчет «Черви жрут твоё тело»? Когда Билли лежал в могиле, его внутренности превратились в гигантский шведский стол для этих тварей, и он прочувствовал каждый укус. Теперь добрые вертикально стоящие жители Трипл-Пайнс ему за это заплатят, заплатят, заплатят.

День и ночь смешались, уступили место новым суткам, а в Трипл-Пайнс продолжали происходить невероятные события.

Над столовой «По-домашнему» розовый неоновый знак мигал словом «съесть» точно так же, как до того, как город начал перерождаться.

Помощник шерифа Ли Бичер (покойный) и Реанна (тоже покойная), как обычно, пришли на обед. На следующий день к ним присоединились шериф Дики (недавно скончавшийся) и новый помощник шерифа Джеймс Трейнор (в том же состоянии).

Ванесса Биллингс стала главной телкой Билла, так что теперь с новой девкой Вэнса и фраером Донны можно было собрать новую банду. Еще несколько дней, и они начнут бить окна и жечь дома.

А в баре у Каллахана Краньотти продолжал вербовать свежее мясо для бригады гробокопателей по мере того, как из нее выпадали изначальные участники. Мигель Айала продержался три дня, а потом сказал, что

нашел работу получше. Большой Бойд Купер задержался, потому что в душе был рационалистом, не расположенным к суеверным страхам или к чему-либо подобному, что могло бы помешать выполнить работу. Джеки Тайнан, похоже, заболел.

Джо собрал вещи и умчался на своем «Харли Дэвидсон панхэд» из города, так и не позвонив Дугу или кому-либо еще.

В доме Гаджеллов каждый день повторялся один и тот же ритуал: утром Конрой Гаджелл стегал кнутом голый зад своей вероломной супруги, а вечером Эллен Гаджелл убивала мужа, снова и снова, изо дня в день. Кровь, пропитывавшая внутренние стены их дома, не была эктоплазмой. Она продолжала собираться слой за слоем, пока дни сменяли друг друга.

Посреди ночи Дуг почувствовал себя скверно и совершил ошибку: измерил градусником температуру.

Восемьдесят семь и пять¹.

— Да, тебе будет немного холодно, — сказала из-за спины Мишель. — Неприятно. Наверное, перетрудился. А может, подхватил что-нибудь? Как ты себя чувствуешь? Тебе плохо?

— Нет, я... — Дуг запнулся. — Меня как будто выжали. Слабость какая-то.

— Когда мы занимались сексом, мне так не казалось.

— Прекрати! — Он резко повернулся. Дуг совершенно не хотел с ней ссориться. — Это серьезно. Что, если температура и дальше будет снижаться? Еще

¹ Примерно 30,8° С.

четыре-пять градусов, и я околею, как мороженая рыба. Черт, что происходит, Мишель? О чем ты мне не рассказала?

— Я не знаю, — ответила она, и в глазах у нее заблестели слезы. — Не уверена. Никто мне как-то не выдавал «Пособия для оживающих». Я боюсь, что если сделаю *следующее*, что должна сделать... Боюсь, я тебя потеряю.

Панический страх сжал его сердце.

— Что ты должна сделать?

— Я не хотела об этом говорить. Боялась начать разговор. Может, мне все это слишком нравится... То, что происходит между нами сейчас, в этом пузыре времени.

Он обнял ее. Она хотела отстраниться, но уступила ему.

— Просто... Расскажи. Расскажи, что бы это ни было. И мы вместе решим, как с этим быть.

— Это касается Рашель.

Дуг кивнул, к этому он был готов.

— Ты скучала по ней, я знаю. Но мы ничего не можем сделать. Мы не сможем объяснить ей, что происходит.

— Я хочу ее вернуть. — Голова Мишель поникла. Слезы покатались по щекам.

— Знаю, милая, знаю... Я тоже по ней скучаю. Я хотел, чтобы вы с ней перебрались ко мне. Отсюда мы могли бы уехать куда угодно, лишь бы подальше от этого гиблого места. Ведь никто из нас не любит этот город. Я решил, что со временем...

Она резко села на кровати, сложив руки на голых коленях.

— Я мечтала об этом. Все эти часы, дни. Чтобы все пошло иначе, и мы были бы вместе, и все вместе уеха-

ли бы. Было бы прекрасно, если бы ты был просто средством для достижения этой цели, ну, знаешь, просто очередным мужчиной, которым можно манипулировать. Было бы прекрасно, если бы мне было на тебя наплевать. Прекрасно, если бы я тебя не любила...

— Мне пришлось объяснить Рашель, что ты умерла. Тут уже ничего нельзя изменить. Но ты посмотри на это с такой стороны: Рашель с твоей матерью, а она показала мне милой, доброй женщиной.

Когда она подняла на него взгляд, ее глаза горели.

— Ты ничего не знаешь, — отчеканила она ледяным голосом. — Милая, добрая бабушка Фарриер? Да она долбаная садистка! Сейчас она, наверное, уже какую-нибудь порнуху с Рашель снимает.

— Что? — разинул рот Дуг.

— Она — кусок дерьма, больной на всю голову. Она с самого начала хотела забрать у меня Рашель. Я из дому сбежала при первом же случае, а когда родила Рашель, дала себе слово, что эта сука никогда не получит мою дочь. А ты просто... отдал ее ей.

— Подожди, Мишель...

Она перебила его:

— Нет... Нет, ты не виноват. Она всегда умела себя преподнести. Это маска. Но дома, внутри семьи все было по-другому. Ты видел эту маску. Как и Рашель. Пока ты не попадешь в ее когти, она — сама святость. На самом деле она чудовище, которое нужно было отправить в могилу десять лет назад. Уж я-то это знаю как никто... Она изнасиловала меня горячим стеклянным членом, когда мне было девять.

— Господи боже! Почему ты об этом раньше не рассказывала?

— Когда раньше? До этой минуты или до того, как я умерла? Дуг, я ведь умерла, не зная, какой ты хороший. Я тогда думала, что уже не смогу заниматься любовью ни с кем и никогда. Я думала только о том, как мне придется переезжать с Рашель с места на место, чтобы она нас не нашла.

Дуг вытер полотенцем ладони, которые покрылись потом от волнения, но все так же оставались холодными как лед и почти перестали ощущаться. Он должен был развеять ее страхи, найти выход из этого положения, чего бы это ни стоило, как Бойд Купер, который заканчивал работу любой ценой.

— Хорошо. Я поеду и верну ее. Мы что-нибудь придумаем.

— Я не могу тебя просить об этом.

— А то поехали вместе, а? Представь, что будет с твоей матерью, когда она увидит тебя!

— В этом-то и сложность, Дуг. С самого начала это было главной проблемой. Я не могу отсюда уехать. Никто из нас не может. Если мы покинем город... Если любой из нас выйдет за пределы Трипл-Пайнс...

— Ты имеешь в виду меня и тебя? Или бывших обитателей Холлимаунтского кладбища?

Она кивнула. Из глаз снова полились слезы.

— Я хочу, чтобы ты трахал меня. И хочу, чтобы любил. Я надеялась, что ты сможешь любить меня так сильно, что не будешь заставлять вернуться в эту яму в земле, как проклятые неудачники и остальные тупоголовые жители Трипл-Пайнс. Я хочу, чтобы ты поехал в Сан-Франциско и вернул мне дочь. Но если ты останешься здесь... Если уедешь и вернешься... Я буду тебя использовать. Дуг, я отнимала у тебя тепло, градус за

градусом. В конце концов ты умрешь, потом воскреснешь, и тогда ты тоже застрянешь здесь навсегда. Ты чужой в этом городе человек, но ты застрянешь здесь. И какими бы добрыми ни были чьи-либо намерения насчет Рашель, с ней случится то же самое. Я не могу умертвить свою девочку, и я больше не могу вредить тебе. Меня это убивает, но (смешно!) я не могу умереть. — Она обратила к нему заплаканное, полное безысходности лицо. — Понимаешь?

Мишель тоже не была местной. Но она умерла здесь и сделалась постоянным жителем городского кладбища. Население Трипл-Пайнс постепенно менялось. Мертвые вытесняли живых, пытаясь ввергнуть этот городок в трясины прежней незыблемой жизни, когда все одинаковы. То, что происходило в Трипл-Пайнс, должно было остаться в Трипл-Пайнс, и водохранилище Мальборо не сулило городскому сообществу ничего хорошего. Если бы его построили, оно стало бы обслуживать расположенные на берегу города, теперь Дуг это чувствовал нутром. При любых раскладах Трипл-Пайнс был идеальным местом для событий, подобных тем, что в нем происходили, потому что, даже если он исчезнет с лица земли, весь остальной мир этого не заметит.

За одним исключением. Что предполагало одно пугающее решение.

Пора валить отсюда. Пора что-то делать. Сейчас же.

— Как ты не понимаешь? — продолжила она. — Если ты не уедешь сейчас, ты уже никогда отсюда не уедешь. Беги, Дуг. Поцелуй меня на прощание и беги отсюда. Попытайся вспоминать меня с любовью.

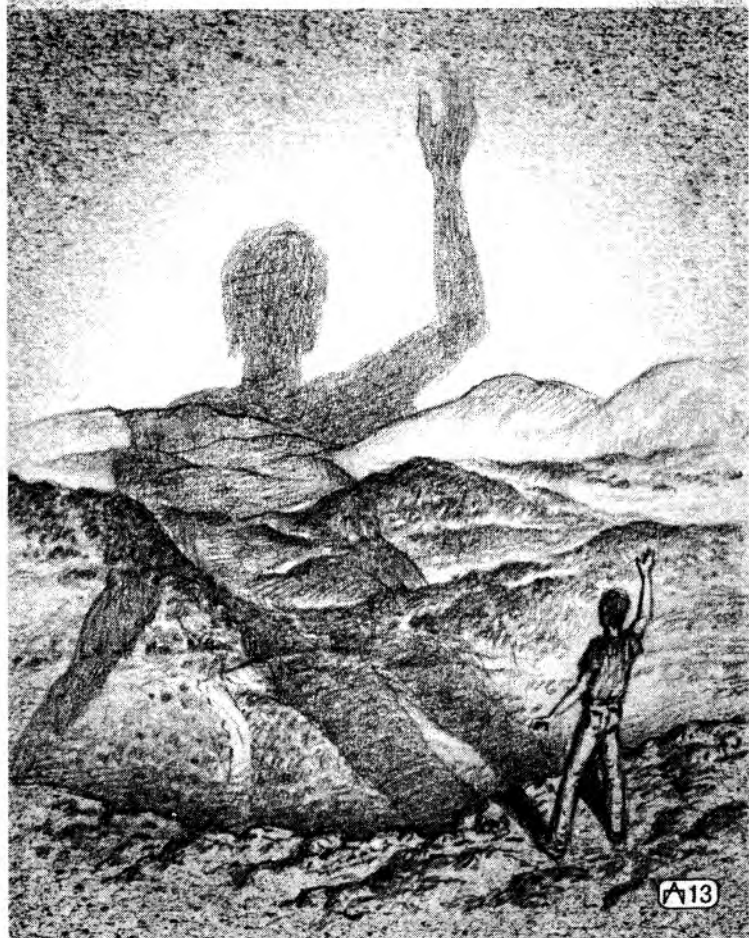
Сердце его разлетелось на осколки и сгорело, обратившись в пепел. Он поцеловал ее. На губах он ощутил

ее слезы, ее настоящий вкус. Без лишних слов он сунул в карман бумажник, вышел, сел в машину и поехал. Если не останавливаясь ехать на полной скорости, в Сан-Франциско можно быть уже через шесть часов.

Он мог забрать Рашель, похитить ее, если понадобится. Мог привезти ее сюда на верную смерть и вернуть матери. А потом и сам мог умереть. По крайней мере, он наконец будет с ними. Или же мог забыть обо всем и просто ехать.

Чем дальше он отъезжал от Трипл-Пайнс, тем теплее ему становилось.

Дон Тумасонис
ЗАБРОШЕННЫЙ

Однажды на острове Анафи после ночи излишеств Дон Тумасонис проснулся с готовой историей в голове. Разумеется, история эта была тут же записана.

Получив одобрение выживших после оргии друзей, которым он, стесняясь и робея, показал написанный отрывок, он вдруг осознал, что признание, власть, богатство, слава и любовь женщин, оказывается, не столь недоступны, как можно было предположить. Музу он нашел без труда, поскольку уже имел этот *sine qua non*¹ любого писателя — многострадальную жену. Две премии Международной гильдии ужасов, предложение работать в кино и премия Хоторндена последовали позже. Власть и богатство еще заставляют себя ждать, но он уверен, что три из пяти — это уже совсем неплохо.

Его повесть «Взмах» недавно была включена в антологию «На равных с мертвыми» издательства «Ash-Tree Press», редакторами которой выступили Барбара и Кристофер Роден. Другие проекты пока в работе.

«Когда-то я мечтал стать антропологом, — вспоминает Тумасонис. — В конце концов, я ведь не раз упивался в хлам дешевым вином, почитывая книги сэра Эдмунда Лича, что давало мне повод считать себя в высшей степени подготовленным для

¹ Здесь: необходимый атрибут (лат.).

этого занятия. Вдохновленный рассказами о путешествиях, я сосредоточил внимание на Северном Непале. Месяцы борьбы с тибетцами поставили крест на этой фантазии, и тогда я, вдруг став реалистом, отправился на Крит. Полевые работы в роскошных горах Сфакиона имели не большую академическую ценность. Раскайвшись, я дал себе обещание пересечь огромный остров с востока на запад пешком. Но, как можно догадаться, даже этому последнему начинанию было не суждено увенчаться успехом. Однако не все оказалось потеряно. Рассказ "Заброшенный" во многом основан на событиях, имевших место на разных этапах этого путешествия»

Стихия повергла этот странный край в хаос.

Признаки ее были видны повсюду, от прибрежного города на юге, где они остановились сначала, до северной деревушки, ставшей отправной точкой их похода. Сквозь запыленные окна их старого автобуса «мерседес» они повсюду видели развалины. Задержку вызвало продолжительное наводнение, закончившееся несколько дней назад. Машины до сих пор не могли попасть на мост, по которому проходила главная трасса, и им пришлось ехать кружным путем по старой дороге чуть дальше от берега.

Когда через два дня после наводнения Мартин и Марлин приехали на Крит, Иерапетра, эта деревня, возмнившая себя городом, все еще приходила в себя после того, как по ней прошел бурный поток, разрушивший улицы и вторгшийся в дома. Вокруг отделения Сельскохозяйственного банка все было усеяно бумагами и документами, они лежали на улице и на тротуарах, между камнями и кирпичами. Солнце сушило и скукоживало бумажные листы. Наполненный цветами римский саркофаг, служивший уличной клумбой, оставил белую паросскую печать на стоявшей рядом телефонной будке.

На этом острове ущелий и теснин наводнения случались часто, но последнее даже по местным меркам было просто чудовищным. Все началось с обычной последовательности событий. Сильнейшие осенние дожди смыли в ущелье сломанные деревья и ветки, где они перемешались с грязью и гравием, образовав в самом узком месте естественную дамбу. Прежде чем кто-либо

успел это заметить и что-либо предпринять, в ущелье собрались миллионы тонн воды, которая вскоре прорвала запруду и хлынула на город.

Погибла одна пара, их «фольксваген битл» унесло в море, и они утонули. Кроме них и еще одной пожилой женщины на уединенной ферме не погиб никто, что потом показалось настоящим чудом.

Но вода, вырвавшаяся с громадной скоростью из узкого глубокого ущелья над полем, унесла с собой все живое, когда за несколько губельных минут прокатилась волной по равнине и врезалась в море.

Через пару часов после заселения в номер, самый дешевый, который они смогли найти, с голым бетонным полом, эти двое последовали примеру остальных: вышли на улицу и стали осматривать последствия наводнения, пытаясь осознать чудовищные масштабы разрушений.

Толпы иностранцев из большого туристического комплекса недалеко от берега смешались с местными греками, которые шли из города на восток. Сотни людей в свете заходящего солнца группами и парами шагали вдоль берега, заваленного тем, что принесла сюда дождевая вода. Хотя прошло уже два дня, все были потрясены, и если разговаривали, то шепотом.

На дороге, пролегавшей вдоль гостиниц, теперь образовалась река. Люди переходили ее вброд рядом с бульдозером, пригнанным сюда расчищать территорию. На другой стороне на протяжении всего длинного пляжа лежали сотни трупов животных, как диких, так и домашних. Ящерицы гнили рядом с козами. Жалкие измочаленные овцы с замаранной шерстью валялись посреди веток. Змеи и, главное, куры, наполовину ушедшие в песок, были повсюду. Пусть это станет их памятником.

Вернувшись в гостиницу, пара занялась любовью. Потрясенные увиденным, они порядком напились, и все у них, женатых десять лет, прошло ярче, чем обычно.

Марлин, которая сидела на лежавшем Мартине лицом к его ногам, в стандартной порнографической позе наездницы, позволяющей видеть все самое интересное, наклонилась и положила руки на его лодыжки. Начали они лежа на спинах, она сверху. Свободные руки гладили ее, заставляли чувствовать себя слишком открытой и незащищенной, как будто она оказалась голой на улице, среди людей, с чужеродным предметом внутри. Она изогнулась, приподнялась, подалась вперед, и упомянутая выше поза стала естественным продолжением этого движения.

Единственная красная лампочка, свисавшая на коричневом проводе с потолка, наполняла комнату ярким кровавым светом. Ставни на окне были закрыты, отчего комната, и без того пропитанная влагой после наводнения, сделалась еще более влажной и прогрелась.

Совершенная безвкусица ситуации вдохновила Марлин на совершенно не характерное для нее неистовство. Отвечая на диалог тел, Мартин увеличился внутри нее до невиданных доселе размеров, и ему вдруг представилось, что он находится в самом дешевом борделе, где опытная и неразборчивая проститутка работает над ним за деньги. Красный свет придавал комнате нереальности, прямо как в фильмах Феллини или в каком-нибудь турецком лагере скорби, где бедных, лишившихся защитника молодых вдов, еще вчера уважаемых и замужних, бросают в самое пекло разврата, из которого нет спасения.

Лица Марлин не было видно, когда Мартин сжал ее гладкие, ровные, подпрыгивающие на нем ягодичы.

Идеальные округлости уже начали темнеть после часов, проведенных под критским солнцем, что очень шло ее веснушчатому телу, которое теперь, когда они натужно дышали, извивалось, как змея. Он крепко сжал эти полушария, боясь, что в экстазе она может попросту слететь с него.

Ее короткие рыжие волосы напоминали шлем и в малиновом свете казались очень темными. За несколько секунд до наивысшего наслаждения она впервые повернула голову и посмотрела через плечо. Ее острый подбородок выдался вперед («прямо как у рыбы-солнечника», — пришла ниоткуда мысль), глаза бешено сверкали. Но смотрела она не на него, а на что-то другое, за ним. Он не мог узнать ее. Перед ним было лицо совсем другого человека. При встрече на улице он бы даже прошел мимо.

Чем дольше он смотрел на ее бешеные глаза, тем более странной она ему казалась, пока вовсе не превратилась из женщины, жены, которую он давно знал, в самого дьявола. В миг оргазма, наступившего одновременно, иррациональный страх холодной стрелой пронзил его тело, но он, задыхаясь, закрыл глаза и перестал о чем-либо думать.

Страсть погасла, сознание ожило, Мартин увидел, как Марлин упала лицом вперед на его ноги. Он все еще находился внутри нее. Клейкая жидкость стекла по его промежности, потом по ягодицам и остыла на простыне. Марлин скатилась с него и легла на бок — глаза закрыты, на лице улыбка — и пробормотала что-то насчет того, чтобы снова выйти и прогуляться на ночь. Потом зевнула.

— Здесь когда-то спал Наполеон, ты знала это? Иерапетра по-гречески — «священный камень», — сказал он.

Марлин уже одевалась.

Когда их высадили за рядами машин, все еще ожидавших возможности пересечь старый узкий мост, они начали подъем от небольшого поселения, прилепившегося к крутому склону горы над береговой трассой более-менее перпендикулярно линии моря.

У верхней границы деревушки они запрокинули головы, чтобы окинуть взглядом цепь нависавших над ними гор.

Идея подняться в горы и обследовать внутренние территории острова пришла в голову ему. Эта экспедиция вписывалась в общий план пересечения острова с востока на запад. Сегодняшний переход соединит участки, пройденные в прошлом сезоне, и, таким образом, с Восточным Критом будет покончено, за что надо было благодарить доктора, который посоветовал ему это после второго связанного с работой нервного срыва.

Согбенные старухи, закутанные в черные одежды, заверили их, что они движутся в правильном направлении, что, впрочем, не гарантировало того, что это на самом деле так, потому что греки скорее умрут, чем признаются, что чего-то не знают, даже если не имеют ни малейшего представления о предмете разговора. Над ними возвышался обращенный к востоку склон циклопической горы. Два года назад они спустились по нему, и теперь им предстояла сверхзадача — найти исчезающий след.

Вскоре шум деревни остался внизу, постепенно делаясь тише и отдаленнее. На смену ему незаметно пришел шепот непрекращающегося ветра. Старая критская тропа извивалась, но неуклонно уходила вверх. Спустя примерно час подъема под набирающим силу солнцем они сделали привал на перевале, где находились остатки древней крепости минойских беженцев, которым пришлось подняться в горы, когда их цивилизация погибла. Пока Марлин готовила обед, Мартин обследовал частично раскопанные развалины.

Там не было почти ничего, кроме остатков безжизненных каменных стен и следов раскопок, которые еще в двадцатые годы проводили здесь то ли немцы, то ли итальянцы: он не запомнил, что говорилось в путеводителе. С северной стороны открывался ошеломляющий вид на Эгейское море с невидимым в окутавшей горизонт легкой дымке вулканическим островом Тира.

Лишь одно отличало стремительно разрушающиеся останки древнего сооружения от любых современных руин — неглубокая, выбитая в толще скалы чаша, напоминающая небольшую садовую купель для птиц. Стенки ее в нескольких местах треснули, одна сторона была в темных пятнах.

Они поели, и, прежде чем продолжить путь, Мартин посмотрел на открывавшийся перед ним вид и без вступления заговорил:

— Знаешь, когда я рос в Рочестере, меня всегда раздражало небо.

— Как это?

— В нем всегда было что-то... неправильное. Понимаешь, о чем я?

— Не совсем...

— Сначала я думал, что это цвет. Тогда летом было потеплее, чем сейчас, или, по крайней мере, так кажется. В июле я ложился на траву на лужайке, растягивался и смотрел на небо. Облаков не было, и оно выглядело таким громадным и глубоким, что мне, когда я сосредотачивал на нем взгляд, казалось, будто я падаю в него. И вот тогда-то у меня создалось странное впечатление, что с этой огромной перевернутой чашей, в которую я летел, что-то *не так*.

— То есть?

Он умолк, и какое-то время не было слышно ничего, кроме ветра.

— Не знаю, как описать... Может, оно представлялось мне чужим, — продолжил он. — Тогда я думал, что все дело в том, каким ровным может быть его цвет при хорошей погоде в разгар лета. Эта мысль засела у меня в голове, но только лет в одиннадцать или двенадцать я впервые осознал это или, точнее, четко сформулировал, потому что позже я понял, что это ощущение давно сидит у меня в голове и я только выразил его словами... И я пришел к выводу, что ощущение это более общее. Оно могло возникнуть в любое время года, когда небо принимало другие оттенки. Все зависело от времени суток и температуры. Я даже иногда думал, что что-то неладно со мной. У меня развилось странное убеждение, что я *родился* со знанием того, как должно выглядеть настоящее небо. Ну, то есть раньше люди редко уезжали из тех мест, где выросли. Прирастая корнями к земле, они могли поколение за поколением привыкать к виду определенной широты и долготы, из-за чего любые вариации оттенка воздуха или положения солнца, отличные от того, что было пропечатано в их сознании, казались им странными.

Он помолчал.

— У некоторых животных в мозгу, как выяснилось, есть встроенные компасы, которые всегда указывают на север, так что... — Голос его стих, и они минуту молчали.

— Ты об этом раньше никогда не вспоминал. Если хочешь знать, — сказала Марлин с легкой улыбкой, — я считаю, что все это ерунда. — Она игриво толкнула его ногу.

Он слабо улыбнулся в ответ и продолжил:

— Мне потом тоже стало так казаться. Особенно когда я вырос и начал путешествовать. Сперва по соседним городам, потом по Европе и дальше. Думаю, мне казалось, что, если я найду правильное место, небо прояснится, все встанет на свои места и в мире воцарится покой.

Услышав это, она дружелюбно усмехнулась, но он не заметил этого.

— Знаешь, эта идея потом как-то раз вернулась ко мне, и я начал думать: что, если мы и в самом деле родом откуда-то из других мест? Может, даже с другой планеты? Какой-нибудь звездолет разбился на Земле миллионы лет назад, и потомки тех существ распространились по ней? Это объяснило бы наше уникальное место во Вселенной.

— А ДНК?

— Да, ты права. В точку. Всеобщее родство. Как только выводы из этого открытия проникли внутрь моего твердокаменного черепа, я отказался от этой идеи. Мы все находимся в том месте, в котором все и началось.

Они начали собирать остатки обеда. Он завернул бутылку с водой в полотенце, чтобы сохранить ее холод-

ной, она почистила нож и собрала продукты в рюкзак. Когда все было готово, они подняли рюкзаки и постояли под палящим солнцем, подгоняя ремни и застёжки.

Мартин оперся о посох *катсуни*, купленный в магазине, но изготовленный из древесины какой-то редкой местной породы карликового вяза. Эта штука хорошо помогала начинать разговоры в сельских районах.

— Наверняка это связано с чувствами больше, чем с чем-либо другим. С ощущением, что я не принадлежу этому месту. Как будто...

— Что?

— Как будто я предмет, заброшенный сюда случайно, против воли, как говорил тот немецкий философ. Оказавшийся в месте, которое не является моим настоящим домом.

— Понятно.

Мартин не осмелился даже намекнуть на то, что он почувствовал прошлой ночью: появившееся во время секса ощущение отчуждения заставило его вспомнить старую идею, к этому времени уже почти забытую.

Они продолжили подъем.

Спустя час-два они достигли верхнего края утеса. Плоский гребень, разделявший два пика, весь был покрыт высокими анисами, пришельцами из другого измерения. Мартин и Марлин остановились, чтобы передохнуть и насладиться открывшимся им потрясающим видом.

Море осталось далеко внизу, впереди лежала огромная каменная чаша, образованная голыми изорванными скалами. Впадина была частично обработана, и на ней можно было заметить несколько крошечных темных фигур, снимающих урожай с поля, и еще несколько

таких же темных фигур копошились в винограднике. Посредине впадины проходила грязная дорога.

Мартин, сам того не ожидая, вдруг обнял Марлин, и это было все равно что обнимать воздух.

След спустился в сухую котловину, полностью лишенную влаги, если не считать нескольких орошаемых участков, находящихся в самой ее глубине. По тропе шмыгали маленькие юркие ящерицы. Марлин и Мартин стали спускаться, держа курс на самый большой из домов — массивное здание с выбеленными стенами и навесом над порогом.

В тени стояли огромные пластиковые баки рыжевато-го цвета с черными крышками. Обычно в таких контейнерах держат вино, что давало надежду найти здесь *кафенион*. Надежду эту укрепило и то, что на пороге лежало несколько явно чужеродных походных рюкзаков. Их яркие цвета указывали на присутствие туристов или посетителей. Из дома, шлепая дешевыми пластиковыми вьетнамками по бетонному полу дворика, вышла крестьянка, женщина средних лет в черных одеждах с грязным серым передником. Она приветливо улыбнулась и покачала головой, что на Балканах обозначает вопрос. В глазах промелькнула тревога.

— *Ксени. Катсе, катсе*, — действительно произнесла она.

Получив приглашение, они сели на пару хлипких стульев с потертыми до дыр сиденьями.

— *Неро фелете?*

Мартин кивнул, и женщина ушла за водой. Пока она была внутри, Мартин посмотрел на рюкзаки, прислоненные к колонне, и узнал немецкую марку.

Женщина снова появилась, неся на подносе тыквенные семечки, фундук и несколько ярких карамелек. Два стакана воды довершали композицию.

Они предусмотрительно произнесли на греческом тост за здоровье женщины, прежде чем выпить холодную воду. Последовали неминуемые вопросы: откуда вы, чем занимаетесь, зачем приехали, есть ли у вас дети? Сочувственное кудахтанье при ответе «нет».

Эта формула в тот же самый миг, наверное, повторялась десятки раз по всему острову, когда туристы знакомились с местными греками. Если допрашивающий был мужчиной, вопросы задавались несколько другие: кто сколько зарабатывает, какой годовой доход? Деликатное прощупывание, сбор информации. Закидывание наживки и подсекание с единственной направленностью в сторону «чем этот человек может быть выгоден мне?».

Поток вопросов иссяк, как только стало понятно, что эта пара — простые люди, занятые обычным, хоть и малопонятным делом, путешествием ради самого путешествия. После этого Мартин воспользовался возможностью попрактиковаться в греческом и тоже задал несколько вопросов.

Нет, здесь нет *кафениона*. Заночевать негде. Вон та гора называется Эфендис Кристос. Люди, которые здесь находились, все были из деревни внизу, а сюда поднялись ухаживать за садами. Вечером они спустятся. Да, тут были другие туристы, немцы, они поднялись выше на гору.

У Марлин зрение было лучше, поэтому она увидела их первой. Красная точка, желтая и две синих — естественно-яркие цвета курток или свитеров наверху, у самой вершины, виднелись на головокружительной отвесной тропе.

«Они там провели весь день», — сказала женщина.

И как будто для того, чтобы подтвердить ее слова, с горы донесся звук далекого пения йодлем. «Развлекаются», — подумал Мартин.

Через какое-то время, когда в небе уже чувствовалось приближение вечера, расспросив женщину о дороге к следующей деревне, Мартин и Марлин продолжили поход. Они отправились по сухой земле на восток, спинами к солнцу, поднялись по одной тропинке, потом по другой и наконец вышли на третью, водораздел. Вокруг не было никого. Стояла полная тишина.

Они посмотрели вниз, на перешеек, пересеченный несколько часов назад, у подножия северного массива. По обеим сторонам к пыльной тропе, на которой они стояли, примыкали две равнины. За правой, метрах в ста над ними, темнел теперь уже не такой высокий кряж Эфендис. Дорога проходила уже почти вровень с длинным хребтом, и подняться на него теперь не составило бы труда.

«Как в театре теней», — подумал Мартин и почувствовал себя обманутым, когда понял, что представлявшееся таким трудным с одной стороны, с другой стороны оказалось столь простым. Это навело его на мысль об автоматах Декарта, которые ходили по улицам в длинных плащах, скрывающих механизмы внутри, неотличимые от остальных прохожих.

— Они и есть прохожие, — вслух произнес Мартин.

— Что?

— Нет, ничего. Просто задумался о горах.

Марлин рассмеялась. В смехе ее послышалась какая-то непривычная металлическая нотка.

— Эфендис Кростос. Господи! Они здесь, наверное, все турки, — сказала она.

— Она даже не знала, что это слово к ним пришло от их восточных соседей. Или они родственники?

Продолжая смеяться, Марлин предложила разбить лагерь. Если пройти еще немного, они по-прежнему смогут наблюдать за обеими равнинами, сами скрытые от глаз припозднившихся крестьян. Глубокая пустынная равнина, по которой им предстояло пройти завтра утром, открывалась далеко впереди и уходила направо. За ней виднелась широкая полоса южного берега.

Отойдя на несколько шагов от ухабистой тропинки, которая теперь местами проходила по голым камням, они развернули спальные мешки и матрасы. Потом, сидя на надувных подушках и не разговаривая, поужинали разогретым на походной газовой печке бульоном и бутербродами с сыром.

На удивление чистый и прозрачный воздух позволял рассмотреть каждую деталь даже весьма отдаленных объектов. Предметы в нескольких милях от них казались совсем близкими. Начавшие сгущаться тени уже заметно удлинились. Такую кристальную чистоту часто представляешь, но редко видишь воочию.

Мартина глодало смутное беспокойство, но, не в силах найти слов, чтобы выразить это чувство, он молчал.

— Ты чего?

— Ничего. Просто... Я не могу об этом говорить.

Помолчав, Мартин добавил:

— Правда, ничего серьезного.

И вдруг почувствовал, что глаза его без какой-либо причины неожиданно наполнились слезами. Быстро

встав, чтобы Марлин этого не заметила, он отвернулся и посмотрел на дорогу, по которой они пришли.

— Пройду немного назад. Хочу посмотреть, как удлинились тени.

Ответа не последовало, поэтому он неспешно двинулся через невысокие кусты, единственную растительность на этой лишенной деревьев земле, через безбрежную симфонию оттенков желтого, коричневого и черно-зеленого, пахнущую пряностями и экскрементами животных. На небе не было ни облачка.

Немного поднявшись по холму, он повернулся. Северные склоны Эфендис справа от него теперь погрузились в тень, но каждый предмет на неровной поверхности был прекрасно виден. Он почти слышал, как пыльно-пурпурные камни потрескивают, начиная остывать после непрерывной дневной жары.

Горы впереди и слева, как и долина между ними, были залиты светом, от которого разрывалось сердце, до того он был ясным, прозрачным и чистым. Марлин, маленькая и далекая, уже собрала походную посуду и теперь курила сигарету, обхватив руками колени и глядя в ту же сторону, что и Мартин, то есть спиной к заходящему солнцу.

А потом он увидел собственную тень. Сначала он засомневался в том, что это его тень, но потом пошевелился, и темный силуэт на земле повторил его движение. Огромная тень покрывала весь склон и простиралась на мили до самого конца долины. У него закружилась голова. Чтобы успокоиться, он развернулся и продолжил подъем, обхватив себя за плечи и делая глубокие вдохи.

Остановившись, медленно повернулся.

Тень, естественно, поднялась вместе с ним. В ровном свете она была выше изломанной линии громадной дальней гряды и покрывала немалую часть неба, которое все еще оставалось прозрачным.

Потрясенный Мартин медленно поднял руку, и ее тень затмила небесную лазурь почти до зенита. Дыхание его участилось, голова закружилась, к горлу подступил комок, и Мартина охватила паника. Он бросился со всех ног к жене, на склоне споткнулся, упал, разорвал брючину на колене и расцарапал ногу до крови, но не обратил на это внимания.

Она ждала, распростерши руки, ждала его, бегущего к ней, чтобы поймать, обнять. Он заплакал, не открывая глаз, когда она прижала его к себе, начала успокаивать и гладить, как потерявшегося ребенка.

— Не бойся, все хорошо, ты здесь, со мной... — нашептывала она.

— Но ты видела это? Ты видела? — повторял он снова и снова, но вместо ответа она только нежно гладила его. Наконец, продолжая дрожать всем телом, он высвободился из ее объятий.

Тени исчезли. Солнце наконец опустилось у них за спинами. Небо посерело над местом, где несколько минут назад мир уменьшился до размеров обувной коробки.

«Наверняка это что-то с глазами, — думал он, — дегенерация желтого пятна». Откуда еще взяться этим пятнам, которые летают вокруг? Прямо перед собой в воздухе он увидел тонкое, как нить, пятнышко и зажмурился, чтобы прогнать его. Когда он открыл глаза, висящая в воздухе струна сделалась больше, превратилась в толстую мерцающую веревку и теперь

извивалась перед ним, как темно-синий прозрачный пластиковый червь, вибрирующий с немыслимой скоростью. Он стал яростно сжимать и разжимать веки, но каждый раз, когда глаза открывались, крутящаяся синяя веревка виднелась все отчетливее, и его дыхание остановилось.

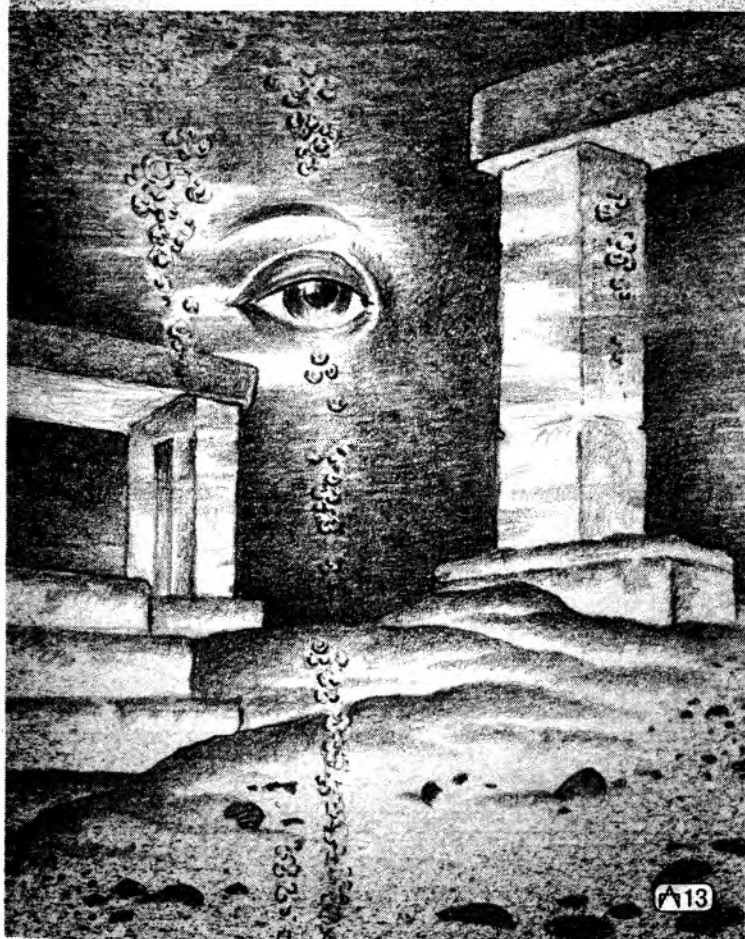
Онемев, он с открытым ртом повернулся к Марлин. Но это уже была не она, а ухмыляющийся демон с выпяченным подбородком, который прошлой ночью оглянулся на него. Сверкая зубами, это существо короткими отрывистыми движениями наклоняло голову то в одну сторону, то в другую, и маленькие блистающие, похожие на клинки лучи зеленого и синего света струились по нему, очерчивая силуэт.

В отчаянии Мартин последний раз повернулся и увидел теперь уже висевшее неподвижно образование. Его цвет, отметило подсознание Мартина, стал окончательным, но отличался от цвета воздуха. Он услышал за спиной: «да, да», но не узнал голоса.

Протянув руку, пустив в ход ногти, он развернул податливую штуку, и лишь один конец ее, поднятый в воздух, остался неподвижен.

Намотав ее на кулак и крепко сжав пальцы, он изо всех сил рванул холодный и влажный объект сверху вниз, и под аплодисменты жены, под блаженный рев разрываемой ткани и грохот раскалывающихся камней он вспорол скалы, от вершин до самого основания, и небо, предательское небо, которое — он всегда это знал — было неправильным.

Кэтлин Р. Кирнан
**ДОМА ПОГЛОЩЕНЫ
ВОЛНАМИ МОРЯ**

Кэтлин Р. Кирнан — многократный лауреат премии Международной гильдии ужасов и финалист Всемирной премии фэнтези.

Из-под ее пера вышли такие романы, как «Шелк», «Порог», «Низкая красная луна», «Убийство ангелов» и «Дочь псов», а рассказы были изданы в сборниках «Истории боли и удивления», «С далеких страннных берегов», «Алебастр» и «Чарльзу Форту с любовью». Сейчас она работает над новым романом «Джоуи Лафайе» и сборником научно-фантастических рассказов, которые выйдут в 2008 году. Писательница живет в Атланте, штат Джорджия, со своей партнершей — кукольным мастером Кэтрин Поллак.

«Рассказ “Дома поглощены волнами моря” был написан в феврале и марте 2004 года и стал моей третьей попыткой написать текст, повествование в котором ведется от первого лица, — рассказывает Кирнан. — Я долгие годы избегала этого по многим причинам, как вполне веским, так и довольно спорным. Но, применив этот прием в рассказе “Верхом на белом быке”, а потом в “Спасении”, я была достаточно заинтригована его возможностями, чтобы начать экспериментировать. Закончив “Дома поглощены волнами моря” — случилось это 5 марта, — я была настроена несколько скептически, и, как свидетельствует одна запись в моем интернет-журнале за 6 марта, я все еще билась

над его названием: "Если бы у меня был выбор, я его никак не называла бы. В большинстве случаев название у рассказа с повествованием от первого лица только отбивает охоту в него верить. Читатель должен поверить не только в то, что некий персонаж Икс сел и старательно записал для него свою историю, но еще и в то, что он дал ей название. А если он никак не называл свой рассказ, то кто это сделал? Автор? Нет, персонаж Икс и есть "автор", а заставлять верить в другое означает разрушать иллюзию правдоподобия". В конце концов я использовала для названия строчку из стихотворения "Ист Коукер" Томаса Стернза Элиота, поскольку она показалась мне подходящей, и стихотворение это было для меня одним из основных источников вдохновения».

I

Закрывая глаза, я вижу Якову Энгвин.

Я закрываю глаза, и вот она тут как тут, стоит одиноко в конце волнореза с туманным горном в руках над волнами, которые разбиваются в пену о нагромождение серых валунов. Октябрьский ветер треплет ее волосы, она стоит ко мне спиной. Подплывают лодки.

Я закрываю глаза, и она стоит посреди бурунов на Мосс Лендинг, вглядываясь в бухту, в то место, где континентальный шельф, сужаясь, превращается в длинную узкую полосу и уходит в черную бездну каньоном Монтерей. В воздухе кружат чайки, ее волосы собраны сзади в хвостик.

Я закрываю глаза, и вот мы вместе идем по Кэннери-роу, направляясь к аквариуму. На ней платье в клеточку и ботинки «Док Мартенс», которым, пожалуй, уже лет пятнадцать. Я говорю какую-то бессмыслицу, но она меня не слышит, потому что сердито смотрит на туристов, на стерильную жизнерадостную абсурдность здания компании «Креветка Бубба Гамп» и фабрики «Макрель Джек».

— Раньше здесь был публичный дом, — говорит она, кивая на «Макрель Джек». — Кафе «Одинокая звезда»,

но Стейнбек¹ назвал его «Медвежий стяг». Все сгорело. Теперь здесь ничего не осталось от той эпохи.

Она говорит так, будто это происходило на ее памяти. Я закрываю глаза.

И ее снова показывают по телевизору: она на старом волнорезе в Мосс Пойнт, это тот день, когда был запущен подводный телеуправляемый аппарат «Тибурон II».

А вот она в Монтерее, на складе на Пирс-стрит; мужчины и женщины в белых халатах прислушиваются к каждому ее слову. Они ловят каждый слог, каждый ее вздох, их глаза похожи на выпученные глаза глубоководной рыбы, впервые увидевшей солнечный свет. Изумленные, испуганные, восхищенные, растерянные.

Все они растеряны.

Я закрываю глаза, и она направляет их в бухту.

Эти существа набросились на баррикады
И направились к морю².

Все эти отдельные воспоминания так разобщены и так связаны, что я никогда не смогу разложить их по полочкам и составить внятное повествование. Было бы тщеславным заблуждением считать, что я могу превра-

¹ Джон Эрнст Стейнбек (1902—1968) — американский прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1962). Его роман «Консервный ряд» (1945) повествует о жизни обитателей промышленного района Монтерее. В романе упоминается заведение «Медвежий стяг». (Примеч. ред.)

² Слова из песни «Belong» группы «Р.Е.М.».

тить в обычный рассказ то, что произошло. А даже если бы и мог, никто не стал бы читать такое, *такое* я бы никогда не продал. Си-эн-эн и «Ньюсуик», «Нью-Йорк таймс», «Роллинг стоун», «Харперс» — все уже и так знают, что думать о Якове Энгвин. Все уже знают то, что хотят знать. Или чего не хотят знать. В этих головах она уже заслужила место в зале славы культа смерти, втиснутая где-то между Джимом Джонсом¹ и сектой «Врата рая»².

Я закрываю глаза и слышу, как она произносит: «Огонь с небес, огонь на воде», она улыбается; я знаю, что она говорит о пожаре 14 сентября 1924 года. В этот день молния ударила в один из резервуаров вместимостью 55 тысяч галлонов, принадлежавших Объединенной нефтяной компании, и в небо взмыла огненная река. Черные облака заслонили солнце, и огонь с голосом урагана обрушился на консервные заводы. Это был голос демонов. Она наконец-то завязала шнурки на ботинках.

Я сижу здесь, в этом мотеле, в темной комнате, глядя на экран ноутбука, чистый прямоугольник, светящийся жидкокристаллическим светом, и набираю какие-то ненужные слова, составляю из них витиеватые предложения, жду, жду, жду и не знаю, чего жду. Или просто боюсь признаться себе, что совершенно точно знаю, чего жду. Она превратилась в моего персонального при-

¹ Джеймс Уоррен Джонс — американский проповедник, основатель религиозной организации «Храм народов», последователи которой совершили в 1978 году массовое самоубийство. (*Примеч. ред.*)

² «Врата рая» — религиозная секта, последователи которой совершили массовое самоубийство в 1997 году. (*Примеч. ред.*)

зрака, а те, кого посещают призраки, всегда находятся в ожидании.

— В обители Посейдона она построит залы из кораллов, стекла и костей китов, — говорит она, и толпа на складе разом вдыхает и выдыхает, как единое изумленное существо. Каждое из слившихся в едином порыве тел сделалось меньше того, каким было раньше. — Там, внизу, в ее дворцах, в бесконечной ночи ее колец, вас ждет покой.

— «Тибурон» — это по-испански акула, — говорит она, и я отвечаю, что не знал этого, что два года учил испанский в старших классах, но это было все равно что тысячу лет назад, и теперь все, что я помню, это *si i por favor*.

Что там за шум в дверях? Наверное, сквозняк. Что там за шум? Почему он так шумит?

Я снова закрываю глаза.

Море многогласно.
Богато богами и голосами¹.

— Пятое ноября 1936 года, — говорит она, и это первая ночь, когда мы занялись сексом, долгая ночь, которую мы провели вместе в обшарпанном отеле в Мосс Пойнт. В такие места рыбаки приводят проституток. В этом месте она и умерла. — Консервная компания

¹ Строки из поэмы Томаса Стернза Элиота «Бесплодная земля» (перевод Я. Пробштейна)

«Дель Мар» сгорела дотла, и никто не пытался обвинить в этом молнию.

Сквозь занавески на окнах пробивается лунный свет, и мне на какой-то миг представляется, что ее кожа сделалась переливчатой, как перламутр, как многоцветное маслянистое пятно. Я протягиваю руку и касаюсь ее обнаженного бедра, она зажигает сигарету. Воздух наполняется дымом, густым, как туман или забвение.

Следы от моих пальцев остаются на ее теле, она встает и подходит к окну.

— Увидела что-то? — спрашиваю я, и она медленно качает головой.

Я закрываю глаза.

В лунном свете различимы ломанные круговые шрамы, начинающиеся на обеих ее лопатках и достигающие середины спины. Их десятка два или даже больше, но я никогда их не пересчитывал. Некоторые не больше монеты, но некоторые по меньшей мере два дюйма в длину.

— Когда меня не станет, — говорит она, — когда я закончу здесь все свои дела, они начнут спрашивать тебя обо мне. Что ты им скажешь?

— Смотря что они будут спрашивать, — отвечаю я и смеюсь, думая, что эти ее разговоры об уходе — очередная странная шутка. Я ложусь и смотрю в потолок.

— Всё, — шепчет она. — Рано или поздно они спросят тебя обо всем.

Что и случилось.

Я закрываю глаза и вижу ее, Якову Энгвин, сумасшедшего пророка из Салинаса, вижу жемчужины ее глаз, вижу мидии и сердцевидки, вижу ее живую; она

стоит на коленях на песке. Солнце поднимается у нее за спиной, и я слышу шаги людей, приближающихся по дюнам.

— Я скажу им, что ты классно трахалась, — говорю я. Она затягивается сигаретой и продолжает смотреть в ночь за окнами мотеля.

— Да, — говорит она. — Этого я от тебя и жду.

II

Впервые я увидел Якову Энгвин (я имею в виду, впервые увидел воочию), когда вернулся из Пакистана и прилетел в Монтерей, чтобы прочистить мозги. У одного моего друга фотографа здесь была квартира, сам он улетел в командировку в Японию, и я решил, что могу залечь здесь на пару недель, а то и на месяц, уйти в запой и снять напряжение. Мои одежда, багаж, кожа и все вокруг до сих пор пахли Исламабадом. Я больше полугода провел за морем, выискивая реальные и воображаемые связи между мусульманскими экстремистами, европейскими посредниками и пакистанской ядерной программой, пытаюсь оценить масштабы ущерба, причиненного предприимчивым Абдулом Кадыром Ханом, отцом пакистанской атомной бомбы, разнюхивал, что именно и кому он продавал. Все уже знали (или по крайней мере думали, что знали) о Северной Корее, Ливии и Иране, но американское правительство подозревало, что в список его покупателей входила также «Аль-Каида» и другие террористические группы, несмотря на

заверения генерал-майора Шуката Султана в обратном. Я вернулся с головой, забитой мыслями о конце света, словами из языка урду, антииндийской пропагандой и поэзией машаих, намереваясь освободить ее от всего, кроме скотча и запаха моря.

Была среда, ясный и теплый для ноября в Монтерее день. Я решил погулять и подышать свежим воздухом. В первый раз за неделю принял душ, потом пообедал в «Сардин Фэктори» на Уэйв-стрит (дандженский крабовый ремулад, свежие устрицы с хреном и жареная на гриле камбала-ерш в лимонном соусе, в которой, на мой вкус, было слишком много тимьяна). После ресторана мне вздумалось сходить в аквариум. В детстве, которое прошло в Бруклине, я часто ходил в аквариум на Кони-Айленде. И спустя три десятилетия мало что из того, что человек способен сделать на трезвую голову, могло меня успокоить так же быстро. Расплатившись по чеку картой «Мастеркард», я прошел по Уэйв-стрит сначала на юг, потом на восток до Прескотта, после чего свернул на Кэннери-роу. Теперь справа от меня оказался сверкающий залив, а над головой раскинулось бледно-голубое, как на картине маслом, осеннее небо.

Я закрываю глаза, и события того дня перестают быть чем-то произошедшим три года назад, чем-то таким, что в моем изложении звучит как идиотская лекция о путешествиях. Я закрываю глаза, и это происходит сейчас, в первый раз, и я вижу ее перед собой. Она сидит одна на длинной скамейке перед аквариумом с лесом водорослей внутри. Ее худое лицо поднято к покачивающемуся высоко наверху за стеклом живому балдахину, тени рыб и водорослей проплывают по ее лицу. Я узнаю ее, и это удивляет меня, потому что ее лицо до этого

я видел только по телевизору и на фотографиях в журналах, да еще на суперобложке книги, которую она написала до того, как потеряла работу в Беркли. Она поворачивает голову и улыбается мне так, как улыбаются человеку, которого знают всю жизнь.

— Вам повезло, — говорит она. — Сейчас как раз начнут кормить рыбу. — И Якова Энгвин похлопывает по скамейке рядом с собой, приглашая меня сесть.

— Я читал вашу книгу, — мямлю я, усаживаясь, потому что все еще слишком удивлен, чтобы говорить о чем-либо другом.

— Да? В самом деле? — Теперь она смотрит на меня с недоверием, как будто я говорю это только из вежливости, и по выражению ее лица я понимаю: ее немного удивляет то, что кто-то пытается ей льстить.

— Да! — восклицаю я слишком горячо. — Некоторые места я даже перечитал два раза.

— И зачем вам это понадобилось?

— Честно?

— Честно.

Ее глаза такого же цвета, как вода за толстыми стеклянными стенками аквариума, как ноябрьский солнечный свет, прошедший через соленую воду и бурые водоросли. Возле уголков ее рта и под глазами пролегают тонкие складочки, отчего она кажется старше своих лет.

— Прошлым летом я летел из Нью-Йорка в Лондон, и нас на три часа посадили в Шенноне. Ваша книга была у меня с собой, и, кроме нее, мне нечего было читать.

— Какой ужас, — говорит она, продолжая улыбаться, и снова поворачивает лицо к большому резервуару с водой. — Хотите, чтобы я вернула вам деньги?

— Это был подарок, — отвечаю я. Это неправда, но я сам не знаю, зачем обманываю ее. — Моя бывшая подруга подарила мне ее на день рождения.

— Из-за этого вы ее бросили?

— Нет. Я бросил ее, потому что она думала, что я слишком много пью, а я думал, что она пьет слишком мало.

— Вы алкоголик? — спрашивает Якова Энгвин с таким непринужденным видом, будто интересуется, предпочитаю я кофе с молоком или без.

— Ну, можно сказать, люди думают, что я двигаюсь в этом направлении, — отвечаю я. — Но книга понравилась мне, правда. Поверить трудно, что вас из-за нее уволили. То есть, что людей вообще могут увольнять за то, что они пишут книги.

Но я знаю, что это тоже ложь. Я не настолько наивен, и совсем не так уж сложно понять, как или почему «Пробуждение Левиафана» поставило крест на академической карьере Яковы Энгвин. В книжном обзоре журнала «Нейчер» ее называли «самым непоследовательным и нелепым примером сочетания плохого знания истории с еще худшим знанием науки со времен дела Великовского»¹.

— Меня уволили не из-за того, что я написала книгу, — говорит она. — Меня вежливо попросили написать заявление, из-за того что я собиралась ее опубликовать.

— Но почему вы не боролись?

¹ Иммануил Великовский (1895—1979) — врач и психоаналитик, создатель нетрадиционных теорий в области истории, геологии и астрономии, не принятых научной общественностью и вызвавших в США скандал, названный «делом Великовского». (Примеч. ред.)

Улыбка ее немного тускнеет, а складочки вокруг рта как будто становятся чуть глубже.

— Я сюда пришла не для того, чтобы обсуждать свою книгу или бывших работодателей.

Я извиняюсь, и она говорит, чтобы я не брал в голову.

В аквариум погружается аквалангист в неоновом-черном неопреновом гидрокостюме, оставляя за собой шлейф серебряных пузырьков, и почти все рыбы поднимаются в ожидании к нему или к ней: стая перуанских кабрилий и гладкие леопардовые акулы, толстоголовый губан и скорпена, другие рыбы, которых я не узнал. Она больше ничего не говорит и увлеченно наблюдает за кормлением рыб, а я сижу рядом с ней на дне фальшивого океана.

Открываю глаза. На мониторе передо мной только слова.

После той встречи я не видел ее почти год. За это время, когда по работе мне пришлось вернуться в Пакистан, потом в Германию, а потом в Израиль, я перечитал ее книгу. Также я прочитал кое-какие ее статьи и рецензии и еще нашел в Интернете интервью, которое она дала сайту Уитли Стрибера¹ «Неизвестная страна». Затем я наткнулся на статью об инуитской археологии, которую она написала для «Фейт», и задумался: в какой момент Якова Энгвин решила, что обратного пути нет, что терять больше нечего и потому нет

¹ Уитли Стрибер (род. в 1945) — американский писатель. По его утверждению, в 1985 году был похищен некими пришельцами. На основе этого опыта написал ряд книг, первая из которых, «Контакт», стала бестселлером № 1 в 1987 г. по версии газеты «Нью-Йорк таймс». (Примеч. ред.)

смысла становиться частью того темного агрессивного мира всевозможных уфологов, приверженцев конспирологии и исследователей паранормального, который был готов с радостью принять ее в свое лоно?

Еще я подумал: а может быть, она с самого начала была одной из них?

III

Сегодня утром, проснувшись после долгого и мучительного сна, в котором я видел шторм и тонул, какое-то время я лежал неподвижно в кровати, прислушиваясь к похмелью и глядя на прогибающийся, покрытый пятнами сырости потолок моей мотельной комнаты. И наконец я признался себе, что это будет совсем не то, что я должен был написать и чего от меня ждали в газете. Я даже не знаю, хочу ли я писать для них. Разумеется, они ждут грязи, а я никогда не стеснялся копаться в дерьме. Последние двадцать лет я только то и делал, что рылся в выгребных ямах за деньги. Думаю, не имеет никого значения, что я люблю ее или что большая часть этой грязи — моя. Я не могу притворяться, что работаю исключительно из душевного благородства, или из преданности, или даже из какого-то эгоистичного и запоздалого беспокойства о своей запятнанной репутации. Я бы написал то, что они хотят, если бы мог. Если бы знал как. Мне нужны эти деньги. Последние пять месяцев я не работал, и мои сбережения уже на исходе.

Но если я не буду писать для них, если я оставил все надежды получить заветный чек, почему я сижу здесь, почему мои пальцы бегают по клавишам ноутбука? Я что, пишу исповедь? Благослови меня, святой отец, ибо я не могу забыть? Или я думаю, что это можно выbleвать из себя, как виски из желудка? Что это поможет остановить ночные кошмары или наполнит покоем дни? Искренне надеюсь, что я не настолько глуп. Кем бы я ни был, мне все же хочется думать, что я не идиот.

Вчера вечером я снова посмотрел запись. У меня есть все три версии: та, которая до сих пор гуляет по Интернету; та, которая заканчивается сразу после удара по подводному роботу, до того как его огни снова зажглись; та, которую МИПИ (Монтерейский институт подводных исследований) предоставил прессе и научному сообществу в ответ на версию, циркулирующую в Интернете. А еще — неотредактированная, «сырая» версия, которую я купил у одного инженера-робототехника, утверждавшего, что он находился на борту исследовательского судна «Вестерн флайер» в тот день, когда произошел инцидент. Я заплатил ему две тысячи долларов, и парень клялся, что это полная и настоящая запись. Я знал, что был не первым его покупателем. Узнал я об этом от одного знакомого из химической лаборатории Калифорнийского университета в Ирвайне. Не знаю, откуда у него эта информация, но из его рассказа я понял, что тот техник наладил неплохой бизнес, продавая свой нелегальный товар всем, кто был готов заплатить наличными.

Мы встретились в мотеле № 6 в Эль Каджоне, и я просмотрел всю запись от начала до конца, прежде чем отдать ему деньги. Все то время, пока я смотрел кассету,

перематывал и смотрел снова, он сидел спиной к телевизору.

— Зачем это? — спросил он, ломая руки и с тревогой глядя на плотные шторы, которые я задвинул, прежде чем включить взятый напрокат видеомэгнитофон. Яркое полуденное солнце пробилось в щель между ними и разделило тонким лучиком его лицо пополам. — Эй, ты что, думаешь, если посмотришь два раза, там что-то изменится?

Не берусь подсчитывать, сколько раз я смотрел эту запись, не меньше пары сотен раз так точно, и до сих пор считаю, что задал ему тогда правильный вопрос:

— Почему МИПИ скрывает это?

Он рассмеялся и покачал головой.

— А сам-то как думаешь?

Парень взял деньги, еще раз напомнил, что мы никогда не встречались и что он будет отрицать все, если я попытаюсь назвать его своим источником, а потом сел в свой древний разваливающийся «фольксваген микробус» и уехал, оставив меня с полуторачасовой цветной записью, сделанной где-то у основания каньона Монтерей. На ней было все, что увидела бортовая камера подводного телеуправляемого аппарата «Тибурон II» (портовая панорамная камера в тот день была неисправна) в двадцати милях от берега и в трех километрах от поверхности воды. С самого начала я понял, что ближе к ответу уже не подойду и что вопрос оказался другим, гораздо более страшным.

Прошлой ночью я выпил больше, чем обычно, *намного* больше, чем обычно, и впервые почти за месяц пересмотрел запись. Только на телевизоре я оставил картинку и выключил звук.

Даже пьяный я все равно трус.

Дно океана, ярко освещенное шестью 480-ваттными металлогалогенными лампами «Тибурона II», покрыто бархатным ковром серо-коричневого осадка, принесенного Элхорн-слау и другими реками и ручьями, впадающими в залив Монтерей. И даже на такой глубине видны признаки жизни: офиуры и крабы, прилипшие к камням цвета дерьма, губки и морские огурцы, извивающиеся гладкие тела пучеглазых макрурусов. Местами темные обнажения породы выступают из-под ила, как кости из-под гниющей плоти прокаженного.

Мой зануда редактор высмеял бы меня за последнее сравнение, увидел бы его, захохотал и сказал бы что-нибудь наподобие: «Если бы мне захотелось красоты, я купил бы горшок фиалок». Но мой зануда редактор не видел записи, которую я купил у инженера.

Мой зануда редактор никогда не встречался с Яковой Энгвин, никогда не слышал ее рассказов, никогда не трахал ее, не видел шрамов у нее на спине и страха в ее глазах.

«Тибурон II» подплывает к каменистому месту, где дно резко уходит вниз, и медлит на краю, повинуясь командам из контрольной комнаты на «Вестерн флайер». Через пару секунд «морской снег» становится таким густым, что рассмотреть что-либо сквозь свет, отражающийся от опускающихся на дно белых хлопьев, становится практически невозможно. Я, сидя на полу между кроватью и телевизором, едва не протягиваю руку и не прикасаюсь к экрану.

Едва.

«Там всего понемножку, — слышал я, как рассказывала Якова, хотя мне она никогда не говорила ничего подобного. — Ил, фитопланктон и зоопланктон, сажа, слизь, диатомеи, фекальные катышки, пыль, песчинки и комки глины, радиоактивные осадки, пыльца, нечистоты. Некоторую часть морского снега составляют даже частицы межпланетной пыли. Что-то прилетает к нам со звезд».

«Тибурон II» чуть наклоняется вперед и проплывает несколько футов, потом осторожно соскальзывает с обрыва, начиная медленный спуск в новую, неизвестную прежде бездну.

«Мы проплывали над этим участком никак не меньше десяти раз, — рассказывала Натали Биллингтон, главный пилот «Тибурона II», корреспонденту Си-эн-эн, когда об интернет-версии записи впервые заговорили в новостях. — Но это понижение не зафиксировал ни один прибор. Каким-то образом мы все время его пропускали. Я знаю, что такой ответ нельзя назвать удовлетворительным, но мы имеем дело с огромными пространствами. Каньон имеет в длину более двухсот миль. Можно что-то и не заметить».

Какое-то время — если быть точным, 15,34 секунд — видно только темноту, морской снег и несколько любопытных или испуганных рыб. Согласно отчету МИПИ, скорость вертикального погружения «Тибурона II» на этом отрезке составляла примерно тридцать пять метров в минуту, поэтому, когда он снова нашел дно, расстояние до поверхности воды увеличилось где-то на пятьсот двадцать пять футов. Теперь снова видно поверхность морского дна, но здесь нет даже признаков

ила, лишь нагромождение битых камней, поразительно чистых. На них даже почти нет обычного налета и подводной грязи. В кадре нет ни губок, ни морских огурцов, ни морских звезд, и даже вездесущий «морской снег» сыплется редкими хлопьями. Потом камера наползает на широкий плоский камень, который обычно называют «Дельта-камень». И это не похоже на знаменитое марсианское лицо или изображения астронавтов, которые фон Дэникен¹ нашел на предметах быта майя. Прописную Δ, вырезанную на гладкой поверхности плиты, ни с чем нельзя спутать. Края литеры такие четкие, такие чистые, будто ее нанесли только вчера.

«Тибурон II» парит над Дельта-камнем, озаряя светом это темное место. Я знаю, что произойдет дальше, поэтому сижу на месте и считаю в уме секунды. Как только я дохожу до тридцати восьми, «Тибурон II» рывком разворачивается направо, сигналив об ударе в левый бок. В тот же миг изображение пропадает, и на экране видно только белый шум. Следующие двенадцать секунд камера работала, но не записывала.

Досчитав до одиннадцати, я выключил телевизор и прислушался к ветру и шуму волн, разбивающихся о берег, дожидаясь, когда сердце перестанет вырываться из груди, а на ладонях и лице высохнет пот. Поняв, что меня не стошнит, я нажал на «извлечь», и видеомagneтофон выплюнул кассету. Вернув ее в голубую пластиковую коробку, я закурил и взялся за стакан, не в силах думать ни о чем, кроме Яковы.

¹ Эрих фон Дэникен (род. в 1935) — швейцарский писатель и кинорежиссер, уфолог, один из виднейших идеологов теории палеоконтактов. Написал множество книг, в которых приводил свидетельства влияния инопланетных пришельцев на древние цивилизации. (*Примеч. ред.*)

IV

Якова Энгвин родилась и выросла в большом викторианском доме своего отца в Салинасе, в паре кварталов от места, где родился Джон Стейнбек. Мать ее умерла, когда ей было восемь. Ни сестер, ни братьев у Яковы не было, и все ее ближайшие родственники, как по отцовской, так и по материнской линии, жили на востоке, в Нью-Джерси, Пенсильвании и Мэриленде. В 1960 году, через несколько месяцев после свадьбы, ее родители перебрались в Калифорнию, и отец устроился преподавателем английского языка в Кастровилл. Через полгода он эту работу бросил и нашел другую, в городке Соледад, где платили чуть-чуть больше. Несмотря на то что Тео Энгвин получил докторскую степень по сравнительной литературе в Колумбийском университете, у него не было научных амбиций. Работая в колледже, он написал несколько романов, хотя ни один из них тогда не нашел издателя. В 1969 году, когда его жена была на пятом месяце беременности, он уволился из Соледадской средней школы и уехал на север, в Салинас, где купил старый дом на Говард-стрит, для чего взял заем в банке и прибавил к нему аванс за свою первую книгу, мистический роман «Человек, который смеялся на похоронах» (издательство «Рэндом хаус», Нью-Йорк).

Все три выпущенные на сегодняшний день книги о Якове, о секте «Открытая дверь ночи» и о массовых самоубийствах на государственном пляже Мосс Лендинг упоминают романы Тео Энгвина лишь вскользь. Элинор Эллис-Линкольн в своей «Закрывая двери:

анатомия истерии» (издательство «Саймон энд Шустер», Нью-Йорк), к примеру, уделяет им всего один параграф, в то время как детству Яковы в ней посвящена целая глава. «Работы мистера Энгвина так или иначе остались практически незамеченными критиками и почти не принесли дохода, — пишет Эллис-Линкольн. — Из семнадцати романов, опубликованных им с 1969 по 1985 год, только два (“Человек, который смеялся для похорон” [*sic!*] и “Семь на закате”) еще в продаже. Заметно, что общий тон романов становится значительно более мрачным после смерти его жены, однако для самого автора книги никогда не были чем-то большим, чем хобби. Когда он умер, право распоряжаться его литературным наследием перешло к его дочери».

Также и Уильям Л. Вест в своей книге «Культ лемминга» (издательство «Оверлук пресс», Нью-Йорк) указывает: «Полные мистики и саспенса книги, которые выдавал на-гора ее отец, не могли не заинтересовать Якову в детстве, но она ни разу не упоминает о них в собственных сочинениях, даже в личных дневниках, которые были найдены в картонной коробке, хранившейся в шкафу в ее спальне. Сами книги, насколько мне удалось узнать, не представляют никакого интереса. Почти все они давно перестали издаваться, и найти их сегодня довольно сложно. Даже в каталоге публичной библиотеки Салинаса значатся только три издания: “Человек, который смеялся на похоронах”, “Претория” и “Семь на закате”».

За два года моего знакомства с нею на моей памяти Якова лишь раз упомянула о сочинениях отца, и то между делом, но у нее были собраны все его романы,

о чем не говорилось ни в одной статье о ней из тех, что видел я. Наверное, это не кажется чем-то таким уж важным, если ты не читал книг Тео Энгвина. После смерти Яковы я прочитал их все. У меня ушло меньше месяца на то, чтобы найти все семнадцать, в чем мне в первую очередь помогли интернет-магазины. Несмотря на то что Уильям Вест имел полное право называть эти романы «не представляющими интереса», даже поверхностное ознакомление открывает удивительные параллели между вымыслом отца и настоящей жизнью дочери.

Я потратил большую часть последних пяти часов на предыдущие четыре абзаца, пытаюсь заставить себя поверить, будто могу писать о ней так, как писал бы о ней журналист. Будто могу быть хотя бы немного объективным и отстраненным. Нет, конечно же, все это напрасно, и я трачу время впустую. После того как я просмотрел запись еще раз, после того как чуть не позволил себе досмотреть ее *до конца*, думаю, теперь мне захочется отгородиться стеной от воспоминаний о ней. Нужно позвонить в Нью-Йорк и сказать, что я не могу, не могу этим заниматься, пусть ищут кого-нибудь другого. Но после того, что я натворил с материалом о Мушаррафе, агентство может вообще от меня отказаться. Сейчас это для меня важно. Возможно, через день-два это пройдет, но пока важно.

Ее отец писал книги, которые не пользовались особой популярностью, и, хоть они не блещут слогом, в них, возможно, содержится ключ к пониманию того, что двигало Яковой и почему ее жизнь сложилась так, как сложилась. Вот так просто и противоречиво. Как и все, что

связано с «культом лемминга», как окрестили в народе «Открытую дверь ночи», как стали называть это сообщество люди, которым проще смириться с трагедией и ужасом, если в них есть доля абсурдности. Во всем, что связано с ней, кажущееся важным и значимым в следующую секунду может показаться совершенно бессмысленным. Хотя возможно, что так кажется только мне одному. Быть может, я слишком много требую от этих книг.

Отрывок из книги «Претория» («Баллантайн букс», 1979), с. 164—165.

Эдвард Хортон стряхнул пепел с сигары в большую стеклянную пепельницу на столе.

— Не люблю море, — сказал он и кивнул на окно. — Если честно, я даже звука его не выношу. Мне от него кошмары снятся.

Я прислушался к прибою, не сводя взгляда с потолка и с серых завитков дыма, которые клубились вокруг его лица. На меня звук волн всегда производил успокаивающее воздействие, и я задумался о том, который из бесчисленных секретов Хортон объясняет его отвращение к морю. Я знал, что он одно время служил на флоте в Корее, но также был уверен, что в боях он не участвовал.

— Как тебе спалось ночью? — спросил я, и Хортон покачал головой.

— Дерьмово, — ответил он и снова затянулся сигарой.

— В таком случае, может, стоит подумать о том, чтобы переселиться подальше от берега?

Хортон кашлянул и ткнул жирным пальцем в сторону окна бунгало.

— Думаешь, я бы этого не сделал, если бы сам решил? Она хочет, чтобы я был здесь. Хочет, чтобы я сидел вот здесь, на этом самом месте, и ждал ее. Днем и ночью. Она знает, как я ненавижу океан.

— К черту, — сказал я и потянулся за шляпой, устав от его общества и вони его тлеющей «маканудо». — Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти. Не обращай внимания на сны, ведь это всего лишь сны, не более.

— Этого мало? — спросил Хортон, и по выражению его лица я понял, что он был бы не против, если бы я задержался подольше, но знал, что он никогда в этом не признается. — Дьявол, этой ночью люди уходили в море, шли по песку рядами, как солдаты на плацу. Там их, наверное, миллион был. Как думаешь, что может означать такой сон?

— Хортон, такой сон не означает ничего, — ответил я. — Разве то, что тебе нужно поменьше острого есть на ночь.

— Как был ты говнюком, так им и останешься, — сказал он, и мне пришлось согласиться. Он пыхнул сигарой, а я вышел из бунгало в соленую ночь Санта-Барбары.

Отрывок из книги «Что притащила кошка» («Баллан-тайн букс», 1980), с. 231.

Вики так и не рассказала никому о снах, как не рассказала никому о мистере Баркере и о желтом «корвете». На радость или на горе, сны были ее

тайной. Иногда они казались ей чем-то неправильным, постыдным, даже греховным, как будто она нарушила Божьи законы или по меньшей мере законы человеческие. Однажды она чуть было не призналась мистеру Баркеру, где-то за год до того, как уехала из Лос-Анджелеса. Она уже даже заговорила о русалках, но он фыркнул и рассмеялся, из-за чего ей сразу расхотелось о чем-то рассказывать.

— Ну у тебя и фантазии, — сказал он. — Когда-нибудь тебе придется повзрослеть и перестать говорить о таких вещах, если хочешь, чтобы люди относились к тебе серьезно.

Поэтому больше она рот не открывала. Что бы ни означали эти сны, она никому не сможет объяснить их или даже признаться кому-либо, что видит их. Порой по ночам, не в силах заснуть, она лежала в кровати, глядя в потолок, думая о разрушенных замках под водой, о прекрасных утонувших девах с водорослями в волосах.

Отрывок из книги «Последний ростовщик Бодега-бэй» («Бентам букс», 1982), с. 57—59.

— Это было еще в пятидесятых, — сказал Фостер, закуривая очередную сигарету. Руки его дрожали, и он беспрестанно поглядывал через плечо. — Точно, в пятьдесят восьмом или в начале пятьдесят девятого. Я помню, что Эйзенхауэр был еще президентом, но не помню, какой год. Но я тогда еще торчал в Гонолулу, ага, возил вшивых туристов вокруг острова на «Сент-Крисе», чтобы они могли половить рыбу и сфотографиро-

вать чертов Килауэа. Катеришко мой доживал последние дни, но на воде еще держался, и, если знать, как с ним управляться, можно было по-пасть, куда тебе надо.

— Какое это имеет отношение к Уинки Андерсону и девушке? — спросил я, не скрывая нетерпения.

— Черт, Фрэнк, я же веду к этому. Являешься сюда, задаешь вопросы, хочешь, чтобы я тебе все объяснил, так хотя бы помолчи и послушай.

— Я не могу ждать всю ночь.

— Да, черт, а кто может, скажи-ка, а? Ну ладно, как я говорил, это было в пятьдесят девятом, и мы стояли где-то к северу от Молокаи. Старина Куп ловил рыбу на линии тысячи фатомов, а Джерри... Ты ведь помнишь Джерри?

— Нет, — ответил я, поглядывая на часы над баром.

— Ну да ладно. Джерри О'Нил всю дорогу точил ласы о здоровенном, на тыщу двести фунтов, марлине, которого за пару недель до этого подцепил какой-то мексиканский бизнесмен из Тихуаны. Про рыбу эту даже в газетах тогда написали. Короче, Джерри сказал, что мексиканец тот был плохим человеком, ну, вроде как несчастье приносил, что ли, и что нам лучше приглядывать за ним.

— Но ты только что сказал, что он поймал марлина на тыщу двести фунтов.

— Ну да, поймал. Этот сукин сын умел ловить рыбу, но он занимался какой-то дрянью, вроде испанского вуду, и бросал через оба борта катера золотые монеты. Ровно каждые пять минут. Как

заведенный, смотрел на часы и бросал. Золотые дублоны или еще какое дерьмо, не знаю. Купа это бесило. Мало того что мексиканец такое добро в воду выбрасывал, так он еще и бубнил что-то себе под нос не переставая. Куп говорит ему: заткнись, люди тут рыбу ловят, но тот знай себе бубнит, монетки швыряет да рыбу вытаскивает. Я потом видел один из тех дублонов. Там на одной стороне было выбито что-то похожее на осьминога, а на другой — звезда, как ее... Пентаграмма. Ну, ты знаешь, которыми ведьмы и колдуны пользуются.

— Фостер, все это чушь собачья. Мне нужно быть в Сан-Франциско в семь тридцать утра. — Я махнул бармену и бросил на стойку перед собой две мятых пятерки и доллар.

— Ты когда-нибудь слышал про Маму Гидру, Фрэнк? Этот тип сказал, что ей молился.

— Позвони мне, когда надоест чепуху молоть, — сказал я. — И я думаю, мне не нужно тебе напоминать, что детектив Берк не будет таким терпеливым, как я.

— Господи, Фрэнк, погоди секунду. Просто я так привык рассказывать, ты же знаешь. Начинаю с самого начала. Не люблю ничего за бортом оставлять.

Это лишь несколько примеров, которые может найти кто угодно, если не пожалеет времени на поиски. Но это далеко не все, уверяю вас. В моих книгах Тео Энгвина страницы густо исчерканы желтым маркером.

Все это оставляет больше вопросов, чем дает ответов.

Вы можете трактовать это как хотите. А можете вообще над этим не задумываться. Я думаю, какой-нибудь фрейдист найдет здесь обширное поле для исследований. Все, что было мне известно о Фрейде, я благополучно забыл еще даже до окончания колледжа. Наверное, мне было бы проще, если бы я мог приписать участь Яковы какой-нибудь эдиповой истерии, сказать, что это океан забрал ее, превратившись в ее воображении в великую праматерь, открывшую свои объятия, чтобы дать освобождение и прощение в смерти и разложении.

V

Выбрав улицу, я начинаю идти по ней, но потом не могу удержаться, сворачиваю и бегу со всех ног, поджав хвост. Воспоминания. Видеозапись МИПИ. Якова и детективы ее отца. Я лишь поцарапал ногтем поверхность и отдернул руку, чтобы не лишиться пальца. Я смешиваю метафоры так же, как смешиваю текилу и скотч.

Если, как писал Уильям Берроуз, «язык — это вирус из космоса», так кем, ради всего святого, была ты, Якова?

Эпидемия коллективного бессознательного. Чума веры. Вакцина от культурной амнезии, могла бы она сказать. И таким образом мы возвращаемся к Великовскому, который писал: «Человеческие существа, пережившие какую-либо катастрофу и лишённые воспоминаний о том, что произошло, считали себя сотворенными из праха

земного. Все знания о предках, о том, кем они были и в какое межзвездное время жили, стирались из памяти немногих выживших».

Сейчас я пьян и не понимаю, что пишу. Или понимаю слишком мало, чтобы это имело хоть какое-то значение. И все же вам эта часть будет интересна. Это нечто вроде рассказа в рассказе в рассказе, самородок, спрятанный внутри бесконечной матрешки моего сердца. Это может быть даже соломинкой, сломавшей спину верблюда моего разума.

Не забывайте, я сейчас не вяжу лыка, так что весь этот бред из последнего абзаца можно забыть. А можно и запомнить.

«Когда я стану смертью... Смерть — семя, из которого я вырасту». Это тоже написал Берроуз. Якова, ты станешь садом. Ты будешь беспокойным лесом водорослей. В дыре на дне океана лежит бревно, на котором написано твое имя.

Вчера днем, когда мне захотелось блевать от вида этих четырех вонючих стен, я поехал в Монтерей к складу на Пирс-стрит. Когда я был там последний раз, полицейские еще не сняли желтую ленточку «Место преступления. Не пересекать». Теперь здесь только большой указатель «Продается» и еще больший «Не входить». На спичечном коробке я записал название и телефон риэлтерской компании. Хочу спросить у них, что они будут рассказывать потенциальным покупателям о прошлом этого здания. Говорят, весь этот район в следующем году планируют модернизировать, так что в скором времени эти пустые здания будут превращены в лофты и кондоминиумы. Городское благоустройство не терпит пустоты.

Я припарковал машину ниже по улице от склада, надеясь, что никто не обратит на меня внимания, и особенно надеясь на то, что меня не заметит какой-нибудь проезжающий мимо полицейский. Шел я быстро, но не бежал, потому что бег подозрителен и невольно привлекает внимание тех, кто *выискивает* все подозрительное. Я был не настолько пьян, как мог бы, и даже не настолько пьян, как стоило, и занял свой мозг тем, что стал обращать внимание на незначительные мелочи на улице, на небо, на погоду. Мусор в траве и на гравии: окурки, пластиковые бутылки от напитков (из тех, что запомнил — «Пепси», «Кока-кола» и «Маунтин дью»), бумажные пакеты и стаканчики из ресторанов быстрого питания («Макдональдс», «Дель Тако», «Кей-эф-си»), битое стекло, неопознанные куски металла, ржавый автомобильный номер штата Орегон. Небо было мучительно голубым, тошнотворно голубым, и лишь очень высокие облака нарушали удушающее однообразие этих пастельных небес. Моя машина была единственной припаркованной на улице, живых существ тоже не наблюдалось. Были здесь только два мусорных контейнера, дорожный знак остановки и большая куча картонных ящиков, политых дождем достаточное количество раз, чтобы невозможно было определить, где заканчивается один и начинается другой. Рядом валялся автомобильный колпак.

Дойдя наконец до склада (склада, который стал храмом полузабытых богов, после чего превратился в место преступления, а теперь станет чем-то другим), прошел по узкому переулку, который отделял его от пустующего здания компании «Монтерей пенинсула шипинг» и другого склада (построенного в 1924 году).

В конце переулка должна быть дверь с ненадежным замком. «Вдруг мне повезло, — думал я, — и никто этого не заметил». Или заметил, но не придал значения. Сердце мое билось учащенно, голова кружилась (я изо всех сил старался обвинить в этом тошнотворный цвет неба), а во рту чувствовался металлический привкус, как от свежей зубной пломбы.

В переулке было холоднее, чем на Пирс-стрит. Возможно, это место всегда находится в тени и тепло никогда не проникает сюда. Дверь полностью оправдала мои ожидания, и трех-четырех минут возни с шаткой медной ручкой хватило на то, чтобы уговорить ее открыться. Внутри склада было темно и даже холоднее, чем в переулке, в воздухе стоял запах плесени и пыли, плохих воспоминаний и пустоты. Я немного задержался у двери, думая о голодных крысах и пьяных бездомных, о наркоманах, орудующих свинцовыми трубками, и о паутине с ядовитыми пауками. Потом сделал глубокий вдох и шагнул через порог из тени и прохлады в темноту и холод, и все земные угрозы остались позади. Все мысли улетучились у меня из головы, остались там одна лишь Якова Энгвин, ее облаченные в белое последователи (если можно их так назвать) и тот предмет, что я видел на алтаре, когда побывал здесь в первый и последний раз. Тогда здесь находился храм «Открытой двери ночи».

Однажды я спросил у нее об этом предмете, за несколько недель до конца, в последнюю ночь, что мы провели вместе. Я спросил, откуда он появился, кто изготовил его. Она долго лежала неподвижно, слушая прибой или просто решая, какой ответ меня удовлетворит. В лунном свете, проникавшем в номер отеля че-

рез окно, мне показалось, что она улыбается, но я не был в этом уверен.

— Он очень старый, — наконец произнесла она. К этому времени я уже почти заснул, поэтому, услышав ее голос, тряхнул головой, прогоняя сон. — Ни один живой человек не помнит, кто *изготовил* его, — продолжила Якова, — но я не думаю, что это имеет значение. Главное то, что он был изготовлен.

— Вообще, это довольно жуткая штука, — сонно промямлил я. — Ты же понимаешь это, верно?

— Да, как и распятие. Как и кровоточащие статуи Девы Марии или изображения Кали. Как и звероголовые боги египтян.

Я ответил примерно так:

— Да, только я не поклоняюсь никому из них.

— Божественное всегда ужасно, — ответила она и перекаtilась на бок, повернувшись ко мне спиной.

Секунду назад я находился в здании склада на Пирс-стрит, верно? А сейчас я лежу в постели с пророчицей из Салинаса. Но я не отчаиваюсь, потому что нет необходимости сосредотачиваться на чем-то, цепляться за ограничивающую иллюзию линейного повествования. Оно идет. Оно шло все это время. Как в четвертой главе «Последнего ростовщика Бодега-бэй» сказал Джоб Фостер: «Просто я так привык рассказывать, ты же знаешь. Начинаю с самого начала. Не люблю ничего за бортом оставлять».

Все это, конечно же, чушь собачья. Я подозреваю, что незадачливый Джоб Фостер знал об этом, и подозреваю, что я тоже об этом знаю. Задачей писателя является не «рассказывать все» и даже не решать, что включать в историю. Писатель должен решать, что исключать

из повествования. То, что остается, скудное частное этого грубого деления, — это и есть та химера, которую мы называем «историей».

Я не строю, я отсекаю. Любые истории, и те, которые рекламируются как правдивые, и те, которые признаются в обмане читателя, все они — вымысел, лишенный объективных фактов упомянутым выше актом отсекаания. Фунт мяса. Горка опилок. Осколки каррарского мрамора. И то, что осталось.

Проклятый человек в пустом складе.

Дверь я оставил открытой, потому что не решился запереть себя в этом месте. И уже сделал несколько шагов внутрь, громко скрипя ботинками по стеклу из разбитых окон, перетирая стекло в порошок, когда вспомнил о фонарике в кармане моей куртки. Однако его луч не помог сделать темноту менее удушающей. Единственное, что он сделал, — это напомнил мне об ослепительно белом луче металлогалогенной лампы «Тибурона II», устремленном на трещину в дне океана. «Ничего, — подумал я, — теперь, по крайней мере, я могу видеть, если тут есть что видеть, разумеется». И сразу же менее привычная мысль, а точнее, голос требовательно заинтересовался, на кой черт мне это понадобилось. Дверь открылась в узкий коридор с бетонными стенами, выкрашенными салатным цветом, и низким бетонным потолком, и я прошел небольшое расстояние до его конца (футов тридцать, самое большее тридцать пять) мимо пустых комнат, которые когда-то могли быть кабинетами, к незапертой стальной двери с выцветшей оранжевой табличкой: «Вход только для сотрудников».

— Это пустой склад, — прошептал я, выдохнув слова. — Всего лишь. Пустой склад.

Я знал, что это не так. Теперь уже не так. Совсем не так. Но подумал, что ложь успокоит мои нервы лучше, чем холодный и отчужденный свет фонарика у меня в руке. Джозеф Кэмпбелл¹ писал: «Начертите вокруг камня круг, и камень превратится в воплощение загадки». Или нечто подобное. Или это сказал кто-то другой, я не помню. Суть вот в чем: я знал, что Якова обвела кругом это место, точно так же, как обвела кругом себя, точно так же, как ее отец каким-то образом обвел кругом ее...

Так же, как она обвела кругом меня.

Дверь была не заперта, и за ней находилось просторное пустое чрево этого здания, гладкая цементная площадка, разграниченная стальными опорными балками. Солнечный свет проникал сюда через многочисленные окошки на восточной и западной стенах, хотя он был не таким ярким, как я ожидал. К тому же свет казался разбавленным несвежим воздухом. Я поводил лучом фонарика по полу перед собой и обнаружил, что кто-то закрасил сложные разноцветные рисунки, оставленные здесь членами «Открытой двери ночи». Толстый слой эмульсионной краски скрыл замысловатое переплетение линий, которые, как верила она, образуют мост, «*трубопровод*» — она употребляла это слово. Все видели фотографии этого пола. Но мне до сих пор не попало ни одной достойной. *Янтра*. Лабиринт. Извивающиеся, переплетающиеся морские существа, тянущиеся к далекому черному солнцу. Символы религий Индии, майя, чинуков. Точная контурная карта каньона Монтерей. Каждый из этих символов существовал

¹ Джозеф Джон Кэмпбелл (1904—1987) — известный американский исследователь мифологии, оказавший большое влияние на массовую культуру. (*Примеч. ред.*)

отдельно и одновременно являлся частью общей картины. Я слышал, что одна антрополог из Беркли пишет книгу об этом лабиринте. Возможно, она опубликует фотографии, которые сумеют передать его величественную красоту. Хотя, наверное, будет лучше, если она обойдется без них.

Наверное, кому-то стоит пустить ей пулю в лоб.

Это говорили и о Якове Энгвин. Но нравственным, думающим людям убийство почти всегда кажется немислимым до того, как наступает и заканчивается холокост.

Оставив открытой и эту дверь, я медленно вышел на середину пустого склада, где когда-то находился алтарь, к той точке, где на бархатных складках возлежало божественное чудовище Яковы. Я сжимал фонарик с такой силой, что пальцы на правой руке начали неметь.

За спиной раздался шаркающий скрипучий звук, похожий на шаги, и я резко развернулся, запутавшись в ногах и едва не рухнув на задницу, едва не выронив фонарик. Ребенок стоял футах в десяти-пятнадцати от меня, и мне было видно, что дверь, ведущая в переулок, теперь закрыта. Ей было никак не больше девяти или десяти лет. Изодранные джинсы, на футболке пятна грязи или чего-то такого, что в складской полутьме казалось похожим на грязь. Цвет коротких волос определить было трудно — то ли пшеничные, то ли светло-каштановые. Почти все лицо было скрыто тенью.

— Ты опоздал, — сказала она.

— Господи, детка, как ты меня напугала!

— Ты опоздал, — повторила она.

— Для чего опоздал? Ты что, следила за мной?

— Ворота уже закрыты. Они больше не откроются ни для тебя, ни для кого-либо другого.

Я посмотрел ей за спину, на дверь, которую оставил открытой. Она тоже обернулась.

— Ты закрыла дверь? — спросил я у нее. — А тебе не пришло в голову, что я оставил ее открытой нарочно?

— Я ждала, сколько могла, — сказала она, как будто это отвечало на мой вопрос, и снова повернулась лицом ко мне.

Тогда я сделал к ней шаг, возможно, два, и остановился. И в этот миг я испытал чувство или чувства, о которых столь упорно пишут сочинители рассказов ужасов, от Эдгара По до Тео Энгвина: почти болезненное покалывание по всему телу из-за поднявшихся волос на голове, на руках и ногах; ледяной холод под ложечкой; мурашки под кожей; расслабленные сфинктеры, сжавшаяся мошонка, застывшая в жилах кровь. Соберите хоть все клише, и все равно они и близко не передадут того, что я почувствовал, стоя там, глядя на девочку, на обращенные на меня глаза, в которых отражался свет из окон.

Всматриваясь в ее лицо, я испытал *ужас*, какого еще никогда не испытывал. Ни в зоне боевых действий под рев сирен воздушной тревоги, ни во время допросов, когда к моему виску или затылку прижималось дуло пистолета. Ни в ожидании результатов биопсии после обнаружения подозрительной родинки. Ни даже в тот день, когда она вела их в море, а я смотрел прямую трансляцию по гребаному Си-эн-эн, сидя в бруклинском баре.

И вдруг я понял, что девочка не зашла сюда следом за мной из переуллка и что она не закрывала дверь. Она была здесь все время. И еще я понял, что даже сто слов краски не смогут скрыть лабиринт Яковы.

— Тебе не нужно быть здесь, — произнесла девочка голосом Минотавра, далеким и печальным.

— А где мне нужно быть? — спросил я, и мое дыхание стало облачком пара в воздухе, который внезапно сделался холодным, как самая лютая зима или дно океана.

— Все ответы были здесь, — ответила она. — Все, о чем ты спрашиваешь себя, все, что не дает тебе заснуть по ночам, что сводит тебя с ума. Все вопросы, которые ты вводишь в свой компьютер. Я предлагала тебе их.

И тут послышался звук, похожий на плеск воды о камни, что-то тяжелое, мягкое и мокрое как будто поползло по бетонному полу, и я вспомнил предмет с алтаря, Мать Гидру Яковы, жуткую раздутую Мадонну бездны: ее щупальца и усики, черные выпученные глаза кальмара, червеобразный хоботок, выползающий из одного из отверстий на том месте, где должно находиться лицо.

Всемогущая бессмертная дочь Тифона и дракайны Ехидны — Урда Лернайя, прожорливая блудница всех беспросветных миров, сука-невеста и любовница отца Дагона, отца Кракена...

Я ощутил запах гнили и грязи, соленой воды и мертвой рыбы.

— Тебе нужно уйти, — настойчиво сказала девочка и протянула руку, как будто хотела провести меня к вы-

ходу. Даже в полумраке я рассмотрел полипы и морских вшей, угнездившихся на ее лишенной кожи ладони.

— Ты — заноза в моей душе. Навсегда. И она призывает тебя, чтобы довершить мою темноту.

И девочка исчезла. Она не растворилась в воздухе, ее просто *не стало* на том месте, где она только что стояла. А с ней пропали все звуки и запахи. Они не оставили после себя ничего, кроме тишины, вони обычного заброшенного здания, ветра, глядящего окна и углы дома, и уличных шумов, которыми наполнен мир, ждущий где-то за этими стенами.

VI

Я прекрасно понимаю, как звучит вся эта дичь. Не думайте, что я этого не осознаю. Просто теперь мне наплевать.

VII

Вчера, то есть через два дня после поездки на склад, я снова посмотрел запись МИПИ. На этот раз, когда она дошла до двенадцатисекундного пробела, я досчитал до двенадцати и не выключил телевизор, не отвернулся. Я зашел слишком далеко, чтобы позволить себе

подобную роскошь. Я уже видел столько... Видел столько, что не осталось ни одного повода отворачиваться, потому что там не может быть ничего страшнее того, что уже случилось.

Здесь нет ничего такого, чего я еще не видел.

Ошибка Орфея заключалась не в том, что он обернулся посмотреть на Эвридику и подземное царство, а в том, что он решил, будто может *спастись*. То же самое можно сказать о жене Лота. Если отвести глаза, это не изменит того факта, что на нас стоит печать.

После черного экрана снова появляется картинка, и сначала видны только большие камни, такие же, как раньше; камни, которые должны быть покрыты илом и живыми существами, по крайней мере, останками живых существ, но они ничем не покрыты. Странные чистые валуны. А еще линии и углы, которые не могли появиться на них в результате какого бы то ни было геологического или биологического процесса. Линии и углы, которые не могли быть ничем иным, кроме того, чем называла их Якова. Мне представляются развалины Парфенона или какого-нибудь другого разрушенного греческого или римского храма, орнамент, высеченный на антаблементах или фронтонах. Я вижу нечто созданное, а не случившееся, нечто такое, чему осознанно придали форму. «Тибурон II» очень медленно продвигается вперед — от полученного удара вышла из строя часть двигателей. Он перемещается неуверенно, вися в нескольких футах над дном. Вот его огни задрожали и начали тускнеть.

Я знаю, что после паузы видеозапись продолжается всего 52,2 секунды, после чего бортовая камера выключается окончательно. Меньше минуты, но я сижу на полу гостиничного номера, считаю — один... два... — и не

отрываю глаз от экрана телевизора. Робототехник из МИПИ, нервный малый, который продавал мне и всем желающим нелегальные копии своей записи, умер. Вечера вечером об этом упомянули в новостях на «Ченел 46», а сегодня утром «Монтерей геральд» на второй странице. Полиция говорит, что это самоубийство. Не знаю, как еще они могли бы это назвать. Его нашли висящим на нижней ветке сикомора недалеко от доков на Мосс Лендинг. Оба его запястья были разрезаны чуть не до кости. На шее у него висел кулон в виде кальмара, нанизанный на упаковочную проволоку. Один из его родственников рассказал журналистам, что в последнее время он страдал от депрессии.

Осталось двадцать три секунды.

Находясь на глубине почти двух миль, «Тибурон II» плохо слушается управления. Он ударяется об один из камней, после чего его огни перестают мерцать и как будто становятся немного ярче. Судно замирает, словно обдумывая следующий шаг. В тот день, когда он продал мне кассету, техник из МИПИ рассказал мне, что один из манипуляторов аппарата застрял между камнями и команда «Вестерн флайер» потратила два часа на то, чтобы его освободить. Два часа на дне океана в абсолютной темноте с погасшими фонарями.

Восемнадцать секунд.

Шестнадцать.

«На этот раз все будет иначе», — думаю я, как ребенок, который загадывает желание, чтобы его не наказывали. На этот раз я пойму, как это получилось, раскрою тайное взаимодействие света и тени, увижу механизм простой оптической иллюзии...

Двенадцать.

Десять.

В первый раз я подумал, что вижу что-то высеченное в камне или часть разбитой скульптуры. Нежный абрис бедра, сужающиеся линии ног, пара небольших грудей, сосок цвета гранита.

Восемь.

Но ее лицо... Не было никаких сомнений в том, что это лицо Яковы Энгвин. Ее лицо на дне океана, обращенное вверх, к поверхности, к небу и Небесам за всей толщей черной-черной воды.

Четыре.

Я закусываю губу так сильно, что чувствую вкус крови. Очень похожий на привкус морской воды.

Два.

Она открывает глаза, и это *не ее* глаза, а глаза какого-то морского создания, приспособившиеся к вечной темноте. Бездушные глаза рыбы-удильщика или мешкорота, глаза, похожие на чернильные озера, и что-то вылетает из ее открытых губ...

А потом картинка снова исчезает, и я смотрю на серо-черный шум на экране.

Все ответы были здесь. Все, о чем ты спрашиваешь себя... Я предлагала тебе все.

Позже — через час, а может, через пять минут — я нажимаю кнопку «извлечь», и кассета послушно выезжает из видеомэгнитофона. Я читаю надпись на этикетке, громко, чтобы удостовериться, что не ошибся, когда читал ее раньше, что продолжительность записи указана правильная. Все было так, как всегда, как накануне того дня, когда Якова дождалась на берегу в Мосс Лендинг членов «Открытой двери ночи». За день до того, как она повела их в океан. За день до того, как она утонула.

VIII

Я закрываю глаза.

И она снова предо мной, как будто никуда не исчезала.

Она шепчет мне на ухо какие-то пошлости, и дыхание ее пахнет шалфеем и зубной пастой.

«Протестующие требуют, чтобы Монтерейский институт подводных исследований (МИПИ) немедленно прекратил изучение подводного каньона. Они утверждают, что каньон является священным местом и что деятельность ученых оскверняет его. Якова Энгвин, бывший профессор университета в Беркли и лидер религиозного культа “Открытая дверь ночи”, сравнивает запуск нового подводного исследовательского аппарата “Тибурон II” с вторжением грабителей в египетские пирамиды». («Сан-Франциско кроникл».)

Я говорю ей, что должен ехать в Нью-Йорк, что не имею права упустить эту работу, и она отвечает, что, наверное, так будет даже лучше. Я не спрашиваю у нее, что она имеет в виду. Я даже не догадываюсь, насколько это важно.

И она целует меня.

Позже, когда мы закончили, я был слишком усталым, чтобы заснуть, и лежал, слушая море и тихие беспокойные звуки, которые она издавала во сне.

«Обнаружены тела пятидесяти трех мужчин и женщин, которые могли входить в религиозную группу, известную как “Открытая дверь ночи”; они утонули в среду возле пляжа Мосс Лендинг, Калифорния. Представители полиции называют произошедшее массовым

самоубийством. Сообщается, что всем жертвам от двадцати двух до тридцати шести лет. Власти опасаются, что еще как минимум два десятка человек могли погибнуть в результате этого ужасающего инцидента. Поиски тел продолжаются вдоль всего берега Монтерей Кантони». (Си-эн-эн.)

Я закрываю глаза и снова оказываюсь на старом складе на Пирс-стрит. Голос Яковы гремит из динамиков, укрепленных высоко на стенах похожего на пещеру помещения. Я стою в тени, в самом конце, среди истинно верующих, в стороне от приглашенных журналистов, фотографов и операторов. Якова говорит в микрофон, иступленная, злая и прекрасная — ужасная, думаю я, — и жуткий барельеф притаился на алтаре рядом с нею. Вокруг основания статуи аккуратно расставлены горящие свечи, курится фимиам, разложены букеты сухих водорослей, рапаны и мертвая рыба.

— Мы не помним, где это началось, — говорит она, — где *мы* начались. — И слова ее как будто увлекают за собой слушателей, как неистовый ветер гонит парусники. — Мы не помним. Конечно же, мы не помним, и они не хотят, чтобы мы даже *пытались* вспоминать. Они боятся, и в страхе своем они прячутся за темноту собственного невежества. О, как бы они желали и нас сделать такими же! Но тогда мы бы уже никогда не вспомнили ни сада, ни ворот, никогда бы уже не взглянули в лицо великим отцам и матерям, которые вернулись в пучину.

Все происходящее казалось чем-то нереальным, как и те нелепости, что она говорила, как и те люди в белых одеждах, которые ей внимали, и телевизионщики. Эта сцена даже менее реальна, чем сон. В помещении очень

жарко, мне плохо, меня мутит, и я думаю, успею ли дойти до двери, прежде чем меня стошнит.

Я закрываю глаза, и вот я в баре в Бруклине, наблюдаю за тем, как они уходят в море, и думаю: какой-то сукин сын стоит там с камерой, снимает их, и никто даже не пытается их остановить, никто и пальцем не пошевелит!

Я прищуриваюсь, и вот я сижу в офисе в Манхэттене, рядом люди, они задают мне вопросы, на которые я не могу ответить.

— Черт побери, ты спал с этой женщиной и понятия не имел, что она все это планировала?

— Да брось, ты должен что-то знать.

— Я слышал, они все поклонялись какой-то доисторической рыбной богине. Кто бы поверил в такое, если бы это не показали по телевизору...

— Люди имеют право знать. Ты же еще в это веришь, верно?

«Массовое самоубийство участников калифорнийского культа по-прежнему остается загадкой, однако следственные органы ищут ответы на персональных веб-страницах погибших. То, что они находят, можно назвать темной стороной всемирной паутины, местом, где плодятся и набирают силу самые причудливые идеи. Представители полиции заявляют, что следователями собрано уже немало материалов о группе, известной как “Открытая дверь ночи”, однако на то, чтобы понять истинную природу этого сообщества, могут уйти месяцы». (Си-эн-эн.)

Мои неуклюжие руки неуверенно движутся по ее обнаженным плечам, кончики пальцев скользят по лабиринту шрамов, и она улыбается мне.

Я стою на коленях в переулке, голова кружится, а ночной воздух пахнет блевотиной и морской водой.

— Впервые я услышал об этом от одной женщины, у которой брал интервью. Она была знакома с ее семьей, — рассказывает парень в футболке с принтом группы «Радиохэд». Мы сидим во двореике бара на Пасифик-гроув, и палящее солнце отражается белоснежными бликами на глади залива. Имя его не имеет значения, как и название бара. Он — студент из Лос-Анджелеса и пишет книгу об «Открытой двери ночи». Мой электронный адрес дал ему кто-то в Нью-Йорке. У него плохие зубы и соответствующая улыбка. — Это случилось еще в семьдесят шестом, за год до того, как умерла мать Яковы. Отец возил их на Мосс Лендинг каждое лето по два-три раза. Он многие из своих книг написал именно там. Но дело не в этом. Девочка прекрасно плавала, буквально не вылезала из воды, но мать не разрешала ей отплывать от берега далеко из-за того, что в том месте сильные отбойные течения. Там уже много народу утонуло, серфингистов и просто отдыхающих.

Он замолкает, делает пару глотков пива, потом вытирает со лба пот.

— Однажды, когда мать отвлеклась, она все же уплыла далеко, и течение затянуло ее под воду. К тому времени, когда прибыли спасатели, она уже не дышала. Девочка уже вся посинела, но они все равно начали ее откачивать, делать искусственное дыхание и массаж сердца, и в конце концов она очнулась. Потом Якову отвезли в больницу в Уотсонвилл. Доктора сказали, что с ней все в порядке, но все равно продержали ее у себя несколько дней для наблюдения.

— Она утонула, — произнес я, глядя на свое пиво. Я так и не сделал ни одного глотка. Капельки влаги на бутылке сверкали, как бриллианты.

— Технически да. Она не дышала. Сердце ее остановилось. Но *это* еще не самое странное. В больнице Уотсонвилла она постоянно рассказывала матери какие-то бредовые истории о русалках, морских чудищах и демонах, которые хотели утащить ее на дно, и говорила, что никакое течение ее не подхватывало. Она была напугана, думала, что эти чудовища все еще хотят ее заполучить. Мать уже собиралась идти к психиатру, но отец сказал: «Нет, у ребенка просто сильный шок, и все пройдет». А потом, на вторую ночь ее пребывания в больнице, там умерли две медсестры. Уборщик нашел их в подсобке в двух шагах от палаты Яковы. Вы не поверите, но мне удалось своими глазами увидеть свидетельства о смерти и отчет о вскрытии. Клянусь вам, это чистейшая правда.

Что бы ни последовало за этим, я не хочу этого слышать. Я знаю, что мне не нужно это слушать. Я отворачиваюсь и смотрю на яхту в бухте, покачивающуюся на волнах, как игрушечный кораблик.

— Они утонули. Обе. В легких у них было полно морской воды. Уму непостижимо, там пять минут до океана, а две женщины утонули в *чулане для швабр*.

— И вы об этом напишете в своей книге? — спрашиваю я его, не отрывая глаз от бухты и маленькой яхты.

— Естественно! — восклицает он. — Конечно напишу, это же было на самом деле, и я могу доказать это.

Я закрываю глаза, чтобы не видеть ослепительно яркий день, и жалею, что согласился с ним встретиться.

Я закрываю глаза.

«Там внизу, — шепчет Якова, — вас ждет покой, в ее дворцах, в бесконечной ночи ее колец».

И даже шторм здесь нипочем,
В этом тихом уголке под толщей вод¹.

Я закрываю глаза. О боже, я закрыл глаза.

Она крепко обнимает меня загорелыми руками и увлекает вниз, вниз, как безжизненное тело ребенка, угодившего в коварное течение. И я бы последовал за ней, последовал бы в тот же миг, если бы это был не только сон, не только горькое раскаяние неверующего, не только одиннадцать тысяч слов, брошенных пригоршней песка в океан. Я бы последовал за ней, потому что вокруг меня, как вокруг камня, ставшего воплощением тайны, она нарисовала круг.

¹ Строки из песни группы «Битлз» «В саду у осьминога» (перевод Е. Гальцова).

Дэвид Моррелл

ОНИ

13

Дэвид Моррелл — автор книги «Первая кровь», романа-бестселлера, в котором впервые появился знаменитый Рэмбо. В Пенсильванском университете он получил докторскую степень по американской литературе, какое-то время преподавал на отделении английского языка университета Айовы, но потом оставил это занятие, чтобы полностью посвятить себя карьере писателя.

«Тихий профессор с кровавыми фантазиями», как охарактеризовал его критик, Моррелл написал множество ставших популярными триллеров, в том числе «Братство розы» (по сюжету которого телеканал Эн-би-си снял успешный минисериал), «Пятая профессия» и «Смертный приговор» (действие последнего происходит в городе Санта-Фе, Нью-Мексико, где живет сам писатель).

Его рассказы появлялись во многих хоррор- и фэнтези-антологиях и журналах, в их числе «Шепот, тени, ночные видения» и серия «Повелители тьмы», а также журнал «Сумеречная зона», «Галерея ужаса Додда Мида», «Психо-тропы», «Исходное зло», «Темное сердце», «Метахоррор», «Откровения», «999: новые рассказы ужаса и саспенса» и «Красное смещение».

Два его романа были награждены премией Брэма Стокера Ассоциации писателей хоррора, а роман ужасов «Тотем», в котором возрождается к жизни старая легенда об оборотнях, был включен в серию

«Хоррор: 100 лучших книг». Отмеченный премией Стокера роман «Лазутчики» был назван «жанроопределяющим» из-за необычного соединения элементов триллера и хоррора. Последний изданный им на сегодняшний день роман называется «Мусорщик».

«Многие мои произведения так или иначе посвящены вопросу сохранения личности, — замечает Моррелл, — страху пройти по неправильному коридору, войти в неправильную комнату и увидеть опасно непривычную версию реальности. Часто эта тема реализуется на фоне красочных пейзажей. Много лет назад, читая историческую книгу об освоении американского Запада, я узнал, что по весне, когда земля начинала оттаивать, змеи иногда проваливались с покрытых дерном крыш в фермерские дома, пугая их обитателей. Этот образ мне запомнился и настойчиво просился в текст. Автор не уточнял, о каких именно змеях идет речь, но я знал, что это должны быть гремучие змеи, и знал, что они должны появиться в начале рассказа, как прелюдия к чему-то более страшному, что будет ожидать семью пионера. Но каким станет этот дальнейший ужас? Шли десятилетия, и ответ на этот вопрос все ускользал от меня, пока в прошлом декабре по равнине в Нью-Мексико, где я живу, не пронеслась снежная буря. Обычно вокруг своего дома во всех направлениях я вижу горы, но в тот ненастный вечер видимость исчезла практически полностью. Прислушиваясь к потрескиванию камина, я выглянул в окно гостиной. На закате снегопад казался еще более густым, но вдруг я заметил за окном быстрое движение, промелькнувшую тень, потом

еще одну и еще. А затем движение разом прекратилось. Возможно, это была всего лишь игра моего воображения. И все равно этот случай заставил меня поволноваться, и в результате сложная цепочка ассоциаций навела меня на мысль о последующем кошмаре, с которым в задуманной мною истории и пришлось столкнуться семье пионера Запада и в особенности одной храброй девочке».

Папа был умным. Весной, когда дерн на крыше начал оттаивать и в дом повалились змеи, он подвесил под потолком одеяла, чтобы ловить их. Больше всего там было сосновых змей, но иногда попадались и гремучие. Они издавали такие звуки, как будто кто-то тряс коробочку с зернышками. Папа сказал, что они после спячки еще сонные, поэтому он и не боялся к ним подходить. Каждое одеяло он свернул, вынес на дальний конец выгона и вывалил их извивающееся содержимое в наш ручей. Из-за того что в горах таял снег, вода в ручье поднялась, сделалась быстрой и унесла их с собой. На всякий случай папа запретил нам подходить к ручью ниже по течению от того места, куда он бросил змей. Мама хотела перебить их, но папа сказал, что они слишком сонные и не опасны для нас, а убивать то, что убивать незачем, нехорошо.

Змеи падали с потолка, потому что папа пристроил хижину к склону холма. На балки крыши он положил дерн и присыпал его сверху землей. Под такой крышей летом было прохладно, а зимой тепло. Еще она защищала нас от ветра, который носился по долине в плохую погоду. Со временем на ней выросла трава, но, пока земля наверху была мягкая, в ней любили прятаться змеи. Перед тем как упасть, змеи сначала шевелились, и мы всегда слышали этот звук. Это становилось предупреждением. И их было немного. И падали они только несколько недель весной.

Папа был очень умным, он делал самое лучшее мыло во всей долине. Все знали, как делать мягкое мыло. Для этого нужно полить водой золу, чтобы растворить в ней поташ. Потом пропустить воду через слой соломы, чтобы убрать из нее всю грязь. Добавить воду с поташом в кипящий животный жир. Дождаться, пока они остынут, и собрать пену. Это и будет мыло. Но на нашем участке имелось обнажение залежи соли, и папа стал экспериментировать: он добавил соль в кипящую воду и жир. Когда смесь остыла, она затвердела. Еще папа добавлял в мыло песок, и все думали, что в этом его секрет, но никто не мог изготовить твердое мыло, как у нас, потому что настоящий секрет был в соли. Папа взял с нас слово никому об этом не рассказывать.

Мы держали десять кур, лошадь, корову, овцу, собаку и кошку. Собака у нас была породы колли. И она, и кошка сами к нам пришли в разное время. Откуда они появились, мы так и не узнали. Еще мы разводили латук, горох, морковь, фасоль, картошку, помидоры, пшеницу и тыкву. Когда к нам на огород повадились кролики, нам пришлось построить прочный забор. Но птиц, которые клевали зерна, это не останавливало, поэтому папа выменивал твердое мыло на ткань и ставил навесы. Птиц они отпугивали, а кроликов, которые все равно пытались пробраться за забор, папа убивал. Он говорил, что их нужно убивать, чтобы спасти огород. К тому же их мясо очень вкусное, если его потушить.

Мы никогда не голодали. Папа вырыл под хижинной подвал, и всю зиму мы ели морковь, картошку и тыкву. Мама заготавливала на зиму горох и фасоль. Папа научил ее запечатывать воском крышки. У нас даже была

старая яблоня, которая росла там еще до того, как мы поселились в долине. Мама делала самые лучшие яблочные пироги, и яблок было столько, что хватало даже на зиму. Мы все работали. Папа показал нам, что нужно делать.

Жаркими летними ночами, когда они с мамой учили нас читать по Библии, мы иногда слышали вой в горах. *Ау-ау-ау-аууу*. Они были на луну. «Божьи собаки, — сказал как-то папа. — Так их называют индейцы». «Почему?» — спросила Джудит. «Потому что они почти невидимые, — ответил папа. — Только Бог может их увидеть».

«А как они выглядят?» — спросил Дэниел. «Глупый, — сказала я, — если только Бог их видит, откуда кто-то может знать, как они выглядят?» «Но пару раз люди их все же видели, — вставил отец. — Они коричневые. У них заостренные уши и хвосты с черными кончиками».

«А они большие?» — спросила Джудит, сидевшая у него на коленях. «Чуть больше Честера», — ответил папа. Так звали нашу собаку. «Весят они примерно тридцать фунтов, — рассказывал папа. — Они немного похожи на обычных собак, но отличаются от них тем, что во время бега хвосты у них опущены, а собаки бегают с поднятым хвостом».

«Похоже, *кто-то* хорошенько их рассмотрел», — сказала тогда я, и папа кивнул. «Я видел одну, давно, — сказал он. — До того как познакомился с вашей матерью. Я сидел один у костра. Она вышла из ночи и уставилась на меня из темноты с другой стороны костра. Наверное, ее привлек запах кролика, которого я жарил. Постояв там немного, она ушла. Но прежде чем раствориться

в темноте, обернулась и посмотрела на меня через плечо укоризненно, как будто винила в чем-то».

«Ты испугался?» — спросил Дэниел.

«Пора спать», — сказала мама и посмотрела на папу. «Нет, — сказал папа, — я не испугался».

Тогда было полнолуние, и вой доносился с холмов несколько часов.

На следующий год не пошли дожди. У остальных фермеров пересохли колодцы, и им пришлось сниматься с места. Но растаявшего снега с гор хватило, чтобы наполнить наш ручей, и этой водой мы поливали огород. Однако осинам на склонах этого было мало. Они совсем высохли, и бывало, что из-за молний начинались пожары. По ночам склоны гор озарялись красным мерцанием. В долину опускался дым. Джудит было трудно дышать.

Наконец пошел дождь. «Господь смиростивился», — сказала мама, наблюдая за тем, как ливень разгоняет дым и гасит огни в горах. Утром после первого сильного мороза в хижину вбежал Дэниел. Лицо у него было совсем белое. «Папа, идем скорее!» — закричал он.

Наша овца лежала посреди луга с растерзанным горлом. Живот ее был разодран. Кругом валялись окровавленные клочки шерсти. Остальные животные дрожали в стороне.

Я видела, как у папы на шее вздулись вены, когда он побежал на холм. «На ночь закроем корову и лошадь в загоне у хижины, — сказал он. — Тут еще осталось мясо. Рут, — обратился он ко мне, — сбегай домой, принеси топор и нож. Мы с Дэниелом разделаем тушу. Принеси ножницы, — сказал он маме. — Снимем с нее шерсть».

На следующий день утром папа велел нам сидеть дома, а сам пошел проверять оставшуюся живность. Не возвращался он долго. Мама то и дело подходила к нашему единственному окну. Я слышала, что папа во дворе копал землю. Когда он пришел, лицо у него было хмурое. «Кур больше нет, — сказал он. — Всех перебили. — Он повернулся к маме. — Остались только головы и перья. Тебе даже на суп не хватит. Я их закопал». «А яйца?» — спросила мама. «Нет», — ответил он.

Вечером папа зарядил ружье, надел куртку и пошел в сарай, где стояли лошадь и корова. *Ау-ау-ау-аууу*. Я посмотрела на потолок и прислушалась к вою. Но они были далеко. Эхо воя перекатывалось от одного края долины до другого. Когда на следующее утро папа вернулся, дул холодный ветер и срывался снег. Вид у него был усталый, но в голосе чувствовалось облегчение. «Похоже, они ушли», — сказал он, кладя ружье на полку. «Продадим мыло и купим новых кур», — сказала мама, подавая ему чашку кофе.

К полудню стало еще холоднее. Облака облепили горы. «Судя по всему, ранняя зима пришла», — заметил папа. «И слава богу, — сказала на это мама. — После такой засухи горам нужна влага. Ручью нужен талый снег». За ужином мы слышали, как во дворе заскрипело дерево и заржала лошадь. Папа бросил вилку и схватился за ружье, которое не разряжал. Мама протянула ему фонарь. В окно мы смотрели, как фонарь раскачивался из стороны в сторону в темноте, когда папа бежал к загону рядом с сараем. Продолжая бежать, он миновал забор. Светлая точка становилась все меньше и меньше, а потом и вовсе потерялась в темноте. Я прислушалась к ветру и вздрогнула от испуга, когда

раздался выстрел. После этого снова был слышен только ветер, разгонявший снег. Мама, всматриваясь в темноту за окном, что-то прошептала. Мне кажется, она сказала: «Прошу, Господи!» Мы ждали. «Рут, принеси Дэниелу куртку и фонарь, — сказала мне мама. — Он должен пойти проверить, не нужна ли папе помощь».

Но Дэниелу не пришлось никуда идти. «Смотрите», — сказала вдруг Джудит, приподнимаясь на цыпочки и показывая пальцем. Через окно мы увидели точку света. Она увеличивалась, раскачиваясь в руке папы. Когда он вошел, холод наполнил комнату. Джудит закашлялась. Папа запер дверь и поставил фонарь. «Что-то так напугало лошадь, — сказал он, — что она выскочила за ограду и попыталась убежать». «Попыталась?» — спросил Дэниел. «То, что напугало лошадь, поймало ее. Но там и есть особо нечего было. Когда я выстрелил, они убежали».

«Кто они?» — спросила я. «Не нужно пугать детей», — сказала ему мама. «Они должны знать, чтобы вести себя осторожно», — возразил папа. «Мы и так ведем себя осторожно», — сказала мама. «Нужно быть еще осторожнее», — снова возразил папа. «Кто они, папа?» — повторила я. «Думаю, я видел пятерых», — ответил он. Джудит закашлялась. «Кого? — спросил Дэниел. — Божьих собак? Они бежали с опущенными хвостами?» Папа кивнул и сказал: «Только теперь это собаки дьявола. Кажется, одну из них я ранил. Я нашел кровь на снегу. Но, может быть, это кровь лошади капала с их зубов».

Все сидели неподвижно. «Джудит, сходи за топором и ножом, — велел папа. — Мы с Дэниелом разделаем лошадь, пока они не вернулись». «Разделаем?» — пе-

респросила Джудит. «Мы что, будем есть лошадиное мясо?» — ужаснулся Дэниел. «Это просто мясо. — Когда зима приходит так рано, нам нужна вся еда, какую можно найти».

Окруженные темнотой, мы с мамой, дрожа, держали фонари, пока папа и Дэниел разделявали лошадь. Папа велел нам быть начеку и внимательно смотреть по сторонам, чтобы заметить, если *они* вернутся. Завернутое в одеяло ружье лежало рядом с ним. Только Джудит не работала. Ее была такая дрожь, что она не могла держать фонарь на холоде.

«Смотрите, какие следы лап на снегу», — сказал Дэниел. «Я видел, — кивнул папа. — Неестественные». Я оторвала взгляд от темноты и посмотрела на следы. Никогда не видела ничего подобного. Они были похожи на огромные капли растопленного воска. И все разного размера, большие, причудливые и беспорядочные. «Рут, следи за темнотой», — сделал мне замечание папа.

Мы сложили большие куски лошадиного мяса в джутовые мешки и понесли в яму, которую папа вырыл у хижины. Там уже лежало мясо овцы. Папа накрыл яму досками и придавил их сверху камнями. «При таком холоде мясо замерзнет и сможет пролежать всю зиму, — сказал папа. — По крайней мере, мы не умрем с голоду». «А как же корова?» — спросила мама. «Загоним ее на ночь в сарай», — ответил папа.

Вернувшись в хижину, мы увидели, что Джудит сидит у очага и кашляет. Огонь ревел, но она все равно никак не могла согреться. Лицо у нее покраснелось. «Кто-нибудь видел Честера?» — спросила она. Я задумалась. Последний раз собаку я видела еще утром. «И где

кошка?» — прибавила Джудит. Я посмотрела на остальных. Они хмурились. «Они что-то почувствовали и убежали?» — задумчиво произнесла мама. «Они должны были очень сильно испугаться, чтобы убежать», — сказал Дэниел. «Может, они и не убежали вовсе», — подумала я.

Ау-ау-ау-аууу. Мы повернулись к окну, в которое бил снег, и прислушались к вою. Они были совсем недалеко. «Заварю кофе. Согреемся», — сказала мама. *Ау-ау-ау.* Вой теперь звучал еще ближе. Папа перестал расстегивать куртку. «Лучше я побуду ночью в сарае с коровой», — сказал он.

До рассвета оставалось всего несколько часов. Из-за облаков и снега утренний свет казался серым. Пока Джудит кашляла, я выглянула в заледеневшее окно и увидела, как папа выходит из сарая, который был достаточно большим, чтобы вместить его, корову и тюки люцерны, сложенные у дальней стенки. Папа показался мне бледным. Напряженным. Плечи его поникли. Тогда я впервые подумала о нем как о старом человеке. Он осмотрелся по сторонам, держа наготове ружье. Потом помахал мне, чтобы я выходила доить корову и заниматься обычной повседневной работой.

День прошел незаметно. Вечером Дэниел пошел с папой в лес в самом конце долины, они собрали несколько вязанок хвороста и потащили их обратно. Ружье они захватили с собой. Я стирала и помогала тушить баранину, пока мама обтирала Джудит губкой, смоченной в талом снеге, чтобы уменьшить жар.

«Во всей долине только у нас дым из трубы поднимается», — сказал папа, когда они с Дэниелом вернулись. В окно было видно, что снова пошел снег. Снежинки лип-

ли на стекло. Мама оторвалась ото лба Джудит. «Должно быть, больше людей уехало, чем мы думали, — сказала она. — Кто знает, может, потому эти твари сюда и повадились». «После засухи и пожаров в горах не осталось добычи, — сказал папа. — И остальные фермы брошены. Во всей долине скотина только у нас осталась».

После ужина Дэниел надел куртку и взял с полки рухье. «Папа, ты две ночи провел в сарае, теперь моя очередь».

Ау-ау-ау-ау-аууу. В темноте я прислушалась к вою. Кашель Джудит все не унимался, и мама пошла делать чай из коры, который, как сказал папа, должен был уменьшить жар. Я услышала, как она тихо произнесла: «Может быть, и нам лучше было уехать».

Утром, перед самым рассветом, я, вздрогнув, проснулась от звука выстрела.

«У меня все хорошо! — донесся из сарая крик Дэниела. — Вышла луна, и я их заметил! Пять собак, как ты и говорил. Одна хромала! Наверное, та, которую ты ранил, папа. Я попал в нее. Остальные убежали».

Мы все, кроме Джудит, оделись потеплее и вышли посмотреть, что подстрелил Дэниел. Небо было синим и холодным. Выглянувшее солнце блестело на снегу, отчего приходилось щуриться. От мороза онемели щеки. Мы вывели корову в загон рядом с сараем и покормили. Потом прошли ярдов сто по следам лап и увидели что-то в снегу. «Хороший выстрел, — похвалил папа Дэниела. — В темноте, после бессонной ночи, на таком расстоянии». Дэниел засиял от удовольствия. «Мне помогала луна, но все равно спасибо», — сказал он.

Снег вокруг убитого существа покраснел. Само существо было коричневым, с заостренными ушами и черным

кончиком хвоста, как и описывал папа. Острые зубы были оскалены, как будто оно умерло, рыча. Холодный ветер гнал по земле тучки снега. «Сказать трудно, но, по-моему, у нее дырка от пули на передней правой лапе», — неуверенно промолвил Дэниел. «Наверное, это от моего выстрела, — сказал папа. — А вот твой, в груди. От него она и умерла».

А сказать было трудно, потому что животное было истерзано: брюхо вспорото, из левого бока вырван кусок. «Проклятые твари сожрали одну из своих!» — воскликнул папа. «Какие же они голодные», — сказала мама. «Не знал, что они бывают такими крупными, — удивился папа. — От носа до кончика хвоста тут все пять футов будет. Наверное, это помесь».

«Но ее не просто хотели съесть, — заметил Дэниел. — Что с ее лапами, ушами, мордой?» «Наверное, обгорели, когда в горах был пожар», — предположил папа. Я больше не могла смотреть и отвернулась. Лапы зверя были покрыты страшными шрамами и ожогами, как будто огонь выжег подушечки; шерсть опалена, уши изодраны. Нос был так обожжен, что даже потерял форму. «Этот, как видно, попал в огненную ловушку», — сказал папа.

Ау-ау-ау.

Мы повернулись к ближайшему холму. «Днем? — удивился папа. — Они воют при свете дня? Никогда такого не слышал». *Ау-ау-ау.* «Они наблюдают за нами», — сказал Дэниел. «Да, — ответил папа. — Рут, достань нож, освежаем то, что осталось, — сказал он мне. — Даже если на шкуре шрамы, ее можно использовать. Ничто не должно пропадать, даже это. Кроме того, я хочу, чтобы они увидели, что мы с ними делаем.

Чтобы знали, что нас нужно бояться». Мама сказала: «Ты говоришь так, будто они умные и могут думать». «Не сомневайся, они умные, — ответил папа. — Мне в детстве один траппер рассказывал, что эти твари охотятся стаей лучше, чем волки».

Вечером, под кашель Джудит, я ножом счистила со шкуры остатки мяса. Потом растянула ее на раме, как учил папа, чтобы шкура высохла, не съездившись. Мама снова напоила Джудит чаем с корой. Дэниел наточил нож и топор. Пока металл звенел о камень, я подошла к окну и посмотрела на лампу в сарае, где папа охранял корову.

Ночью умерла Джудит. Она все время кашляла, ее грудь ходила ходуном, и ей не хватало дыхания. Щеки сделались пунцовыми, но она продолжала бороться. Потом ее губы и лицо посинели, и спустя два часа она умерла. Мама, рыдая, прижала ее к себе. Дэниел не отрывал взгляд от пола. Я стояла у окна и смотрела на темный сарай.

Между хижинкой и сараем темным пятном по снегу промелькнула тень. Потом еще одна. Вой слышался очень близко. Раздался выстрел, но мама его как будто не заметила и продолжала плакать. «У меня все хорошо! — крикнул из сарая папа. — Они убегают! Только на всякий случай не открывайте дверь!»

Потом стало тихо, и ночную тишину нарушали только ветер и всхлипы мамы. «Нужно рассказать папе», — проговорила я. «Расскажем, когда рассветет, — ответил Дэниел. — Если мы расскажем ему сейчас, это Джудит не поможет». Мама начала тихонько молиться: «Если я пойду и долиною смертной тени...» Я подошла к ней и взяла ее за руку. «Бедная Джудит», — сказала

я. Глаза мамы покраснели. «Не убоюсь зла», — прошептала она, прижимая ее к себе.

Когда утром вернулся папа, он остановился в дверях и сразу понял, что произошло. Брови его сдвинулись, он подошел к маме, которая все еще держала Джудит, и опустился перед ней на колени. «Господи, дай нам силы», — тихо произнес он. В окно я увидела на снегу следы. Папа заплакал. Мне захотелось показать ему, какая я храбрая. «Я займусь делом, папа, — сказала я. — Пойду подою корову».

Куртка почти не согревала меня, пока я сначала доила, а потом кормила корову в стойле. Взяв вилы, я перебросила навоз на кучу у стойла. С вершины холма за мной наблюдали четыре коричневые точки.

Мама нарядила Джудит в ее лучшую одежду. Она называла ее «церковной одеждой», хотя в церкви мы не были уже два года. Папа положил Джудит на кухонный стол, и мы по очереди стали читать Библию. Про Иова и Лазаря, про воскресение Христово. Только мама не читала. Она плакала и не могла заставить себя читать. Потом папа с Дэниелом оделись и пошли в сарай за лопатами и киркой. Весь день до самого вечера они копали. Это напомнило мне о том, как они хоронили других моих сестру и брата, когда мы жили в другой долине. Могилу они вырыли в хорошем месте, возле яблони. Джудит это понравилось бы. Она любила яблоки. Земля замерзла так, что сделалась как каменная, и, когда Дэниел с папой вернулись в хижину, пот лился с них ручьем.

Ночь Дэниел провел в сарае с коровой. Мама все не отпускала руку Джудит. Мы с папой оставались рядом с ней. Мы снова помолились. Папа говорил о вечной

жизни. Я думала, что услышу вой, но было совсем тихо. Даже ветер не гудел. Утром вернулся Дэниел. Никогда еще я не видела его таким измученным. Я сходила в сарай к корове, и потом мы произнесли последние молитвы. Лицо Джудит посерело. Казалось, она немного распухла. Папа вынес ее во двор, на мороз. Мы пошли следом. Мама плакала, и мы с Дэниелом поддерживали ее под руки. Когда папа положил Джудит в могилу, мама пробормотала: «Даже без гроба». «У нас нет досок», — сказал папа. «Ей так будет холодно», — шептала мама.

Папа с Дэниелом начали лопатами забрасывать в могилу землю. Мама не могла на это смотреть, и я повела ее в хижину. Папа принес несколько камней, приготовленных для ограды, которую он строил, и положил их на могилу. Дэниел пошел в сарай, и я услышала стук молотка. Через какое-то время он вышел с двумя ветками, сколоченными в форме креста. Папа воткнул крест в землю.

Той ночью папа остался в сарае. Утром мы услышали его крик. Мы с Дэниелом бросились к окну. «Нет!» — закричал папа и побежал к яблоне. «Нет!» — продолжал кричать он. Мы с Дэниелом поспешили во двор узнать, что случилось. Под яблоней по снегу были разбросаны комья земли, камни валялись в стороне. Могилы была пуста. Голос папы надломился. «Я заснул! Нет! Я не хотел засыпать!»

«Вечная жизнь», — промолвила мама. Я не услышала, как она подошла к нам сзади. Она не надела ни куртки, ни ботинок. «Джудит восстала», — сказала она. Широкая борозда в снегу уходила от могилы в сторону леса. По обе стороны от нее виднелись чудовищные

следы лап. «Эти твари потащили ее туда», — сказал папа. Никогда еще я не слышала, чтобы он говорил таким голосом. Дэниел побежал в хижину за курткой, а потом они с папой пошли по следу. «Восстала», — снова сказала мама. Я помогла ей вернуться в дом. Вокно я увидела, как папа и Дэниел скрылись в лесу.

Опять повалил снег. Я стояла у окна, напрягая глаза, чтобы хоть что-то рассмотреть. Я прислонилась к стене и, наверное, заснула, потому что меня разбудил порыв ветра. Дверь была открыта. Ветер заметал в хижину снег. «Папа! — закричала я. — Дэниел! Слава богу, вы вернулись! Я так волновалась!» Но никто не входил. Только снег продолжал залетать. «Мама?» Я повернулась к стулу у очага. Никого. «Мама!» Я кинулась к двери и увидела следы. Схватив куртку, я побежала из хижины и захлопнула дверь. Снег быстро засыпал следы, но их все еще можно было различить. Они вывели меня к яблоне, но потом исчезли под снегом. «Мама!» — закричала я, но ветер затолкнул мой крик обратно мне в рот.

Снег сделался гуще. В воздухе потемнело. Я хотела идти вперед, но не знала куда. Потом я поняла, что, если даже найду маму, не буду знать, в каком направлении возвращаться. Хижину я не видела. Мои следы почти замело. Пока они не совсем скрылись, я пошла обратно. Ветер дул такой сильный, что меня сбило с ног. Мне показалось, что я увидела движение какой-то невысокой тени. Я с трудом поднялась, побежала и неожиданно врезалась в ограду загона. Но теперь я хотя бы поняла, где нахожусь, и стала пробираться дальше. Увидев хижину, я прошептала: «Слава богу». Оказавшись внутри, я плюхнулась на пол у самого очага.

Проснувшись в темноте, я услышала их. Услышала испуганное мычание коровы, а потом опять все стало тихо, лишь ветер свистел. К утру снега намело на два фута. С большим трудом я добралась до сарая. Каким-то образом им удалось отодвинуть засов. Части туши коровы были разбросаны по всему сараю. В основном кожа, кости и кровь. Копыта. Голова. В ее широко раскрытых глазах застыл ужас. У сарая я увидела следы в снегу. Они шли друг за другом. Первый торил дорогу второму, второй — третьему и четвертому. «Не сомневайся, они умные», — говорил папа.

«Следующей они съедят маму», — подумала я. Папу и Дэниела они, может быть, уже съели. Когда во всей долине больше ничего не останется, они придут за мной? Какое-то мгновение я не могла пошевелиться. «Что же мне делать?» — подумала я. А что бы сделал папа? Думаю, как папа. Выходить из дома мне не нужно, поняла я. Дрова можно перенести в хижину. Мясо можно достать из погреба. В другом погребе были морковь, тыква, картошка и яблоки. Я могла бы оставаться в доме всю зиму. Мне понадобится вода, но если я буду осторожной, если буду открывать дверь нешироко, быстро хватать снег и тут же закрывать, они не успеют меня сцапать.

Я прорыла тропинку в снегу до накрытой досками ямы. На ней камни все еще оставались на месте. Наверное, потому что они были тяжелее, чем на могиле Джудит. От замороженной лошадиной туши я отрезала два больших куска. Остальное так задубело, что я даже не смогла добраться до овечьего мяса вниз. Куски я положила в угол хижины. Я собиралась наесться ими, прежде чем они загниют. Потом я принесла из сарая

инструменты: лопату, кирку, молоток и вилы. Остаток дня ушел на то, чтобы принести запас дров в хижину. Коля дрова, я то и дело озиралась по сторонам. У меня ужасно разболелись руки. Вечер наступил неожиданно быстро. Я вернулась в хижину, отрезала от оттаивавшего мяса кусок и поджарила его на огне. Мясо было жестким и горьким, но мне было все равно. Поев, я заснула.

Ночью мне захотелось облегчиться. Я сходила в ведро, которое стояло в углу. Наутро в хижине стоял такой неприятный запах, что я решила вынести ведро во двор, но за ночь снега навалило уже на три фута. Я была всего-то на фут выше. К тому же я знала, что выходить опасно. Снег был усеян звериными следами. В темноте за открытой дверью сарая горели два глаза. Мне пришлось снова сходить в ведро, и запах стал еще хуже. Я понимала, что не смогу выносить его целую зиму.

Я задумалась: как бы поступил папа? Взяв кирку, я пошла в угол и стала рубить земляной пол. Лопатой я выгребала из ямы землю. Я так долго рубила и выгребала, что почти перестала чувствовать руки, но наконец вырыла яму достаточной глубины. В нее я вылила то, что было в ведре, потом присыпала сверху землей, и в яме еще оставалось полно места.

Вдруг я услышала, как что-то скребется в противоположную стену. Наверное, они услышали, как я копала, и прорыли в снегу ход к основанию стены. Я приложила ухо к бревнам. Они пытались сделать подкоп, но умный папа, чтобы защитить хижину от наводнения, построил дом так, что стены его уходили в землю на два бревна. Я слышала, что они рыли когтями мерзлую землю, но там было слишком глубоко. Они рыли и рыли, но потом я перестала их слышать.

Снова пошел снег. Утром сугробы уже почти доходили до окна. Обезображенные лапы начали скрести стекло. Одно из этих созданий заглянуло в окно. Увидев его темные глаза, изорванные уши, оскаленную пасть на перекошенной морде, я подумала о дьяволе. Испугавшись, я захлопнула внутренние ставни. Да, мне было страшно и неприятно, но я закрыла ставни еще и потому, что это существо было очень умным, и мне не хотелось, чтобы оно видело, чем я занимаюсь. Я подошла к полке, на которой папа держал коробку с ядом, которым травил луговых собачек. «Мы должны убивать их, чтобы наши животные не ломали ноги, наступая на их норы», — говорил папа. Я взяла кусок мяса, разрежала его вдоль, натолкала внутрь яда и крепко сжала половинки. Подходя к двери, я услышала скрип прямо у себя над головой. Подняв глаза, я увидела, как под тяжестью земли и снега погнулись балки.

«Нужно поторапливаться», — подумала я. Пока существо скреблось в окно, я подошла к двери и как можно тише подняла щеколду. Потом произнесла молитву, распахнула дверь, перебросила мясо через сугроб и тут же захлопнула дверь снова. Вернее, попыталась захлопнуть. С сугроба обвалился кусок снега и перегородил дверной проем. В панике я начала выгребать руками снег. Мое сердце забилося так быстро, что я думала — оно разорвется, когда я отбросила последние остатки снега и, задыхаясь, наконец захлопнула дверь. В ту же секунду что-то ударило по ее верхней части с другой стороны и зарычало.

Я задрожала. Потом я подошла к окну и открыла ставни. Сверканье снега чуть не ослепило меня. Но я увидела, как трое существ дерутся из-за мяса. Все они

были покрыты ожогами и шрамами. У одного не было хвоста. У другого на левой части морды отсутствовали губы. Четвертый зверь, самый крупный из всех, был изувечен хуже всего. Казалось, что вся его морда покрыта огромными наростами после страшных ожогов. Он стоял у двери сарая. Когда он зарычал, остальные прекратили драться и повернулись к нему. Глухо заворчав, он пошел вперед, осторожно ступая искалеченными лапами по снегу. Понюхав мясо, он рыкнул на остальных, словно веля не трогать его. Двое отступили, но бесхвостый воспользовался случаем, схватил кусок мяса зубами и убежал. На безопасном расстоянии он остановился, жадно сожрал добычу и удовлетворенно уселся на снег. Через какое-то время он начал корчиться, потом закашлял, выплевывая кровь, и умер. Все это продолжалось довольно долго.

Стремительно сгущающиеся облака принесли с собой тьму. Метель завывала за окном хижины. Я пожарила кусок конины, но сначала хорошенько вымыла руки папиным мылом. «Следите за чистотой, — часто говорил он нам. — Этим мы отличаемся от животных». Я откинула покрывало со стены в глубине хижины и спустилась по наклонному полу в погреб, где взяла немного картошки и пару морковок. Поднявшись, я положила их на чистое место у очага и прислушалась к вою ветра и скрипу крыши.

У меня появилась идея. Я заправила фонарь угольной нефтью и зажгла. Уверенная, что в такую метель страшные существа не будут бродить вокруг дома, я подошла к двери. На какую-то секунду я засомневалась, но потом подумала, что папа гордился бы мной из-за того, что я такая умная. Чувствуя, как бьется в груди серд-

це, я надела куртку, открыла дверь, закрыла ее за собой и взобралась на сугроб. Ветер дул такой холодный, что лицо у меня как будто загорелось огнем. Прикрывая фонарь, я поползла по снегу. Увидев темный силуэт сарая, я швырнула фонарь в открытую дверь и помчалась обратно к хижине. Фонарь разбился, и у меня за спиной загудел огонь. Я съехала по колее, которую проложила, поднимаясь на сугроб, откинула щеколду, отбила ногой упавший снег, ввалилась в хижину и захлопнула дверь.

Снаружи донесся вой. Я так замерзла, что даже не чувствовала тепла хижины. Я подбежала к окну, распахнула ставни и увидела горящий сарай. Одно из существ выбежало из двери. Его шерсть была объята пламенем. Визжа от боли, оно унеслось в темноту. Горящая точка постепенно уменьшалась, пока вовсе не скрылась из виду. Занялась люцерна, и огонь сделался еще яростнее. Потом потолок и стены сарая обрушились, подняв тучу искр, но вскоре ветер и снег потушили огонь. Закрыв ставни, я подошла к очагу. Картошка и морковка уже разморозились. На этот раз конина показалась мне более вкусной. Согревшись, я заснула прямо на полу. Иногда скрип потолочных балок будил меня.

А потом меня разбудила тишина. Я подняла голову и увидела свет, пробивающийся сквозь щели в ставнях. Это было первое тихое утро за несколько дней. Я сходила к яме в углу, справила нужду, засыпала землей, помыла руки папиным мылом. Потом доела оставшуюся картошку, уже засохшую. Тишина давала надежду, что пожар уничтожил трех оставшихся существ. Я подошла к ставням, распахнула их, и один из них прыгнул на меня прямо в окно. Звон разбитого стекла и ярость в его глазах заставили меня закричать, я отступила назад

и наткнулась на стол. Бросок его был таким мощным, что две трети его тела оказались внутри хижины. Брызжа слюной, он повис на окне. Потом, дергая лапами, попытался забраться внутрь, но вдруг взвизгнул, из пасти его брызнула кровь. Острый осколок стекла вонзился ему в брюхо, удерживая на месте.

Злоба придала ему сил, он начал изгибаться, пытаясь добраться до меня. Морда его была покрыта свежими ожогами. Я взяла вилы. Когда существо наконец выбралось из ловушки и прыгнуло на пол, я ударила его. Одно острие вил попало ему в шею, но существо это было размером не меньше меня. Высвободившись, оно зарычало и ринулось на меня. Я успела снова выставить вилы и на этот раз проткнула ему один глаз. Вывернувшись, разбрызгивая кровь, существо присело и прыгнуло на меня снова. Вилы попали ему прямо в грудь. Черенок вил в моих руках сначала дернулся с такой силой, что я упала на пол, а потом стал неистово крутиться из стороны в сторону. Существо рычало, истекая кровью.

Послышавшийся со двора звук заставил меня подняться. Едва я успела захлопнуть ставни, как что-то ударило в них со страшной силой, чуть не сорвав с петель. Существо с той стороны зарычало, как адское создание, кем оно и было. Услышав скрежет за спиной, я повернулась и увидела, что тварь на полу пытается встать, несмотря на торчащие в груди вилы. Когда оно поползло ко мне, я отступила. Его красные бешеные глаза начали тускнеть. Меня стошнило.

Какое-то время я не двигалась. Потом пошла к ведру с водой. Прополоскала рот, выплюнула воду в очаг и попила. Вода успокоила горло, саднившее после крика. «Четверо мертвы», — подумала я. Но я знала, что по-

следний был самым умным, и решила, что теперь я ему нужна не только как еда. Я убила его сородичей. Я сожгла его логово. Он ненавидел меня.

«Без укрытия в такой мороз он замерзнет», — подумала я, но тут же голос папы произнес у меня в голове: «Нет, он выроет нору в снегу».

«Но если я не буду выходить, ему придется идти искать пищу в другом месте», — подумала я. И снова я услышала папин голос: «Запах гниющей туши отравит тебя. Чтобы дышать, тебе придется открыть ставни. Он запрыгнет через окно».

«Нет, — возразила я. — Я выдержу все, что угодно. Ставни останутся закрытыми».

Я приготовила еще конины. Вкус ее показался мне восхитительным. Когда за щелями ставен начали сгущаться тени, я решила, что существо, лежащее на полу, точно умерло. Я зажгла фонарь на столе, бочком подошла к туше и выдернула вилы у него из груди.

Крыша скрипнула. «Будь умной», — услышала я голос отца. Откинув покрывало на стене в глубине хижины, я спустилась вниз с ножом и топором. С собой я захватила ведро воды. Оставив их в погребе, я бросилась обратно, чтобы снести вниз остальные инструменты, но не успела я подняться по наклонному ходу, как крыша с грохотом обвалилась. Рухнувшая в хижину масса земли и снега сбила меня с ног, и я покатила обратно. В самом низу я ударила головой обо что-то твердое.

Какую-то секунду у меня перед глазами плясали разноцветные пятна, потом зрение восстановилось и я увидела, что вход в погреб почти полностью завален обломками балок, землей и снегом. В нос мне ударила пыль, и я закашляла. Но, когда пыль осела, я увидела в завале

дыру, за которой поднималось пламя. Обрушившаяся крыша сбила лампу, и огонь перекинулся на стол. «Огонь высосет воздух из погреба», — подумала я и подползла к завалу. Лопата моя осталась наверху в хижине, поэтому забрасывать землю в дыру мне пришлось руками. Чем меньше становилось отверстие, тем сильнее разгоралось пламя. Дым сочился в погреб. Отчаяние придало мне силы, и я наконец забила дыру землей окончательно. Окруженная темнотой, я спустилась в погреб, села и попыталась успокоиться. Дыхание мое отдавалось эхом. Меня трясло.

Проснувшись я от голода. Определить, как долго я проспала, было невозможно. Я поняла, что лежу на куче картошки, и почувствовала, как болит спина. Крыша погреба, который имел примерно пять футов в ширину и столько же в высоту, была укреплена бревнами, чтобы земля не проседала. Здесь пахло сыростью и чем-то похожим на прелые листья. Темнота стояла полная. Ощущение голода не покидало меня. Папа когда-то говорил, что сырая морковь вредна для пищеварения. Но кроме нее у меня были только картошка и тыква, поэтому, дождавшись, когда терпеть голод стало совсем невозможно, я на ощупь нашла морковь и откусила кусок. Она была такая твердая, что у меня заболели зубы. Яблоки я есть не стала, потому что они были мягкими и червивыми, и я подумала, что от них у меня заболит живот. Все еще дрожа, я жевала, пока кусок моркови не превратился у меня во рту в кашу, и только тогда проглотила. Я долго грызла морковь, надеясь, что мне не станет плохо.

Я попыталась считать секунды, но в спертом воздухе мой мозг соображал плохо. Я могла лишь предполо-

жить, что снаружи сейчас день. Мне нужно было облегчиться, но я приказала себе терпеть. Наконец я поползла к завалу из снега и земли, собираясь выкопать ход, и услышала шум с другой стороны. В том месте, где раньше была дыра, земля начала шевелиться. Внутри у меня все сжалось, я попятилась назад.

И сразу же я увидела пятно света. В образовавшееся отверстие просунулась морда, вся в страшных ожогах и шрамах. Существо зарычало. Отверстие расширилось, и морда просунулась дальше. Теперь уже была видна вся голова с прижатыми ушами. Я взяла подвернувшуюся под руку картофелину и изо всех сил швырнула в него. Она попала прямо в нос. Я бросила вторую картофелину и услышала глухое рычание. Существо рыло когтями землю, расширяя отверстие, и вытягивало шею; тогда я схватила ведро и выплеснула на него воду. Это не подействовало. Глаза существа загорелись. Я с размаху ударила его пустым ведром по голове, но оно уже наполовину протиснулось внутрь. Ручка ведра сломалась. Передние лапы существа были уже почти свободны. Я взялась за топор, но места для замаха не было, поэтому я просто стала с силой тыкать им в эту морду. Не обращая внимания на мои удары, существо продолжало надвигаться на меня, а потом вдруг взвизгнуло.

Оно повернуло голову и посмотрело сумасшедшими глазами куда-то назад. Визг превратился в дикий вой. Существо изогнулось и щелкнуло зубами, кусая что-то. От резкого движения дыра в завале расширилась, позволив ему развернуться. Темноту прорезал луч света. Я услышала шум, как будто кто-то тряс коробку с семенами. Существо продолжало крутиться, и я увидела

змею. Впившись зубами в ляжку существа, она трясла хвостом. Наверное, змея упала вместе с обрушившейся крышей. Тепло пожара разбудило ее. Существо извивалось и визжало, но клыки змеи прочно засели в его теле. Когда яд начал действовать, существо пошатнулось. Тяжело дыша, оно встрепелось, как будто понимало, что умирает и должно сосредоточиться на незаконном деле, и шагнуло в мою сторону. Оно открыло пасть, собираясь меня укусить, но я сунула рукоятку топора между его челюстями и навалилась на нее всем весом, проталкивая ее в горло.

Существо, задыхаясь, начало биться, но я не отпускала топор и продолжала давить, чувствуя его дрожь, которая передавалась по рукоятке топора. Из пасти существа пошла пена; не имея возможности сомкнуть челюсти, оно задрожало, упало, забилось и через какое-то время затихло. И только после этого змея перестала греметь. Она извлекла из существа острые зубы и опустилась на землю рядом с ним. Папа говорил, что сразу после укуса змея безвредна. Но я не верила папе. Когда она поползла через погреб, я прижалась к стене, чтобы быть от нее подальше. Змея забралась в кучу тыкв.

Я бочком обошла тушу, опасаясь, что в любое мгновение существо может ожить. Холодный воздух казался мне сладким. Понимая, что здесь могут быть и другие змеи, я осмотрела засыпанные землей и снегом развалины. Надо мной сгустились тучи. Думая о том, что нужно найти укрытие, прежде чем разразится новая снежная буря, я заметила, что потолочные балки перед очагом упали под углом, образовав что-то вроде навеса. Я нашла шкуру, которую папа и Дэниел сняли с подстреленного существа, и закрепила ее под прова-

лом в потолке. Потом сняла обгоревшее покрывало, за-слонявшее вход в погреб, и закрыла им другую дыру между балками. Я нашла еще несколько одеял и тоже пустила их в дело.

Но дыры все равно оставались, к тому же одеяла пропускали влагу. Поэтому я сжала зубы, спустилась в погреб, нашла нож и сняла кожу с существа. «Будь ты проклято», — сказала я, орудуя ножом. Шкурой я затянула одну из дырок. Потом освежевала существо, разбившее окно, и его кожу тоже растянула между балками. Я решила, что потом сниму кожу и с того существа, которое отравила, но уже снова повалил снег, и мне нужно было заканчивать строительство убежища. В очаге среди золы еще тлело несколько угольков. Я подложила к ним хворост и дрова и стала дуть, чтобы оживить огонь. У меня уже почти не оставалось дыхания, когда хворост наконец занялся и огонь перекинулся на дрова.

Когда снег пошел гуще, я спустилась в погреб и подняла наверх столько картошки и моркови, сколько могла унести, не забывая наблюдать за кучей тыкв. Пока картошка готовилась на огне, я откусила кусок морковки. Папа ошибался, когда говорил, что от сырой моркови болит живот. Может быть, папа ошибался во многих вещах. Стемнело, но, несмотря на снег, я в своем убежище чувствовала себя в безопасности. Завтра я планировала укрепить его. Грызая очередную морковку, я смотрела, как картошка шипит на огне, и думала. Думала о папе, о долинах, в которых мы жили до этого, о том, как ему все не нравилось, и нам приходилось перемещаться с места на место, не останавливаясь в городах. Я думала о брате и сестре, которые остались лежать

в одной из этих долин. Думала о чае с корой, которым папа лечил жар Джудит. Папа всегда говорил нам, какой он умный, но, может быть, о коре он знал меньше, чем думал, и от нее Джудит стало только хуже. Может быть, папа поступил неразумно, когда вместе с Дэниелом бросился в погоню за существом, забравшим Джудит. Может быть, ему нужно было взять себя в руки и остановиться. Тогда осталась бы жива мама, и они с Дэниелом остались бы живы.

Я много думала об этом. Я сижу в маленькой комнатке и слушаю, как за окном грохочут машины. Нелегко вспоминать то, что было восемьдесят восемь лет назад. Вы хотите спросить меня, каково было мне, двенадцатилетней, жить в долине в старые времена, как вы называете их. Для меня это молодые времена, хотя я никогда не была по-настоящему молодой. Улицы, дома, школы и церкви находятся теперь там, где стояла наша ферма, где погибла вся моя семья, где я провела зиму, питаясь морковью, картошкой и кониной. К тыквам я не притронулась. К ним я даже не подходила. Ох, папа! Глупый папа.

Фергюс Гуинплейн Макинтайр

МЕХАНИЧЕСКИЙ УЖАС

A13

Фергюс Гуинплейн Макинтайр родился в Шотландии, в графстве Пертшир, но годы его становления прошли в австралийской глубинке, куда он был экспатрирован, как и тысячи других детей послевоенной Британии. Сейчас он живет на два дома, в Нью-Йорке и в Гуинедде, Северный Уэльс.

Макинтайр — автор нескольких романов (некоторые из них выпущены под различными псевдонимами) и десятков научно-фантастических, мистических рассказов и рассказов ужасов, опубликованных в различных британских и американских периодических изданиях. Он проиллюстрировал несколько своих сочинений, а также некоторые из рассказов Рона Гуларта для журнала «Аналог».

Сейчас он работает над серией иллюстраций для своего очередного научно-фантастического романа, который имеет интригующее название «Мужчина-лесбиянка».

Несмотря на то что «Механический ужас» — художественное произведение, Макинтайр использовал для него известные факты из жизни Эдгара Аллана По. Он пишет: «В 1836 году, работая редактором журнала “Сазерн литерари мессенджер” в Ричмонде, По опубликовал эссе под названием “Шахматный аппарат доктора Мельцеля”, в котором описывал недавнюю встречу с Автоматом, механическим шахматистом, который не только умел играть в шахматы, но даже обыгрывал большинство соперников. В этом

эссе По, используя наблюдения и дедукцию, убедительно доказывает, что Автомат был обманом. Внутри машины прятался человек, который следил за партией и делал ходы. Удивительно, но в эссе По не указывает, где и когда именно он наблюдал за игрой автомата Мельцеля. Он лишь упоминает о том, что машина выставлялась в Ричмонде “несколько недель назад”, не называя ни точной даты, ни адреса выставки. Начав собирать материал для этого рассказа, я с удивлением обнаружил, что ни в одной из существующих биографий Эдгара Аллана По не указаны точная дата и место его встречи с Автоматом Мельцеля. Преисполнившись решимости разгадать эту загадку, я отправился в Вирджинию на поиски ключей к решению. В архивах “Ричмонд энквайерер” (эта газета выходила в 1830-х годах два раза в неделю) я обнаружил несколько упоминаний о деятельности некоего Эдгара По, жителя Ричмонда. Также я разыскал афиши выступлений Мельцеля, установив таким образом, что механический шахматист выставлялся в городском музее Ричмонда с 15 декабря 1835 по 2 января 1836 года. В один из этих восемнадцати дней настоящий Эдгар Аллан По встретился с подлинным (хоть и фальшивым) Автоматом... Хотя, по-видимому, встреча их закончилась совсем не так, как описано в этом рассказе».

6 января 1836 года

Ричмонд! Дьявольская цитадель, которая меня порицает и возвеличивает. Гротескный город извращений, в котором тела черных людей продают на торгах на Кэпитал-сквер, а души белых спускают в канаву. Я прикован к этому Ричмонду, наши судьбы связаны, его участь так же неотвратима, как моя.

Поскольку мое имя не открывает двери и им нельзя купить покой, яставляю его вам на обозрение. Я Эдгар Аллан По, ричмондец, снова вернувшийся к воротам этого города. Да, я не был рожден здесь, и одно время я называл себя бостонцем. И все же именно Ричмонд, этот сверкающий карбункул Вирджинии, держит закладную моей плоти. Город Ричмонд держит у себя талончик из ломбарда, в который я заложил свою бессмертную душу... И я больше не смею надеяться на то, что когда-либо выкуплю ее.

Моя мать была урожденной англичанкой, а отец — балтиморским проходимцем: Ричмонд не заявлял своих прав ни на нее, ни на него. Однако именно в Ричмонде родители связали себя священными узами брака. Правда, отец посчитал себя вправе нарушить брачные обеты. Моя святая мать была актрисой-инженю по имени Элизабет Арнольд, а человек, который считается моим отцом, — сыном генерала По, героя войны за независимость, квартирмейстера маркиза де Лафайета. Здесь,

в Ричмонде, в театре Хеймаркет, будучи актерами средней руки, мать и отец играли соответственно Софию Вудбайн и повесу Вилларса в пьесе «Сделка вслепую». Я покажу вам их дневники, если желаете. Пасхальные праздники всегда были мертвым сезоном для актеров, поэтому между ангажементами, в пасхальный понедельник 7 апреля 1806 года, мои родители поженились в доме с меблированными комнатами на Клэй-стрит.

Поскольку в Ричмонде им особенно негде было приложить свои драматические таланты, родители вскоре присоединились к труппе Александра Плэсида в Бостоне, где я имел сомнительную честь родиться. Моя мать слыла красавицей и талантливой актрисой. Отец же, огорченный тем, что его драматическое дарование было гораздо скромнее, бросил нас весной 1809 года во время гастрольного сезона в Филадельфии. Не найдя сострадания там, мать вернулась вместе со мной в столицу Вирджинии, где какое-то непродолжительное время с успехом выступала в Ричмондском театре, который находится на Ист-броуд-стрит, что на Шокхоу-хилл, исполняя трагическую роль Анжелы в «Призраке замка», танцуя хорнпайп в костюме мальчика в «Комендантском часе» и показывая свои музыкальные способности в роли Летиции Гарди в «Уловке красавицы».

Ричмонд убил мою мать. Когда здоровье ее ухудшилось настолько, что она не могла путешествовать с актерской труппой, моя мать, Элизабет По, нашла себе работу в захудалой таверне «Индиан квин», что на северо-западном пересечении Девятой улицы и Грейс-стрит, нанявшись помощницей к одной модистке из Шотландии. В подвале этой таверны мать потеряла зрение, сшивая детали дамских шляпок при свечах. Когда

мне было два года от роду, в воскресное утро 8 декабря 1811 года, в подвале модистки, инфекционная лихорадка унесла мою наполовину ослепшую мать.

Однако этот темный город еще не закончил со мной. Мои приемные родители Джон и Фрэнсис Аллан взяли меня в свою квартиру в Ричмонде, которая была расположена над конторой моего усыновителя, торговой фирмой «Эллис энд Аллан», что на пересечении Тринадцатой улицы и Ист-мейн-стрит. Мою мать тем временем похоронили неподалеку в неотмеченной могиле в северной части кладбища церкви Святого Иоанна. Именно в этой церкви Патрик Генри произнес свои знаменитые слова: «Дайте мне волю или дайте мне смерть!», забыв при этом, что сам является рабовладельцем. Я часто бывал на этом кладбище, но так и не смог найти могилу своей матери.

Ричмонд крестил меня. Через три дня после кончины матери, в ричмондском доме мистера и миссис Ричард, не поинтересовавшись моими собственными убеждениями, меня обратили в протестантскую веру. В тот самый день до меня дошли разговоры о смерти моего отца в Балтиморе.

По давней традиции вечером после Рождества театры принимают самое большое количество зрителей. Через восемнадцать дней после смерти моей матери, 26 декабря 1811 года, Ричмондский театр сгорел дотла в пожаре, причину которого так и не удалось установить. В тот момент шестьсот душ наблюдали за исполнением пьесы «Окровавленная монахиня» труппой Плэсида и Грина. Семьдесят три человека погибло, включая губернатора Вирджинии. Сцена, видевшая величайший триумф моей матери, превратилась в пепел.

Ричмонд надел на меня штаны. Я говорю о том обряде перехода от детства к ранней юности, когда мальчик

считается достаточно повзрослевшим, чтобы сменить детское платьице на достойные брюки. В неумолимом потоке моих беспомощных детских лет Алланы, мои приемные родители, заставляли меня ходить с ними на службы в Монументальную церковь. По какому-то извращенному капризу судьбы эта церковь была воздвигнута на том самом месте, где до того находился сгоревший Ричмондский театр. Там, где когда-то подмостки посвящались богам драмы, теперь стоял алтарь. Там, где яркие лампы некогда служили рампой, теперь, словно часовые, выстроились покрытые бороздами канделябры. О, святой читатель! Я заклинаю вас представить себе яркий контур моих мыслей в 1815 году, мыслей чувствительного шестилетнего мальчика, сидящего на скамье № 80 Монументальной церкви и осознающего, что на этом самом месте, смежном по расположению, но отдаленном во времени, его мать танцевала на сцене, распевая знаменитую песенку «Никто не женится на мне» незадолго до своей трагической кончины.

Точное факсимиле уличного справочника Ричмонда можно составить, изучив суровые испытания, которыми была наполнена моя жизнь. В одиннадцать лет я ходил в школу, расположенную над магазином доктора Лероя на пересечении Пятой улицы и Брод-стрит, где познавал Овидия, Цицерона и Ксенофонта. В тринадцать я играл в крокет и хоккей с мячом в канавах Четырнадцатой улицы и Тобакко-али. После ссоры с приемным отцом я недолгое время квартировал у его делового партнера Чарльза Эллиса, в доме этого джентльмена на засаженной липами площади, что на южной стороне Франклин-стрит между Первой и Второй улицами.

Ричмонд по-прежнему не отпускает меня, он впился в меня, как пиявка, которая ни за что не оставит свою жертву. Я жил в других местах — в Балтиморе, в Вест-Пойнте, в Южной Каролине, даже в Лондоне, — и все же в Ричмонд стремится моя кровь, увлекая меня за собой, словно животным магнетизмом Месмера.

В 1824 году, когда мне было пятнадцать лет от роду, выдающиеся военные заслуги моего деда по отцовской линии проложили мне дорогу в юношеский стрелковый отряд Моргана, в составе которого я стоял в почетном карауле на ричмондской Кэпитал-сквер во время торжеств по поводу триумфального возвращения маркиза Лафайета. Этот благородный француз у всех на виду пожал мне руку и похвалил моего деда, которого я никогда не видел, героя войны, чей сын был моим трусливым отцом, мерзавцем, бросившим мою мать.

Я полагаю, что все это делает мой мандат ричмондца достаточно убедительным. Этот город и я друг у друга в кармане. Если я исповедуюсь на этих страницах, перед вами предстанет исповедь не только моей души, но и черной души Ричмонда.

Прошлым летом, будучи двадцати шести лет от роду, не в состоянии обеспечить свои жизненные потребности пером и чернильницей, я устроился на кирпичный завод на Вест-файетт-стрит в Балтиморе, принадлежащий фирме «Мерримен энд Янг» (правда, ни один из партнеров не отличался таким уж веселым нравом, и совершенно точно никто из них не был молод)¹. В безнадзорные часы на кирпичном заводе, когда мои работодатели были уверены, что я занят делом важным и неотложным —

¹ Мерриман — весельчак, Young — молодой (англ.)

перекладыванием с места на место кирпичей, я не спеша сочинил несколько стихотворений, которые мистер Томас Уиллис из Ричмонда посчитал достойными публикации в «Сазерн литерари мессенджер». Возьму на себя смелость добавить, что труды мои имели более чем скромный успех. В октябре прошлого года я вернулся в Ричмонд и занял новое для себя место главного рецензента, корректора и неофициального редактора того же «Сазерн литерари мессенджер». Я снял квартиру в пансионе миссис Яррингтон на углу Двенадцатой и Бэнк-стрит. Это здание смотрит на южную сторону Кэпитал-сквер. Миссис Яррингтон содержит в высшей степени скромный пансион, в котором спиртные напитки категорически запрещены. Сняв у нее квартиру, я был вынужден отказаться от знакомства со всеми своими собутыльниками.

И теперь появляется Автомат. Утром предыдущего вторника, 15 декабря 1835 года, я, сидя за редакторским столом, наполнял свою чернильницу, готовясь к новой сокрушительной атаке на варварские эскадроны, когда ко мне подошел мистер Уайт со свежим выпуском «Ричмонд энквайерер». Ткнув указательным пальцем в раздел новостей, он осведомился:

— Что ты об этом думаешь, Эдди?

В нижнем углу самой левой колонки первой страницы я разглядел крошечное объявление:

*ПАНОРАМА «БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ ПОЖАР»
МЕЛЬЦЕЛЯ и пр.*

Выставка в городском музее.

Демонстрация каждый вечер.

Двери музея открыты до 18:45.

Выставка закрывается ровно в 19:30.

И так далее.

— Думаю, об этом можно будет дать пару строчек агатом¹, Эдди, — сказал Уайт. — Сегодня вечером седлай кобылу Шенка и поезжай в музей, посмотри, что там и как.

Ричмондский музей находится на пересечении Восемнадцатой улицы и Франклин-стрит. В тот вечер я прибыл туда ровно без четверти семь. Вход стоил пятьдесят центов — ровно одну двадцатую моего недельного жалования в «Мессенджер». Пришлось позволить себе это излишество.

Музей освещался газом, поэтому в залах было довольно светло. Большая часть выставки была отведена истории Ричмонда, в особенности суровым испытаниям, которым подвергся город во время двух британских войн. Истрепанный головной убор из индюшиных перьев под стеклянным колпаком символизировал высококоразвитую цивилизацию коренных обитателей Вирджинии. Также на выставке присутствовали экспонаты из Европы, Китая и с невольничьего берега Дагомеи.

Однако первым делом меня привлекла серия картин и диорам, изготовленных неким Иоганном Непомуком Мельцелем из Вены, который совершал турне по Америке. Эти работы изображали кровавые события сентября 1812 года, когда столицу России предали огню, дабы помешать наступающим легионам Бонапарта захватить ее. Своеобразная архитектура Москвы, храм Василия Блаженного и прочие достопримечательности были скрупулезно воспроизведены в миниатюре.

¹ Агат — типографский шрифт, кегль которого равен 5,5 пунктам (Примеч. ред.)

Передние ряды в зрительном зале музея были отданы детям и их кормилицам, хотя я, как ни старался, не смог понять, каким образом орды Бонапарта могли заинтересовать грудных малышей. Я занял место в стороне от них, в третьем ряду. Задняя стена зала была покрыта белым и гладким, как лист бумаги, полотном.

Из-за бархатного бордового занавеса выступил профессор Мельцель. Он с поклоном представился собранию и поведал о своих заслугах. Разговаривая с сильным тевтонским акцентом, он назвал себя изобретателем метронома и пангармоникона¹ и заверил зрителей, что является учителем Бетховена. Когда один из помощников профессора включил волшебный фонарь, почувствовался запах новомодного топлива — керосина. Газовые фонари были погашены, и начались чудеса этого вечера.

Аудитория ахнула в изумлении и ужасе, когда в один миг зал охватило пламя. Потом внезапно крики превратились в аплодисменты, когда стало понятно, что это всего лишь иллюзия. Какими-то трюками с проекцией профессор увеличил до гигантских размеров пламя одной свечи и спроецировал его на белый экран перед зрительскими рядами. Последующими эффектами он добился того, что стало казаться, будто огонь горит внутри миниатюрных домиков диорамы Мельцеля, а не за ними... Уменьшенную Москву как будто действительно охватил пожар. Я предположил, что для создания этой иллюзии использовались зеркала: огонь по природе своей несим-

¹ Пангармоникон — механический орган наподобие шарманки с цилиндрическими валиками, который имитировал звучание всех инструментов военного оркестра, действуя при помощи мехов (*Примеч ред*)

метричен, а я сразу обратил внимание на то, что определенная асимметрия с левой стороны экрана повторялась в зеркальном отражении с правой стороны от нас.

В темноте раздалось: «Бум! Бум!» Невидимый боевой барабан начал отбивать скорбный ритм. (Зайдя в музей, в фойе я заметил мальчика с тамтамом.) Зазвенели невидимые колокола. (В фойе я видел и второго мальчика.) Под размеренный звон набата в миниатюрной Москве как из-под земли появились ряды гомункулов, которые двинулись маршем по горящим улицам города. Все они были облачены в синие мундиры армии Бонапарта. Эти солдаты, увидел я, являлись всего лишь искусно изготовленными куклами: армия автоматов, если хотите, при помощи пружин и рычагов отправленная ходить строем по диораме. Еще несколько гомункулов, одетых крестьянами, появились из домов и попытались бежать. Ближайший к ним ряд солдат поднял крошечные мушкеты и открыл огонь. Раздался резкий громкий хлопок, не совсем совпавший с моментом выстрела (наверняка из-за нерадивости мальчика-барабанщика в фойе). Кукольные крестьяне пали. Московские дома за ними обрушились и были поглощены огнем.

В освещенном пламенем пожара зале аудитория рукоплескала этим смертям... Ибо трагедия одного города для другого города является развлечением. Сидевший слева от меня мужчина в жилете толкнул меня локтем.

— Это еще не самое интересное, — сообщил он. — Я пришел только ради того, чтобы увидеть вторую часть. Мельцель привез своего Шахматиста.

Мой сосед произнес это так, что стало понятно, какие слова его голос выделил жирным шрифтом: **ШАХМАТИСТ МЕЛЬЦЕЛЯ**. Я понимающе кивнул.

— Отличного игрока, вы имеете в виду? — спросил я.

— Некоторые так говорят. Некоторые предполагают иначе. Оставайтесь на второе отделение и сами увидите.

К этому времени большинство зрителей уже начали расходиться, ибо сожжение Москвы закончилось. Все крестьяне были истреблены, и, поскольку дальнейших зверств не предвиделось, на этом развлечение завершилось. Несколько *cognoscenti*¹ остались ради обещанного дивертисмента, и, когда снова были зажжены газовые фонари, я пересел на передний ряд. Со своего нового места я получил возможность наблюдать за работой двух помощников профессора, которые собирали остатки Москвы. Игрушечные зданьица были хитро сконструированы так, чтобы сложиться в определенное время, что давало иллюзию разрушения пожаром. Теперь всю диораму унесли, и из-за бархатного занавеса двое рабочих выкатили очень длинный ящик.

Эта конструкция была снабжена колесами такой высоты, что между полом и нижней частью коробки оставалось пустое пространство в несколько дюймов. Сам ящик был изготовлен из темного дерева и имел три фута шесть дюймов в длину, два фута четыре дюйма в ширину и два фута шесть дюймов в высоту. Готов держать пари на что угодно, что эти размеры правильные. Чтобы не ошибиться, я зрительно сравнил пропорции продолговатого ящика с шириной и высотой одного из помощников Мельцеля. После представления я специально прошел рядом с ним, дабы сравнить рост этого человека со своим. Мой рост — пять футов восемь дюймов (со времен Вест-Пойнта он не из-

¹ Тонких ценителей (*utm.*).

менился), и благодаря этой уловке я смог узнать истинные размеры продолговатого ящика. В передней части конструкции находились четыре шкафчика с медными деталями: три высоких вертикальных дверцы и одна горизонтальная выдвижная полка под ними.

Самой заметной особенностью всего сооружения была большая выступающая часть неправильной формы на задней стороне. Разглядеть ее как следует я не мог, так как она была накрыта красной парусиной.

Профессор Мельцель поприветствовал оставшихся зрителей и поблагодарил нас за то, что мы дождались дивертисмента.

— Прежде чем рассмотреть Шахматиста, — сказал он, — давайте для начала исследуем его стол.

Он постучал по верху и бокам ящика и сообщил, что они изготовлены из крепчайшего клена. Звук, который издавало дерево, заставил меня поверить ему. Облаченный в ливрею слуга вынес на сцену небольшой столик и поставил его между зрителями и ящиком, ближе к одной из сторон. На нем возвышалась единственная свеча. Второй помощник установил шесть подсвечников на стол Шахматиста, по три с каждой стороны. В каждом стояла незажженная восковая свеча.

— Встречайте Автомат! — провозгласил герр профессор Мельцель и широким жестом сдернул красный покров.

И снова зал ахнул. За продолговатым ящиком сидела точная копия человека. Ей придали обличье турка. Он сидел, скрестив ноги, с большим тюрбаном на искусственной голове, из которого торчало высокое перо. Этот тюрбан вместе с плюмажем не позволял (умышленно, подозревал я) точно оценить рост фигуры, однако

мой прием позволил мне определить, что Автомат был чуть выше обычного человека. Фальшивый турок был одет в длинный восточный халат из неизвестной мне ткани. Талию его опоясывал кушак или широкий пояс из какой-то темной материи. Бороды у Шахматиста не было, но его деревянное лицо украшали густые черные усы. Безжизненные слепые глаза были устремлены на аудиторию.

Руки в перчатках были вытянуты, левая держала длинную турецкую курительную трубку. На верхней крышке ящика расположилась шахматная доска.

Двое рабочих взяли за края ящика и повернули его кругом, чтобы зрители смогли увидеть его тыл. Задняя часть турка была отделана более грубо, чем передняя. Колеса, я повторяю, имели достаточный диаметр, чтобы ящик отстоял от пола на значительном расстоянии, и это не позволяло предположить, что живой человек может проникнуть внутрь ящика через какой-нибудь люк в сцене или, наоборот, выбраться из него.

— Разумеется, многих интересует механическое устройство Автомата, — сказал Мельцель. — Механизм был изготовлен бароном фон Кемпеленом из Пресбурга в 1769 году, но я усовершенствовал его устройство. — К этому времени Автомат закончил вращение и снова оказался лицом к публике. — Вы увидите, — продолжил Мельцель, — что и стол, и сам Автомат полностью заполнены механизмами.

Из кармана фрака Мельцель извлек связку ключей. Когда его помощник зажег свечку, Мельцель церемонно открыл дверцу самого левого из трех шкафчиков. Газовые фонари и горящая свеча позволили хорошо рассмотреть то, что находилось внутри. Моему взору от-

крылись сложные механизмы из многочисленных шестеренок, рычажков и колесиков. Не закрывая шкафчик, Мельцель обошел вокруг ящика и открыл вторую дверцу. Наклонившись, он опустил свечку за шкафчик так, чтобы сквозь механизм сидящим в зале зрителям было видно ее пламя. Держа свечу близко к шкафчику, он просунул в него вторую руку, взялся за один из рычажков и принялся поднимать и опускать его, при этом рассказывая об истории Автомата. Рычажок в свою очередь привел в движение механизмы, колесики начали вращать колесики, которые закрутили шестеренки. Когда механизм заработал, я услышал шелкающий звук, обратив внимание на то, что расстояния между деталями настолько малы, что поместиться там могло только существо размером не больше откормленной крысы.

Мельцель закрыл шкафчик, запер на ключ и снова вышел вперед со свечой в руке. Самый левый шкафчик перед Автоматом оставался открытым. Теперь Мельцель отпер продолговатую тонкую полку у основания ящика. Два помощника выдвинули ее полностью и показали зрителям. Внутри полки находилась маленькая зеленая подушка, а также шахматная доска и четыре набора шахматных фигур: два белых комплекта и два черных. Они были заключены в рамку и стояли вертикально. Зачем для одной игры понадобилось столько фигур, я не понимал.

Продолжая лекцию, Мельцель аккуратно положил подушку под левый локоть Автомата. Одновременно с этим он вытащил из его левой руки длинную курительную трубку и бережно опустил ее на полку под шкафчиками.

— Есть ли в зале хороший игрок в шахматы? — спросил Мельцель.

Я был готов вызваться, но господин в жилете меня опередил.

— Я мистер Кларенс Холл, владелец книжного магазина «Барк» на Грейс-стрит, — представился он. — Во всей Вирджинии меня знают как честного человека и сносного шахматиста. Быть может, я подойду? — Пока он говорил, я заметил на его цепочке для часов брелок с изображением масонского циркуля. — В иерархии масонов существует термин, который, как я недавно услышал, стали применять к особо искусным шахматистам, — продолжил мистер Холл. — Некоторые мои противники с удовольствием называют меня *гроссмейстером*.

Лакей взял шахматную доску и два комплекта фигур, черный и белый. По сигналу Мельцеля доска и фигуры были установлены в должном порядке на столе, за который посадили мистера Холла. Помощник зажег свечу рядом с ним, на некотором расстоянии от Автомата.

Разумеется, при обычной игре в шахматы противники сели бы за одну доску.

Самый левый из шкафчиков под Автоматом был все еще открыт. Теперь Мельцель открыл и два других, широко распахнув их дверцы. Правая и средняя дверца вели в единое отделение. Как оказалось, в нем не было никаких механизмов, кроме двух квадрантов непонятного предназначения. Под ними находилось возвышение примерно в восемь квадратных дюймов, покрытое темной тканью. Подобное возвышение могло бы служить прекрасным сиденьем для живого человека. Объяснить его наличие в механизме я не мог.

Помощники Мельцеля снова повернули Автомат, чтобы еще раз показать зрителям заднюю часть. Все три передние дверцы были открыты. Мельцель распахнул

еще одну дверцу сзади, не ту, которую открывал до этого (та оставалась запертой на ключ), и снова мы увидели механические внутренности неизвестного назначения. Повторили манипуляцию со свечой, ее огонек пронзил весь ящик, от передней стороны до задней — или наоборот, поскольку ящик был повернут к нам спиной, — и снова сияние свечи убедительно показало, что внутри сооружения нет места даже для мельчайшего из карликов.

Деревянная фигура турка размером была несколько больше человека. Мельцер приподнял халат турка, открывая нижнюю часть фигуры. На пояснице у него имелась дверца примерно в десять квадратных дюймов. Еще одну дверцу, поменьше, я заметил на левом бедре. Стало понятно, что его кушак не настоящий, потому что он охватывал не все тело Автомата, как положено этому виду одежды. Края кушака обрывались на боках фигуры, так что фальшивый пояс прикрывал только переднюю сторону туловища.

Открыв запертые на ключ дверцы в теле Автомата, профессор Мельцель позволил зрителям рассмотреть, что таится внутри. Я увидел целую систему зубцов, пружин и механизмов. Все они бездействовали.

Далее Мельцель закрыл все отверстия, и ящик вернули в прежнее положение. Безжизненные глаза турка устремились на зрителей. Один из помощников установил второй комплект фигур на доске перед Автоматом, черными фигурами к нему.

Я уже упоминал о шести свечках рядом с Автоматом. Теперь лакей зажег их. Среди этих свечей не было двух одинаковой высоты. Разница в высоте самой маленькой и самой высокой была двенадцать дюймов. Это не

показалось мне существенной деталью, поскольку воск во всех свечах сгорает с разной скоростью, из-за чего они уменьшаются несимметрично. Я решил, что для экономии герр Мельцель собирает свечные огарки и снова пускает их в дело, пока не сгорит фитиль.

Изящным жестом Мельцель вставил один из ключей в скважину на левом боку ящика, то есть по правую руку Автомата. Я услышал стрекот главной пружины, заводящейся внутри механизма.

Профессор Мельцель извлек ключ и поклонился:

— Да начнется шахматная партия!

Мистер Холл, игравший белыми, сделал первый ход. Он начал с простого пешечного дебюта. Сидел он к нам боком, поэтому все наблюдатели видели позицию как белых, так и черных. Профессор Мельцель поблагодарил его, потом подошел к ящику с Автоматом, взял соответствующую белую пешку и повторил ход Холла.

Я не видел смысла в таком дублировании. Намного проще было бы, если бы машина и ее противник играли на одной доске. Правда, усадив мистера Холла за отдельный стол, Мельцель открыл зрителям полный вид на Автомат и стоявшие перед ним фигуры. И все же, используя зеркала во время сожжения Москвы, Мельцель уже показал свою изобретательность в том, что касалось увеличения и перемещения пламени, заставив его гореть в одной точке пространства и быть при этом видимым в совершенно другой. Разве не мог такой гений спроецировать шахматную доску перед Автоматом так, чтобы ее можно было разглядеть из любого уголка зала?

Пока я так размышлял, зрители громко вздохнули.

Автомат поднял левую руку. Верхняя конечность дернулась вперед-назад, вниз-вверх, делая резкие меха-

нические движения. Голова Автомата медленно пошевелилась, перо на тюрбане покачнулось. Глаза его, представлявшие собой причудливую пародию на человеческий орган зрения, повернулись в орбитах.

Рука Автомата подняла черную ферзевую пешку и медленно переместила ее на две клетки вперед. Потом, отпустив пешку, рука Автомата в точности повторила свое движение, но в обратном порядке, снова опустив локоть на подушку.

Мельцель огласил сделанный ход, потом подошел к доске мистера Холла и передвинул черную пешку.

Таким образом продолжалась партия, и каждый из ходов повторялся на обеих досках. В общем, то была превосходная игра. Мистер Холл действительно был великолепным шахматистом, и все же Автомат играл лучше. Довольно быстро он взял несколько белых пешек. Автомат проделывал это, опуская черную фигуру на клетку, уже занятую белой пешкой, неуклюже сбивая ее в сторону. Один из помощников снимал с доски выведенные из игры фигуры. В тех редких случаях, когда мистеру Холлу удавалось взять черную фигуру, Мельцель снимал ее двойника с доски перед Автоматом.

Пока шла игра, в зале царило гробовое молчание, нарушаемое изредка доносившимися со зрительских мест возгласами восхищения после изящно разыгранной комбинации или возгласами досады — при неудачном ходе.

Голова Автомата время от времени шевелилась, но эти движения, похоже, были случайными. Гораздо больше меня смущали механические глаза. Турок был лишь немногим больше обычного человека, но глаза его казались непропорционально огромными, превосходя че-

ловеческие, возможно, в два раза. Похоже, они были незрячими и служили исключительно для украшения, поскольку за всю игру ни разу не взглянули на доску с фигурами. Однако они двигались. Веки то закрывались, то открывались, зрачки перемещались из стороны в сторону, как будто под тяжестью вины за какие-то неведомые преступления. На одиннадцатом ходу, когда мистер Холл прибег к особенно неосторожному гамбиту, глаза Автомата буквально закатились, что вызвало смех среди зрителей.

На тринадцатом ходу Автомат ответил на *en passant*¹ мистера Холла смелой атакой черной ферзевой ладьи, при этом до сих пор остававшаяся неподвижной правая рука Автомата постучала по верхней крышке ящика, а челюсти открылись.

— *Échec*², — раздалось из недр Автомата.

Зрители вскрикнули, услышав, как заговорила машина. Но меня это впечатлило меньше. Довольно легко заставить механизм издавать звуки, хоть птичье пение, хоть слова. Достаточно вспомнить часы с кукушкой. В самом деле, крик кукушки как нельзя лучше подошел бы происходившему на моих глазах. Кроме того, здесь явно водились и глухие тетери. Аналогия с птицами продолжилась, когда я подумал о черной ладье, которая показалась мне похожей на грача. Мне вспомнилось, как двадцать лет назад приемный отец отвез меня в Англию, на учебу в Сток-Ньюингтон. Там я узнал, что слово «грач» обозначает не только птицу. На языке лондонского дна так называют бандитов...

¹ Взятие на проходе (фр.).

² Шах королю (фр.).

Я встал со своего места и вышел в проход между рядами.

— Загадка разгадана, — громко произнес я. — Игра окончена. И завершится она детским матом. Автомат Мельцеля — фальшивка.

Головы зрителей повернулись ко мне, по рядам прокатился удивленный ропот. Даже слепые глаза Автомата, казалось, повернулись в орбитах, чтобы узреть разрушителя спокойствия.

Герр Мельцель жестом попросил тишины в зале.

— Кто вы, сэр? — поинтересовался он.

— Я Эдгар По, главный обозреватель «Сазерн лите-рари мессенджер», — ответил я, смело отвесив поклон. Мне почудилось, что Автомат вздрогнул от удивления, услышав мое имя.

— Я вас не знаю, мистер По, — откликнулся Мельцель.

— Автомат — фальшивка, независимо от того, знаете вы меня или нет, — продолжил я. — Пять месяцев назад я мог бы назвать вашего механического Шахматиста величайшей загадкой века. Но в прошлом августе вас превзошла серия статей в «Нью-Йорк сан» о людях-бобрах с крыльями летучих мышей, которых якобы видели на поверхности Луны. Эта ложь была разоблачена в сентябре, а сейчас будет разоблачено и ваше мошенничество. — Стоя лицом к лицу с Мельцелем, я поднял руку, чтобы успокоить негодующих зрителей. — Я вывел на чистую воду вашего Шахматиста наблюдениями и дедукцией. Я прошу всех присутствующих вспомнить, как вы открывали дверцы ящика и двигали рычаги. Когда мы увидели, как пришли в движение шестерни, мы услышали громкий шелкающий

звук. Однако Автомат вот уже несколько минут делает шахматные ходы, и за все это время мы не услышали ни единого звука работающего механизма! Более того, мы все слышали, как вы заводили главную пружину внутри турка... Однако затем не последовало то самое «тик-тик-тик», с которым раскручивается пружина. Держу пари, что внутри вашего шахматного ящика спрятана трещотка, имитирующая звук завода пружины.

Ропот зрителей сделался громче.

— Все эти механизмы — не более чем декорация, — продолжал я. — Нужная для того, чтобы убедить нас, зрителей, что в ящике нет пустого места, где мог бы спрятаться человек. Однако скажите, почему мистеру Холлу пришлось занять место в стороне от Автомата? Почему игра ведется на двух досках? Ответ прост: потому что игрок, сидящий рядом с Автоматом, может услышать *дыхание* внутри ящика!

Ропот сделался еще громче. Кое-кто из зрителей начал нервно стучать по полу носком туфли.

— Далее. Посмотрите на свечи, — сказал я. — Одной свечи хватает мистеру Холлу, чтобы рассмотреть фигуры на доске. Глаза у Автомата незрячие, они нужны только для украшения. Им свет вовсе не нужен. Однако герр Мельцель поставил шесть свечей рядом со своим механическим шахматистом. Понадобилось это потому, что шесть свечей дают свет достаточно яркий, чтобы он мог проникнуть сквозь плотную ткань, имитирующую кушак Автомата. Я пришел к заключению, что внутри автомата находится ваш сообщник, герр Мельцель. Он сидит на небольшом возвышении внутри ящика, которое все мы видели. Голова его находится на уровне живота турка, и он смотрит сквозь его кушак.

Я услышал, как за спиной у меня задвигались стулья. Несколько зрителей поднялись со своих мест, чтобы лучше рассмотреть Автомат.

Движением руки я призвал зрителей к тишине.

— Прошу вас сравнить шесть свечей у шахматной доски перед Автоматом. Четыре свечи, дальние от него, горят ровно. В этом помещении нет сквозняка. А вот огонь двух ближайших к турку свечей время от времени отклоняется то в одну сторону, то в другую, как будто они попадают в движение воздуха. Лишь в одном случае воздух размеренно движется вперед-назад: когда дышит человек. Кушак на поясе Автомата нужен для двух целей: скрывающийся внутри человек через него смотрит и дышит.

К этому времени зрители уже начали требовать открыть Автомат. И снова я заставил их замолчать, продолжив:

— Шестерни и зубчатые колеса внутри — бутафория. Я готов биться об заклад, что среди них расположены зеркала, из-за которых кажется, что их больше, чем на самом деле. О да, сэр, вы открыли все дверцы ящика для обозрения, однако сделали это так, что все они ни разу не оказались открытыми одновременно. Во время ваших манипуляций человек внутри перемещался из одной части ящика в другую. Чтобы его спрятать, вы всегда оставляли закрытой одну дверцу. Но я думаю, *кое-что* в вашем механизме все же настоящее. Внутри Автомата должна находиться сложная система рычагов, которыми сидящий в ящике человек управляет рукой турка. Вероятно, в механизме использована система противовесов. Это объясняет одну загадку, которая сначала поставила меня в тупик. Ваш помощник, очевидно,

правша, поэтому автомат предпочитает использовать левую руку. — Я снова поклонился собранию. — Добрый вечер, дамы и господа... и Автомат.

После этого я развернулся и отправился восвояси.

Когда я вышел из музея и направился в меблированные комнаты миссис Яррингтон, мои мысли снова заполнил гротескный образ огромного черного грача. Его когти побудили мой разум сохранить этот яркий образ в стихотворных строках. Но английские грачи не известны в Америке. Быть может, ради моих читателей какая-нибудь другая птица с черным оперением послужит для этой цели...

Моя встреча с Шахматистом Мельцеля произошла три недели назад. Сегодня днем, 6 января 1836 года, я снова занимался делами в своем кабинете в конторе «Мессенджер» на пересечении Пятнадцатой улицы и Мейн-стрит, когда посыльный принес мне сложенный лист бумаги. Когда я его открыл, выяснилось, что это письмо. Почерк у автора был беспорядочный, прописные и строчные буквы налезали друг на друга. Письмо было не подписано. Судя по всему, его написал либо человек, дошедший до крайней степени отчаяния, либо паралитик, который с большим трудом управляет конечностями.

Вот полный текст:

Эдгару По. Труппа Мельцеля закончила выступления в Ричмонде и завтра утром уезжает в другой город. Если вы сегодня придете один к Монументальной церкви после вечерней службы, сможете узнать то, что вас заинтересует.

Это все. Я бросил письмо в корзину для бумаг и вернулся к своим занятиям. Но послание и его загадка пробудили мое любопытство. И вот, дождавшись вечера, ведомый яркой, почти полной луной по мощеным улицам Ричмонда, я пришел на Шокхоу-хилл.

Монументальная церковь имеет форму восьмиугольника и увенчана почти плоским куполом необычной формы. Внутри переднего портика, за дорическими колоннами, стоящими по бокам от входа, находится белая мраморная стела с именами тех несчастных, которые погибли при пожаре 1811 года. Пройдя мимо нее, я с удивлением обнаружил, что дверной засов отодвинут... Возможно, тем, кто ожидал моего прихода. Отворив дверь, я вошел.

Я не впервые оказался здесь. Это была церковь моего детства. Внутри царил полумрак, но я так часто бывал тут и знал церковь так хорошо, что по памяти мог найти каждую деталь ее внутреннего убранства. Прямо передо мной находился алтарь. Я помнил наизусть надпись, выведенную унциальными золотыми буквами над ним: «ПРИСЛУШАЙСЯ, ГОСПОДИ».

Мои шаги по выложенному плиткой полу отдались эхом, когда я двинулся вдоль рядов скамеек к алтарю. Рядом с ним по обеим сторонам стояли два больших подсвечника. Некоторые свечи горели, и в их робком пламени я увидел какой-то предмет, темнеющий перед алтарем, точно принесенный в жертву. Предмет, похожий на продолговатый ящик, над которым возвышалось некое подобие человека.

Это был игрок в шахматы. Автомат Мельцеля.

Слепые глаза турка молча взирали на меня. На верхней крышке ящика, на игровой доске несколько шах-

матных фигур застыли перед скрестившим ноги турком. Подойдя ближе, я увидел, что фигуры расставлены в положении эндшпиля.

Неожиданным угловатым движением левая рука Автомата двинулась и переместила черную ладью к слону.

Я ответил тем же, взял единственного белого слона и поставил на клетку, с которой он угрожал королю Автомата.

— *Êches*, — объявил я.

— *Ты был неправ, Эдгар По*, — раздался приглушенный голос из чрева турка. — *Внутри Шахматиста Мельцеля никого нет.*

Я остался непреклонен:

— Здравой дедукцией я доказал, что ящик предназначен для того, чтобы в нем находился человек, который управляет Автоматом.

— *О да, это так. Но шахматист внутри ящика — не человек... Ибо я перестал быть человеком.*

Из ящика донесся механический звук, его правая дверца слегка приоткрылась. Из-за нее показалась рука и поманила меня.

В отблесках пламени свечи я воззрился на руку невидимого шахматиста. Рука была деформирована: три пальца отсутствовали полностью, оставшиеся большой и указательный были покрыты рубцами, изломаны и изогнуты так, что больше напоминали когти, нежели человеческую плоть.

— *Когда-то я был хорошим шахматистом*, — промолвил грубый голос из ящика. Голос невидимого оратора казался таким же искалеченным и звероподобным, как и его плоть. — *Мой отец, потомок уважаемого мерилендского рода, хотел, чтобы я стал ад-*

вокатом. Если бы я послушался его желаний, а не своих, я бы никогда не оказался здесь.

За приоткрытой дверцей в тени я смутно различил очертания человеческого лица. Человеческого ли? Лицо казалось странно выгнутым, как будто от него была откушена часть, а оставшееся исказилось до неузнаваемости. Тусклое пламя свечей призрачно озаряло яркий рубец рядом с единственным бледным глазом и жутким провалом на месте ноздрей...

— Эта церковь построена на развалинах Ричмондского театра, — произнес голос внутри шахматиста Мельцеля. — Я был здесь в ту страшную ночь, Эдгар По. В первом акте мелодрамы «Окровавленная монахиня» в декорациях дома разбойника Батиста сцену освещал канделябр. В кульминации второго действия мальчик — помощник суфлера должен был поднять канделябр над сценой, над декорациями, в безопасное место.

Исковерканное лицо застыло, как будто каждое слово давалось ему с огромным трудом, а потом он заговорил снова:

— Я стоял в кулисах и смотрел. Я намеренно вырвал веревку из рук мальчика так, чтобы канделябр полетел вниз, на декорации. Они были написаны маслом на холсте и вспыхнули сразу.

— Вы это сделали? — удивился я. — Зачем?

— В угоду зависти, злости и еще несколькими грехам. Я был обесчещенным игроком, жалким пропойцей, неудавшимся актером. Сознание собственной бездарности усугублялось завистью, которую я питал к выдающемуся сценическому таланту своей жены.

Шахматист внутри ящика двинулся, и я увидел его лицо под другим углом. Здесь шрамов и уродств было меньше. С огромным отвращением я узрел в этом изувеченном лице гротескную пародию на *свое собственное лицо...*

— *Я был Дэвидом По, твоим отцом, — промолвило отвратительное существо. — Когда я в Филадельфии узнал о том, что моя жена умерла в нищете в ричмондской таверне, я, облачившись в траур, приехал в Ричмондский театр, место ее триумфов. С трудом я сдерживал ярость, стоя за его кулисами и слыша, как ее дублер произносит ее слова. Как смела эта актриса жить и дышать, когда этого не могла твоя мать? Как смели зрители аплодировать?*

— Негодяй! — воскликнул я. — Вы говорите о матери так, будто она была дорога вам, но она не умерла бы без гроша в кармане, если бы вы ее не бросили.

— *Это так, — промолвили останки моего отца. — Я не имел права жить и стал искать смерти. Я страстно желал последовать за своей женой прочь из мира живых и вознамерился присоединиться к ней на сцене в ином царстве. Поджигая театр спустя восемнадцать дней после бесславной смерти моей жены, я собирался принести себя в жертву, бросившись в огонь... И забрав с собой столько невинных, сколько получится.*

— Последнее вам особенно хорошо удалось.

— *Верно. Театр вспыхнул, как спичка, и через две минуты был уже полностью охвачен пламенем. Партер быстро опустел — денежные мешки ушли сразу. Балконам не так повезло. — Недочеловек*

в ящике оживленно жестикулировал. Я заметил, что вместо одной руки у него была культя, замотанная грубой тканью.

— *Я сам был изувечен в том пожаре, —* просто-нало лоскутный недочеловек. — *Большую часть конечностей мне ампутировали в ричмондской больнице для бедных, где я благоразумно назвался чужим именем. Я знал, что своей семье в Балтиморе я был не нужен, поэтому послал им фальшивое письмо о своей смерти. Жил я подаянием.* — Недочеловек покашлял. — *Подавать стали больше после августа 1812 года, когда я начал говорить, что был ранен во время осады Детройта в войне Мэдисона с англичанами.* — Он снова закашлял. В мерцании церковных свечей я рассмотрел, что из обезображенного рта Шахматиста течет кровь.

— Как в это оказался вовлечен герр Мельцель? — спросил я.

— *Мельцель спас меня, —* ответил калека, назвавшийся моим отцом. — *Ему был нужен хороший шахматист, который поместился бы в маленький ящик.* — Недочеловек горько рассмеялся и помахал своей культей. — *На этот раз мои обрубки дали мне преимущество перед полноценными людьми. Если бы твоя мать...*

Автомат замолчал.

— Что моя мать? — спросил я.

Внутри ящика раздалось тихое шуршание.

— Вы говорили о моей матери, — настойчиво повторил я.

С той секунды я впал в странное неистовство. К моим рукам и ногам как будто приделали нити,

и я превратился в марионетку, управляемую невидимым кукловодом. Мне противостоял человек, который выдавал себя за Автомат. Воистину, теперь я сам стал автоматом в человеческом обличье... Ибо душа моя уже не властвовала над телом, и я понял, что шевелюсь и двигаюсь, как механизм. Мои действия теперь совершались не по моей воле, а словно были вызваны вращением невидимых колесиков и шестеренок. Как марионетка на послушно сгибающихся ножках, я прыгнул к алтарю.

Как шахматной фигурой, не наделенной собственной душой, управляет гроссмейстер, которому нет дела до судьбы пешки, так и мною руководил *не мой разум*.

На стенке алтаря висел кованный подсвечник с тремя горящими свечами. Мои руки схватили его, послушные командам какого-то невидимого механика — возможно, им был Мельцель, — я сорвал тяжелый подсвечник со стены и с силой ударил им по резной деревянной голове турка-шахматиста, сбив тюрбан и расколов его лицо. Когда лицо Автомата разверзлось, большие глаза его вылетели из орбит. Они были сделаны из венского стекла, и на какой-то краткий миг мой разум освободился от хватки невидимого повелителя, и я успел подивиться мастерству, с которым были изготовлены искусственные глаза. Потом механик снова завладел мною. Я снова — потом еще и еще раз! — обрушил подсвечник на ящик Мельцеля.

Я обезглавил турка. Из его недр донесся тихий стон, и я вспомнил, что чудовищная фигура прячется во чреве Шахматиста. Я пробил деревянный живот и ощутил сладостное удовольствие, когда увидел кровь на кованом подсвечнике... Я ударил еще раз...

Почувствовав запах тлеющей ткани, я обернулся и увидел, что в охватившем меня безумии я разбросал горящие свечи. Одна из них упала на занавес позади алтаря, и тот вспыхнул.

Испуганное существо — сокращенное издание человека — отчаянно пыталось выбраться из ящика Мельцеля. Я еще раз опустил подсвечник, прямо на нечеловеческое лоскутное лицо. Существо застонало и обмякло. Я увидел, как два оставшихся пальца на карикатурном подобии руки разомкнулись. Шахматная фигура — резная деревянная пешка — выпала из них на горящую ткань алтаря.

Безымянный гроссмейстер отпустил мой разум после эндшпиля. Невидимый кукловод обрезал нити. Я перестал быть механизмом.

Развернувшись, я выбежал из охваченной пламенем Монументальной церкви. В портике я столкнулся с высоким белым видением. Это была мраморная стела с именами тех, кто погиб на этом месте в пылающем Ричмондском театре. Мне захотелось добавить еще одно имя к этому списку, имя моего отца Дэвида По.

Я проснулся, окруженный испарениями дистиллированного спирта. Оказалось, что я лежу на полу своей комнаты в доме миссис Яррингтон. Дверь на щеколде. Беспорядок моей одежды и дрожь в конечностях указывали на то, что я снова поддался пагубному пристрастию к алкоголю. Рубашка моя была пропитана бурбоном, рядом лежала разбитая бутылка.

На столе перед собой я увидел неправленную рукопись. Чернила еще не высохли. Я узнал свой почерк, но я как будто не владел собой, когда водил пером: буквы

прыгали, чернильное пятно залило несколько абзацев, в некоторых местах перо прорвало бумагу.

Прочитав написанное, я увидел, что на этих страницах изложено рассказанное выше... Кроме этих последних абзацев. Но что я написал? Художественное произведение или репортаж? Рукопись полна деталей и подробностей, но память моя чиста, как лист бумаги. Я не помню ничего, что происходило со мной за последние часы.

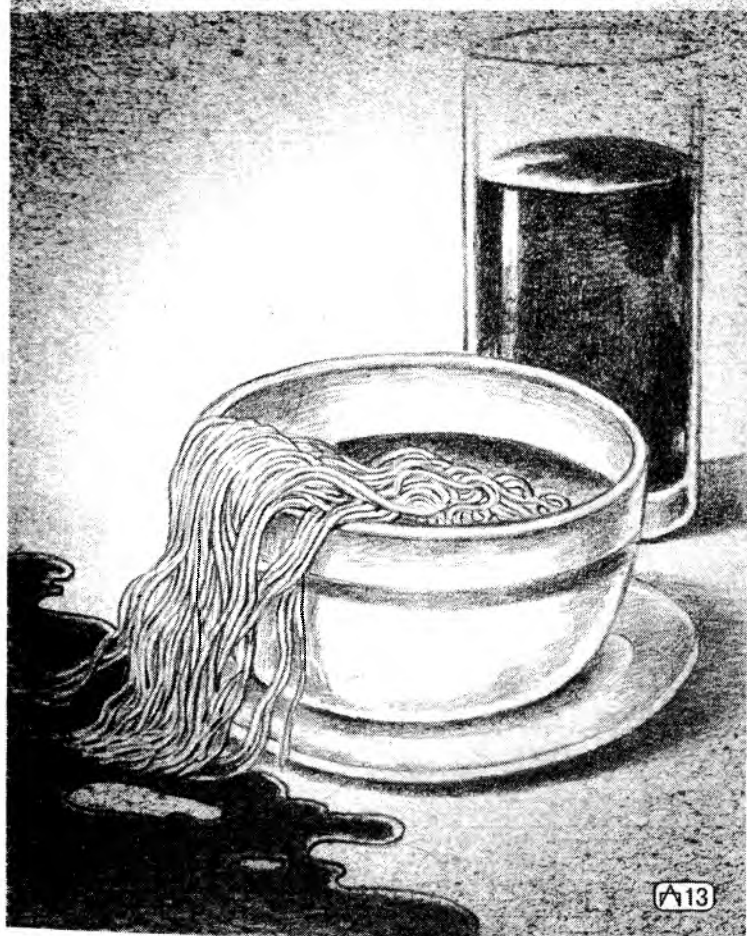
Правда это или вымысел? Возможно ли, что все это, полностью или частично, пригрезилось мне или приснилось в ночном кошмаре? Или же все это явь, холодная действительность? Ходил ли я вечером в Монументальную церковь? Встречался ли с Автоматом Мельцеля? Человек внутри машины всего лишь выдавал себя за моего родителя Дэвида По? Или я убил собственного отца? *Поджег ли я церковь?*

В коридоре крики. Кто-то стучит в дверь. Доносятся голоса.

Я должен узнать, чего от меня хотят.

Ричард Кристиан Мэтесон

ДЕЛАЮ ПОЛКИ

Ричард Кристиан Мэтесон — романист, автор рассказов, сценарист и продюсер. Он работал над сотнями эпизодов популярных телевизионных драматических и комедийных сериалов и в девятнадцать лет стал самым молодым писателем, когда-либо заключившим контракт с «Юниверсал студиос».

В различных кино- и телевизионных проектах он сотрудничал с такими режиссерами и продюсерами, как Ричард Доннер, Мел Брукс, Джозл Сильвер, Айван Рейтман, Стивен Спилберг. На сегодняшний день Мэтесон написал и продал двенадцать оригинальных киносценариев, что считается рекордом. Кроме того он является автором сценария более двадцати серий комедийных и драматических шоу телеканалов «Шоутайм», «Фокс», Эн-би-си, Эй-би-си, «Спайк» и Си-би-эс.

Не так давно Мэтесон написал три сценария для выходящего на «Шоутайм» сериала «Мастера ужаса» (первые два были сняты режиссером Тобом Хупером), а для сериала «Ночные кошмары и фантастические видения» телеканала Ти-эн-ти написал получившую одобрение критиков адаптацию рассказа Стивена Кинга «Поле боя», по которой был снят часовой эпизод с Уильямом Хертом в главной роли. Его решение написать сценарий без диалогов озадачило критиков. «Нью-Йорк таймс» назвала эпизод «маленьким шедевром». Сейчас он занят написанием сценариев для двух полнометражных

фильмов и восьмичасового мини-сериала для режиссера Брайана Сингера.

Тридцать рассказов Мэтесона опубликованы в сборнике «Шрамы и другие особые приметы», предисловие к которому написал Стивен Кинг. «Дистопию», сборник из шестидесяти рассказов, предваряет введение Питера Страуба. Его дебютный роман «Создание» стал самой продаваемой книгой в твердой обложке издательства «Bantam», получил премию Брэма Стокера и стал выбором клуба «Книга месяца». Роман был переведен на несколько языков.

«В культуре, отравленной крайностями, — замечает Мэтесон, — серийные убийцы неизбежно становятся героями легенд. Позади каждого из них тянется жуткий шлейф из побочных жертв, тех еще живых людей, которые знали убийцу в повседневной жизни: дети, сотрудники, друзья, жены. Когда новости, похороны и смертные казни затмеваются свежими похищениями и зверствами, близкие серийного убийцы должны продолжать жить, несмотря на предательство, перевернувшее их мир. В рассказе “Делаю полки” вы проведете время в обществе такого человека. Начался он с голой сюжетной линии, которая впоследствии обросла деталями, хоть и не многими. В общем, мне хотелось наполнить рассказ ощущением душевной травмы и опустошенности».

Вода со льдом. Бриллиант на белой скатерти.

Тощая женщина кашляет, прикрывая рот рукой.

За соседним столиком мальчик ест пирог и не мигая смотрит на меню в ее бледных руках.

Она просматривает прилагательные в названиях блюд. Представляет себе супы, мясо. Их темную сочность, пикантные соусы.

Все это наполняет ее ужасом.

Она продолжает изучать список. Пустой желудок сводит.

Может быть, салат без приправ?

Но помидоры! Повар разрежет их, обнажит влажные незащищенные семена, потечет сок.

Подходит официантка. Возможно, «блюдо дня»? Баранина без специй.

Желудок тощей женщины снова сжимается в спазме. Она представляет себе, как мертвая плоть ложится в ее рот, как в гроб. Ее начинает тошнить.

Почему она не услышала их?

Официантка наклоняет голову. Тощей женщине нужно еще минуту подумать. Официантка кивает; этот разговор повторяется изо дня в день.

Пара за соседним столиком изучает омара, изумляясь безжизненным клешням. Помощник официанта подметает шваброй, как метроном.

Тощая женщина смотрит на мальчика, поедающего пирог. Губы его окрасились соком ягод и посинели, как у мертвеца.

Электропилы, стук молотков.

Может быть, вермишель? Без приправ.

Но длинные нити похожи на светлые волосы...

Она снова пытается сделать глоток воды, но кубики льда уже растаяли; вода похожа на нагретую страхом слюну.

Его нежная улыбка; то, как он выписывал рецепты. Идеальный муж.

Официантка напоминает, что ей нужно есть. С каждым днем она теряет вес. Она такая красивая. Ведь уже год прошел. Она должна идти дальше. Тощая женщина слушает, кивает. Пытается не смотреть на мальчика.

«Делаю полки», как он говорил; дверь в подвал всегда закрыта.

Тощая женщина поднимает глаза на официантку. Губная помада девушки напоминает об окровавленных ртах.

Она бежит между красными губами, по темному коридору, к запретной двери. За ней — музыка, оглушающая. Она прикладывает к двери ухо; слышит удары лезвий. Барабанит в дверь, пока та не поддается.

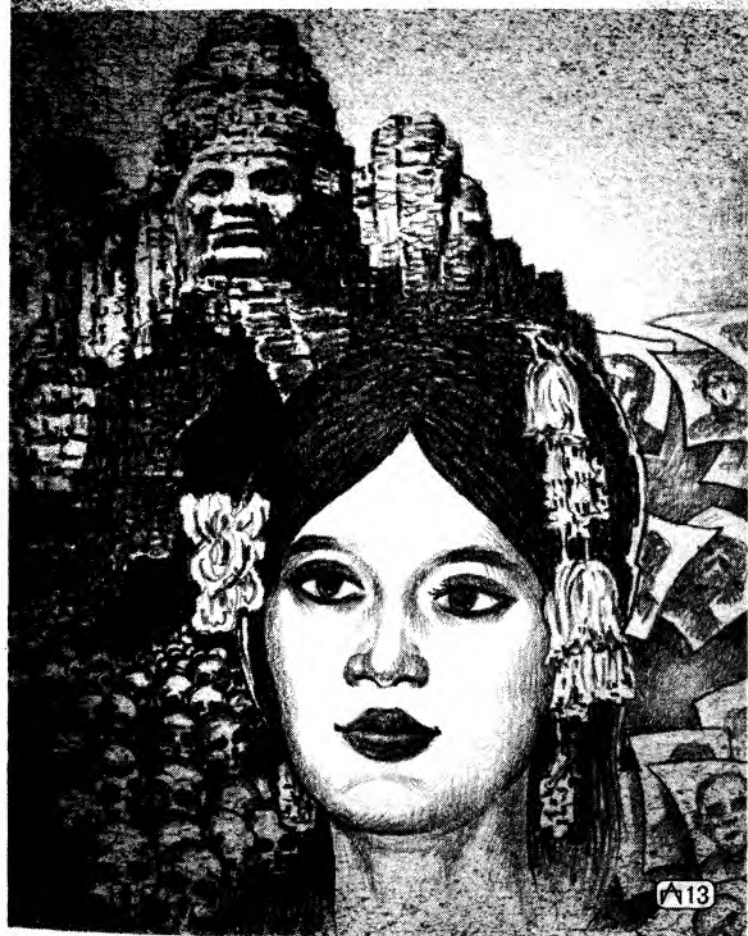
Видит двух мальчиков, подвешенных вниз головой к потолку, кричащих сквозь кляпы, наполовину освежеванных. Он поворачивается. Защитные очки испещрены красными точками. Черный резиновый фартук в пятнах. На печи позади него кипит суп со специями.

Тощая женщина говорит официантке, что потеряла аппетит.

Возможно, завтра.

Улыбка сползает с лица мальчика, когда он провожает ее взглядом до двери. Под бледной кожей проступают кости и вены.

Джефф Риман
**ПРЕКРАСНАЯ
ДОЧЬ ПОЛНОТА**
(фантазия)

Джефф Риман родился в Канаде, но большую часть жизни провел в Великобритании. Писатель является лауреатом премии Британской ассоциации научной фантастики, премии Артура Кларка, Мемориальной премии Джона В. Кэмпбелла, премии Джеймса Диптри-младшего и премии «Небьюла».

Среди изданных Риманом научно-фантастических книг и произведений в жанре фэнтези «Воин, который нес жизнь», «Непокоренный край», «Детский сад», «Было», «Похоть» и «Воздух». Его «253, или Театр в метро», прежде чем выйти из печати, был опубликован в Интернете. Действие в его книге «Последняя песня короля» разворачивается в Камбодже прошлого и настоящего.

«В 1975 году я прочитал в “Таймс” рассказ очевидца эвакуации Пномпеня, который захватил мое воображение, — вспоминает Риман. — В 2000 году один мой друг пригласил меня посетить раскопки австралийской археологической группы. Вернувшись и начав проводить исследования, я снова влюбился в Камбоджу и в то, как она оживает. Об оживании я пока еще не написал, но два длинных рассказа и один роман все же последовали».

Одним из этих рассказов был «Прекрасная дочь Пол Пота (фантазия)», который номинировался на премию «Хьюго» как лучший научно-фантастический рассказ года.

«И как они не поняли, что это рассказ о призраках?» — удивляется писатель.

В Камбодже люди привычны к призракам. Призраки покупают газеты. Призраки владеют собственностью.

Несколько лет назад призраки владели домом в Пномпене, в районе Тра Бек на бульваре Монивонг. Красные кхмеры казнили всю семью, и в доме не осталось никого живого. Люди ездили на велосипедах мимо заколоченного дома и слышали, как внутри кто-то плачет.

Потом из Америки прилетела профессиональная на следница. Она провела исследования и установила, что является последним живым родственником как минимум трех семей. Она немедленно продала дом какому-то китайскому бизнесмену, который превратил первый этаж в фотокопировальный центр.

Копировальные аппараты начали печатать изображения первых владельцев дома.

Поначалу черно-белые фотографии появлялись в копиях досье социальных работников и функционеров правительства. Отец убитого семейства был адвокатом. Он смотрел яростным взглядом с фотографий, как будто чего-то требуя. На других фотокопиях его прекрасные дочери горестно обнимали друг друга. Фон был расплывчатый, как будто в тумане.

Однажды ночью владелец копировального центра услышал шум, сбежал вниз и увидел, что все пять копировальных машин печатают изображения лиц, страница за страницей, не переставая. Молодые студенты, старухи, родители с маленькими детьми, правительственные солдаты в форме. Он нажал большую зеленую кнопку отключения. Ничего не произошло.

Он выдернул из розеток все провода, но машины продолжали плодить лица. Женщины с высокими прическами и умные дети в очках тоскливо взирали с фотокопий. Все они, казалось, вспоминали о шестидесятых годах, когда Пномпень был самым красивым городом Южной Азии.

Новость распространилась. Люди начали приходить в дом, чтобы опознать пропавших родственников. Женщины плакали: «Это моя мать! У меня не было ее фотографии!» Обливаясь слезами, они прижимали листы форматной бумаги к груди. Бумага от слез и сырости размягчалась, как будто тоже плакала.

Вскоре перед фотокопировальным центром каждое утро выстраивалась очередь из желающих увидеть последнюю порцию бумаг с лицами исчезнувших людей. Отчаявшийся владелец центра сказал, что будет отвозить их прямиком в редакцию «Правды», журнала, посвященного семейной жизни.

А потом как-то утром он попытался открыть дверь дома и обнаружил, что та заблокирована. Он подошел к фасаду и поднял металлические ставни.

Помещение копировального центра от пола до потолка было полностью забито фотокопиями. На первом этаже окна отсутствовали, значит, комната наполнялась изнутри. Владелец центра вытащил одну из страничек и увидел себя, лежащего на земле, голова его была пробита мотыгой. На всех остальных листах было то же самое изображение.

Он уничтожил фотокопии и сразу же продал дом. Новому владельцу нравилась потусторонняя репутация дома, которая отпугивала людей. Вывеску «Продается» он оставил висеть на третьем этаже.

В некотором смысле покупатель дома сам был призраком.

Это совершенно неправдивая история о ком-то, кто должен существовать на самом деле.

Дочь Пол Пота, его единственный ребенок, родилась в 1986 году. Звали ее Сит, и в 2004 году ей исполнилось восемнадцать.

Сит любила кондиционеры и роскошные автомобили. Волосы она заплетала во множество африканских косичек, и в брови у нее блестел пирсинг. Продуманно рваные джинсы украшала искусная вышивка. На розовых футболках красовались кричащие принты на английском языке: «Башню снесло», «Клевая девчонка».

Сит жила, как женщина из тайских телефильмов, с блестящей помадой на губах и ухоженными гладкими волосами, которая делала, что хотела. Девять простых правил помогали ей избегать любых неприятностей.

1. Никогда не думай о прошлом или о политике.
2. Не обращай внимания на призраков. Они ничего не могут тебе сделать.
3. Не ходи в школу. Найми частных учителей. Не делай домашние задания, это портит настроение.
4. Позволяй возить себя только на «мерседесе» или на BMW.
5. Избегай хорошо одетых камбоджийских парней. Это сыновья двухсот пятидесяти тысяч новоиспеченных генералов, назначенных режимом. Они чувствуют безнаказанность.
6. Избегай любых мужчин с пузом. Они слишком хорошо питаются, а значит, избалованны.

7. Избегай всех, кто ездит на мотоцикле «тойота ви-ва» или «хонда дрим».

8. Не отвечай на письма и телефонные звонки.

9. Никогда не заводи друзей.

Существовало еще десятое правило, но это было и так понятно.

Гнилая кожа фруктов и черная грязь никогда не марили дизайнерские спортивные туфли Сит. Нищие не кланчили у нее подачек. Каждый прожитый день для нее не отличался от предыдущего.

Ежедневно водитель отвозил ее в торговый центр «Сория маркет». Это было почти единственное место, где появлялась Сит. Серое многоэтажное здание венчал круглый стеклянный купол.

Сит предпочитала вход со Сто сорок второй улицы. Из-за зеленого навеса казалось, что все входящие сделаны из нефрита. Дверь вела прямо в холодную, как лед, ротонду, в которой находились ювелирные лавки. Пол здесь был выложен полированными черными и белыми камнями. Каждая лавка сияла вывешенными на обозрение ожерельями и серьгами.

Сит любила маленькие яркие вещички, у которых не было воспоминаний. Она ненавидела политику и отказывалась слушать новости. Прекрасная дочь Пол Пота надеялась, что нынешнее руководство окажется таким же порядочным, каким всегда был ее отец. Для нее.

Она вспоминала нежный голос отца. Она вспоминала, как сидела у него на коленях посреди леса на огороженном участке и как ее кусали комары. Воспоминания о малярии глубоко врезались в ее память. Теперь леса для нее прочно ассоциировались с тошнотой, жаром и болью. Если на кожу Сит падала тень дерева, она ощу-

щала рвотные позывы, а стоило ей почувствовать запах земли или прелых листьев, ее желудок выворачивался наизнанку. Она ни разу не бывала в Ангкор-Вате¹ и ничего не читала.

Сит ходила по магазинам. Ее шофер получал зарплату от правительства и всегда имел при себе АК-47, но его жена-домохозяйка не знала, кем является Сит. В ее доме было полно мрамора, тиковой мебели, айподов, экс-боксов и плазменных панелей.

Пожалуйста, помните, что каждое слово этой истории — ложь. Пол Пот, несомненно, был идейным коммунистом и, управляя Камбоджей, не искал личной выгоды. Тем не менее каждый месяц со счета в швейцарском банке Сит переводились изрядные денежные суммы.

Ничто не трогало Сит. До тех пор пока она не влюбилась в продавца из «Хэлло фоунс».

Читатели из Камбоджи, возможно, знают, что в 2004 году в «Сория маркет» не было магазина, продающего мобильные телефоны. Однако там имелось отделение «Хэлло фоунс кардс», занимавшее полукруглую синюю стойку с оранжевой каймой.

Каждый день Сит покупала или меняла здесь телефоны. Она садилась перед стойкой и встряхивала волосами.

Звали продавца Дара, что означает «звезда». Дара знал все о ценах на звонки, о сим-картах и новых телефонах, которые могли воспроизводить видео. Он мог поставить ей на звонок любой рингтон.

¹ Ангкор-Ват — гигантский индуистский храмовый комплекс в Камбодже, посвященный богу Вишну. Является одним из крупнейших культовых сооружений мира. Включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. (Примеч. ред.)

Разговоры с Дарой не нарушали ни одно из правил Сит. Пуза он не имел, не одевался хорошо и был далеко не подростком. Возраст у него был вполне удобный — двадцать четыре года.

Как-то раз Дара усмехнулся и сказал:

— Прими дружеский совет: не нужен тебе еще один телефон.

Сит сморщила носик.

— Мне этот все равно уже не нравится. Он синий, а мне хочется что-то более женственное. Только не слишком девчачий! И у него звук должен быть получше.

— Хорошо. Но ты можешь сэкономить деньги и купить какую-нибудь новую одежду.

Прекрасная дочь Пол Пота чуть наклонила голову, отчего, она знала, шея ее казалась еще более длинной и грациозной.

— Тебе нравится, как я одеваюсь?

— Почему ты меня спрашиваешь?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Полезно знать, как ты выглядишь.

Дара кивнул.

— Ты классно выглядишь. А что говорит твоя сестра?

Сит рассказала, что у нее нет семьи. «А», — понимая произнес он и поспешил сменить тему. Это было супер! Доверие и симпатия установлены одним махом!

На следующий день Сит зашла сказать, что розовый телефон выглядит слишком женским. Дара громко рассмеялся, глаза его заблестели. Сит появилась в магазине не с утра, а ближе к обеду, как раз в такое время, когда он мог задать этот вопрос:

— Ты не голодна? Может, пообедаем вместе?

Если она ответит «да», примет ли он ее за дешевку?
Если ответит «нет», посчитает ли снобом?

— Только в «Сория маркет», — сказала она.

Она разрывалась между «Би-Би-Уорлд бургерс» и «Лаки 7». Большой круглый «Би-Би-Уорлд» располагался на пару этажей ниже купола, а «Лаки 7» являлся частью супермаркета «Лаки», прекрасного магазина, в котором маленькая банка «Максвелл хаус» стоила эквивалент двух американских долларов и сорока центов.

Решили идти в «Би-Би-Уорлд». Он был залит светом, и через его большие чистые окна можно было любоваться городом. Сит сидела молча.

Дочери Пол Пота нечего было сказать, если она не покупала что-то.

Или, вернее, сказать она могла лишь одно, но говорить этого она не должна была никогда.

Дара говорил за двоих. Он рассказывал о том, что ребята с третьего этажа могут достать ему несколько оригинальных дисков игры «Большая автокража». Он намекал, что может организовать для Сит дисконтную карточку «Би-эс-фэшн», современного модного магазина этажом ниже.

Неожиданно он замолчал.

— Слушай, не нужно бояться, — произнес он голосом доброго взрослого дяди. — Я вижу, ты воспитанная девушка. Мне это нравится. Это здорово.

Сит снова не нашла, что сказать. Она смогла только кивнуть. Ей захотелось убежать.

— Хочешь сходить в «Кей-фор»?

«Кей-фор», большой магазин электроники, продавал товары всех самых известных марок: «Хитачи», «Сони», «Панасоник», «Филипс», «Денон». Но стоило это

так дорого, что почти никто не отоваривался здесь. Именно поэтому он и нравился Сит. Толпа людей стояла снаружи и смотрела через витрину на огромный домашний кинотеатр, на котором через DVD-проигрыватель показывали «Ледниковый период». На экране маленький зверек улепетывал от ледника. Это было захватывающе.

Наконец Сит нашла, что сказать:

— Я бы на их месте никогда из дома не выходила.

Дара покосился на нее и решил рассмеяться.

На следующий день Сит сказала ему, что все телефоны, какие у нее есть, слишком большие. Нет ли у него такого, который можно было бы носить на шее, как украшение?

На этот раз они пошли в «Лаки 7», сели напротив отдела «Ревлон» и стали смотреть, как визажисты «Ревлона» укладывают волосы парням.

Дара рассказал ей о себе. Отец его погиб на войне, и его семья теперь живет в деревне. Кола в стакане Сит неожиданно приобрела вкус противомалырийного лекарства.

— Но... Ты же не хочешь сам жить в деревне? — спросила она.

— Нет, мне, чтобы зарабатывать, нужно жить в Пномпене. Но мои родственники — хорошие, добрые деревенские люди. Скромные. — Он смущенно улыбнулся.

У них куры, и кто-нибудь из них собирает кокосы с пальм. Там кругом деревья и ни одного магазина. И земля пахнет.

Она не смогла допить напиток. Вздохнула, улыбнулась и произнесла отрывисто:

— Извини. Было клево. Но мне пора.

Она медленно встала из-за стола.

По дороге обратно в ювелирную ротонду, не зная, чем заняться, она вдруг подумала, что Дара решит, будто он не понравился ей.

От этого защипало в глазах.

На следующий день она вернулась и даже не стала делать вид, что хочет купить новый телефон. Даре она сказала, что вчера так быстро ушла, потому что вдруг вспомнила, что была записана к парикмахеру.

Он заметил, что она много внимания уделяет своим волосам, а потом пригласил ее вечером сходить в кино.

Остаток дня Сит провела в «Кей-фор».

Встретились в шесть. Дара был таким обходительным, что даже не предложил идти на фильм ужасов. Он сказал, что хочет посмотреть «Где скрывается девушка из Буффало», фильм о девушке, живущей на ферме. Сит с большим чувством сказала, что лучше сходила бы на фильм ужасов.

Вход в кинотеатр находился прямо на крыше «Сория-маркет». Зеленая ограда здесь была сплошь покрыта граффити. И почему людям так хочется разрушать новое и красивое? Сит взяла Дару под локоть и поняла: теперь она его девушка, а он ее парень.

— Наконец-то, — сказал он.

— Наконец-то что?

— Ты сделала хоть что-нибудь.

Они облокотились на ограду и стали смотреть на жилые дома. На западе, ближе к реке, стояло здание, крыша которого представляла собой одну большую террасу. Женщины встречались на ней, чтобы посплетничать, а дети играли в «зашвырни сандалию». С такого расстояния Сит была очарована картинкой.

— Обожаю смотреть на детей.

Фильм (тайландский) оказался о женщине-людоедке, лицо которой то и дело синело и покрывалось пятнами. Женщина была мерзкой, но не такой страшной, как голоса отвратительного дубляжа. Все персонажи этого фильма разговаривали, как одержимые. Как будто в тайландцев вселились души мертвых камбоджийцев.

Каждый раз, когда Сит становилось страшно, она начинала хихикать.

Так она и хихикала от страха весь фильм. Дара решил, что она смеется над глупостью этого фильма, и был приятно удивлен тем, что она разбирается в кино. Он тоже начал посмеиваться. Она подумала, что ему тоже страшно. В темноте они взялись за руки.

Когда сеанс закончился, они вышли из кинотеатра. Воздух даже поздним вечером был жарким, и на Сто сорок второй улице стоял запах помоев. Сит шла на цыпочках, огибая маслянистые лужи и выброшенные рыбные кости.

Дара предложил:

— Я отвезу тебя домой.

— Мой водитель может отвезти нас, — сказала Сит, открывая мобильник, на крышке которого был изображен лягушонок Кермит.

Черный «мерседес» остановился, с хрустом раздавив несколько пластиковых бутылок в канаве. Сиденья лимузина были обтянуты коричневой кожей, водитель — вооружен.

У Дары отвисла челюсть.

— Кто... Кто твой отец?

— Он умер.

Дара покачал головой.

— А кем он был?

Обычно Сит, представляясь, называла фамилию матери, но это не ответило бы на вопрос. Забеспокоившись, она попыталась представить, кто мог быть ее отцом. Она не знала никого, кто подходил бы по возрасту. Но тут ей пришло на ум имя одного политика, который не так давно умер, и она в панике назвала его.

— Его звали Кол Виреакбот. — Правильно ли она произнесла имя? — Пожалуйста, не говори никому.

Дара прикрыл глаза ладонью.

— Мы... моя семья, отец... мы сражались за КПЛА.

Сит с трудом удалось заставить себя не спросить у него, что такое КПЛА.

Кол Виреакбот был лидером группировки, принимавшей активное участие в гражданской войне. Они воевали против красных кхмеров, против вьетнамцев, против короля и коррупции. Они хотели, чтобы Камбоджа зажила по-новому. Кол Виреакбот был камбоджийским лидером, который не сказал ни слова лжи и не брал взяток.

Не забывайте, что эта история — сплошная выдумка.

Дара попятился от машины.

— Наверное, нам не стоит этого делать. Я простой парень из деревни...

— Ну и что?

Его глаза закрылись.

— Другого от дочери Кол Виреакбота я и не ожидал.

Тьфу ты! Надо же было так неудачно имя выбрать!

— Пожалуйста! — сказала она.

— Хорошо, — вздохнул Дара. — Я обещал проводить тебя домой, значит, провожу.

Сев в «мерседес», он погладил кожаное сиденье.

Когда приехали, он закинул голову, осматривая здание.

— Какой твой этаж?

— Все.

Кровь отлила от его лица.

— Мой водитель отвезет тебя обратно.

Стоя у закрытых ворот гаража, она горестно махала вслед отъезжающей машине.

Потом Сит охватила паника. Кто такой Кол Виреакбот? Она зашла в Интернет и ввела это имя в поисковик. Пришлось читать про войну. По коже пошли мурашки. Бесчисленные группировки и фракции перемешались у нее в голове: АНС, НАДК, КПР, КПНЛФ. Сами названия звучали так, будто их произносили давно забытые голоса.

Вскоре ее терпение иссякло. Она распечатала фотографию Виреакбота и решила вставить ее в рамку — вдруг Дара как-нибудь зайдет в гости.

Кол Виреакбот оказался обладателем круглого лица и отеческой улыбки. Добрые пронизательные глаза его, казалось, были слегка скошены к переносице. Он погиб, когда в его автомобиль подложили взрывчатку.

Всю ночь Сит слышала шепот.

Утром в лотке принтера оказалась черно-белая фотография другого человека.

На Сит с листа бумаги смотрела женщина с вытянутым лицом и торчащими зубами. Сит отметила про себя недочеты в ее внешности. Выющиеся волосы женщины лежали на голове как попало. Ей бы нужно их выпрямить и добавить каких-нибудь украшений. Глаза женщины словно хотели просверлить ее насквозь.

— Она ничего не может мне сделать, — прошептала Сит и оставила фотографию в принтере. Не став завтракать, она сразу поехала к Даре.

Под глазами у того лежали тени, форменные брюки и рубашка были выглажены плохо.

— Покупай сразу весь магазин, — сказал он. — Ребята из «Кей-фор» рассказали мне, что вчера какая-то девушка в голубых джинсах купила у них два домашних кинотеатра. Один для салона, сказала она, и один для террасы на крыше. Заплатила за оба сразу и велела доставить их в дальний конец Монивонга.

Сит вздохнула.

— Один я буду возвращать. — Она надеялась, что это покажет ему, насколько умеренны ее потребности. — Он слишком блестящий для моих занавесок.

Пауза.

— Еще она купила робота-собаку Аидо за полторы тысячи долларов.

Сит расстроилась из-за того, что Дара узнал о собаке. Это была просто дурацкая игрушка. Ей не приходило в голову, что собака может столько стоить, пока она не увидела счет.

— Им бы лучше не рассказывать о делах своих покупателей, а то скоро они без них останутся.

Дара смотрел на нее так, будто думал: «Это не просто красивая девушка».

— Мне вчера понравилось, — произнесла она голосом тоненьким, как облака высоко в небе.

— Мне тоже.

— Нам ведь не обязательно кому-то рассказывать о моей семье, правда? — Она серьезно испугалась, что потеряет его.

— Да, но, Сит, это как-то глупо. Твоя семья, моя семья — мы же не ровня.

— Это ничего не значит.

— Ты обманула меня. Не все твои родственники погибли. У тебя известные дяди.

Действительно. Дядя Иенг Сари, дядя Кхиеу Самфан, дядя То Мак — всю клику Пол Пота называли ее дядями.

— Я их плохо знала. — Это тоже было правдой.

Что ей делать, если она больше не сможет покупать вещи в «Сория маркет»? Что ей делать без Дары?

Она начала умолять:

— Я не сильная личность. Иногда мне кажется, что я совсем не личность. Я всего лишь пространство.

Лицо Дары вдруг сделалось злым.

— Ты всего лишь кредитная карточка. — Сказав это, он смягчился. — Извини. Не нужно было так говорить. Ты очень молода, я старше тебя и должен заботиться о тебе.

Сит была на грани отчаяния.

— Но это же хорошо, что у меня столько денег!

— Я не товар, который можно купить.

Он работает в магазине и посылает деньги домой, семье, лишенной отца. И этот человек говорит, что он не продается!

Маленькое сердце Сит было плохо приспособлено для чувств, но голова соображала отменно. Она прекрасно понимала, что это дело деликатное: все равно что сорвать цветок и не испортить соцветие.

— Давай... Давай просто сходим в кино.

В конце концов, она была красивой и воспитанной; она знала, что глаза у нее большие и округлые. Ее маленькое сердце наполнилось болью.

На этот раз они посмотрели «Тум Теав», римейк старого фильма, снятого в шестидесятых. Если фильмы

были не кошмарами про привидений, его создатели старались сохранить камбоджийское настоящее. И когда, думала Сит, они снимут кино о будущем Камбоджи? В основе «Тум Теав» лежала классическая история любви молодого монаха к девушке из богатой семьи. Мать девушки противилась их связи, и в конце влюбленные совершили самоубийство, чем навлекли проклятие на свою деревню. Весь фильм Сит просидела с каменным лицом. *Я не стану героиней, умирающей в конце мелодрамы.*

Дара снова предложил подвезти ее домой, тогда-то Сит и узнала, что у него «хонда дрим». Он с гордостью показал ей сверкающий мотоцикл молодых людей, не боящихся скорости. Сит почувствовала себя загнанной в угол. Один раз она уже пыталась купить его. Предлагать ему снова ехать в ее машине означало подвергнуть его новому унижению.

Поэтому она нарушила правило номер семь.

Дара закинул сумку за спину, когда они с ревом проносились по полному бульвару Монивонг мимо бездомных, проституток и уставших поваров, бредущих домой после работы. Начался дождь.

Сит понравилось. Даже очень. Бьющий в лицо холодный ветер, еще более холодные капельки дождя на ресницах.

Она вспомнила себя пятилетней, как в сезон дождей она ходила в лес и танцевала. Она обвила руками талию Дары, чтобы не упасть с мотоцикла, и вдруг обнаружила, что прижимается щекой к его спине. Она захихикала от страха, но испугалась она не дождя, а своих чувств.

Он довез ее до самого дома. Внутри было темно, только на принтере горела зеленая лампочка. В лотке

оказались две новые фотографии. Одна — ребенка, мальчика, держащего школьную грамоту, другая — пожилого мужчины с умными глазами, ироничной улыбкой и горькими складками возле рта. Смотрели они прямо на нее.

Они знают, кто я.

Поднимаясь по лестнице в спальню, она услышала тихий плач, как будто кто-то плакал в соседнем доме. Она приложила руку к стенам. Они слегка вздрагивали в такт всхлипам.

В спальне она вытащила из клубка спутанных проводов один из многочисленных айподов и включила на полную мощность группу «Систем оф Даун». Это помогло ей заснуть. Металлические гитары гремели словно в самом ее сердце.

Пронизанным солнцем утром ее разбудил звонок во входную дверь, находившуюся многими этажами ниже. Она услышала, как Джорани, экономка, открыла дверь. Сит какое-то время не могла выбрать, какие джинсы и топ надеть, а когда спустилась, увидела, что ее водитель и экономка угощают чаем Дару.

Дара, как солнечный свет, разогнал призраков.

— Привет, — сказал он. — У меня сегодня выходной. Я подумал, мы можем съездить на мотоцикле за город. Что скажешь?

Только не за город! Нельзя ли провести этот день в «Сория маркет»? «Нет, — ответил он, — в Пномпене полно других мест, которые стоит посмотреть».

Он повез ее по лабиринту узких улочек. Как может город дойти до такой нищеты? Откуда здесь столько грязи?

Они зашли в новый современный магазин фирменных компакт-дисков. Дара знал все самые крутые но-

вые группы, в основном собранные кхмеро-американцами, возвращавшимися из Лонг-Бич и из Комптона: «Сдей», «Пномпень Бэд Бойз», «Кхмер Кид».

Сит купила двадцать дисков.

Они съездили в Национальный музей и увидели прекрасную голову короля Джаявармана VII с ликом Будды. Дара, не задумываясь, сложил руки в молитве. Потом они поужинали во французском ресторане со свечами и вином, и было это точно как в видео для караоке: парень, девушка, и все ее деньги уходят за один вечер.

Они посмотрели представление в театре «Сованна Фум», и им повезло увидеть прекрасный номер с сэмплированной музыкой из французского фильма сороковых годов и современной кхмерской хореографией.

Когда Сит вернулась домой, сердце ее пело. Дара, Дара, Дара.

В спальне начал звонить мобильник. Снова и снова. «Вызов 1» высветил экран, но не указал ни имени, ни номера. Следовательно, звонивший не значился в списке контактов Сит.

Она выключила телефон. Но он продолжал звонить. И тогда у нее рассеялись сомнения. Она засунула телефон под подушку в свободной спальне, сверху положила еще одну подушку, потом закрыла дверь.

Начали трезвонить все сорок два ее мобильных телефона. Они звонили из шкафов, из ванны, где она их заставляла. Они звонили с террасы на крыше и даже из туфли под кроватью.

— Я упрямая девушка! — закричала она духам. — Вам не запугать меня!

Она включила айпод погромче и наконец заснула.

На заре она разбудила своего шофера, спавшего в гамаке.

— Мы едем в «Сория маркет», — сказала она.

Водитель посмотрел на нее удивленными глазами, потом вспомнил, что надо улыбаться, и уважительно склонил голову.

Но лицо его изменилось, когда он увидел сорок два мобильных телефона в одном большом черном полиэтиленовом мешке.

В такую рань «Сория маркет» был еще закрыт, и они стали ездить кругами. Солнце светило им прямо в глаза. На улицах люди тащили тележки, как выючные животные, или несли товары на старый Центральный рынок. Старый рынок располагался в куполообразном французском здании блевотного цвета в стиле ар-деко. Сит никогда там ничего не покупала.

— Может быть, вам стоит съездить к матери, — сказал водитель. — Она любит вас. Семьи на то и нужны, чтобы было кому вам помочь в трудную минуту.

Мать Сит жила в Таиланде, и они не разговаривали. Семья матери постоянно о чем-то просила: дать денег, познакомить с нужными людьми, устроить на работу. Она прекратила с ними общаться.

— От моей семьи одни неприятности.

Водитель замолчал.

Наконец настало время открытия «Сория маркет». Сит направилась напрямик к Даре и высыпала перед ним на прилавок все свои телефоны.

— Можешь принять их обратно?

— Мы только замены делаем. Я могу дать новый телефон в обмен на старый. — Дара задумался. — Не беспокойся, оставляй их у меня. Я продам их одному

парню на Центральном рынке и завтра отдам тебе деньги. — Он одобряюще улыбнулся. — Разумное решение. — Один из телефонов, с видео и электронной почтой, он протянул ей обратно. — Это лучший, оставь его.

Дара был таким уверенным, он так много знал, что ей захотелось прикинуться к нему, как к мягкой подушке, и остаться с ним. Она просидела в магазине весь день, наблюдая за его работой. Один парень из магазина видеоигр этажом выше спросил его:

— Что это за прекрасное создание?

Дара с гордостью в голосе ответил:

— Моя девушка.

Дара отвез ее домой на мотоцикле и у двери заулыбался:

— Не хочу уходить.

Она приложила палец к его шаловливым губам, улыбнулась и убежала в дом, прочь от своего счастья.

Она зашла в гараж на первом этаже. Там услышала звук, похожий на крысиную возню. В сумке зазвонил телефон. Какое право имеют эти люди надоедать ей, даже если они мертвые? Она выхватила из сумки телефон, нажала зеленую кнопку и приложила его к уху. Из трубки доносился звук, похожий на шелест ветра.

А потом с ней заговорил ребенок. Прерывающимся голосом, как будто плакал:

— Они связали мне пальцы.

Сит строго произнесла:

— Откуда у тебя мой номер?

— Я здесь совсем один!

— Так позвони кому-нибудь другому. Родственнику.

— Все мои родные умерли. Я не знаю, где я. Меня зовут...

Сит выключила телефон. Открыла багажник машины и швырнула его внутрь. Когда тебе названивают призраки, это так... несовременно. Как может Камбоджа надеяться стать передовой державой, если в ее телефонных линиях водятся привидения?

Она поднялась наверх, в гостиную. Со стола из коробки на нее смотрел робопес за полторы тысячи долларов. Сит побрела еще выше, на самую крышу с террасой, чтобы быть как можно дальше от всего, что находилось в доме.

Проснулась она в темноте от раздающегося внизу звука ударов.

Звук был глухой, металлический. Как будто кто-то не мог выбраться из машины. Сит включила погромче айпод, но отчего-то музыка звучала неровно, прерывисто. Она покопалась в клубке из проводов и достала другой проигрыватель, «Ксен», но тот тоже барахлил: музыку прерывали голоса.

Ей показалось, или действительно что-то заскрежета-ло? Она сняла наушники и услышала шаги на лестнице.

Этот звук был тихим, отрывистым, каким-то неуклюжим. В голову Сит полезли мысли об искалеченных детях. Ледяной холод сковал ее, она замерла, не в силах пошевелиться.

На террасу, жужжа, поднялась собака-робот. На верхней ступеньке она остановилась. Ее нос с камерой нацелился на Сит, в бесполезных глазах загорелись вишневые огни.

Собака-робот произнесла теплым, приветливым голосом:

— Меня зовут Фалла. Я пыталась купить лекарства сестре, и за это меня убили.

Сит хотела сказать «уйди», но рот ее не открывался. Собака склонила голову набок.

— Никто даже не знает, что у умерла. Что делать с теми людьми, которых не оплакивают?

У Сит вырвался смешок и поднялся облачком пара в воздух.

— Никто не приглашает нас на поминальный пир, — пожаловалась собака.

Сит от страха захихикала и покачала головой:

— Я ничего не могу сделать. Ничего.

— Ты смеешься? — Собака подобралась и запрыгнула к ней на гамак. Она развернулась, подняла чистый пластиковый хвост и выложила рядом с Сит самую настоящую какашку. В ней явно просматривались короткие каштановые волосы, даже куски скальпа, и в коричневой массе виднелся единственный плоский белый человеческий зуб.

Сит пронзительно взвизгнула и вывалилась вместе с собакой из гамака. На полу собака уткнулась в нее носом и начала петь старую детскую песенку о птичках.

Снова раздались шаги на лестнице. Теперь к террасе поднималось что-то тяжелое. Сит всю затрясло, но тело ее словно окоченело, и она не могла сдвинуться с места. Собака продолжала петь тонким мелодичным голосом. Над лестницей показалась большая тень, и смех забубулкал в горле Сит, когда она попыталась заговорить.

— В машине что-то стучало, но я никого не нашел, — сказал водитель.

Сит облегченно обмякла на полу.

— Призраки, — сказала она. — Они вернулись. — Она поднялась на ноги. — Мы уезжаем отсюда. Позвоните в «Хилтон», узнайте, есть ли у них свободные

места. — Ударом ноги она отправила игрушечную собаку вниз по ступенькам. — Уезжаем немедленно!

Они вместе, дрожа от страха, погрузили вещи в машину. Дом оставался во власти призраков. Пока ехали, в багажнике не переставая звонил телефон.

Новый «Хилтон» (которого в действительности не существует) высился на берегу реки прямо напротив Министерства культов и религиозных дел. Высокое мраморное, сияющее чистотой здание, хрустальные люстры, фонтаны, деревянные и медные ручки в лифтах. Среди ночи свободным оказался только номер для новобранцев, но в нем имелась отдельная комната для родителей, в которой могли разместиться водитель с женой. На высоте двадцать первого этажа ночь искрилась огнями, и все городские звуки казались приглушенными. Камбоджа осталась где-то далеко внизу.

После этого призраки перестали тревожить ее. На какое-то время.

Каждый день они с Дарой ходили в кино или в ресторан, не забывая и про магазины. Она сунула ему деньги, и он купил себе красивый костюм. Как-то за гамбургером в «Лаки 7» он сказал:

— Знаешь, я рассказал родителям, что познакомился с девушкой.

Сит улыбнулась и подумала: и наверняка упомянул, что я богатая.

— Я решила пожить в «Хилтоне», — сообщила она.

Может быть, мы смогли бы пожить в «Хилтоне». Милая улыбка намекала на это.

Сезон дождей закончился. Последние тучи дыбились в небе темно-серой громадиной с пеной из белых обла-

ков, точь-в-точь как готовая обрушиться гигантская волна.

Пришел сухой, более прохладный воздух.

Однажды после работы Дара убедил ее погулять вдоль реки перед королевским дворцом. Когда он пошел в мужской туалет переодеваться в свой новый дорогой костюм, Сит подумала: он начинает представлять, как будет жить со всеми этими деньгами.

Пока они шли по набережной, у всех на виду, Сит внутренне содрогалась. Повсюду гуляли подростки. Некоторые из них носили лохмотья, что обнадеживало, но некоторые были действительно прекрасно одеты. Сыновья высокопоставленных чиновников, сознающие свою безнаказанность и непредсказуемые. Сит неожиданно резко свернула, чтобы даже не видеть их. Но Дара в новом бежевом костюме выглядел так, как один из них, и генеральские сыновья кивали ему, вопросительно поднимая брови и, очевидно, гадая, кто это. Перед королевским дворцом у самой воды стоял павильон, а рядом с ним играл что-то старомодное оркестр народных инструментов. Сотни людей собрались вокруг маленького храма. Дара дернул Сит за руку, и они остановились посмотреть.

Люди молились, поднимая руки со связками цветков лотоса и благовониями, и бросали подношения в храм. Монахи тут же выгребали цветы и ароматические палочки через заднюю дверь.

За храмом дети в футболках и шортах, черных от грязи, копошились среди мертвых цветов, тлеющих палочек и старой кокосовой скорлупы.

Сит спросила:

— Зачем они это делают?

— Ты такая наивная, — усмехнулся Дара и покачал головой.

Синий с золотом вечер был прекрасен. У Сит было достаточно времени, чтобы понять, что ей не хочется возвращаться в отель и что единственное место, где она чувствует себя счастливой, — это здесь, рядом с Дарой. Все вокруг представлялось ей темным и запутанным. Дара с большим чувством предложил ей руку и сердце.

Сит как будто подготовилась к этому заранее.

— Нет, это невозможно, — сразу ответила она. — Как ты можешь предлагать такое? Тебе даже не у кого спросить разрешения. Ты говорил со своей семьей обо мне? Твои родственники узнавали, кто я?

Это ее действительно интересовало.

Дара покачал головой.

— Я объяснил им, что ты сирота, но их это не смущает. Мы — скромные люди. Они будут счастливы, если буду счастлив я.

— Ничего подобного!

Сит сердито нахмурилась, но нашла способ обратить ситуацию к своей выгоде.

— По крайней мере, они должны сходить к прорицателям. Я могу помочь. Узнай у своих родственников имена тех, кому они доверяют.

Дара стыдливо улыбнулся.

— У нас нет на это денег.

— Я дам денег, а ты скажешь своим, что сам заплатил.

Дара напряженно смотрел на нее.

— Я не хочу этого.

— А как иначе они узнают, будет ли брак удачным? А твоя бедная мать? Как ты можешь просить ее принять такое решение, если ей ничего обо мне не известно? Ты узнаешь у семьи имена хороших профессионалов, которым они доверяют, и я им заплачу. А я тем временем схожу к личной прорицательнице премьер-министра Хун Сена, и потом мы сравним результаты.

Таким образом она в очередной раз показала, кто в их отношениях главный.

В старых романах родители не одобрили бы такой союз, и прорицатель сказал бы, что этот брак обречен. Сит не собиралась руководствоваться какими-то там романами.

Она дала семейным прорицателям то, что они требовали — машину, ферму, — и взамен попросила предоставить их суждение в письменном виде. Все они согласились, что их брак имеет крайне благоприятное будущее.

Потом она устроила встречу с личной прорицательницей премьер-министра Хун Сена.

Кру Тэу оказалась женщиной в строгом деловом костюме, с длинными, похожими на когти хищной птицы ногтями, которые, впрочем, были идеально ухожены и покрыты прозрачным лаком.

Она была из тех вещунов, которые одержимы чужой душой. Она сидела за столом и смотрела на Сит немигающими глазами, как рыба, сложив перед собой руки. После самых коротких приветствий она сказала:

— Принимаю только доллары. Двадцать пять тысяч. Мне нужно купить сыну квартиру.

— Это очень большой гонорар, — заметила Сит.

— Это не гонорар. Это вознаграждение за тот ответ, который вы хотите услышать. Гонорар — еще двадцать пять тысяч долларов.

Они поторговались. Сит понравилось, как держалась Кру Тэу. Все, что Сит думала о жизни, подтвердилось.

Гонорар удалось несколько сбить, но сумма вознаграждения осталась неизменной.

— Оплата вперед, — сказала Кру Тэу.

Чек она не примет, зато, как большинство лучших ресторанов, она принимала кредитные карточки иностранных банков. Швейцарская кредитка Сит сработала безотказно. Ей был предоставлен неограниченный кредит на тот случай, если придется бежать из страны в спешке.

Кру Тэу сказала:

— Я скажу семье мальчишки, что знамения благоприятствуют браку.

Тут Сит поняла, что до сих пор и словом не обмолвилась ни о мальчишке, ни о его семье, ни о браке.

Кру Тэу улыбнулась.

— Я знаю, истинное будущее вас не интересует. Но по доброте душевной я совершенно бесплатно скажу вам, что ваш брак действительно будет счастливым. Все остальные прорицатели сказали бы то же самое без взятки.

Глаза Кру Тэу сверкнули самым неприятным образом.

— Поэтому вам не нужно было покупать им фермы и машины, а мне платить лишние двадцать пять тысяч долларов.

Она посмотрела на свои идеальные ногти.

— Вы будете очень счастливы. Но только после того, как вся ваша жизнь полностью переменится.

По коже Сит пошли мурашки, как от холода. Ей бы стоило рассердиться, но она вдруг почувствовала, что улыбается. Почему?

И почему она должна быть вежливой с этой старой ведьмой? Сит развернулась и, не прощаясь, пошла к двери.

— Ах да, еще насчет вашей второй проблемы, — сказала ей в спину женщина.

Сит повернулась и замерла в ожидании.

— Враги, — веско произнесла Кру Тэу, — могут становиться друзьями.

Сит вздохнула.

— О чем вы говорите?

На лице предсказательницы появилась улыбка, широкая, как капкан на тигра.

— Миллион людей, которых убил ваш отец.

— Не миллион, — холодным голосом произнесла Сит. — Где-то от двухсот пятидесяти тысяч до пятисот тысяч.

— Этого достаточно, — улыбнулась Кру Тэу. — Мой отец был одним из них. — Она улыбалась еще какую-то секунду. — Непременно сообщу премьер-министру, что вы заходили ко мне.

Сит презрительно фыркнула.

— Я сама ему сообщу.

Но до своей машины она бежала бегом.

В ту ночь Сит долго смотрела на бриллиантовую россыпь городских огней. Потом легла в кровать и включила айпод.

Кто-то завопил на нее. Она выдернула из ушей наушники и подскочила к окну. Оно не открывалось. Сит

начала трясти его, выкручивать ручку, и наконец рама неохотно приподнялась на дюйм. Этого хватило, чтобы выбросить айпод из окна двадцать первого этажа.

На следующее утро она проснулась поздно и сразу же услышала работающий телевизор. Она открыла двустворчатую дверь в гостиную и увидела прижимающуюся к стене Джорани.

— Телевизор... — заикаясь, произнесла Джорани, тараща на нее округлившиеся от ужаса глаза.

Водитель сидел рядом с собранными сумками. С печальным, как у блахаунда, лицом он встал.

То, что происходило на широком экране телевизора, можно было принять за видеоклип для караоке, только с очень старомодной музыкой. И что это за клип, в котором показывают умирающего от голода человека, который ест сырую кукурузу в поле? Жуя кукурузу, он то и дело в страхе оборачивался. Слова, загоравшиеся на экране, повторяли слова песни, которую пела собака-робот. Голодающий остановил взгляд на Сит, и из его рта посыпалась каша из пережеванных зерен.

— Это не прекращается, — сказал водитель. — Я выключил телевизор из розетки, но он продолжает показывать одно и то же по всем каналам. — Он старался говорить спокойно, но выглядел несчастным. — Моя жена хочет уехать отсюда.

Сит стало стыдно. Как это мерзко и неприятно, когда тебя мучают призраки. Конечно же, кому захочется иметь с ней дело!

— Хорошо. Я могу ездить на такси, — сказала она.

Водитель кивнул и ушел с женой в другую комнату, где они начали шептаться. Потом они собрали вещи и извинились.

Дверь закрылась за ними почти без шума.

«Так будет всегда, — горько подумала Сит. — Куда бы я ни поехала. Будет то же самое, что происходит с Дарой».

Зазвонил гостиничный телефон. Она не стала снимать трубку. Сит накрыла телевизор одеялом, но жуткая старая мелодия продолжала греметь, и она обессиленно опустилась на край кровати, глядя в пустоту.

Придется уехать из Камбоджи.

В магазине Дара выглядел еще более жизнерадостным, чем обычно. Все прорицатели сказали, что брак будет удачным. Его мать приглашала Сит к себе домой на праздник Пчум Бен, день поминовения предков.

— Завтра можем поехать на автобусе, — предложил он.

— Там пахнет? Когда много людей в одном месте собираются?

— Там пахнет освежителем воздуха. Потом возьмем такси, а потом тебе придется немного пройти по дороге. — Дара неожиданно захохотал, аж за бока взялся. — Но тебе это пойдет на пользу.

— Там будет грязно?

— Везде! Ты в грязных «найках» только лучше выглядеть будешь.

«По крайней мере, — подумала Сит, — там не будет телевизоров с телефонами».

Через два дня Сит шагала по чавкающей грязи на раскисшей дороге, втягивая голову в плечи под ветками деревьев. Земля облепила ее туфли. Дара шел сзади, то и дело посмеиваясь, из-за чего она думала, что ему тоже страшно.

Вдруг она слышала странный дребезжащий звук.

— Что это?

— Это коза, — сказал он. — Мама в апреле купила ее мне в подарок.

Коза. Что-то более сельское трудно себе представить. Сит никогда не видела коз и даже не представляла, что когда-нибудь увидит.

Дара пояснил:

— Я их продаю мусульманам. Это сельскохозяйственная диверсификация.

Деревья были повсюду. Их тени ползали по земле, как змеи. Ей сделалось дурно. Один комар, пообещала она себе, только один комар, и я заору и убегу.

Она представляла себе большой хороший загородный дом, установленный на бетонных столбах высоко над землей, с резным фронтоном. То, что она увидела, разительно отличалось от ожидаемого. Маленький дом стоял на тонких кривых подпорках. Кухня, отдельная хижина еще меньшего размера, располагалась прямо на земле, вовсе без свай, и сделана она была из панелей, изготовленных из пальмовых листьев. Электричества здесь не было. Светильник на потолке соединялся проводом с автомобильным аккумулятором. Стол заменяла бетонная платформа, на которой горел огонь для приготовления пищи. Повсюду стоял запах жареной рыбы.

Сит это понравилось.

Дым внутри хижины отгонял комаров. Мать Дары, госпожа Нон Кунтеа, приветствовала их с улыбкой. Сит неожиданно для себя ответила вежливым поклоном. Она сама не поняла, как это получилось. На столе-платформе стоял пластиковый пакет, полный сушеных креветок.

Не задумываясь, Сит села на стол и принялась извлекать соленых креветок из панцирей.

Почему я это делаю?

Потому что я делала это дома.

Сит вдруг вспомнила лес. Круглую, огороженную забором площадку. Папа спал в одном доме, а женщины в другом. Сит разговаривала с поварами. Чтобы чем-то заняться, она резала овощи и чистила креветок. Потом приходил папа, садился на стол-платформу, а она, маленькая Сит, устраивалась у него на коленях.

К обеду пришел и старший брат Дары Ют. У него было брюшко, и работал он таксистом. Резкие движения делали его похожим на злобного старикашку. Когда он потянулся за рисом, Сит почувствовала запах его подмышек.

— Видишь, как мы живем? — обратился к ней Ют. — Вот что мы получили за то, что поддерживали не того лидера. Сианук решил, что мы были антироялистами. Для Хун Сена мы враги. Помнишь программу «Работа за деньги»?

Нет.

— Для нас у них работы не нашлось. Как будто мы были красными кхмерами!

«Прошное, — подумала Сит, — почему они не могут просто оставить его в покое? Почему они продолжают хвастаться своими минувшими войнами?»

Госпожа Нон Кунтеа ласково засмеялась.

— Мой старший сын родился злым, — сказала она. — Его девиз: мстить можно и через десять лет.

Ют снова взялся за свое.

— К старому чудищу Пол Поту лучше относятся, чем к нам. Но он был важным человеком. Если сходишь

в его ступу¹ в Англонгвэнге, увидишь, что люди оставляют ему подношения! Они просят его указать выигрышные лотерейные номера!

Он нахлобучил на голову старую зеленую шапку и сказал:

— Рад знакомству, Сит. Дара, для тебя она слишком хороша. — Но, произнося эти слова, он улыбался.

Когда он ушел, тарелки собрали в пластиковый таз. И снова Сит, не задумываясь, взяла этот таз и понесла к тому месту под почерневшими ветками деревьев, где журчала проточная вода.

— Вам не нужно работать, — сказала мать Дары. — Вы гость.

— Я выросла в лагере беженцев, — сказала Сит, и, по большому счету, так оно и было.

Дара посмотрел на нее взглядом, в котором смешались любовь, гордость и благодарность судьбе за богатую жену, которая не гнушается работы.

И это лучшее, на что могла надеяться Сит. Эта семья ей подойдет.

Под вечер все четыре брата с женами собрались на окончание праздника Пчум Бен, когда души мертвых могут ходить по земле. Люди разбрасывали рис на полу в храмах. У некоторых призраков рты маленькие, поэтому используется особенный рис.

До сих пор Сит ни разу не участвовала в празднике Пчум Бен. Разве могла она пойти в храм и сыпать рис для Пол Пота?

Вся семья разместилась на кухне. Но их разговоры, шутки и смех Сит слушала, как в тумане. У всех были

¹ Ступа — буддийское культовое сооружение (*Примеч. ред.*)

предки, которых они почитали. К удивлению Сит, один из дядей предложил записать имена умерших и сжечь их, чтобы мертвые знали, что о них не забывают. К празднику Пчум Бен это не имело никакого отношения, но идея понравилась, и вся семья принялась записывать имена.

Сит сидела, засунув ладони под мышки.

Мать Дары спросила ее:

— Разве вы не хотите написать имя, Сит?

— Нет, — ответила Сит тихим голосом. Могла ли она написать имя Пол Пота? Наверняка он там, в аду, только и ждет случая вернуться. — У меня никого нет.

Дара погладил ее по руке.

— Есть, Сит. У тебя есть особенное имя.

— Нет.

Дара подумал: «Она не хочет, чтобы они узнали, что ее отцом был Кол Виреакбот», поэтому наклонился и прошептал:

— Обещаю, его никто не увидит.

У Сит перехватило дыхание. Он взяла бумажку и заплакалась.

— О, милая, — полным жалости голосом произнесла мать Дары. — Каждый в этой стране пережил горе.

Сит написала на бумажке: «Кол Виреакбот».

Дара взял сложенную бумажку и, не раскрывая, поймал ее взгляд. «Видишь, — как будто хотел сказать он, — я сохранил твою тайну». Бумажка сгорела.

Гром отвесил небу хлесткую пощечину. День был не особенно солнечный, но ливень обрушился на землю так же стремительно, как падает полог на двери. Откуда ни возьмись появился ветер, он отогнул одну из пальмовых стен, как будто в гневе хотел ворваться в хижину.

Почти все семейство, крича и смеясь, высыпало из кухни под дождь и принялось прилаживать стенку на место.

Но Сит знала, что происходит. Враг ее отца оказался на кухне.

Вскоре дождь прекратился, и снова появилось солнце. Семья, шумно болтая, расселась вокруг стола или на нем. Все взяли тарелки с едой и начали есть, беря рис и рыбу пальцами. Сит сидела ровная, как струна, ожидая чего-то недоброго.

Что дух Кол Виреакбота сделает с дочерью Пол Пота? Перевернет стол и обсыплет ее едой? Нашлет на нее комаров, которые искушают ее, и она заболеет? Высосет из нее все ее деньги, чтобы помешать браку и лишиться новой семьи?

Или же добрый дух просто захочет, чтобы всем камбоджийским детям больше не пришлось вспоминать прошлое?

Неожиданно в сердце Сит воцарился покой. Она как будто заново увидела солнечный свет и тени, и все ее чувства изменились самым чудесным образом.

Она вдруг ощутила аромат душевного волнения, сладкий и волнующий одновременно. Музыка из кассетного магнитофона соседей мягко прикоснулась к ее руке. Слова упали солнечным светом на кожу.

«Не бывает злых людей, — сказала ей солнце, — но люди могут ошибаться».

«Ошибаться? Как?» — молча спросила Сит, искренне удивляясь.

Солнце улыбнулось желтозубой стариковской улыбкой.

«Ты прекрасно знаешь как».

Воздух наполнился запахом еды. Деревья удовлетворенно вздыхали.

Жизнь истинна. Сит увидела, как пар поднимается над рисом и клубится в ветках. *Смерть фальшива.*

Солнце встало из-за стола, собираясь уходить.

«Скажи ему».

Мир снова потускнел и принял прежний облик.

Ночью Сит, лежавшая в гамаке в одной комнате с остальными женщинами, резко поднялась и села. В голове у нее было слишком ясно, чтобы она могла заснуть. Она видела, что будущего у них нет. Она не могла выйти за Дару. Какое она имеет право просить его стать мужем той, кого преследуют призраки миллиона мертвых? Как объяснить ему, что она — дочь Пол Пота, что она наврала ему обо всем?

Мертвые не позволят ей выйти замуж. Мертвые не допустят, чтобы она была счастлива. Так кому молиться дочери Пол Пота? Куда идти за мудростью?

«Лоак кру Кол Виреакбот, — едва слышно произнесла она. — Прошу, укажи путь».

Темнота была строже света.

«Чтобы стать такой фальшивой, какая ты есть, — произнесла темнота, — тебе нужно было сначала солгать себе».

В чем заключалась ложь Сит? Факты были ей известны. Ее отец являлся главой правительства, которое подвергло пыткам и погубило сотни тысяч людей и нерадивым руководством обрекло народ на голод.

Я знаю правду.

Просто я никогда не думаю об этом.

Я этого не видела.

«Правда так же темна, как я, и ты живешь во мне, темноте».

Она читала книги, по крайней мере, первые главы книг, и бросала их, как будто они жгли ей пальцы. В книгах правды было не найти. Правда, которая ее ждет: одинокая молодость, унылая зрелость и покаяние.

Расту.

Пальмовая стена колыхнулась, как будто открываясь для призраков.

Во время долгого возвращения на автобусе она не проронила ни слова. Дара тоже сидел, молча повесив голову.

В огромном пустом гостиничном номере ее ждала темнота. Телевизор и телефон по ее указанию убрали, и теперь шаги здесь звучали особенно глухо. Джорани осталась ее единственным другом.

На следующий день она не пошла в «Сория маркет». Вместо этого она пошла в музей геноцида «Туол Сленг».

У входа в отель дежурили молодые люди в бейсболках с новенькими мотоциклами. Но Сит остановила симпатичного парня постарше с разбитым и ржавым мотоциклом.

По дороге она спросила мотоциклиста о его семье. Он жил один, и у него никого не было, кроме матери в Компонг-Том.

У ворот «Туол Сленг» он сказал:

— Я учился здесь, когда тут еще была школа.

В одном крыле здания находились ряды одиночных камер. В каждой стояла железная кровать с кандалами, а на полу виднелись пятна. На стенах висели фотографии, на которых можно было увидеть скрюченные тела, лежащие на этих самых кроватях в том виде, в ка-

ком их застали освободители. На одном снимке был опрокинутый, как будто в спешке, стул.

Сит вышла из музея и посмотрела на прекрасное здание за оградой на другой стороне улицы. Высокий белый дом, похожий на ее собственный, с колоннами, террасой на крыше и бугенвиллиями, дом чьей-то современной дочери. О чем она думает, когда смотрит со своей террасы? Как она может жить в таком месте?

В траве на ухоженном газоне прыгали птицы. Люди красили ставни тюрьмы в голубовато-серый цвет.

В среднем крыле находилась фотогалерея. Люди на снимках смотрели на нее, как лица из ее принтера. Были ли среди них одни и те же?

— Кто это? — спросила она какую-то камбоджийку из посетителей.

— Это их же люди, — ответила женщина. — Красные кхмеры присылали тех, кто оказывался неугоден начальству. Обычных камбоджийцев не стали бы так изощренно пытаться.

Среди лиц были молодые и красивые. Были здесь и дети, и благообразные старухи.

Женщина пошла рядом с ней. Ей нужна компания? Догадывается ли она, кто к ней обратился с вопросом?

— Им было мало просто забивать до смерти провинившихся. Они присылали их сюда вместе с семьями. И детей, и родителей. Для убийства детей и жен у них были отведены специальные дни.

Невинного вида мужчина улыбался с одной фотографии так же приветливо, как подвозивший ее мотоциклист. Он смотрел прямо в камеру своих мучителей. Наверное, он ждал от них понимания и благородства. Казалось, он вот-вот произнесет: «Товарищи!»

Лицо на фотографии изменилось. Улыбка стала шире, мужчина собрался что-то сказать.

Взгляд Сит метнулся в сторону. Увидев следующее лицо, она почувствовала, что у нее перехватило дыхание.

Это не был незнакомец. Это был Дара. Ее Дара, в черной рубашке и черной кепке. Задохнувшись, она посмотрела на свою спутницу. Та кивала головой, то опуская лицо со впалыми щеками, то поднимая. Она тоже призрак?

Сит выбежала из здания и прижала к лицу ладони. Она не знала, как долго еще выдержит. Слезы покатились по ее щекам, к горлу подступила тошнота, и она повернулась спиной к зданию, чтобы никто ее не увидел.

Потом она подошла к мотоциклисту, сидевшему в тени, и, не говоря ни слова, села на мотоцикл, злясь на это место, на правительство, которое его сохранило, на иностранцев, которые приезжали глазеть на него, и вообще на все.

Мы не такие! Я не такая!

Мотоциклист занял свое место за рулем, и Сит спросила:

— Что случилось с вашей семьей?

Это был жестокий вопрос. Ему пришлось изобразить улыбку. Его отец держал магазинчик. Однажды они уехали в деревню, да так и не вернулись. Они с братом жили в *джеум-рум*, лагере беженцев в Таиланде. Потом вернулись в Камбоджу воевать с вьетнамцами, и брата убили.

Она собиралась сказать ему, чтобы он вез ее обратно в «Хилтон», но вдруг ей стало стыдно. За что? Как долго ей еще бежать?

Она попросила отвезти ее к старому дому на бульваре Монивонг.

Пока мотоцикл петлял по узким улочкам, объезжая лужи жидкой коричневой грязи и пешеходов, ее переполнила злость на отца. Как он смел вовлечь ее в это? Сит жила маленькой жизнью и не могла судить о вещах в их истинном масштабе, поэтому она думала: это все равно, как если бы мне в салоне покрасили волосы, и они все выпали бы. Или если бы мне прокололи уши и внесли инфекцию, отчего уши сгнили бы полностью.

Она вспомнила, что никогда не испытывала к отцу сочувствия. Ей было двенадцать, когда он предстал перед судом, старый и больной, да еще устроил целое представление со своей тростью, на которую так усердно опирался. Все в его жизни было представлением. Она вспомнила, как то и дело закатывала глаза от стыда. Перед аудиторией восторженных студентов он чувствовал себя как рыба в воде. О, он умел пустить пыль в глаза. Они считали его просвещенным. Он разговаривал фальшивым мягким и добрым голосом, и иногда казалось, что это не он говорит, а дублер. Он учил Сит цитировать Верлена, Рембо и Рильке, хотя убил тысячи за «иностранное влияние».

Я не знаю, что мне нужно было сделать в прошлой жизни, чтобы заслужить такого отца, как ты. Но в прошлой жизни ты не был моим отцом и не будешь им в будущей. Я отказываюсь от тебя полностью. Я никогда не напишу твое имя на листочке и не сожгу его. Можешь хоть каждый год до конца времен пытаться вырваться из ада, но я буду молиться, чтобы ты там остался.

Я не твоя дочь!

«Если ты был ложью, я должна быть истиной». При ярком дневном свете ее дом казался заброшенным, закрытым и невинным. У порога она повернулась и бросила пригоршню долларов мотоциклисту. Мысли ее путались. У нее даже ноги путались, и все плыло перед глазами.

Зайдя в дом, она сняла рюкзак в виде медвежонка и пошла наверх, в кабинет. Аидо, пес-робот, двинулся, жужжа, ей навстречу. Она сломала ему заднюю лапу, когда столкнула с лестницы. Теперь он хромал, повизгивая, как живая собака, и наклонял голову, чтобы его погладили.

К облегчению Сит, в лотке принтера ее ждала только одна картинка. Кол Виреакбот смотрел на нее с листа. Мужчина средних лет, красивый, многое повидавший, мудрый. Жалость и доброта светились в его глазах. Зазвонил городской телефон.

— *Юл пром*, — сказала она призракам. Договорились.

Она сняла трубку.

Раздался голос мужчины.

— Меня зовут Йин Бора. — Его голос булькал, как будто он говорил из-под воды.

В принтере замигал огонек. Быстро выехала распечатанная фотография. На нее смотрел жизнерадостный студент, запечатленный на каком-то семейном торжестве. У него были «битловская» прическа и рубашка в полоску.

— Это я, — произнес голос в телефонной трубке. — Я играл в футбол.

Сит кашлянула.

— Что я должна сделать?

— Написать мое имя, — ответил призрак.

— Пожалуйста, не кладите трубку, — словно за гипнотизированная, промолвила Сит. Она нашла ручку и написала на фотографии: «Йин Бора, футболист». Он казался таким милым, таким счастливым. — У вас нет никого, кто оплакивал бы вас, — догадалась она.

— Нас всех некому оплакивать среди живых, — сказал призрак.

А потом в телефонной трубке раздался ужасный звук, как будто разом застонали тысячи голосов.

От неожиданности она положила трубку. Потом прислушалась к сердцу и подумала о том, что делать дальше. Сит вставила в принтер последние листы бумаги, и он тут же начал печатать новые лица. Снова зазвонил телефон.

Она вышла из дома и нашла терпеливо дожидавшегося мотоциклиста. Попросила его купить две пачки бумаги для принтера. В последнюю секунду вспомнила о ручках, писчей бумаге и спичках. Он поклонился и улыбнулся. Потом поклонился еще раз, довольный, что нашел патрона.

Она вернулась в дом и дрожащей рукой сняла трубку.

Следующие полчаса она разговаривала с мертвыми, находила фотографии и подписывала их. Женщина тосковала по своим детям, Сит искала фотографии их всех и складывала вместе: отец, мать, трое детей, дяди, тети, двоюродные родственники, бабушки с дедушками — их портреты она клеила на стену. Идея соединять семьи ей понравилась. Она начала вешать на стену и другие портреты.

В дверь позвонили, и на пороге оказался мотоциклист с бумагой и ручками в руках.

— Я купил вам супа.

Суп с рисом и креветками был аккуратно упакован. Она поблагодарила и щедро заплатила ему. Он засиял и снова принялся кланяться.

Фотографии появлялись весь день. Стемнело, а телефон все так же звонил, имена все так же записывались до тех пор, пока непривычные к письму руки Сит не заболели.

В дверь позвонили, и на пороге снова появился кланяющийся мотоциклист.

— Прошу прощения, госпожа, сейчас уже поздно, я волнуюсь за вас. Могу ли я принести вам ужин?

Сит улыбнулась такой материнской заботливости. Они строят с тобой отношения, а потом ты уже не можешь без них. В былые дни она бы прогнала его парочкой крепких слов. Теперь же она отправила его с новым поручением.

И снова принялась писать.

Вернувшийся мотоциклист казался счастливым.

— Я вам еще фруктов купил, госпожа, — сказал он и добавил робко: — За это платить не нужно.

Что-то ухнуло под Сит, как будто она ехала на мотоцикле и угодила в яму, и она вдруг произнесла:

— Входите. Вам тоже нужно поесть.

Мотоциклист с благодарностью поклонился, и, как только он переступил порог, телефон перестал звонить.

Они сели на пол. Он закинул голову и стал смотреть на портреты на стенах.

— Это все ваши родственники? — спросил он.

Он прошептала:

— Нет. Это призраки умерших, которых некому оплакивать.

— Почему они приходят к вам? — изумленно спросил он.

— Потому что мой отец — Пол Пот, — не задумываясь ответила Сит.

Мотоциклист поклонился. Он пожевал, проглотил и снова посмотрел на стену.

— Наверное, это очень тяжело, когда тебя все ненавидят.

Сит еще раньше заметила, что, в какой бы части комнаты она ни находилась, глаза на фотографиях всегда были устремлены на нее.

— Я ничего не сделала, — сказала она.

— Вы делаете что-то сейчас, — сказал таксист. Он поклонился и встал, удовлетворенно вздыхая. С сытым желудком и патроном жизнь была хороша. — Если я вам понадоблюсь, госпожа, я буду снаружи.

Фотография за фотографией, имя за именем.

Юк Ачария: танцор.

Проеунг Чхей: школьный инспектор.

Сар Котида, девочка семи лет: умерла «от опухоли».

Сар Макара: ее мать, медсестра.

Нат Митанхип: чиновник, из семьи фермеров.

Чор Монират: жена инженера — лауреата премии.

Йин Сокунтеа: лидер ячейки красных кхмеров.

Она посмотрела на лица и поняла. Дара. Я делаю это ради Дары.

Город вокруг дома затих, и она вдруг осознала, что уже очень поздно. Наверное, стоит отправить мотоциклиста домой.

Он, как и обещал, дежурил на улице перед домом.

— Все в порядке. Можете теперь ехать домой. Где вы живете?

Он радостно махнул рукой на север.

— На Монивонге, как и вы. — Он усмехнулся, осознавая абсурдность подобного сопоставления.

Неожиданно у Сит родилась идея. Она сказала:

— Завтра вы можете приехать пораньше и привезти еды побольше? Рыба, рис, зелень, свинина. Приправы, масло, кебаб. — Она щедро заплатила ему за услуги и наконец спросила, как его зовут. Его имя означало «Золотой».

— Спокойной ночи, Сованн.

Остаток ночи она работала быстро и четко, как секретарь-телефонистка. «Это все равно что делать уборку в доме перед праздником», — размышляла она. Голоса мертвых стали привычными, знакомыми. Почему люди боятся мертвых? Мертвые не могут сделать тебе ничего плохого. Мертвые хотят того же, чего хотите вы, — справедливости.

Фотографии с именами заполнили стены лестницы, гаража и кухни. Сит нашла цветные нити Джорани и начала соединять семьи.

Она писала, пока электрический свет не стал казаться бесцветным, как головная боль. Она спросила призраков: «Могу я немного поспать?» Телефоны замолчали, и Сит с облегчением плюхнулась на полированный мраморный пол.

Проснувшись она в некотором смятении, все еще лежа на полу. Солнечный свет наполнял комнату. Лица на фотографиях уже не казались распухшими и избитыми. Лица не были ни осуждающими, ни скорбными. Они улыбались ей. Ее окружали друзья.

Взвизгнув, начал печатать принтер, зазвенел телефон. Сыграл мелодию дверной звонок. У двери стоял Сованн, на заднем сиденье его мотоцикла возвышались набитые продуктами белые картонные коробки. На нем была та же голубая рубашка, что и вчера, дешевая подделка «Лакост». Разошедшийся шов под мышкой. Это его единственная рубашка, поняла она и представила, как он каждую ночь ее стирает в тазу.

Сит и Сованн передвинули большие столы к окнам. Сит впервые достала свои дорогие скатерти и бронзовые блюда. Пир устроили, как на Новый год. Сованн привез еще бумаги и ручек. Он знал, для чего они нужны.

— Я могу помочь, госпожа.

Он был достаточно взрослым, так что детство его прошло в довоенные времена, когда в стране работали школы, и умел писать красивым почерком старого образца. Они вместе записали имена мертвых и сожгли их.

— Я хочу написать имена и своих родных, — сказал он. Когда они горели, из его глаз текли слезы.

Комната наполнилась сладостными ароматами и звуками вздохов. Бумаги на столе зашевелились от ветра. Пепел наполнил корзины, но даже после целого дня работы Сит и мотоциклист почтили лишь половину имен.

— Спокойной ночи, Сованн, — сказала она ему.

— Вы сделали большое, доброе дело, — сказал Сованн, но только из вежливости.

«Если я вообще могу сделать что-то доброе», — подумала Сит.

Он ушел, и в ту же минуту заработал принтер, зазвонил телефон. Она работала всю ночь и остановилась только из-за того, что закончилась вторая пачка бумаги.

Последней напечаталась фотография Кол Виреакбота.

Дара, пообещала она себе, следующим будет Дара.

Утром она позвонила ему. «Можем встретиться в обед и снова погулять по набережной?»

Пока Сит дожидалась, сидя на мраморном парапете и наблюдая за стариком, ловящим рыбу в Тонлесап, ей стало понятно, что она любит свою страну. Любит ее трудолюбивый, улыбчивый, безропотный народ, который никогда не желал ей зла, даже после того, что с ним сделала ее семья. Знаете ли вы, что здесь, среди вас, сидит дочь чудовища?

Неожиданно у Сит появилось желание, которое вытеснило все остальные: ей захотелось быть одной из них. Монахи, спешащие куда-то служащие в белых рубашках, болтающие ногами лентяи, молодые люди, которые одеваются, как американские рэперы, и продают что-то сомнительное: либо наркотики, либо секс.

Она увидела Дару, неторопливо приближающегося к ней. Он был в новой рубашке и улыбался, но не выглядел спокойным. После их последней встречи прошло два дня. Он знал: что-то случилось, она хочет ему что-то сказать. Он принес им обед в маленькой картонной коробочке. «Может быть, в последний раз», — подумала она.

Они поздоровались почти как родственники. Он сел рядом с ней и улыбнулся, а Сит хихикнула, испугавшись того, что собиралась сделать.

Дара спросил:

— Чего смеешься?

Она не могла остановиться.

— Ничего, — сказала она, сделала глубокий вдох, чтобы избавиться от смеха, но страх снова зашекотал ее, и она рассмеялась. — Я обманула тебя. Кол Виреакбот — не мой отец. Моим отцом был другой политик. Ты о нем слышал...

Все это было настолько страшно и абсурдно, что смех сжал ее, точно в кулак, и она не могла говорить. Она смеялась и плакала одновременно. Дара уставился на нее.

— Моего отца звали Салот Сар. Это его настоящее имя. — Ей было очень трудно об этом говорить. Но мотоциклисту она сказала, так почему не может сказать Даре? Она сделала над собой усилие. — Моим отцом был Пол Пот.

Ничего не произошло.

Сидевший рядом Дара не пошевелился. Люди продолжали идти по своим делам, лодки все так же покачивались на воде.

Через какое-то время Дара сказал:

— Я знаю, что ты делаешь.

Сит не поняла.

— Что я делаю? Что ты имеешь в виду?

Дара был мрачен и зол.

— Да, да, да, да. — Он отвернулся от нее. Смех Сит наконец затих. Она смотрела на его затылок и ждала. — Я говорил тебе, что у меня скромная семья.

— У тебя замечательная семья! — воскликнула Сит. Он выпятил подбородок.

— Знаешь, у них тоже есть вопросы о тебе.

— Не понимаю.

Он закатил глаза. Посмотрел на нее через плечо.

— Если хочешь разорвать отношения, есть способы попроще.

Он спрыгнул с парапета и пошел прочь, не оборачиваясь, быстрым уверенным шагом. Здесь, у реки, все были равны. Подростки развалились на парапете, бедные матери собирали стайки детей, торопливо проходили иностранцы, делающие вид, что не прячут в ремне деньги. Три толстых девочки-подростка едва не налетели на калеку в инвалидном кресле и повалились друг на друга, хохоча во весь голос.

Сит не знала, как быть. Она не могла сдвинуться с места. Отчаяние связало ее по рукам и ногам, заставило повесить голову.

Я потеряла его.

Солнечный свет как будто примостился рядом с ней, выпрыгнув из волн, поднятых проплывающим катером.

Нет, не потеряла.

Запах реки наполнился доброй заботой. В звуках проезжающих мимо машин слышалась терпеливость.

Пока еще.

В Камбодже нет прощения. Но здесь есть непрекращающееся чудо сострадания и признания.

Сит была благодарна даже за мгновение такого чуда. Она вспомнила, как мотоциклист принес ей суп. Решила довериться чуду.

Не произнося ни звука, Сит завела разговор с солнечным светом. «Дедушка Виреакбот, спасибо тебе. Ты рассказал мне все, что я должна была знать».

Она встала с парапета, и перед ней словно из ниоткуда появился мотоциклист. Он отвез ее к магазину «Хэлло фоунс».

Дара не хотел смотреть на нее. Он суетился за прилавком, хотя делать ему особо было нечего. Сит обратилась к нему как обычный покупатель.

— Я хочу купить мобильный телефон, — сказала она, но он не отвечал. — Мне надо кое с кем поговорить.

Подошла еще одна покупательница. Она тоже была прекрасной девушкой, и он обслужил ее с подчеркнутой вежливостью. Даже отпустил комплимент:

— Вы изумительно выглядите.

Девушке это явно понравилось. Дара бросил взгляд на Сит.

Сит ждала в кресле. Теперь здесь был ее дом. Но Дара не замечал ее. Она достала телефон и набрала его номер. Он поднес свой телефон к уху и сказал:

— Иди домой.

— Ты — мой дом, — ответила она.

Большой палец его руки нажал красную кнопку «С». Она ждала. Тени удлинялись.

— Мы закрываемся, — сказал он, остановившись у двери и не поворачиваясь к ней.

Сит, стыдливо наклонив голову, прошла мимо него.

Мотоциклист, ждавший у входа в «Сория маркет», сидя на корточках, играл в кости с другими мотоциклистами. Увидев ее, он поднялся.

— Они говорят, мне очень повезло получить в клиенты дочь Пол Пота.

Осмотрительности в Камбодже тоже не было. Теперь об этом узнают все, поняла Сит.

Дома ее ждали стопки распечатанных портретов. Сит поела вчерашней холодной еды. Вкуса в ней не осталось. Начали звонить телефоны. Она заснула, прижимая к уху радио.

На следующий день Сит вернулась в «Сория маркет» с коробкой распечатанных фотографий.

Коробку она бросила на голубую пластиковую стойку «Хэлло фоунс».

— Из-за того что я дочь Пол Пота, — сказала она Даре, протянув ему пачку листов, — все неоплаканные жертвы моего отца печатают свои фотографии на моем принтере. Смотри. Это люди, потерявшие столько близких, что их даже некому вспомнить.

Она заметила, что у нее дрожат руки и она не может удержать пачку бумаг. Та выпала у нее из пальцев, но Сит отошла и сложила руки на груди. Дара, молчаливый и серьезный, присел и собрал бумаги, посмотрев на некоторые лица. Сит протянула ему мятую зеленую карточку. Визитную карточку ее семьи.

Он прочитал ее. Осторожно, с величайшим почтением положил пачку фотографий на столик рядом с визиткой.

— Возвращайся домой, Сит, — сказал он, но без злости.

— Я же сказала... — горячо начала она, но не смогла продолжить тем же тоном. — Я же говорила: мой дом там, где ты.

— Я тебе верю, — промолвил он, глядя в пол.

— Тогда... — Сит не нашла нужных слов.

— У нас ничего не получится, Сит, — сказал он и поднял пачку портретов. — Что ты будешь делать с этим?

Что-то заставило ее сказать:

— А что бы ты сделал с ними?

На лице его отразилось удивление.

— Это и твоя страна тоже. Как бы ты поступил с ними? А, я знаю, ты бедный парень из бедной семьи, что ты можешь? Но у тебя есть семья, а у многих людей нет никого. Ты можешь покупать новые рубашки, а у некоторых людей рубашка всего одна.

Дара протестующе выставил ладони и рассмеялся.

— Сит?

Ты, Сит, обвиняешь меня в себялюбии?

— Ты тоже в долгу перед ними. — Сит указала на лица. — Думаешь, мертвые не пытаются и с тобой разговаривать?

Их глаза встретились. Она сказала ему, что он может сделать.

— Я думаю, ты должен устроить выставку. Я думаю, «Хэлло фоунс» должна спонсировать ее. Ты им об этом скажешь. Скажешь, что дочь Пол Пота хочет исправить ошибки отца и выбрала их. Скажи им, что мертвые разговаривают со мной по мобильному.

Резко развернувшись, она вышла, оставив фотографии ему.

Ночью они с мотоциклистом устроили новый пир и сожгли оставшиеся имена. Их были многие тысячи.

На следующий день она снова побывала в «Хэлло фоунс».

— Я тебя еще кое в чем обманула, — сказала она Даре. Она достала записки прорицателей и повторила ему слова личной прорицательницы Хун Сена: — «Знаменья благоприятствуют браку».

— Это правда? — с тоской в голосе спросил он.

— Не нужно верить всему, что я говорю. До тех пор пока я не заслужу твоего доверия. Сходи сам, спроси у прорицателей. На этот раз ты платишь.

Лицо его замерло, взгляд остановился на чем-то гораздо ниже пола. Потом он поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза.

— Я сделаю это.

Впервые за всю свою жизнь Сит захотелось смеяться не от страха. Ей захотелось смеяться от счастья.

— Пообедаем в «Лаки 7»? — предложила она.

— Конечно, — согласился он.

Все телефоны, какие были в магазине, сотни телефонов, одновременно начали звонить.

Водопад трелей, звонков, жужжаний, отрывки старых песен и последних хитов.

Дара ошеломленно замер, потом взял одну трубку и приложил к уху.

— Это тебя, — сказал он и протянул ей телефон.

На экране не было ни имени, ни номера.

«Поздравляю, доченька», — произнес теплый добрый голос.

— Кто это? — спросила Сит. Выбор был совсем небольшой.

«Твой новый отец, — ответил Кол Виреакбот. Звук ветра, а потом: — Я удочерил тебя».

Тысячи голосов произнесли разом: «Мы удочерили тебя».

В Камбодже с призраками в доме уживаются примерно так же, как уживаются с пылью. Вы слышите шаги мертвых вместе со своими шагами. Можно подмести пол, но звук не исчезнет.

В районе Тра Бек на бульваре Монивонг есть дом, который хозяева покинули из-за призраков. Можно попытаться закрыть входную дверь, но на следующее утро она окажется открытой. Можно даже попытаться заколотить дверь, как это делали соседи, но она все равно откроется.

Днем рядом с домом всегда можно увидеть пять-шесть человек, желающих войти, или боязливо жмущихся поодаль. Под стенами лежат подношения: цветы лотоса, кокосы и ароматические палочки для курений.

Стены, полы и потолки здесь сплошь покрыты фотографиями. Гостиная, кухня, лестница, кабинет и пустые спальни покрыты фотографиями китайцев и кхмеров на свадьбах; кхмерских чиновников на пикниках; монахов у мечетей; вьетнамских рыболовов, с гордостью демонстрирующих улов; идущих в школу мальчиков в шортах; велорикш перед их старыми необычными повозками; жен, помешивающих суп на кухне. Все счастливы, на всех лицах — улыбки, и фоном у всех фотографий Пномпень, каким он был, когда считался самым красивым городом Южной Азии.

На всех фотографиях старомодным почерком написаны имена.

На столе — тысячи бумажек с именами. Рядом со столом — спички и тазы для пепла и воды. Предназначение у этих предметов простое: сожги бумажку с именем и сделай добро неоплаканному мертвому.

Рядом стоит небольшой знак на английском языке: HELLO.

Каждый Пчум Бен эти имена разносят по всем храмам города. На каждую бумажку наносят золотую фольгу, потом к ней прикрепляют пакетик с рисом. В восемь

часов утра монахам доставляют еду, горячий рис и рыбу, вместе с кипами новой одежды. В десять часов приносят еще еду, для калек и бедных.

И каждое утро прекрасная дочь Камбоджи прогуливается вдоль слияния рек Меконг и Тонлесап. Как и сама Камбоджа, она восхищается всем современным. Она одета по последней моде. В ее наушниках камбоджийский ар-энд-би. Она останавливается перед каждой новой постройкой на берегу, хоть сколоченной вручную из досок, хоть возведенной при помощи кранов. Она покупает лапшу у сварливых торговцев с крошечными плитками. Она носит с собой книгу или сидит на невысоком мраморном парапете, чтобы писать письма и смотреть на лодки и дождевые тучи. Она разговаривает с бликами света, отраженными от реки, и называет их «отец».

Глен Хиршберг

УЛЫБКА ДЬЯВОЛА

Последний сборник рассказов Глена Хиришберга «Американские недотепы» был выпущен в 2006 году издательством «Earthling». Его первый сборник «Два Сэма» получил премию Международной гильдии ужасов и был признан журналами «Паблишерс уикли» и «Локус» одной из лучших книг 2003 года.

Кроме того, Хиришберг является автором таких романов, как «Дети снеговика» (издательство «Carroll & Graf», 2002) и «Сестры Байкала» (готовится к выходу). С Деннисом Этчисоном и Питером Аткинсом он основал «Роллинг даркнесс ревью». Эта труппа актеров гастролирует каждый октябрь по западному побережью США с представлениями о призраках.

Его произведения выходили во множестве журналов и антологий, включая такие издания, как «Антология лучших современных рассказов ужасов», «Лучшие за год рассказы в стиле фэнтези и хоррор», «Темные страхи 6», «Тьма», «Инферно», «Батут», «Кладбищенские танцы», «Летний холод» и «Темная сторона». Живет он в одном из пригородов Лос-Анджелеса с женой и детьми.

«Эта история родилась в один изумительный зимний вечер, когда я читал своим детям книгу Дональда Соболя “Настоящие морские приключения”, — вспоминает Хиришберг, — из которой мы узнали о захватывающей истории Чарльза Ф. Таллмана, о его судне “Кристина” и о снежной буре 7 января

1866 года. Однако окончательную форму он принял во время моей поездки в Нью-Бедфорд, штат Массачусетс, город, который до сих пор кажется мрачным, пропитанным ворванью и странным, еще до того, как вы заглянете в Музей китобойного промысла и увидите развешанные на стенах орудия для убийства и расчленения китов, такие же жуткие и отвратительные, как гинекологические инструменты, использовавшиеся для работы над “женщинами-мутантами” в фильме Дэвида Кроненберга “Связанные насмерть”, или фотографии лесов китового уса, сохнущего на доках».

В расщелинах текучих скал
(Голубые Горы — к хребту хребет)
Слух оглушен — он эха искал,
Но эха в морях нет,
Там жизни голос гаснет без следа,
С ним — сердца чаянье и разума мечта¹.

Герман Мелвилл

¹ Перевод О Юрьева

Повернувшись в седле, Селкерк всмотрелся в летающие облака снега, пытаясь определить, какой из обломков поранил ногу его лошади. То, что некогда являлось проселочной дорогой, было усеяно обломками бревен, разбитыми кусками корабельного корпуса и гарпунами, разрозненными предметами домашней утвари: кастрюлями, подсвечниками, книгами с порванными обложками, пустыми фонарями... И по крайней мере один кусок длинной выбеленной челюсти торчал из песка. На челюсти все еще оставался китовый ус, и маленькие комки снега застревали в нем, отчего челюсть казалась не такой старой, какой должна была.

Селкерк обвел усталыми глазами панораму серого декабрьского утра и поежился, еще глубже прячась в несоразмерно длинное пальто, когда ветер со свистом слетел с белых вершин и заскользил между дюнами. Соломенная шляпа, которую он носил больше в силу привычки, нежели в надежде на то, что она защитит от холода, не грела, и разметавшиеся светлые пряди постоянно лезли в глаза. Спустившись с лошади, Селкерк упал на песок.

Все свои дела здесь ему нужно было переделать еще месяц назад.

Инспекционная поездка для еще не оперившейся Службы маяков Соединенных Штатов заставила его проехать пересекающейся петлей от крайней точки мыса до самого Мэна и обратно. Этой осенью он дважды проплывал в пятидесяти милях от маяка на мысе Роби

и его удивительной смотрительницы, и каждый раз без остановки. Почему? Потому что Амалия рассказала ему историю смотрительницы в ту ночь, когда он вообразил себе, будто она любит его? Или же он просто не хотел возвращаться сюда даже сильнее, чем думал? Насколько он мог судить, смотрительница уже давно покинула это место, забрав с собой воспоминания. Она могла даже умереть, подобно столь многим вокруг нее. Сжав зубы, Селкерк взялся замерзшими пальцами за уздечку лошади и повел ее оставшиеся полторы мили идущей под уклон дороги в Винсетт.

Приближаясь с восточной стороны, он увидел россыпь прилепившихся к дюнам каменных и обшитых досками домов и постоянных дворов со ставнями на окнах. Ни один из них не казался знакомым. Подобно столь многим небольшим сообществам, промысляющим добычей китов, которые он посетил за время этой поездки, тот город, который он знал, просто не выдержал конкуренции с растущими центрами кровавой индустрии в Нью-Бедфорде и Нантакете.

Селкерк провел здесь одну жалкую осень и такую же жалкую зиму четырнадцать лет назад, когда вечно пьяный отец послал его сюда учиться искусству изготовления свечей у его вечно пьяного дяди. Ежевечерние побои он сносил без жалоб, а после тайком пробирался к таверне «Пика китобоя» и наблюдал за охотниками на китов. Португальцы громко кричали друг на друга и на остальных, а негры (там было очень много негров, в основном недавно освобожденных, но немало и беглых) сбивались в кучки за столами в самых темных уголках зала и бросали испуганные взгляды на каждого проходящего мимо, как будто ждали, что их в любую минуту могут похитить.

Конечно, была там еще его кузина Амалия, единственная, от кого он видел добро. Тогда ей как раз исполнилось восемнадцать, то есть она была на два года старше его. Несмотря на ее светлые волосы и удивительно дородную фигуру, винсеттские китобои уже знали, что ее лучше обходить стороной, но по какой-то причине Селкерк ей нравился. Во всяком случае, она любила дразнить его за большие уши, пушистые волосы и ломающийся голос, который он все никак не мог перерасти. Что бы ни было у нее на уме, несколько раз ей удавалось убедить его не пойти в паб, а посидеть с ней и поглазеть на луну.

А однажды в полночь, когда шел секущий дождь со снегом, она повела его на мыс Роби. Там, оставаясь все время в тревожной близости, но не прикасаясь к нему, стоя на камнях и устремив темные, как два ствола винтовки, глаза в дождь, она поведала ему историю смотрительницы маяка. В конце, ничего не объясняя, она развернулась, открыла пальто и притянула его к себе. Он понятия не имел, чего она от него ждала, и просто прижался ухом к ее скользкой коже, слыша, как глубоко внутри нее бьется сердце.

После этого она перестала с ним разговаривать. Он стучался в ее дверь; однажды утром чуть не поймал ее на выходе из магазина, но был остановлен дядей, вернее, его ударом по шее; оставлял записочки под ковром в коридоре на втором этаже, надеясь, что она заметит торчащий уголок. Она не ответила ни на одну его попытку и даже не удосужилась попрощаться, когда он уезжал. Больше десяти лет после того Селкерк сторонился женщин, если не считать очень редких оплаченных им встреч у доков, где он разгружал суда, пока

у него не появилось неожиданное избавление в лице Службы маяков.

Теперь, таща за собой лошадь по пустынной главной улице, Селкерк обнаружил, что не помнит даже, в каком из грязных домов находилась «Пика китобоя». По дороге ему не встретился ни один прохожий, но на западной оконечности скованной трескучим морозом улицы, менее чем в квартале от того места, где держал свое заведение его дядя, он увидел конюшню для путешественников, куда и направился.

Просторное помещение освещалось настенными лампами в форме подковы (очевидно, свечам из китового жира здесь счета не знали), в глубине в железной печи горел уголь. Темноволосый парень, работник конюшни, с родимым пятном в виде раковины на всю левую щеку и часть лба, появился из-за одного из стойл, цокнул языком над раненым скакуном Селкерка и сказал, что пошлет за врачом, как только животное обсохнет, согреется и поест.

— Тут кто-то еще лечит лошадей? — спросил Селкерк.

Парень кивнул. Он был почти одного роста с Селкерком и разговаривал с грассирующим шотландским акцентом.

— Это доходное дело. Транспорт должен быть здоровым, кто знает, когда придется отсюда выбираться?

— Значит, в городе мало людей осталось?

— Только мертвые. Этих предостаточно.

Селкерк, заплатив, поблагодарил парня и пошел к печке. Там протянул руки к огню и стоял так, пока они не побагровели. Если он сделает то, что нужно было сделать много лет назад, к вечеру его уже здесь не бу-

дет, лишь бы лошадь не подвела. Судя по воспоминаниям о полуночной прогулке с Амалией, мыс Роби не может находиться более чем в трех милях отсюда. На маяке, если его давняя обитательница все еще живет там, он обойдется без романтической чепухи. Здание не принадлежало ей и едва ли было приспособлено для проживания, а отсутствие как современного оборудования, так и квалифицированного опытного обслуживающего персонала являлось неприемлемой угрозой любому судну, которому не посчастливится пройти в этих водах. Хотя вряд ли теперь кого-то могла привлечь эта полоса опустевшего, разбитого штормами берега.

Он вышел в снег и уже через несколько минут оставил позади Винсетт. Опустив голову, он брел, преодолевая порывы ветра. Не сдерживаемый ни домами, ни дюнами, ветер швырял в него кусочки ракушек и песок, они впивались в его щеки, как кончики ногтей, и отваливались. Подняв глаза, он сначала увидел пляж в пятнах снега и водорослей, а потом океан, мечущийся между берегом и песчаной косой ярдах в ста от него.

Прошел час. Может быть, больше. Тропа, с трудом различимая в лучшие времена Винсетта, скрылась под землей полностью. Селкерк шел сквозь заросли берегового вереска и песчаного репейника и уже исколол все лодыжки. Дошло до того, что в одном теплом носке он почувствовал кровь. Но он не стал снимать носок, просто выдернул самые большие колючки и продолжил путь. Далеко в море яркое желтое солнце сверкнуло в глубине закрывших небо облаков и исчезло так же быстро, как появилось. Португальские моряки называют это «улыбка дьявола». Тогда Селкерку не приходило

в голову задуматься о том, почему дьяволу приписывают свет, а не тьму или, скажем, шторм. Обогнув дюну, он увидел маяк.

Три года назад он прочитал отчет Службы маяков, и не один раз. В этом документе говорилось о сгнивших балках, трещинах и сколах на кирпичах, из которых была выстроена конической формы башня, и об эрозии вокруг фундамента. Насколько мог судить Селкерк, отчет можно было назвать сдержанным, поскольку теперь, когда он увидел маяк, ему показалось, что сооружение готово в любую минуту рассыпаться и истечь кровью в воду, бурлящую в скалах внизу.

Глядя на черные волны, накатывающие на песок, чтобы встретиться с ним, Селкерк почувствовал на языке привкус морской соли и вдруг поймал себя на том, что молится об Амалии, которая, как говорили, однажды зимней ночью, через шесть лет после отъезда Селкерка, ушла в дюны и пропала. Ее отец написал его отцу, что у нее не было ни одного друга, что она ненавидела его, ненавидела Винсета и что сейчас, где бы она ни была, ей, должно быть, намного лучше, чем дома. В конце он добавил: «Вот на что я надеюсь: что она жива и прячется в таком месте, куда я никогда не попаду».

В другую ночь — не в ту, которую они провели здесь, — где-то ближе к городу, но в таком же пустынном месте на него и Амалию напала стая чаек, которые обрушились на них с лунного неба сотнями. Амалия стала швырять в них камнями и хохотать, когда они с криками принялись кружиться над ними. В конце концов она попала одной птице в голову и убила ее. Потом наклонилась над ней и подозвала Селкерка. Он думал, что она будет плакать или жалеть чайку, но вместо этого

Амалия окунула палец в ее кровь и начертила полосу на его лице. Не на своем.

Глядя себе под ноги, Селкерк наблюдал, как вода снова подступает к носкам ботинок. Сколько времени потратил он впустую во время работы в доках, представляя, надеясь, что Амалия, покинувшая Винсетт ради него, прячется за каким-нибудь штабелем ящиков или на соседней улице?

Теперь же, не чувствуя ничего, кроме злости, Селкерк пробирался по камням к подножию башни. Неожиданно большая пенистая волна окатила его до пояса. Брюки прилипли к ногам, и налетевший порыв ветра тут же их заморозил.

Вблизи башня производила еще более тягостное впечатление. Большинство кирпичей побелели и раскрошились. Как прокаженная, она была покрыта белесыми пятнами соли, которую заносил сюда ветер. Главное здание все еще стояло более-менее ровно, но даже снизу Селкерк мог рассмотреть трещины на стеклах и грязь, пленкой покрывавшую окна фонарной комнаты, вокруг которой ветер гонял серый зимний воздух.

Домик смотрителя прижимался к левой стороне башни и выглядел, если такое вообще возможно, еще более ветхим. Все основание его деревянных стен было покрыто плесенью, похожей на водоросли. Хотя, возможно, это и были водоросли. О том, чтобы Служба занялась спасением *такого*, не могло быть и речи. Маяк мыса Роби необходимо было снести или просто оставить морю.

Селкерк с силой постучал в тяжелую деревянную дверь башни. Ответом ему был сильнейший порыв ветра, едва не сбивший его с ног. Заскрежетав зубами, он

постучал еще громче. У него за спиной забулькала вода, так иногда булькает спермацетовое масло, и, хотя это было решительно невозможно, Селкерк готов был поклясться, что почувствовал его запах, едва заметное, но тошнотворное зловоние, которое, если верить заверениям его дяди, было всего лишь плодом его воображения, потому что особенность спермацетового масла, делающая его таким ценным, в том и заключалась, что оно не имело какого-либо ощутимого запаха. Но каждый день той гнетущей осени ноздри Селкерка улавливали его. Кровь, китовый мозг, сушеная рыба. Он заколотил в дверь изо всех сил.

Прежде чем дверь отворилась, он услышал движение за ней, шаги, спускающиеся по лестнице. Однако он не переставал стучать, пока дубовая дверь не распахнулась, но не исторгнув свет из маяка, а, наоборот, втянув в себя свет воздуха.

То, что это она, Селкерк понял сразу, хотя никогда прежде ее не видел. Черные волосы смотрительницы ниспадали на плечи и спину длинными спутанными прядями, как ветви винограда, в точности как описывала Амалия. Вообще-то он ожидал увидеть седое как лунь существо с растрепанной ветром гривой, согбенное старостью и неизбывным горем. Но, если рассказ Амалии соответствовал действительности, в том году, когда Селкерк приезжал к дяде, этой женщине исполнилось около двадцати и, следовательно, ей было около восемнадцати, когда она овдовела. Она посмотрела на него чистыми голубыми глазами, которые, казалось, горели в темноте, как последние клочки синевы в сгущающихся тучах.

— Миссис Маршант, — сказал он, — я Роберт Селкерк из Службы маяков. Позвольте войти?

Какой-то миг ему казалось, что она захлопнет дверь у него перед носом. Но вместо этого она приподняла руки, как будто собиралась взлететь. На ней были длинная юбка и бледно-желтая кофта, тесно облегающая мощные квадратные плечи.

— Селкерк, — промолвила она. — Из Винсетта?

Пораженный Селкерк начал поднимать руку, потом покачал головой.

— Из Службы маяков. Но да, я прихожусь родственником Селкеркам из Винсетта.

— Что ж, — сказала она. Ее легкий португальский выговор пробудил в нем воспоминания о «Пике китобоя», о его посетителях, о дыме и запахе, стоявшем там. — Тогда милости прошу.

— Возможно, через пару минут ваше отношение ко мне изменится, миссис Маршант. Боюсь, я сюда приехал, чтобы...

Но она отошла от двери, стала подниматься по лестнице и, не оборачиваясь, поманила его за собой. Он услышал, что она произнесла:

— Вы, наверное, замерзли. У меня чай готов.

Он сделал шаг вперед и остановился в двери, прислушиваясь к свисту ветра за стенами, чувствуя, как со всех сторон на него обрушились сквозняки. Если бы не крыша, это место вряд ли уже можно было назвать помещением и уж тем более путеводной звездой или убежищем. Он пошел вслед за женщиной по винтовой лестнице. Внутри стены маяка тоже были покрыты плесенью, а наверху раздавалось хлопанье, словно в башне жило множество птиц. Не доходя четырех ступенек до платформы фонарной комнаты, на самом краю пятна желтого света, лившегося оттуда, Селкерк

остановился. Взгляд его устремился вниз, чуть правее его ног.

У стены, скрестив в лодыжках торчащие из-под одежды фарфоровые ножки, сидела кукла-монашка. Под капюшоном черной рясы из-под длинных ресниц смотрели неожиданно голубые глаза. На коленях куклы лежало серебряное распятие, и миниатюрные четки свисали на лестничную ступеньку, поблескивая в мерцающем свете, как ракушки под водой. Они и были сделаны из кусочков ракушек.

Опустившись взглядом ниже, Селкерк заметил других кукол, которых каким-то образом пропустил. Они сидели через ступеньку у обеих стен. Эти, насколько он мог судить, в основном были сделаны из ракушек. Две стояли, а третья сидела, сложив под собой ноги и прижавшись ухом к камню, как будто вслушиваясь. Наверху лестницы еще одна монашка держалась искривленными руками, сделанными из ракушек, за гнилую деревянную балясину перил. Она была не только голубоглазой, но еще и улыбалась, как маленькая девочка. Пораженный этим зрелищем, Селкерк кое-как поднялся по оставшимся ступенькам до фонарной комнаты и там остановился как вкопанный.

Несмотря на то что день был пасмурный, даже несмотря на то что окна маяка были залеплены пылью и солью как внутри, так и снаружи, комната была наполнена ярким светом. Но свет шел не из большой лампы, которая, естественно, не горела, если вообще находилась в рабочем состоянии. В дальнем конце платформы стояли два белых плетеных кресла, обращенных к морю. На спинки им смотрительница набросила ярко-красные шерстяные покрывала, а на полу под ними

лежал коврик такого же красного цвета. На коврике стоял домик.

Как и большинство кукол, он был полностью собран из ракушек, водорослей и песка. С остроконечной крыши свисали пучки фиолетовых цветков. По контуру она была украшена перьями чаек и напоминала какую-то причудливую шляпу светской модницы. На коврике, который явно служил двором, бродили похожие на кошек маленькие монашки. Некоторые лежали, сложив руки на распятиях. Одна карабкалась по ножке кресла. Группа как минимум из пяти кукол стояла у окна, глядя в море.

Они-то и напомнили Селкерку о цели визита и привели — по крайней мере, в некоторой степени — в себя. Он осмотрел остальную комнату и увидел полдюжины круглых столов, равномерно расставленных вдоль стен. На каждом из них пламенели восковые свечи в подсвечниках, придавая воздуху обманчивый желтый оттенок, обещавший больше тепла, нежели здесь имелось на самом деле. На столах в основном лежали предметы, необходимые для изготовления кукол. Миниатюрные серебряные распятия, разноцветные камешки, тысячи ракушек. Лишь на ближайшем к Селкерку столе была аккуратно расставлена посуда: чистая белая тарелка, вилка, ложка, чайная чашка со щербинкой и нарисованными летучими рыбами.

Селкерк понял, что смотрел на некое грубое подобие обитаемых солнечных часов. Каждый день миссис Маршант начинала с чая и завтрака, потом перемещалась дальше по платформе, чтобы расставить кукольных монашек, сидела до самого вечера в одном из кресел, устремив взгляд на море, где все и случилось, затем

уходила спать, с тем чтобы на следующее утро повторить все сначала. С удивлением он ощутил сильный приступ жалости.

— Вряд ли ваша шляпа согрела вас в дороге, — сказала миссис Маршант, отрываясь от бюро рядом с обеденным столом, в котором, судя по всему, держала посуду. Чашка, которую она достала и протянула ему (точная копия той, которая стояла на столе, вплоть до летучих рыб и щербинки), тихонько дребезжала на блюде.

Радуюсь теплу, Селкерк быстро поднес чашку к губам и поморщился, когда горячая жидкость обожгла язык. Женщина стояла рядом с ним. Даже слишком близко. Кончики ее волос едва не касались его руки. Взгляд ее голубых глаз скользнул по его лицу, и она засмеялась.

— Что? — Селкерк неуверенно отступил на полшага.

— Рыбы, — сказала она. Видя его недоуменный взгляд, она показала на чашку. — Когда вы пьете, кажется, будто они сейчас запрыгнут вам в рот.

Селкерк посмотрел на чашку, потом снова на смеющуюся женщину. Судя по виду и обстановке комнаты, она не бывала в городе, но явно выходила наружу, чтобы собирать ракушки и камни. В результате ее кожа сохранила смуглый континентальный оттенок. Вне всякого сомнения, она была красива.

— Простите, — сказала она, встретившись с ним взглядом. — Просто, кроме меня, давно никто не пил из моих чашек. Непривычно. Идемте. — Она пошла по левой стороне платформы. Селкерк проводил ее взглядом, потом двинулся в противоположном направлении, мимо стола, и встретился с женщиной на обращенной к морю стороне платформы, у плетеных

кресел. Не дожидаясь его, она наклонилась, подняла с ковра кукольную монашку, у которой повязка на голове скрывала почти все лицо, как бандитская маска, и села в правое кресло. Монашку она прижала к бедру, как кролика.

Кому, подумал Селкерк, предназначалось второе кресло в обычные дни? Очевидный ответ успокоил и одновременно опечалил его, поэтому он решил, что выжидать бессмысленно.

— Миссис Маршант...

— Следите за манерами, мистер Селкерк, — сказала женщина и снова улыбнулась ему. — Сестры не любят, когда им читают нотации.

Он не сразу понял, что она дразнит его. И не так, как Амалия. Вернее, не совсем так. Амалию это не веселило. Он сел.

— Миссис Маршант, у меня плохие новости. Вообще-то это не такие уж плохие новости, но сначала вам так может показаться. Я знаю... То есть, мне кажется, я понимаю... что должно означать для вас это место. Я одно время жил здесь, в городе, и мне известна ваша история. Но вам не нужно здесь оставаться. Есть ведь и более важные соображения, чем вы и ваше горе, верно? В море все еще плавают корабли, и...

Миссис Маршант чуть наклонила голову и обвела глазами его лицо, так медленно, что ему показалось, будто он почувствовал прикосновение ее взгляда, легкое, как влага в воздухе, но теплее.

— Не могли бы вы снять шляпу?

Она опять его дразнит? Но она не улыбалась. Испытывая крайнее беспокойство, Селкерк поставил чашку на пол у ног и стащил с головы мокрую шляпу. Тут же

на лоб и уши упали пушистые, как шерсть пуделя, пряди.

Миссис Маршант сидела совершенно неподвижно.

— Я забыла, — наконец произнесла она. — Разве не смешно?

— Прошу прощения?

Вздохнув, она откинулась на спинку кресла.

— Как выглядят мужские волосы при дневном свете. — Потом она подмигнула ему и шепнула: — Монашки возмущены.

— Миссис Маршант, время пришло. Служба маяков... наверное, вы слышали о такой... приняла решение...

— У нас тогда была собака, — сказала миссис Маршант, и ее взгляд устремился к окнам.

Селкерк закрыл глаза, чувствуя, как тепло чая разливается внутри, и слыша тоску в голосе смотрительницы. Когда он снова открыл глаза, миссис Маршант все еще вглядывалась в горизонт.

— Собаку мы называли Льюис. В честь моего отца, который умер в море, когда мы с матерью плыли сюда из Лиссабона. Чарли подарил мне пса.

После этих слов Селкерк замер. И дело было не в истории, которую он уже слышал от Амалии и которую помнил, дело было в том, как женщина произнесла имя мужа.

— Чарли не нужно было работать. Его семья построила половину кораблей, которые когда-либо отплывали от этого берега. Он говорил, что просто хочет, чтобы его друзья благополучно возвращались домой. И, я думаю, ему нравилось жить на маяке. Особенно со мной. И с моими девочками.

— Парень не дурак, — пробормотал Селкерк и, с удивлением поняв, что произнес это вслух, покраснел.

Но зрительница только кивнула.

— Да. Он был умным. Еще он был безрассудным. Нет, неправильно... Он любил... играть в безрассудство. В дождь он привязывал себя к перилам вон там. — Она махнула рукой в сторону тонкой полосы металла, которая опоясывала платформу за окнами с наружной стороны. — Он говорил, это все равно что плыть под парусом, не выходя в море. И не расставаясь со мной.

— Он тоже был религиозен, как вы? — Вопрос вырвался у Селкерка произвольно и, похоже, удивил миссис Маршант. — Это все... — пробормотал Селкерк и показал на ковер, на игрушечный монастырь.

— О, это всего лишь привычка, — сказала она. Снова улыбнулась, но не так, как Амалия, и дождалась, пока он понял смысл шутки. После чего продолжила: — Мы с матерью получали дополнительный доход, делая кукол для школы Святого Сердца Марии. Они отдавали их бедным девочкам. Тем, которые были беднее, чем мы.

Жар ее взгляда усилился на его щеке, как будто он наклонился ближе к свече. Это ощущение почему-то раздражало его, заставляло нервничать.

— Но он бросил вас. — Слова его прозвучали грубее, чем он рассчитывал. — Ваш муж.

Губы миссис Маршант медленно раскрылись.

— Он собирался взять меня. Братья Кэндалл (Кит был его лучшим и самым старым другом, а Кевина он знал с самого рождения) хотели, чтобы мы оба отправились с ними. Это было в 1837 году. В единственный погожий январский день, который я видела здесь. Было очень тепло, мистер Селкерк, и киты ушли на зиму.

До того дня я не понимала, что Чарли ни разу в жизни не выходил в море. И до того дня я не понимала, как ему этого хочется. Конечно, я сказала «да». Потом Льюис подвернул лапу в камнях, и мне пришлось остаться с ним. Я уговорила Чарли плыть. Он тоже был блондином. Как вы. Вы знали это?

Встав с кресла, Селкерк посмотрел на воду. Небо полностью заволокло низкими серыми тучами, из-за чего он потерял ориентацию во времени. Понятно было только то, что уже вторая половина дня. Если не поторопиться, он рискует не успеть выехать из Винсетта за светом, хоть с лошадью, хоть без. Монашки у его ног наблюдали за водой.

— Миссис Маршант...

— Конечно, он был ниже вас ростом. И веселее.

Селкерк повернул голову к женщине. Она как будто не замечала его.

— Конечно, он был счастлив, почему не быть? Ему так часто везло в его короткой жизни. Чаще, чем человек может заслужить или ожидать от судьбы. Сестры из школы Святого Сердца Марии всегда говорили, что удачливый человек приносит несчастье тому, кто с ним водит компанию. Что вы об этом думаете, мистер Селкерк?

На осмысление вопроса у Селкерка ушло несколько секунд. Когда он сел, миссис Маршант порывисто встала и прижала к окну ладонь. На какой-то миг из-за ее неподвижности и необычного наклона головы — в сторону земли, прочь от моря — у Селкерка появилось сумасшедшее предположение, что она слепа так же, как ее куклы.

— Боюсь, что мне в жизни везло гораздо меньше, — наконец сказал Селкерк.

Она смотрела на берег, но теперь повернулась к нему, снова сияя улыбкой.

— Сестры считают вас честным человеком. Они предлагают вам выпить еще чаю.

Вернувшись к бюро, она снова наполнила его чашку и поставила ее рядом с ним. Кукольную монашку она посадила на бюро, в самый центр белого блюда, где та выглядела, как миниатюрный лыжник.

— На следующее утро после того, как они уплыли, меня разбудил Льюис. — Ее глаза отражались в стекле на фоне серости. — За день он поправился и всю ночь где-то пропадал. Он любил убегать из дому. Порой я видела его только тогда, когда выходила вешать белье или еще по каким-то домашним делам. Но в то утро он стал скулить и царапаться в дверь. Я подумала, что он упал или опять себе что-то повредил, поэтому побежала открывать. Но, как только я открыла дверь, он стрелой метнулся мимо меня и взлетел вверх по лестнице. Я поспешила за ним, и, когда увидела его, он скулил на окно. Я до того разволновалась, что долго даже не поворачивалась к окну. Когда же я наконец посмотрела в него...

До сих пор руки миссис Маршант были сложены, ладонь к ладони, в складках ее одежды, но теперь она разомкнула их. Селкерк невольно подумал, что из них сейчас выпадет какая-нибудь монашка, но они были пусты.

— Так много белого, мистер Селкерк, и все же было темно. Вы, наверное, решите, что это невозможно.

— Я всю жизнь прожил рядом с морем, — отозвался Селкерк.

— Что ж. Так это выглядело. Белая стена, которая не излучала никакого света. Я даже не могла различить

воду. Конечно, я зажгла лампу, но это лишь увеличило разницу между *здесь* и *там*.

Селкерк встал. Будь он на месте Чарли Маршанта, подумалось ему, он бы ни за что не уехал из Монастыря, как он начал про себя называть это место. Ни в море, да даже в город. Он вспомнил письма, которые посылал Амалии, работая в доках. Слезливые неумелые послания. Она не ответила ему ни разу. Может быть, она таким образом по-своему пыталась быть вежливой.

— Я часто думала: что, если Льюис каким-то образом почувствовал возвращение корабля? — сказала миссис Маршант. — Мы научили его лаять в тумане, чтобы тот, кто нас не видел, мог нас услышать. Но, может быть, в тот день Льюис просто лаял на туман. Тот звук ни с чем нельзя было спутать. Я услышала, как ломается дерево, как падают паруса. Мачта рухнула в море. Но криков не было. И я подумала...

— Вы подумали, что команда могла спастись на шлюпках, — сказал Селкерк, когда стало понятно, что миссис Маршант не собирается заканчивать предложение.

В первый раз за несколько минут миссис Маршант обратила на него взгляд. Неожиданно на ее губах снова засияла лучезарная улыбка.

— Из вас бы получилось великолепное чучело жирафа, — промолвила она.

Селкерк оторопел. Неужели ему придется уносить на себе эту несчастную сумасшедшую?

— Миссис Маршант, уже поздно. Нам скоро нужно будет идти в город.

Если она и поняла, что он сказал, это никаким образом не проявилось.

— Я знала, что это был за корабль. — Она села в кресло и закинула ногу на ногу. Улыбка исчезла с ее лица. — Какое еще судно могло оказаться там посреди зимы? Я начала кричать, бить по стеклу. То, что они не могли пересечь в шлюпки, не сразу стало понятно. По всей вероятности, они не понимали, где находятся. Ребята Кэндаллы были опытными мореходами, отличными моряками, мистер Селкерк. Но тот туман опустился из самого сердца неба или поднялся из мертвых морских глубин, он был непроницаем, как камень. А потом — как будто это сам туман, а не корабль Чарли налетел на песчаный вал в море — вся эта белая пелена разлетелась вдребезги. Стена мглы рассыпалась на свистящие разлетающиеся осколки. Пурга разметала ее. Как такое возможно, мистер Селкерк? Как может море вот так взять и передумать?

Селкерк не ответил. Но впервые он подумал, что понимает, почему моряки в «Пике китобоя» называли эти обманчивые далекие мерцания света так, как называли.

— Я бросилась вниз, думая, что сама сяду в лодку и поплыву спасать их. Но волны... Они так бушевали, что мне пришлось ждать. Слезы замерзли у меня на щеках. Я была в одном платье, и ветер пронизывал меня до костей. Дверь маяка хлопала, потому что я не закрыла ее как положено. Меня охватила такая паника, такая злость на собственное бессилие, что я готова была снова закричать. Я всмотрелась в море и упала на колени в благодарности. Он был там, мистер Селкерк. Я увидела корабль. По крайней мере, какую-то часть его. Я смогла различить нос, переднюю часть палубы, обломок мачты. Я вскочила и бросилась обратно за

одеждой. А потом я побежала в город. Лошадь мы не держали. Чарли не любил их. Всю дорогу меня не покидало странное чувство, ощущение, будто я заблудилась. Но это было невозможно. Тропинка в город в те времена была хорошо ухожена, и даже сейчас вы ведь легко добрались, верно? Но я ничего не могла с собой поделывать. Вокруг летали снег и песок, бешеный ветер дул с дюн. Было так холодно. Мой Чарли замерзал в море. Помню, я думала: вот что чувствует брукса. Вот почему она мучает путешественников. Вот почему она пьет их кровь. Знаете, в какую-то минуту я даже подумала, что превратилась в нее.

Селкерк передернул плечами, прогоняя удивление, и поджал губы.

— Брука?

— Брукса. Это как... банши. Знаете это слово? Призрак, но не чей-то, а сам по себе. Ужасное существо.

Ему кажется, или за окном действительно начало смеркаться? Если не покончить с делом, ради которого он сюда пришел, им обоим придется сегодня ночевать здесь.

— Миссис Маршант, я думаю, мы сможем продолжить этот разговор по пути в город.

Миссис Маршант вздрогнула, как будто он ударил ее.

— Что?

— Миссис Маршант, вы ведь наверняка понимаете, для чего я явился сюда. Мы перевезем ваши вещи. Вам, конечно, не обязательно уезжать прямо сегодня, но так ведь будет проще, согласитесь. Я пойду с вами и прослежу, чтобы...

— Когда я наконец добежала до Винсетта, — продолжила смотрительница маяка, на лице которой снова

засветилась отстраненная улыбка, — я бросилась к первому же освещенному окну, которое увидела. Это был дом Селкерка. Вашего дяди.

Селкерк поежился, вспоминая, как к его черепу с размаху прикладывались твердые, как камень, горячие ладони.

— Он был очень добрым, — сказала она, и Селкерк разинул рот. — Он пригласил меня войти. В его мастерской было тепло. В ту минуту мне казалось, что он в самом прямом смысле спас мне жизнь, вернул меня в мое тело. Пока я грелась у огня, он в пургу обежал весь город и собрал китобоев и моряков. Отец Чарли и старший брат Кэндаллов тоже были там. Всего вызвалось помочь не меньше пятнадцати человек. Многие сразу поскакали к маяку. Ваш дядя надел на меня два свитера и куртку и повел обратно. Всю дорогу он поддерживал меня, говорил, что все будет хорошо. К тому времени, когда мы дойдем до маяка, говорил он, моряки уже найдут способ снять ребят с песчаного вала и вернуть их домой.

Селкерку показалось, что эта женщина запустила руку в его воспоминания и раскрасила их разноцветными красками, которых там никак не могло быть. Его дядя никогда и ни с кем не бывал добрым. Он вообще почти не разговаривал, а если и открывал рот, то говорил о делах. Сама мысль о том, что он мог согреть кого-то в своей мастерской, что он, рискуя жизнью, поднимал город ради спасения какого-то богатого повесы...

Правда, с другой стороны, Селкерк оказался в городе, когда тот уже клонился к упадку и его тетя умерла какой-то жуткой смертью, о которой никто не хотел говорить. Может быть, раньше дядя был другим. Или,

подумал он, ощущая противную дрожь в животе, он был не только пьяницей, но еще и старым распутником.

— Когда мы добрались до маяка, солнце уже почти село. Старший Кэндалл и четверо моряков уже четыре раза пытались отплыть на лодке от берега, но волны выбрасывали их обратно. Теперь они забились в мой дом, чтобы не получить воспаление легких. «Завтра, — сказал мне один из них. — Завтра, даст Бог, мы найдем способ до них добраться. Лишь бы они выдержали там это время». И в ту же минуту, мистер Селкерк, едва свет того жуткого дня погас окончательно, снег рассеялся. На мгновение. И мы увидели их.

На ресницах ее правого глаза повисла единственная слеза. Она заговорила почти шепотом:

— Это было как дар свыше. Как явление в небесах. Я выбежала обратно, стала звать, прыгать, мы все кричали им, но они, конечно, не слышали нас. Они бегали по палубе. Я сразу поняла, кто из них Чарли. Он стоял на носу корабля, закутанный в три или четыре куртки, на голове — чужая шапка. Он был похож на одну из моих монашек, мистер Селкерк. — Она снова усмехнулась. — На ту, у которой повязка скрывает лицо. Раньше я держала ее на коленях. Я ее сделала в память о той минуте.

Селкерк растерялся. Неужели эта женщина в самом деле радуется тем событиям?

— Я видела и головы Кэндаллов, которые что-то делали на палубе. Рыжие, как два солнца, горящих на затянутом тучами небе. «Выкачивают воду, — сказал мне отец Чарли. — Наверное, корабль тонет. Они стараются удержать его на плаву».

Снова улыбка увяла на лице миссис Маршант, но не исчезла окончательно.

— Я спросила, как долго они смогут продержаться. Но на самом деле меня больше интересовало, как долго они уже продержались. Эти бедные прекрасные мальчики. Их было видно две минуты. Может, даже меньше. Я увидела, как за ними поднимаются новые облака. Как будто огромное морское чудовище выныривало из волн. Но в конце, как раз перед тем, как снег и темнота скрыли от нас корабль, они все одновременно остановились и повернулись. Простите, мистер Селкерк.

Лицо она не вытирала, но Селкерк не видел на нем ни одной слезинки. Она просто сидела в кресле, спокойно дыша. Селкерк почувствовал, что у него отлегло от сердца.

— Я помню, как старший Кэндалл стоял рядом со мной, — снова заговорила она. — Он шептал: «Что же вы, ребята. Оденьтесь». Видите ли, Кэндаллы... Они сняли куртки. И я наконец поняла, почему вижу их волосы. Они не надели шапки, хотя откачивали воду. Помните, я всю свою жизнь провела в окружении моряков, мистер Селкерк. Все мужчины в моей семье были моряками задолго до того, как они приплыли в эту страну. Мой отец охотился на китов здесь до того, как позвал нас. Поэтому я поняла, что именно я увидела.

— И что же?

— Кэндаллы сдались. Менее чем в ста ярдах от берега они сдались. Или решили, что не переживут ночь. Помощь должна была прийти до рассвета, иначе будет поздно. Корабль не выдержал бы дольше. Или их убил бы холод. Поэтому они торопили конец. Но только не Чарли. Не мой Чарли. Он не стал прыгать от радости, он только прижался к огорчению, но я поняла, что он

увидел меня, мистер Селкерк. Я почувствовала его. Но потом снова пошел снег, и наступила ночь. Когда мы увидели их в следующий раз, они сидели на снастях.

Селкерк про себя оставил надежду покинуть Винсетт до утра. Сеть работоспособных маяков и работоспособных зрителей, которую с таким трудом обустраивала Служба, могла подождать еще одну зимнюю ночь.

— Это случилось на следующий день. В полдень. Та буря была какой-то злой шуткой природы. А возможно, она вообще была не природным явлением. Разве может ветер такой силы не прогнать снег? Как будто снежная буря сомкнула челюсти на этих мальчишках — на моем мальчишке — и не хотела их отпускать. Мужчины, которых не раздирали кашель и горячка, сделали еще пять попыток подплыть к ним на лодке, но не смогли отойти от берега и на пятнадцать футов. Лед в воздухе был похож на дождь из стрел. Вскоре после последней попытки, когда я готовила чай, разрывалась между больными и пыталась успокоить Льюиса, который лаял с самого рассвета, отец Чарли вскрикнул и бросился на берег. Никогда прежде я не видела такого света, мистер Селкерк, и не видела ничего подобного с тех пор. Ни снег, ни ветер не притихли, и тучи не поднялись. Но корабль показался снова, наши ребята теперь были не на палубе, а на снастях. Кэндаллы надели шапки и замотались в куртки. Они держались наверху, продев руки в линии. Чарли поднялся еще выше. Он согнулся и смотрел вниз на братьев или на палубу. Я надеялась, что они разговаривали или пели, делали хоть что-нибудь, чтобы не упасть духом и сохранить дыхание. Потому что корабль... Вам приходилось видеть зыбучие пески, мистер Селкерк? Это выглядело почти так же. Это виде-

ние продлилось какую-то минуту или даже меньше. Но за это время корпус корабля погрузился в воду на фут. И это был единственный предмет, который двигался.

— Не понимаю, — сказал Селкерк. — Там же был песчаный вал. Они ведь на него налетели, верно? Или на камни вокруг него. Почему они не могли просто спуститься?

— Если бы после всего, что с ними случилось, они ступили в воду, они замерзли бы сразу. Им не оставалось ничего другого, кроме как цепляться за веревки. И они цеплялись. Оставшиеся здоровые мужчины подошли и встали за мной и отцом Чарли, чтобы посмотреть. Каким-то образом сам вид корабля воодушевил нас всех. Увидев наклонившуюся мачту, мы разозлились и снова преисполнились решимости. Один раз нам удалось к ним приблизиться, когда уже стемнело. Снег шел такой же сильный, но ветер немного утих. Наши уши так долго слышали ветер, что, мне кажется, мы даже не сразу поняли, что он унялся. Тех, которым досталось больше всего, отправили обратно в город на лошадях, и мы надеялись, что оставшиеся в Винсете китобои смогут провести бриг в бухту, чтобы попытаться добраться до корабля Чарли со стороны моря, а не с земли, как только позволит погода. Мне все казалось, что я слышу новые звуки с моря, что я вижу верхушку мачты спасательного корабля. Но, разумеется, так рано он не мог там оказаться, да и, кроме снежной бури, мы все равно ничего не видели и не слышали. А потом, посреди очередного круга сумасшедшей бессмысленной беготни, отец Чарли поймал меня за руку и, развернув лицом к воде, сказал: «Стой. Слушай». И только тогда я наконец поняла, что не слышу ничего. Сладкая,

прекрасная тишина. Мне сразу же подумалось, что теперь я смогу услышать Чарли и Кэндаллов. Прежде, чем кто-то успел меня остановить, я бросилась на берег, вбежала в ледяную воду, и мое платье тут же примерзло к ногам, но я не почувствовала этого, потому что уже замерзла так, что все мое тело онемело. Мы все там замерзали. Я начала кричать, звать мужа. Различить что-либо было невозможно из-за темноты и густого снега. Но я продолжала кричать, и все, кто был на берегу, замерли в ожидании ответа. Но мне никто не ответил. Если бы у меня под ногами не плескалась вода, я бы решила, что даже море потеряло голос. А потом...

Впервые голос миссис Маршант осекся. Селкерк с ужасом осознал, что завидует ей. В его жизни не было дня, даже часа, наполненного такими же сильными впечатлениями. Разве что за исключением тех кратких, пронизанных ледяным дождем мгновений с Амалией. Но и ночь отбрасывала куда более уродливую и темную тень.

Когда миссис Маршант продолжила, дрожь в ее голосе исчезла, словно она ее проглотила.

— То был последний раз, когда я слышала его настоящий голос, мистер Селкерк. Думаю, я уже тогда это понимала. А теперь, вспоминая об этом, я даже не уверена, что слышала его. Как я могла его услышать? Это был хрип, даже не шепот. Но это был голос Чарли. Я могу поклясться в этом несмотря ни на что, пусть даже он произнес всего одно слово: «Поторопись». Последние двое мужчин из Винсетта тоже слышали этот призыв. В следующую секунду они сели в лодку. Мы с отцом Чарли оттолкнули ее от берега, а они начали

изо всех сил грести веслами навстречу волнам. Минуту, не больше, они оставались на одном месте, том самом, о которое последние тридцать шесть часов разбивались все наши попытки. Волны толкали их обратно, но потом они как будто выпрыгнули из ловушки. Внезапно оказавшись в открытой воде, они поплыли к песчаному валу. Мы были слишком обессилены, чтобы даже обрадоваться, но сердце колотилось у меня в груди так, что, я думала, оно разобьет ребра. Когда они отплыли от берега на двадцать футов, мы перестали их видеть. А они потом рассказывали, что им на лодке было видно только черноту, воду и снег, поэтому никто из нас не знает, как близко они на самом деле подобрались. Они были в море минут шесть, может, семь. И вдруг раздался грохот, как будто плотину прорвало. Ветер обрушился на нас с новой силой, и опять с неба полетел лед. Потом была секунда тишины, но никто из нас не принял ее за затишье. Вода просто поднялась в воздух. Понимаете, мистер Селкерк, огромная черная волна подняла спасательную лодку и вышвырнула ее обратно к берегу. Двух человек ударило о песок. К счастью, волна обрушилась почти на сам берег и каким-то чудом никто не утонул. Один сломал оба запястья, второму выбило зубы, и он сломал нос. Вода нахлынула на берег, окатила нас с головой и ушла обратно так же стремительно, как налетела.

Впервые Селкерк подумал о том, что рассказ, который он слышал, не совпадал с историей, рассказанной Амалией. И, что было еще удивительнее, версия Амалии была менее жестокой. По ее словам, никто и не пытался спасти моряков, поскольку сразу было понятно, что это невозможно. Не появлялось даже призрачной

надежды. Корабль просто соскользнул с песчаного вала, и все утонули.

— Волны не поднимаются просто так, — сказал я. Миссис Маршант слегка наклонила голову.

— Да? Мой отец, проведя в море полгода, возвращался домой и рассказывал разное. Он рассказывал о волнах, которые поднимались призраком ветра, дувшего два года назад в двух тысячах лиг оттуда, и с ревом поглощали все, что попадалось им на пути. В открытом океане это не такая уж редкость.

— Но здесь не открытый океан.

— Вы думаете, океан это знает? Думаете, для океана это имеет какое-то значение? Впрочем, я признаюсь: в ту минуту мне показалось, что море просто не хочет нас принимать. Наконец на мысе Роби осталось только два здоровых человека: отец Чарли и я. Снег со льдом все падал, и падал, и... Мы не говорили об этом. Мы разместили раненых гребцов на ковре у огня, как можно удобнее. Потом принялись стирать постельное белье и зажигать свечи. Я начала делать вот эту маленькую сестру... — Он тронула ногой кукольную монашку с белой повязкой, которая сидела, прислонившись к ее ноге. — Чтобы положить ее в гроб. Хотя все мы знали, что нам вряд ли удастся найти тела. Звуки той ночи... Боже, я до сих пор слышу, как снег и лед бьют по крыше. Как ветер завывает вокруг башни. Тогда я не могла думать ни о чем, кроме Чарли. Как он цепляется за веревки, надеясь еще встретиться со мной. Я знала, что до утра он не продержится. Примерно в два часа ночи отец Чарли заснул, привалившись к стене. Я пересадила его в кресло, а сама легла на пол рядом с ним. Наверное, я потратила столько сил, физических и душевных, что

тоже заснула прямо у его ног, хоть и не хотела. А когда я проснулась...

«Кэндаллы», — подумал Селкерк, наблюдая за женщиной, которая замерла, поджав губы. Знал ли он их? Ему казалось, что он о них слышал. Впрочем, в то время центром его вселенной была Амалия. А потом он ушел в себя и уже ни о ком не задумывался.

— Когда я проснулась, светило солнце. Я не стала обдумывать то, что видела. Я не думала о том, что найду. Я не будила отца Чарли, но он с ревом бросился за мной, когда я выбегала из дома. Мы даже не знали, удержится ли наша лодка на воде, и все равно направились прямо к ней. На песчаный вал я не смотрела. Вам это кажется странным? Я не хотела видеть, что нас ждет. Пока что. Я смотрела на дюны, и они сверкали, как золото, мистер Селкерк. Хоть они и были покрыты травой и водорослями, казалось, что они родились только что. Когда лодка упала на берег, на одной стороне по ее корпусу пошла трещина. Но отец Чарли посчитал, что она выдержит. В любом случае, у нас не было выбора. Это был наш последний шанс. Не говоря ни слова, мы потащили лодку к воде, которая была гладкой, как стекло, и даже почти не шевелилась. Отец Чарли не стал меня ждать, запрыгнул в лодку и взялся за весло, но, когда я ухватилась сзади за корпус, он позволил мне забраться в нее, все так же не произнося ни слова. А потом он начал грести что было сил. Еще несколько секунд я не поднимала головы. Мне хотелось молиться, но я не могла. Моя мать была католичкой, и мы работали на монашек, но изготовление кукол каким-то образом сделало в моих глазах и самого Бога похожим на куклу. Я не могла верить в то, что он принимает

обличье, которое мы ему дали. Мне была нужна другая фигура, не та, которую я знала. Поэтому я закрыла глаза и прислушалась к крику чаек, которые носились вокруг в поисках мертвой рыбы. В голове не было ни одной мысли, кроме мысли о том, как сильно я хочу, чтобы Чарли вернулся. Наконец я подняла голову. Я не ахнула и не закричала. Наверное, я даже ничего не почувствовала. Во-первых, их оказалось только двое. Выше всех был Чарли. Он забрался почти на самую верхушку главной мачты, которая наклонилась так, что вершина ее находилась не выше двадцати пяти футов над водой. Даже несмотря на шапку, натянутую на самые уши, я поняла, что это он. «Он шевелится?» — спросил меня отец Чарли, и я поняла, что он тоже не может заставить себя на них смотреть. Мы подплыли ближе. А потом я все же вскрикнула, мистер Селкерк. Всего один раз. Потому что он *шевелился*. Или я подумала, что он шевелился. Он устраивался... Приспосабливался... Не знаю, как назвать. Он наматывал на руки и на ноги веревки, как ребенок, который пытается втиснуться в укромное место, когда ты приходишь за ним. Как будто он только что туда попал. Или то был ветер. Я до сих пор этого не знаю. Отец Чарли выругался и снова прорычал свой вопрос. Когда я не ответила, он повернулся. «Матерь Божья!» — услышала я. После этого он опустил голову и налег на весла. А я не сводила глаз с Чарли и с пустого голубого неба за ним. Я готова была смотреть куда угодно, только не ниже, где на той же мачте висел один из Кэндаллов. Он держался на лодыжках, мистер Селкерк. На одних только лодыжках. Бог знает, как он зацепился ими. Ветер сорвал с него одежду. Глаза и рот его были раскрыты. Он казался таким

бледным, таким тонким, ничего общего с тем, каким он был в жизни. Все тело его покрывали страшные красные порезы, как будто ветер хотел вспороть его. Он был еще совсем мальчишкой, мистер Селкерк. Кончики его пальцев касались воды. Отец Чарли еще раз двинул веслом, и наша маленькая лодка наконец уткнулась в последний торчащий над водой кусок корпуса судна Кэндаллов. Его мачты скрипели у нас над головой, и мне показалось, что они могли в любую секунду обрушиться на нас. Отец Чарли попытался зацепиться веслом за дерево, чтобы подтянуть нас ближе, но в конце концов мы обогнули корабль и натолкнулись на песчаный вал. Я выпрыгнула из лодки следом за ним, подумав, что мне придется лезть на мачту. Ведь я была легче, и подо мной весь корабль не ушел бы окончательно под воду. Наш дом, наш маяк были так близко, что казалось, будто до них можно добраться вброд. Может, я и вправду дошла бы до них. Я посмотрела наверх, и на этот раз у меня не осталось никаких сомнений: Чарли действительно шевелился. Отец его тоже это увидел и начал кричать. Он кричал без слов, но я расставила руки и стала звать мужа: «Спускайся! Спускайся, любимый!» Я увидела, как руки его распутались, ноги выскользнули из веревок. От этого движения корабль немного просел. Если он хотя бы прикоснется к воде, подумала я, холод убьет его. Он замер, и его отец перестал кричать, я тоже замолчала. Он провисел без движения так долго, что я решила: он все же умер, услышав наши голоса напоследок. А потом, перебирая руками, мучительно медленно, как паук, крадущийся по паутине, он начал спускаться вниз головой по веревкам. Он добрался до тела несчастного Кэндалла и толкнул его бедром. Оно закачалось

из стороны сторону. Чарли на него даже не посмотрел, он не замедлил движения и не отодвинулся. Он продолжал спускаться. Не помню, как долго он спускался. Оказавшись на палубе, он на какое-то время скрылся из виду. Мы уже начали думать, как забраться туда к нему, но он показался над бортом, перевесился и просто упал на песок у наших ног. Толчок от этого движения покачнул разбитый корабль, он соскользнул с песчаного вала в воду и пошел на дно, забрав с собой тело Кэндалла. Спуск отнял у Чарли последние силы. Глаза его были закрыты, дыхание почти замерло, и он не отвечал, когда мы стали тормошить его. Отец Чарли поднял его и положил в лодку. Я запрыгнула на нос спиной к берегу, и отец Чарли начал отчаянно грести. Я сидела по щиколотку в воде, держа на коленях голову мужа. Я растирала его щеки. Они были такие холодные. Невозможно холодные и застывшие, затвердевшие, как камень. Все свои мысли, всю свою внутреннюю энергию, все тепло, какое было во мне, я вложила в свои пальцы. Я ворковала над ним, как голубь. Отец Чарли сидел к нам спиной и работал веслами изо всех сил. Он не поворачивался и поэтому не...

Голос миссис Маршант снова задрожал. За грязными окнами, в серости, которая к этому времени уже окончательно превратилась в сумерки, Селкерк увидел тонкую полоску желто-красного света, прямо над горизонтом, похожую на щелочку между прикрытыми кошками веками. Завтра погода наладится, и он уедет, отправится домой. Может быть, теперь он останется там. Найдет женщину, которой не нужно платить за проведенное вместе время.

— Вы совершили очень мужественный поступок, миссис Маршант, — сказал он и, не успев осознать, что делает, скользнул вперед и взял ее холодную руку. Этим он хотел просто успокоить ее и удивился, когда сладкая печаль передалась ему через пальцы другого человека. Дьявольская улыбка чувства, если таковая существует. — Ваш муж был хорошим человеком. Вы уже отдали ему должное.

— Всего лишь мальчишка, — прошептала она.

— Значит, он был хорошим мальчишкой. И любил вас. Вы уже сполна почтили его память, и теперь настало время снова начать жить. Ради памяти о нем. Возвращайтесь в город. Я прослежу, чтобы вам досталось уютное теплое место. Если позволите, я сам заеду к вам, проверю, чтобы все было как положено.

Очень медленно, не отнимая пальцев, миссис Маршант подняла на него глаза. Губы ее открылись.

— Вы... глупец. Вы думаете... Но вы же говорили, что знаете мою историю.

В замешательстве Селкерк сжал ее ладонь.

— Теперь знаю.

— Думаете, я все эти годы живу здесь, отрезанная от всего мира, не видя ничего, кроме этих стен и моих монашек, сама как монашка, ради любви? Из-за горя?

Селкерк отпустил руку миссис Маршант, и та, вздрогнув, упала опавшим листком ей на колени.

— В этом нет ничего преступного. Но теперь...

— Я так и не смогла понять, как лодка перевернулась, — сказала она переменившимся, лишенным всякого выражения и распевных интонаций голосом, когда он запнулся и замолчал. — Все это время я вспоминала,

как это произошло, секунда за секундой, но так и не поняла.

Не зная, что делать с руками, Селкерк наконец тоже опустил их на колени.

— Лодка перевернулась?

— Полный штиль. Никаких волн на этот раз. Мы были в двадцати ярдах от берега. Даже меньше. Мы могли выпрыгнуть из нее и идти пешком. Я продолжала ворковать. Все еще растирала щеки мужа, но уже поняла. И, думаю, отец Чарли тоже понял. Чарли умер еще до того, как мы положили его в лодку. Он не дышал. Не двигался. Не пошевелился ни разу за то время, пока мы молча плыли к берегу. Я повернулась к земле, чтобы увидеть, как далеко еще осталось. И в следующую секунду оказалась в воде. Если бы за лодку взяли три человека, при всем старании они не смогли бы перевернуть ее так быстро. Одно из весел ударило меня по голове. Не знаю, что меня оглушило, этот удар или холодная вода. Но тогда я ни о чем не могла думать. Упав в воду, я несколько секунд не понимала, где верх, а где низ, хотя там было всего три фута глубины. Потом я все же встала на ноги и побрела по дну к берегу. Весло рассекло мне кожу на голове, и кровь заливала мне глаза. О Чарли я не думала. Я не думала ни о чем, кроме того, что мне нужно выбраться из холодной воды, пока тело не перестало слушаться меня. Чувствуя, как в жилах начинает застывать кровь, я выбралась на берег и упала на песок. Вспомнив, где я и что делала, я повернулась. Лодка плыла по воде, как будто вовсе не переворачивалась. Весла были аккуратно сложены, как руки на груди. Вода вокруг совершенно спокойная. И нигде не видно ни мужа, ни его отца. Я чуть не рассмеялась. Это

невозможно. Смешно. Жестоко. Я не кричала. Я ждала, скользая взглядом по воде, готовая броситься в море и спасти отца Чарли, как только увижу его. Но там не было ничего. Даже вода не шевелилась. Я села и уставилась на горизонт. Я не плакала. Я вполне могла замерзнуть насмерть там, на берегу, что стало бы достойным финалом всего произошедшего. Я даже начала расстегивать ворот платья, вспомнив, как братья Кэндаллы сбросили куртки в тот первый день. Этим я и занималась, когда из воды выполз Чарли.

Селкерк порывисто встал.

— Но вы же сказали...

— Он потерял шапку. И куртка его распахнулась. Он выполз на берег чуть в стороне от меня, как краб. Точно так же, как сползал с мачты. Конечно же, я раскрыла объятия ему навстречу, и холод нырнул мне под платье. Я смеялась, мистер Селкерк. Плакала, и смеялась, и лепетала что-то. Но потом он поднял голову, и я увидела.

Резко поведя плечом, миссис Маршант замерла. Она молчала несколько минут. Не зная, что и думать, Селкерк беспомощно опустился обратно в кресло.

— Единственный вопрос, который у меня остался, мистер Селкерк: когда это произошло?

По причине, которая была ему непонятна, Селкерку на миг представилось жестокое призрачное лицо Амалии, и он в тысячный раз попытался представить, куда она могла исчезнуть. Потом он подумал о мертвом городе позади и о мусоре, который предмет за предметом, кость за костью уходил в песок, о загадочной смерти тети, о своем дяде. Он никогда не пытался узнать, что случилось с дядей после исчезновения Амалии.

— Я все еще думаю о тех мальчиках, — пробормотала миссис Маршант. — Каждый день. О подвешенном на веревках, обнаженном, изувеченном. И о том, который исчез. Думаете, он, убегая, мог прыгнуть в воду, мистер Селкерк? Я думаю, что мог. Я бы прыгнула.

— О чем, черт возьми, вы...

— Даже у мертвых глаза отражают свет, — сказала она, обратив на него ясный, живой взгляд. — Вы знали это? Но у Чарли глаза... Конечно, это был не Чарли, но...

Селкерк снова едва не вскочил с кресла. Ему захотелось броситься вниз, бежать в вечернюю темноту. Но одновременно он почувствовал, что не может этого сделать.

— Как вас понимать?

Миссис Маршант в ответ посмотрела на него, чуть приподняв голову, призрак улыбки коснулся ее губ и исчез.

— Как меня понимать? Откуда мне знать? Что такое призрак? Вам известно, сколько моряков умерло в радиусе пяти миль от этого места? Наверняка некоторые из них не были этим довольны.

— Вы что же, хотите сказать, что...

— А быть может, все это глупости. Быть может, призраки в чем-то похожи на богов, или они — знакомые лица, которыми мы наделяем то, что приходит за нами. Быть может, это было само море. Не знаю, мистер Селкерк. Но я знаю то, что передо мной было лицо, которое не принадлежало Чарли. В этом у меня нет сомнений. Ни единого. Я лишь надеялась на то, что оно завладело им после того, как он умер, как рак-отшельник забирается в раковину. Прошу, Господи, пусть будет так, пусть это ветер и холод забрали его.

Вздвогнув, Селкерк покачал головой.

— Вы сказали, он умер.

— Так и было.

— Значит, вы ошиблись.

— Оно убило Кэндалла, мистер Селкерк. Спустилось и разорвало его на клочки. Я почти не сомневаюсь, что оно убило и собственного отца. То есть отца Чарли. Льюис, увидев его один раз, сбежал в дюны. С тех пор я не видела собаку.

— Разумеется, это был он. Вы просто не в себе, миссис Маршант. Все эти годы одиночества. Ведь оно вас пощадило, не так ли? Он вас пощадил.

Миссис Маршант улыбнулась снова, и из глаз ее потекли слезы.

— Оно только что наелось... Или не знаю, что оно делает с жертвами. Или это из-за того, что я потеряла последних дорогих мне людей и пахла морем. Может, я показалась ему неживой.

— Послушайте, — сказал Селкерк и, движимый каким-то порывом, опустился перед ней на одно колено, снова взяв ее за руки. Они были холодными как лед. Конечно, все эти годы в таком холодном месте, с таким грузом на плечах... — В тот день произошла настоящая трагедия, и не одна. Что бы вам ни показалось...

Селкерк замолчал. Очень медленно его разум спустился по лестнице, вышел через дверь маяка, пролетел над исчезающей тропинкой, по которой он шел между дюнами, и вернулся в Винсетт. Он словно заново увидел постоянные дворы с закрытыми ставнями и пустые таверны, мрачную улыбку парня в конюшне. Он увидел улицу, на которой когда-то стояла хижина его дяди. Что случилось с дядей? С тетей? *С Амалией?*

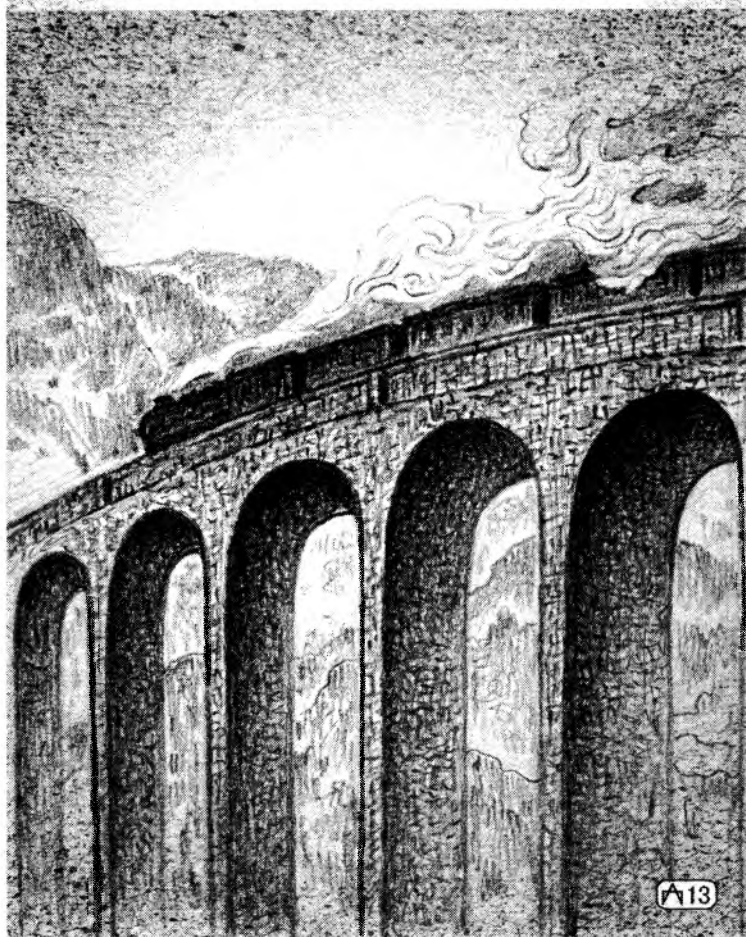
Куда все они исчезли? Как долго умирал Винсетт? Разум устремился дальше, из города на дорогу, по которой он проехал на лошади, среди битой посуды и гниющих китовых костей, к другим пустынным, молчаливым городам, которые встречались ему на этом проклятом отрезке мыса.

— Миссис Маршант, — прошептал он, крепче сжав ее пальцы и наконец поняв, почему она осталась. — Миссис Маршант, скажите, где сейчас Чарли?

Она встала и, вытерев слезы, нежно потрогала один из завитков волос у него на голове. Спокойное, почти материнское движение. Так мать может потрепать по голове только что проснувшегося сына. Он поднял на нее взгляд и увидел, что она снова смотрит не на море, а на дюны и на простирающуюся за ними темную землю.

— Станет еще холоднее, — сказала она. — Поставлю чайник.

Ким Ньюман
**ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СОШЕЛ
С ПРИВРАЧНОГО ПОЕЗДА**

А13

Ким Ньюман — романист, критик и журналист. Произведения «Ночной мэр», «Дурные сны», «Яго», серия романов и рассказов «Anno Dracula», «Кворум», «“Настоящий доктор Шейд” и другие рассказы», «Знаменитые чудовища», «Семь звезд», «Непростительные истории», «Мертвые ходят быстро», «Жизнь — это лотерея», «Назад в СССР» (в соавторстве с Юджином Бирном), «Там, где закопаны тела», «Доктор Кто: время и относительность», «Человек из клуба “Диоген”» и «Тайные записки клуба “Диоген”» были изданы под его собственным именем. Под псевдонимом Джек Йовил он выпустил романы «Вампириша Женеви́ева» и «Оргия кровавых паразитов».

Также он является автором нескольких не художественных произведений. Среди них: «Кошмарные фильмы», «Страшно, аж жуть» (в соавторстве с Нилом Гейманом), «Хоррор: 100 лучших книг» и «Хоррор: еще 100 лучших книг» (обе совместно со Стивеном Джоунсом), «Фильмы о Диком Западе», «Путеводитель Британского института кино по фильмам ужасов», «Фильмы миллениума» и обзоры фильмов «Люди-кошки» и «Доктор Кто» из серии «Путеводитель Британского института кино по классическим фильмам».

Он является редактором и постоянным автором журналов «Зрение и звучание» и «Империя». В своих работах он затрагивает самые разнообразные

темы. По его рассказу «Недельная женщина» был снят эпизод в сериале «Голод», и сам он выступил автором сценария и режиссером короткометражного фильма «Пропавшая девушка».

На счету Ньюмана премия Брэма Стокера, Международная премия критиков произведений в жанре хоррор и Британская премия фэнтези. Родился он в лондонском пригороде Брикстон, вырос в графстве Сомерсет, учился в университете Сассекса, а сейчас живет в Лондоне, в районе Ислингтон.

Как рассказывает автор, «“Человек, который сошел с призрачного поезда” был написан для моего сборника “Человек из клуба «Диоген»” в основном для того, чтобы задать фон для Ричарда Джеперсона, главного героя этих рассказов (и заодно создать парочку загадок на будущее). К тому же я просто люблю рассказы, действие в которых происходит на поездах, и всегда хотел написать нечто подобное. Смутно вспоминаю, как в шестидесятые был увлечен британским сериалом “Секстон Блейк”, в некоторых эпизодах которого действие тоже происходило на поездах, в чем я усматриваю связь с “Ночным ужасом” (1946) — это фильм с Бэзилем Рэтбоуном в роли Шерлока Холмса, в котором использован тот же прием. Как в фильме “Сбрось маму с поезда” метко замечает персонаж Билли Кристалла: “В каждом удачном романе присутствует поезд”».

КАЛЛЕРС-ХОЛТ

— Десять часов, шеф, — сказал Фред Регент. — Так указано в расписании. При том, как ползет эта черепаха, я не удивлюсь, если следующий поезд придет через десять месяцев.

Ричард Джеперсон пожал плечами. На лице проступили желваки.

Над мокрым полем висело хмурое осеннее небо в серую и розовую полоску. Фред обошел полустанок. Никого. Типичная для Британии картина. О том, что на Каллерс-Холт бывают люди, он догадался только по неубранному мусору. Грузные полиэтиленовые мешки были сложены на внешнем дворе полустанка, как во время войны складывали мешки с песком. Забастовка мусорщиков уже вроде как закончилась, но кто знает, может быть, известие об этом еще не дошло до этих краев. Если верить указателю, до деревни Каллер было три мили, однако, если в конце дороги и находился какой-то населенный пункт, вечер этого тяжелого тусклого дня огнями он не скрашивал.

Фред даже не знал точно, в какой стороне находится Каллер.

Ричард стоял на платформе у багажа, всматриваясь в озаренную умирающим светом даль сквозь круглые очки с зелеными стеклами. На нем были длинный, до земли, лиловый дорожный плащ с отделкой из тесьмы,

блестящие виниловые садомазохистские штаны (уступка современной моде) и фиолетовая шляпа с закрученными полями.

Фред знал, что человек из клуба «Диоген» беспокоится о Ванессе, а когда *чувствительный* беспокоится о ком-то, кто, как было известно всем, может прекрасно сам за себя постоять, вероятно, можно начинать паниковать.

Рассвет этого дня они встретили намного южнее, после одной крайне неприятной работенки в Корнуолле. На них повесили Алистера Гарнета, чиновника из правительства, который занимался изучением трудовых затрат времени. Этот господин из министерства имел плохую привычку отдавать распоряжения, когда понимал, что загнан в угол. Если бы местные полицейские слушали Ричарда, а не «советника», погибло бы меньше людей. Разрубленные части тел, найденные внутри каменного круга, пришлось рассортировать на две кучи: козы и подростки. Нелюдимая и замкнутая семья, извращенная десятилетиями служения пищевым корпорациям, изобрела собственную темную религию. Обряджаясь в церемониальные маски из пачек для кукурузных хлопьев с прорезанными для глаз дырами, члены клана Пенритвиков совершали отвратительные жертвоприношения гоблинам Хрусту, Треску и Хлопу.

Подобные кровопролития всегда повергали Ричарда в мрачное настроение, что неудивительно. Фред с превеликой радостью дал бы пинка под зад Гарнету, если бы не знал, как ведутся дела в 1980-х.

Когда они, испытывая отвращение к еде и зарекшись покупать хлопья до конца своих дней, после долгого и утомительного пути оказались наконец в приморском

селении Меваджисси, где снимали комнату, домовладелица вручила им телеграмму Ванессы, срочный вызов в Шотландию.

Оставив разгребать дело Пенритвиков Гарнету, Ричард и Фред сели на скоростной поезд до Паддингтона. Оттуда добрались на такси на другой конец Лондона, даже не заглянув в свои дома в Челси и Сохо, чтобы переодеться или перекинуться парой слов с подругами (которых, разумеется, вывел бы из себя подобный, ставший уже знакомым поворот событий), и выехали из Юстона на дизеле с автоматическими дверями.

Поезд, похоже, десятилетиями впитывал запах сигарет «Бенсон энд Хэджис» и теперь охотно им делился. Фред, после того как бросил курить, не мог находиться в прокуренном вагоне или пабе, не испытывая тошнотворного чувства зависти. Сначала они делили купе первого класса с юной блондинкой, футболка которой (со словом «GASH»¹ на всю грудь и анархистским символом на месте А) была по всей длине сколота булавками, напоминая зашитый после вскрытия труп. Она спокойно листала комиксы «Банти» и «Леди», куря сигарету за сигаретой с таким привычным удовольствием, что Фреду захотелось, чтобы с багажной полки на ее розовую панковскую прическу свалилась какая-нибудь наковальня, как в мультиках. В Питерборо ее встретил некий господин средних лет на «рендж-ровере», после чего купе оказалось полностью в распоряжении Фреда и Ричарда.

За Линкольном что-то случилось с поездом, и дальше он под насмешливые крики мальчишек («Эй, под-

¹ Сленговое слово со множеством значений, например «гашиш», «вульва» и т. д. (Примеч. ред.)

киньте дровишек!») полз, как улитка. Велосипедисты с легкостью обгоняли его, а длинные туннели он, наверное, проезжал со скоростью никак не больше, чем дюйм в минуту. Эта мука продолжалась часами. Естественно, все планы пошли псу под хвост. Предусмотренные пересадки были пропущены. Единственный альтернативный вариант маршрута, который смог предложить проводник, предполагал, что они высадятся в Йорке, переседадут на идущий со всеми остановками поезд до Каллерс-Холт, оттуда на служебном поезде доберутся в Инвердит и переседадут там на состав, идущий в Портнакрейран. В теории это было выполнимо. На практике все оказалось иначе. Проводник составлял маршрут, пользуясь расписанием, действительным до первого сентября предыдущего года. В Каллерс-Холт, кроме них, никто не сошел.

За путями стоял широкий рекламный щит. На некогда ярком, а ныне выцветшем плакате была изображена длинная унылая очередь безработных под девизом: «Лейборизм не работает — голосуй за консерваторов!» Поверх него кто-то намалевал краской: «Будущего нет». На прилепленной тут же мятой листовке, напечатанной на мимеографе, была изображена королева с булавкой в носу.

— Что-то здесь не так, Фредерик, — задумчиво сказал Ричард.

— Да, страна катится коту под хвост, и никому до этого нет дела.

— Не только. Вот смотри: сингл «Боже, храни королеву»¹ был выпущен на серебряный юбилей королевы

¹ Имеется в виду сингл группы «Секс Пистолз».

Елизаветы, за два года *до* выборов. Так почему же его реклама наклеена поверх плаката тори?

— Тут дикие места, шеф. Вряд ли здесь следят за хит-парадами.

Ричард снова пожал плечами. Эта загадка была не настолько важной, чтобы тратить на нее мысленные силы.

У них имелись более насущные проблемы. А главная — это Ванесса.

Их подруга и коллега была не из тех людей, которые легко поддаются панике. Она не стала бы присылать телеграмму, если бы дело не было действительно важным. Задержись они на ночь, и могут не успеть.

— Не нравится мне все это, Фредерик, — проронил Ричард.

— Мне тоже, шеф.

Ричард пожевал усы и посмотрел на расписание, уже изученное Фредом. Всегда подтянутый, теперь он казался изможденным. Густые тени пролегли у него под глазами.

— Как ты говоришь, десять часов, — сказал Ричард. — *Если* поезд прибудет вовремя.

— Можно переночевать в зале ожидания, — предложил Фред. — Будем спать по очереди.

В зале они увидели несколько жестких скамеек и пару стульев, прикованных цепями к трубам. Стол был завален прошлогодними и еще более древними журналами и комиксами: Патрик Мовер улыбался с обложки «Тит-Битс», Робот Арчи блуждал в джунглях в «Лайон». Крошечную книжную полку занимали дешевые книги в мягких обложках: «Челюсти», «Мандинго», «Эротические приключения девушки с автостоянки», «Дзен и искусство ухода за мотоциклом», «Засасыва-

ющая яма» Гая Н. Смита. Ричард щелкнул выключателем; ничего не произошло. Фред обнаружил двухуровневый электрокамин в рабочем состоянии и включил его, подняв облачко жженой пыли. Когда сгустилась ночь, хитроумное приспособление засветилось красивым оранжевым светом, но долгожданного тепла так и не дало.

Фред обмотался шарфом, поднял воротник своей куртки и нахохлился. Ричард растянулся на скамейке, как факир на ложе из гвоздей.

Новое правительство не испытывало щенячьего восторга перед клубом «Диоген». Комиссия по расследованию давала власть таким людям, как Алистер Гарнет. Номер Десять требовал решений, «как обеспечить голубое небо» для того, что, по его выражению, пришло на смену «эре, когда во главе британской интеллигенции стояла кучка энтузиастов-любителей». Ричард говорил, что восьмидесятые не станут спокойным десятилетием для *чувствительных*. Конечно, чувствительность была хорошим козырем, но, когда его нервная система начинала давать сбой, он становился похожим на ворону в павлиньих перьях. Когда его вызвали в Комитет, впечатления он не произвел.

Фред знал, что паранойя Ричарда не беспочвенна. Гайки затягивались все туже, и команда постепенно распадалась. Ему настоятельно рекомендовали перевестись в Нью-Скотленд-Ярд, дослужиться до детектива-инспектора и заняться «настоящей полицейской работой». Бунтовщики, террористы и хапуги нуждаются в твердой руке. Оперативные силы и патрульные группы пребывали в состоянии боевой готовности. Подыграй он «мальчикам в тяжелых ботинках», и у него

сформировалась бы своя команда, он стал бы профессионалом. Решение нельзя было откладывать.

Впрочем, раньше он полагал, что Ванесса останется в клубе. Ричард мог бы возглавить Кабальный совет, занимался бы разработкой операций и продолжал бы *чувствовать*. Она пошла бы на передовую, стала бы учить новичков брать в оборот все, что выползает из удлиняющихся теней.

Теперь же он не был уверен, что это возможно. Если они не доберутся до Ванессы вовремя...

— Когда-то до Портнакрейрана шел проходящий ночной поезд, — прервал молчание Ричард. — «Шотландская стрела». До 1962 года паровоз, после дизель, а потом... Потом появились вертолеты.

— Вертолеты? — растерянно переспросил Фред.

— НАТО. По соображениям безопасности поезд «Шотландская стрела» катался еще долго после того, как пришла пора отправить его на свалку. Потом необходимость в нем отпала. Чертов технический прогресс.

Ричард сел, снял и сложил очки, после чего засунул их в передний карман за изумрудное цветение носового платка.

— Я на нем начинал, Фредерик, — сказал он. — На «Шотландской стреле». Все где-то начинали...

— Кроме наших, — улыбнулся Фред.

Ричард тоже улыбнулся, не без печали.

— У тебя это был случай на пирсе в Симуте. У твоей любимой Зараны это был Голем из Сохо. У профессора Корри это было проклятие Нотерн Барстоус. У меня это была «Шотландская стрела»... Призрачный поезд.

Любопытство Фреда взыграло. Он проработал с Ричардом Джеперсоном больше десяти лет, но о его

молодости ему были известны только разрозненные обрывки фактов.

Ричард и сам ничего не знал о своем раннем детстве. Его, осиротевшего во время войны, нашел в лагере беженцев майор Джеперсон, британский офицер, который рассмотрел в нем *чувствительность*. Ричард рос, проводя в клубе «Диоген» времени не меньше, чем с приемным отцом. О своей жизни до лагеря у него не сохранилось никаких воспоминаний, даже татуировка на запястье оставалась для него загадкой. Нацисты были чрезвычайно щепетильны во всем, что касалось учета. Однако порядковый номер на руке Ричарда не совпадал ни с одним именем из списков. Набор цифр даже не был похож на номера других выживших в Холокосте или известных жертв. Бытовало мнение, что немцы тоже рассмотрели в мальчике необычные способности и пытались использовать их в лаборатории, впоследствии уничтоженной вместе со всеми документами и, предположительно, остальными подопытными перед приходом армии союзников. Мальчишка каким-то образом избежал зачистки, получил психологическую травму, но остался жив. Майор Джеффри Джеперсон назвал его Ричардом в честь Ричарда Риддла, мальчика-детектива, которым он восхищался в детстве.

О том, чем занимался Ричард после войны и до случая в Симуте, Фреду было мало что известно. После смерти Джеффри в 1954 году покровителями Ричарда в клубе стали легендарный Эдвин Винтроп, уже тоже покойный, и сэр Джайлз Галлант, который ушел в отставку, покрытый позором. Ванесса появилась задолго до симутского случая. Она, как и Ричард, имела привыч-

ку на все вопросы отвечать уклончивыми фразами, не поднимая шума. Фред знал только то, что ее знакомство с их патроном могло бы стать неплохим сюжетом для фильма ужасов. Каждый раз, когда об этом упоминалось, она невольно прикасалась к почти невидимому шраму на лбу и, содрогнувшись, спешила перевести разговор на другое.

— Что ж, мы почти в конце пути, — промолвил Ричард. — Думаю, тебе пора узнать эту историю.

На станции они застряли на всю ночь. Самое подходящее время для страшной истории.

— Фредерик, — начал Ричард, — то был 195... год, и меня только что отчислили из Оксфорда...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ: Юстон, Лондон

I

То был 195... год, и Ричарда Джеперсона только что отчислили из Оксфорда. Так же, как из Лондонской школы экономики. И из Кембриджа. И из Манчестерского политехнического института. И из Королевской академии драматического искусства. И из Хэрроуской школы искусств. И из... Впрочем, достаточно сказать, что его отчислили из многих уважаемых учебных заведений, ни одно из которых не наделило его должной квалификацией.

Вначале Джеффри Джеперсон определил его в Сент-Кутберт, свою старую школу. Ричард не удержался

в «Сент-Кастард»¹, как он его называл, с чего и началась печальная история его натянутых отношений с учебными заведениями. После смерти майора Эдвин Винтроп занял *in loco parentis*.² Он посоветовал ему относиться к учебе, как к столу с холодными закусками: бери то, что тебе нравится. Сам Винтроп называл себя выпускником Фландрии и Соммы³, хотя в свое время получил в Олл Соулс⁴ степень бакалавра с отличием первого класса по классической и натурфилософии. Поскольку Ричард был известен обостренным инстинктом — *чувствительностью*, как все говорили, — ему позволили руководствоваться своим чутьем. И он стал «новым универсальным человеком», хотя учителя только качали головой, когда он приобретал разрозненные и несистематизированные знания в никак не связанных областях, потом бросал их и переходил к чему-то другому.

Несмотря на то что клуб «Диоген» выплачивал ему значительное денежное пособие, он периодически устраивался на работу. Ричард принимал участие в археологических раскопках и исследованиях. Он прошерстил всю Европу в поисках своего прошлого и не нашел ничего, кроме подозрительных пробелов, что только заставило его с большим вниманием относиться к настоящему. Он провел лето на кондитерском заводе в Барнсли, делая чай

¹ Кастард — британское блюдо, крем из молока или сливок (*Примеч. ред.*)

² Отцовское место (*лат*)

³ Сомма — река во Фландрии. В 1916 году на ее берегах развернулась крупнейшая наступательная операция Первой мировой войны, известная как «Битва при Сомме» (*Примеч. ред.*)

⁴ Олл Соулс (колледж Всех Святых) — один из 38 колледжей Оксфорда (*Примеч. ред.*)

и подвергаясь непрекращающимся домогательствам со стороны женского коллектива. Он снимался в кино в Италии, в «Елене Троянской» (в одной из сцен он на заднем плане прыгивал с лошади). Он возил документы между британскими посольствами в Южной Америке. Он изучал магию (пока что только сценическую магию) у старого иллюзиониста в Балтиморе. Он рыл котлованы, снимался как модель для каталогов, работал на рыболовецких судах, писал статьи для многочисленных журналов — всего не перечислишь.

Между учебой и разнообразными авантурными начинаниями он успел отслужить в армии. Служил он в военно-воздушных силах Великобритании, но самолетов в глаза не видел. Клуб поспособствовал, чтобы его определили в систему бункеров под Нью-Форестом. Он помогал военным ученым, работавшим с каким-то колебательно-волновым устройством. Через полтора года он получил зашифрованное послание, предписывающее сорвать вялотекущий эксперимент. Хотя ему нравились ребята, занятые секретным проектом, и в последнее время работа эта даже вызывала у него интерес, он указание выполнил. Эксперимент не удался, и, как ему позже дали понять, вторжение в нашу плоскость существования опасных внепространственных существ было предотвращено. Вот как работал клуб под началом Эдвина Винтропа: превентивно, односторонне, искореняя сорняки до того, как они прорастут, в основном скрытно, с целесообразной жестокостью. Крышка держалась на горшке плотно, хотя никто не знал, кипела ли в нем похлебка.

После службы в ВВС Ричард один сезон подвизался статистом в театре «Олд Вик» и играл на саксофоне

в «Фриджидеириз». Когда эта ду-уоп¹ группа была в шаге от подписания контракта с промоутером Ларри Парнсом (из компании «Парнс, Шиллинг энд Пенс»), их вокалистка вышла замуж за инженера-сметчика. Хотя она записала довольно сносную версию «Помады на твоём воротнике», не так давно ставшей хитом в исполнении Конни Фрэнсис, Ричард не собирался уговаривать ее остаться. Откровенно говоря, «Фриджидеириз» была паршивой группой.

Ричард даже не знал своего возраста, понимал только, что ему должно быть не меньше двадцати. Наконец Эдвин почувствовал, что настало время ему уgomониться и взяться за дело, к которому его готовили. Ричард переехал в принадлежавший клубу дом эпохи короля Георга в Челси. Там время от времени за ним присматривала домработница-ирландка, которая периодически уезжала домой рожать детей. Он медитировал, не пропускал ни одного выпуска радиопередачи «Полчаса с Хэнкоком» и читал Уильяма Морриса и Хэнкса Янсена. Эдвин велел ему ждать вызова.

Одевался Ричард в эдвардианском стиле или как стилиста: алый бархатный сюртук с угольно-черными лацканами (складная бритва пряталась в специальном кармане в рукаве), остроносые замшевые ботинки с каучуковой подошвой и на змейке, жилет фокусника с семнадцатью потайными карманами, карманные часы на цепочке, оставшиеся от приемного отца, галстук-шнурок с серебряными кончиками, синие обтягивающие джинсы, которые сидели на тощих ногах, как вторая ко-

¹ Ду-уоп (ду-воп) — вокальный поджанр ритм-энд-блюза, представляющий собой гармонично звучащее пение в сочетании с минимальным инструментальным сопровождением. (*Примеч. ред.*)

жа. Тонкие усы его лишь недавно сформировались настолько, что уже не требовали подчеркивания карандашом для бровей. Зафиксированный «Брилкримом»кок возвышался на голове, как конструктивистская скульптура из черной сахарной ваты.

Если он считал, что жизнь его началась тогда, когда заработала память, опыт его был довольно ограничен. Он ни разу не видел голую женщину, кроме как на страницах журнала «Здоровье и эффективность». Он не умел водить машину, хотя собирался научиться. Он никогда не убивал людей. У него не было ни одного перелома. Он никогда не ел авокадо.

Все это изменилось в течение одного года.

Однажды утром к нему приехал курьер-мотоциклист с инструкциями. Ричарду предписывалось сесть в коляску, чтобы его доставили в клуб «Диоген». Сегодня, понимая он, состоится его дебют.

Лицо отставного сержанта морской пехоты, стоявшего на охране у двери, сделалось пунцовым, когда мимо него легкой походкой прошел Ричард. В клубе «Диоген» бывают самые необычные люди, но одежда и волосы Ричарда действовали, как красная тряпка на быка, на любого человека старше двадцати пяти лет, в особенности на мужчин среднего роста в униформе с короткой стрижкой и наградными лентами. Да, ходили разговоры о драматургах и поэтах, которые назывались «сердитые молодые люди», но старшее поколение не собиралось просто так терять монопольное право негодовать, брызжа слюной.

Собственное отражение, которое Ричард заметил на черном мраморе колонн в фойе, понравилось ему. На создание такого образа уходили часы работы. Прыщи,

которые досаждали ему несколько лет назад, теперь исчезли, правда, появилось какое-то розовое пятнышко, требовавшее внимания.

Пока облаченный в шелка лакей вел его мимо кабинетов клуба, знаменитых своей неизменной тишиной, он раздувался от гордости. При виде его обычные члены клуба изображали фырканье, что совпадало с впечатлением, которое он вызвал у охранника. Лакей открыл внутреннюю дверь и посторонился, пропуская Ричарда. В таких глубинах здания Ричард не бывал с детства. Тогда он был собственностью приемного отца, который привел его сюда напоказ. Теперь же он получил право войти сюда самостоятельно. Он получил право ходить по коридорам клуба, изучать архивы, посещать частные коллекции, получать задания. Он был не просто пожизненным членом, унаследовавшим этот титул от майора Джеперсона, а ценным кадром, имеющим талант, который может послужить клубу в определенных обстоятельствах.

Он шел по стопам гигантов. Майкрофт Холмс, чиновник викторианской Англии, стоял у истоков «клуба для самых антиклубных людей», но на самом деле являлся внештатным сотрудником британской разведки и полиции. Чарльз Бьергард, первый и самый ценный член клуба, великий охотник на загадки 1880—90-х годов, занимал пост председателя-провидца Кабального совета вплоть до середины нынешнего века. Карнакки, охотник за привидениями. Несколько внушающих страх личностей, действовавших тайно под личиной «Доктора Шейда». Адам Левеллин де Вере Адамант, авантюрист и искатель приключений, чье исчезновение в 1903 году до сих пор числилось в списке нераскрытых дел. Катриона Кайе, постоянный помощник Винтропа, первая женщина, по-

лучившая полное членство в клубе. Флэксман Лоу. Сэр Генри Мерривейл. Роберт Болдик. Курситор Дум.

Ричарда проводили наверх в затемненную приемную. Плащ его принял дежурный в тюрбане. Ему отвели мгновение перед полупрозрачным зеркалом, чтобы он проникся значительностью великой традиции, чести, которой он будет удостоен перед Кабальным советом. Он похлопал себя по карманам, проверил ширинку и поправил галстук. Рукав уже не отягощался бритвой. Где-то между улицей и приемной его обыскали и лишили клыков.

Обтянутая сукном дверь отворилась, и молчаливому сикху пришлось слегка подтолкнуть Ричарда, чтобы он шагнул в короткий темный коридор. Одна дверь закрылась позади него, другая открылась впереди. Ричард ступил в Звездный кабинет Кабального совета.

— Боже мой, Эдвин, — кисло промолвил кто-то, — и вот к этому все свелось? Это какой-то стилияга, чтоб его!

Решительности у Ричарда слегка поубавилось.

— А по-моему, он милашка, — промурлыкал женский голос, указывающий на пристрастие к сигаретам и виски, как у Джоан Гринвуд или у Фенеллы Филдинг. — Победитель бала-маскарада в четвертом классе.

Последние остатки его чувства собственного достоинства растеклись лужей по полу.

— Да расслабься, парень, — сказал другой комментатор, щелкнув пальцами. — Шмотки — шик!

Лучше ему не стало.

Эдвин Винтроп занимал одно из трех мест за столом, за которым когда-то работал Майкрофт. У него были тяжелые веки и стального цвета усы. Если бы даже Ричард не был настроен улавливать «вибрации», он бы все равно сразу понял, кто здесь главный. Рядом с ним си-

дела Катриона Кайе, маленькая симпатичная женщина, ровесница века. Он была в голубовато-сером платье, ее шею украшала нить жемчуга. Единственная из Внутреннего круга, кто отнесся к нему как к мальчику, теперь она была единственной, кто воспринимал его как взрослого. Она была сердцем и душой клуба «Диоген». Эдвин осознавал, что склонен к деспотизму, и держал Катриону рядом. Только благодаря ей он не превращался в чудовище. По правую руку от Эдвина стоял пустой стул. Сэр Джайлз Галлант, его противовес в Кабальном совете, отсутствовал.

— Если мы закончили издеваться над мальчиком, может, перейдем к делу? — нетерпеливо произнес Эдвин. — Ричард, добро пожаловать и все, что полагается. Это группа...

Эдвин представил всех по очереди. Ричард добавил новые лица к уже известным ему именам и кратким биографическим данным.

Доктор Гарри Катли, сердитый мужчина в твидовом пиджаке и с трубкой в зубах, возглавлял кафедру физики в провинциальном университете. Он неожиданно попал в поле зрения клуба после того, как занятия квантовой механикой привели его к парапсихологии. Когда Эдвин освободил пост самого ценного члена клуба, чтобы возглавить Кабальный совет, сэр Джайлз предложил это место Катли. Ученый наконец получил необходимые фонды и ресурсы, чтобы проводить исследования, о которых мог только мечтать, но при одном условии: все результаты должны направляться не его университетскому начальству, а Кабальному совету. После этого им пришлось найти других людей, способных *понять* работу Катли и определить, что может утечь на открытый интел-

лектуальный рынок, а к чему мир еще не готов. Однако в действительности Катли сменил один вид обиды на другой. Он знал вещи, которых, кроме него, в этом мире не знал никто, но коллеги списали его со счетов, посчитав приспособленцем, которого не любят студенты и бывшая жена которого спит с другими преподавателями факультета. У Катли были глаза в красных прожилках, как у пьяницы, торчащие в разные стороны волосы и пульсирующая враждебная аура, самая явная из всех, которые доводилось видеть Ричарду, как будто его мысли были написаны над ним в облачках, как в комиксе.

Блондинкой с сиплым голосом, в черном трико и розовом шифоновом шарфе, была Анетт Амбуаз. Губы она не красила, зато не жалела подводки для глаз и носила прическу, как у Жанны д'Арк в исполнении Джин Сибберг. Она курила сигареты «Голуаз» через длинный эмалированный мундштук. В ее жилах текла смешанная английская и французская кровь, и жила она на два города: в Лондоне, в районе Фицровия, и в Париже, на левом берегу Сены. Юность ее прошла во французском Виши. Во время войны она сотрудничала с Сопротивлением и разведкой союзников. Клуб заметил ее из-за беспрецедентного везения; другими словами, она пережила всех остальных агентов в своем районе. Если Катриона обладала врожденной способностью интуитивно, постигая и соединяя в цельную картину разрозненные факты, предсказывать опасность, то Анетт думала шахматными ходами — два прыжка вперед, один в сторону. После войны она занималась другими вещами. Тридцатилетняя бывшая танцовщица с множественными растяжениями мышц, она написала и издала брошюру «Эктоплазма и экзистенциализм». Способность предвидеть недалекое

будущее наделила ее каким-то жизнерадостным фатализмом. Разговаривала она без акцента, но время от времени показывала свою французскую сторону, когда пожимала плечами и роняла *ça va*¹.

Долговязым и тощим хипстером был Дэнни Майлз, известный Ричарду под прозвищем Майлз Волшебные Пальчики. Этот пианист играл в джазовом ансамбле, прославившемся тем, что в клубе Рони Скотта исполнял композицию «Боюсь подойти к тебе» целое отделение концерта. Его зеленую водолазку дополняли хлопчатобумажные брюки и аккуратно подстриженная эспаньолка. Пальцы его беспрестанно двигались, как будто он играл на бесконечной клавиатуре или читал какой-то захватывающий роман, напечатанный шрифтом Брайля. Слепой от рождения, Майлз еще в детстве развил в себе дополнительные чувства. Обретя зрение в ранней юности, Майлз оказался в новом для себя мире зрительных образов, но остроты остальных органов восприятия не утратил. Кроме острого слуха, он был наделен особым даром. Ричард и Анетт невидимыми антеннами (Катриона называла их «щупальцами») воспринимали физическую температуру в помещении, но Майлзу достаточно было положить ладони на какой-либо предмет, чтобы узнать его прошлое, связи или истинную природу. Лучшее всего прикосновение Волшебных Пальчиков действовало на неодушевленные предметы.

— Это парень Джеффри, — пояснил Эдвин. — Мы возлагаем на него большие надежды.

Через Майлза Ричард получил кое-какую невербальную информацию: понял, как все эти люди относятся

¹ Все в порядке (*фр.*).

друг к другу, что вызывает у них несогласие и к кому можно будет обратиться, когда он останется один. Катли походил на футбольного тренера, которому приходится мириться с пристроенным в команду племянником члена правления. Он ненавидел «болтовню про потустороннее» и норовил любые паранормальные явления вернуть в рамки физических законов. Анетт эмоционально находилась на другом уровне, но к Ричарду она испытывала смутную приязнь, как тетушка, но не родная. К тому же ее несколько тревожило его будущее, что уверенности в себе ему не придавало. Ричард поблагодарил Майлза кивком, которого никто другой не заметил.

В общем, имела место примерно следующая ситуация: Ричард *знал* то, о чем большинству людей приходилось догадываться. Растущей проблемой было то, что он почти не встречал других людей, которые чувствовали и понимали бы так же, как он. Поначалу он думал, что англичане просто по природе своей слишком вежливы, чтобы говорить о вещах, которые для него были очевидными. В «Сент-Кастард» это сильно усложнило ему жизнь. Если бы он более-менее сносно не владел крикетной битой, его бы, наверное, сожгли на костре за домиком старосты.

— Вот и познакомились, — подытожил Эдвин. — Теперь давайте поговорим о том, почему мы все здесь собрались. Кто-нибудь слышал о «Шотландской стреле»?

— Это поезд, — лениво отозвался Майлз. — Ночной. Идет от Юстона до Эдинбурга.

— Да, — кивнул Эдвин. — Точнее, это поезд, который выходит из Лондона в семь часов вечера раз в двое суток и едет не до Эдинбурга, а дальше, до Портнакрейрана и озера Лох-Линни.

— Это загадочный поезд? — спросила Анетт, сложив ладони. — Обожаю такие истории!

Эдвин кивнул и передал слово Катрионе.

II

— В 1923 году локомотив № 3473-S впервые выехал из депо в Эгаме, — начала издаലെка Катриона Кайе, клубный коллекционер историй с привидениями. — Это был паровоз класса «A1 Атлантик». Для тех из нас, кто не разбирается в поездах, — новенький блестящий паровоз с трубой, колокольчиками и свистком. Этот локомотив одним из первых в Британии преодолел барьер скорости в сто миль в час. Лондонско-шотландско-айлская железнодорожная компания представила первенца на выставке 1924 года, когда и окрестила его «Шотландской стрелой». Бутылку шампанского разбила о скотоотбойник эксцентричная леди Люсинда Трегеллис-д'Олни. К счастью, после этого она исчезает из нашего повествования. ЛШАЖ прослышала, что их конкуренты собирались запустить экспресс Лондон — Эдинбург, поэтому своему экспрессу удлиннили путь через Шотландию до Портнакрейрана. Такого рода единоличные решения были не редкостью до того, как железные дороги перешли в государственную собственность. Изначально «Стрелу» раскрасили в пурпур и золото. Даже в те времена, когда было принято всячески украшать скоростные транспортные средства, этот локомотив считался красавцем.

«Шотландская стрела» быстро приобрела популярность среди бездельников, которые хотели с утра опрокинуть рюмочку на Пикадилли, днем выпить в Эдинбурге, после чего развеять хмель в голове прогулкой по

шотландским горам, постреливая во что-нибудь пернатое или рогатое. Все было прекрасно до 1931 года, когда произошла катастрофа.

Об Инвердите давно ходит нехорошая молва. В XVIII веке рыбаки часто доставали из Лох-Гаэр человеческие кости. Через несколько десятилетий это привело к поимке одного мелкого фермера-людоеда, о котором потом даже сложили песню «Страшный Джок Мак-Гаэр». Толпа разорвала людоеда, когда его везли на виселицу. Во времена междуцарствия шотландский фанатик от христианства Сэмюэл Дручен, которому надоело постоянно слышать о деятельности англичанина Мэтью Хопкинса¹, устроил собственную массовую охоту на ведьм. Как вы знаете, настоящие ведьмы не тонут. Поэтому Дручен стал пришивать к платьям своих колдуний железные грузила. В 1601 году местный хроникер записал, что «охваченный адским огнем плевков преисподней» упал в воду с громким шипением. Тем не менее именно из-за катастрофы на железнодорожном мосту Инвердит стал ассоциироваться с трагедией.

Что именно произошло в тот день, остается загадкой, но... Однажды ранним туманным утром в ноябре «Шотландская стрела» пересекала Инвердитский мост, когда — то ли посредством человеческого вмешательства, то ли из-за проделок гремлинов, то ли вследствие изношенности металла, то ли из-за обычной случайности, — локомотив отделился от остального состава. Локомотив как ни в чем не бывало доехал на всех парах до противоположной стороны моста. Но потом мост обрушился,

¹ Мэтью Хопкинс (1620—1647) — охотник на ведьм, действовавший во времена Английской революции (*Примеч ред*)

унеся с собой восемь пассажирских вагонов и один почтовый. Состав опустился на дно озера Лох-Гаэр. Погибли все, кроме одной везучей девочки, которой удалось выплыть.

Следственная комиссия сняла обвинение с Дональда Мак-Ридли, машиниста поезда, хотя многие считали, что он сам отцепил пассажирские вагоны, чтобы спасти свою шкуру. Только Николас Боулер, кочегар, знал, что случилось на самом деле. Но он, вместо того чтобы давать показания, лег на рельсы и был обезглавлен обычным пригородным поездом. Карьера Мак-Ридли как машиниста закончилась. Кое-кто говорит, что, подобно Томасу Эдварду Лоуренсу¹, который под фамилией Росс записался в авиацию, он сменил имя и пошел в чернорабочие. Что он работал в любую погоду в бригаде по обслуживанию путей и вечерами в страхе озирался по сторонам, ожидая услышать шаги безголового кочегара.

Какими бы ни были действия Мак-Ридли в то утро, машиниста нельзя винить в обрушении моста. Последовавшую отвратительную грызню между городским советом Инвердита и ЛШАЖ смог прекратить только суд. Одна группа адвокатов утверждала, что прочный и надежный мост не обрушился бы, если бы «Шотландская стрела» не проносилась по нему на скорости, намного превосходящей рекомендованную. Другая группа возражала, что восемьдесят девять человек не погибли бы, если бы мост не представлял собой шаткую и совершенно ненадежную конструкцию, готовую обвалиться от любого дуновения

¹ Томас Эдвард Лоуренс (или Лоуренс Аравийский, 1888—1935) — британский офицер и путешественник, сыгравший огромную роль в событиях на Ближнем Востоке 1916-1918 гг. Считается военным героем как в Великобритании, так и в ряде арабских стран. (*Примеч. ред.*)

ветра. Страсти накалялись. Кто-то из газетчиков распотрошил местную легенду, согласно которой одна из ведьм Дручана прокляла свои грузила, когда ее топили, и поклялась, что ни один кусок железа не сможет в безопасности пересечь озеро. Выражение «местная легенда» на языке Флит-стрит означает: «я это сам только что придумал».

«Стрела» курсировала только между Лондоном и Эдинбургом до 1934 года, когда был воздвигнут и проверен на безопасность новый мост. Разгорелся даже небольшой скандал из-за количества стали, использованной для постройки сооружения. Насколько можно судить, ведьмы не имеют ничего против стали. Потом поезд снова стал ходить до Портнакрейрана.

Помня о случившемся, те, кто не имел финансовых интересов в этой части железной дороги, не спешили садиться на «обреченный на смерть экспресс». Только мрачно улыбающиеся коммерсанты с их потеющими женами и детьми отправились в первую поездку по возрожденному маршруту. Можете представить, какой прокатился по вагонам вздох облегчения, когда Инвердитский мост остался позади.

Контрольный пакет акций ЛШАЖ принадлежал некоему Дугласу Джилклайду из Килпартинджера, тому самому, который выпорол кнутом своего секретаря, когда услышал, как тот назвал его «лордом Убилпассанджиром». Для его светлости, этого парвеню, возвеличенного Ллойд Джорджем, стало делом чести снова превратить «Шотландскую стрелу» в успешное предприятие. Он покрыл локомотив новым слоем пурпура и заменил золотую отделку на цвета своего недавно приобретенного тартана, из-за чего, по словам очевидцев, поезд стал походить на сувенирную коробку овсяных лепешек.

Лорд Килпартинджер привлек к себе внимание тем, что променял скорость поезда на удобства для пассажиров. С 1934 года «Шотландская стрела» становится *чудовищно* роскошным видом транспорта. Все в подушках, раковины из каррарского мрамора, слуги в килтах цветов Джилклайда, выполняющие каждую прихоть пассажиров. Поезд получил репутацию светского раута на колесах. Локомотив № 3473-S тянул вагон для проведения балов, вагон-ресторан, способный потягаться с «Крайтерионом», и спальные вагоны с купе, похожими на номера в «Савойе». Вдобавок к облаченным в твидовые костюмы любителям охоты «Стрела» нашла поклонников и среди модного общества. Дебютантки резервировали места на месяцы вперед в надежде найти здесь достойную партию. Одной или двум даже удалось выйти замуж до того, как их изнасиловали. Когда разгневанный отец исключил из рода виконта Сент-Джона Малтринчема по прозвищу Крикун, тот выхлопотал себе постоянный абонемент на проживание в поезде и сделал «Шотландскую стрелу» своей резиденцией, где и жил, пока одна беременная девица из мюзик-холла «Ветряная мельница» не перерезала ему горло где-то между Троссаксом и Крианларичем.

Он был не единственной жертвой. Журнал происшествий «Стрелы» разросся до нескольких томов с душераздирающими историями. Люди бросались под поезд, забирались на крыши вагонов и погибали в туннелях, лишались голов, игнорируя предупреждающую надпись «Из окон не высовываться», открывали двери и выбрасывались из поезда на полном ходу. Само собой, множество происшествий со смертельным исходом случилось в непосредственной близости от Инвердита. Началось

какое-то повальное безумство. Люди заказывали место на «Стреле», не собираясь возвращаться. Обычно это делалось так: ставили пластинку на механическую виктролу, а потом, когда поезд въезжал на мост, совершали элегантный самоубийственный прыжок под песню Бинга Кросби о «золотом прощании». Если неправильно подгадать время, можно было врезаться в одну из опор и опуститься вниз в разобранном виде.

Килпартинджер не собирался останавливаться на достигнутом. Он стал приглашать таких знаменитостей, как Ноэль Ковард, Элси и Дорис Уотерс, Джесси Мэттьюс и Грейси Филдс, которые выступали перед пассажирами в пути. В поезде подавались возбуждающие напитки, благодаря которым пассажиры и некоторые исполнители могли оставаться бодрыми и энергичными ночь напролет. Менее известный из братьев Гудини освободился из наглухо закрытого сундука в почтовом вагоне и появился в тендере с углем. «Палладий на колесах» стал сдавать позиции после того, как один известный чревовещатель был отправлен в психиатрическую лечебницу после спора с собственной куклой. Его номер начался с обычных шуток, потом кукла стала приставать к женщинам. Чревовещатель был одержим. Кукла насмеялась над ним, когда его избили разъяренные пассажиры. В конце концов он схватил большой нож и отрубил голову глумливой кукле, отхватив заодно три собственных пальца.

Нечего и говорить, что пошли разговоры. Среди железнодорожников «Стрелу» прозвали «призрачным поездом». В 1938 году, работая над одной книгой из своей серии «Призрачные дороги», я получила возможность ознакомиться с журналом происшествий. Я тактично побеседовала с пассажирами. Все они испытывали смутное,

несформированное чувство «неправильности». Они видели тревожные вещи и ощущали тревогу. Поезд обрстал легендами. Похабная кукла и распутник с перерезанным горлом — самые обычные из них. Некоторые постоянные пассажиры боялись ездить на «Стреле», но не могли противиться, как будто еще больше боялись того, что сделает с ними локомотив № 3473-S за предательство. Настоящие любители поезда называют только номерами, без имен. Лорд Килпартинджер сначала письмами и угрозами пытался заставить меня отказаться от написания книги, но потом пригласил меня на чай в «Фортнам энд Мейсон» и начал оправдываться, что, мол, любой поезд, который функционирует много лет и перевозит такое количество пассажиров, хочешь не хочешь, начинает обрастать страшными легендами, а я с тем же успехом могу заняться расследованием трагедий, связанных с рейсом Паддингтон — Суиндон в 5:12. К тому же он только что купил контрольный пакет акций моего издателя и интересовался, не намерена ли я переключиться на написание книг о выращивании цветов или о том, как устроить званый ужин.

Когда я собралась уходить, еле сдерживая возмущение, его светлость снова попытался меня переубедить насчет поезда. «В конце концов, — сказал он, — я проехал на “Шотландской стреле” больше миль, чем кто-либо, и ничего плохого со мной, как видите, не случилось». Через месяц он сел на поезд в Юстоне на какой-то юбилейный рейс, в своем тартане и со счастливой улыбкой на лице, позируя газетчикам в окружении облаков пара. Войдя в свое купе, он исчез и *не появился* в угольном тендере. Он не сходил ни в Эдинбурге, ни в Портнакрейране. Было решено, что он тайно покинул поезд, чтобы

избежать процедуры банкротства, которая, как позже выяснилось, ожидала ЛШАЖ.

Может быть, Килпартинджер стал еще одним анонимным путевым рабочим на своей любимой линии, чтобы махать молотом рядом с опозоренным Мак-Ридли. Или растворился в шотландском тумане и занялся поклейкой обоев. Если встретите его, передавайте горячий привет.

Когда Лондонско-шотландско-айлская железнодорожная компания приказала долго жить, «Стрела», казалось бы, должна была исчезнуть, но ее спасла война. Роскошь отошла на второй план, «Стрела» была признана особо ценным транспортным средством и начала обслуживать Школу специального контингента военно-морских сил в Портнакрейране. Клуб «Диоген» был занят на других фронтах, но выделил молодого парапсихолога с отвесом и анемометром для плановой проверки. Он пришел к выводу, что в поезде и в путях на Инвердитском мосту имеет место *незначительная* аномалия. Если бы Кабальный совет прислушался ко мне, а не к этому яркому юнцу, мы бы сейчас, возможно, не оказались в таком положении.

Вскоре последовала еще одна странная история. Похоже, тот, кто использует «Стрелу» для особых случаев, обречен на победу. На прошлой неделе я изучила архивы — невыносимо нудное занятие, скажу я вам, — и могу подтвердить, что это правда. «Особые случаи», как вы, наверное, догадались, это эвфемизм «беспощадной битвы», что очень многое объясняет. Большинство моряков, которых перевозили на «Стреле», оказались особенно агрессивными, бесстрашными и, следовательно, эффективными в бою. Большинство из этого большинства получили свои медали посмертно. Чем чаще человек ездил на «Шотландской стреле», тем более экстремальным

становилось его поведение. Мы не публикуем сведений о британских служащих, осужденных за военные преступления, но из менее чем десятка гнилых яблок Второй мировой пятеро были постоянными пассажирами «Стрелы». Американцы тоже ездили на призрачном поезде. Мы не имеем официального доступа к их архивам, но у них есть свои Александры и Калигулы.

После войны железные дороги были национализированы. В книжках «Паровозик Томас и друзья» на смену толстому управляющему пришел толстый контролер. ЛШАЖ поглотила «Бритиш рейл». Локомотив № 3473-S все еще на ходу, но пурпур потускнел до цвета разбавленного сока черной смородины, а тартан скрылся под слоем серой копоти. Ни Ноэль, ни Герты с Дейзи, ни Арчи Эндрюса на нем уже не встретишь. Если, конечно, вы не против сделать пересадку в Эдинбурге, есть более дешевые и быстрые способы добраться до Лох-Линни. Но «Шотландская стрела» все еще подпадает под категорию «ценное транспортное средство», что спасает ее от лишнего всякой сентиментальности топора, под который идут все не приносящие прибыли железнодорожные ветки и мелкие деревенские станции.

Аномалии так и не прекратились.

III

— В нашем распоряжении имеется масса самых разных примеров сверхъестественного, — сказал Эдвин, продолжая рассказ Катрионы. — Призраки, материализация, биолокация, звуки, не имеющие источника, полтергейст, эхо из далекого прошлого, приступы предвидения, одержимость, самовозгорание, фантомы, эльфы, феи,

откровения, духи и черт его знает что еще. В спальнях вагонов мало кто спит хорошо. Как правило, пассажир думает, что несколько устал от поезда, и решает несколько дней провести за убийством английских лис, а не шотландских куропаток. Однако определенный процент пассажиров испытывает куда более неприятные ощущения, от сильнейшего ухудшения самочувствия и нервного истощения до исчезновения и... смерти.

— К чему это ты, Эд? — спросил Катли, который что-то записывал в блокнот.

Ричард увидел, как Эдвин просчитывает, как ему сохранить тузов в рукаве, открыв карты, что в этих кругах было обычным делом.

— «Бритиш рейл» испытывает определенные трудности с кондукторами, проводниками и грузчиками, — признал Эдвин. — Даже кондуктор, прослуживший на «Стреле» годы, голову даст на отсечение, что все эти страшилки — грязные выдумки. Его можно назвать «античувствительным». Не ведающим зла.

— Почему об этом вспомнили сейчас? — поинтересовалась Анетт, выдыхая дым, и горящим кончиком сигареты нарисовала в воздухе вопросительный знак.

— В том-то и дело, Анни, — сказал Эдвин. — С тех пор как на «Стреле» стало ездить меньше людей, аномалия проявляется не так ярко, как раньше, когда делом занималась Кэт. Но американцы выразили *озабоченность*, и теперь британское правительство испытывает дипломатическое давление. А вы знаете, к кому обращаются наши министры, когда упыри да призраки начинают греметь цепями без разрешения.

Эдвин развел руки, давая понять, что говорит об этой комнате.

Ричард очень внимательно выслушал рассказ Катрионы Кайе. Что-то в этой истории зацепило его.

— У нас имеются рукопись мисс Кайе и ее отчет времен войны, — произнес Гарри Катли голосом учителя. — Все должны ознакомиться с ними до четверга, после чего начнем заново. Те из вас, кто был со мной в деле о культе пумы Эджли-вейл, знают мои привычки. Те, кто не был, скоро их узнают. Анетт, сходи в библиотеку и посмотри все статьи о «Шотландской стреле» с того дня, когда был изготовлен бойлер. Волшебные Пальчики, сходи в депо, поговори с машинистами, с рабочими... Попытайся их разговорить, вдруг они вспомнят еще какие-нибудь происшествия. Ты... Извини... Парень Джеперсона...

Катли прекрасно знал, как его зовут, но ждал, пока ему подскажут.

— Ричард.

Самый ценный член клуба сверкнул веселой улыбкой.

— Спасибо. Я запомню. Не Грязный Герберт, а Ричард. Ричард Джеперсон. Парень Дик. Рики Ролл-энд-рокер. Все, зафиксировано в памяти. Так вот, Ричард, ты пострижешься в Юстоне, и попытайся не вспарывать кресла в кинотеатре и не пугать старушек по дороге. Купишь нам билеты на «Стрелу» на четверг. Мне и Анетт возьмишь первый класс, в спальном вагоне, Волшебным Пальчикам — койку во втором классе и железнодорожный эквивалент третьего класса для себя. Мы должны охватить весь поезд.

— Я могу поехать в почтовом вагоне, если нужно.

Катли обдумал предложение.

— Клуб может занять четыре купе, — как бы между прочим обронил Эдвин. — Если все будут в первом классе, никто не станет возражать, если мы начнем бродить

по поезду. Имея билеты на другие места, Ричард и Дэнни не смогут заходить туда, где, вероятно, будет происходить самое интересное.

— Как скажешь, — согласился Катли. — Если деньги считать не нужно, мы можем позволить себе и золотые сидения для унитазов с мягкими подушками. Дики, кстати, можно детский билет купить.

Ученый привык в своем захолустном университете экономить на всем, боясь сокращения и без того скудного бюджета. Еще он не любил, когда его ставили во главе группы, а потом у всех на глазах делали подсечку. Эдвин назначил Катли Самым ценным членом клуба, но имел привычку выступать вперед и принимать решения вместо своего преемника. Катриона положила ладонь на локоть Эдвина с легким упреком, который заметили только сам Эдвин и Ричард.

— Сохраняйте все счета. Билеты на автобус и прочее. Я обо всем должен отчитаться, *compre-nons-oui?*¹ — Теперь Катли сверлил глазами Ричарда, потому что не мог пялиться на Эдвина. У Ричарда от интриг уже болела голова.

— Это тот же дом с привидениями, только на колесах, — сказал Катли. — Для домов с привидениями существуют определенные скучные процедуры, которые будут соблюдены. Предварительная проверка, проверка на месте, каталогизация наблюдаемых феноменов и эффектов. Когда это будет сделано, я дам оценку результатам и предложу способ дальнейшей работы. Если аномалию можно будет устранить научными или религиозными средствами, никто не станет жаловаться.

¹ Понятно? (фр.)

Анетт, буду благодарен за список возможных ритуалов изгнания бесов и снятия порчи. Найдешь колокольчик, блокнот и фонарь железнодорожника? Конечно, мы всегда можем рекомендовать снять поезд с эксплуатации и перестать пользоваться линией. Если не страдает никто из пассажиров, пусть духи сколько угодно стеноуют на голых рельсах, от этого никому хуже не станет.

Ричард поднял руку, как школьник.

Катли не без раздражения в голосе осведомился:

— В чем дело, парень?

— Я тут подумал, сэр, если бы поезд можно было снять с эксплуатации, его бы уже сняли. Наверняка есть какая-то причина, почему он до сих пор ездит.

Ричард посмотрел на Эдвина. То же сделали и все остальные. Катриона погладила его по руке.

Наконец Эдвин ответил:

— Что ж, видимо, бессмысленно пытаться хранить секреты в обществе талантов.

Дэнни Майлз присвистнул.

— А в чем дело? — подхватил Катли.

— «Шотландская стрела» должна оставаться в строю. Школа специального контингента теперь преобразована в базу подводных лодок. Это жизненно важное оружие устрашения нашей державы.

— Это пистолет, прижатый к голове врага, когда тот прижимает свой к нашему брюху.

— Кэт участвует в Олдермастонских походах¹ и хочет добиться запрета на изготовление ядерных бомб, — объяснил Эдвин. — Как частное лицо она имеет право

¹ Олдермастонские походы — марши английских сторонников мира по маршруту Олдермастон (где находится научно-исследовательский центр атомной промышленности) — Лондон (*Примеч ред.*)

на такую позицию. Но в клубе мы не обсуждаем политику правительства и можем только давать советы...

Анетт чуть не приснула. Она явно знала Эдвина Винтропа лучше, чем Ричард.

— Каждые сорок восемь часов, — продолжил Эдвин, — в Вашингтоне собираются математики и при помощи специального электровычислительного устройства генерируют цепочки цифр, которые вводятся в электронно-коммуникационную сеть, доступную только из надежно защищенного места в Пентагоне и из нашего английского военного министерства. Такой же терминал имеется в Париже, но это всего лишь макет. Французы могут делать с ним все, что угодно, но повлиять на работу большой машины они не в состоянии. Мы не хотели, чтобы они, обидевшись на какую-нибудь мелочь, в приступе неприязни начали третью мировую. Анни, твоя французская половина этого не слышала. Когда цифры попадают в сеть, они должны быть доставлены президенту Соединенных Штатов, премьер-министру Великобритании и нескольким избранным офицерам на передовых линиях Западного альянса. Мы не используем телефонную связь, телеграф, телеграммы и почтовых голубей, мы посылаем курьеров. Цепочки цифр мы называем «марш-коды». Пока они не будут набраны без ошибок на клавиатуре специальной цифронаборной машины, не будет установлена ни одна боеголовка, не взлетит ни одна ракета, не будет сброшена ни одна бомба. Без «марш-кодов» у нас нет ядерного оружия.

— А с ними мы можем уничтожить Землю, —插вила Катриона.

— Так что же выходит, — сказал Майлз, помахав рукой для значительности, — у нас есть «Б-52», летающие

над всей Арктикой, ядерные подлодки, которые плавают, наверное, в каждом море, вычислительные машины размером с обсерваторию и храбрые солдаты, которые сидят в траншеях, готовые ответить на любую угрозу со стороны безбожников коммунистов... И все это зависит от того, успеет какой-то придурок на семи-часовой поезд из Юстона или нет?

— Именно так, — кивнул Эдвин.

— Это безумие какое-то. — Майлз закатил глаза.

— Как я уже говорил, вопросы государственной безопасности находятся вне сферы нашей деятельности. Теперь вы понимаете, почему правительство исходит пёной. Если выяснится, что «Стрела» небезопасна, НАТО окажется под угрозой. Помимо призраков, они думают и об обычных шпионах. Одна из причин, по которой «марш-коды» до сих пор переправляются поездами: наши дьявольски хитрые друзья из разведки считают, будто русские и мысли не допускают о том, что мы можем *на самом деле* доверить столь важное дело паре младших офицеров, едущих на ночном поезде.

— Надеюсь, что встречу шпионов, — мечтательно произнесла Анетт. — Всегда представляла себя в образе Маты Хари. Можно мне соблазнить парочку юных лейтенантов?

— Забудь про них, Анни, — сказал Эдвин. — Им и так не сладко теперь, когда развернулась борьба за мир во всем мире. Один слег с нервным срывом, один застрелился, один неожиданно ушел в монастырь. Об этом никто не должен узнать за пределами этой комнаты, но за прошедшие годы было несколько случаев, когда наша система безопасности несколько часов кряду находилась на грани коллапса, потому что коды не прибыли вовремя. Только

представьте себе какого-нибудь несчастного генерала, на которого возложена обязанность докладывать президенту о подобных ситуациях. Или представьте, что другой стороне каким-то образом станет известно о возможности нанести первый удар. Если уж подносить к их голове пистолет, пусть лучше они не знают, что в нем сбит боек.

У Ричарда свело желудок, как будто он проглотил полпинты соленых моллюсков и запил их клубничным молочным шейком. Несмотря на «скучные процедуры для домов с привидениями» Катли, это было нечто более интересное, чем ходить вокруг дома священника в Борли, выискивая холодные точки. Тошнота прошла, и, к своему жгучему стыду, он вдруг понял, что физически находится в состоянии сильного возбуждения. Он подумал, что в коридорах власти это обычное явление... Хотя, с тех пор как у него сломался голос, ему казалось, что днем большего внимания все же заслуживают те минуты, когда он не демонстрирует свою эрекцию всем вокруг. Узкие брюки лишь усугубляли ситуацию. Он вспыхнул, когда Анетт, возможно, бессовестно заглянув в ближайшее будущее, улыбнулась ему.

— Янки будут знать, что мы в деле? — спросил Катли.

— Теоретически — только на самом высоком уровне. Ребята на поезде ничего не знают. Им внушили, что они — подсадные утки и что конверты, которые они перевозят, имеют отношение к негласным азартным играм между ведомствами, которые якобы организовал один сержант автопарка в Форт Бакстере, Канзас. Если будет нужно, ведите наблюдение за курьерами, но не приближайтесь. Ваша задача — собрать конкретные сведения о том, какие темные силы там собираются и что нам угрожает. Давно мечтаю закончить собрание словами: «Это

задание может сделать войну короче на полгода». На втором месте у меня другая фраза: «Судьба мира в ваших руках», что, увы, истинная правда. Я уверен, что мы будем гордиться тобой, Гарри.

IV

Ричард прошел под дорическими арками вокзала Юстон в пять часов, за два часа до отправления «Шотландской стрелы». Он слился с толпой горожан, встречавших пригородные поезда.

— «Стар», «Ньюз», «Стандарт»! — кричали шестидесятилетние «мальчики», размахивая вечерними газетами.

В большинстве заголовков так или иначе упоминался Хрущев, колотивший туфлей по столу в ООН. Первый секретарь не вел бы себя как медведь, если бы знал, что у дядюшки Сэма штаны бывали спущены по восемнадцать часов подряд. Если бы его спутник заметил брешь в занавесе, Никита Сергеевич вполне мог бы запустить в нее одну-две ракеты, просто чтобы посмотреть, что будет.

— Можешь даже не думать об этом, парень, — произнес голос рядом с его ухом. — Миру ничто не грозит, во всяком случае, до полуночи. Потом все расплывчато... Мадам Амбуаз все видит. Не забивай свою хорошенькую головку.

Он узнал Анетт по запаху (смесь аромата «Живанши» с сигаретами «Голуаз») еще до того, как услышал ее или увидел. Она развернула его и поцеловала в обе щеки, отнюдь не формально. Влажный кончик ее языка задел уголки его губ.

Для поездки она надела черное коктейльное платье, перчатки до локтей, блестящую черную шляпку с убранный в сторону вуалью и горжетку из цельной шкурки песца с зашитыми глазами. На этот раз она накрасила губы — тонкие линии кричащего красного цвета. В общем, она выставляла себя этакой Одри Хепберн и ждала от него восхищения, которое, разумеется, последовало.

— Молодец, — сказала она, похлопав его по щеке.

Тут же в голове у него появилась картинка: Анетт в белье, черном, французском, изысканном. Видение взволновало его, и Анетт усмехнулась.

— Я это сделаю, — сказала она. — Считаю, что это фокус.

Анетт скинула бретельку платья, показала черное кружево.

— Все правильно, — добавила она. — Но извини, я не могу сейчас развлекаться. С тобой так легко возбуждаться. Редко получается поиграть с тем, кто *знает*.

Она постучала себя пальцем по виску и жестами избразила жуткую колдунью.

Похоже, легкий флирт доставлял ей превеликое удовольствие, что, в свою очередь, довольно сильно тревожило Ричарда. Анетт Амбуаз могла бы сойти за роковую женщину в каком-нибудь фарсе уэст-эндского театра, но в деле, которым занимался клуб «Диоген», не говоря уже о настоящей войне, она была проверенным, опытным бойцом. А он до этого всего лишь переключал какие-то провода. Если она знает достаточно, чтобы бояться, ему следует дрожать от ужаса.

— Правда же великолепные арки? — сказала она. — Через пару лет их снесут. Идиоты и мещане.

— Ты видишь будущее?

— Я читаю газеты, дорогой. Но иногда вижу и будущее. *Возможное* будущее.

— А что насчет..?

Она фыркнула, открыла кулак и дунула, как будто сдувая пушинки с одуванчика.

— Взрыв? Не на этой неделе, думаю. Не на этой, если мы будем иметь к нему отношение.

Она прикоснулась к камню рукой в перчатке и пожала плечами.

— Ничего не чувствую, любовь моя, — сказала она. — Конечно, это ведь по части Волшебных Пальчиков. Прикосновение, которое так много значит.

Анетт взяла его за руку и повела на вокзал. Рядом с ними носильщик толкал тележку, на которой лежали сундук с оббитыми металлом углами, несколько розовых чемоданов разных размеров, косметичка и шляпная картонка. У Ричарда был всего один предмет багажа — кожаный саквояж, который он нашел в шкафу.

— Вот наш главный, — сказала Анетт, кивнув.

Гарри Катли сидел за буфетным столиком и пил чай. Его персональное облако зависло у него над головой. Ричард задумался, придет ли Эдвин их проводить, но решил, что не придет.

Анетт остановилась и придержала Ричарда.

— Милый, пообещай, что будешь поаккуратнее с Гарри, — сказала она, поджав губы и поправляя его галстук так, будто он был подарком, который она собиралась преподнести.

Ричард пожал плечами.

— Другого я и не планировал.

— Чтобы быть грубым, не нужно что-то планировать. Ты такой же, как я, ты *чувствуешь*. Попробуй еще

и думать. Господь свидетель, я думать не буду. Вы с Гарри не пара, вы единое целое. Не спеши его сбрасывать со счетов. Теперь идем. Будь паинькой.

Гарри поднял глаза и, увидев, что они приближаются, помахал им сложенной газетой.

— Где Майлз? — спросил он.

Они не знали. Гарри поцокал языком.

— Наверное, пьет «чай» в какой-нибудь джазовой забегаловке.

— С удовольствием выпью чаю, спасибо, — сказала Анетт.

Гарри посмотрел на чашку у себя в руке.

— Только не это пойло, — злобно обронил он. Женщина за прилавком услышала, но ее это явно не трогало.

— Значит, поужинаем на поезде? — сказала Анетт. — Попробуем знаменитой роскоши «Шотландской стрелы».

— Только не забывай щеки сохранять, — напомнил Гарри.

— Хватит быть занудой, — сказала Анетт, приблизилась к ученому и поцеловала его в щеку. Тот и бровью не повел. — Отличное будет приключение.

— Как в прошлый раз?

— Ну, будем надеяться, что не настолько отличное.

Гарри закатил рукав твидового пиджака и показал линию красных шрамов, уходящих от запястья к локтю.

— Культ пумы, — прокомментировала Анетт. — Мяу.

Ричард рассудил, что у Анетт тоже остались шрамы на память о деле Эджли-вейл. Самый ценный член клуба покончил с этим культом. Очередная победа клуба «Диоген». В этой партии силы зла проиграли всухую. Гарри даже на какую-то долю секунды улыбнулся, когда Анетт заурчала и потянулась по-кошачьи.

В то же мгновение Ричард понял разницу между своим даром и даром Анетт. Он получал, а она отдавала. Он улавливал чувства других, она могла заставить их чувствовать то, что чувствовала она. Полезная штукавина, если Анетт была в настроении. Во всем остальном она была, как канарейка в шахте.

Неожиданно рядом с ними возник Майлз.

— Привет, кошечки, — сказал он и поднял бровь так, что Анетт издала еще одно «мяу». — Готовы в путь?

— Если должны, куда не денешься, — отозвался Гарри.

Волшебные Пальчики оделся на дело, как карикатурный квартирный вор: черные джинсы, узкий вязаный свитер, берет, саквояж. Не хватало только маски.

У пассажиров, едущих на «Шотландской стреле» первым классом, имелся отдельный зал ожидания, примыкающий к платформе, на которой готовился к отправке поезд. Они предъявили билеты маленькому лысому розовощекому шотландцу в униформе.

— Добрый вечер, — произнес он тоном метрдотеля. — Меня зовут Арнольд, я проводник. Если я чем-то смогу быть вам полезен, сразу обращайтесь.

— Арнольд, проводник, — повторил Гарри, запоминая имя.

Анетт распорядилась, чтобы ее багаж и три их сумки занесли в вагон.

Никакой особенной энергии Арнольд не проявил, обычная вежливая любезность. Принимая во внимание возраст и внешний вид Ричарда, это было необычно. Вероятно, с точки зрения проводника, покупка билетов в купейный вагон первого класса автоматически возводила пассажира в число избранных. Пассажир был

всегда прав, независимо от того, в какой кричащий наряд он одет и какой дрянью смазаны его волосы. Ричард понял, что Арнольд был человеком из категории «не ведающих зла», о которых упоминал Эдвин. Его не посещали призраки. Маленький проводник, наверное, имел иммунитет на потустороннее, как некоторые люди никогда не болеют простудой. Или же он очень, очень хорошо притворялся.

Быть может, залу ожидания не помешала бы хорошая уборка, но в нем еще сохранились остатки бывшего великолепия. В то время как пассажирам второго и третьего классов приходилось довольствоваться скамейками на платформах, снобы с билетами первого класса могли нежить толстые задy на подушках диванов, обитых тканью лилового цвета, такого же оттенка «сочный кровоподтек», как диваны в купе «Шотландской стрелы». Здесь же подавался бесплатный чай из шипящего электрического чайника, что заставило Катли недовольно пробурчать что-то о потраченных в буфете трех пенсах (и о сохраненном чеке).

Стены зала, подобно семейным портретам в родовом замке, украшали фотографии в рамках, на которых были запечатлены церемония именованья (где присутствовала ненавистная Катрионе леди Люсинда), первые заезды 1928 и 1934 годов (лорд Килпартинджер в фуражке машиниста) и установление рекордов скорости. Разумеется, никаких упоминаний Инвердитского моста.

Начали прибывать остальные пассажиры. Трудно было себе представить молодых людей, более похожих на секретных агентов, чем эти двое: стрижки американских морских десантников, гражданские костюмы точно по фигуре, которые еще даже не обзавелись складками,

одинаковые желтые портфели, где, очевидно, и хранились пакеты чрезвычайной важности. Когда Анетт окинула их критическим взглядом, один легонько толкнул другого локтем, и тот растянул губы в зубастой улыбке, от которой на его взращенных на американской кукурузе щеках проступили ямочки.

— Так где шпион? — прошептала Анетт.

— Мы сами шпионы, — так же шепотом ответил Ричард. — Помнишь? Мата Хари.

Трое моряков в белых костюмах походили на ушедших в самоволку сослуживцев главных героев фильма «Увольнение в город». Один был сильно пьян, а его друзей явно страшила возможность встречи с береговым патрулем. Наверняка они тоже ехали в Портнакрейран, хотя было бы удивительно, если бы они действительно путешествовали первым классом. Арнольда униформа союзников, судя по всему, удовлетворила.

Миссис Свит, пожилая дама в свободном клетчатом пальто, очень волновалась о сохранности своих коробок с ружьями. Арнольд терпеливо выслушал пространную инструкцию о том, как их должно хранить.

За ней вошел священник, и первой мыслью Ричарда было, что это переодетый чикагский гангстер. Чисто выбритые щеки и острый мыс волос на лбу невольно наводили на мысль о том, что под мышкой у него спрятан железный прут, а в рукаве — латунный кастет. Тем не менее он буквально излучал праведную благожелательность. Ричард упрекнул себя, что пора бы уже научиться не судить о людях по внешности.

Неожиданно у двери поднялся шум. На Арнольда и охранника налетела рослая женщина средних лет в платье с цветочным узором и в шляпке, украшенной

восковыми кистями винограда и мертвыми засушенными розами.

— Есть у меня билет, есть, запропастился только куда-то, — затараторила она. — Подождите-ка минуточку. Ага, вот! Мой билет и моя карточка.

У дамы был четкий лондонский выговор, к тому же она обладала голосом, который, как говорят, способен расколоть хрусталь. Что-то в ней насторожило Ричарда. Анетт и Майлз тоже это почувствовали. Сработала психическая сигнализация.

— Что? — спросил Гарри, увидев, что вся группа одновременно насторожила уши.

— Спокойно, — произнесла Анетт.

Ричард почувствовал, как учащенно забилось сердце в груди. Он сделал пару глубоких вдохов, и оно немного успокоилось. Майлз присвистнул.

— Моя карточка, — повторила женщина. — Эльза Никлс. Миссис. Медиум-экстрасенс. Я еду помогать несчастным душам, привязанным к этому месту. Душам, которые не могут обрести покоя. Которые застряли на вашем призрачном поезде.

Арнольда интересовала не столько ее карточка, сколько билет, который оказался в вагон третьего класса. И не на полку, а на сидячее место рядом с багажным вагоном, на котором спать мог разве что опытный гуттаперчевый акробат, не ощущающий боли ни в спине, ни в ногах.

Проводник сообщил ей, что этот зал ожидания предназначен для пассажиров, едущих первым классом. Ее это не смутило.

— Я не собираюсь ехать первым классом. Мне всего лишь нужно найти купе мясника. Я ощущаю сильнейшие

вибрации. Не удивительно, что ваш поезд набит призраками.

«Медиум-экстрасенс» вытянула шею и обвела зал взглядом, в отличие от Ричарда, открытым и недвусмысленным. Она внимательно, не скрываясь, осмотрела каждого из присутствовавших.

— Добрый вечер, святой отец, — сказала она угрюмому священнику, который улыбнулся в ответ, показав гнилые зубы. — Вам бы подправить их надо, — посоветовала она. — Сходите в Службу здравоохранения, там вам их вырвут и поставят новые, фарфоровые, как у меня. — Она широко улыбнулась, обнажив черный провал между ровными белыми пластинками.

Священник не обиделся, но, когда выдавил из себя ответную улыбку, выглядел еще страшнее.

Взгляд миссис Никлс, скользнув по Гарри, Ричарду и американским морячкам, прошелся по Анетт («хотела бы я иметь фигурку для такого платья, красавица») и остановился на Волшебных Пальчиках.

— У тебя дар, дружок. Я это сразу чувствую. Ты видишь то, что находится за Сферой Видимого.

Майлз не стал возражать.

— Чувствую беспокойную душу. Или ее скорое появление, — сообщила она. — Но ничего, я наведу порядок. Для этого мы и нужны, чтобы порядок наводить.

Миссис Свит спряталась за «Таймс» и стоически не обращала внимания ни на что.

Гарри что-то пробормотал, так, чтобы его не услышала миссис Никлс.

Эта женщина была осложнением, не предвиденным «скучными процедурами» Гарри. Ричард почувствовал, как Самый ценный член клуба лениво подумал, что

миссис Никлс лучше будет не сесть на поезд, а лечь под него.

Впервые подобные размышления он «подслушал» еще в школе, когда ему во всей отчетливости представились фантазии учителя латинского языка: тот воображал, как расстреливает из пулемета их третий класс. Ричард пришел в ужас и растерялся: что лучше, промолчать и тем самым взять на себя часть вины или рассказать и превратиться в глазах окружающих в сумасшедшего? Даже если он предотвратит бойню, никто об этом не узнает. Два дня он боролся с этой дилеммой, цепenea от страха всякий раз, когда встречал на школьном дворе учителя латыни с рассеянной улыбкой на лице и кровавой баней на уме. Потом Ричард уловил подобную мысль во время чемпионата по крикету, когда капитан одной из команд очень живо представлял себе, как забьет битой своего бэтсмана, постоянно терявшего мяч. С нервной дрожью, но и с облегчением он понял, что *все люди* каждый день представляют себе какие-нибудь зверства. Пока что ему не встретился ни один человек, который действительно хотел бы воплотить свои фантазии в жизнь. Более того, мысли о насилии до определенной степени приглушали склонность к убийству — люди, *не думающие* об убийствах, были более склоны их совершать.

— Прошу, прошу, — сказала миссис Никлс, отступая в сторону, чтобы пропустить в зал кого-то с правильным билетом.

Девочка лет восьми-деяти в голубой куртке с капюшоном и с очень серьезным заспанным лицом была вверена заботам «Шотландской стрелы» в лице проводника Арнольда. Ричард, имевший немного опыта общения

с детьми, надеялся, что ее посадят подальше от него. Дети в его представлении были часовыми минами со включенным таймером.

— Как тебя зовут? — спросила Анетт, наклонившись.

Девочка ответила что-то невнятное и еще глубже спряталась под капюшон.

— Не знаешь? Тут нечего стыдиться.

Миссис Никлс и Анетт были сражены. Интуиция подсказывала Ричарду, что ни у первой, ни у второй нет живых детей. Если миссис Никлс в самом деле была медиком, этому можно не удивляться. Дети — они как губки, впитывают в себя все твоё внимание. Многие таланты зачахли, когда в доме появилась коляска.

Анетт обнаружила на шее девочки большую бирку, прямоугольник коричневого картона.

— «Собственность капитан-лейтенанта Александра Коатса, ВМФ», — прочитала она. — Это твой папа?

Девочка покачала головой. Под капюшоном был виден только нос в веснушках. В своей курточке она была больше похожа на гнома, чем на ребенка.

— Ты что, посылка?

Капюшон кивнул. Анетт улыбнулась.

— Но ты же не в багажном вагоне будешь ехать?

Капюшон снова покачался из стороны в сторону.

Арнольд объявил, что поезд подан на посадку. Американцы сгрудились там, где англичане начали выстраиваться в ровную очередь. Анетт взяла девочку за руку.

Посылка Коатса подняла голову, и Ричард увидел лицо девочки. Его поразили ее глаза: огромные, изумрудные, взрослые. Остальное лицо вокруг этих очей пока еще не выросло. Полоса веснушек пересекала нос, как

боевая раскраска апачей. Рыжие косички выглядывали из-под капюшона и лежали на груди, как две колокольчатые веревки.

— Меня зовут Ванесса, — сказала она, обращаясь прямо к нему. — А тебя?

Девочка была странной. Он не чувствовал ее, совершенно.

— Это Ричард, — ответила за него Анетт. — Не обращай внимания на его вид. Я уверена, вы подружитесь.

Ванесса протянула лапку, и Ричард с удивлением пожал ее.

— Добрый вечер, Ричард, — сказала она. — Я могу это по-французски сказать: «Бонсуар, Ришар». И по-немецки: «Гутен абенд, Рихард».

— И тебе добрый вечер, Ванесса.

Она вежливо присела, а потом обхватила его руками за талию и прижалась щекой к его животу.

Это сбilo Ричарда с толку окончательно. Его обнимали, как пони, как подушку или как дерево, но не как человека.

— У тебя появилась поклонница, — обронил Волшебные Пальчики. — Мои поздравления.

Ванесса прижалась к нему крепче, но он все так же не знал, что с ней делать.

На помощь пришла Анетт. Она оторвала от него девочку.

— Не советую подбирать приبلудных животных и детей, — заметил Гарри.

Ричард проследил взглядом за Анетт, которая повела девочку из зала. Протянув билет Арнольду, Ванесса обернулась.

Эти глаза!

V

Ричард был последним в очереди к Арнольду. Все разошлись по своим вагонам. Миссис Никлс простествовала по платформе до вагонов третьего класса. Моряки последовали за ней.

Он осмотрел локомотив № 3473-S. С первого взгляда он производил впечатление большой мощной машины. Огромное хитроумное устройство из поставленного на службу человеку железа. Потом заметил следы износа. Некогда гордые пурпурные бока потускнели и покрылись грязью, медные детали почернели и потрескались. Гигантская труба изрыгала похожие на грибы облака дыма. Ричард почувствовал запах угля, огня, смазки, нефти. Почувствовал давление в бойлере и жар, который от него исходил. Машина обладала струей влажного пара платформу.

— Плохой зверь, — сказал Майлз, приложив кончики пальцев к металлу.

Как говорила Анетт, его талант заключался в том, что он мог понимать суть неодушевленных или считающихся неодушевленными предметов. Его прислали сюда, чтобы он оценил локомотив.

— С чертовщинкой, как цирковой лев, попробовавший вкус человеческой крови. Ему понравилось и хочется еще.

— Спасибо, успокоил.

Майлз хлопнул его по плечу. Волшебные пальчики на секунду задержались на нем, и Ричард почувствовал, как по его телу прошел холодок. Потом Майлз осторожно убрал руку.

— Не бойся, дружище. Я знавал автобусы, превратившиеся в маньяков-убийц. Да большинство машин без пя-

ти минут маньяки. Неудивительно, что ведьмы железо не любят. Идем, Рич. «По местам! Нас ждет “Атчисон, Топика и Санта-Фе”»¹.

Арнольд дунул в свисток, издавший истошный крик ночной птицы, на который локомотив ответил ревом динозавра. Паровоз заскрежетал, спугнув стайку голубей с вокзальных арок.

— На четырнадцатой платформе заканчивается посадка на поезд «Шотландская стрела» до Эдинбурга и Портнакрейрана. — Голос по системе громкой связи «Танной» звучал так, будто объявления читал вчерашний выпускник курсов дикторов Би-би-си. — Время отправления — семнадцать часов ровно.

Ричард и Майлз поднялись в вагон. Вдоль него шел широкий коридор с роскошной ковровой дорожкой, с дверями в спальные купе.

— Ты едешь рядом со мной, — сказала Анетт, пристраивавшая поблизости Ванессу. — Как удобно.

Он посмотрел на Майлза Волшебные Пальчики, который сочувственно (но с оттенком зависти) пожал плечами и пошел искать свое место.

Ричард осмотрел купе. Оно напоминало сжатый гостиничный номер: встроенная одноместная кровать, закрепленный столик (с обязательным набором канцелярских товаров и чернильницей) со стулом, полочка с бутылками в металлических подставках, «ванная» размером со шкаф с раковиной (да, мраморной) и унитазом (без золотого сиденья). Вторую кровать можно было снять с верхней полки, но пока она оставалась сложенной. Из фильмов

¹ Слова из песни Джона Денвера. «Атчисон, Топика и Санта-Фе» — название железной дороги в США.

и книг, в которых описывались убийства в поездах, он знал, что верхние полки, как правило, используют для хранения трупов. Кожаный саквояж замер преданной собакой у изножья кровати. Полотенце и туалетные принадлежности были отправлены в ванную.

На первый взгляд все в купе первого класса казалось первоклассным, но потом белое накрахмаленное постельное белье проявило некоторую изношенность и тот сероватый оттенок, который появляется у ткани от слишком частой стирки. На раковине в голубых прожилках в сливном отверстии обнаружились оранжевые пятна ржавчины, а цепочка пробки оказалась сломанной. На емкости для воды виднелись ожоги от сигарет. «Пожалуйста, воздержитесь от пользования туалетом во время стоянки поезда», — гласила табличка в рамке над унитазом. Снизу кто-то довольно аккуратным почерком добавил: «Нарушители будут расстреляны».

Вдруг Ричарду показалось, будто он увидел что-то в зеркале над раковиной, и он с трудом сдержался, чтобы не обернуться. У него не было ни малейших сомнений, что там ничего не окажется. Он всмотрелся в зеркало, не обращая внимания на свежий прыщик на лбу, и стал выискивать неровности или царапины на серебряном покрытии. Подышал на стекло. На какую-то секунду проступили похожие на руны, написанные задом наперед буквы. Он сумел прочитать: «ОПАСНОСТЬ», «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ» и «НЕ В ДУХЕ». Ниже было нарисовано сердце, несколько крестиков и монограмма в виде двух соединенных «А».

— Попался, — сказала Анетт из коридора и засмеялась.

Он тоже не смог сдержать улыбку. Шляпки на ее голове уже не было. Она замерла в расслабленной позе в дверном проеме. Край платья чуть-чуть приподнят, открывая черный кружевной верх чулка, на отведенных назад плечах лежат волны шелковистых волос. Она нацертила в воздухе двойное «А» и выпустила идеально ровное колечко дыма.

Анетт потащила его по коридору, и они присоединились к Гарри и Майлзу в следующем вагоне. В дни лорда Килпартинджера здесь располагался бальный зал, но теперь он был превращен в место отдыха пассажиров первого класса.

Волшебные Пальчики нашел пианино и принялся наигрывать мелодию песенки «Сбежавший поезд». Анетт, забравшаяся в похожее на корзину кожаное кресло, восхищенно захлопала в ладоши.

В дальнем конце вагона сидел священник. Возможно, он готовил проповедь, но, судя по его виду, можно было подумать, что он писал записки с угрозами, которые потом подложит под двери нервных престарелых дам. Проводник Арнольд прошествовал через весь вагон и сообщил им, что бар откроется, как только тронется поезд.

— Ура! — оживилась Анетт. — Я возьму «буравчик».

Она вкрутила в мундштук новую сигарету.

Арнольд снисходительно улыбнулся и не стал просить Майлза не брэнчать по клавишам. Они были пассажирами первого класса и, если хотели, могли хоть качаться на люстрах (в которых не хватало нескольких лампочек, что, впрочем, не мешало им наполнять весь вагон ярким светом).

— Впечатления? — спросил Гарри, раскрывая папку и готовя шариковую ручку.

— Здесь все чисто, — сказала Анетт. — До Питер-боро никто не умрет.

— У этой коробочки нутро никуда не годится, — сказал Майлз Волшебные Пальчики, неожиданно оборвав игру. — Но мы подружимся. Думаю, она откроет мне свои тайны, — добавил он и пропел, аккомпанируя себе: — Сбежавший поезд заехал на горку и загуде-е-е-л...¹

Гарри посмотрел на Ричарда:

— Джеперсон. Есть что добавить?

Ричард подумал о взрослых глазах девочки.

— Нет, Гарри, ничего.

Гарри сжал кончик ручки зубами. Колпачок уже был изрядно искусанным.

— Надеюсь, эта поездка не окажется напрасной, — сказал Самый ценный член клуба.

— Не окажется, — пообещала Анетт. — Вот увидите.

Свисток издал еще один долгий истошный вопль, крик Тарзана — Джонни Вайсмюллера из горла кастрированного гиганта.

— ...и загуде-е-е-л...

Без какого бы то ни было рывка, гладко, как будто скользнув с берега в реку, «Шотландская стрела» отъехала от платформы и начала быстро набирать скорость. Ричард почувствовал, как заходили поршни, как закрутились большие колеса, как натянулись муфты, поддаваясь непреодолимой тянущей силе...

У него сладко засосало под ложечкой. Все мальчишки любят поезда. В каждом романе должен присутствовать поезд.

¹ Слова детской колыбельной «Сбежавший поезд».

— ...инженер сказал: «Остановить нужно поезд! Виноват инженер...»

Игру Майлса прервал резкий толчок. Крышка пианино захлопнулась, как медвежий капкан.

Джазмен выругался и отдернул руки. Костяшки пальцев были ободраны. Он помахал ими перед собой, взвизгнув:

— Черт, больно!

— Первая кровь, — сказала Анетт.

— Эта тварь нетерпелива, — заметил Майлз. — Она хочет показать, кто здесь главный. Она намерена убивать.

Гарри осмотрел пианино, поднял и опустил крышку. Она должна была держаться на защелке.

— Защелка была закрыта, — объявил Майлз, предупреждая вопрос. — Я в этом уверен.

Гарри заметил, что защелка легко могла открыться от движения поезда, и он был прав. Записывать в папку это происшествие он не стал.

Но Анетт не сомневалась, что это нападение.

— Оно знает, что мы здесь, — сказала она. — Оно знает.

Путешествие продолжалось. За окном мелькали тени, свет казался очень далеким. Поезд, не сбавляя скорости, пронесся мимо какого-то полустанка, на миг явив бледные, полные зависти лица ожидающей толпы на платформе. Они ждали дизель, чтобы разъехаться по своим «виллам» в Хитчине или Хаслмире и провести остаток дня, слушая радио, но каждый из них, наверное, хотел в эту минуту находиться на борту ярко освещенной, исторгающей клубы дыма, несущейся, как ветер,

«Стрелы». Едущей в Шотландию, страну тайн, романтики, приключений.

По телу Ричарда прошла дрожь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ: В «ШОТЛАНДСКОЙ СТРЕЛЕ»

I

Сквозь стук колес Анетт слышала свой крик.

Она находилась в темном коридоре. Один каблук ее был сломан, а лодыжка подвернута.

Поезд обыскивали. Требовали документы, раздавали пощечины, открывали сумки, расшвыривали их содержимое. Скоро ее поймают и допросят. Потом часы агонии, позор и освобождение. Она будет держаться так долго, как только сможет. Но она сломается.

Он знала, что *заговорит*.

Пальцы обвили ее шею и, как тиски, сжали мягкую плоть под челюстью.

Ее крик оборвался. Она не могла даже проглотить слюну. Воздух перестал поступать в легкие.

Рука подняла ее на ноги. Спина ее прижалась к холодному, как лед, окну. Она оказалась стиснута так, что даже не могла двигаться.

Она почувствовала зловонное дыхание, но перед глазами у нее была только темнота.

Поезд проехал сквозь луч прожектора.

Ослепительный свет наполнил коридор. Мелькнули военные знаки отличия: двойная молния, повязка на ру-

ке с ломаным крестом, кокарда в виде черепа, полированный козырек, похожий на клюв стервятника. Но под козырьком пустота, нет даже глаз.

Боши поймали ее!

Она попыталась забыть то, что хранилось у нее в голове. Имена, пароли, ответы, явки, время, цепочки цифр. Но все, что она знала, горело у нее в сознании, готовое выплеснуться.

Тот, кто ее пленил, поднял вторую руку, показывая ей черный блестящий «люгер». Ствол, холодный, как скальпель, прижался к ее щеке.

Свет снова погас.

Пистолет уткнулся ей в лицо. Выстрел разорвал кожу. Щека лопнула, как персик. Ствол протиснулся между зубами. Горький металл наполнил рот.

Хватка на шее ослабла — знак презрения. Она втянула в легкие воздух и начала *говорить*.

— Анни, — раздался голос Гарри Катли. Рука его зависла над ее щекой, в которой чувствовалась горячая боль. — Очнись.

Ее хлестали по щекам.

Она все *говорила*, выдавала старые имена, коды:

— Доктор Лашасс, Мадри Ольм, Мулен Вьель, Ла Ваш, Аш-360... — Она захлебнулась словами.

Гарри сидел рядом, наклонившись над ней. Она лежала на диване в вагоне для отдыха. Тут же стояли Майлз и Ричард. Проводник Арнольд с переброшенным через руку белым полотенцем поднес коктейли.

Она вспомнила, что хотела «буравчик».

— Где ты была? На войне?

Она кивнула. Гарри прижимал ее к дивану, как припадочную, но неожиданно отпустил и поднялся. Анетт села и натянула сбившееся платье. Ничего, слава богу, не порвалось. Интересно, что с лицом?

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Она все еще чувствовала прикосновение ледяной руки и маслянистый вкус железа. Когда она моргала, в глазах появлялась двойная эсэсовская молния.

— Хочешь чего-нибудь? Воды? Чаю?

— Это мое, — сказала она и потянулась за коктейлем. Выпила залпом, и в голове сразу прояснилось. Анетт поставила бокал обратно на поднос. — Нельзя ли повторить?

Арнольд кивнул. Всем остальным пришлось разобрать напитки, чтобы он смог выполнить просьбу. «Отвертку» взял Майлз, разбавленный виски — Гарри, «Деву Марию» — Ричард. Арнольд, никак не прокомментировав ее заказ, удалился готовить вторую порцию «буравчика».

— Видела ужасы? — спросил Майлз.

Она взялась за лоб:

— Не то слово.

— Плохой сон, — разочарованно произнес Гарри. Его ручка зависла над раскрытой папкой с бумагами. — Вряд ли это было *проявление*.

— Разве она не должна была спать, чтобы увидеть сон? — вставил Ричард. — Ведь она стояла, когда это началось.

— Значит, реакция бегства. Припадок.

Гарри склонялся к рациональному объяснению. Обычно Анетт это нравилось. Благодаря Гарри расследования не впадали в крайности. Он не давал ей и всем остальным агентам терять голову. Призраки, как правило, ока-

зывались обычными квартирными ворами, скрывающими лица под светящимися в темноте масками скелетов. Летающие тарелки были метеозондами. Под грязными тряпками оживших мумий прятались веселящиеся студенты-медики. Но на этот раз он не видел очевидного. На «Шотландской стреле» действительно водились призраки. Да еще, чего доброго, маленькие зеленые марсиане и ходящие боком древние египтяне.

— У тебя раньше бывали припадки? — спросил Ричард.

— Нет, Ричард, — терпеливо ответила она. — Припадков у меня не было.

— Но у тебя ведь случаются... м-м-м... видения?

— Не такие, — сказала она. — Это было что-то новое. И нехорошее. Поверь. Оно протянуло ко мне руки и ударило.

— Оно? — нахмурился Гарри. — Пожалуйста, постарайся говорить более конкретно, Анни. Что это за «оно»? Почему «оно», а не «они»?

Сердце ее уже билось с обычной скоростью. Она понимала, что Гарри (какой же он надоедливый!) имеет в виду, и хотела помочь.

— То, что это «оно», еще не означает, что нет «их». Армия, например, «она», но в ней много солдат.

Гарри злится на Ричарда за то, что тот его как-то назвал.

— С тем, что пришло за мной, я никогда раньше не сталкивалась, — продолжила она. — Я вижу то, что может случиться. И не в видениях, как выразился Ричард. И «голоса» я тоже не слышу. Я просто знаю, что будет или что может быть. Как будто пролистываю вперед несколько страниц и читаю, что случится потом.

Гарри, Ричард и Майлз пьются от нее.

Нет, они все еще стояли рядом. Они не отойдут от нее и на минуту.

— Я заглядываю за угол. В будущее. Это было откуда-то из другого места.

— Из прошлого? — предположил Ричард. — Призрак?

— Из прошлого? Да. Призрак? Не в традиционном понимании. Скорее, воплощение, олицетворение. Это был не один человек. Это было мое представление о самом худшем, что может случиться. Оно проникло в меня, узнало, чего я больше всего боюсь, и сыграло на этом. Но там был и поезд. Я ехала в поезде. Оно обитает здесь. Самое страшное. Самое страшное на свете.

— Драматично, Анни, но не особенно полезно.

Гарри надел колпачок на ручку.

— Прислушайтесь к ее словам, — сказал Ричард и положил руки ей на плечи — взрослый поступок для такого молодого человека. — Это не истерика. Она это все не воображает. Она рассказывает о том, что происходило. Нужно записать ее рассказ.

Но Гарри не был склонен обращать внимание на мальчишку Джеперсона.

— Не могу, — возразил он. — Это помехи. Они испортят общую картину. Нам нужны поддающиеся наблюдению феномены. То, что можно измерить. Через что можно выйти на их источник. Схожу за инструментами.

— У нас и так есть инструменты, — твердо сказал Ричард. — Поточнее настроенные, чем твои штуковины, старик. У нас есть Анетт и Волшебные Пальчики.

Себя он не включил, хотя следовало бы.

Негодование охватило Гарри, когда Ричард назвал его «стариком». Анетт вздрогнула от мощного напора хлынувших из него чувств. И, наверное, содрогнулась бы еще сильнее, если бы не знала заранее, что это произойдет.

Парень продолжал спорить с Гарри.

Майлз положил ладонь ей на лоб и кивнул.

— Да, что-то нападало на нее, — сказал он. Ей совсем не понравилось, как это прозвучало. — Оставило следы когтей.

— Может, хватит говорить так, будто вы вскрытие проводите? — воскликнула она. — Да, на меня напали, но я не хрупкий цветочек, который нужно защищать. Я сама могу о себе позаботиться.

Что она доказала во время войны.

Ей вспомнилась эсэсовская фуражка. Если бы ее подвергли допросу, она заговорила бы. Все рано или поздно начинали говорить. Но до этого так и не дошло благодаря ее особенностям, умению правильно выбирать шаги, не попадать в опасные ситуации. Остальным — это их имена ей вспомнились — повезло меньше. Насколько было известно ей, все они либо погибли, либо превратились в калек. Большинство из них схватили, и то, что они говорили, в конечном итоге не имело значения, потому что их все равно убили.

С тех пор она всегда правильно выбирала шаги. Подходила к краю опасности, но не заступала за него. Сейчас же она находилась в поезде, в цепочке соединенных коробок на колесах. Возможно, здесь нет правильных шагов. Возможно, здесь есть только опасность. Ее дар всегда подсказывал ей, где находиться не следует. На поезде знание того, где находиться не следует, не означало, что она могла избежать этого места.

Она привыкла доверять внутреннему голосу. Теперь он кричал ей: рви стоп-кран! Штраф за необоснованное использование стоп-крана ее не разорит. Один быстрый рывок — и сработают тормоза. «Шотландская стрела» со скрипом остановится, она сможет выпрыгнуть из вагона и убежать куда глаза глядят через поля.

Гарри, Ричард и Майлз попятились. Как ей и представлялось. Она поставила про себя галочку, радуясь тому, что за этим не последует ничего более серьезного.

Она срывает стоп-кран.

Анетт заглушила внутренний голос. Красный стоп-кран (на самом деле это была цепочка) висел над окном как ни в чем не бывало. Она не станет обращать на него внимания и вообще будет держаться подальше.

Она действительно сорвет его, или она просто представляла, каково это будет? Это невозможно определить. Она видела себя на скамье подсудимых, слышала, как ее распекают, потом она заплатила пять фунтов однофунтовыми купюрами секретарю, но у секретаря не было лица. Обычно подобное означало, что это — порождение воображения. Если бы все это должно было случиться на самом деле, она увидела бы лицо и узнала бы его позже.

Потом в голове у нее все перемешалось. Она не могла спутать это с разыгравшимся воображением. До войны детский психиатр назвал загадочный недуг Анетт «острым *déjà vu*»¹. Катриона Кайе исправила диагноз на «*jamais vu*»². У Анетт не возникало ощущения, что она в прошлом уже была в том или ином месте. У нее

¹ Уже виденное (фр.). Дежавю — психическое состояние, при котором человек ощущает, что когда-то уже был в подобной ситуации. (Примеч. ред.)

² Никогда не виденное (фр.).

возникало ощущение, что она будет находиться в том или ином месте в будущем.

Открытая дверь вагона. Проносящиеся мимо ночные поля. Кто-то падает из поезда, разбивается о край гравийной насыпи. И кто-то приближается к ней сзади.

Если это то, что произойдет через несколько страниц, она предпочла бы загнуть уголок страницы в конце главы, положить книгу на тумбочку у кровати и никогда больше ее не открывать. Но мир устроен не так.

Арнольд принес вторую порцию «буравчика». На этот раз она не стала опрокидывать в себя содержимое бокала, а сделала один глоток.

— Превосходно, — сказала она проводнику, борясь с дрожью.

II

То, как быстро Анетт пришла в себя, произвело на Ричарда сильное впечатление. Два «буравчика», минута в купе на то, чтобы поправить макияж, и она снова встала в строй. Нервы у нее были чересчур натянуты, но это можно было сказать о каждом из них. Она флиртowała, вероятно, инстинктивно, порхала между коллегами, чтобы каждому уделить равное количество времени. Только Ричард замечал, что получает чуть больше внимания, чем Гарри Катли или Дэнни Майлз. Их она уже знала, а вот нового парня еще нужно было раскусить, внести в память, как Гарри вносил имена, покатать с боку на бок, пощупать, помять, проверить реакцию. А реакция, как всегда, была теплой и, подумал он, невыносимо очевидной.

Гарри с кислой миной внес какие-то записи в папку.

Жуткий священник вежливо осведомился о самочувствии леди. Анетт ответила, что она в порядке, и он, удовлетворенный, вернулся на свое место. Ричарда все еще не покидало подозрение, что священник подделывает свою ауру. Его руки убийцы, казалось, были созданы для того, чтобы обагряться чужой кровью.

Стоявшая рядом Анетт старательно отводила взгляд от стоп-крана. Конечно, в каждом, кто путешествует на поезде, при виде надписи «Штраф за ненадлежащее использование — 5 фунтов» просыпается бес противоречия, который начинает нашептывать: «Дерни, посмотри, что случится, давай, ты же знаешь, что хочешь этого». На «Шотландской стреле» бес был наглым, злым и примитивным.

Анетт пошупала двумя пальцами лацкан Ричарда.

— Настоящий, — сказала она. — Иногда я уже не могу отличить.

Он не знал, куда деть руки.

— Оставь парня в покое, Анни, — бросил Гарри. — Иди-ка, заполни бланк о происшествии. Раз уж ты думаешь, что на тебя напали, нужно все зафиксировать, пока события свежи в памяти.

Вздвогнув, она подошла к Гарри и, получив от него лист бумаги и карандаш, начала, как прилежная студентка на экзамене, заполнять бланк аккуратным почерком.

Дэнни Майлз сидел у пианино, барабанил пальцами по закрытой крышке. Синяки на руках уже потемнели. Он улыбнулся и двумя пальцами отстукал по полированной поверхности энергичное соло в стиле Джина Крупы.

— Думаешь, я следующий? — спросил Ричард.

Майлз пожал плечами.

— Осторожность никогда не помешает.

Окна вагона уже превратились в эбонитовые зеркала. Но если подойти и напрячь зрение, можно было различить природу снаружи. Вскоре в вагоне-ресторане должны были подать ужин. Единственную остановку поезд делал в Эдинбурге, в полвторого ночи, и затем, после двадцатиминутной стоянки, ехал дальше до Портна-крейрана, куда прибывал с рассветом.

Ночной экспресс был больше похож на океанский лайнер, чем на поезд. Безопасная гавань осталась позади, и они были одни посреди бескрайнего бездонного океана.

Хоть в их распоряжении имелись купе, никто не собирался спать.

Ричард достал из кармана отцовские часы и сверил их с часами над дверью в торце вагона. На его часах было десять минут десятого, часы поезда показывали без десяти девять. Последний раз свой хронометр он заводил в Юстоне, установив время по большим вокзальным часам.

Майлз, увидев, что он делает, оттянул рукав и ощупал наручные часы (привычка, оставшаяся после нескольких лет слепоты).

— Остановились, — сказал он. — На семи часах, семи минутах и семи секундах. С ума сойти.

— У меня часов нет, — сказала Анетт, оторвавшись от бланка. — Не люблю этих маленьких тикающих тиранов.

Майлз посмотрел на Гарри.

— Профессор?

Гарри достал дорожные часы из мешковатого кармана и поднес к своим наручным часам.

— Восемь тридцать две. Без десяти шесть.

— Кто рискнет предположить, сколько сейчас на самом деле? — осведомился Майлз Волшебные Пальчики.

Все посмотрели на вагонные часы, отсчитывавшие оставшиеся до ужина минуты.

— Как я и думал, — добавил джазист.

Гарри Катли порывлся в папке, достал еще несколько бланков и раздал остальным. Майлз сочинил целый небольшой рассказ, а Ричард написал только два слова: «часы спешат».

— Может, теперь вы забудете о механических вещах и станете доверять живым людям, — ворчливо произнесла Анетт. — Вы же знаете, что часы идут неправильно в местах потусторонних проявлений. Так почему же вы верите термометрам, барометрам, проволочным магнитофонам и фотоаппаратам?

— Люди, бывает, тоже ошибаются, — заметил Гарри. — И даже... нет, и *особенно* наделенные даром.

Самолюбие Ричарда было задето. Его часы были не обычным прибором, измеряющим время. Это были часы его отца, унаследовавшего их от его деда, который сидел за одним столом с Майкромфтом Холмсом во времена первого Кабального совета. Джеффри Джеперсон прошел с этими часами всю войну. Майор, полагая, что покончил со всеми делами в лагере беженцев, посмотрел на эти часы за секунду до того, как он и мальчик с большими глазами и впалым животом впервые увидели друг друга. Эти часы свели их. Майор, движимый душевным порывом, протянул их мальчику, и мальчик, который потом стал Ричардом Джеперсоном, принял подарок с благоговением. Он молча взвесил их на руке, послушал быстрое тиканье, с восхищением рассмотрел затейливую викторианскую вязь под стеклом.

Внутри между шестеренками и колесиками находились части неведомого кристалла, которые при опреде-

ленном свете искрились зеленым и голубым. Римские цифры терялись между выгравированными изображениями крошечных бородатых сатиров и круглолицых нимф.

С их тиканья начинались воспоминания Ричарда. До сих пор часы ни разу не подводили его.

Если нельзя было верить часам Джеперсона, чему вообще из того, что дал ему клуб «Диоген», можно было верить? Часы заводились ключиком, который всегда висел на цепочке. Им же можно было остановить механизм, что Ричард и сделал. Если часы не могут показывать правильное время, они вообще не должны идти. Ощущения были такие, будто умер его любимый домашний питомец, хотя он никогда не держал животных. Отстегнув цепочку, он подумал, доведется ли ему когда-либо пристегнуть ее снова. Опустив часы с цепочкой в карман, он вернул Гарри бланк.

Арнольд, явно не интересовавшийся вагонными часами, которые были частью «Шотландской стрелы», такой же, как колеса или окна, объявил, что ужин подан. Вагонные часы показывали ровно девять.

Гарри выставил и карманные, и наручные часы по вагонному времени, что отметил записью в папке.

— Я предвижу, что ты будешь заниматься этим всю ночь, — сказала Анетт. — Причем, как я предвижу, не используя талант. Это закон подлости.

Гарри рассеянно улыбнулся, не став спорить.

Ричарду вдруг стало понятно, что между Гарри Катли и Анетт Амбуаз что-то произошло. Их связывало не только участие в расследовании дела культа пумы. Гарри терпел такие ее шутки, которых не потерпел бы ни от кого другого, и дулся, как мальчишка, когда она уделяла

внимание кому-то другому. Она сказала Ричарду, что не стоит недооценивать Самого ценного члена клуба.

И теперь, злясь сам на себя, он чувствовал, что ревнует.

— Отведаем угощений «Шотландской стрелы»? — сказала Анетт. — В дни Килпартинджера здешняя кухня соперничала с лучшими ресторанами Европы.

— Сомневаюсь, что «Бритиш рейл» сохранила эту традицию, — вставил Гарри. — Нам предложат по куску говядины с горькой овощей, пирог и жареную картошку или бутерброды с доисторической копченой грудинкой.

— М-м-м, — с аппетитом протянул Майлз Волшебные Пальчики. — Мои любимые.

— Да ладно вам, ребята. Наберитесь мужества. Мы противостояли злым призракам, огненным демонам, проклятиям друидов и маньякам-убийцам. Бутерброд «Бритиш рейл» не должен нас испугать. К тому же я видела меню и горю желанием попробовать перепелиные яйца.

Анетт повела их в вагон-ресторан. Кабинки в нем разделялись деревянными панелями и матовыми стеклами. Столы были накрыты на двоих и на четверых. Проходя под часами в вагоне для отдыха, Ричард поднял глаза. Какой-то миг за стеклом он видел лицо, покрытое кровотокающими цифрами. Стрелки прибиты к расплюсченному носу, щеки раздуты, глаза выпучены, на растянутых губах вытатуировано имя часовщика.

«Вот, значит, куда вы попали, — подумал он, узнав Дугласа Джилклайда. — Лорд Убилпассанджир собственной персоной».

Лицо исчезло. Ричард подумал, что надо рассказать остальным об этом призраке, но вспомнил, что тогда

придется заполнять очередной бланк, и не стал. Там, откуда призрак появился, их будет еще немало.

III

Они все смеялись над ним, гады!

Во рту Гарольда Катли стоял вкус золы, желчи и пирога со свиной. Он хотел велеть им заткнуться, но смог издать только какой-то пыхтящий лай, отчего гады рассмеялись еще сильнее.

— Не в то горло пошло, — прокомментировал неслышимый мальчишка Джеперсон.

Француженка похлопала его по спине, но не для того, чтобы прочистить ему горло. Она как будто воспользовалась случаем, чтобы врезать ему как следует.

— Возьми у профессора бланк, запиши это, — потешался битник. — Ему это понравится.

Катли встал и на ватных ногах отошел от стола. Он закашлялся и снова задышал. Теперь он мог говорить, если бы хотел. Но черта с два он будет с ними разговаривать!

Он знал, что они все ополчатся против него.

Так всегда было. В Бричестере никто не понимал его работу, и его начали считать чокнутым. Мюриэль не помогла. Она изменила ему, наверное, с каждым из них. Даже с деканом физического факультета по кличке Кокс-Фокс. Даже с чертовыми студентами! В клубе «Диоген» он оказался благодаря Эду Винтропу, который имел привычку вести себя как господин, подавлять и вытеснять. Эд привязал Гарри к клубу так, что теперь он попросту не мог уйти, любые наработки или открытия он даже не сможет назвать своими.

За ним никто не пошел. Он бросил взгляд обратно на кабинку, где Анетт ласкала своего медведя. Сука! Ублюдок! Волшебные Пальчики барабанил пальчиками по столу. Наверное, его уже развезло от пойла, которое здесь подавали. Если тут можно добыть какие-то результаты, ему придется добывать их самому.

Он им покажет!

Проводник — как там его зовут? почему он не запомнил? — стоял у него на пути, загораживая узкий проход. Катли протиснулся мимо него, сжавшись, чтобы не дай бог не прикоснуться, и зашагал дальше в сторону темноты в конце вагона.

— Позвольте! — прошамкала дурно одетая корова, старуха в клетчатом пальто, единственная, кто здесь ужинал, кроме них. Она пролила кларет на окорок и ананас и хотела обвинить в этом Гарольда Катли. — Должна сказать, что я этого не делала.

Катли придумал ответ, от которого она уже навсегда заткнулась бы, но слова перемешались где-то между мозгом и языком, еще не отдохнувшим от кашля, и вышли из него брызгами слюны и рычанием.

Женщина перестала обращать на него внимание и вилкой отправила покрасневший кусочек мяса в рот.

Он обернулся. Вагон вытянулся в длину. Его так называемая группа сидела в нескольких десятках кабинок от него в круге света, улыбаясь и веселясь, радуясь тому, что он ушел, уже даже не вспоминая, что он был рядом. Ублюдочные ублюдки! Только над ними горел яркий свет. Остальная часть вагона пребывала в полумраке.

Оказалось, что здесь были и другие ужинавшие, черно-белые, молчаливые. Тени на матовых разделительных стеклах. Накрахмаленные воротнички и размытые

лица. У некоторых не хватало глаз или рта, у некоторых имелись лишние.

Мюриэль тоже была где-то здесь, как обычно, развлекалась, пока кто-то другой деньги зарабатывал.

Сука!

— Ваш билет, пожалуйста.

Проводник. Или нет? Выглядел он так же, но голос был не таким елейным. Этот голос был глубже, сильнее, с намеком на возможную грубость. Скорее голос тюремного надзирателя, а не прислуги.

Как же его звали? Альберт? Альфред? Ангес? Рональд? Дональд?

Арнольд, как Мэтью Арнольд, Томас Арнольд, Арни, Арнольдо, Арнольд. Точно. *Арнольд*.

— В чем дело, Арнольд? — выпалил он.

— Ваш билет, — настойчиво повторил проводник. На воротнике у него, как у полицейского, поблескивал неправильный, устаревший металлический значок ЛШАЖ.

— Вы должны все время иметь при себе билет и быть готовы предъявить его для проверки.

— Мой билет вы уже проверяли в Юстоне, — сказал Катли, шаря по карманам.

Обыскав себя, Катли обнаружил автобусный билет от Эссекс-роуд до вокзала Юстон; корешок билета в кино (кинотеатр «Эссольдо», 1 ряд, 9 место, «Голые, как задумано природой»); ярлычок, который прикололи внутри пиджака, когда он последний раз сдавался в чистку три года назад; пачку листков с заметками для лекции, которую он так и не прочитал, приглашение на обед в честь тридцатилетия службы Кокс-Фокса; вырванную из «Книги общей молитвы» страницу с нацарапанными на краях

теоремами; несколько связанных носовых платков из реквизита фокусника, которые, наверное, ради смеха подложила ему какая-то сволочь; карту таро «Повешенный», которую ему подсунили в качестве предупреждения эти проклятые последователи культа пумы; его табель из начальной школы (сплошные «Посредственно»); просроченную продовольственную книжку; французскую открытку, когда-то присланную Мюриэль; документы на развод; подписанную фотографию Сабрины; турецкую купюру; картонку с пришитыми запасными пуговицами; листок, вырванный из календаря на следующий год, и первое издание «Безумного дома» Томаса Лава Пикокка, которое он когда-то взял в библиотеке Бричестерского университета, да так и не сподобился вернуть, хотя мог голову дать на отсечение, что книжку эту он оставил в доме, который каким-то образом перешел Мюриэль, когда она с ним развелась. Но билета на поезд не было.

— Это не ваш? — спросил Арнольд и показал ему картонный прямоугольник.

Катли разозлился еще больше. Это уже было смешно.

— Если он все это время был у вас, почему вы сразу об этом не сказали?

— Мы должны проверять такие вещи.

Катли обратил внимание, что кондуктор перестал добавлять при обращении «сэр». Прежде чем взять протянутый билет, ему пришлось распахнуть разнообразные находки обратно по карманам. Даже если бы он отложил вещи, которые можно было выбросить, все равно было бы чертовски сложно поместить оставшееся в пиджак, который с каждой минутой становился все более мешковатым и тяжелым.

Арнольд молча наблюдал за ним, протягивая билет.

Вагон за проводником уже снова почти опустел. Джеперсон, Анетт и Волшебные Пальчики сидели в самом дальнем углу и беззаботно поглощали мороженое или какой-то другой изысканный, тошнотворно-сладкий десерт. Ничего такого в его продовольственной книжке не было, желчно подумал он.

Наконец он разобрался с вещами, только использованный автобусный билет и билет в кино пришлось вложить в Пикокка. Книжку он сунул в боковой карман, при этом разорвав с громким треском шов. У него в запасе имелся набор пуговиц, но нитки с иголкой не было. Мюриэль всегда носила у себя на одежде иголку с уже вдетой ниткой, на всякий случай. Но ее в вагоне-ресторане уже не было. Наверное, ушла в купе к какому-нибудь кобелю и уже стояла перед ним на коленях, упрашивая взять ее. Корова! Шлюха!

— Что вам еще нужно? — воскликнул он, вырывая билет у Арнольда.

— Мне нужно удостовериться, — невозмутимо ответил проводник. — Это не ваше место. Этот вагон только для пассажиров первого класса.

Как типично! Эти наглые мелкие гитлеры думают: если на них синяя форма, *немного* похожая на полицейскую, они имеют право указывать всем, что делать и где находиться. Одного взгляда на Гарри Катли им хватало, чтобы понять: он не из тех людей, кто привык видеть на столе розу на длинной ножке и серебряные ножи. Не из тех, кто привык, чтобы даже мороженое им подавали, чуть ли не ползая на коленях. Только на этот раз Гарри Катли *был* одним из них. В рваном, мешковатом, заштопанном пиджаке Катли был пассажиром первого класса. У него имелся билет на первый класс. Куплен он был

не за его деньги, но он у него *имелся*! С видом оскорбленного достоинства он помахал билетом перед носом проводника.

— Что здесь написано, милейший?

— Прошу прощения, — отозвался Арнольд тоном, очень не понравившимся Катли. — Где что написано?

— На билете, болван! Что написано на билете?

— Третий класс, — ответил проводник. — Где вам, прошу прощения, и следует находиться. Это не ваше место. Вам здесь будет неудобно. Вы все время будете думать о своих... э-э-э... невысоких доходах.

Катли посмотрел на билет. Это, должно быть, шутка.

— Это не мой, — растерянно произнес он.

— Вы говорили, что ваш. Вы узнали его. Прошу вас не устраивать сцену в вагоне-ресторане первого класса.

— Первого класса! Я бы не назвал черствый пирог со свининой на ужин обслуживанием первого класса!

— Питание в третьем классе, возможно, будет больше соответствовать вашему вкусу. В меню булочки, галеты, яичный порошок, рыба, мясные консервы. А теперь пойдемте. Вот, так-то лучше.

Арнольд, как будто увеличившись в росте, встал между ним и кабинкой, в которой остальные пили коктейли с шампанским. Катли попытался привлечь к себе их внимание, но Арнольд покачнулся и закрыл его от них. Катли хотел было пойти напролом, но проводник положил ладони на его плечи.

— Я должен просить вас вернуться на свое место.

— Сволочь! — бросил Катли прямо в невозмутимое лицо.

Арнольд обеими руками схватился за его лацканы. Откуда же взялся кулак, который погрузился в его живот?

Катли сложился пополам, слыша, как с треском отрывается один из лацканов. От боли у него свело кишки. Понимая, что дело серьезное, он попятился к двери в торце вагона. За ней находился второй класс, но и там ему было не место. Ему следовало находиться в самом конце состава, рядом с багажом и почтой, может быть, даже с живыми курицами и семьями неприкасаемых, сидящих на своих перевязанных веревками чемоданах. Он должен был смешаться с толпой, стать одним из серой массы ублюдков и сук. Там его место.

Но там были и вещи, которые он мог использовать. Он знал, где они находятся. Он случайно услышал это в Юстоне.

Ружья старухи!

Прихрамывая, он вышел из вагона-ресторана в темноту.

IV

— Что это с Гарри? — спросил Ричард.

— Расстройство желудка? — предположил Майлз Волшебные Пальчики.

— Я схожу за ним, — сказала Анетт, складывая салфетку. — Нам нужно держаться вместе.

Ричард коснулся ее руки. Инстинкты его тут же проснулись и насторожились. Он сразу почувствовал, что она тоже напряглась.

Гарри промчался мимо несколько удивленного Арнольда и выбежал из вагона.

— Ты оставайся, я схожу, — сказал Ричард.

Он встал. Анетт должна была восхититься его мужественным поведением. Она излучала какую-то старо-

модную гордость, как будто он был школьником, который не побоялся выйти на поле против лучшего бэтсмана из выпускного класса. Правда, он ожидал не совсем этого.

На Гарри Катли что-то нашло, когда он жевал пирог. Вовсе не обязательно, что это был феномен, достойный внесения в папку и заполнения бланка. Но что-то, появившееся в его глазах, когда он отшатнулся и закашлялся, говорило о том, что он видел то, чего не видел Ричард. Что-то захватило его. Даже напало на него.

— Ваш друг, сэр, — с беспокойством в голосе произнес Арнольд. — Кажется, ему стало плохо.

— Что он вам сказал?

— Ничего особенного, сэр.

— Я о нем позабочусь, спасибо, Арнольд.

— Хорошо, сэр.

Каждый раз, когда Ричард заговаривал с Арнольдом, ему приходилось подавлять в себе желание дать ему на чай. Может быть, подразумевается, что в конце путешествия нужно пожать ему руку и сунуть десятку? Он прошел по всему вагону, покачиваясь в такт движущемуся поезду. Он уже начал привыкать к «Шотландской стреле». Теперь ему приходилось сосредотачиваться, чтобы услышать стук колес, мерную работу локомотива, негромкое позвякивание столовых приборов и посуды. Теперь эти звуки его даже успокаивали. Как говорила Катриона Кайе, в самых опасных домах с привидениями ты всегда чувствуешь себя очень спокойно.

Гарри, когда уходил, натолкнулся на миссис Свит. Ричард хотел поговорить с ней, но, когда он направился к ней, она зыркнула на него так, что он понял: в ее глазах он воплощает вызов всем устоям, в которые она верила. Настоящие убийцы носят солидные костюмы от «Бертон», а вид

имеют такой, что им хочется довериться. Так они сближаются с жертвами. Ричарда несколько тревожило то, что миссис Свит может иметь дополнительное оружие — какой-нибудь карманный «дерринджер» за резинкой чулка или «пепербокс» в ридикюле — на тот случай, если раненая куропатка упадет достаточно близко и ей понадобится снести голову одним убийственно-точным выстрелом. Этот поезд внушал людям странные мысли. Она, чего доброго, может захотеть и его подстрелить.

Благополучно миновав миссис Свит, он обернулся и посмотрел через ее плечо на Анетт и Майлза, после чего перешел в вагон второго класса. Он заглянул в туалет, но Гарри там не нашел. Зато заметил треснувшее зеркало и вздрогнул при виде существа с лисьим лицом, оленьими рогами и дыркой во лбу, из которой вытекала кровь. «Таковыми нас видят остальные», — понял он.

Вагон был пуст. Коридор не освещен. Спальных мест во втором классе не было, но здесь имелись стандартные купе, приспособленные для шести человек, в которых при необходимости могли разместиться и все десять. Благодаря темноте можно было увидеть, что находится за окнами. Этот отрезок пути проходил через древний лес. Ветви деревьев смыкались у самой колеи, касаясь листьями проносившихся вагонов.

Ричард прошел через весь вагон, заглядывая в каждое купе. Шторы везде были подняты. На одном сиденье возвышалась груда старых тряпок, которая могла быть спящим пассажиром второго класса, хотя было еще довольно рано, чтобы укладываться спать. Когда он посмотрел на сиденье еще раз, там никого не оказалось. Он был не настолько глуп, чтобы попасться на подобные фокусы, поэтому посмотрел еще раз. Что бы ни находилось

на этом сиденье, оно вернулось в свою нору. Ричард только надеялся, что там оно и останется.

Это не мог быть призрак Крикуна Малтринчема с перерезанным горлом. Порочный виконт не мог оказаться во втором классе, даже мертвый. На локомотиве № 3473-S призраков и без него хватало. Может быть, лорд Килпартинджер снова появился? Или обесчещенный старый Дональд Мак-Ридли (если, конечно, он мертв)? Безголовый кочегар? Кто-то из пассажиров, погибших в 1931 году? Одна из утопленных в Лох-Гаэре ведьм?

Пока он осматривал вагон, стало темнее. Оглянувшись, Ричард увидел, что стекло в двери между вагонами стало непрозрачным (кто-то опустил шторку?), и вагон-ресторан теперь был не виден.

— Гарри! — позвал он, чувствуя себя ужасно глупо.

Что-то пробежало мимо туалета. Быстрые, легкие шаги. Это точно не был неуклюжий Гарри Катли. Это могла быть большая кошка. Железнодорожники ведь держат кошек. В «Матушке Опоссум» была кошка. Правда, обычно их держат на вокзалах, а не в поездах.

Еще Катриона Кайе любила повторять, что иногда наблюдатели сами порождают призраков, а некоторые места просто облачают их в видимую форму. Разве за Гарри до сих пор не охотился кто-то из членов культа пумы? Разве Анетт не беспокоит что-то, связанное с войной? Ее «оно», ее Самое Страшное? Некие сущности улавливают твой самый жуткий кошмар, твои худшие воспоминания и самые темные тайны и бросают их тебе в лицо. Но ничто не выискивает в тебе минуты наивысшего счастья, затаенные мечты и самые захватывающие сны, никто не преподносит их тебе на тарелочке. Как там Волшебные Пальчики назвал это? Закон подлости?

Ричард вспомнил отцовский совет, как отделаться от тигра, если ты безоружен. Нужно сильно ударить его по носу, как будто ты стучишь в дверь. Всего один раз. Это покажет, что тебя нельзя беспокоить. После этого большая кошка убежит, как котенок, на которого брызнули водой, отложив твое убийство, растерзание и поедание на другой день. Пума — это всего лишь уменьшенный вариант тигра, поэтому совет майора Джеперсона на нее тоже должен подействовать. Разумеется, отцу никогда не приходилось испытывать этот способ защиты от тигров на практике. Эта мудрость передавалась в семье из поколения в поколение, никто ее не проверял, но с ней было спокойнее.

— Гарри?

Теперь уж Ричард чувствовал себя совсем как идиот. Едва слышная легкая поступь не могла принадлежать Гарри Катли.

Он вернулся по коридору мимо купе (тряпичного вораха все еще не было) к туалету и двери в соседний вагон. Шел он расслабленной походкой, сдерживая желание закричать и броситься бежать. Пума была кошмаром Гарри, а не Ричарда Джеперсона.

На пятачке между туалетной кабинкой и дверью никого не было. Так он думал. Ричард положил руку на дверную ручку, но затем убрал ее. Нельзя возвращаться к Анетт и Майлзу без известий о Гарри, но уходить дальше по вагонам, не сообщив им о своем видении, даже если это могло вызвать шум, тоже не хотелось. Фактически главным в их группе был Гарри, и, уходя, он должен был оставить инструкции. Не то чтобы Ричард стал бы им следовать. Вот если бы это был Эдвин Винтроп, тогда другое дело. Или Катриона Кайе, хотя она никогда никому

не давала инструкций. Она только предоставляла информацию и деликатно подталкивала в нужном направлении.

Снова в голове заблеял жиденький голосок: он всего лишь юноша, он не готов к этому, он даже не знает точно, что это. К черту нытье, сказал он себе строго, стараясь повторять интонации Эдвина или отца. Ты член клуба «Диоген». Ты вхож в святая святых. Ты потенциальный Самый ценный член клуба. Тебя к этому готовили. Ты один из *чувствующих*, Талант.

Щелк. Он скажет Анетт, что Гарри ушел далеко по вагонам, потом предложит подключить к поискам Арнольда. Это же поезд, здесь невозможно исчезнуть (правда, лорду Килпартинджеру это удалось). Гарри просто где-то выблевывал свой пирог, его не пленил безголовый кочегар и не растерзал призрак пумы.

Ричард открыл дверь. И оказался не в вагоне-ресторане, а в спальном вагоне первого класса, освещенном тусклыми, мерцающими под потолком лампами.

В конце коридора, у открытой двери одного из купе, стояла маленькая фигура в голубой пижаме, украшенной космическими ракетами, спутниками, лунами и звездами. К шее ее была крепко привязана бирка. Пышные рыжие волосы ниспадали на грудь, почти скрывая лицо. Был виден только один глаз, и он смотрел на него.

Как звали эту девочку? Он был таким же забывчивым, как Гарри.

— Ванесса? — вспомнилось ему. — Почему ты не спишь?

Отложив на время загадку исчезнувшего вагона-ресторана, он подошел к девочке и присел перед ней, убрав волосы с ее лица. Она не плакала, но что-то явно случилось. В ее облике он увидел пустоту, которую

он прекрасно знал, потому что сам был наделен такой же. Он изобразил улыбку, и девочка не скривилась в ответ. По крайней мере, она не считала его оборотнем, чья голова может украсить стену над камином. Она не засмеялась в ответ.

— Что случилось?

— Сны, — сказала она, обняв его за шею на удивление крепко и приблизив губы к самому его уху. — Плохие сны.

V

— ...И потом, цыпленок, их стало двое.

Волшебные Пальчики с сожалением подумал, что знаменитые удобства «Шотландской стрелы» не включают кофеварки эспresso. Он мог бы с помощью порции кофе наполнить энергией старую серую губку, разбудить сверхчувства и заставить их работать сверхчетко. Как большинство сов, он жил на кофе.

Анни, сложив губы, посмотрела на дверь, за которой исчез сначала неудачник Гарри, а потом малыш.

— Ты говорила, что нам не следует разделяться, и была в этом очень даже уверена, — сказал он. — Нужно было занять круговую оборону.

— Ты не помогаешь, — сказала она.

Он заразился от нее волнением? Когда Анни что-то было непонятно, все вокруг обливались холодным потом. Такова обратная сторона ее таланта.

— Спокойнее, спокойнее, — сказал он. — Добавь ледка.

Она кивнула, понимая, что он имеет в виду, и попыталась последовать его совету. У нее в голове существо-

вал переключатель, который отключал рецепторы, отвечающие за страх. Без него она бы не пережила войну.

Дэнни Майлз во время войны был слеп. Его вместе с другими жителями Ист-Энда эвакуировали на живописные просторы Уэльса. За свои первые двенадцать лет он научился ориентироваться в родном районе Стритем по звукам, запахам, прикосновениям и вкусу, но новая обстановка (холодные порывы ветра, речь такая, что язык сломаешь, бутерброды с жареными водорослями на ужин) превратилась для него в лишенный каких бы то ни было ориентиров ад. Он сбежал с фермы мистера и миссис Джонс и *на ощупь* вернулся через три графства домой. Но, добравшись до своей улицы, он узнал, что ее уже не существует, а его мама и тетя Брид уехали в Брикстон. Множество лондонских детей убегали из деревень и сел, куда их отправляли на время немецких бомбардировок. Многие бежали не от бутербродов с водорослями и уик-эндом в скучной церкви, а от непосильного труда или издевательств, но, как правило, они были зрячими. Его путешествие длилось девять дней. Мама сначала не могла решить, что с ним делать, то ли отправить обратно к Джонсам с биркой на шее, то ли оставить в Лондоне и прятать его во время налетов в бомбоубежищах.

Поскольку Дэнни родился слепым, ему было трудно понять саму *идею* слепоты и осознать, что его сверхчувства являются чем-то необычным. А потом в его мозгу как будто щелкнул выключатель. Никаких чудесных операций, никаких ударов по голове, никаких целителей и религиозных наставников — словно перед ним неожиданно распахнулась дверь. Когда это случилось, в городе как раз было затемнение, так что видеть особо

было нечего... Пока не взошло солнце. После этого он, наверное, целую неделю орал, как сумасшедший. Вначале яркий новый мир в его глазах оттеснил привычные звуковые и осязательные шаблоны, которыми он привык обходиться, но, когда все успокоилось, оказалось, что слух его необычайно обострился. Вскоре он уже умел играть практически на всех музыкальных инструментах. Тогда-то он и заработал прозвище Волшебные Пальчики. А потом на сцену вышел Эдвин Винтроп, им заинтересовался клуб «Диоген», и он был признан наделенным талантом.

Он уже много лет занимался этим делом. В 1953 году он разоблачил фантома «Фестиваля Британии». Потом сорвал планы Банды Безумных. Снял взрыватели с последних бомб психологической пропаганды Геббельса. Очистил Лондонский зоопарк от призрачной гориллы и обезьянки Армады. Но это было не основное его занятие, хоть оно и превратилось для него в привычку. Некоторые джазмены глотали таблетки, играли на тотализаторе, спускали деньги на выпивку или гонялись за юбками. Он боролся с привидениями и прочей бесовщиной. И не с теми призраками, которые пугают людей старыми тряпками, а с теми, кто может укусить в ответ. С такими, как пожиратели сердец. Как локомотив № 3473-S. Последний случай был непростым. Хуже фантома. Хуже призрачной гориллы. И он знал это. Анни и малыш тоже знали это, но у них не было сверхчувств. Они не могли осознать, насколько это на самом деле было страшно. Даже не страшно — жутко.

— Опять ты за свое, — проворчала Анни.

Он понял, что барабанит пальцами. «Стелла при свете звезд». Песня о призраке. Он перестал стучать.

Руки болели. Четко рассчитанный удар крышкой пинино должен был дать ему понять, кто здесь хозяин. Оба больших пальца онемели, костяшки распухли и налились кровью. Он растопырил пальцы на скатерти и спокойным тоном произнес:

— Ой, больно.

Анни захихикала.

— Это и правда больно. Что бы ты чувствовала, если бы у тебя отвалилось лицо?

Она на мгновение замолчала, потом сказала:

— Немногое.

— Эти руки — мое богатство. Я на ночь их заворачиваю в вату. Если бы я мог, я бы застраховал их на огромные деньги. Этот... этот *поезд* целился в них, как птицы целятся в глаза. Сечешь?

— Самое страшное, что может быть.

— В точку, мать.

— Не называй меня матерью. Я не намного старше тебя.

Малыш уже должен был вернуться, но пока что не показывался. И Гарри Катли потерялся где-то в поезде.

Волшебные Пальчики устремил взгляд в противоположный конец вагона. Над одной из кабинок витал сгусток старушечьей энергии. Самой старухи там уже не было, хотя он не видел, как она уходила. Арнольд, этот кондуктор-официант-мажордом-верховный жрец, тоже сделал ноги. Во всем вагоне они с Анни остались одни.

Стук колес и качка действовали ему на нервы, как навешивающий тоску городской джаз. Сплошная нескончаемая синкопа! Повторение нот без мелодии.

Поначалу движение было гладким, как скольжение по зеркальному озеру. Но теперь воды были засыпаны

камнями. Ножи и вилки подпрыгивали на столе. В окнах дребезжали стекла. Скатерть немного сползла со стола, и ее пришлось прижать к столешнице, чтобы она не стянула посуду на пол.

Он чувствовал это зубами, кишками, горлом. Скорость, безрассудная скорость. Эта тварь могла в любую секунду съехать с рельсов.

Темные окна как будто кто-то вымазал снаружи густой синей краской и повесил на них черные шторы. Даже подойдя окну, он не увидел ничего, кроме собственного растянутого отражения в стекле.

Они не проезжали через туннель, они могли нестись на всех парах по эстакаде над пропастью, по беззвучно рассыпающимся под ними рельсам. Одни в этой темноте.

Он поднял руку и прикоснулся кончиками пальцев к стеклу, получив пять отчетливых ледяных уколов. Прикосновением он пользовался очень осмотрительно, но сейчас было подходящее время.

— Есть что-нибудь? — спросила Анни.

Он покачал головой, но стал прислушиваться к стеклу. Оно казалось плотным, как кристалл, и с прожилками. В нем чувствовались дрожь боли и музыка поезда, бибоп с высокими нотами, тревожные свистки и уханье зловещего баса. Это было сердцебиение локомотива № 3473-S, его пульс.

Острая боль пронзила его руку и прошла через каждую из косточек кисти.

Он стоял, прижимая ладонь к оконному стеклу и расставив пальцы. Боль толчками входила в него, сначала в кисть, потом в предплечье... Потом локоть и плечо.

Анни сидела с открытым ртом, не шевелясь. Застыв.

Нет, он почувствовал на запястье ее пальцы в перчатке. Услышал запах ее духов, близко. Прикосновение ее волос, ее тепло, совсем рядом.

Но при этом он видел, что она сидит за столом совершенно неподвижно.

Как будто глаза его сделали моментальный снимок и теперь показывали ему картинку прошлого, в то время как остальные чувства продолжали ощущать то, что происходило на самом деле. Он пошевелил головой, изображение в глазах не изменилось.

Анни что-то говорила ему, но он не понимал ее слов. Она говорила на французском? Или на валлийском? Во рту появился вкус водорослей. Он услышал грохот поезда, музыку локомотива № 3473-S, которая постепенно становилась все громче и громче.

Картинка изменилась. Перед глазами появилась новая фотография.

Анни пыталась помочь, встав одним коленом на стол и обхватив двумя руками его запястье. Лицо ее перекосилось от усилия.

Но он уже перестал чувствовать ее руки, перестал ощущать ее запах.

Если глаза говорили ему, что она рядом, все остальные чувства указывали на то, что она ушла.

Зрение показывало ему набор застывших изображений, как слайды в церковном зале. Он как будто находился в кинотеатре, в котором проектор выбирал и задерживал на несколько секунд отдельные кадры, а звук шел своим чередом.

К музыке поезда присоединился крик.

Анни стояла в проходе, приподняв маленькие кулаки и открыв рот. В воздухе вокруг нее кружилось нечто, на-

поминающее темный смерч. Птицы или летучие мыши,двигающиеся слишком быстро для того, чтобы их можно было запечатлеть на фотографии.

Крик оборвался, но Анни по-прежнему стояла, замерев в крике. Что-то сломалось.

В следующей картинке она лежала бесформенной кучей в одной из дальних кабинок с треснутым матовым стеклом. Руки и ноги перекручены, платье сбилось.

А потом окно отпустило его. Ему показалось, что с его ладоней сорвали кожу и теперь они сочатся кровью.

Кто-то, не Анни, говорил, бубнил непонятные слова, пел джазовым скатом. Мелодию он не мог уловить.

Он решил дождаться следующей картинке, чтобы узнать, кто это, но изображение застыло и не менялось, как он ни тряс головой. Он отошел от окна и больно ударился бедром о край стола. Потом стал на ощупь пробираться вдоль ряда кабинок, продолжая видеть то, что видел, находясь у окна. Пытаясь представить свое положение в стоящей перед глазами картинке и перебирая руками спинки стульев, он шел к Анни, к тому месту, где она находилась в его застывшем видении.

Раздался звук тяжелого удара, и к безостановочному бормотанию присоединилось шипение.

Он остановился, покачиваясь вместе с движением поезда, как хипстеры, которые не танцуют, а кивают головами и двигают плечами под джаз. Он подсчитал, что должен уже находиться в трех кабинках от окна.

А потом свет вспыхнул и погас.

Картинка наполнилась коричневыми оттенками и стала похожа на старую фотографию, за которой горит ровное пламя, а потом коричневый цвет сгустился в черноту.

Он зажмурил и снова открыл незрячие глаза. Руки его лежали на спинках стульев, так он лучше чувствовал вещи, чем когда его обманывали предательские глаза. Слух оставался таким же острым, как прежде. Бормотание отвлекало внимание. Это был просто шум, не имеющий источника. С ним не соотносилось никакое тело, ничто не смещало воздух, не поднимало или не понижало температуру, не пахло одеколоном или сигаретами. В вагоне находился еще лишь один дышащий человек, Анетт Амбуаз. Она либо спала, либо была без сознания. Кроме них внутри зверя никого не было.

Ощущения были непривычные. Слепота с воспоминанием о виденном. Как будто на всем вокруг были поставлены пометки мелом, а потом стерты, но разум его сохранил их и теперь использовал как ориентиры.

На зрение это похоже не было, но он знал, что где находится.

Столы, стулья, розы в тонких вазах, окна, двери, проход между кабинками. Под ногами — ковер. Под ковром — пол вагона. Под ним — голодные колеса и старые-старые рельсы.

В темноте прорисовались фигуры. Сидящие за столами. Белые облака, похожие на яйца или бобы размером с человека, согнутые посередине, безрукие, безногие, безликие. Он услышал звон ножей и вилок, чавканье и сопение. В следующем вагоне терзали пианино. Похоже, кто-то в рукавицах пытался аккомпанировать пьяному хору, распеваящему «Двенадцать пророков». Это происходило не сейчас. Это происходило до войны.

Это была «Шотландская стрела» лорда Убилпассанджира.

Как далеко до убийственного моста?

Он не чувствовал никаких запахов. Это было гораздо хуже, чем внезапная слепота. Он знал, что может обойтись без глаз. В конце концов, он когда-то так добрался из Уэльса в Лондон. У него имелись волшебные пальцы.

Кто-то звал его из очень отдаленного места.

Сейчас во рту у него стоял вкус водорослей. В Лондоне при карточной системе масла было не сыскать. Вместо масла его мама использовала какой-то жир, который нужно было замешивать в чане. В Уэльсе, где повсюду были фермы, масла было хоть отбавляй, но мистер и миссис Джонс не верили в масло. Так же, как они не верили в горячую воду. И в постельное белье — тонких покрывал из лошадиной шерсти, которые царапались, как сеть, сплетенная из крошечных крючков, им вполне хватало. И в любую музыку, кроме церковного органа. Когда Дэнни начинал барабанить пальцами, он получал по рукам. Он не должен был вставать из-за стола, даже если ему было нужно пройти десять шагов по двору до туалета, пока не съест все и не поблагодарит Господа Бога нашего за Его щедроты.

Почти каждый вечер он сидел за обеденным столом, борясь с мочевым пузырем и языком, через силу глотая невкусную еду и пытаясь не замечать, как во рту все немеет, пока пища наконец не оказывалась в желудке. «Умница, — говорила тогда миссис Джонс. — Благослови, Боже, хлеб, благослови, Боже, ребенка».

В вагоне-ресторане на каждом столе были бутерброды с жареными водорослями.

Дверь в торце открылась, грохот, ворвавшийся из заткнутого парусиной промежутка между двумя вагонами,

стал громче на несколько децибелов. В лицо ему ударил холодный порыв воздуха. В вагон-ресторан вошел кто-то, перемещающий *большую* массу воздуха. Вошедший двигался осторожно, как толстяк, который знает, что пьян, но должен произвести впечатление на лорд-мэра.

Серовато-белесое облако проступило из темноты и поплыло на Дэнни. Меловые черточки и неоновые закорючки, похожие на те, что видят зрячие на внутренней стороне век, слились в огромное брюхо, обтянутое одеждой с вертикальными полосками, — гигантская фуражка проводника, щербатая круглая луна. Дэнни видел широкого человека так, точно тот стоял на сцене в луче прожектора или был вырезан из фотографии и наклеен на черный фон.

Он узнал лицо.

Огромная лапа, вся в мазуте, протянулась к нему.

— Джилклайд, — прогремел голос, наполнивший его череп. — Лорд Килпартинджер.

Не зная, как поступить, Волшебные Пальчики подал руку. Обезьянья лапа с пальцами-бананами сомкнулась на ней и сжала с ломающей нервы и крушащей кости силой.

Боль заслонила все — он снова оказался в темноте, чувствуя руками, а не глазами его светлость в костюме Кейси Джонса. Боль прожгла огнем руку.

Перелом. На конце запястья повисла безвольная скомканная тряпка.

А потом боль исчезла. Он перестал слышать звуки, ощущать запахи и чувствовать вкус.

Впервые в жизни он не чувствовал ничего.

VI

Даже если принять на веру предположение, что все смирные английские дети — инопланетяне, в Ванессе было что-то особенное.

Она заставила Ричарда почувствовать себя так, как взрослые, даже те, кто входил в клуб «Диоген», чувствовали себя рядом с ним, когда он был юнцом. Поначалу они держались настороженно, потому что он одевался подобно тем подросткам, которые, по мнению «Дейли мейл», могут ударить в лицо, хотя, насколько он знал, стилиги были милейшими созданиями, и самые жестокие побои, которые ему пришлось испытать на своей шкуре, наносили ему одетые в безукоризненно опрятную форму школьные старосты. Пройдя эту стадию, люди просто пугались, потому что он чувствовал вещи, видел вещи, знал вещи.

А теперь он знал о Ванессе.

Он даже почти боялся ее. И это тот человек, который принимал даже самое невероятное без вопросов.

Шерлок Холмс, брат основателя клуба, говорил: «Отбросьте все невозможное; то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался». Менее известно продолжение Майкрофта: «А когда отбросить невозможное не получается, обращайтесь в клуб “Диоген”». Джон Ватсон в своих записках об этом не пишет, но в архивах клуба есть упоминание о том, что великий сыщик несколько раз заходил в тупик и передавал дело своему современнику Карнакки — искателю привидений.

Очень маловероятно, что какой-нибудь фокусник-исполин мог поменять местами вагоны (или создать подобную иллюзию), пока поезд продолжал нестись

сквозь окутанные ночью просторы. В архивах не было недостатка в рассказах об исчезновении предметов из закрытых помещений и тому подобных тайнах. По какой-то причине особо богатыми на них были 1920-е и 30-е годы. «Шотландская стрела» была родом как раз из той эпохи, поэтому можно предположить, что для каких-то целей ее построили так, чтобы осуществлять в ней некие ошеломляющие исчезновения. Впрочем, верилось в это с трудом. Ричард не понимал *смысла* подмены вагонов, а бессмысленность являлась частым признаком сверхъестественного. У домов с привидениями имелись «предательские» двери, ведущие в разное время в разные помещения. Какой-нибудь всезнайка, например Гарри Катли, мог бы предположить, что в поезде с привидениями окажется нечто в таком же духе. Однако таинственные перемещения до сих пор в поездах зафиксированы не были.

И где все? Гарри пропал. Последний раз его видели идущим в сторону вагона третьего класса. Анетт и Майлз остались в перемещенном вагоне. Проводника Арнольда, ранее вездесущего, нигде не было видно.

А остальные пассажиры остались на своих местах, там, где им и положено быть? Очень легко отвлечься на все эти фокусы, но целью всего предприятия была защита американских курьеров.

В трех купе были опущены шторы и висел знак «Не беспокоить». Одно занимала Анетт, но ее там не было. Во втором ехала Ванесса, но она стояла рядом с ним.

Загадка. Кроме курьеров здесь должны были находиться миссис Свит и зловещий священник (который наверняка и является шпионом). Они все не могли собраться в одном купе, чтобы поиграть в вист на ядерные ракеты.

Теоретически для таких ситуаций у британского правительства должны иметься другие агенты, с лицензиями на убийство, взрывающимися запонками и прочим арсеналом. При крайней необходимости Ричард мог вмешаться. Клуб время от времени оказывался вовлеченным в «обычный» шпионаж еще со времен Большой игры правительства королевы Виктории. Во время Первой мировой Эдвин служил разведчиком в авиации («Нет, это не я сбил проклятого Красного Барона. Я всего лишь фотографировал с заднего сиденья двухместного самолета, но, между прочим, каждый из этих снимков отправил на тот свет больше немцев, чем все так называемые асы вместе взятые»), до того как продолжил дело Карнакки.

— Ты не видела американцев? — спросил он девочку.

Она с важным видом покачала головой и выпятила нижнюю губку. Он хотела, чтобы больше внимания уделялось ей.

Ричард еще раз посмотрел на бирку.

— Кто такой капитан-лейтенант Александр Коатс?

Она пожала плечами: не знаю.

— Ты говорила, что он тебе не папа. А где твои родители?

Плечи опять шевельнулись.

— Неразговорчивая ты, — вздохнул он. — А где ты живешь? Обычно?

Тихий неразборчивый звук, как будто девочка не привыкла разговаривать, как какой-нибудь Каспер Хаузер в пижаме космонавта.

— Что-что, дорогая?

— Не помню, — сказала она.

Ричард ощутил прилив жалости, но почувствовал он и тревогу, уж слишком сильно это походило на его

собственную судьбу. Если поезд сумел воссоздать самые страшные кошмары Анетт и Гарри, он может подобраться и укусить и его.

— А какая у тебя фамилия, Ванесса?

Очередное «не помню».

— Но у тебя должна быть фамилия, если ты не Коатс. Ванесса..?

Она покрутила головой, качнув косичками.

— Хорошо, значит, пусть будет просто Ванесса. Ванесса — хорошее имя. Это не имя святой. Оно не было позаимствовано у старины, не оттачивалось, переходя из языка в язык, как мое. Ричард, которое произошло из древнегерманского «рико гардуз», что означает «смелый вождь». Оттуда же появились Рикардо, Рихард, Дик, Дики, Дикон, Рич, Ричи, Ричард Горбун и Ричард Львиное Сердце. А твое имя, как имена Памела, Венди и Уна, появилось не так давно. Кстати, его придумал Джонатан Свифт. Ты знаешь, кто это?

— Он написал «Путешествия Гулливера».

Значит, что-то она все же помнила.

— Да. Он выдумал это имя как краткую форму другого имени (ну вот как вместо Ричард говорят Дик) для ирландской девушки, которую звали Эстер Ваномри.

— Кто она такая?

— Ах, она была поклонницей декана Свифта. Примерно как среди современных девушек бывают поклонницы Томми Стила.

— Не люблю Томми Стила.

— Элвис Пресли?

К Элвису Ванесса относилась более благосклонно.

— Мисс Ваномри была самой большой поклонницей Свифта, поэтому он специально для нее придумал осо-

бенное имя. Но ему больше нравилась другая Эстер, Эстер Джонсон, которую он называл Стелла. Я думаю, он придумал эти имена, чтобы не путать их. Стелла и Ванесса не любили друг друга.

— Они дрались?

— Можно и так сказать. Они боролись за внимание Свифта.

— Ванесса победила?

— Не совсем, милая. Они обе умерли, так и не получив его. Да он не очень-то и хотел кому-то доставаться.

Лучше не упоминать, что писатель мог жениться на Стелле.

Но что это? Он не собирался становиться учителем, и все же начал вспоминать самые неожиданные вещи для этого любознательного молчаливого ребенка. Разговор с ней успокаивал его.

— А мы кому-то достанемся?

— Боюсь, что это возможно.

— Я не хочу. Сделай так, чтобы я никому досталась.

— Конечно. Если смогу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Ванесса улыбнулась ему. Ричард с беспокойством подумал о том, что дал слово, когда не понимал, что происходит вокруг. Он может оказаться не в силах исполнить обещание.

Но он чувствовал, что это важно.

Ванессу во что бы то ни стало нужно было сохранить.

Они стояли рядом с купе, на двери которого висел знак «Не беспокоить». Рядом Ричард заметил приписку: «До Портнакрейрана». Штора на двери была опущена не до конца, и в купе проникала полоска света. В ней он

увидел бледную руку, свисающую с нижней полки, соединенную тонкой цепочкой с портфелем на полу. Это был один из курьеров.

Во всяком случае, с ними ничего не случилось.

Ванесса устремила взгляд в щель и долго всматривалась.

— Отойди, — сказал он. — Пусть добрые американцы поспят.

Она повернулась и посмотрела на него.

— Они добрые?

— Нет, но они важные. Лучше не трогать их. Мне сначала нужно найти других людей.

— Друзей? Красивую тетю, сердитого дядю и слепого?

— Дэнни не слепой. Сейчас не слепой. Как ты узнала, что он был слепым?

Она пожала плечами.

— Просто почувствовала, наверное, — подсказал Ричард. — Да, их. Я оставил их в ресторане, но... похоже, ошибся вагоном. Раньше ресторан был там. — Он указал на дверь между вагонами. — Теперь его там нет.

— Глупости, — сказала она. — Вагон не может потеряться.

— Тебе еще многое предстоит узнать.

— Вот и нет, — заявила она, задрав веснушчатый носик. — Я уже и так много знаю.

Ричарду ее тон не понравился. Он мог бы сказать Ванессе, что ее образование не назовешь полным, если она не выучила даже своей фамилии, но это было бы жестоко. Он слишком хорошо понимал, как такое случается.

— Вагон, в котором кушают, находится за той дверью, — сказала она. — Я заглядывала туда раньше.

Она за руку повела его к указанной двери.

— Тут поосторожнее надо, — неуверенно промолвил он.

— Вот глупый, — сказала она. — Идем-идем, мистер Ричард, не бойся.

Когда кто-нибудь, пусть даже маленькая девочка, советовал ему не бояться, он тут же невольно начинал задумываться: сначала о том, чего именно ему не нужно бояться, а потом — достаточно ли хорошо человек, дающий совет, осведомлен о потенциальной опасности или безопасности той ситуации или явления, которых, по его мнению, бояться не стоит?

Лампы в коридоре вагона уже потускнели настолько, что все стало казаться озаренным лунным светом. Стекло в двери, к которой они подошли, выглядело черным, и у Ричарда возникло нехорошее подозрение, что вагоны могли снова поменяться местами и что за дверью их, вероятно, ждет холодный ночной воздух и жестокое падение на рельсы.

Он отпустил руку Ванессы и посмотрел (стараясь казаться увереннее, чем чувствовал себя на самом деле) на дверь. Он был старше девочки более чем в два раза и должен был сам ее направлять. Правда, он не знал своего точного возраста, как и того, до какой степени по-взрослому ему нужно себя вести.

Он заколебался, и девочка легонько подтолкнула его.

У двери шум поезда слышался громче, а пол раскачивался сильнее.

Ричард сказал себе, что должен открыть эту дверь. Потом увидел, что действительно ее открывает.

И едва дверь открылась...

VII

Что-то толкнуло ее с невероятной силой. А потом перебросилось на Дэнни Майлза.

Анетт пришла в себя, лежа на столе. Ее бретельки были прибиты вилками к пластиковой поверхности. Сесть, не испортив окончательно свое платье от «Коко Шанель», она не могла. Это явно было делом рук какого-то адского демона. Или ревнивой жены.

Стол задрожал. Неужели «Шотландская стрела» разваливается на части?

Что-то колющее, похожее на переваренную жилистую спаржу с зубами, лежало у нее на лице. Она сжала зубы, почувствовала выделившийся горький сок и выплюнула инородный предмет. Это была роза на длинной ножке, украшавшая стол.

Она осторожно выдернула вилки, стараясь не разорвать ткань еще больше, и села. На скатерти расплылась лужа влажной липкой крови. Потом она заметила нож, торчавший из ее правого бедра. Чулки были порваны. Она взялась за ручку, удивляясь, что не чувствует ничего, кроме легкого онемения. Как только она вырвала нож, острейшая боль пронзила ногу. Не обращая на нее внимания, она наскоро перевязала рану — еще один полезный навык, оставшийся после войны, — при помощи салфеток и коктейльных палочек.

Соскользнув со стола, Анетт обвела взглядом вагон-ресторан.

Дэнни Майлз сидел на пятачке между последней кабинкой и дверью в торце вагона, обхватив руками ноги и уткнувшись лицом в колени. Он дрожал, то ли от беззвучных рыданий, то ли от движения поезда.

Больше она никого не увидела. Но это не означало, что здесь больше никого нет. Кто-то же пригвоздил ее к столу. И сделано это было слишком аккуратно, слишком продуманно-цинично, чтобы быть результатом стихийного феномена, наподобие заурядного полтергейста. Нет, это сделало нечто, обладающее личностью. Нечто, считающее себя шутником. Наихудший вид привидений, на ее взгляд. Хотя, может быть, это сотворил обычный человек, который уже ушел? Никогда нельзя сбрасывать со счетов людей. Люди без всяких привидений могут творить неописуемые вещи.

Но все же здесь были привидения.

— Дэнни? — сказала она.

Он не услышал. Это настораживало — Дэнни слышал все, даже когда вам этого не хотелось. Он, наверное, нутром чувствовал то, что произносилось шепотом в соседнем здании в комнате с открытыми кранами.

— Дэнни, — позвала она громче.

Потом подошла к нему, чувствуя боль при каждом шаге.

Он не был мертв, увидела она, но от страха забился в свою раковину. Дэнни поднял голову и посмотрел по сторонам невидящими глазами.

Дэнни Волшебные Пальчики Майлз поднял бесполезные руки.

— Конец, — сказал он. — Исчезло.

Она присела рядом с ним и осмотрела его ладони. Все кости целы. Никаких ран она не обнаружила, но его руки были мертвы, как набитые песком перчатки.

— *Salauds boches!* — выругалась она. Ублюдочные нацисты!

Она знала, что было Самым Страшным для Дэнни Майлза.

Голова его дернулась, и он весь сжался, как будто во-круг него летала стая летучих мышей. Он понимал, что кто-то находится рядом, но не понимал, что это она. Все его чувства перестали работать. Он оказался в ловушке внутри собственного черепа.

Анетт взяла его за руки и подняла. Он не сопротивлялся. Она попробовала проникнуть внутрь его раковины, но не словами и даже не прикосновением, а внутренним голосом. Она направила мысленный посыл сквозь костяной щит вокруг его мозга, чтобы успокоить его, пообещать помощь...

Она вдруг подумала, что он уже не станет таким, как прежде, но сразу же скомкала, сжала эту мысль в маленький комочек. Он не должен этого почувствовать, не должен перенять ее отчаяние вдобавок к своему.

Это Анни...

Она попыталась поцеловать его, но лишь размазала помаду. Тогда она крепко обняла его и прижалась к его лбу своим.

Он начал вырываться. Повязка из салфетки сползла с раны. Чтобы не упасть, она схватилась за высокую тележку с несколькими уставленными десертами полками, но та покатилась по проходу, потянув ее за собой. Она ударилась головой о блестящий остов, и на нее, прямо на волосы, потекли взбитые сливки и джемы. Тележка поехала дальше, и она замахала руками, чтобы схватиться за что-нибудь неподвижное...

Дэнни, передвигаясь, как марионетка, прошел мимо нее и, покачиваясь, направился в противоположный конец вагона. Анетт видела раньше людей в таком состоянии: это был либо шок, либо «воздействие».

— Дэнни! — крикнула она ему в спину, но он ничего не слышал.

Анетт поправила повязку. Сколько крови она потеряла? Ступни как будто обросли иголками и булавками. Колено, кажется, перестало правильно сгибаться. И ее пальцы с трудом завязали узел на повязке.

Дэнни уже подошел к концу вагона. Дверь перед ним отворилась — но без его участия, поезд немного *наклонился*, чтобы откинуть ее, — и он провалился в темный проем. Она увидела, как отвороты его брюк и туфли скользнули во тьму, когда он выбросился — или был выброшен — из вагона-ресторана.

Это уже зашло слишком далеко.

Она протянула руку, ввела кисть в углубление в стене и крепко взялась за цепочку стоп-крана.

Она предчувствовала это, и вот ее предчувствия сбылись.

— «Штраф за ненадлежащее использование — 5 фунтов», — прочитала она вслух. — Придется раскошелиться.

Она изо всех сил потянула цепочку, вложив в это движение весь вес своего тела. Но никакого сопротивления не последовало, и она растянулась на ковровой дорожке. Выкрашенную красным цепочку ничто не сдерживало. Из углубления с металлическим лязгом полился бесконечный поток звеньев, укладываясь мотками вокруг нее. Ни шипения, ни визга тормозов, ни толчка.

Ничего. Цепочка ни к чему не присоединялась. Это была фальшивка, как спасательный жилет, нарисованный на стене корабля.

«Шотландская стрела» продолжала лететь вперед.

Мало того, грохот колес стал еще более ужасающим. Холодный ветер трепал липкие волосы Анетт.

Одна из внешних дверей между вагонами была открыта.

В голове промелькнула очередная вспышка. Открытая дверь. Кто-то падает. Разбивается.

— Дэнни! — завопила она.

Путаясь в мотках бесполезной цепочки, она с трудом поднялась. Это было видение ее Самого Страшного. Сбросив туфли, она побежала в конец вагона, когда в проходе вспыхнул свет. Она увидела распахнутую дверь, за ней — что-то похожее на уносящиеся вдаль кусты, в рассеянном свете поезда казавшиеся не зелеными, а серыми. Дэнни Майлз висел в дверном проеме, держась за раму. Его тело развевалось в воздухе, как флаг.

Она кинулась к нему, ее пальцы скользнули по его свитеру.

А потом он исчез. Она высунулась из поезда. Ветер бил в глаза, но она увидела, как он упал на гравийный откос. Несколько раз подскочив, он налетел на столб и замер, обвившись вокруг него, как выброшенное пу-гало.

Поезд вильнул, и Дэнни Майлз Волшебные Пальчики скрылся из виду.

Из глаз брызнули слезы, она втянула себя обратно в вагон и закрыла дверь. Это было похоже на несколько ударов в живот для затравки перед допросом, чтобы у пленного развязался язык.

Она долго просидела так, рыдая.

— Почему твоя подружка ревет? — спросил тоненький голос.

Вытирая глаза запястьем, Анетт подняла голову.

Ричард вернулся — с другой стороны, поняла она, — вместе с Ванессой. Девочка протянула носовой платок с вышитой буквой «В». Анетт взяла его, вытерла глаза и поняла, что ей нужно высморкаться. Ванесса не возражала.

— Дэнни больше нет, — сказала она Ричарду. — Оно взяло его.

Она посмотрела на коллегу, мальчика, в которого верил Эдвин Винтроп, в героя ее фантазий. Его, обращенного еще в детстве, учили, воспитывали и тренировали для того, чтобы он занял место самого ценного члена клуба. Ричард Джеперсон должен был отвечать за такие ситуации. Главным в их группе был Гарри Катли, но знающие люди поговаривали, что Ричард — это тот человек, который возьмет все на себя, который бросит вызов самому страшному, на что способна темная сторона.

Она увидела, что Ричард растерян и понятия не имеет, что теперь делать. Она увидела черную стену, перекрывающую будущее, и отключилась.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ: ИНВЕРДИТ

I

У него не осталось ничего.

Анетт лежала без сознания. Гарри куда-то пропал. О Дэнни можно было забыть. Он ничего не мог сделать для них, они не могли помочь ему. Он оказался в край-

не затруднительном положении, не имея возможности на него повлиять.

Ванесса настойчиво тянула его за рукав. Он был нужен ей. Ей был нужен покой, защищенность.

Недалеко, в одном из этих перемещающихся вагонов, спали натовские курьеры. Остальные (проводник Арнольд, жуткий священник, миссис Свит, медиум из Лондона, другие пассажиры, машинист и кочегар) закрылись в кабине локомотива. Даже если им это было неведомо, все они рассчитывали на него. Пока существовала угроза похищения «марш-кодов», на кону стояла судьба всего мира. Большие кости уже гремели в стакане перед последним броском.

Клуб «Диоген» рассчитывал на то, что он исполнит свой долг.

Он попросил девочку принести графин холодной воды из кухни и побрызгал на лоб Анетт. Женщина что-то пробормотала, но не очнулась. Он посмотрел на Ванессу. Та пожала плечами и показала жестом: выливай всю воду. Ричарду показалось, что будет крайне неуважительно поступать со взрослой женщиной, как с клоуном. Ванесса подгоняла его, улыбаясь так, как улыбается любой ребенок при мысли о том, что сейчас на его глазах кого-то взрослого окатят холодной водой. Ричард деликатно наклонил графин и пустил струйку воды на лоб Анетт. Веки ее задрожали, и он плеснул побольше. Когда на нее упали кубики льда, Анетт открыла глаза и села, отплевываясь.

— С возвращением.

Она посмотрела на него так, будто собиралась снова грохнуться в обморок, но не грохнулась. Он легонько потряс ее за плечи, чтобы привлечь внимание.

— Да, да, я поняла, — сказала она. — Хватит. И дай мне салфетку.

Как у идеального официанта (куда же все-таки запропастился Арнольд?), салфетка оказалась у него под рукой. Она вытерла мокрое лицо и провела пальцами по коротким волосам. Она хотела бы сейчас как минимум минут пятнадцать потратить на макияж, но ради большого дела была готова этим пожертвовать.

— Ты очаровательна, — сказал он.

Она с равнодушным видом пожала плечами, но про себя довольно улыбнулась. Потом она позволила ему помочь ей встать и переместиться в одну из кабинок. Ванесса уселась напротив и принялась водить по скатерти длинной вилкой.

— Я хотела остановить поезд, — сказала Анетт. — Стоп-кран не работает.

Ричард встал из-за стола, нашел цепочку, внимательно осмотрел, потом нашел еще один стоп-кран, дернул, и тоже безрезультатно.

— Я же говорила, — сказала Анетт.

— Независимое подтверждение. Гарри Катли это бы принял. Чтобы это засчиталось, нужно заполнить бланки.

Ричард сел рядом с девочкой, посмотрел на Анетт и протянул руку, чтобы смахнуть капельку, оставшуюся у нее на лице.

— Где Гарри? — спросила она.

Ричард задумался. Он успокоился, сосредоточился и попытался проникнуть чувствами сквозь все вагоны поезда.

— Его нет, — заключил он. — Но не так, как Дэнни. Гарри все еще в поезде.

— А чем он занимается, когда вот так исчезает? — с любопытством спросила Ванесса. — Молится?

— Чувствует, — ответила Анетт.

— Это как чувствовать боль?

Ричард прислушался к тому, что находилось непосредственно рядом с ним.

— Чего-то не хватает, — сказал он. — Что-то пропало.

— Время, например, — вставила Анетт. — Как долго мы едем?

Ричард потянулся к карманным часам, но вспомнил, что остановил хронометр. Над дверью между вагонами висели настенные часы. Настенные часы в вагоне для танцев, кажется, показывали правильное время, когда все остальные сбились. На этих же часах ничего нельзя было разобрать, потому что циферблат скрывало мутное, непрозрачное стекло, хотя было слышно, что они тикают.

— Я не ношу часы, — сказала Анетт, — потому что у меня великолепное чувство времени. Но я потеряла его. Я долго была без сознания?

— Очень долго, — ответила Ванесса. — Мы думали, ты умерла.

— Несколько секунд, — ответил Ричард.

— Вот видите? Никакого чувства времени.

Ричард посмотрел на ближайшее окно. Оно было таким грязным, что сквозь него ничего нельзя было рассмотреть. Даже когда лампы мигали, что происходило с ними все чаще, он ничего не видел. Он не знал, ехали они по Англии, по Шотландии или по какой-нибудь другой темной стране. Он чувствовал ритмичный стук колес поезда, причиной которого, он знал это, являются стыки

на рельсах через каждые десять или двадцать футов. «Шотландская стрела» все еще катилась по рельсам.

— Мы уже проехали Эдинбург? — спросила Анетт.

Эдинбург! Это выход, способ сойти с призрачного поезда!

С вокзала он мог позвонить Эдвину. Пусть клуб использует свои связи, чтобы отменить остаток маршрута, и снимет всех остальных с поезда. Смерть Дэнни — достаточное основание для того, чтобы отменить всю операцию и закрыть линию. По Шотландии курьеров можно отправить на такси. Так, конечно, дольше, но безопаснее. Если кому-то хочется развязать третью мировую войну, ему придется подождать.

А уже потом он сможет подумать и о своей жизни.

О какой жизни?

— Я вижу вокзал, — с сосредоточенным видом произнесла Анетт. — Выходят пассажиры, загружается уголь. Они стараются не шуметь, чтобы не разбудить спящих, но несколько тонн чего-либо загрузить тихо невозможно. Не могу сказать, когда это происходит, в будущем или в прошлом. Кажется, мой талант замолчал. «Нормальная передача будет возобновлена в ближайшее время». Там черная стена...

— Мы уже останавливались один раз, — тихонько произнесла Ванесса испуганным голосом. — В Шотландии.

Вот это новость! Ричард вообразить не мог, что не заметил бы остановки.

— Совершенно верно, мисс, — сказал проводник Арнольд, приближаясь с той стороны, где должен был находиться вагон первого класса. — Я проверял билет пассажира, едущего от Эдинбурга до Портнакрейрана.

Он был всего один. Не то что раньше. О, я вижу, кто-то здесь устроил беспорядок. Не волнуйтесь, мы сейчас же уберем. Сударыня, принести вам еще воды? Ваш графин, кажется, пуст.

Ричард, у которого внутри все похолодело, вдруг понял, что Арнольд либо сумасшедший, либо заодно с другой стороной. Не с той «другой стороной», как говорят о Советском Союзе (хотя и такое было возможно), а «с другой стороной» покрова Великого Древнего Неизведанного. Он мог быть вполне нормальным, когда только сел на «Шотландскую стрелу», бог знает сколько ночей назад, но теперь он один из Них, связан с тем, что Анетт называла «оно». На проводнике была форма старого образца: малиновая визитка и высокие облегающие брюки без ширинки, к галстуку приколот значок давным-давно не существующей Лондонско-шотландско-айлской железнодорожной компании, а еще у него была слишком большая, словно сошедшая с детской картинки, фуражка.

Ричарду пришлось сдерживать острое желание схватить проводника за его старомодные лацканы, швырнуть на стенку, чтоб он как следует испугался, приставить к его яремной вене бритву и допросить.

— Спасибо, — сказал он проводнику. — Если не трудно, наполните, пожалуйста, графин.

Взяв графин, Арнольд ушел. Огорченная Анетт хотела что-то сказать, но Ричард поднял руку, и она закусила губу. Она все понимала. Дело было не только в поезде и в привидениях, но и в тех, кто на нем ехал. По крайней мере, в некоторых из них.

— Это что? — оживилась Ванесса, увидев бессловесный диалог взрослых. — Секреты? Расскажите немедленно! У вас не должно быть секретов, понятно?

Анетт снисходительно рассмеялась подобной детской прямоте. У уголков ее глаз появились складочки, которые она ненавидела и которые Ричарду показались ужасно милыми. Ее истинное лицо было гораздо красивее той маски, которую она показывала миру.

— От тебя никаких секретов, малышка, — сказала она, дернув Ванессу за нос.

Девочка оскорбленно вздрогнула и воткнула вилку в горло Анетт.

— Не называй меня «малышка», — произнесла она голосом взрослого мужчины. — Корова французская.

II

Ричард схватил тарелку и косым движением ударил по лицу девочки. Тарелка разбилась и рассекла Ванессе бровь. Кровь хлынула из существа в облике ребенка.

Она взревела трубным голосом, схватилась за лицо, стала бить ногами снизу по столу и извиваться, как будто ее подожгли.

Ричард посмотрел на Анетт.

Она держалась за горло. Между пальцев торчала вилка, по рукам струилась кровь.

— Не предвидела... такого, — прохрипела она и упала. Свет погас в ее глазах.

Ванесса впилась маленькими пальчиками в лицо Ричарда, и он повалился со стула. Девочка запрыгнула ему на грудь, начала царапаться, колотить его руками и ногами. Он пополз назад, работая локтями и плечами, стараясь сбросить с себя маленького демона. Ее кровь заливала ему глаза.

Поймав одну из косичек, он дернул.

Девочка издала истошный визг на манер «мама-он-меня-обижает». Была ли это настоящая Ванесса? Или нечто иное поселилось в ней, кем бы она ни была, чем бы *она* ни было?

Девочка была одержима.

Оно пряталось глубоко в складках ее разума, но раз или два проглядывало, а Ричард не обратил на это внимания.

И вот не стало еще одного члена их группы.

Анетт Амбуаз. Он был знаком с ней всего несколько дней, но они успели сблизиться. Они как будто предчувствовали, что станут близки, видели будущее, теперь так жестоко изменившееся, вместе неслись через эту ночь, стремясь побыстрее перейти ко второй части путешествия, которую, как они знали, должны были пройти уже вместе.

А теперь у него осталось только это маленькое *чудовище*.

Когда Ванесса завизжала, Ричард наконец сбросил ее с себя. Он с трудом поднялся на ноги. Посмотрел на Анетт, надеясь, что она в сознании, но в душе понимая, что это невозможно. Раскрыв рот, как рыба, она завадилась на бок, головой в окно, щекой к щеке со своим таким же мертвым отражением.

Вернулся Арнольд, не с той стороны, в которую уходил. В руках он держал полный графин.

— Леди это теперь не понадобится, — сказал он.

Проводник не обращал внимания на обезумевшее существо в облике девочки, которое ползало между кабинками, изгибая спину и высовывая язык — шесть дюймов розово-голубой плоти. Косички стояли торчком, как будто их тянули за невидимые нити. Существо бы-

ло похоже на гигантского геккона, напавшего на себя кожу девочки, которая в некоторых местах болталась свободно, а в некоторых сидела слишком плотно. Когда его конечности двигались, кожа едва не разрывалась.

Один глаз был полностью залит кровью, второй устремлен на Ричарда.

Девочка зашипела.

А потом геккон стал двуногим. Он поднялся, напрягая спину, как натянутый лук. Передние лапы превратились в гибкие руки с безвольно висящими кистями. Живот оторвался от ковровой дорожки на проходе между кабинками. Изогнув змееподобные задние лапы, оно подпрыгнуло и встало, широко расставив ноги и опустив плечи, как будто балансируя невидимым хвостом.

— Ванесса, — сказал Ричард. — Ты слышишь меня? Это Ричард.

Существо ответило горячей волной отвратительной злобы. Ричард содрогнулся. Анетт смогла бы докричаться до маленькой девочки внутри, помочь ей. В этом заключался ее талант. Она оставила его беззащитным перед чувственной атакой.

Но он был не намерен сдаваться.

Бирка на шее геккона пропиталась кровью, слова смылись и проступили черные контуры.

Он выбросил руку и сорвал бирку. На шее Ванессы осталась красная полоса.

— Мое, — произнесла она своим обычным голосом. — Отдай, мррразь, — прохрипела она мужским голосом существа с акцентом, напоминающим шотландский. — Мое, — двумя голосами одновременно.

Он стер большим пальцем кровь с бирки. Та оказалась конвертиком из целлулоидной пленки, в котором

были запечатаны несколько бумажных полосок. Ричард поскреб ногтем пакетик и увидел цепочки цифр.

Выходит, курьеры были отвлекающим элементом.
— Отдай, — произнес геккон.

Ричард понимал, что оказалось у него в руках. Это не просто цифры, это цифровой код. Его использование может вызвать Армагеддон.

— Ты этого хочешь? — спросил он, обращаясь к существу.

Губы геккона растянулись в хитрую улыбку. Глаз, не залитый кровью, подмигнул.

— Отдай цифры, — произнес он, подражая голосу девочки.

Но Ричард теперь понимал, когда существо хотело его обмануть. Видел, сколько в нем от Ванессы и сколько от геккона.

— Проводник, — сказала она. — Этот человек забрал мой билет. Пусть отдаст.

— Сэр, — обратился к нему Арнольд, — это серьезное нарушение. Могу я взглянуть на билет?

Ричард сжал пакетик в кулаке. Он не отдаст Арнольду «марш-коды». Проводник заодно с гекконом.

Глаза Ванессы закрылись, и она съежилась. Он почувствовал острый прилив жалости. Если она упала и сильно ударилась головой...

Взгляд Арнольда приобрел необычную уверенность.

— Сэр, — сказал он, сжимая ручной компостер. — Билет.

Переместившись из тела девочки в кондуктора, геккон подобрался к нему ближе, но приобрел форму, которую Ричарду было не так жалко повредить.

Он положил коды в нагрудный карман, а потом ударил Арнольда правой рукой, приложившись кулаком прямо к челюсти, отчего тот попятился на несколько шагов. Он попал в точку, от удара по которой человек отключается, но на существо в Арнольде это не подействовало. Оно бросилось вперед, целясь компостером в ухо или губу, чтобы оторвать кусок от лица.

Ричард пригнулся, и щипцы защелкнулись у него на рукаве, пробив алый бархат. Он ударил Арнольда еще несколько раз, вспоминая слова тренера по боксу о том, что во время боя нельзя злиться.

На ринге он всегда проигрывал по очкам или его дисквалифицировали, даже если он избивал противника до полусмерти. Во время поединка он вел себя не по-спортивному, его действия не были красивыми и даже отдаленно не вписывались в «Правила Куинзберри». Он слишком многому научился в том отрезке своего детства, о котором ничего не помнил.

Пригнувшись, он провел апперкот, почувствовав, как хрящ уходит в нос проводника. Щипцы под мышкой у Ричарда раскрылись и упали на пол, оставив на его рукаве два аккуратных отверстия.

Ричард, никогда не придерживавшийся правила «лежащего не бьют», вложил всю свою обиду в могучий удар ногой. Носок ботинка погрузился в бок Арнольда, заставив геккона застонать. Проводник отключился.

И тут шею Ричарда обхватила рука. Его повалили на пол.

Согнутая в локте рука Анетт сдавливала его горло, как щипцы для орехов, а ее мертвое лицо безвольно висело рядом с его щекой, вращая одним глазом.

Он почувствовал гадливость, но не от прикосновения к труп, а от того, что существо решило воспользоваться телом Анетт. Он не мог с ней драться, как с Арнольдом или даже как с Ванессой (он же разбил тарелку о лицо ребенка), из-за того, что связывало их всего несколько секунд.

Существо, управлявшее телом Анетт, выдернуло вилку из ее горла и поднесло ее к глазу Ричарда.

— Коды, — произнесло оно голосом, булькающим в поврежденном горле. — Быстро!

Он прижал руку к нагрудному карману. Заморгал, когда вилка приблизилась к глазу. Один удар — и металл окажется у него в мозгу.

Путешествие почти закончилось.

III

Геккон внутри Анетт зажал Ричарда в смертельной хватке. Зубцы вилки приблизились к самому глазу, отчего казались размытыми. За серыми пятнами Ричард увидел Арнольда, который наблюдал за ними с обычным выражением почтительности на лице. Все, что происходило между пассажирами, было их делом.

Кто-то отпихнул Арнольда в сторону и нацелил два дуствольных ружья на Ричарда и Анетт.

Гарри Катли! Неудачник Гарри Катли пришел на помощь!

— Ага! — воскликнул Гарри голосом театрального мужа, заставшего жену в объятиях любовника. — Я так и знал! Я сразу понял, что малышу Дики нельзя доверять. Подержи-ка его, Анни, сейчас я помогу!

Прицеливаться сразу двумя ружьями было непросто, тем более когда мишень качалась из стороны в сторону.

— Анетт не в себе! — закричал Ричард. — Посмотри на ее глаза.

Гарри пропустил его слова мимо ушей.

Наверное, он проник в багажный вагон и взял ружья миссис Свит. Набитые патронами карманы топорщились. Очевидно, он не только находился под влиянием «Шотландской стрелы», но и горел желанием выместить на ком-то свои обиды. Гарри все никак не мог точно нацелить оружие, но был так близко к Ричарду, что прицел не играл особой роли.

По крайней мере, вилку убрали от его глаза.

Геккон немного расслабился, удерживая Ричарда, как щит и мишень.

Гарри увидел залитое кровью лицо Ванессы.

— Я знал, что тебе нельзя доверять, — сказал он Ричарду. — Я стал Самым ценным членом клуба не просто так. Я все замечаю с первого взгляда, я вижу каждую мелочь, я делаю выводы, понимаю, что произошло, принимаю мгновенное решение и действую быстро и сурово.

С трудом ему удалось взвести курки одного из ружей, но при этом то ружье, которое он держал в левой руке, поднялось и ударило его по лицу. Он вздрогнул, как будто кто-то другой напал на него, и навел на Ричарда правое ружье, которое держал увереннее.

Ричард, наконец освободившись от мертвых пальцев Анетт, встал.

Стволы винтовки поднялись вместе с ним.

— Посмотри на Анетт, Гарри, — сказал он. — Оно убило ее. Оно убило Дэнни и забрало Ванессу. Оно пыталось забрать меня и теперь подбирается к тебе.

Ричард отошел в сторону, чтобы Гарри увидел Анетт.

Геккон не мог удержать труп вертикально. Кровь на истерзанной шее запеклась. Белое как мел лицо было совершенно безжизненным, но глаза дергались, повинаясь воле захватчика.

— Анни! — ошеломленно и горестно воскликнул Гарри.

— Видишь! — Ричард сделал шаг в его сторону. — Мы должны его побороть.

Оба ружья вскинулись и уперлись в грудь Ричарда.

— Стой где стоишь, умник! — прошипел Гарри. Ярость снова овладела им. — Я знаю, что все это твоих рук дело. Ты мог одурачить Эда Винтропа, но с Гарри Катли этот номер не пройдет, о нет! Слишком ты умный, вот что тебе мешает. Ты, кажется, ходил в хорошую школу, верно?

— В несколько, — признался Ричард.

— Да уж, я вижу. Они все такие, как ты, — яркие мальчики без глубины, без стержня. Все вам достается слишком просто. Все у вас как по маслу. Вам не нужно работать. Вам не нужно *думать*. А нас вы считаете пустым местом!

Гарри отступил на шаг, взводя курки.

Анетт с помощью Арнольда встала ровно и двинулась к ним походкой марионетки.

— Осторожно, сзади! — прошептал Ричард.

— Ну нет, меня ты этим не купишь.

Руки Анетт поднялись, ее пальцы уже приближались к шее Гарри. Когда она схватит ее, пальцы Гарри со-

жмутся и все четыре заряда того, чем миссис Свит любила начинять свои ружья, полетят в живот Ричарда.

— Хотя бы один раз, Гарри, сделай одолжение, выслушай меня, — сказал Ричард.

Стволы опустились чуть ниже, и Ричард замолчал. Он ничего не мог поделаться со своим правильным выговором, который разбудил классовую ненависть Гарри.

Руки Анетт опустились, но не на шею Гарри, а на его плечи. Он инстинктивно вздрогнул от удовольствия. Он наслаждался собой. Все было так, как хотелось ему. Он наклонил голову и по-кошачьи потерся о мертвую руку Анетт.

Геккон использовал лицо Анетт, чтобы улыбнуться, и поцеловал Гарри в ухо. Каким-то чудом ружья не выстрелили.

— Хотя бы один раз признай, что ты проиграл, мальчик.

Глаза Анетт потухли, и она мешком повисла на спине Гарри. Ему это не понравилось. Он несколько раз моргнул.

— Не делай так, — сказал он недовольно.

Пока Гарри отвлекся, Ричард схватился за ружья и попытался поднять их. Не получилось. Гарри замотал головой так, будто отгонял назойливую осу. Анетт оторвалась от него и плюхнулась на пол.

Гарри отступил назад. Верхняя часть его тела задержалась, как будто осы уже накинудись на него. Стволы соскользнули с груди Ричарда, и он, воспользовавшись возможностью, бросился в сторону. Гарри споткнулся о ноги Анетт и полетел на пол.

Одно из ружей наконец выстрелило и пробило в потлке дыру размером с тарелку. В вагон ворвался ночной воздух. Где-то высоко вверх показались звезды.

Гарри, сам того не понимая, сопротивлялся геккону. Выходит, он не в каждого мог проникнуть, а только в неокрепший ум, в давних пленников «Стрелы» или в только что умерших. Он умел нашептывать, подчинять своей воле, управлять, играть на слабостях, но не мог просто так захватить тело.

Ричард почувствовал бесформенный гнев существа.

Потом мишенью стала Ванесса, молча стоявшая в стороне, и она снова превратилась в геккона. Она сорвалась с места, побежала, перепрыгнула через Анетт и, не опускаясь на пол, вопреки законам гравитации, полетела на Ричарда, как живая ракета.

Ударившись головой в живот Ричарда, она сбила его с ног.

Выхватив из его кармана целлулоидный пакетик, она выбежала из вагона с противным девчачьим торжествующим криком.

Звонкий смех постепенно затих.

Гарри стоял, вытирая пятно крови на пиджаке. Одно из ружей он бросил, но второе держал под мышкой. Он помахал скрюченной рукой, все еще дрожащей после выстрела. То ли сломанный, то ли выбитый из сустава большой палец торчал вбок.

Еще одна фигура, закутанная в платки, тяжело переступая толстыми лодыжками, вошла в вагон-ресторан. На миг Ричарду показалось, что это миссис Свит пришла жаловаться на кражу своих драгоценных ружей, но оказалось, что это «Эльза Никлс. Миссис. Медиум-экстрасенс», которую в последний раз он видел на вокзале.

Миссис Никлс прошла мимо Арнольда, который не призвал ее вернуться в вагон своего класса, и посмотре-

ла окровавленные руины, мертвую женщину и обезумевших мужчин.

— Ох, знала я, что добром это не кончится, — покачала головой она. — Духи злятся, бесятся. И пока они не успокоятся, с ними ничего не поделаешь. Это все равно что запихивать зонтик в змеиное гнездо. Или совать галстук в мясорубку.

Ричард мысленно попросил Гарри не стрелять в женщину.

Он чувствовал, что Самый ценный член клуба рассматривает эту возможность. Пальба из ружей затягивает. В первый раз ты боишься, беспокоишься о шуме, об опасности, о беспорядке. Потом у тебя возникает желание сделать это снова. Тебе хочется сделать это *лучше*.

И не важно, на чем лежит твой палец, на спусковом крючке охотничьего ружья двадцать второго калибра или на кнопке пуска межконтинентальной баллистической ракеты, — принцип один. И даже не имеет значения, во что ты целишься. Дави на курок, жми на кнопку. Ба-бах!

— Послушай ее, Гарри, — сказал он.

Гарри не понял, что он имел в виду. Почему он должен обращать внимание на какую-то антинаучную клушу? Для него как для парапсихолога она являлась врагом, потому что своими действиями она подрывала репутацию всей отрасли, превращала серьезное дело в тему для обсуждения в воскресных газетах.

— Послушай ее акцент, — настаивал Ричард.

— О чем это он толкует, скажите на милость? — возмущенно воскликнула миссис Никлс.

Ричард рассчитывал на то, что в Гарри проснется чувство классовой солидарности. Если манеры Ричарда его

бесили, то простоватый язык миссис Элси, даже если она несла чушь, должен был, наоборот, успокоить его. Разумеется, он был северянином, а она родом из Лондона, так что он мог ненавидеть ее только за это, и в таком случае Ричарду не оставалось бы ничего другого, как умыть руки, и гори оно все огнем.

Гарри опустил ружье и поднял поврежденный палец.

— Страсть какая! — воскликнула она. — Ну-ка, дай посмотреть. Семерых детей воспитала и никогда не видела, чтобы кто-то такое с собой сотворил.

Гарри позволил женщине осмотреть руку. Секунду подумав, она крепко взялась за палец, дернула и вставила сустав на место. Гарри завопил, потом выругался, но затем пошевелил пальцем и буркнул что-то в благодарность.

— Так-то лучше, — сказала миссис Никлс.

Боль разогнала туман в голове Гарри. По крайней мере, Ричарду хотелось на это надеяться.

— Мы застали эту тварь, когда она пряталась, — сказал он Самому ценному члену клуба. — Сначала пряталась в этой девочке, а потом хотела завладеть тобой, но ты отбился. Помнишь?

Гарри с мрачным видом кивнул.

— Продолжай отчет, Джеперсон, — сказал он.

— Это какая-то форма бестелесной сущности...

— Злой дух, — вставила миссис Никлс. — Жуткая тварь.

— Это не призрак. Не остатки человеческой личности. Что-то большое, злое и примитивное. Но оно умное. Оно забирается в душу. Оно понимает, кто мы, как нас можно подцепить. Хотя природа его довольно проста. Но оно склонно к насилию. Думаю, оно питается

болью. Я называю его «геккон», потому что, когда оно попадает в человека, тот начинает двигаться, как ящерица. Может быть, оно гнездится в какой-то животной части человеческого мозга и дергает за ниточки оттуда. А может быть, оно просто знает, что мы не любим ползучих тварей, и устраивает представление пострашнее.

— Геккон, — протянул Гарри, пробуя новое имя. — Я запишу это. Ты открыл его, Джеперсон, тебе его и называть.

— Спасибо.

— Теперь, когда мы знаем, кто нам противостоит, нам должно быть проще его изловить. Я опишу все, что нам известно, и позже мы вернемся со специальной, более подготовленной группой. Мы пересадим этого твоего геккона из поезда в духохранилище. Там его можно будет как следует изучить.

Ричард знал, что духохранилища не всегда бывают сделаны из металла или дерева. При должном «запечатывании» духохранилищем могла стать и Ванесса.

Посмотрев на Анетт, закатившуюся под стол, Ричард сказал:

— Если это не принципиально, Гарри, мне больше хочется его не поймать, а убить.

— Нам нужно понять, как вести себя со следующим гекконом.

— Давайте сначала разберемся с этим.

Тут внимание Ричарда привлек грохот поезда. В нем что-то изменилось.

Раздался свисток. Неужели произошла очередная временная сдвигка?

— Мы что, приехали? — спросил Гарри. — Портнакрейран?

— Нет, сэр, — ответил Арнольд, который до сих пор, похоже, не замечал ничего необычного. — Мы сбрасываем скорость, чтобы пересечь Инвердитский мост.

Ричард прислушался к стуку колес.

— Мы не сбрасываем скорость, — сказал он. — Мы разгоняемся.

IV

— В такую же ночь, как сейчас, в 1931 году, — сказала миссис Никлс, — Инвердитский мост рухнул...

Ричард понял, почему геккон убил Анетт. Она увидела, что их ожидает.

— Сейчас не время писать отчеты, — сказал он Гарри. — Мы не можем откладывать действия на потом. Геккон собирается убить нас *сейчас*. Он хочет этого.

Лица Гарри и миссис Никлс удивленно вытянулись.

У Ричарда появилось знакомое чувство. Он почувствовал, что *знает* больше других, почувствовал силу, которую дает интуиция. Чувство было теплым, соблазнительным, приятным — оно вызвало у него желание поиграть со своим открытием, намекнуть, что он проник в тайны, не доступные обычному восприятию, похвастать перед старшими. Нет, это искушение. Что, если его оставил геккон или какой-нибудь другой «злой дух»? Или же оно сидит в его разуме, в какой-нибудь ползучей его части, и эту черту характера необходимо сдерживать?

— «Марш-коды», — сказал он. — Оно получило цифры.

Миссис Никлс кивнула, как будто поняв, о чем речь. Ричард знал, она притворяется, чтобы оставаться в игре. А Гарри побелел, он действительно понимал.

— Бредовая идея — посылать эти чертовы коды поездом, — сказал Гарри. — Эд советовал не делать этого, но клуб не послушали. Из-за *американцев*! Проклятые янки!

— Мы тоже хороши, — добавил Ричард. — Это должно было случиться рано или поздно, но случилось именно сегодня из-за того, что мы находимся в поезде. Мы подтолкнули геккона. А ему только того и надо было. Мы необычные люди. Мы замечаем разные вещи, но и разные вещи замечают нас. Мы для них — топливо, и если обычные люди — это куски угля, то мы — галлоны топлива для реактивных двигателей. Анетт, Дэнни, ты, я.

— Я — нет, — возразил Гарри.

Ричард пожал плечами:

— Может, и нет.

— Но она?

Гарри посмотрел на Эльзу Никлс.

Ричард тоже посмотрел на нее, пожалуй, впервые. Медиум-экстрасенс. Талант. Но у нее было что-то еще. Знание.

— Как вы оказались на «Стреле», миссис Никлс? — спросил он.

— Я же говорила. Хочу помочь добрым духам и выгнать злых.

— Это хорошо. Но ведь есть множество других мест, где нужна подобная помощь и куда вы могли бы попасть, не тратясь на билет. Почему вы сели на «Шотландскую стрелу»?

Она не захотела объяснять. Гарри помог ей сесть в одной из кабинок. Арнольд тут же поинтересовался, что ей подать.

— Джин с тоником, любезный, — ответила она.

Проводник ушел. «Надеюсь, геккон не оставил в Арнольде ничего такого, что может следить за нами», — с тревогой подумал Ричард.

Весь вагон содрогался от скорости. Посуда, приборы, розы, все, что не было закреплено, подпрыгивало, скользило, переворачивалось. Воздух, проникавший в вагон сквозь дыру в потолке, поднимал края скатерти, отчего те становились похожими на сбившиеся саваны.

Вернулся Арнольд. Он шел с достоинством комика из немого кино перед потешным падением, неся на руке поднос с заказанной выпивкой.

Миссис Никлс выпила стакан джина с тоником одним глотком.

— То, что нужно, — довольно прокомментировала она.

— Почему... вы сели... на... поезд? — повторил Ричард.

— Потому что они все еще здесь. Оба. Он не то, что вы называете гекконом, но они его вырастили. Тем, что они сделали, и тем, чего не сделали, своими чувствами. Плюс все те пассажиры, которые утонули. И те, кто пришел после них, чьи жизни забрал поезд, кто отдал ему свою душу. Вот что такое ваш геккон — все несчастные души, собранные вместе и перемешанные. Оно не родилось в аду. Оно было создано искусственно. В ту ночь, когда обрушился мост. В озере что-то произошло и прибрало их к рукам.

— Кого их?

— Ника и Дона, — сказала она, и на глазах у нее выступили слезы. — Моего мужа и... и не мужа.

— Ник... Никлс?

— Никлс — это мой псевдоним, ребятки. На самом деле я Эльза Боулер. Я была замужем за Ники Боулером.

— Безголовый кочегар! — щелкнул пальцами Гарри.

Лицо мисс Никлс искажилось, как будто она собралась заплакать. Напоминание о самоубийстве ее мужа оказалось не особенно тактичным.

— А Дон — это, стало быть, машинист. Дональд Мак-Ридли, — догадался он.

Арнольд едва не начал креститься при упоминании этого покрытого позором имени. Проводник имел какое-то отношение ко всей этой истории. Он посмотрел на миссис Никлс так, будто был человеком, наделенным настоящими человеческими чувствами, а не бесстрастным исполнительным посланником железнодорожных богов.

— Дональд, — с отвращением произнесла миссис Никлс. — Да будь он проклят! Лохматый Шотландец — так его называли девочки в буфете. Мы все работали на железной дороге, на ЛШАЖ. Я была свидетелем того, как поезду дали имя «Шотландская стрела», я в тот день разносила напитки. В тридцать первом я была помощником руководителя буфета. В конце линии, в Портнакрейране. Дон и Ник обычно не попадали на одну смену, но тогда кто-то заболел. Они оба со мной спали, и я думаю, что они это выяснили, когда оказались в кабине поезда вместе. Мост приближался, но между Доном и Ником что-то происходило. Дон после того случая пустился во все тяжкие, а Ник... Ник, бедная овечка, сделал то, что сделал. Поэтому мы никогда не узнаем, что там случилось на самом деле. Не знаю, как я сблизилась с Доном. Хотя в те дни я была глупой,

безмозглой курицей. Дон был не единственным моим «не мужем». Даже после всего, что случилось. Если вам нужно назвать кого-то матерью вашего геккона, то это я.

— Машинист и кочегар спорили в кабине? Из-за вас?

Миссис Никлс кивнула, искусственные зубы клацнули, исказив ее рот. Все чувства Ричарда как будто заколебались, Лицо Гарри пошло волнами. Словно «Шотландская стрела» преодолевала звуковой барьер.

Поезд разогнался слишком быстро!

— А что насчет отцепления вагонов?

— Это было сделано не человеческой рукой. Это был ваш геккон. Он поднялся из озера и напился огнем в сердцах Дона и Ника, как младенец, впервые пососавший грудь матери. Он убил всех пассажиров и отцепил вагоны, чтобы они рухнули вместе с мостом. Это стало пиршеством для него. Лучшим, что у него было до сих пор. Дало ему силу прожить первые часы. Я потеряла троих детей в больнице. В те дни такое случалось. Каждый божий день. Один из них, я думаю, был от Дона. Этот малыш тоже теперь в гекконе, который всосал все плохие чувства, все несчастные души, и продолжает их всасывать.

Ричард понял.

Но он увидел и ложь миссис Никлс. «Не человеческой рукой», — говорила она. Может быть, геккон *частично* проявлялся в виде полтергейста. Используя дрожание, дребезжание и грохот поезда, он подталкивал неодушевленные предметы в нужном направлении. Падение крышки пианино на руки Дэнни было классическим проявлением полтергейста. Но для чего-то большего, например, для того чтобы пригвоздить женщину

вилками к столу или похитить «марш-коды», требовались руки, хозяин, человеческое тело или тела.

— Они оба это сделали, — сказал он. — Оно взяло их обоих. Заставило их сделать это, заставило отцепить вагоны.

Ричард увидел, как это произошло, причем очень отчетливо. Двое мужчин в форме Лондонско-шотландско-айлской железнодорожной компании старого образца пробираются к угольному тендеру, оставив пустую кабину, хватаются руками за выступы, как ящерицы, с нечеловеческой цепкостью. Четыре руки на сцепке тянут упругий рычаг, не предназначенный для перемещения во время движения поезда, отключают страхующие устройства, призванные предотвратить расцепление вагонов. Руки покрываются кровью, ломаются ногти. Рецепторы боли обоих хозяев отключены новорожденным, но уже хитрым, уже жаждущим крови гекконом.

Наконец замок открыт. Вагоны начинают отдаляться от локомотива. Душераздирающий звук обрушения моста. Крики пассажиров в падающем в воду поезде. Вагоны разлетаются в воздухе среди балок и рельсов. Вспыхнувшие на секунду и сразу погасшие языки пламени, летящие в черную воду искры. Огромная волна, накатившая на берег озера.

Взрыв ужаса и боли. Пища геккона.

— Джеперсон, — сказал Гарри и пощелкал пальцами у него перед носом.

— Я знаю, что оно сделало, — сказал он Самому ценному члену клуба. — Что оно хочет сделать. Как оно собирается это сделать. Очередная инвердитская трагедия. Мы все должны умереть, но оно может покинуть поезд. Освободиться от железа «Шотландской стрелы».

Оно станет достаточно сильным, чтобы завладеть телами живых взрослых людей. Оно может внутри кого-нибудь попасть на базу, там передать «марш-коды» новому хозяину и переселиться в него. Оно может сесть за цифронаборную машину и нажать нужные клавиши. Оно как наркоман, которому нужны все большие и большие дозы. Смерти нескольких десятков человек ему уже не хватает, поэтому ему нужно начать третью мировую войну!

Гарри выругался.

— Нужно остановить девочку, — сказал Ричард. — Дай мне ружье.

V

Подбежав к двери между вагонами, готовый броситься за гекконом, Ричард остановился.

«Снаряд два раза в одну воронку не падает».

Он развернулся и пошел решительным шагом в другой конец вагона, мимо Гарри, миссис Никлс и Арнольда.

— Не в ту сторону, Джеперсон.

— Неужели?

— Я пришел с той стороны. На той стороне второй и третий класс. И багажный вагон.

Гарри держал в левой руке второе ружье.

— Здесь все меняется, разве ты не заметил?

Гарри не был ни дураком, ни новичком.

— Дислокационные феномены? Эшеровское пространство?

— Шиворот-навыворот, — сказал Ричард.

— Откуда ты знаешь, что конфигурация снова не поменяется? Геккон может нас сбивать с толку, развора-

чивая вагоны туда-сюда, всегда в неправильном для нас направлении. В пятьдесят втором во Вроксли в доме священника был такой коридор-ловушка. Самый главный член клуба передо мной потерял двоих из своей группы.

Джеперсон остановился.

Он посмотрел в дыру на потолке, на телефонные провода, облака, небо. Сейчас он мог сказать, в каком направлении двигался поезд, но, стоило отойти от двери, уверенность пропадала. Окна не помогали. Они были словно покрыты краской. Удар прикладом ружья сотряс, но не разбил стекло.

— Здесь есть дух, который хочет поговорить, — сказала миссис Никлс.

— Здесь слишком много духов, — нетерпеливо отмахнулся Гарри.

— Это новый, приятель. Я слышу... ах... пальцы?

— Волшебные Пальчики? — Гарри посерьезнел. — Дэнни Майлз? Что с ним случилось?

— Он погиб, Гарри, — сказал Ричард. Для Самого ценного члена клуба это было новостью.

— Дьявол!

— Он говорит: не думай, *чувствуй*... Это что-то означает?

Для Ричарда означало. Он закрыл глаза и внутри своей головы в темноте почувствовал Дэнни и что-то оставшееся после Дэнни. Он прекратил думать о том, в какую сторону едет поезд, и позволил своему телу руководствоваться движением, грохотом колес, колебанием вагонов. Они представились ему чем-то вроде указателей или стрелок.

— Раскрутите меня, — сказал он.

— Что, как в игре? — уточнила миссис Никлс.

Он кивнул. Большие руки легли ему на бока и начали вращать. Он приподнялся на носки, вспомнив две недели обучения балету, и стал крутиться, как живое веретено.

Резко остановился. Не упал.

Он знал, в какую сторону нужно идти, и направился напрямик туда, по дороге открыв глаза. Он даже не понимал, через какую сторону вагона собирается выйти. Распахнув дверь, он бросился в темноту, как будто ружье миссис Свит заменяло ему «волшебную лозу».

Остальные последовали за ним.

VI

Ричард знал, что Дэнни был привязан к этому месту, как и многие другие. Майлз Волшебные Пальчики был еще достаточно свеж, поэтому обладал некоторой независимостью, но скоро его засосет окончательно, и он станет еще одной головой этой коллективной гидры, пожирающей боль. «Шотландская стрела» сделалась домом для Зла. Когда нечто злое поселяется в доме, на какой-нибудь уединенной дороге, в общественном туалете или где угодно, оно редко проявляет себя чем-то более существенным, чем летающие предметы или неуклюжие и невидимые прикосновения. Наихудшие из призраков — это чудовища с амбицией. Они хотят освободиться от якорей, которые удерживают их на одном месте, они не желают подниматься в высшие сферы, успокаиваться или выходить на свет... Их единственное желание — сеять зло. Зло в духе эпидемии «черной смерти» или Великого лондонского пожара. В духе японского

фильма про радиоактивного динозавра. В духе конца всего.

Он находился в вагоне, в котором прежде не бывал, однако не сомневался, что идет по следу геккона.

Окон здесь не было, даже затемненных. Охотничьи трофеи на щитах, рога и головы животных висели на обшитых панелями стенах, выдаваясь так, будто их кости росли, как ветви деревьев, из-за чего проход казался похожим на тропинку в густом лесу. Были здесь рога носорогов, слоновьи бивни и даже нечто, больше всего напоминавшее головы саблезубых тигров, глаза которых все еще горели от ярости. Между низкими, симметрично расставленными кожаными креслами располагались невысокие столы, на которых пепельницы с желобками для толстых сигар соседствовали с покрытыми пылью коньячными бокалами. Сильный мужской запах ударил в нос Ричарда.

— Что это? — ошарашенно спросил он у Арнольда.

— Клубный вагон, сэр. Предназначенный исключительно для друзей директора, лорда Килпартинджера. Как правило, в составы такие вагоны не включают.

На одном из кресел развалился скелет с бакенбардами, патронташем, портупеей и крагами. Двумя руками он держался за ствол винтовки. Кость пальца ноги застряла в защитной скобе спускового крючка, а дуло винтовки лежало в развороченных челюстях взорванного выстрелом черепа.

— Интересно, кто это? — поинтересовался Ричард.

— О нем есть в отчете Катрионы, — вставил Гарри. — Это Задира Моран. Старый викторианский полковник. Охотник на крупную дичь и завсегдатай игорных притонов. Охотился на все, что движется, убивал, снимал шкуру и вез домой голову или рога, чтобы вешать

на стены. Если верить Катрионе, был замешан в какой-то крупной махинации и несколько раз чудом избежал виселицы. Сюда он попал, потому что выиграл последние пари. Один из его веселых дружков сказал, что в мире не осталось ничего, чего бы он еще не убивал. Моран тут же и доказал другу, что тот ошибается.

В лежащем на полу тропическом шлеме можно было рассмотреть куски черепа и фрагменты пули «дум-дум».

— Дело закрыто.

— О да. Про Морана и поезд даже сняли фильм «Ночной ужас».

Ричард осторожно двинулся вперед, лавируя между трофеями и отводя слишком настойчиво выпирающие рога стволом ружья.

— Тут бы мачете не помешало, — заметил он. — Осторожно, колючки.

Поезд по-змеиному сделал серию небольших поворотов, опасно наклоняясь то на одну сторону, то на другую. В бархат на плече Ричарда уткнулся рог нарвала.

Ричард услышал «ай!» со стороны Гарри, который наткнулся на кончики рогов.

— Ерунда, просто царапина, — сообщил Гарри. — Чертова рука сильнее болит.

— Я бы запретила все это, — подала голос миссис Никлс. — Как можно стрелять в бедных животных, которые никому не причиняют вреда?

— Согласен с вами, — подхватил Ричард. — Охотиться можно только на людей.

Дальше пробирались через клуб молча.

Следующий вагон снова оказался рестораном. Гарри хотел на этом завершить поиски, но Ричард настаивал на продолжении.

— Приборы расставлены здесь не в ту сторону, — сказал он. — Это не наш ресторан.

— И дырки в потолке тоже нет, — заметила миссис Никлс.

— И это тоже.

— Мы будем рады подать легкий завтрак сразу после Инвердита, — объявил Арнольд, — для желающих прибыть в Портнакрейран освежившимся и бодрым.

— Поедим потом, — сказал Ричард. — Когда спасем мир.

За этим вагоном-рестораном оказался вагон первого класса. Ричард провел их мимо спальных купе. Дверь Анетт была открыта. Ее ночная рубашка лежала на одеяле, как сброшенная змеиная кожа. Горькое зрелище!

Фальшивые курьеры продолжали спать. Беспокоить их не было нужды.

По коридору им навстречу шла другая экспедиция. Они настолько углубились во времени, что встретили самих себя? Или это их злые двойники пришли из соседнего измерения, где ножи и вилки лежали справа налево? Нет, это всего лишь зеркало в конце коридора. Один ноль в пользу теории отбрасывания невозможного.

— Где дверь в следующий вагон? — спросил Ричард у проводника.

— Она здесь не нужна, сэр, — ответил Арнольд. — Дальше находятся угольный тендер и локомотив. Заходить туда пассажирам не разрешается.

Но геккону это удалось.

Одна из дверей начала раскачиваться на петлях и биться о стену. Холодный воздух струился в вагон, как вода сквозь жабры лосося.

Ричард толкнул дверь и высунулся из вагона, крепко держась за стенку.

Под ним проносился гравий. На востоке восход очертил черный горизонт алой линией. Впереди, ухая поршнями, по рельсам катился локомотив № 3473-S; хорошо смазанный механизм, щедро накормленный углем, работал, как часы. Железные балки моста приближались с пугающей быстротой. Ричард втянул голову обратно.

— Мы на мосту, — сказал он.

Прежде чем кто-либо успел возразить, если у кого-то и было такое желание, он бросился в открытую дверь.

VII

Прижимаясь к вагону, Ричард подумал о том, что, хотя у него оставалась свободной только одна рука из-за того, что дробовики, в отличие от нарезных винтовок, не оснащаются таким полезным приспособлением, как плечевой ремень, больше некому было ползти по внешней стене несущегося на всех парах поезда.

Гарри был старше по возрасту и положению в клубе, но из-за травмированной руки практически выбыл из игры. Миссис Никлс была слишком грузной, старой, да и к тому же она — женщина. Ну а проводник был не совсем из их группы. Геккон устроился в нем слишком уютно. Вообще, Арнольд был достаточно таинственной фигурой, чувствовалась в нем какая-то хитрость, скрытность, трагедия. Ричард заметил искорки, промелькнувшие в его глазах, когда миссис Никлс рассказывала о старых добрых днях процветания Лондонско-шотландско-айлской железнодорожной компании, о любве-

обильном шотландце, о безголовом кочегаре и о страшных событиях тридцать первого года.

Короче говоря, лезть на вагон пришлось ему.

Выпрыгнув в дверь, он ухватился за ее край и повис на внешней стороне вагона, оглушенный грохотом колес. Ветер трепал его, как кусок тряпки. До сцепки вагона с локомотивом оставалось примерно восемь футов. Что находилось внутри вагона на этих восьми футах, в отделении, недоступном для пассажиров, оставалось загадкой. Хотя нет, скорее всего, там находились туалет и ванна машиниста и кочегара, куда можно было попасть по широкому и безопасному трапу вдоль тендера с углем, с перилами и ручками, которых ему сейчас очень не хватало.

Однако над головой у него висела сложенная кольцами красная цепь стоп-крана. Ричард крепко взялся за один виток. Грохот колес перекрыл истошный оглушительный свист локомотива. Холодная цепь впилась в руку. Нужно было надеть перчатки.

Прижимаясь спиной к вагону, он подергал одной рукой цепь, проверил, выдержит ли она вес его тела, и увидел в нескольких сотнях футов под собой блеск темных вод озера Лох-Гаэр. Там, внизу, пребывали озлобленные души тех, кого пустил на обед Джок Мак-Гаэр, утопленных инвердитских ведьм и буйных жертв трагедии тридцать первого года. Все они наверняка уже стали частью геккона. Не говоря уже об «охваченном адским огнем плевке преисподней», который упал в озеро в 1601 году. С него-то все и началось.

Хрупкий с виду мост, напомнил он себе, на самом деле являлся прочным сооружением, построенным для того, чтобы заменить обрушившуюся конструкцию.

Металлические балки мелькали мимо него все быстрее и быстрее. Пробираясь по вагону, Ричард помогал себе ружьем, но его ствол случайно угодил в балки. Ружье вырвало у него из руки, согнуло буквой U, и оно полетело в озеро. Миссис Свит специально просила Арнольда проследить за ее арсеналом, так что теперь в ближайшие день-два в управление железной дороги поступит жалоба. Конечно, если эти день-два наступят.

Когда освободились обе руки, стало проще передвигаться от витка к витку. Он подумал: что он, безоружный, сможет противопоставить геккону при встрече? Хороший удар в нос вряд ли поможет.

Дверь захлопнулась за ним с металлическим лязгом. Из окна высунулись Гарри и миссис Никлс, на взволнованных лицах — вера в успех.

Ему приходилось бороться с яростным ветром, неумолимой силой тяжести, плевками горячего пара и собственной неуклюжестью. Он знал, что до него этот путь уже проделало существо, сходное обликом с маленькой девочкой. Хотя, кто знает, возможно, геккон мог держаться на стенке вагона, как настоящая ящерица.

Восемь футов. Трудные восемь футов. Полы сюртука били по бедрам. Рук он не чувствовал, но из разодранных ладоней капала кровь. Он потянулся за очередным витком, последним, и кулак его сомкнулся на пустоте. Ему пришлось заставить себя разжать ладонь и посмотреть вверх, где он цеплялся потерявшими чувствительность, а возможно, и сломанными пальцами второй руки за цепь. Видеть свою руку он видел, но не чувствовал ее совершенно. Отпускать надежную опору не хотелось, но если этого не сделать, дальше продви-

нуться не удастся. Он протянул ногу, едва-едва достав до поручня. Подошва ботинка скользнула по потускневшей бронзе. Отворот на брючине был пропитан его собственной кровью. Помолившись высшим силам, он отпустил надежную цепь, перенес весь вес на ненадежный поручень и крутанулся в сторону трапа.

Получилось. Ноги его оказались на похожей на веранду площадке в самом конце вагона. Его затрясло от страха, слабости и облегчения. К рукам, к сожалению, тоже начала возвращаться чувствительность.

Между вагонами и локомотивом находилось большое тяжелое сцепление. Черное железо в густом слое копоти и смазки. На сцеплении на четвереньках сидел геккон. Только по косичкам и измазанной пижаме можно было определить, что это Ванесса. Это был мерзкий гoblin, усевшийся на поганку, гремлин, разбирающий мотор самолета в полете, инкуб из «Кошмара» Иоганна Фюссли, оседлавший спящую деву.

Короткими пальцами черных рук оно копалось в сцеплении.

Геккон поднял голову с круглыми глазами, с ноздрями, похожими на две узких прорези, и зашипел на Ричарда.

Налетели клубы пара, окружив их обоих обжигающим туманом. Снова раздался свисток.

В угольном тендере, уже почти опустевшем, катались два тела: машинист и кочегар. Они были сплошь покрыты черной копотью, только краснели разорванные горла. В открытой кабине не было никого.

Ричард стряхнул капли горячей влаги с лица, которое уже горело огнем. Наверное, он сейчас был красным как рак.

Он схватил геккона за плечи, вернее, за пижаму Ванессы, и рванул. Геккон впился зубами в его запястье.

Все пошло не так, как хотелось чудовищу. В 1931 году оно уже отцепило вагоны на этой части моста. Но на этот раз в его распоряжении были руки маленькой девочки, а не двух опытных мужчин. Геккон мог наделять своего хозяина силой, заставляя не чувствовать боль, искажать лица... но он не мог увеличить размах рук или заставить маленькие пальцы обхватывать большие зацепы.

Геккон попытался завладеть Ричардом, но тот отбил атаку.

Больше половины моста уже осталось позади.

— Здесь тебе нет места, — сказал Ричард твари. — Тебе нигде не будет места. Лучше уходи!

Ванесса вдруг обмякла, маленькие руки отпустили зацеп. Ричард поднял ее к себе и прижал лицом к груди.

— Не могу дышать, — произнесла Ванесса своим собственным голосом.

Слишком просто.

В тендере два тела сели и поползли к Ричарду и Ванессе. Геккон нашел руки опытных железнодорожников. Вот когда пригодился бы дробовик. Он сомневался, что мог бы выстрелить в Ванессу, хоть и разбил тарелку о ее лицо, но пристрелить двух мертвецов он сумел бы без малейших угрызений совести.

Геккон без труда управлял одновременно обоими трупами, и это означало, что и в Ванессе могла еще оставаться какая-то его часть. Он вывелся в кабине этого локомотива и здесь был сильнее всего.

Рядом с головой Ричарда в стенку вагона ударился и разлетелся на части кусок угля, брошенный кочегаром. Машинист уже спускался из тендера к платформе у сцепления. Там находился рычаг с уже снятыми предохранителями.

Мост может не обрушиться, но на такой скорости и при таком наклоне отсоединенные вагоны сложатся гармошкой, слетят с рельсов, пробьют балки моста и упадут в озеро.

Небо уже наполнилось рассветом.

Прижимая к себе Ванессу, он почувствовал что-то в кармашке ее пижамы. Переложив ее себе на левое плечо, он правой рукой достал «марш-коды».

Ричард поднял целлулоидный пакетик, подержал его на ветру и отпустил. Тот полетел через озеро в сторону Инвердита. Одна из самых охраняемых военных тайн была отдана на волю ветра.

— Нужно было выучить «марш-коды» на память, — сказал он чудовищу.

Трупы — марионетки геккона запрокинули головы и завyli, как свисток поезда. Потом зазвучал сам свисток. Геккон завладел не только машинистом и кочегаром. Он проник в само железо локомотива, в медь отделки и в скрытую под коготью пурпурную краску. В топке горела его ярость. Его досада вылетала клубящимся паром. Его голод пожирал рельсы.

Ричард подумал, что спас мир, но не себя.

— Что тебя здесь держит? — спросил он.

Мертвые руки потянулись к рычагу. Ричард достал из рукава бритву и щелчком извлек лезвие. Потом быстрыми движениями шесть или семь раз ударил по

грязному почерневшему мясу, рассекая мышечные волокна.

Кисти трупа повисли, пальцы упали на рычаг, как сосиски. Труп неожиданно сделался необитаемым и повалился на сцепление, болтая руками.

«Шотландская стрела» благополучно пересекла Инвердитский мост.

VIII

Освободившийся от геккона труп кочегара лежал неподвижно.

Теперь чудовище было только в самом поезде. Лампы «Шотландской стрелы» призрачно горели зловещим красным светом.

Третья мировая война была предотвращена, если только геккон не найдет способа сообщить советской разведке, что НАТО опять осталось без штанов. Однако все пассажиры поезда могли погибнуть.

Если на такой скорости врезаться в буферы на вокзале Портнакрейрана, поезд разобьется в лепешку. Был и другой вариант: «Шотландская стрела» могла промчаться через вокзал, вылететь на главную портнакрейранскую улицу и, проехав по ней, свалиться с утеса в конце. Геккон, подобно полковнику Морану, задумал совершить громкое самоубийство. Он мог их всех забрать с собой в огне и груде искореженного металла.

Ричард знал главное правило клуба «Диоген»: проблема должна быть решена любой ценой. Отец с первых дней учил его, что цель жизни каждого члена клуба заключается в служении и готовности к самопожертвованию.

нию. Каждый член, каждый талант прошел через это. Дэнни и Анетт были не первыми, кто расстался с жизнью.

Что ж, вероятно, такова цена.

— Мы уже приехали? — спросила Ванесса, положив голову ему на плечо. — Мне спать хочется.

Он ощутил вес ребенка на руках.

В этой битве нужно победить во что бы то ни стало. Ради нее. Сам-то он жил словно не по-настоящему. Появился из ниоткуда и уже много раз должен был умереть. Но, может быть, существовала причина, по которой он пережил детство? Ванесса? Возможно, она должна быть спасена, а не принесена в жертву.

— Нужно еще кое-что сделать, — сказал он. — Ты когда-нибудь мечтала покататься на паровозике?

Она рассмеялась.

— Только дети говорят «паровозик»!

— Ну хорошо, на паровозе.

Смех девочки успокоил его, что ему сейчас и требовалось, хотя он все еще был охвачен ужасом. Имея дело с одержимыми и думая о спасении мира от ядерного катаклизма, он как-то позабыл о страхе. Теперь же, когда от него зависела судьба оставшегося без управления поезда, его снова затрясло.

Усадив девочку на безопасное место, он переступил через мертвого машиниста, поднялся по лесенке на тендер, миновал мертвого кочегара и вошел в кабину. Открытая дверца топки качалась на петлях. Рычаги и рули раскачивались и поворачивались вместе с движением поезда.

Ему вдруг пришло в голову, что он не знает, как останавливают поезда.

— Можно мне погудеть? — спросила Ванесса. Оказывается, она, не испугавшись мертвецов, пошла следом за ним. Веревку свистка она нашла без труда.

Ричард рассеянно ответил, что можно, и стал осматривать кабину, надеясь увидеть какие-нибудь переключатели с полезными подписями наподобие: «Потянуть для уменьшения скорости» или «Экстренное торможение». Он услышал мерзкий смешок геккона в звуке огня в топке. Чудовище точно знало, в каком затруднении он оказался.

Ванесса сделала три долгих гудка, три коротких гудка, а затем снова три долгих гудка, что, как известно любому школьнику, на языке азбуки Морзе означает SOS. Спасите наши души. На помощь! Мэйдей! *M'aidez!* Ричард даже не был уверен, что она понимает смысл этого сигнала. Скорее всего, это было единственным, что она знала из азбуки Морзе.

Солнце уже почти встало, небо было окрашено в цвет крови.

Впереди изгибающиеся плавной дугой рельсы уходили в сторону вокзала Портнакрейрана.

— Море, море! — закричала Ванесса.

Ричард пробормотал себе под нос, что они очень скоро могут слишком хорошо рассмотреть это море, а точнее, не море, а озеро Лох-Линни.

— Кто-то идет, — сказала Ванесса.

«Наверняка опять какая-то беда», — подумал Ричард и обернулся, но никого не увидел.

Ему не хотелось покидать кабину, хоть и приходилось признать, что от его пребывания здесь пользы не было, но он поддался внутреннему порыву. Ведь он, в конце концов, был одним из *чувствительных*, так что, пока

еще у него имелись чувства, лучше было им довериться. Он вернулся через тендер, откуда увидел открытую дверь служебного туалета и стоящего за ней Арнольда с пожарным топором в руках. Он прорубил зеркало. За ним стояли миссис Никлс и Гарри Катли. Ричард выругал себя за недогадливость. Конечно же, за зеркальной стенкой должна была находиться дверь.

Арнольд поднял топор, и Ричард понял, что геккон снова подцепил его на крючок, как форель. Они пришли не ответом на SOS.

Теперь, вдобавок к неуправляемому поезду, на его голову свалился сумасшедший с топором.

Ричард бросился обратно в кабину. Арнольд перепрыгнул через сцепление и пошел по трупам коллег за Ричардом.

Проводник полностью находился во власти геккона. Против его топора у Ричарда была лишь бритва.

Он потянул за первый попавшийся под руку рычаг. Инстинкт не подвел. Локомотив, выпустив струю пара, дернулся, и проводник повалился на колени. Ричард схватился за топор, вырвал оружие из рук Арнольда и отбросил его. Потом взялся за горло Арнольда, занес кулак, наслаждаясь видом нечеловеческого страха — чудовище напугано! — в глазах проводника, и нанес четко выверенный удар. На этот раз удача была на его стороне. Глаза геккона погасли. Арнольд обмяк, из носа хлынула кровь.

Миссис Никлс последовала за Арнольдом. Взявшись за поручень, она закричала:

— Это Дональд! Дональд Мак-Ридли. Я не узнала мерзавца без волос. Он над своими чудесными волосами трясся, как красна девица, когда еще был машинистом, а теперь он — старый лысый козел.

Веки Арнольда — Дональда! — задрожали и открылись.

Так значит, он не был чернорабочим. Или уже не был. Он вернулся на свой поезд. Наверное, предположил Ричард, потому что не мог его покинуть. Оно и не удивительно.

— Машинист! — крикнул Ричард. — Берите управление поездом!

— Пассажирам не разрешается находиться в этой части поезда, сэр, — пробормотал он. — Компания не может нести ответственность за несчастные случаи.

Ричард заметил красные искорки в глазах Мак-Ридли. Поняв, что в него возвращается геккон, он отвесил ему мощную оплеуху. На мгновение глаза прояснились.

— Нужно остановить поезд, — сказал он ему. — Исполните свой долг наконец. Верните себе доброе имя.

— Сделай это ради других, — проворковала миссис Никлс на ухо Мак-Ридли. — Сделай это ради бедного Ника. Ради ЛШАЖ, наконец, чтоб ей пусто было!

Мак-Ридли поднялся.

Торопливо, но как будто во сне, он начал дергать рычаги, поворачивать рули и нажимать кнопки.

Прямо по курсу уже показался вокзал. Солнце блестело на его стеклянной крыше.

Колеса завизжали на рельсах, Ванесса со счастливым выражением лица дернула за веревку гудка.

К ним присоединился Гарри с всклокоченными волосами и перевязанной рукой. Каждый мальчик мечтает побывать в кабине паровоза.

Всем пришлось взяться за что-то, когда поезд резко начал останавливаться у самого вокзала.

Колеса осыпали платформу искрами, испугав раннего носильщика. Поезд врезался в буферы.

Они не разбились, но удар получился сильным.

IX

Дональд Мак-Ридли, он же проводник Арнольд, умер. Когда остановился поезд, закончилась и его жизнь... Как в песне про дедовские часы, остановившиеся в минуту его смерти.

Локомотив № 3473-S отцепили от состава и отогнали на запасные пути. Геккон по-прежнему гнезвился в нем, но нить, связывавшая его с локомотивом и пассажирами, оборвалась. Ричард полагал, что это была цепь стоп-крана, но монстр был накрепко связан с обесчещенным, а ныне покойным машинистом.

— А ведь он был красавчиком, — успокоившись, промолвила миссис Никлс. — Да только поезд свой любил больше, чем любую девушку.

Гарри позвонил Эдвину Винтропу. Он сообщил, что существо поймано, но Ричард знал, что геккон умирал. Когда в топке локомотива № 3473-S погас огонь, чудовище испустило дух. Железная оболочка могла бы стать трофеем. Нужно будет повесить скотоотбойник на стенку в клубе «Диоген».

Фальшивые курьеры отправились на базу НАТО. Миссис Свит пошла в багажный вагон, где ее ждал неприятный сюрприз. Жуткий священник при дневном свете выглядел еще страшнее. Ричард несколько раз прошел мимо него, присматриваясь, дабы убедить себя, что геккон не притаился в новом теле, чтобы продолжить свои козни.

К ним уже мчались полиция и «скорая помощь». Эдвину придется потрудиться, чтобы объяснить смерть Дэнни, Анетт и железнодорожников, не говоря уже о повреждениях самого поезда. Ричард нашел Анетт под столом в вагоне-ресторане и перенес ее тело в купе. Там он положил ее на кровать, на которой она расстелила свою ночную рубашку.

По платформе шнырял американец с прямой спиной, зубами, как у Берта Ланкастера, и подбородком, как у Керка Дугласа.

— Приятель, ты не видал посылку? — спросил он. — «Собственность Коатса»?

Ричард и хотел что-то ответить, но не нашел слов.

Американец побежал дальше, не обратив внимания на Ванессу.

ПОРТНАКРЕЙРАН

Поезд наконец пришел, уже после того, как Ричард закончил рассказ.

Они не спали всю ночь. Начался холодный субботний рассвет.

Они сели не в купе, как раньше, а в общий вагон. Фред спокойно занял место, но Ричард ерзал на сиденье.

— Раньше я любил поезда, — сказал он. — Даже после той поездки на призрачном поезде. Это был хороший способ путешествовать. У тебя было время отдохнуть, почитать, поговорить или просто посмотреть в окно. А теперь это сплошные забастовки и опоздания.

Она ненавидит поезда. Миссис Тэтчер. Для нее каждый, кто ездит на общественном транспорте, — неудачник, не заслуживающий даже презрения. Она погубит железную дорогу. Это будет ужасно. Как и многое-много другое.

У Фреда еще оставались вопросы.

— И все же, Ванесса — она кто?

Ричард пожал плечами.

— Ванесса — это Ванесса, Фред. Она, как и я, не помнит, кем она была, если она была кем-то. В моем случае виновата война, десятилетие хаоса. Тогда было очень легко потеряться, выпасть из списков. А у нее... Этого не должно было случиться. Кто-то оставил ее на Юстонском вокзале с биркой на шее. Она как будто вспоминала, что это была женщина, но не ее мать. Она же не могла быть бездомной, верно?

— А как же Коатс? И тот янки из Портнакрейрана?

— Это был не «капитан-лейтенант Александр Коатс, ВМФ». Это был полковник Кристофер Коннер из стратегического авиационного командования. «Коатс» — это не кличка и не пароль, просто имя на бирке. Винтроп потом проверил. Единственным Александром Коатсом, имевшим хотя бы отдаленное отношение к флоту, был четырнадцатилетний скаут из отряда морских скаутов. Мы хотели проверить систему курьерской доставки «марш-кодов». Но американцы нас не посвятили в подробности, даже несмотря на то, что им была нужна наша помощь, так что это ничего не дало. В конце концов они признали (и это говорит о том, до чего странная у нас оборонная политика), что пошли, как они это называли, на «сторонний контракт». Наняли частную курьерскую фирму, не сообщив им, что они будут перевозить.

Оказалось, что фирма эта представляет из себя один телефон в пустой комнате с шестинедельной задолженностью по аренде. Может быть, какой-то мошенник похищал детей из приютов и под официальным прикрытием переправлял их в Шотландию, где продавал их или как-то от них избавлялся. Этого мы никогда не узнаем. К тому же мы занимались не этим вопросом.

— Вы удочерили Ванессу?

— Нет. Никто ее не удочерил. Если не считать самого клуба «Диоген».

— А у нее фамилия есть?

— Нет. Когда это необходимо, она Кайе. Катриона взяла ее под свое крыло, как и меня в свое время. Без нее мы бы тут все в извращенцев превратились.

После последнего замечания Фред ненадолго замолчал.

— А что стало с гекконом? С Гарри Катли?

— Геккон умер. Если можно сказать, что он жил. Когда локомотив № 3473-S пустили на металлолом, он исчез. Без следа. Гарри долго там ходил с инструментами, пытаясь что-нибудь уловить. Потом «Шотландскую стрелу» возил другой старый паровоз. Затем его заменили дизелем. Гарри ушел из клуба в 1967 году и уехал в Непал. Я стал Самым ценным членом клуба. После специальной церемонии. Тайной, не хуже, чем у масонов. Что было дальше, тебе почти все известно.

Фред задумался.

Он знал многое, но не все. Несмотря на десять лет, проведенных в клубе «Диоген» бок о бок с Ричардом и Ванессой, загадки оставались. Они оба могли удивить его. Однажды, еще до того, как Фред встретил Зарану, они с Ванессой поцеловались, совершенно не-

ожиданно, в самый неподходящий для этого момент. Она сказала ему: «Ты же знаешь, что я — мужчина», и на какой-то ошеломительный миг он поверил ей. Потом она захихикала, они снова вернулись к насущной опасности, и больше между ними никогда ничего не было.

Даже через десять лет он не знал, были ли Ричард и Ванесса когда-нибудь парой. Все вокруг считали, что да, но он сомневался. Не зная про призрачный поезд, он видел, насколько сложными и противоречивыми были их отношения: родство воспитанников уникального в своем роде заведения, но также и забота, ведь Ричард привел Ванессу в клуб так же, как приемный отец привел его самого. Из всех вопросов, которые не давали ему покоя раньше, ответ он получил только на один: откуда у Ванессы взялся шрам через бровь.

В последнее время Ванесса часто куда-то пропадала. Как и сам Фред, разумеется... с Зараной или в Скотленд-Ярде. Но Ванесса выполняла негласные задания, занималась делами *sub rosa*¹. Теперь, когда Ричард занял место в Кабальном совете, клуб, конечно же, ждали перемены. Быть может, теперь Ванесса станет Самым ценным членом? Если есть женщина премьер-министр, почему женщина не может иметь и такой титул? Если, разумеется, она сама этого хочет. А хочет ли она этого, Фред не знал.

Три месяца о ней не было ни слуху ни духу. Пока Ричард с Фредом занимались фанатиками кукурузных хлопьев, она находилась где-то вне пределов досягаемости. Фред видел, что Ричард беспокоится о ней, хоть и был

¹ Тайно, конфиденциально (*лат*)

в ней уверен. После свержения геккона она через многое прошла. Теперь вот это задание...

... в Портнакрейране.

— Все еще не закончилось, верно? — сказал Фред. — Не может быть, чтобы нас случайно прислали именно сюда.

Ричард неопределенно фыркнул.

— Приехали, Инвердит, — сказал он. — На другой стороне платформы — портнакрейранский поезд.

Они соскочили с одного поезда, еще не остановившегося, и запрыгнули на другой, уже тронувшийся.

А потом показался Инвердитский мост. Солнце заискрилось на поверхности озера Лох-Гаэр.

— Здесь родился геккон, — сказал Ричард. — Из Ника Боулера, Дональда Мак-Ридли и локомотива № 3473-S. И из «охваченного адским огнем плевака преисподней», если мое мнение что-то значит. А оно что-то да значит. «Плевок» этот был зародышем, яйцом, которое дожидалось подходящего времени, чтобы вылупиться. Остальные кровавые события, связанные с озером, происходили под влиянием этого еще не родившегося создания. Конечно, это мог быть инопланетянин, а не демон. В конце концов, то, что упало в озеро, мы бы сейчас назвали метеоритом. Пришельцем из космоса. Утонувшие ведьмы и человеческие потроха питали его веками, но ему нужен был транспорт, в прямом смысле. Осколки его оболочки могут все еще находиться там, на дне. Возможно, там была целая кладка.

Фред посмотрел на водную гладь. Пригородный поезд медленно катился по мосту. На балках под облупившейся краской он заметил ржавчину, дырки от вывалившихся

ся заклепок, граффити «Независимая Шотландия», ругательства.

— Страшное место, — сказал он.

— Думай о хорошем, Фредерик, и все будет хорошо.

Здесь все началось. От этой мысли по телу Фреда пробежал холод. Он имел в виду не только то, что здесь родился и был побежден геккон. Здесь начались отношения Ричарда и Ванессы. Ричард, когда садился на призрачный поезд, сам еще был совсем юн. А когда сходил с него...

За мостом, когда впереди наконец показался Портнакрейран и пассажиры начали снимать вещи с верхних полок, у Фреда стало еще тяжелее на сердце. Они ехали с опозданием. Что, если они и правда опоздают? И вообще, к чему эта спешка? Он уже давно научился быть готовым к чему угодно, но какого рода «что угодно» ждало их в Портнакрейране?

— Вы захватили свою винтовку на слонов, шеф?

Ричард лишь фыркнул.

С сумками в руках они сошли с поезда.

Пройдя по платформе, вошли в здание вокзала. Здесь было многолюднее, чем в Каллерс-Холт, но здание быстро пустело.

Основным элементом внутреннего оформления и сердцем вокзала был старый паровоз за невысоким ограждением, отреставрированный, покрашенный и снабженный табличкой.

Ричард замер. Это был 3473-S, локомотив, который возил «Шотландскую стрелу», призрачный поезд, излюбленная материальная форма геккона. Но теперь это был всего лишь выставочный экспонат, не представляющий никакой угрозы. Перед ним стоял какой-то

молодой человек в морской форме. Он повернулся и увидел их

— Мистер Джеперсон, мистер Регент, — сказал он. — Вы чуть не опоздали. Но ничего, нарушим пару дорожных правил и доставим вас на базу вовремя.

Офицер направился к выходу. Фред и Ричард пошли за ним, позабыв о локомотиве № 3473-S.

На привокзальной площади их ждал джип с водителем. Офицер помог им забраться в машину, и Фреда неприятно кольнуло, что с ним обращаются, как со стариком, хотя он только недавно привык думать о себе как о «человеке раннего среднего возраста». В последнее время это стало происходить все чаще и чаще.

— Джим, — представился парень в форме. — Двоюродный брат Эла. У нас морская семья. Когда другие дети мечтали о школе, мы мечтали о кораблях. Как только у нас прорезались зубы, мы записались в морские скауты. Надеюсь, ваша леди понимает, с чем связывается.

Фред и Ричард молча переглянулись

— Мы тут все думаем, что она классная. Для своего возраста

— Мы тоже восхищаемся некоторыми ее качествами.

В голове у Фреда пронеслась смутная фантазия о том, как бы он вышвырнул Джима из джипа.

По извилистой дороге они неслись на огромной скорости. Трое бородатых мотоциклистов и несколько велосипедистов в куртках, которые ехали в противоположном направлении, слетели с дороги и замахали им кулаками, когда Джим весело крикнул им: «Извините!»

— Срочное военно-морское дело, — прибавил он, хотя они не могли его слышать.

Ванесса попала в беду, и, что бы с ней ни случилось, Фред был готов драться.

Джип с ревом пронесся через контрольно-пропускной пункт. Дежурные едва успели поднять шлагбаум, когда Джим помахал им пропуском.

Они попали на базу.

Фред, увидев ряды старых каменных коттеджей, понял, что когда-то здесь находилась рыбацкая деревня. Сборные служебные домики расположились вокруг первоначальной застройки. Подводные лодки, «независимое средство устрашения», теперь были прерогативой британского военно-морского флота. НАТО же (то есть янки) предпочитало межконтинентальные баллистические ракеты, которыми они могли забрасывать Советский Союз прямо из Канзаса, или бомбы, которые можно было взять с вечно окруженной протестующими базы Гринэм-коммон. Впрочем, «марш-коды» использовались до сих пор

На базе что-то происходило. Бегали матросы с винтовками. Появились слухи, что в Южной Атлантике зреет конфликт. Из-за сокращения финансирования военно-морского флота силы из этого региона были выведены так стремительно, что в южно-американских странах, например в Аргентине, легко могли придать этому ошибочное значение. Похоже, что пришло время снаряжать канонерскую лодку, которая напугает потенциальным захватчиком, что Фолкленды продолжают оставаться британскими. Если канонерские лодки еще остались.

Джип, резко развернувшись, остановился, разбрызгивая гравий, перед небольшим зданием. Прежняя деревенская церковь теперь являлась гарнизонной часовней.

— Чуть не опоздали! — воскликнул Джим, выпрыгивая из машины.

Он осторожно, как будто не желая помешать проходившей внутри службе, отворил большую дверь и просигналил рукой Фреду и Ричарду следовать за ним.

Фреду вспомнилось, как Ричард глухой ночью вел его в церковь, чтобы остановить министра, члена тогдашнего кабинета, собиравшегося провести особый ритуал, перерезав горло невинному мальчику-певчему, для того чтобы оживить британскую полимерную промышленность. Министра отправили в отставку по состоянию здоровья и уpekли в Палату лордов, где он уже не мог причинить вреда. Мальчик-певчий теперь часто мелькал в хит-парадах, появлялся на сцене в костюме пирата и пел так, будто ему действительно перерезали горло. Сейчас в церкви проходил другой ритуал.

Никто из прихожан не обернулся на вновь прибывших. Джим провел Фреда и Ричарда к скамье на стороне невесты, и они сели на свободные места рядом с Катрионой Кайе и ее воспитанницей. Ни Эдвина, ни сэра Джайлза не было, но рядом сидели Барбара Корри с прической леди Дианы, окутанная ароматом иланг-иланга, и даже инспектор Прайс из Скотленд-Ярда в новеньком плаще. У Фреда появились смутные подозрения. Он оглянулся по сторонам. Так и есть, Зарана в каком-то невообразимом платье стояла у переднего ряда и щелкала миниатюрным фотоаппаратом, который стянула из его рюкзака с оборудованием для внешнего наблюдения.

— Мы получили телеграммы, — прошептала профессор Корри, взяв Ричарда за запястье.

Ванесса стояла у алтаря в белом платье со шлейфом, ее рыжие волосы скрывала вуаль. Рядом с ней стоял

морской офицер, которого Фред никогда раньше не видел. Жених был в такой великолепной форме, что Фред даже не мог сфокусировать взгляд на его лице. Офицер был при сабле и под рукой держал шлем с плюмажем.

— Как же это? — подумал вслух Фред.

— Давняя история, — прошептала Катриона. — Потом объясню...

Она дотронулась платком до уголка глаза.

Фред посмотрел на Ричарда. Ричард плакал, и Фред даже не мог вообразить, что он должен был чувствовать.

Фред перевел взгляд на алтарь, на капеллана.

— ...Согласен ли ты, Александр Селкерк Коатс, взять Ванессу — ах, фамилия, не указана — в жены...

Фред поднял ошеломленный взгляд на сводчатый потолок.

СОДЕРЖАНИЕ

Слова благодарности.....	5
<i>Эл Саррантонио</i>	
Лето.....	11
<i>Рэмси Кэмпбелл</i>	
Глубоко под землей	37
<i>Джон Гордон</i>	
Ночная смена.....	55
<i>Кристофер Фаулер</i>	
Роскошь злодеяния	75
<i>Марк Сэмюэлс</i>	
Стражи.....	89
<i>Элизабет Хэнд</i>	
Сборщицы шафрана	113
<i>Марк Моррис</i>	
Что противно природе.....	143
<i>Линда Е. Ракер</i>	
Последний рил	167
<i>Джей Лейк</i>	
Мертвые американцы	191
<i>Питер Эткинс</i>	
Между холодной луной и землей	209

<i>Джин Вулф</i>	
Плач в темноте	229
<i>Николас Ройл</i>	
Ошибка последовательности	261
<i>Майкл Бишоп</i>	
Измученный сном пациент доктора Прида	303
<i>Марк Чадборн</i>	
Те, кого мы покидаем	315
<i>Джоэл Лейн</i>	
Встреча	351
<i>Дэвид Джей Шоу</i>	
Похороны	361
<i>Дон Тумасонис</i>	
Заброшенный	413
<i>Кэтлин Р. Кирнан</i>	
Дома поглощены волнами моря	433
<i>Дэвид Моррелл</i>	
Они	481
<i>Фергюс Гуинплейн Макинтайр</i>	
Механический ужас	513
<i>Ричард Кристиан Мэтесон</i>	
Делаю полки	547
<i>Джефф Риман</i>	
Прекрасная дочь Пол Пота	553
<i>Глен Хиршберг</i>	
Улыбка дьявола	611
<i>Ким Ньюман</i>	
Человек, который сошел с призрачного поезда	655

Літературно-художнє видання

Запах страху. Колекція жахів

(російською мовою)

За редакцією *Стівена Джонса*

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *К. В. Шаповалова*
Відповідальний за випуск *О. В. Трефілова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 02.08.2013. Формат 84х108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 42,84. Наклад 10 000 пр. Зам. № 3-0771.

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Енгельса, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Запах страха. Коллекция ужаса

Под редакцией *Стивена Джонса*

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Е. В. Шаповалова*
Ответственный за выпуск *Е. В. Трефилова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Вережкин*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 02.08.2013. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 42,84. Тираж 10000 экз. Зак. № 3-0771.

ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Ангельса, 11
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г Москва, пр Мира, 68, стр 1-А
тел +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

«Книжный Клуб

«Клуб Семейного Досуга»»

61140, г Харьков-140,
пр Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

ДОНЕЦК

ООО «ПКФ «Универсальный бизнес»»

83096, г Донецк, ул Куйбышева, 131-Г
Тел +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92, +38 (062) 348-37-86
e-mail ksd@kredo.net.ua

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю. Д.

69057, г Запорожье, ул Новостроек, 3
Тел +38 (050) 347-05-68
e-mail rego_center@ua

**Одесское
подразделение**

65063, г. Одесса, ул. Армейская, 8-В
тел. +38 (048) 776-07-67
e-mail odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88

e-mail: support@bookclub.ua

Интернет-магазин: www.bookclub.ua

«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 78-25-25

e-mail: order@ffc-bookclub.ru

Интернет-магазин: www.ksdbook.ru

«Книжный клуб», а/я 4, Белгород. 308961

Коли ви відкриєте цю книгу, страчений кат повернеться, аби закінчити те, що розпочав... Доглядачка покинутого маяка так вас привітає, що ви мріятимете про це забути... І навіть якщо вам пощастить повернутися з цього міста — ви вже не станете колишнім... Адже від власного страху нікуди не сховатися.

Запах страха. Коллекция ужаса / под ред. С. Джонса ; пер. 3-30 с англ. В. Михалюка : худож. А. Печенежский, Г. Печенежская. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2013. — 816 с. : ил.

ISBN 978-966-14-5639-5 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2542-3 (Россия)

ISBN 978-1-84529-481-6 (англ.)

Когда вы откроете эту книгу, казненный палач вернется, чтобы закончить начатое... Смотрительница заброшенного маяка окажет вам прием, который вы не сможете забыть... И даже если вам удастся вернуться из этого города — вы никогда не станете прежним... Ведь от собственного страха никуда не спрятаться.

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ

ЗАПАХ СТРАХА

Более 20 авторов — от всемирно известного Дэвида Моррелла, создателя легендарного Рэмбо, и Марка Морриса, автора романов о Хеллбое и Докторе Кто, до Ричарда Кристиана Мэтесона, одного из самых успешных сценаристов Голливуда, и непревзойденного Кристофера Фаулера, которого по праву называют одним из отцов интеллектуального триллера.

Более 20 произведений — от фэнтези до настоящего хоррора!

Более 20 ваших самых страшных кошмаров, скрывающихся в заброшенных домах, темных аллеях и поздних телефонных звонках...

Проводник не обращал внимания на обезумевшее существо в облике девочки, которое ползало между кабинками, изгибая спину и высовывая язык — шесть дюймов розово-голубой плоти. Косички стояли торчком, как будто их тянули за невидимые нити. Существо было похоже на гигантского геккона, напавшего на себя кожу девочки, которая в некоторых местах болталась свободно, а в некоторых сидела слишком плотно. Когда его конечно-сти двигались, кожа едва не разрывалась.

Один глаз был полностью залит кровью, второй устремлен на Ричарда.

Девочка зашипела.

А потом геккон стал двуногим. Он поднялся, напрягая спину, как натянутый лук. Передние лапы превратились в гибкие руки с безвольно висящими кистями. Живот оторвался от ковровой дорожки на проходе между кабинками. Изогнув змееподобные задние лапы, существо подпрыгнуло и встало, широко расставив ноги и опустив плечи, как будто балансируя невидимым хвостом.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-2542-3

9 785991 025423

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-5639-5

9 789661 456395